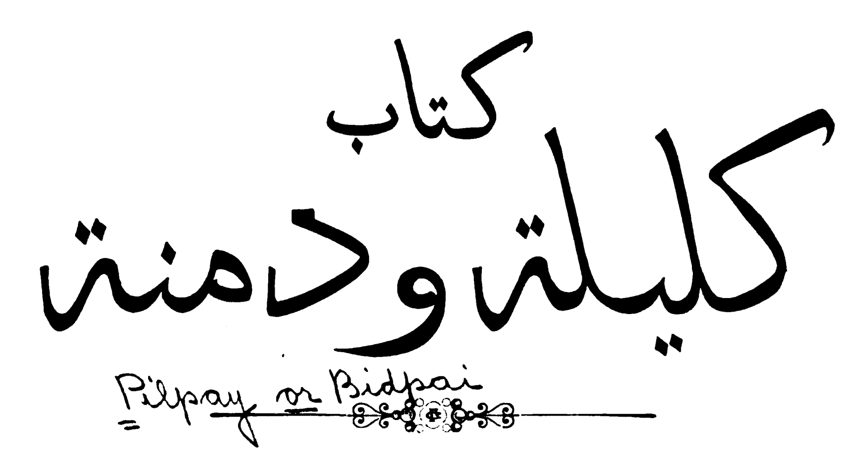

WIDENER
HN YF9Z /

КНИГА КАЛЙЛАҺ И ДИМНАҺ

(СБОРНИКЪ БАСЕНЪ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ БИДПАЯ)

ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО

М. О. АТТАЯ,
преподователя
АРАБСКАГО ЯЗЫКА,

и

М. В. РЯБИНИНА,
студента III курса
СПЕЦІАЛЬНЫХЪ КЛАССОВЪ

ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

съ введеніемъ М. В. Рябинина о происхожденіи и исторіи этого сборника, съ приложеніемъ синоптической карты распространенія его въ литературахъ Европы и Азіи, съ примѣчаніями и прибавленіями къ тексту, собранными и переведенными М. О. Аттая.

МОСКВА
Типографія и словолитня О. О. Гербека, Чернышевскій пер., № 5
1889.

Дозволено цензурою Москва, 5 Октября, 1889 года.

КНИГА
КАЛИ̂ЛАЂ и ДИМНАЂ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе переводчиковъ I
Введеніе III
1. Древне-сирійская версія XVIII
2. Арабская версія XXVI
Истоки арабской версіи.
A. Ново-сирійская версія XLIV
B. Греческая версія XLVII
а. Славянскія версіи LII
б. Древне-итальянская версія LVI
C. Персидская версія LIX
а. Äнвâр-е Соhäйлй . . . . —
Истоки Äнвâр-е Соhäйлй. LXI
α. ʿEyâr-e Dâneš LXI
αα. Персидскій ʿEyâr-e Dâneš . . . LXII
β. Турецкій Hymâyn nâmeh . . . . —
γ. Грузинская версія LXIV
D. Еврейская версія LXV
а. «Directorium» Іоанна Капуанскаго . . . LXVII
α. Нѣмецкая версія LXVIII
β. Чешская версія LXX
γ. Испанская версія . . . . —
а. Discorsi degli animali . . . . . —
б. «Moral filosophia» Doni LXXI
αα. Англійскій переводъ . . . . —
ββ. Французскій переводъ . . . LXXII
Истоки нѣмецкой версіи. . . . . —
α. Датская версія . . . . —
β. Голландская версія . . . . —
E. Древне-испанская версія LXXIII
а. Латинскій переводъ Раймунда LXXIV
Разсмотрѣніе отдѣльныхъ главъ арабской рецензіи . LXXV
Указанія о допущенныхъ сокращеніяхъ XCIV

	Стран.	Строк.
I. Предисловіе Баhнӯда бень соhвâнъ	1	
1) Жаворонокъ и слонъ	6	18
II. Глава о миссіи Барзуйэ въ Индію	24	
III. Изложеніе содержанія книги, составленное ʿАбдуллâhомъ бень ʾАльмоķаффаʿ	32	
1) Человѣкъ и кладъ	33	8
2) Ученикъ и желтый листокъ	33	35
3) Человѣкъ и воръ	34	18
4) Зрячій и слѣпой	35	16
5) Бѣдный человѣкъ и воръ	36	20
6) Купецъ и его товарищъ	38	13
7) Купецъ и воръ	39	20
8) Три брата	40	6
9) Рыболовъ	40	36
IV. Глава о Барзӯйэ, составленная Бузуржмиhромъ бень ʾаль-Бахтэгâнъ	44	
1) Довѣрчивый, воръ и купецъ	46	21
2) Глупый человѣкъ и его любовница	48	8
3) Купецъ и мастеръ-ювелиръ	49	18
4) Человѣкъ и колодецъ	54	25
V. Левъ и быкъ	56	
1) Человѣкъ, волкъ и воры	58	1
2) Обезьяна и плотникъ	59	18
3) Лисица и барабанъ	65	12
4) Отшельникъ и воръ	67	35
5) Горныя козы и лисица	68	8
6) Мужчина и женщина	68	16
7) Башмачникъ и его жена	68	25
8) Цырюльникъ и его жена	69	4
9) Воронъ, черная змѣя и шакалъ	72	1
10) Цапля и ракъ	72	18
11) Левъ и заяцъ	74	21
12) Три рыбы и два рыболова	77	14
13) Блоха, богатый человѣкъ и вошь	79	29
14) Утка и отраженіе звѣзды	83	15
15) Левъ, волкъ, воронъ, шакалъ и верблюдъ	86	4
16) Птица Ṭйṭауâ и морской духъ	89	28
17) Двѣ утки и черепаха	90	9

		Стран.	Строк.
	18) Стая обезьянъ и птица	92	21
	19) Лукавый и простоватый	93	9
	20) Купецъ и его другъ	95	23
VI.	Глава о слѣдствіи по дѣлу Димны	98	
	1) Жена купца и художникъ	101	1
	2) Дочь царя и мнимый врачъ	106	1
	3) Пахарь и его двѣ жены	107	28
	4) Знатный человѣкъ, его жена, сокольникъ и попугай	112	17
VII.	Глава о голубѣ-вяхирѣ	116	1
	1) Исторія одной крысы	121	5
	2) Отшельникъ и его гость	121	15
	3) Женщина и отшелушенный сезамъ	121	36
	4) Охотникъ, кабанъ, волкъ, лукъ и стрѣлы	122	12
VIII.	Глава о совахъ и воронахъ	131	
	1) Царь слоновъ и заяцъ	134	33
	2) Сифридъ, заяцъ и кошка	136	23
	3) Отшельникъ, ягненокъ и воры	139	30
	4) Купецъ, его жена и воръ	141	29
	5) Отшельникъ, корова, воръ и шайтанъ	142	13
	6) Плотникъ и его жена	143	9
	7) Отшельникъ и мышенокъ	144	36
	8) Черная змѣя и лягушки	147	31
IX.	Глава объ обезьянѣ и черепахѣ	152	
	1) Левъ, шакалъ и оселъ	155	3
X.	Глава объ отшельникѣ и ласкѣ	151	
	1) Отшельникъ и сосудъ съ масломъ и мёдомъ.	157	30
XI.	Глава о Крысѣ и кошкѣ	160	
XII.	Глава о Царѣ и птицѣ Фанзаһ	166	
XIII.	Глава о Львѣ и ша'һарѣ отшельникѣ, онъ же шакалъ	172	
XIV.	Глава о 'Иладһѣ, Баладһѣ и 'Ирахтѣ	180	
	1) Два голубя	188	38
	2) Человѣкъ съ корзинкою чечевицы и обезьяна	189	25
XV.	Глава о Львицѣ, всадникѣ и Ша'һарѣ	193	
XVI.	Глава объ Отшельникѣ и его гостѣ	196	
	1) Воронъ и куропатка	196	31
XVII.	Глава о Пилигримѣ и золотыхъ дѣлъ мастерѣ	198	

СТРАН.

XVIII. Глава о Сынѣ царя и его товарищахъ 202

Примѣчанія:

Къ I главѣ. 209
» II главѣ. 209
» III главѣ. 213
» IV главѣ. 215
» V главѣ. 217
Цапля, змѣя и ракъ:
Арабскій текстъ 226
Русскій переводъ. 226
» VI главѣ. 228
» VII главѣ. 233
» VIII главѣ. 235
» IX главѣ. 238
» X главѣ. 241
» XI главѣ. 242
» XII главѣ. 243
» XIII главѣ. 243
» XIV главѣ. 247
» XVII главѣ. 261

Прибавленія:

1) глава о голубкѣ и птицѣ Маликъ аль-ḥазинѣ.
Арабскій текстъ 262
Русскій переводъ 264
2) глава о царѣ мышей и его министрахъ.
Арабскій текстъ 266
Русскій переводъ 277

Синоптическая карта.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпустить въ свѣтъ русскій переводъ арабскихъ басенъ Калûлаh и Димнаh намъ казалось вполнѣ необходимымъ и своевременнымъ. Это мнѣніе находило у насъ особенное подтвержденіе въ томъ, что до сихъ поръ русская литература не имѣетъ такого перевода; точно также большое значеніе мы придавали тому факту, что существующіе въ западно-европейской литературѣ три перевода помимо того, что всѣ относятся уже къ антикварнымъ рѣдкостямъ, добыть которыя весьма затруднительно, ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ двухъ не даетъ желательной передачи подлинника, одинъ, слишкомъ вольно обращаясь съ его содержаніемъ, другой, опуская всѣ четыре начальныя главы. Такимъ образомъ вовсе не будетъ преувеличеніемъ сказать, что современный образованный читатель былъ лишенъ возможности хорошо освоиться съ содержаніемъ Калûлы и Димны. Между тѣмъ важность и необходимость близкаго знакомства съ этимъ сборникомъ, обошедшимъ весь Старый Свѣтъ (и между прочимъ въ нашу литературу проникшимъ подъ именемъ Стефанита и Ихнилата) и слѣдовательно оказавшимъ извѣстное культурное вліяніе на Европу, не можетъ быть оспариваема. Это станетъ еще яснѣе, если мы скажемъ, что Калûлаh и Димнаh представляла полный житейскій кодексъ, правила котораго сейчасъ-же примѣнялись на дѣлѣ многочисленными его читателями, которые, дѣйствительно, больше интересовались этою дидактическою стороною сборника, нежели приводимыми въ немъ въ доказательство баснями и повѣстями, по большей части однако отличающимися весьма интересной и занимательной концепціей.

II.

Арабскимъ подлинникомъ для нашего перевода служило изданіе арабскаго текста Сильвестра де Саси. Научныя разысканія касательно возстановленія первоначальнаго текста сборника, возникшія въ Западной Европѣ и привлекшія вниманіе выдающихся ученыхъ, какъ-то Th. Nöldeke, W. Wright, J. Derenbourg, E. Teza—доказали, что изданіе De Sacy можетъ быть усовершенствовано, что̀ отчасти и исполнено I. Guidi, экстракты котораго приведены у насъ въ переводѣ въ примѣчаніяхъ, содержащихъ также интересныя дополненія, заимствованныя нами изъ Бейрутскаго изданія текста Калûлы и Димны. Какъ бы то ни было, не имѣя подъ руками ни одной рукописи, мы были поставлены въ невозможность поработать надъ лучшимъ изданіемъ арабскаго текста, которое, впрочемъ, потребовало-бы отъ насъ столько времени и средствъ, на какія мы во всякомъ случаѣ не могли разсчитывать. Наконецъ, намъ казалось интереснымъ познакомить русскую образованную публику съ подлинникомъ, въ томъ видѣ какъ онъ отразился въ изданіи великаго основателя арабской филологіи, которое вызвало уже на Западѣ цѣлую научную литературу, въ то время какъ у насъ о немъ мало кто знаетъ.

Что касается самаго перевода, то исполняя его мы имѣли въ виду соединить наиболѣе точную передачу текста съ возможнымъ соблюденіемъ условій русскаго литературнаго языка. Прибавляя къ этому, что указанныя качества мы всегда считали необходимыми аттрибутами перевода, гдѣ весьма желательно удержаніе колорита, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщеніе такихъ свойствъ, которыя дѣлали бы его одинаково годнымъ и для цѣлей научныхъ и для литературныхъ, мы представляемъ свой трудъ на судъ благосклонныхъ читателей.

Переводчики.

Читано въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Импер. Московск. Археолог. Общества, 20 апрѣля 1889 г.

Калйлаh и Димнаh: ея происхожденіе и исторія.

Сборникъ басенъ и повѣстей, предлагаемый нами публикѣ въ переводѣ съ арабскаго, пользовался во все время громадною популярностью у всевозможныхъ національностей, находя такое число читателей, какого не имѣла пожалуй ни одна книга за исключеніемъ развѣ Библіи, и шагъ за шагомъ, подъ разными названіями,—какъ-тȯ Калйлаh и Димнаh, Паньчатантра, Ӓнвâр-е Соhäйлй (resp. Анвâр-и Суhайлй), Стефанитъ и Ихнилатъ, Басни Бидпая,—обходя весь Старый Свѣтъ. Зародившись на Востокѣ, обязанный своимъ происхожденіемъ Буддизму, обширный складъ индійскихъ повѣстей и басенъ постепенно распространялся въ цѣломъ, а иногда и въ отрывочномъ видѣ, по тѣмъ странамъ, куда только проникала религія Будды, слѣдуя за нею, такъ сказать, по пятамъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу съ нимъ познакомился Тибетъ, затѣмъ Китай, наконецъ Монголія; распространеніе индійскихъ ска-

зокъ и басенъ на этой почвѣ, шло какъ и всегда, двумя путями, какъ посредствомъ литературы, такъ и черезъ устную передачу, но, конечно, послѣднiй способъ былъ гораздо болѣе въ ходу, даже, говоря о Монголiи слѣдуетъ разумѣть исключительно почти его одного. Очутившись въ Монголiи, этому древнему литературному складу оставалось сдѣлать только шагъ, чтобы оказаться въ Европѣ. Дѣйствительно, перiодъ двухсотлѣтняго господства монголовъ въ Россiи былъ временемъ довольно дѣятельнаго ознакомленiя населенiя восточной Европы съ замѣчательными индiйскими баснями, которыя принесли съ собою завоеватели; разумѣется, это ознакомленiе шло почти исключительно устнымъ путемъ. (Для примѣра можно взять Шемякинъ Судъ). Интересно, что басни проникавшiя въ Европу этимъ путемъ обнаруживали, повидимому, тенденцiю продвигаться и на Западъ. По крайней мѣрѣ одна чешская сказка[1]) представляется аналогичною монгольской въ сборникѣ Arği Borği Xan (служащемъ отраженiемъ индiйскаго Sịhâsana-dvâtriṇçati «тридцать два (разсказа) трона Викрамадитьи; причемъ самое имя Arği Borği есть искаженное Râğa Bhoğa); мало того, одинъ французск. fabliau=XVIII разсказу въ Шиддикурѣ[2]). Послѣднiй сборникъ воспроизводитъ ин-

[1]) Národni Báchorky a Povĕsti od Boženy Nĕmcové, 1854, XII, 3 sqq.

[2]) PB. I Theil. Vorrede XXIV. Note 1. Benfey не приводитъ его изъ-за непристойности содержанiя, указывая на Le Grand d'Aussy, II, 359 и (полн.) Barbazan, IV, 287.

дійскій сводъ разсказовъ, извѣстный подъ названіемъ Vetâlapañčavinçati «двадцать пять (разсказовъ демона) Vetâla»; самое названіе šiddi-kûr передаетъ санскритское заглавіе, такъ какъ ᠰᠢᠳᠳᠢ šiddi [3]) = санскр. सिद्धि siddhi «магическая, волшебная сила, Zaubermacht» и замѣняетъ въ данномъ случаѣ санскр. Vetâla (духъ, поселяющійся въ тѣлѣ умершаго), причемъ монг. kûr (изъ kehur) «трупъ» дополняетъ šiddi: итакъ, перевести монгольское заглавіе можно «трупъ, одаренный магической силой» (Въ сборникѣ, дѣйствительно, разсказывающимъ лицомъ является «святой трупъ»).

Продвигаясь въ Европу указаннымъ путемъ, индійскія сказки получили громадную способность передвиженія благодаря той во всякомъ случаѣ блестящей обработкѣ, которую книга Калйлаh и Димнаh получила на почвѣ ислâма. Такимъ образомъ вторая религія оказывается уже связанною съ судьбою нашего сборника. Правда, арабская обработка была не самостоятельна, она основывалась на пеhлевійской редакціи, которая до насъ не дошла, но нѣтъ сомнѣнія, что не будь этой арабской обработки, т. е. сдѣланной на языкѣ ислâма, на томъ языкѣ, который вдругъ въ короткое время сталъ раздаваться какъ въ Багдâдѣ, такъ и на берегахъ

---

[3]) Чтеніе šiddi, а не siddi — единственно правильное, такъ какъ s въ монгольск. произношеніи передъ і выговаривается какъ š, подобно тому какъ с передъ і превращается въ č (напр. ᠴᠢᠰᠤᠨ čisun, кровь).

Гвадалкивира, трудно сказать, какой духовной пищи и какого наслажденія были бы лишены европейскіе народы въ теченіе долгихъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, арабская версія, исполненная знаменитымъ въ исторіи арабской литературы дѣятелемъ ʿAbdu-llâh bnu-lMuķaffaʿ послужила основаніемъ еврейской обработкѣ, латинскій переводъ которой далъ начало итальянскому, чешскому и нѣмецкому, а на послѣднемъ основываются датская, голландская и, отчасти испанская, рецензіи. На арабской же версіи держится греческій переводъ, который произвелъ почти всѣ славянскія версіи и одну итальянскую. На ней же косвеннымъ образомъ держится персидская рецензія, послужившая непосредственною инстанціею для грузинской версіи. Наконецъ, есть и вполнѣ самостоятельно сработанная версія, испанская, представляющая переводъ съ арабскаго. Вотъ эскизъ распространенія потомства арабской Калйлы и Димны, въ то время какъ пеҺлевійская редакція, давъ рожденіе рядомъ съ Калйлой и Димной древней сирійской версіи, оставшейся притомъ до сихъ поръ совершенно бездѣтной, сама угасла, притомъ до такой степени, что до сихъ поръ нельзя отыскать ея слѣдовъ.

Хотя пеҺлевійская редакція основана на индійскихъ матеріалахъ, которые послужили первоначальной инстанціей для всѣхъ позднѣйшихъ обработокъ, тѣмъ не менѣе санскритская литература не сохранила намъ этихъ подлинныхъ основъ въ полномъ и такъ сказать соединенномъ видѣ. Наиболѣе извѣстнымъ индійскимъ сборникомъ, близко воспроизводящимъ первоначальный индійскій элементъ

Калйлы и Димны, является Паньчатантра[4]), или «пятикнижіе»; онъ состоитъ, какъ показываетъ само заглавіе, изъ пяти «книгъ», или главъ, соотвѣтствующихъ по порядку: V, VII, VIII, IX и X главамъ текста De Sacy (см. русск. переводъ стр. 42). Этотъ литературный памятникъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ, получилъ свою окончательную форму въ сравнительно позднее время; это произошло тогда, когда буддизмъ былъ вполнѣ вытѣсненъ изъ Индіи и когда брâhманизмъ сталъ утилизировать буддійскую литературу для своихъ цѣлей. При этомъ становится понятнымъ, уже a priori, что при подобной операціи, которой подвергся со стороны брâhмановъ первоначальный индійскій кодексъ, не могли остаться неискаженными или прямо невычеркнутыми тѣ разсказы

---

[4]) Издалъ этотъ сборникъ въ первый разъ Kosegarten: Pantschatantrum sive quinquepartitum de moribus exponens ex codicibus manuscriptis edidit Jo. Godofr. Ludov. Kosegarten. Bonnae ad Rhenum, 1848, in-8°. Другое изданіе имѣло мѣсто въ Бомбаѣ, въ 1868-69; его предприняли въ Sanscrit Classics for the use of high Schools and Colleges, Kielhorn и Bühler. Переведена Pañčatantra была не разъ. Изъ переводовъ прежде всего заслуживаетъ вниманія Pantschatantra: Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Aus dem Sanskrit übersetzt mit Einleitung und Anmerkungen von Theodor Benfey, Leipzig, 1859, 2 Bde in 8°; Затѣмъ, Pantchatantra ou les Cinq Livres, recueil d'apologues et de contes, traduit du sanscrit par Edouard Lancercau. Paris, 1871, in-8°. Первый подробный анализъ далъ Wilson: Analitical Account of the Pancha Tantra, illustrated with occasional translations, въ Transactions of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, v. I, London, 1827, p. 155-200. Около поло-

сборника, которые были проникнуты непримиримою ненавистью и враждой къ брâhманамъ. Дѣйствительно, одна изъ наиболѣе яркихъ въ этомъ смыслѣ главъ, именно соотвѣтствующая XIV текста De Sacy и IX древне-сирійской версіи, до сихъ поръ не можетъ быть отыскана на почвѣ Индіи — такъ безслѣдно она была вытравлена изъ литературы. Однако въ томъ, что она одно время существовала на самомъ дѣлѣ въ Индіи, не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ отсюда она перешла въ Тибетъ, войдя въ составъ буддійскаго сборника Канджура. Ближайшимъ образомъ съ Паньчататрой связано извлеченіе Сомадевы, исполненное имъ въ началѣ XII стол. и носящее заглавіе Kathâsaritsâgara т. е. «океанъ какъ потоки вливающихся разсказовъ», 59, 60 и 61 Taranga котораго соотвѣтству-

---

вины первой книги переведено Галаносомъ, аѳинняниномъ, жившимъ въ Индіи отъ 1786-1833, въ его трудѣ, изданномъ 1851 г. (стр. 3-74): Χιτοπαδασσα, ἤ Παντσα Ταντρα (Πεντατευχος) συγγραφεῖσα ὑπὸ τοῦ σοφοῦ Βισνουσαρμανου καὶ ψιττακοῦ μυθολογίαι, νυκτεριναὶ, μεταφρασθέντα ἐκ τοῦ βραχμανικοῦ παρὰ Δημητρίου Γαλανοῦ, Ἀθηναίου, νῦν δὲ πρῶτον ἐκδοθέντα δαπάνῃ μὲν καὶ μελέτῃ Γεωργίου Κ. Τυπαλδοῦ. Ἐν Ἀθήναις. 1851, in-8°. Версіи Паньчатантры на туземныхъ индійскихъ языкахъ довольно многочисленны. Въ особенности интересна по своей формѣ такъ называемая «южная Pañčatantra» изданная аббатомъ Dubois (бывшимъ миссіонеромъ въ Майсурѣ) въ 1826 году въ избранныхъ переводахъ съ трехъ рукописей: на языкахъ тамулъ, телинга и канара (resp. каннада): Le Pantcha-Tantra, ou Les Cinq Ruses, fables du brahme Vichnou-Sarma; Aventures de Paramarta, et autres contes; le tout traduit pour la première fois sur les originaux indiens. Paris, 1826, in-8°.

ютъ первымъ тремъ книгамъ Паньчатантры[5]). Въ подобномъ же отношеніи къ санскритскому Пятикнижію стоитъ Hitopadeça, или «добрый совѣтъ». Редакція этого сборника восходитъ уже къ новому времени. Этотъ сборникъ помимо Паньчатантры, съ содержаніемъ которой онъ обращается довольно своевольно, основывается на какомъ то другомъ еще неизвѣстномъ источникѣ; по крайней мѣрѣ, изъ 43 разсказовъ и притчъ, заключающихся въ сборникѣ, 17 извлечены именно изъ этого неизвѣстнаго источника. Hitopadeça переведена на нѣсколько языковъ, въ томъ числѣ и азіатскихъ, между прочимъ и на персидскій[6]). Наконецъ, есть еще одинъ

---

[5]) PB. I Theil. Einleitung. § 4. S. 18. Текстъ, а равно и переводъ, издалъ Brockhaus: Katha Sarit Sagara. Die Märchensammlung des Sri Somadeva Bhatta aus Kaschmir. Erstes bis fünftes Buch. Sanskrit und Deutsch herausgegeben von Brockhaus. Leipzig, 1839, in-8°. Нѣмецкій переводъ вышелъ отдѣльно въ двухъ томахъ, Leipzig, 1843, in-12°. Продолженіе санскр. текста появилось въ Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Bd. II & IV, Leipzig, 1862 и 1866, in-8°. Сравнительно недавно перевелъ на англ. яз. Tawney (Bibliotheca Indica, Fascic. VII, Calcutta, 1881). Для полноты описанія этого памятника слѣдуетъ прибавить, что помимо трехъ первыхъ книгъ Паньчатантры, въ немъ уцѣлѣло три басни четвертой и одна пятой.

[6]) Существуютъ, напр., версіи на яз. bangâlî, marâṭhî и на различныхъ индустантскихъ діалектахъ. Между послѣдними самая замѣчательная изданная на яз. braǧbhâkhâ ученымъ брâhманомъ Lallû-Lâl: Rajneeti (т. е. Râǧnîti, или «политика царя»); or Tales exhibiting the moral doctrines and the civil and military policy of the Hindoos; translated from the original sanscrit of Narayun (т. е. Nârâyana-мнимаго автора сборника Hitopadeça) Pundit (Paṇḍit), into Brij Bhasha, by Sree Lulloo Lal Kub. Cal-

литературный памятникъ въ Индіи, гдѣ нашли себѣ пріютъ нѣкоторыя главы Калйлы и Димны. Это именно Mahâbhârata, гдѣ мы находимъ три повѣсти тождественныя съ XI, XII, XIII главами арабскаго текста De Sacy и съ V, VII, VIII гл. древне-сирійской версіи. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что главными складами индійской новеллистики, имѣющими

---

cuta, 1809, in-8°. Персидская версія принадлежитъ одному муфти Tâğu-ddîn, который въ первой половинѣ XVII ст. перевелъ Гитопадешу подъ заглавіемъ مفرّح القلوب Mofarreḥu-lḳolûb, т. е. «веселящій сердце.» (Въ первый разъ подробно описалъ эту версію Silvestre de Sacy въ Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi, vol. X) На этомъ переводѣ, или вѣрнѣе, имитаціи основывается индустантская версія, которую издалъ въ 1803 г. Mîr Bahâdur 'Alî Ḥusainî подъ заглавіемъ أخلاق هندى Axlâḳ-e hindî, или «Индійская этика» (Ukhlaqi Hindee, or Indian Ethics, translated from a Persian version of the celebrated Hitoopades, or Salutary Counsel, by Meer Buhadoor Ulee, neadmoonshee in the Hindoostanee department of the New College, at Fort-William, for the use of the students. Calcutta, 1803, in-4°). Изъ европейскихъ переводовъ, которые почти всѣ датируются нынѣшнимъ столѣтіемъ, предоминируютъ англійскіе. Англичане первые познакомили ученую Европу съ Гитопадешой. Самымъ стариннымъ является переводъ Вилькинса: The Heetopades of Veeshnoo-Sarma, in a series of connected Fables interspersed with moral, prudential and political maxims; translated from an ancient manuscript in the Sanskreet language, with explanatory notes, by Ch. Wilkins. Bath, 1787, in-8° (Первая глава этого изданія переведена у Langlès: Fables et Contes indiens nouvellements traduits etc. Paris, 1790, in-18°.) Слѣдующій переводъ принадлежитъ извѣстному Вилльяму Джонсу (William Jones); онъ относится къ 1799 г. и заключается въ VI томѣ его трудовъ изд. 1799, London, и въ XIII томѣ изд. 1807. Затѣмъ заслуживаютъ особаго вниманія переводы Макса Миллера (Hitopadesa. Eine alte indische Fabel-

самое близкое отношеніе къ Паньчатантрѣ и ея истокамъ, служа для нея матеріалами, являются упомянутыя нами раньше Vetâlapañčaviņçati и Sịhâsana dvatriņçati, а равно Çukasaptati[7]), Daçakumačarita, Vikramačaritra и пр.

---

sammlung, aus dem Sanskrit zum erstenmal in das Deutsche übersetzt von M. Müller. Leipzig, 1844, in-12°) и Франсиса Джонсона (Hitopadesa ;or Salutary Counsels of Vishnu Sarman, in a series of connected Fables, interspersed with moral, prudential, and political maxims, translated literally from the original into english, for the use of the sanskrit student, by Francis Johnson. London, 1848, in-4°). Самое древнее изданіе текста на европейской почвѣ представляетъ Hitopades'a or Salutary Instruction. In the original sanskrit (by Carey, съ веденіемъ Colebrooke'a), Serampore, 1804, in-4°. Затѣмъ слѣдуетъ Hitopadesha: a Collection of Fables and Tales in Sanscrit, by Vishnusarma, with the Bengali and English translations revised (by Wilkins). Calcutta, 1830, in-8°; анонимное изданіе: The Hitopadesa in the Sanscrita language. London, 1810, in-4°. Hitopadesas id esl Institutio salutaris. Textum codd. mss. collatis recensuerunt, interpretationem latinam et annotationes criticas adjecerunt A. G. a Schlegel et Chr. Lassen. Bonnae ad Rhenum, 1829—1831, in-4°; Hitopadeș'a. The Sanskrit text, with a grammatical analysis, alphabetically arranged. By Francis Johnson. London and Hertford, 1847, in-4°; наконецъ, изданіе Макса Миллера, въ его Handbooks for the study of Sanscrit (съ англ. переводомъ). London, 1864—65, и калькуттское изданіе 1876 г.: Hitopadesha, by Vishnu Sharma. Edited with notes by Prof. Taranatha Tarkavachaspati, 1876.

[7]) Çukasaptati, или «семьдесятъ (разсказовъ) попугая» получили большую распространенность. Персидская обработка ихъ, исполненная Нахшабй подъ заглавіемъ طوطی نامه Ţûţînamäh «книга попугая» и послужившая оригиналомъ для экстракта, предпринятаго въ XVII в. Мухаммедомъ Ķâдирй, переведена на англ. яз.— сначала B. Gerrans'омъ: Tales of a Parrot; done into English from a persian manuscript intitled tooti Namêh, esc. Vol I (единствен-

Въ VI вѣкѣ по Р. Х., въ царствованіе Нӯшӣрвâна Справедливаго (531—579), индійскій сказочный матеріалъ—въ томъ объемѣ какъ мы его знаемъ изъ сравненія различныхъ версій Калӣлы и Димны—переходитъ изъ Индіи въ Персію, гдѣ получаетъ обработку на тогдашнемъ литературномъ языкѣ Персіи—пеhлевӣ. Исторія пріобрѣтенія басенъ получила впослѣдствіи большую тенденцію принимать разнаго рода украшенія, такъ что иногда дѣлается совершенно похожею на повѣсть о находкѣ апокрифической книги. Царскій врачъ Barzûy, разсказываетъ легенда, вывезъ книгу Калӣлаh и Димнаh изъ Индіи, тѣмъ или другимъ образомъ узнавъ о ея существованіи: вотъ что собственно можно извлечь достовѣрнаго изъ этого сказанія. Привезъ ли Barzûy изъ Индіи уже вполнѣ скомпанованное произведеніе, которое ему только предстояло перевести, или ему пришлось исполнять и редакціонную работу, въ точности рѣшить трудно. Скорѣе можно полагать, что онъ соединилъ въ одно цѣлое нѣсколько индійскихъ произведеній, привезенныхъ имъ

ный). London, 1792, in-8°—а затѣмъ Gladwin'омъ (въ Калькуттѣ, 1801), и на нѣмецк. яз. Iken'омъ подъ заглавіемъ: Touti Nameh. Eine Sammlung persischer Märchen von Nachschebi. Deutsche Uebersetzung von Karl Jacob Ludwig Iken. Mit einem Anhange v. demselben und. v. J. G. L. Kosegarten. Stuttgart., 1822 и 1837. Существуетъ еще турецкая обработка, которую перевелъ Georg Rosen: Tuti-Nameh. Das Papagaienbuch. Eine Sammlung orientalischer Erzählungen. 2 Thle. Leipzig. 1858, in-8°. Переводъ санскритскаго оригинала можно найти въ упомянутомъ уже трудѣ Галаноса (гдѣ онъ носитъ заглавіе Ψιττακοῦ μυθολογίαι νυκτεριναί).

въ Персію ради ихъ завлекательнаго содержанія. По крайней мѣрѣ это мнѣніе начинаетъ находить себѣ сторонниковъ[8]). Вся пеһлевійская версія состояла изъ 13 главъ[9]), изъ которыхъ одна вставлена самимъ переводчикомъ: это именно та глава, которая соотвѣтствуетъ X древне-сирійской версіи, гдѣ она носитъ заглавіе «Глава о Мйһрâйadhѣ» (ܫܪܒܐ ܕܡܗܪܐܝܕ[10]) и VIII главѣ ватиканской рукописи Guidi[11]), который даетъ ей заглавіе «(il capitolo) di Behrâm re dei topi», хотя она и не указана въ оглавленіи. Впрочемъ, эта глава не чужда и нѣкоторымъ другимъ арабскимъ рукописямъ, какъ это можно видѣть изъ мемуара Silv. de Sacy, гдѣ онъ довольно подробно останавливается на ней, давая ея заглавіе «царь мышей и его министры»[12]). Nöldeke, между прочимъ, посвятилъ этой главѣ отдѣльную монографію: Die Erzählung vom Mäusekönig und seinen Ministern, Göttingen, Dieterich, 1879[13]). Здѣсь онъ даетъ нѣмецкій пере-

---

[8]) См. Liter. Centralblatt, 1876, n° 31; Jenaer Literaturzeitung, 1878, Artikel 118; Journal asiatique, VII série, tome XIX, 1882, p. 547 (Rubens Duval).

[9]) Kalilag und Damnag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. Text und deutsche Übersetzung von Gustav Bickell. Mit einer Einleitung von Theodor Benfey. Leipzig (Brockhaus) 1876; S. IX, X.

[10]) KDB, стр. 116—127 сир. текста и 114—123 нѣмецкаго перевода.

[11]) Studii sul testo arabo del libro di Calila e Dimna per Ignazio Guidi, Roma (Spithöver), 1873; p. 9.

[12]) Mémoire historique, Silv. de Sacy, приложенный къ его изданію арабскаго текста Калилы и Димны, Paris, 1816; p. 61 sqq.

[13]) Помѣщено въ Abhandlungen der. k. Gesellschaft der Wissenchaften zu Göttingen. Bd. XXV, histor. philol. Classe, 5.

водъ ея на основаніи древне-сирійской версіи и четырехъ арабскихъ рукописей парижской національной библіотеки[14]), колляціонированныхъ для него Zotenberg'омъ. Nöldeke пришелъ къ выводу что Ancien Fonds 1489, тотъ манускриптъ, которымъ меньше всего пользовался Silv. de Sacy, ближе всѣхъ, въ этомъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ, совпадаетъ съ древнесирійскимъ текстомъ. Такъ какъ намъ не удобно будетъ возвращаться къ этой главѣ являющейся въ своемъ полномъ видѣ только въ перечисленныхъ кодексахъ, то мы считаемъ нелишнимъ остановиться здѣсь на ней подробнѣе.

Царемъ мышей, спрашивающимъ своихъ министровъ о средствѣ противъ кошекъ, въ древне-сирійской версіи является уже упомянутый нами Mîhrâyadh — «Mihr идетъ», по объясненію Nöldeke (Mäusekönig, S. 7), который у Биккеля транскрибированъ Mihraid; у Silv. de Sacy[15]) онъ носитъ имя مهرار Mihrâr, весьма близкое сирійской формѣ съ буквою r вмѣсто d, смѣшеніе которыхъ въ арабскомъ письмѣ возможно; формѣ же Mihrâyd въ арабскихъ рукописяхъ должна была предшествовать форма Mihrâîd مهرايد, которая, написанная безъ діакритическихъ знаковъ, легко могла дать происхожденіе имени Mihrâd مهراد и, затѣмъ, Mihrâr مهرار. Что касается чтенія Behrâm, приведеннаго у Guidi, то оно могло получиться изъ формы مهرار, такъ какъ съ послѣднимъ بهرام, написанный безъ знаковъ, весьма сходенъ. Впрочемъ, помимо

---

[14]) Ancien Fonds 1489; Ancien Fonds 1502; Suppl. arabe 1793 и Suppl. arabe 1794.

[15]) Mémoire historique, p. 61.

сходства графическаго, переписчика заставило питать такъ созвучіе съ персидскимъ именемъ Bahrâm. Такимъ образомъ имя перемѣнило физіономію, но всетаки осталось персидскимъ. Министры царя мышей носятъ имена, въ древне-сирійской версіи: ܙܘܕܐܡܕ Zûdh-âmadh, ܫܝܪܓ Šîrag, ܒܟܕܕ Bakdad, въ арабск. рукоп. زوداماد Zûdâmad, شيرغ Šîraγ и بغداد Baγdâd. Какъ видно, первая и третья формы, Zûdâmad и Baγdâd, легко опредѣляются пеhлевійскими какъ по виду, такъ и по значенію (арабскому чтенію надо отдать предпочтеніе передъ сир. Bakdad, гдѣ явилось k вмѣсто γ). Значеніе перваго приблизительно «скоро пришедшій» (ср. нов. перс. زود آمد zûd âmäd «скоро пришелъ»), втораго «данный Богомъ» (ср. названіе города Baγdâd). Что касается сир. и араб. Šîrag, то вѣроятно обѣ формы отражаютъ уменьшительное образованіе šêrak «львенокъ» (ср. нов. перс. شيرك šîräk); какъ то, такъ и другое весьма близки между собою. Царь мышей живетъ въ странѣ брâhмановъ, въ пустынѣ Dûriab ܕܘܪܝܐܒ, въ городѣ по имени ܐܢܕܪܒܝܐܘܢ Andar-biyâwân. Эти имена, нѣсколько измѣненныя въ текстѣ (гдѣ они имѣютъ формы Dûraib и Aydarbiyawan) согласно корректурѣ проф. Hoffmann'a, отличаются несомнѣннымъ пеhлевійскимъ характеромъ. Benfey, держась мнѣнія Hoffmann'a, объясняетъ [16]) послѣднее какъ состоящее изъ пеhлевійскаго andar «zwischen, innerhalb» (ср. нов. перс. اندر ändär) и vîâvã (ср. vîâvanî)» wild, wüst» (Wüste) [17]). Со своей

---

[16]) KDB, Leipzig, 1876. S. LXXVI.

[17]) Здѣсь Benfey ссылается на Mainyô-i Khard ed. by E. W. West, p. 215.

стороны мы можемъ сказать, что болѣе подходящею формой для второй половины имени является ново-перс. بیآبان bîâbân «пустыня» (собственно «нѣчто безводное»: bî «безъ»+âb «вода» +оконч. ân), конечно, въ нѣсколько архаическомъ видѣ, именно съ v вмѣсто b, что однако въ словѣ âb происходитъ еще и въ ново-перс. языкѣ, такъ какъ рядомъ съ âb мы имѣемъ av. Dûriâb Hoffmann объясняетъ какъ dûr-âb «fern von Wasser»[18]). Здѣсь такъ же какъ у Silv. de Sacy[19]) находимъ рѣку Нилъ, т. е. явно греческую форму: ܢܝܠܘܣ Nîlûs (resp. Nîlôs)[20]), въ арабск. рукописи ألنّيل 'anNîl. Царь носитъ имя Hûṭabār ܗܘܛܒܪ, арабск. هوطبار «хорошаго происхожденія» (см. Nöldeke Mausekönig S. 8)[21]). Названіе горы—ܐܢܘܫܓܒܕ Anôšagbadh[22]), какъ транскрибируетъ Nöldeke, имѣетъ значеніе: «да будетъ онъ (resp. она), безсмертнымъ». Наконецъ, Mînôgîbādhar ܡܝܢܘܓܝܒܕܪ[22]), названіе дома, находившагося подлѣ пещеры у подошвы упомянутой горы; названіе понятно только въ первой части mînô (—maynyu) ,«небесный».

Эта глава изъ дальнѣйшихъ истоковъ арабской Калйлы и Димны, встрѣчается только въ греческой версіи Симеона Сиѳа Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης, гдѣ

---

[18]) KDB, Leipzig, 1876. S. LXXVII.

[19]) Mémoire historique, p. 62.

[20]) KDB, Leipzig, 1876. Сир. текстъ, S. 118; нѣм. переводъ, S. 116.

[21]) ibidem.

[22]) ibidem.

[23]) ibidem.

она составляетъ XIV отдѣлъ (τμῆμα)[24]. Царь мышей здѣсь называется τρωγλοδύτης[25]), а его три министра — τυροφάγος, κρεοβόρος и ᾽οθονοφάγος (сыроѣдъ, мясоѣдъ и тканеѣдъ); а отсюда она перешла въ древне-итальянскую версію и слявянскій переводъ (см. изд. Викторова, стр. 80). Существуетъ еще одна глава пеҺлевійскаго происхожденія, но объ ней будетъ умѣстнѣе поговорить при разборѣ арабской версіи.

Обыкновенно полагаютъ[26]), что пеҺлевійская редакція Калйлы и Димны безслѣдно пропала, предполагая, что она погибла отъ мусульманскаго фанатизма. Такое мнѣніе не можетъ найти въ нашихъ глазахъ прочнаго основанія. Правда, персидскія книги гибли и исчезали, но подразумѣвать при этомъ всѣ безъ исключенія невозможно. Мы знаемъ, напр. что нѣкоторыя «религіозныя» книги сохранились до нашихъ дней, да наконецъ, что касается нашей, то мы съ точностью можемъ прослѣдить ея существованіе по завоеваніи Персіи Арабами приблизительно, по крайней мѣрѣ, до 760 г. (т. е. ок. 100 л.), когда ее перевелъ персъ ʿAbdu-llâh bnu-lMuḳaffaʿ, обратившійся въ мусульманство. При этомъ въ особенности заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что переводъ ея (что̀ должно было считаться предосудительнымъ дѣломъ съ религіозной точки зрѣнія), которымъ занялся но-

---

[24]) Specimen sapientiae Indorum veterum etc., Stark, Berolini, 1697, pp. 474—480.

[25]) ibidem. p. 474.

[26]) KDB, Leipzig, 1876, S. VI; KDKF, Cambridge, 1885, p. XIV.

вообращенный персъ, въ правовѣріи котораго сомнѣвались, пріобрѣлъ громадную популярность среди арабовъ-же. Однимъ словомъ, нѣтъ никакихъ данныхъ думать, что эта рецензія «безвозвратно» пропала. Если она дожила до 760 г., почему она не должна была существовать и позже. Насколько рискованно такое мнѣніе объ этой версіи, показываетъ исторія древне-сирійской рецензіи, существованіе которой считалось сомнительнымъ, а въ 1871 году она была отыскана, хотя и съ большими трудами.

1. Древне-сирійская версія. Первой по времени обработкой пеhлевійской редакціи Калйлы и Димны явилась сирійская версія, которой придаютъ названіе древней, въ отличіе отъ позднѣйшей сирійской версіи, исполненной въ X или XI в. по арабской рецензіи.

Первыми свѣдѣніями о ней мы обязаны епископу Нисибиса, ʿEbed-Yešûʿ, который въ своемъ каталогѣ сирійскихъ сочиненій упоминаетъ нѣкоего ܒܘܕ ܦܪܝܕܘܛܐ «Bûd (resp. Bôd) періодевта» какъ составителя различныхъ трудовъ противъ Маркіонитовъ. Эта личность, по его словамъ, имѣла надзоръ на христіанами въ Индіи и Персіи. Далѣе онъ прибавляетъ ܘܗܘ ܦܫܩ ܡܢ ܗܢܕܘܝܐ ܟܬܒܐ ܕܟܠܝܠܓ ܘܕܡܢܓ — ŭčhû phašeḳ men hindûyā ktabā dĕḲalîlag ŭĕDamnag «онъ перевелъ съ индійскаго книгу Ḳalîlag и Damnag». Этотъ каталогъ былъ изданъ Assemani въ его Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana, III, Pars 1 (Roma, 1725)[27].

---

[27]) Bud, sive Buddas, Periodeutes, hoc est, presbyter circuitor, seu visitator, sub Ezechiele patriarcha, circa annum Christi 570

На стр. 325 Assemani указываетъ, что онъ долженъ быть написанъ между 1290 и 1318 г. Затѣмъ согласно стр. 219, nota 2, въ томъ же томѣ, Bûd жилъ около 570 года, т. е. приблизительно въ то время, когда персидскій хосроу Нушйрвâнъ отправилъ Barzûy'a въ Индію добыть индійскій оригиналъ. Однако, думать вмѣстѣ съ ʿEbed Yešûʿ, что переводъ сдѣланъ съ индійскаго, невозможно. Переводъ сдѣланъ съ пеһлеви, что стало несомнѣннымъ по отысканіи самаго сирійскаго подлинника[28]).

Въ настоящее время эта версія уже издана съ переводомъ и введеніемъ, представляя трудъ двухъ лицъ, Биккеля и Бенфея[29]). Обстоятельства, сопровождавшія открытіе этого драгоцѣннаго памятника, подробно разсказаны въ введеніи Бенфеемъ[30]). Лѣтомъ 1870 года Пій IX созвалъ въ Римѣ соборъ католическихъ епископовъ. Bickell, вспомнивъ указанія ʿEbed-Yešûʿ, рѣшилъ воспользоваться случаемъ, когда въ Римъ собрались епископы дальняго Востока. Онъ написалъ объ этомъ Бенфею, и по-

vivebat: Christianorum in Perside finitimisque Indiarum regionibus curam gerens. Hinc sermonem Indicum calluisse dicitur, ex quo librum Calilagh et Damnagh syriacè reddidit.

[28]) См. KDB, Leipzig 1876, гдѣ Benfey (въ своемъ введеніи) возвелъ это на степень научнаго факта.

[29]) Ḳalilag und Damnag Alte Syrische Uebersetzung des indischen Fürstenspiegels. Text und deutsche Uebersetzung von Gustav Bickell. Mit einer Einleitung von Theodor Benfey, Leipzig, F. A. Brockhaus, 1876. Это изданіе разсмотрѣно было Nöldeke (ZDMG. XXX, S. 752-772); Prym'омъ (Jenaer Literaturzeitung, 1878, S. 98) и Weber'омъ (Literarisches Centralblatt, 1876, n° 31, 1021).

[30]) KDB, Leipzig, 1876; S. XIII—XXIII.

слѣдній вошелъ въ переписку съ находившимся въ то время въ Римѣ проф. Schöll и Ignazio Guidi. Изъ разговора послѣдняго съ халдейскимъ епископомъ оказалось, что тотъ во время своего путешествія видѣлъ сирійскую рукопись Калӣлы и Димны въ епископальной библіотекѣ въ Мāрдӣнѣ. На счастье въ той сторонѣ Азіи тогда путешествовалъ проф. Socin. Онъ былъ извѣщенъ о результатѣ разысканій, и нашелъ рукопись въ названномъ пунктѣ. Однако, купить сейчасъ-же рукопись оказалась невозможнымъ, такъ какъ на это требовалось позволеніе патріарха, а онъ между тѣмъ отсутствовалъ. Итакъ, Socin могъ только озаботиться скорѣйшею перепиской рукописи, что̀ ему и удалось. Копія нагнала его въ апрѣлѣ 1871 года въ Bâle, и теперь находится въ библіотекѣ гёттингенскаго университета.

Оригиналъ написанъ несторіанскимъ письмомъ, копія же, пріобрѣтенная Socin'омъ, маронито-якобитскимъ. Кромѣ Калӣлы и Димны, она содержитъ нѣсколько краткихъ произведеній, главнымъ образомъ религіознаго содержанія, одно, впрочемъ, медицинскаго и два философскаго, ничего общаго съ баснями неимѣющихъ. Копія эта изобилуетъ ошибками, изъ которыхъ много отходитъ на долю переписчика. Мāрдӣнская рукопись неполна. Прежде всего, недостаетъ перваго и послѣдняго листа, какъ указываютъ двѣ замѣтки на поляхъ, сдѣланныя на арабскомъ яз. Эти листы вѣроятно просто оторвались отъ остальной рукописи. Что касается послѣдняго листа, то онъ не такъ важенъ, потому что онъ содержалъ также начало Откровенія св.

Павла, но потеря перваго очень непріятна, такъ какъ онъ долженъ былъ бы дать исторію Барзӯйа. Точно такъ-же, въ главѣ IX (De Sacy XIV) есть пропускъ, произшедшій отъ того, что одинъ изъ переписчиковъ по ошибкѣ перевернулъ два листа [31]). [Въ настоящее время Бикеллю уже удалось произвести сравненіе этой копіи съ мāрдӣнск. оригиналомъ благодаря сирійско-католическому архіепископу Эдессы, Ephraem Rabulas (раньше Aloysius) Raḥmânî. Матеріалъ, добытый Биккеллемъ, долженъ появиться въ трудѣ одного молодаго оріенталиста, L. Blumenthal (см. Berichte des VII. internationalen Orientalisten-Congresses gehalten in Wien im Jahre 1886. Wien 1889. S. 59—68)]. Порядокъ и число главъ мāрдӣнской рукописи—слѣдующіе:

I. О львѣ и быкѣ (De Sacy V).
II. О вяхирѣ (De Sacy VII).
III. Объ обезъянѣ и черепахѣ (De Sacy IX).
IV. Объ отшельникѣ и ласкѣ (De Sacy X).
V. О мыши и кошкѣ (De Sacy XI).
VI. О совахъ и воронахъ (De Sacy VIII).
VII. О царѣ и птицѣ (De Sacy XII).
VIII. О львѣ и шакалѣ (De Sacy XIII).
IX. О Бӣлāрѣ etc. (De Sacy XIV).
X. О царѣ мышей.

Сравнивая положеніе главъ II и VI съ арабскими, мы видимъ, что онѣ переставлены; это-же подтверждаетъ и Pañčatantra, гдѣ указанныя главы слѣдуютъ одна за другою, точно такъ-же какъ въ арабскихъ рукописяхъ. Для объясненія такой путаницы

---

31) KDB, S. XXIV—XXVII.

главъ въ сирійской версіи Benfey дѣлаетъ весьма мѣткое предположеніе, что всѣ главы книги составляли отдѣльныя тетрадки, связанныя между собою только переходами, находящимися въ началѣ каждой главы и представляющими резюмированный ретроспективный взглядъ на предыдущую (Rückblick) и краткую тему слѣдующей[32]). Само собою разумѣется, такія тетрадки (Fascikel) легко могли прійти въ безпорядокъ. Этимъ-же можетъ быть объяснено то обстоятельство, что нѣкоторыя несомнѣнно индійскія главы, содержащіяся въ арабской версіи, отсутствуютъ въ древне-сирійской.

Однимъ изъ доказательствъ того, что сирійская версія независима отъ арабской, Benfey приводитъ то обстоятельство, что первая не содержитъ ни одной изъ трехъ вступительныхъ главъ, которыя впервые появляются въ арабской и въ ея истокахъ (напр. I, II и III главы De Sacy)[33]). На этотъ аргументъ съ полнымъ основаніемъ возражаетъ Keith-Falconer, что отсутствіе I, II и III главъ De Sacy ничего не доказываетъ, ибо онѣ всѣ отсутствуютъ въ позднѣйшей сирійской версіи, которая, безъ сомнѣнія, проистекла изъ арабской. На самомъ дѣлѣ главы I De Sacy недостаетъ во всѣхъ истокахъ арабской версіи. По моему мнѣнію, продолжаетъ Keith-Falconer, самый значительный опускъ въ сирійской версіи, это — опущеніе *всѣхъ* главъ арабскаго происхожденія, именно тѣхъ, которыя нумеруются I, III, VI

---

[32]) KDB, S. XXXVIII.
[33]) KDB, S. XXXI.

XVI, De Sacy и двухъ главъ, которыя я обозначаю какъ XX и XXI[34]).

Вообще древне-сирійская версія ближе къ оригиналу и менѣе подверглась индивидуальному вліянію автора, нежели арабская. Такъ даже, въ V главѣ (De Sacy XI) мы встрѣчаемъ въ качествѣ спрашивающаго и отвѣчающаго лица имена Zedaštar (ܙܕܐܫܛܪ) и Bîšam (ܒܝܫܡ) [35]), отражающія соотвѣтствующія санскр. Yudhiṣṭhira и Bhîšma, какъ онѣ даны Maâbhârata, XII, 4930 sqq., гдѣ разсказана глава о мыши и кошкѣ. Арабская версія поставила здѣсь для цѣльности впечатлѣнія традиціонныхъ Дабшалима и Байдабу. Точно такъ-же въ главѣ VI сирійской версіи (De Sacy VIII) названы герои Arzeg (ܐܪܙܓ) и Bîmadh (ܒܝܡܕ), отголоски санскр. Arǵuna и Bhîma[36]).

Весьма интереснымъ фактомъ для насъ является довольно большое число словъ въ древне-сирійской версіи, персидское происхожденіе которыхъ очевидно. Говоря съ одной стороны за то, что сирійская версія держится на пеhлевійской, они въ тоже время самымъ краснорѣчивымъ образомъ, хотя и молчаливо, подтверждаютъ существованіе самой пеhлевійской редакціи. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ арабской обработкѣ эти слова иногда фигурируютъ въ арабскомъ переводѣ; пеhлевійскія же слова служатъ переводомъ выраженій индійскаго оригинала; (само собою разумѣется, ихъ нельзя приписывать автору сирійской версіи). Такъ

---

34) KDKF, Cambridge, 1885, p. XLVII.

35) KDB, Leipzig, 1876, сир. текстъ, S. 57.

36) KDB, Leipzig, 1876, сир. текстъ, S. 76, послѣдн. строка; 77,2.

напр., въ Паньчатантрѣ, въ первой баснѣ III книги, упоминается «прудъ луны» चन्द्रसरस् čandrasaras, который въ арабской версіи переданъ (De Sacy 185,9,10) какъ عين القمر ʿaynu-lkamari, т. е. «источникъ луны», вполнѣ аналогично съ древне-испанскимъ переводомъ (48,b), гдѣ стоитъ «fuente de la Luna». Въ сирійской версіи это названіе фигурируетъ въ видѣ ܡܗܘܟܢܝ mahôkhanî [37]), которое, очевидно, распадается на пеһлевійское (и ново-перс.) mâh и пеһлевійское khân, нов. перс. kân «шахта» или kânî «источникъ» [38]). Заяцъ, фигурирующій въ этой-же главѣ, истинное имя котораго Pañčatantra приводитъ Lambakarṇa, выдаетъ себя за Viğayadatta, будто-бы царя зайцевъ. Viğaya значитъ «побѣда», datta «данный». Это точно такъ-же *переведено* въ пеһлевійской версіи. Персидское слово въ данномъ случаѣ сохранилось даже въ арабской версіи (конечно вслѣдствіе извѣстности этого имени на Востокѣ), гдѣ мы находимъ (De Sacy, 187,2) فيروز Fayrûz (resp. Fêrûz), одинаково и въ древне-испанской (стр. 48,b)—Feyrus. Оба слова отражаютъ персидское پيروز pîrûz, «побѣдитель» Это-же самое слово мы встрѣчаемъ въ сирійской версіи въ формѣ ܦܝܪܘܙ Phîrûz [39]). Далѣе, во II главѣ сирійскаго перевода, соотвѣтствующей II книгѣ Паньчатантры находится имя мыши, названной по-санскритски हिरण्यक hiraṇyaka, производнымъ именемъ отъ हिरण्य hiraṇya «золото» (такое названіе, конечно, вызвано тѣмъ, что мышь имѣетъ въ своей

37) KDB, Leipzig, 1876; сир. текстъ, S. 65,7.
38) KDB, Leipzig, 1876; S. LXIX, LXX.
39) KDB, сир. текстъ, S. 48,6.

норѣ кладъ). Въ арабской версіи на мѣсто этого имени стоитъ (De Sacy, 162,4) زيرك Zayrak (resp. Zêrak, Zîrak), точно такъ-же въ древне-испанской — Sirac (стр. 41,b, 4 сн.). Benfey[40]) считаетъ несомнѣннымъ, что пеhлевійское слово представляло деривативъ отъ пеhлевійскаго и персидскаго zar «золото» (или можетъ быть отъ какой нибудь формы еще ближе стоящей къ зендск. zairi) съ присоединеніемъ аналогичнаго санскритскому суффикса *ka*. Поэтому сирійск. форму ܙܝܪ zîr[41]) онъ, согласно съ Hoffmann'омъ, полагаетъ возможнымъ объяснить потерею этого суффикса вслѣдствіе недосмотра. Царь птицъ, въ Паньчатантрѣ Garuḍa[42]), въ сирійской версіи[43]) получаетъ форму ܣܝܡܘܪ sîmûr. Послѣдняя, очевидно, вполнѣ соотвѣтствуетъ персидскому سيمرغ sîmurγ (resp. sîmorγ), который по преданію выкормилъ и воспиталъ отца Рустема Зâла и, подобно индійскому Garuḍa, является царемъ птицъ. Арабская рецензія не знаетъ этого имени; она замѣняетъ его миѳической птицей العنقاء 'alʿAnkâ'. Мы ограничились здѣсь самыми яркими примѣрами пеhлевійскихъ словъ; при этомъ считаемъ нужнымъ напомнить, что сюда-же слѣдуетъ отнести имена, встрѣченныя нами въ главѣ «о царѣ мышей».

Въ заключеніе нашего обзора древне-сирійской версіи необходимо сказать нѣсколько словъ о ея значеніи для возстановленія первоначальнаго ин-

40) KDB, S. LXXI, LXXII.
41) KDB, сир. текстъ, S. 35,10.
42) PB, I Bd. II Theil, S. 98 sqq; Lancerau, Pantch, p. 109 sqq.
43) KDB, сир. текстъ, S. 25,15,17.

дійскаго оригинала. Значеніе это дѣйствительно велико и въ значительной степени подорвало исключительное положеніе арабскаго перевода, къ которому постоянно обращались за сравненіями. Значеніе сирійскаго перевода лучше всего характеризуетъ положеніями, установленными Бенфеемъ:

1) Все, что находится какъ въ санскритск. сборникахъ, такъ и въ сирійской или въ арабской версіи, должно быть считаемо принадлежащимъ къ тексту индійскаго оригинала.

2) Все, что находится въ древне-сирійской версіи и въ арабской или въ одномъ изъ истоковъ послѣдней, должно считать подлиннымъ.

3) То, что находится въ санскритскихъ сборникахъ, но не находится въ древне-сирійской или арабской версіи (или въ одномъ изъ истоковъ последней), должно быть отброшено какъ позднѣйшая прибавка индійскихъ авторовъ [44]).

2. Арабская версія. Первымъ по времени за древне-сирійскимъ переводомъ слѣдуетъ арабскій, исполненный ʿАбду-ллâhомъ бну-льМуķаффаʿ. Какъ уже было сказано раньше, это былъ знаменитый литераторъ. Всѣ писатели, которые говорятъ о немъ, изображаютъ его именно съ этой стороны. Что касается его біографіи, то ее мы находимъ у ʾИбнъ Халликâна [45]), который сообщаетъ что ʿAbdu-llâh bnu-lMuķaffaʿ, персидск. имя котораго—Rûzbäh, родился около 725 г. до Р. Х.; годъ смерти его опредѣляютъ

---

[44]) KDB, S.CIV,CV.

[45]) ʾIbn Xallikân, перев. De Slane, I, p. 431 sqq; авторъ жилъ 1211—1282 по Р. Х.

какъ 760, основываясь на словахъ ʾalMadâynî, приведенныхъ у ʾИбнъ Халликâна, что онъ жилъ 36 лѣтъ. Онъ происходилъ изъ провинціи Фâрсъ и былъ воспитанъ въ зороастровой религіи. Его отецъ, собственное имя котораго было Dâdûyäh, исполнялъ должность сборщика податей въ провинціи Фâрсъ и ʿИраḳъ, въ правленіи Ḥaǧǧaǧ'a ʾibn Yûsuf. Уличенный въ присвоеніи денегъ, онъ былъ подвергнутъ пыткѣ, слѣдствіемъ которой у него осталась перекрученной (مُقَفَّع mukaffaʿ) одна рука; вотъ почему съ тѣхъ поръ онъ получилъ прозваніе ʾalMukaffaʿ. Его сынъ, нашъ ʿAbdu-llâh, весьма хорошо одаренный отъ природы, еще молодымъ принялъ исламъ во время ʿÎsâ ʾibn ʿAlî, (дяди по отцѣ первыхъ двухъ ʿАббâсидскихъ халифовъ, ʾaṣSaffâḥ'a и ʾalManṣûr'a), который былъ правителемъ области ʾAhûâz въ ʿИраḳѣ. Съ этимъ ʿÎсâ у ʿАбду-ллâha завязались тѣсныя отношенія, которыя повели къ тому, что послѣдній сдѣлался его секретаремъ. Важную и трагическую роль игралъ въ судьбѣ ʿАбду-ллâha интимный его товарищъ Sufyân ʾibn Muʿâûiyah ʾal-Muhallabî, правитель города ʾalBaṣrah (Басра, Бальсора), подвергавшійся со стороны ʿАбду-ллâha постояннымъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ[46]).

Исторія передаетъ, что ʿAbdu-llâh ʾibn ʿAlî, братъ ʿÎsâ, добиваясь халифата, произвелъ возстаніе противъ своего племянника ʾalManṣûr'a, но, разбитый на голову, искалъ убѣжища у своихъ двухъ братьевъ ʿÎсâ и Сулеймâна. Послѣдній выговорилъ у ха-

---

[46]) Напр., называлъ его ʾibnu-lmuγtalimah «сынъ блудницы».

лйфа согласіе на помилованіе; редакція-же самаго акта, долженствовавшаго содержать въ себѣ условія, была поручена, конечно, ʿАбду-ллâhу, секретарю ʿИсâ. ʿАбду-ллâh былъ принужденъ написать въ слишкомъ суровомъ тонѣ, для того чтобы напуганный ʾalManṣûr не подумалъ нарушить своего слова. Халйфъ, прочитавъ написанное ему, былъ сильно шокированъ; узнавъ же автора письма, поручилъ правителю города ʾalBaṣrah, Суфьяну, умертвить его. Суфьянъ сталъ ждать удобнаго случая. Однажды ʿЙсâ послалъ своего секретаря зачѣмъ-то къ Суфьяну. Онъ вошелъ въ его домъ, но оттуда уже не вышелъ. Какъ произошло убійство, неизвѣстно. По словамъ ʾalMadâynî, Sufyân, приказавъ раскалить печь, велѣлъ разрубить знаменитаго литератора на куски и бросать ихъ туда. Согласно другому разсказу, Sufyân отправилъ его въ баню и до тѣхъ поръ держалъ дверь запертою, пока тотъ не задохся.

Что касается литературной дѣятельности ʿАбдуллâhа, то о ней мы имѣемъ много лестныхъ отзывовъ. ʿAlFihrist[47]), напр., называетъ его краснорѣчивымъ писателемъ и изящнымъ поэтомъ, признавая его въ то-же время знатокомъ пеhлевй и арабскаго языка. ʾAlʾAsmaʿî[48]), можетъ быть, самый великій авторитетъ, замѣчаетъ Keith-Falconer, въ классическомъ арабскомъ языкѣ (لغة luγah), могъ указать

[47]) ʾAl Fihrist, или «списокъ», содержаніемъ котораго служитъ всеобщая исторія и литература; написанъ анНадймомъ (умершимъ въ концѣ X ст. по Р. X.)

[48]) Muzhir, II, 86.

въ одномъ трудѣ ʿАбду-ллâhа только единственную ошибку. Извѣстный везйрь ʾIbn Muḳlaĥ (умершій въ 939 г. по Р. Х.) считалъ его однимъ изъ «десяти самыхъ краснорѣчивыхъ людей»[49]. Кромѣ Калйлы и Димны, онъ перевелъ много другихъ пеhлевійскихъ сочиненій. Изъ числа такихъ ʾalFihrist[50]) называетъ Xodây-nâmäh[51]), историческаго содержанія; Âîn-nâmäh; книгу о Маздакѣ[52]); Tâğ, или «корона», обнимающую царствованіе Нўшйрвâна; обширный трактатъ объ образованности; небольшое сочиненіе того-же содержанія, и книгу, называемую «несравнимый перлъ». Къ перечисленнымъ переводнымъ трудамъ ʾalMasʿûdî[53]) присоединяетъ нѣсколько произведеній миѳологическаго содержанія, гдѣ дѣйствующими лицами являются Isfendiâr, Afrâsiâb и Zû, Siyâvakš, Рустемъ и пр. Изъ исторической справки ʾalMasʿûdî видно, что переводами книгъ Манеса, ʾIbn Dayṣân'а и Маркіона, которыми занимался ʿAbdu-llâh bnu-

---

49) ʾAl Fihrist, стр. 126; (изд. Flügel).

50) ibidem, стр. 118. 51) Эта книга служила однимъ изъ источниковъ для Шâh-нâмäh Фердоусй; она содержитъ исторію Персіи отъ сотворенія міра до Хосрова II Парвйза (628 по Р. Х.)

52) Маздакъ, извѣстный коммунистъ, въ царствованіе Кобâда (подробно о немъ можно найти у Nöldeke, Gesch. der Perser und Araber, S. 455 sqq).

53) Его труды II, стр. 44, 118. ʾAl Maṣʿûdî родился въ Багдâдѣ (ок. 900 по Р. Х.), и умеръ въ городѣ Фосṭâтъ (Старый Каиръ) въ 956 г. Онъ путешествовалъ въ Персію, Индію, Цейлонъ, Мадагаскаръ, Палестину, Сирію и Египетъ; онъ написалъ много книгъ, но переведена въ Европѣ только одна, именно Murûğu-dhdhahab «золотые луга», трактатъ историческій и географическій.

lMuḳaffaʿ «и другіе», было много способствовано развитію ересей въ халифатѣ. Вообще онъ представляется невѣрнымъ мусульманиномъ; съ этимъ мнѣніемъ гармонируетъ сообщеніе одного арабскаго писателя, что онъ тщетно, но пытался подражать слогу священнаго ʾАльку̣рʾана. ʿAbdu-llâh былъ также поэтомъ: одна его элегія удостоилась занять мѣсто въ знаменитомъ сборникѣ арабскихъ поэтическихъ произведеній, называемомъ Ḥamâsah[54]).

Съ арабскою версіею впервые познакомилъ Европу голландецъ A. Schultens, издавшій часть текста[55]). Какою рукописью онъ пользовался, неизвѣстно, но вѣроятно, она была изъ самыхъ плохихъ[56]). Полнымъ-же изданіемъ Калилы и Димны мы обязаны безсмертному основателю арабской филологіи Сильвестру de Саси; въ своемъ трудѣ Calila et Dimna ou Fables de Bidpai en Arabe; précédées d'un mémoire sur l'origine de ce livre, et sur les diverses traductions qui ont été faites dans l'orient, Paris, 1816, in-4°[57]) онъ даетъ арабскій текстъ на основаніи сравненія шести рукописей[58]). Изданіе De Sacy остав-

[54]) Сост. ʾAbû Tammâm (род. въ 808 по Р. Х.)

[55]) Pars versionis arabicae libri Colaila wa Dimna sive fabularum Bidpai philosophi Indi (Lugd. Bat., 1786, in-4°).

[56]) Guidi, Studii etc., p. 5: il codice, a giudicarne almeno da quel capitolo (изданіе Schultens'a представляетъ только одну главу, именно о львѣ и быкѣ), è scorrettissimo.

[57]) Изданіе содержитъ также текстъ и переводъ муʿаллаḳи Лебйда.

[58]) 1483 («acheté au Caire par Vansleb»); 1489 («il a été acheté à Alep, en 1673»); 1502; 1492 (куплена также въ Алеппо: 1673, написана 1669—70 по Р. Х.-1080 hиджры); 1501 (напи-

ляетъ многаго желать: оно не предлагаетъ намъ наиболѣе точнаго и полнаго текста. Автору ставятъ въ упрекъ, что онъ комбинировалъ нѣсколько рукописей, изъ которыхъ даже главная оказывается ненадежной, содержа много пропусковъ. Дополненіемъ къ тексту De Sacy являются экстракты, сдѣланные Guidi изъ трехъ итальянскихъ рукописей [59]). Что касается новыхъ изданій Калилы и Димны, то всѣ они появились на Востокѣ и болѣе или менѣе связаны рецензіей De Sacy. Таковы: египетское изданіе, вышедшее въ Булâкѣ въ 1249 г., hиджры (1833/4 по Р. X.); египетское изданіе 1251 г. hиджры (1835/6 по Р. X), которымъ пользовался Guidi и перепечатка котораго появилась въ 1285 г. hидржы (1868/9 по Р. X.); литографированное изданіе, вышедшее въ Delhi въ 1850 г. упоминаетъ Zenker. Къ самымъ недавнимъ изданіямъ относятся—Мосульское 1876 г., исполненное тамошними доминиканскими монахами [60]), и затѣмъ Бейрутское 1882 г. (отчасти снабженное знаками), которое доставило намъ текстъ нѣсколькихъ басенъ.

сана въ 1643/4 г.-1053 hиджры); арабская рукопись библіотеки Saint-Germain des Prés, n° 139; ватиканская рукопись, n° 367: Mém. hist. 57—61.

[59]) Ignazio Guidi, Studii sul testo arabo del libro di Calila e Dimna (Roma, Spithöver, 1873), p. 4, 5: ватиканск. рукоп. 367; «l'ebbe sotto gli occhi il De Sacy, ma non ne fece quasi niun uso.» (V); рукопись каршунійская (un codice kars'ûnî) изъ библіотеки маронитскихъ монаховъ Св. Antonio Abate въ Римѣ; написанъ въ Римѣ въ 1701 г. (M); рукопись изъ Лауренціанской библ. въ Флоренціи (F).

[60]) KDKF, Cambridge, 1885, p. XVIII.

Переводовъ арабской Калйлы и Димны (всѣ переводы имѣютъ дѣло только съ рецензіей De Sacy) въ Европѣ въ теченіе нашего столѣтія вышло всего три. Изъ нихъ одинъ—на англійскомъ языкѣ, принадлежитъ ученику De Sacy—Knatchbull [61]), другіе два на нѣмецкомъ, исполнены Wolff'омъ [62]) и Holmboe [63]). Англійскій переводъ представляетъ вольную передачу арабскаго текста, заботливо опуская всѣ сравнительно трудныя мѣста, такъ что пользоваться имъ съ научными цѣлями невозможно [64]). Несравненно

---

[61]) Kalila and Dimna, or the Fables of Bidpai. Translated from the Arabic. By the Rev. Wyndham Knatchbull, A. M., Oxford, 1819.

[62]) Das Buch des Weisen in lust-und lehrreichen Erzählungen des indischen Philosophen Bidpai. Aus dem Arabischen verdeutscht v. Philipp Wolff, Stuttgart, 1839. Zweite Auflage. 2 Theile.

[63]) Ċalila und Dimna, eine Reihe moralischer und politischer Fabeln des Philosophen Bidpai, aus dem Arabischen von L. H. Holmboe, Christiania, 1832.

[64]) Одинъ примѣръ изъ тысячи. Такъ, арабск. фраза (глава IV De Sacy, стр. 62,3): الذى باع يقوتة ثمينة بخرزة لا تساوى شيا 'alladhi bâ'a yakûtatan thamînatan bixirzatin lâ tusâûî šay'an, переведенная у насъ (стр. 44,31,32): который продалъ драгоцѣнный яхонтъ за ничего не стоющія бусы, (у Possinus, 556, a, 22: qui habens hyacinthum ingentis pretii-permutavit illum grano mali punici ad nihil utili, у Іоанна Капуанскаго, a, 4, b, 32: qui vendidit lapidem pretiosum pro uno talento cum valeret pecuniam maximam), у Knatchbull фигурируетъ въ видѣ: who sold a precious ruby for a *pearl* that was of no value (p. 66,13,14). Такое уклоненіе отъ текста въ англійск. переводѣ заставило Бенфея (Einleitung zur Pantschatantra, § 17, S. 74) сдѣлать оговорку. Другой случай, гдѣ Benfey сравниваетъ переводъ Knatchbull'a и Wolff'a, долженъ быть рѣшенъ въ пользу перваго, хотя на его отвѣтственности остается крайнее многословіе. Benfey, KDB, S. CXXXVIII, сличаетъ въ обоихъ переводахъ мѣсто, соотвѣтствующее IV главѣ

серьезнѣе и лучше сдѣланъ переводъ Wolff'a. Что же касается перевода Holmboe, то о немъ я ничего не могу сказать, такъ какъ ничего о немъ не знаю, кромѣ заглавія. Всѣ эти переводы очень стары и сдѣлались библіографическими рѣдкостями; достать ихъ чрезвычайно трудно даже антикварнымъ путемъ, особенно послѣдній.

De Sacy, 131,8-9, которое въ арабскомъ текстѣ выражено: وانّى اخشى عليك ثمرة عملك معما أنّك لست بناج من العقوبة لأنك ذو لونين ولسانين ŭa'innî 'axšâ 'alayka thamaratan 'amalika ma'mâ 'annaka lasta binâğin min 'al'akûbati li'annaka dhû laŭnayni ŭalisânayni и у насъ переведено, стр. 94,29-31: Право, я боюсь за тебя (именно) на счетъ плода твоего поступка, при всемъ томъ, что ты ни за что не спасешься отъ своего наказанія, потому что ты человѣкъ двуличный и двуязычный. У Knatchbull это-же мѣсто передано, 154,18-24: and it is on this account that your conduct, stamped with the mark of daring wickedness, joined to the most subtle and artful contrivance, and which proves to me that you have as it were two faces and two tongues, makes me apprehensive for your safety; y Wolff, I Theil, 97,7-11: Ich fürchte dass die Frucht deiner Werke nicht ausbleiben wird, und dass du der Strafe nicht entgehen wirst dafür, dass du zweierlei *Farben* und zweierlei Zungen angenommen. Что здѣсь рѣчь идетъ о лицѣ (вѣрнѣе — «выраженіи» лица, физіономіи), доказывается лат. переводомъ Іоанна Капуанскаго, (e, 3, a, 4), гдѣ стоитъ «duas habes facies», а равно и древне-испанскимъ, который (33b, 11) имѣетъ: ca eres de dos faces. Грамматически, впрочемъ, Wolff перевелъ правильно. Одну изъ грубыхъ ошибокъ перевода приводитъ и Guidi (Studii etc, p. 66,a): La ragione per la quale il figlio del re uccide il figlio dell'uccello è presso De S. che l'uccello *gli lordó il seno*; il Benfey, 571, credo per errore della tradizione inglese, dice che l'uccello *lordo il terreno* e giustamente trova strana la ragione (См. Knatchbull, 286: dirtied the floor; ср. русск. переводъ 166,23-24; это мѣсто у De Sacy приведено на стр. 228,13-14).

Что касается самой арабской версіи, то сравнивая ее съ древне-сирійской и индійскими реликвіями, мы находимъ въ ней нѣсколько пропусковъ; нѣкоторые изъ нихъ такого рода, что подали поводъ Бенфею мотивировать ихъ опасеніемъ переводчика показать себя плохимъ правовѣрнымъ[65]). Но совершенно естественно Keith Falconer[66]) не находитъ этого довода убѣдительнымъ: человѣку, который переводилъ 'Ibn Dayṣân'a, Маркіона, Маздака etc., нечего было защищать свою репутацію подобными пропусками. Всего естественнѣе предполагать, что этихъ пропусковъ вовсе не было въ первоначальномъ переводѣ ʿАбду-ллâhа, а что они появились только въ позднѣйшихъ рукописяхъ, обязанные своимъ происхожденіемъ слишкомъ правовѣрнымъ переписчикамъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ перевода въ той формѣ, какую придалъ ему ʿАбду-ллâh. Всѣ рукописи, извѣстныя до сихъ поръ, сравнительно очень недавнія: ни одна изъ нихъ не старѣе XVII вѣка. Само собою разумѣется, эти рукописи очень отличаются другъ отъ друга. Ихъ несходства иногда столь велики, что подали Сильвестру де Саси поводъ предполагать существованіе по крайней мѣрѣ двухъ арабскихъ версій[67]). Однимъ словомъ, здѣсь происходитъ то-же самое, что произошло съ многочисленными списками Паньчатантры, о которыхъ Kosegarten говорилъ, что они такъ

65) KDB, Leipzig, 1876; S. XCII, XCIII.
66) KDKF, Cambridge, 1885; p. XLI, XLII.
67) Silv. de Sacy, Mém. historique, p. 60.

расходятся между собою, «ut paene quot codices, tot textus esse dicere possis».

Переходя къ названію книги, мы должны коснуться также вопроса о томъ, какое заглавіе носилъ индійскій оригиналъ. Этотъ вопросъ уже рѣшался Бенфеемъ, рѣшеніе послѣдняго такъ часто цитировалось, что разсмотрѣніе его можетъ казаться лишнимъ, на дѣлѣ-же однако не совсѣмъ такъ. Очень давно, въ 1859 году, Benfey [68]) высказалъ взглядъ, что названіемъ этимъ служило nîtiçâstrą «книга поведенія», которое, разумѣется,— гораздо лучше, чѣмъ имена двухъ шакаловъ Калйлаh и Димнаh, дѣйствительно подходящихъ только къ первымъ двумъ главамъ арабской версіи. Подкрѣплялъ онъ впослѣдствіи свое мнѣніе заглавіемъ итальянской версіи, переведенной съ греческаго «Del governo dei regni etc.», и затѣмъ, сообщеннымъ Guidi заглавіемъ ватиканской рукописи كتاب كليله ودمنه في سيَر الملوك و السلاطين kitâbu Kalilah ŭaDimnah fî siyari-lmulûki ŭassalâṭîni «Libro di Calila e Dimna sulla vita (лучше было-бы «condotta») dei re e dei principi [69]). Съ нашей точки зрѣнія такія опредѣленія Калйлы и Димны явились только впослѣдствіи, какъ результатъ хорошаго знакомства съ содержаніемъ книги. Вообще они вовсе не отличаются отъ той характеристики, которую даетъ Ибнъ Эзра, говоря, что Калйлаh и Димнаh была книгою совѣтовъ о правленіи [70]). Конечно, само собою понятно, что всякій, прочитавши книгу, долженъ

---

[68]) Pantschatantra, Vorrede XV, XVI и § 6, S. 36.
[69]) Guidi, Studii sul testo, p. 6.
[70]) Steinschneider, ZDMG, XXIV, 328.

былъ вынести о ней именно такое представленіе. Benfey, логичный до крайности, даже въ такихъ предметахъ, которые обѣгаютъ логику, естественно пришелъ къ своимъ выводамъ. Ему казалось очень важнымъ доказательствомъ заглавіе ватиканскаго манускрипта. Но онъ совершенно игнорировалъ древніе памятники, онъ какъ-то даже забывалъ то обстоятельство, что даже и въ наше время въ Европѣ заглавіе не всегда соотвѣтствуетъ содержанію, разъ его носитъ произведеніе, служащее цѣлямъ беллетристики. Что же дѣлается въ восточной литературѣ, то это трудно вообразить: разные «луга», «сады» и пр. пестрятъ всевозможн. сочиненія (напр. «золотые луга» Масʿӯдӣ); но и въ литературѣ индійской заглавія не рѣдко совсѣмъ ничего не говорятъ о содержаніи; что намъ говоритъ о немъ, напр., Pañčatantra, или еще лучшій примѣръ Kathâsaritsâgara, хорошій образчикъ чисто восточной напыщенности. Почему въ болѣе древній періодъ дѣло должно было обстоять солиднѣе и научнѣе — мы не понимаемъ. Собственно говоря, названіе книги басенъ «Калӣлаh и Димнаh» еще довольно сносно; оно дѣйствительно соотвѣтствуетъ правда, не всей, но по крайней мѣрѣ одной (самой обширной) главѣ древне-сирійской версіи и двумъ главамъ, составляющимъ въ цѣломъ болѣе четверти книги, арабскаго перевода. Впрочемъ, если признавать, что въ Индіи не существовало вполнѣ обработаннаго труда, послужившаго прямымъ оригиналомъ Калӣлы и Димны, а были только отрывки или отдѣльные разсказы, то вопросъ о первоначальномъ индійскомъ названіи теряетъ свое значеніе. Обращая вниманіе на древ-

нѣйшія рецензіи, мы должны признать тотъ фактъ, что пеһлевійская версія носила заглавіе Калйлаһ и Димнаһ (приблизительно Kalîlak и Damnak)[71], такъ какъ только посредствомъ этого предположенія становится понятнымъ, что и древне-сирійская и арабская версіи, будучи истоками пеһлевійской редакціи, имѣютъ заглавіе одно и то-же и при томъ въ такой близкой другъ другу формѣ, съ одними и тѣми же характерными измѣненіями въ индійскихъ прототипахъ. Прототипами этими, какъ извѣстно, служатъ санскр. कारटक Karaṭaka и दमनक Damanaka, изъ которыхъ перваго Benfey[72]) переводитъ «Krähe», (Lancereau, Pantch., p. 12; corneille); втораго — Bändiger (Lancerau, ib. «dompteur»).

Въ сирійской и арабской формѣ санскритскаго Karaṭaka — ܩܠܝܠܓ Ḳalîlag и كليله Kalîlah — мы имѣемъ одинаково l вмѣсто санскр. r, i вмѣсто a и lî вмѣсто лингвальнаго ṭa; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается отсутствіе гласнаго Auslaut'а. Такая физіономія имени, лежащая въ основѣ обѣихъ формъ, объясняется пеһлевійскою его передачею, гдѣ l и r легко можно смѣшать въ письмѣ (въ древнемъ письмѣ, говоритъ Benfey[73]), эти оба звука передавались однимъ и тѣмъ же знакомъ, въ позднѣйшемъ едва различимыми[74]); что ṭ перешло въ l, его также не удивляетъ, потому что такой переходъ замѣчается въ пракритѣ. Появленіе долгаго î на мѣсто сан-

---

[71]) KDB, S. XXXII.

[72]) Pantschatantra, II, S. 8.

[73]) KDB, S. LXXXV; здѣсь Benfey ссылается на Haug, Essay on Pahlavî in An old Pahlavi-Pazand Glossary. [74]) ib.

скритскаго a объяснить трудно. Сирійская форма однако представляетъ сравнительно съ арабской ту особенность, что вмѣсто глухаго ك и ه имѣетъ звонкое ܓ и задненебное ܗ. (Такого отношенія къ персидскимъ звукамъ мы ожидали-бы и у арабской формы, имѣя въ виду заимствованныя بيدق baydaķ (нов.-перс. پياده pîâdäh), خندق xandaķ (нов.-перс. كنده kändäh), جناح ğunâḥ (нов.-перс. گناه gonâh) и др. Вѣроятно, отступленія отъ фонетическихъ правилъ надо отнести на счетъ тенденціи арабскаго языка превращать всѣ заимствованныя слова, разъ они входятъ во всеобщее употребленіе, въ формы весьма родственныя туземнымъ (это въ особенности даетъ себя замѣтить въ собственныхъ именахъ, значеніе которыхъ непонятно). Дѣйствительно, كليله образовано согласно арабской формѣ فعيله; но ق вмѣсто ك ничего не измѣнилъ бы въ арабизмѣ этого слова.

Другой шакалъ названъ въ древне-сирійской версіи ܕܡܢܓ Damnag[75]). Сличая съ санскр. दमनक Dammanaka, мы видимъ только выпаденіе гласной. Однимъ словомъ, сирійское Damnag возможно точно отражаетъ санскр. Damanaka и гипотетическое пеhлевійское Damnak. Арабское دمنه Dimnah снова даетъ понять, что мы имѣемъ дѣло съ арабизированнымъ именемъ. Дѣло въ томъ, что по-арабски dimnah имѣло смыслъ, именно: «слѣды людей и жилищъ» (см. 'alĶâmûs и словарь Lane, s. v). Возникаетъ вопросъ, нужно-ли считать это чтеніе установленнымъ ʿАбду-ллâhомъ? Я думаю, что нѣтъ. Напротивъ, для

[75]) KDB, сир. текстъ, S. 2,3.

меня весьма вѣроятно, что у ʿАбду-ллâhа стояла форма Damnah, чтеніе же нынѣшнее возникло впослѣдствіи. Косвеннымъ доказательствомъ такого мнѣнія можетъ служить форма этого имени въ грузинской версіи—დამანა Damana (даже съ а послѣ m; можетъ быть поэтому надо предполагать въ пеhлевійской ред. чтеніе Damanak, вмѣсто проектируемаго Damnak, но эту мысль я высказываю съ опасеніемъ), получившаяся въ свою очередь изъ დამანაჰ Damanah. Такъ какъ грузинск. версія основывается на перс. Ӑнвар-е Соhӑйли, то очевидно a priori, эта форма—съ а вмѣсто i—должна встрѣчаться, если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ рукописяхъ упомянутой персидской. Такое предположеніе находитъ полную поддержку у Eastwick'a[76]), который былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ писать Damnah, а не Dimnaḥ. Какъ на источникъ подобной формы можно было-бы указать на версію Naṣru-llâh'a, очень раннее отраженіе арабской (авторъ ея умеръ въ 1151 г. по Р. Х.). Guidi[77]), зная о мнѣніи Eastwick'a только изъ ссылки Бенфея, замѣчаетъ по поводу него: ma non ṣo con quali argomenti possa provare la sua affermazione. Аргументы же Eastwick'a (l. c.) слѣд.: The Persian Dictionary of Professor Johnson gives *Dimnah*, but I have always heard the word called *Damnah*, and, from the fact of its being written *Damnak* in Maráṭhí, Gujráṭhí (i. e. Marâṭhî, Guǧrâṭhî), and other languages, I am inclined to think the latter pronunciation correct. И онъ дѣй-

[76]) The Anvár-i Suhailí etc, by Edward Eastwick, Hertford, 1854; p. 4.

[77]) Studii etc., p. 7.

ствительно въ своемъ прекрасномъ переводѣ вездѣ употребляетъ форму Damnah. Само собою разумѣется, подобнаго чтенія нельзя искать въ новыхъ арабскихъ рукописяхъ: оно могло сохраняться только въ древнихъ.

Весьма интересны также имена двухъ личностей, царя и философа, фигурирующихъ въ началѣ каждой главы въ качествѣ спрашивающаго и разсказчика. Первый изъ нихъ, который въ Паньчатантрѣ носитъ имя Amaraçakti[78]) и въ Гитопадешѣ— Sudarçana[79]), во всѣхъ истокахъ пеhлевійской Калйлы и Димны называется искаженіями одной всѣмъ имъ общей формы имени, ничего общаго однако не имѣющаго съ приведенными санскр. именами. Арабская версія называетъ его (у De Sacy) دبشليم Dabšalîm. Это чтеніе наиболѣе правильно; формы, найденныя Guidi[80]) ديسلم Dayslam, ديلم Daylam и ديشلم Dayšlam, представляютъ только сокращенія, принадлежа всѣ къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ Dabšalîm. Это доказывается древне-сирійской версіей, гдѣ стоитъ ܕܒܫܪܡ[81]), которое Bickell читаетъ Debascherim[82]). Ново-сирійск. версія имѣетъ ܕܐܒܕܗܪܡ Dabdahram[83]); впрочемъ, Keith-Falconer находитъ возможнымъ предполагать здѣсь искаженную форму ܕܐܒܫܪܡ Dabšara(i)m[84]). Предполагаютъ, что это имя

---

78) Benfey, Pantsch. II, S. 1.

79) Hitopadésa, Lancereau, p. 5.

80) Studii etc., p. 21.

81) KDB, сир. текстъ, S. 49, 61, 81.

82) ib., нѣм. текстъ, S. 33 и др.

83) Сир. текстъ изд. Wright, p. 95,23.

84) KDKF, p. 270.

отражаетъ санскр. Devaçarmą; можно сказать, до сихъ поръ ничто не говоритъ противъ такого предположенія. Древне-испанск. рецензія имѣетъ Dicelen [85]), еврейская—דיסלם Dislem [86]), Раймундъ изъ Безье Dizalen. Чтенія у Іоанна Капуанскаго Disles [87]) и у Раймунда Dysles, Dyxlex держатся на обыкновенномъ, но менѣе правильномъ чтеніи еврейской версіи—דיסלם Dîsles.

Если для перваго имени сопоставленіе съ санскр. Devaçarmą имѣетъ правдоподобный видъ, такъ какъ послѣднее имя даже встрѣчается въ Паньчатантрѣ [88]) нѣсколько разъ, то прототипъ втораго предположить труднѣе. Имя философа, у De Sacy—Baydabâ, находится въ самомъ правильномъ видѣ относительно остова въ ватиканской рукописи, гдѣ оно дано [89]) تندباه Tandabâh, что получилось несомнѣнно изъ بيدباه Baydabâh, написаннаго безъ діакритическихъ знаковъ. Въ такомъ случаѣ арабская форма Baydabâh вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-сирійской ܒܝܕܘܓ [90]), читаемой Биккеллемъ Bidug [91]), но которую вполнѣ возможно транскрибировать Bêdawāg (или Baydawāg). Тождество обѣихъ формъ при

---

[85]) Biblioteca de Autores Españoles, por Don Pascual Gayangos (Madrid 1860): томъ 11 (не нумерованъ); p. 14, a.

[86]) Derenbourg, Deux versions Hébraïques, Paris, 1881; p. 17.

[87]) Directorium hum. vite, b, 4, r; e, 5, v; и др.

[88]) Benfey, Pantsch. II, S. 34, 144, 326; значеніе его (PB. I, S. 34): «Das Glück der Götter habend» или «Von den Göttern beglückt».

[89]) Studii sul testo etc., p. 21.

[90]) KDB, S. 34,3.

[91]) KDB, нѣм. перев., S. 33.

такомъ чтеніи получается полное, причемъ, какъ мы видѣли уже въ именахъ Калйлаh и Димнаh, сирійскому звонкому Auslaut'у g въ арабской формѣ соотвѣтствуетъ придыханіе h. Benfey, основываясь на слишкомъ логичныхъ законахъ, которымъ будто-бы подчинено искаженіе собственныхъ именъ, выставилъ гипотезу, что Bîdbâh (или Baydabâh), а равно Bîdawāg (или Baydawāg) отражаютъ санскр. vidyâpati[92]). Что первая часть имени—bîd можетъ быть объяснена приблизительно такъ, какъ предлагаетъ Benfey,—ясно само собой; только бросается въ глаза краткое i въ его индійскомъ прототипѣ, которое должно соотвѣтствовать арабскому и сирійскому î. Когда же онъ начинаетъ отожествлять инд. pati со второй половиной имени, то здѣсь ясна натяжка. Путь его разсужденія таковъ: da wir das im Pehlevî so beliebte Affix *ka* an Ardschuna treten sehen werden (рѣчь идетъ о сир. Arzeg), und zwar so, dass die vorhergehende Silbe *na* ganz, und von dem Affix *ka* der Auslaut eingebüsst wird, so halte ich es für sehr gut möglich, dass sie auch an das sanskritische *pati* treten, und dieses dadurch zu *pak* werden konnte; bei dem steten Wechsel von *p*, *b*, *v* ward dieses dann im Syrischen, mit dem regelrechten *g* für *k*, zu *vag*, im Arabischen, mit dem ebenso regelmässigen *h* für *k*, zu *bah*[93]). Гораздо точнѣе высказывается Nöldeke, который возстанавливаетъ пеhлевійскую форму имени какъ Wêda-waka (resp. Wêda-nâka, Wêda-nâga)[94]). Надо

---

[92]) KDB, S. XLIV, прим.; значитъ «Herr der Wissenschaft», также «Herr aller Wissenschaft» (въ апеллятивн. смыслѣ).

[93]) KDB, ib.

[94]) Mäusekönig, S. 6, прим. 8.

сознаться, послѣднее вполнѣ совпадаетъ съ сир. и арабск. формой. Итакъ ясно, что первая часть должна имѣть инд. оригиналомъ vêda; какъ надо объяснять вторую—сказать трудно. Паньчатантра и Hitopadeça въ роли нашего философа имѣютъ брâhмана Višṇuçarmą[95]).

---

[95]) Гипотеза отожествлять первую часть имени Bîdbâ (Бидпай) съ санскр. vidyâ, vêda была выдвинута, впрочемъ, уже давно. Такъ, напр., мы встрѣчаемъ ее у Eastwick'a, который въ своемъ переводѣ Äнвâр-е Соhäйлй дѣлалъ слѣд. замѣтку (Anvár-i Suhailí, 1854, p. 69, note): The dictionary (проф. Джонсона) explains *Bidpái* as a corruption of *Vidyá-priyá* or *Veda-priya*, 'dear to science', or 'a lover of the Veda'. But here the derivation seems to be from *vaidyah priyah*, 'dear physician'. Такое объясненіе однако основывается главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Äнвâр-е Соhäйлй, которая говоритъ (выписку дѣлаю изъ литографированнаго тегеранскаго изданія, которымъ я пользовался), разсказывая о Дâбешлîмѣ (какъ здѣсь наз. Дабшалîмъ), стр. 40: باستفاز تمام معلوم شد که آنمسکین حکیمست که اورا پید پای خوانند یعنی طبیب مهربان واز بعضی اکابر هند استماع افتاد که نام او پیل پا هست که بهندوی هست پای خوا نند bä-estefâz-e tämâm mä'lûm šod keh ân mäskîn-e (sic) ḥäkîm-äst keh û-râ Pîdpây x(ŭ)ânänd yä'nî «ṭäbîb-e mehrbân; vä äz bä'zî äkâber-e Hend estemâ' oftâd keh nâm-e û Pîl-pâ häst keh bä-hendûi «Häst-pây» x(ŭ)ânänd etc. Переводъ Eastwick'a (p. 69): he (Dâbešlîm) learned that it was the abode of a sage whom they called Bídpái, that is to say, 'the kind physician', and that from certain of the great men of Hind, it had been heard that his name was Pílpái, which, in Hindí they call Hastí-pát. (Послѣдняя форма у Eastwick'a приведена въ болѣе правильномъ видѣ, нежели въ моемъ литографирован. текстѣ —Häst-pây. Относительно перваго высказался Benfey (Einl. zur. Pantsh., S. 32): letzteres (т. е. hastí-pát) würde sanskr. hastipâd sein und bedeuten «Elefantenfüsse habend»; dieselbe Bedeutung, прибавляетъ онъ, würde pîlupâd od. pîlupâda haben, und damit

ИСТОКИ АРАБСКОЙ ВЕРСІИ.

А. Ново-сирійская версія. Эта версія стала извѣстна въ ученомъ мірѣ весьма недавно. Она была найдена профессоромъ W. Wright'омъ 1857—1861 г. въ Дублинѣ и первыя литературныя указанія на нее появились со стороны профессора въ 1874 г. (въ Journal of the Royal Asiatic Society, New Series, Vol. VII, Part I, 1874, Appendix). Прекрасное изданіе этой версіи, которымъ мы обязаны виновнику открытія самой версіи[96]), представляетъ точное воспроизведеніе боль-

---

identificirten die Inder jenen für diese Etymologie erst umgewandelten Namen). Интересно это-же мѣсто въ грузинск. отраженіи Анвар-е Сохайли, гдѣ оно передано (стр. 65): ესე ერთისა ბრძნისა ადგილია, მას სახელად ფიდ-ფაი ჰქვიან. ფიდ-თაი „სიტკბოების მკურნალად" გამოითარგმანების. ზოგთ ინდოელთ დიდთაგან თქმულა, მისი სახელი ფიდ-ფაი არისო, და ინდოურად —„ჰეავათფათის" ese erthisa brżnisa adgilia, mas saxelad Phid-phai hkhvian. Phid-phai «sitkboebis mkurnalad» gamoithargmanebis. Zogth indoelth didthagan thkhmula, misi saxeli Phid-phai ariso, da indourad—«*Heavathphathis*»—(узналъ, что) это мѣстопребываніе одного мудреца, имя которому Phid-phai называютъ. Phid-phai переводится какъ «врачъ благости». Нѣкоторыми индійскими знатными людьми передается, его имя не есть Phid-phai, а по индійски — Heavathpathi.

[96]) The book of Kalīlah and Dimnah, translated from Arabic into Syriac. Edited by W. Wright, LL. D., Professor of Arabic in the University of Cambridge; Oxford, at the Clarendon Press, and London, Trübner, 1884). Послѣднее было рецензировано Nöldeke въ Göttingensche gelehrte Anzeigen (n° 17, 1 Sept. 1884) и Rubens Duval въ Revue critique d'hist. et de littérature, № 2, 12 Jan. 1885.

шей части единственной рукописи, принадлежащей библіотекѣ дублинскаго Trinity College (В. 5.32), гдѣ 184 страницы отходятъ на долю Калйлы и Димны. Небольшую часть текста басенъ (именно 161—184) издатель приписываетъ второй половинѣ XIII вѣка; остальной текстъ онъ относитъ ко времени однимъ или двумя столѣтіями позже, и разсматриваетъ его какъ написанный двумя личностями. Нѣсколько листовъ было присоединено къ рукописи даже въ 1613 году для замѣщенія можетъ быть пропавшихъ. Изящно изданный и не менѣе изящно исполненный переводъ этой версіи принадлежитъ Keith Falconer'у[97]. Переводъ снабженъ обильными примѣчаніями и введеніемъ, которое не разъ служило мнѣ пособіемъ.

Содержаніе и порядокъ главъ этой версіи слѣд.:

I. О львѣ и быкѣ (V De Sacy).
II. О процессѣ Димны (VI De Sacy).
III. О вяхирѣ (VII De Sacy).
IV. О совахъ и воронахъ (VIII De Sacy).
V. О черепахѣ и обезьянѣ (IX De Sacy).
VI. Объ отшельникѣ и ласкѣ (X De Sacy).
VII. О мыши и кошкѣ (XI De Sacy).
VIII. О царѣ и птицѣ (XII De Sacy).
IX. О львѣ и шакалѣ (XIII De Sacy).
X. О путешественникѣ и золотыхъ дѣлъ мастерѣ (XVII De Sacy).

---

97) Kalīlah and Dimnah or the fables of Bidpai: being an account of their literary history, with an english translation of the ater syriac version of the same, and notes, by I. G. N. Keith-Falconer, M. A., Cambridge: at the Universety press, 1885.

XI. О царевичѣ и его товарищахъ (XVIII De Sacy).
XII. О львицѣ и шакалѣ (XV De Sacy).
XIII. Объ отшельникѣ и путникѣ (XVI De Sacy).
XIV. О мудромъ Бӣлāрѣ и царицѣ Ӣлāръ (XIV De Sacy).
XV. Біографія Барзӯйа (IV De Sacy).

Всѣ три вступительныя главы, которыя мы находимъ въ рецензіи De Sacy, здѣсь отсутствуетъ. IV глава стоитъ позади всѣхъ, равно нѣкоторыя другія (XI, XIII) переставлены. Особый интересъ этой версіи заключается въ томъ, что въ ней мы встрѣчаемъ нѣкоторыя имена, принадлежащія индійскому оригиналу, но которыхъ до сихъ поръ не представляла ни одна редакція Калӣлы и Димны. Самымъ лучшимъ примѣромъ служитъ ܐܣܠܠܗ [98])— нѣсколько искаженная ороографія, позволяющая однако возстановить арабскій и затѣмъ индійскій подлинникъ. Эта форма представляетъ اسلكله, искаженіе формъ سلكله, سكلكه, которое должно быть пунктировано بينكلكه Bînkalakah=санскр. Pingalaka [99]), названію льва въ первой книгѣ Паньчатантры и второй—Гитопадешы [100]).

Авторъ версіи былъ христіанскій священникъ, жившій въ X или XI столѣтіи, какъ принимаетъ Wright. Ново-сирійская версія представляетъ текстъ

---

[98]) Сир. текстъ изд. Wright'a, p. 6, l. 18.

[99]) Kalīlah and Dimnah, Wright, Preface, p. XVI; JRAS, New Series, Vol VII, Part I, 1874, Appendix, p. 9, note 3.

[100]) PB, II, S. 8: «der Dunkelgelbe»; Lancercau, Pantch, p. 11: «Fauve».

лучшій, нежели рецензія De Sacy. По крайней мѣрѣ, многіе экстракты, приведенные у Guidi, не находящіяся у De Sacy, всѣ занимаютъ свои мѣста въ ново-сирійской версіи. Такое положеніе вещей вполнѣ понятно, если принять во вниманіе возрастъ арабской рукописи, которая послужила оригиналомъ ново-сирійскому переводу. Это былъ такой древній манускриптъ, гдѣ еще фигурировалъ, какъ мы видѣли, инд. Pingalaka. Переводчикъ, по замѣчанію Keith-Falconer'a, былъ довольно плохой: часто онъ не понималъ арабскаго текста, а иногда искажалъ его изъ желанія сообщить ему христіанскій колоритъ.

B. Греческая версія — приписывается Симеону Сиѳу (Συμεὼν τοῦ Σήϑ), исполнившему свой переводъ ок. 1081 года по повелѣнію императора Алексѣя Комнена (вступившаго на престолъ въ 1081 г.). Прежде чѣмъ она была издана, она незадолго передъ тѣмъ была переведена на латинскій языкъ. Іезуитъ Petrus Possinus, издавая греческую рукопись Георгія Пахимера, касающуюся исторіи Михаила Палеолога, встрѣтилъ въ ней указаніе на τὰ τοῦ Ἰχνηλάτε Παραβολικά. Добывъ благодаря своимъ разысканіямъ греческій списокъ параболъ изъ библіотеки Leo Allatius, онъ перевелъ ихъ на латинскій языкъ и присоединилъ къ изданію упомянутой рукописи [101]).

---

[101]) Georgii Pachymeris Michael Palaeologus, Roma, 1666, in fol. Приложеніе носитъ заглавіе: Appendix ad observationes Pachymerianas. Specimen sapientiae Indorum veterum. Liber olim ex lingua Indica in Persicam a Perzoe medico; ex Persica in Arabicam ab Anonymo; ex Arabica in Graecam a Symeone Seth, a Petro Possino Societ. Jesu novissime e Graeca in Latinam translatus.

Вскорѣ послѣ того, черезъ 33 года, появляется первое и единственное до сихъ поръ изданіе греческаго перевода, или Стефанита и Ихнилата. Это изданіе принадлежитъ Себастіану Штарку[102]); онъ пользовался гамбургскою рукописью; греческій текстъ онъ снабдилъ латинскимъ переводомъ, такъ какъ переводъ Поссина казался ему слишкомъ свободнымъ. Изданіе Штарка содержитъ 15 главъ (τμῆμα). Первыя 13 соотвѣтствуетъ по порядку V, VI, VII, VIII, IX, X, XIV, XI, XII, XIII, XVII, XVIII и XV главамъ De Sacy; XIV—представляетъ главу о царѣ мышей; XV соотвѣтствуетъ XVI De Sacy. Въ изданіи отсутствуютъ вступительныя главы, что̀ замѣчалъ уже Stark въ своемъ предисловіи, говоря (§ 25): «De caetero illud etiam monendum est, in *Possino* tria Prolegomena adesse, quae a Graeco Codice nostro abfuerunt». Эти prolegomena издалъ въ 1780 г. Aurivillius по упсальскому манускрипту[103]). Они

---

[102]) Specimen Sapientiae Indorum veterum. Id est, liber ethico-politicus pervetustus, dictus arabice, كليله ودمنه graece Στεφανιτης καὶ Ιχνηλατης, Nunc primum graece ex MSS Cod. Holsteiniano prodit, cum versione nova Latina, opera Sebast. Gottofr. Starkii; Berolini, 1697, in-8°. (Экземпляръ есть въ Румянцевскомъ му́зеѣ).

Греческій текстъ былъ перепечатанъ въ Аѳинахъ, 1851, in-8° подъ заглавіемъ: Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης ἤτοι βιβλίον φυσιολογικόν (ἠθικοπολιτικὸν) μετακομισθέν ἐκ τῆς Ἰνδίας καὶ δοθὲν τῷ βασιλεῖ Χοσρόῃ ἐν Περσίδι παρά τινος Περζοὲ, σοφοῦ καὶ ἰατροῦ τὴν τέχνην καὶ μετενεχθέν εἰς τὴν Ἀράβων γλῶσσαν. Ὑπο δὲ Συμεών μαγίστρου καὶ φιλοσόφου τοῦ Σὴθ εἰς τὴν Ἑλλήνων διάλεκτον μεταβληθέν... Ἐν Ἀθήναις, ἐκ τῆς τυπογραφίας Γ. Χαρτοφυλακος. 1851, in-8°.

[103]) Prolegomena ad librum: Στεφανιτης καὶ Ιχνηλατης e cod. mscpt. bibliothecae Acad. Upsalensis edita et latine versa, dissertatione academica, quam, praeside Flodero, publico examini modeste submittit Petrus Fabrian. Aurivillius etc., Upsala, 1780, in-4°.

состоятъ въ его изданіи изъ трехъ отдѣленій, соотвѣтствующихъ I, II и III главамъ De Sacy. Эти prolegomena были разсмотрѣны недавно Puntoni въ его Directorium humanae vitae... accedunt Prolegomena tria ad Librum Στεφανιτης καὶ Ἰχνηλατης, Pisa, 1884.

Греческая версія не содержитъ ни первой главы De Sacy, ни XX и XXI арабской версіи. Текстъ какъ гамбургской, такъ и упсальской рукописи не полонъ и съ ошибками. Такъ, въ XIV главѣ изд. Штарка, гдѣ идетъ рѣчь о царѣ мышей осталось только начало, и кошки какъ враги мышей совсѣмъ исчезли, такъ какъ τὸ πλῆθος τῶν χρειττόνων замѣстило собою τὸ πλῆθος τῶν χάτων [104]).

Что касается именъ Στεφανίτης и Ἰχνηλάτης, которыя носятъ въ греческой версіи оба шакала, то они явились какъ плохой переводъ арабскихъ Kalîlah и Dimnah. Στεφανίτης (увѣнчанный) получился какъ результатъ письменнаго сходства арабск. Kalîlah съ Kulaylah [105]) (уменьшит. форма отъ 'Iklîl «корона»), а Ἰχνηλάτης («vestigia persequens») объясняется мнимымъ родствомъ имени Dimnah съ арабск. словомъ dimnah, объясненнымъ въ 'alKâmûs'ѣ какъ «слѣды жилищъ и людей». Множество собственныхъ именъ совсѣмъ опущено, а Dabšalîm превратился въ 'Αβεσσαλώμ [106]).

[104]) Nöldeke, Mäusekönig, S. I.

[105]) Такъ, напр., читалъ Schultens.

[106]) Silvestre de Sacy, впрочемъ, говоритъ (Mém. historique, p. 33): Je lis cependant dans un manuscrit de la biblioteque du Roi, qui a appartenu à Huet, Δησαλώμ. Во всякомъ случаѣ, это весьма интересное указаніе.

Критическаго изданія текста греческой версіи, которое находилось-бы на уровнѣ нынѣшихъ научныхъ требованій, до сихъ поръ нѣтъ, но его обѣщаетъ дать Puntoni.

Рукописей этой версіи извѣстно много. Помимо списковъ обнародованныхъ, именно прежняго Голштинскаго, нынѣ Гамбургскаго (изд. Штарка), упсальскаго (изд. Ауривиллій) и находящагося теперь въ Парижской Національной библіотекѣ, № 2221, принадлежавшаго въ XVII в. Лео Алляцію (изд. Possinus), есть масса манускриптовъ неизданныхъ. Въ Парижской Національной библіотекѣ, напр., Silvestre de Sacy упоминаетъ двѣ рукописи: одну подъ n° 2231, другую подъ заглавіемъ Βιβλίον λεγόμενον τοῦ Ἰχνηλάτου[107]). Въ Баварской библіотекѣ, въ Мюнхенѣ находится двѣ рукописи, №№ 525 и 551 (первый XIV, второй—XV в.); въ Лауренціанской библіотекѣ, въ Флоренціи, двѣ рукописи (Cod. Laur. XI, 14; Cod. Laur. LVII, 30), которыя были разсмотрѣны профессоромъ Emilio Teza и описаны имъ въ Orient und Occident, II, S. 709 sqq. Здѣсь же Teza цитируетъ Льва Алляція (De Symeonum scriptis, p. 184), который говоритъ «asservatur praeterea in bibliotheca augustana inter libros manuscriptos, plut. 7. cod. 3, et Viennae Austriae in bibliotheca imperatoris». Дѣйствительно, въ Вѣнской публичной библіотекѣ есть одна рукопись. Puntoni указываетъ еще три новыхъ манускрипта, которые онъ обозначаетъ Vat. 704, Vat. 867. Barber. I, 172, и еще Lugd. 93, Vulc.

---

[107]) Mem. historique, p. 33, note 1.

Въ Бодлейанской библіотекѣ, въ Оксфордѣ, находится три рукописи: n° 131 коллекціи Barocci, n° 8 Лаудіанской коллекціи и n° 272 смѣшанныхъ греческихъ списковъ; одна изъ этихъ трехъ рукописей XIV в. и двѣ—XVI в.; двѣ рукописи есть въ Эскуріальской библіотекѣ, обѣ XVI в.; одна въ Лейденской и одна въ Московской синодальной, n° 298 [108]).

Всѣ эти рукописи, конечно, сильно расходятся между собою. Число главъ почти всегда различно. На одномъ заглавіи переводъ приписывается не Симеону Сиѳу, а Секунду философу, жившему, по словамъ ученаго Ламбеція, при императорѣ Адріанѣ [109]).

Списокъ Московской синодальной библіотеки содержитъ 8 отдѣленій (τμῆμα). Заглавіе его слѣд.: Ἐκ τῆς τῶν ἀράβων διαλέκτου μετενέξης Συμεὼν μαγίστρου καὶ φιλοσόφου τοῦ Σὴθ μυστικὴ διήγησις, τὸ κατὰ Στεφανίτην καὶ Ἰχνηλάτην λεγομένη Σαρακαινικῇ διαλέκτῳ Κιλυλὲ καὶ Δημία. Заглавіе, какъ замѣчаетъ Викторовъ [110]), сходно буквально съ заглавіемъ Мюнхенскаго списка № 525, состоящаго изъ пяти отдѣленій. Такое же заглавіе, говоритъ онъ, и въ одномъ изъ списковъ Бодлейанской библіотеки. «Судя по надписи на первомъ листѣ рукописи: *Арсеній*, она привезена въ Россію извѣстнымъ нашимъ путешественникомъ XVII в., монахомъ Арсеніемъ, при патріархѣ Никонѣ» [111]).

---

[108]) Стефанитъ и Ихнилатъ (ОЛДП. 1881 г. LXXVIII) изд. Викторова, стр. XVIII.

[109]) ibid. стр. XVIII. [110]) ibid. стр. XXIII, прим.

[111]) ibid. стр. XXIII, прим.

а. **Славянскія версіи.** Когда и кѣмъ написанъ первый славянскій переводъ греческаго Стефанита и Ихнилата—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, это произошло не позже XIII в., такъ какъ отъ этого приблизительно времени сохранилась одна сербская рукопись. Послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что переводъ впервые былъ сдѣланъ на одинъ изъ южно-славянскихъ языковъ, который затѣмъ и послужилъ оригиналомъ для русскаго перевода.

Списковъ славянскаго Стефанита и Ихнилата довольно много, но всѣ они, по замѣчанію Викторова, распадаются на двѣ категоріи, которые отличаются другъ отъ друга какъ по составу и рецензіи списковъ, такъ и по другимъ особенностямъ. Списки первой категоріи, говоритъ онъ, по своему происхожденію, принадлежатъ Сербіи, гдѣ эта редакція, повидимому, единственно и была въ обращеніи. Сербскихъ списковъ Стефанита пока извѣстно только три: одинъ, неполный, XIII—XIV в., находящійся въ Румянцевскомъ музеѣ, № 1736; другой XV в., тоже въ Румянцевскомъ музеѣ, № 1472 (эти два списка вошли въ изданіе Викторова, ОЛДП. 1881, LXXVIII, куда онъ помѣстилъ также одну болгарско-русскую рукопись конца XV в., хранящуюся въ Московской синодальной библіотекѣ, № 203 (367); третій списокъ—бѣлградскій XVII в., изданный Даничичемъ въ хорватскомъ журналѣ Starine[112]). Списки этой категоріи представляются

[112]) Starine (izd. Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Knjiga II. U Zagrebu 1870 Indijske priče prozvane Stefanit i Ihnilat; 261-310, pravi član Gj. Daničić. Keith-Falconer, читая

болѣе полными. Такъ, въ спискѣ № 1472, а равно и въ бѣлградскомъ Даничича находимъ 10 отдѣленій, изъ которыхъ первыя семь соотвѣтствуютъ первымъ семи въ изданіи Штарка, VIII соотвѣтствуетъ IX-му, IX—X и X—XIV-му. Списки второй категоріи, по своему происхожденію и рецензіи, принадлежатъ Болгаріи и преимущественно Россіи. Впрочемъ, изъ чисто болгарскихъ списковъ, послужившихъ основою для русскихъ, пока извѣстенъ только одинъ. Это именно карловацкій списокъ, XVI в. [113]), который отчасти приведенъ въ изданіи Даничича. Изъ русскихъ списковъ разсматриваемой категоріи, число которыхъ восходитъ до 20, два принадлежатъ къ XV вѣку, и оба съ ясными признаками болгарскаго происхожденія. Это именно, синодальный списокъ, № 203, вошедшій въ изданіе Викторова, и списокъ, находящійся въ Сборникѣ библіотеки Троицкой Лавры, № 765. Всѣ остальные затѣмъ извѣстные намъ русскіе списки писаны въ XVII и въ началѣ XVIII в. [114]). Одна изъ такихъ рукописей конца XVII

въ заглавіи price, переводилъ (KDKF, p. LXXXIV): The Indian princes called Stefanit i Ihnilat.

[113]) Объ этой рукописи Даничичъ говоритъ (Starine, II, 1870, 261): Šafarik (Wien. Jahrb. bd. 53, Anz.-Bl. 29, n° 79 i Geschichte der südslaw. Literat. III, S. 207, n° 117) prominje rukopis karlovački bugarske resensije (ne srpske, kako veli Pipin u Очерку литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, na str. 168 [ошибка вм. 158] i u Обзору исторіи слав. литературъ na str. 106), i dodaje da je pisan na svršetku XIV ili u početku XV vijeka; самъ же онъ считаетъ ее XVI в.

[114]) Напр., всѣ приведенныя у Пыпина (Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, въ Ученыхъ Зап.

и начала XVIII в. изъ собранія кн. П. П. Вяземскаго была издана 1877—78 Ѳ. Булгаковымъ (ОЛДП. 1878 г. XXVII). Списки второй категоріи представляются менѣе полными, отражая только первыя семь отдѣленій греческаго текста, какъ онъ приведенъ у Штарка. Другая ихъ особенность та, что всѣ они, какъ уже замѣтилъ Пыпинъ, прерываются на срединѣ разсказа «о снѣхъ царя индійскаго» (τμῆμα VII у Штарка).

Славянскія рукописи Стефанита и Ихнилата, кажется, совсѣмъ не знаютъ имени Симеона Сиѳа, а приписываютъ авторство различнымъ лицамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ Пыпинъ, впрочемъ, объясняетъ, какъ имѣющія отношеніе къ имени Сиѳъ. Такъ, въ *Есопѣ* индійскомъ онъ хочетъ видѣть описку изъ Сиѳа, въ Антіохѣ [115]) (самомъ распространенномъ обозначеніи) онъ усматриваетъ вліяніе именованія Симеона Сиѳа протовестіаріемъ *Антіохійскаго* дворца въ Константинополѣ (magister Antiochiae). Наконецъ, переводъ приписывается Іоанну Дамаскину, мнимому автору душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ [116]). Самыя греческія имена Στεφανίτης и Ἰχνηλάτης получаютъ въ большинствѣ случаевъ форму

Втораго Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ, СПБ., 1858, стр. 158) восемь русскихъ рукописей не старше XVII в. Болѣе подробно о спискахъ славянскаго Стефанита и Ихнилата можно найти въ предисловіи Викторова къ его изданію, къ которому я не разъ прибѣгалъ во время своего обзора.

115) Очеркъ литер. исторіи стар. пов. и сказокъ русск., стр. 158.

116) Впрочемъ, авторскія права на эту повѣсть одинаково приписываются также Іоанну Синайскому или Іоанну Лѣствичнику, однимъ словомъ вообще Іоанну.

Стефанида да Ихнилада. Желаніе объяснить ихъ, при незнаніи греческаго языка, приводило къ ошибкамъ. Такъ, въ одной Толстовской рукописи они переведены на поляхъ какъ «медвѣдь» и «горностай»; въ Погодинской рукописи «соболь» и опять «горностай» [117]).

Интересно то обстоятельство, что нѣкоторыя славянскія рукописи предлагаютъ текстъ, отражающій греческую рецензію въ болѣе совершенномъ видѣ, нежели изданіе Штарка. Такимъ хорошимъ качествомъ отличаются, напримѣръ, бѣлградская и карловацкая рукописи, изданныя Даничичемъ, который говоритъ (Starine, Kn. II, 1870, str. 263): u biogradskom i u karlovačkom rukopisu ima koješta potrebno, čega u štampovanom grčkom prijevodu nema, n. p. u prvom članku gdje lav govori Ihnilatu da se boji vola nema u grčkom riječi kojima kaže da se boji da mu ne bude **противу тѣлу и силѣ, и противу силе и мудрость**; u istom članku u priči o tri ribe nema u grčkom riječi: **рибаре убо дошьдьше заградише блато отъ рѣки съ утвръжденіемь** (впрочемъ, такъ-же въ изд. Булгакова, стр. 20; а у Штарка здѣсь даже обозначенъ пропускъ «ххх», стр. 82): u istom članku gdje se vol tuži

117) Очеркъ литер. исторіи стар. пов. и сказокъ русск., стр. 161. Нельзя не обратить вниманія на ошибочный переводъ арабскаго заглавія басенъ «Калйлаh и Димнаh», какъ «неразумный и лукавый», который появляется у Пыпина, а затѣмъ попадается у Даничича, Starine, II, 1870, 261 (prevedeno VIII vijeka dobivši ime «Kalila va Dimna», t. j. nerazumni i lukavi) и Ѳ. Булгакова (Стефанитъ и Ихнилатъ, стр. 7; здѣсь они названы «прямодушный» и «лукавый»). На такой переводъ мы не имѣемъ никакого права.

da je postradao kao pčele koje sjedaju—veli—**на нимфеωвь цвѣть**, u grčkom stoji samo τοῖς ἄνθεσιν etc. Po tome se može reći, продолжаетъ Daničić, da se slovenski prevodilac služio grčkim tekstom boljim od onoga što je naštampan. Въ этомъ отношеніи въ особенности важно послѣднее мѣсто, съ которымъ вполнѣ совпадаетъ арабская редакція (см. русск. переводъ стр. 85, 13—15), а равно приводимый Даничичемъ примѣръ на стр. 282: **не вѣси ли ѩко оуклосноувьши напрьстка прьсть неуїи напрасно прьсть ѡтьсекаеть се, да не въсе тѣло ѩдь обиметь и погубить; и не милоуеть прьста своего** (въ карловацк. рукописи дополненіе: **ради въсего тѣла своего**), соотвѣтствующій стр. 97,5—8 нашего перевода: совершенно какъ тотъ, котораго змѣя ужалитъ въ палецъ: онъ отрѣжетъ его и избавится отъ него, изъ опасенія, чтобы ядъ (находящійся въ пальцѣ) не прошелъ по (всему) его тѣлу — на мѣсто чего у Штарка, стр. 144, стоитъ только: Ἢ οὐκ οἶσθα, ὡς εἰ δηχθῇ τὶς ὑπὸ ἐχίδνης, ἐπὶ τὸ σύμπαν σῶμα ἀναδίδοται τὸ δῆγμα. Съ этой точки зрѣнія славянскія рукописи могли бы оказать помощь при возстановленіи первоначальной греческой редакціи.

b. Древне-итальянская версія. Итальянская обработка греческаго Стефанита и Ихнилата относится къ 1583 г.[118]).

---

[118]) Del governo | de' regni | Sotto morali essempi | di animali ragionanti | tra loro | Tratti prima di lingua | indiana in agarena. | Da Lelo Demno Saraceno. | Et poi dall' Agarena, nella Greca. | Da Simeone Setto | Philosopho Antiocheno. | Et hora tradotti di Greco in Italiano. | In Ferara per Dominico | Mammarelli. MDLXXXIII. in-8°

Эта обработка содержитъ: введеніе (Introduzione), соотвѣтствующее вкратцѣ III и IV главамъ De Sacy (II и III prolegomena Ауривиллія), исторію двухъ шакаловъ (Stefaneto et Ichnelate); затѣмъ слѣдуютъ Secondo Essempio, Terzo... и т. д., соотвѣтствуя по порядку III, IV, V, VI, VII, IX, X, XIV, (X essempio=XI, XII, XIII) и XV отдѣленіямъ текста Штарка. Рецензія 1583 г. была издана въ Болоньѣ, 1872, профессоромъ Emilio Teza [119]). Итальянскую версію разсматривалъ въ Orient und Occident (II, S. 261—268) W. Pertsch. Обыкновенно полагаютъ, что авторомъ феррарскаго изданія былъ Nuti; Emilio Teza, однако, въ томъ-же журналѣ (S. 709 sqq) указываетъ нѣкоторые мотивы, которыя даютъ думать, что Nuti не былъ авторомъ древне-итальянской версіи [120]).

---

119) Въ «Scelta di Curiosità Letterarie inedite o rare dal secolo XIII al XVII, въ Appendice alla Collezione di Opere inedite o rare. Dispensa CXXV» —озаглавлено: Del Governo de' Regni sotto morali Esempi di Animali ragionanti tra loro. Bologna, Gaetano Romagnoli, 1872, изд. E. Teza (въ количествѣ только 206 экз.)

120) Интересно, что древне-итальянская версія, какъ истокъ греческой, раздѣлила одно курьезное явленіе заодно съ славянской рецензіей. Дѣло идетъ о передачѣ одного мѣста въ VI τμῆμα изданія Штарка. Здѣсь (стр. 339, l. ult—340,3) именно стоитъ: "Ετυχε δὲ τηνικαῦτα αὐτὸν ἀποδημῆσαι, "οφιν δὲ ἐπὶ τὸν παῖδα ἑρπύσαντα ἡ νύμφη τοῦτον ἐισπηδήσασα κατέκρυψεν, что Stark переводитъ: Ad quem cum esset profectus, accidit, ut eodem tempore anguis puero allaberetur, *foemina* autem accurreret, atque hunc obtruncaret. Очевидно, Штарка сбило съ истиннаго пути присутствіе члене ἡ, то есть то-же обстоятельство, которое заставило W. Pertsch (Orient und Occident, II, 265) считать подобный переводъ правильнымъ. Слав. переводъ имѣетъ здѣсь (Стефанитъ и Ихнилатъ, Булгаковъ, стр. 84): **И ѿйде жена̀ е҆гѡ̀ мѹжъ же е҆а̀ позванъ бысть ѿтъ властелина и҆ пойде ѡ҆ста́ви дѣтище е҆ди́но.**

Греческая версія между прочимъ отразилась въ Германіи, гдѣ по словамъ Diez'а [121]) и Schultens'а [122]), это отраженіе было извѣстно подъ именемъ Abuscha-

---

И приключися абіе пресмыкатися змій на дѣтища оного. И видѣвши жена брата его невѣстка змію; искусивши изсаче зубы змію и оуби ю рукама своима и растерзавъ и окровавися змииною кровію; бѣлградск. рукоп., Daničić: **и видѣвши его нѣвестька, въскоувьши и зоуби съсече его.** (приблизительно такъ-же въ рукописяхъ, изд. Викторовымъ, стр. 68); итальянск. версія ставитъ (fol. 52 a): Et vna doncella uicina, corsa là, l'uccise. Греческое νύμφη должно обозначать въ данномъ мѣстѣ животное, извѣстное въ Россіи подъ именемъ ласки (mustela vulgaris). Это доказывается сличеніемъ греческаго текста съ извѣстными версіями Калîлы и Димны. Впрочемъ употребленіе этого слова въ данномъ значеніи можно видѣть у Штарка же, гдѣ въ VIII τμῆμα, стр. 385, νύμφη опять употребляется въ значеніи ласки; Штаркъ же переводитъ уже Nympha (дѣйствительное греческое слово для ласки это νυμφίτζα, т. е.—того же корня). Появленіе члена должно объяснить тѣмъ, что передъ выписаннымъ нами мѣстомъ произошолъ пропускъ, гдѣ между тѣмъ говорилось объ этой νυμφη подробнѣе, именно то-же, что̀ мы видимъ, напр., въ арабской Калîлѣ и Димнѣ. Впрочемъ итальянская форма для «ласки» donnola одного корня съ doncella, такъ что нельзя сказать точно, понималъ авторъ греческ. текстъ или нѣтъ. Въ Паньчатантрѣ и Гитопадешѣ на мѣсто ласки мы находимъ ихневмона नकुल nakula; впервые ласка появляется вѣроятно въ пеhлевійской редакціи: въ арабск. Калîлѣ и Димнѣ она имѣетъ форму ابن عرس 'ibn 'irs, въ древне-сир. ܪܣܘܓ rasûg (IV гл., сир. текстъ 55,4 сн.), въ Äнвар-е Cohäйлî راسو rasû, въ груз. версіи ქვერნა kverna (стр. 381), ново-сир. имѣетъ (текстъ Wright'а, p. 262,2) [illegible] etc. Подтвержденіе мысли, что ласка введена въ Калîлу и Димну пеhлевійскимъ переводчикомъ, можно найти въ томъ, напр., что древне-сирійская версія имѣетъ rasûg—слово, несомнѣнно пеhлевійское, изъ котораго получилось ново-перс. râsû.

[121]) Ueber Inhalt und Vortrag.... des königlichen Buchs. Berlin, 1811, in-8°.

[122]) Pars versionis arabicae libri Colailah wa Dimnah, p. XVI.

lem und sein Hof-philosoph die Weissheit Indiens in einer Reihe von Fabeln vom Rector Lehmus, Leipzig, 1778, in-8°.

C. Персидская версія. Древнѣйшая изъ существующихъ персидскихъ версій арабской Калйлы и Димны составлена ʾAbû-lMaʿâlî Naṣru-llâh'омъ ʾibn Muḥammad ʾibn ʿAbdi-l-Ḥamîd, отчасти въ царствованіе извѣстнаго покровителя литературы Баhрâмъ Шâhа, тринадцатаго газнавидскаго султ̣âна (умеръ въ 1151 г. по Р. Х.). Всѣми нашими свѣдѣніями объ этомъ памятникѣ мы обязаны Сильвестру де Саси[123]), который имѣлъ подъ руками шесть персидскихъ рукописей парижской библіотеки. Переводъ состоитъ изъ предисловія переводчика, введенія (соотвѣтствующаго II главѣ De Sacy) и 16 главъ, которыя соотвѣтствуютъ по порядку III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XV, XVI, XIV, XVII и XVIII главамъ рецензіи De Sacy.

a. Äнвâр-е Сohäйлй. На версіи только что разсмотрѣнной основывается другой персидскій переводъ, извѣстный подъ именемъ انوار سهیلی Äнвâр-е Сohäйлй, или «свѣточи Канопа». Авторомъ этого перевода является Ḥusäyn ʾibn ʿAlî ʾalWaʿeẓ, по прозванію ʾalKâšefî.

Заглавіе своему переводу Äнвâр-е Сohäйлй онъ далъ въ честь Ämîr'a Šäyx Äḥmäd Sohäylî, бывшаго везйремъ у султ̣âна ʾAbû-lGâzî Ḥusäyn Ba-

---

[123]) Именно, въ Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi, Vol. X. Partie I. pp. 94—196, онъ помѣстилъ, кромѣ нѣсколькихъ короткихъ отрывковъ, полный текстъ главы о царѣ и птицѣ (pp. 176—196).

ĥâdur-xân'а, повелителя Хорâсâна и потомка Тамерлана, царствовавшаго 1470—1505 г. Этимъ временемъ опредѣляется приблизительно дата перевода. Переводъ, въ общемъ, написанъ чрезвычайно напыщеннымъ слогомъ, снабженъ множествомъ стиховъ изъ различныхъ персидскихъ поэтовъ и содержитъ довольно большое число разсказовъ персидскаго происхожденія, которыхъ тщетно искали-бы въ Калйлѣ и Димнѣ. Содержаніе этой версіи слѣд.: 1) предисловіе автора, 2) глава I, состоящая изъ а) введенія, трактующаго о происхожденіи книги, содержаніе котораго вѣроятно навѣяно письменнымъ памятникомъ, носящимъ заглавіе Ğâvîdân Xired («Вѣчный разумъ»), и b) изъ отдѣла, соотвѣтствующаго V главѣ De Sacy. Затѣмъ идутъ главы II—XIV въ томъ же порядкѣ какъ VI—XVIII De Sacy. (I, II, III, IV главы послѣдней рецензіи совершенно отсутствуютъ въ Äнвâр-е Соĥäйлй).

Лучшее изданіе текста принадлежитъ Ouseley[124]); изъ переводовъ самый изящный и самый лучшій Eastwick'а[125]).

---

[124]) Anvār-i Suhelī; or lights of Canopus; being the Persian version of the fables of Bīdpāī, by Ḥusain Vāiz Kāshifī; Hertford, 1851, in-4°.

Другія изданія: одно (первое) напечатано въ Калькуттѣ, 1804, и затѣмъ перепечатано въ 1824; есть и литографированныя, напр. вышедшее въ Бомбаѣ, 1828, тегеранское, 1267 г. ĥиджры (1850/1 г. по Р. Х.) in-4°.

[125]) The Anvár-i Suhailí; or, the lights of Canopus; being the Persian version of the fables of Pilpay; or the book «Kalilah and Damnah», rendered into Persian by Ḥusain Vá'iz u'l-Káshifí: literally translated into prose and verse, by Edward B. Eastwick,

Истоки Ӓнвâр-е Соhӓйлй.

a. ʻEyâr-e Dânes̆. Подобно тому какъ на версіи Naṣru-llâh'a держится Ӓнвâр-е ʻСоhӓйлй, на послѣдней основывается третья извѣстная намъ персидская версія, которую исполнилъ Abû-lFaḍl, давъ ей имя عياردانش ʻEyâr-e Dânes̆, или «Пробный камень знанія». Составленіе ея относится къ 996 г. hиджры, т. е. 1587/8 г. по Р. Х.

Этотъ персидскій переводъ никогда не былъ изданъ: онъ извѣстенъ намъ опять благодаря De

---

Hertford, 1854, in-8°. Недавно издалъ англ. переводъ A. L. Wollaston, London, 1877, in-8°.

Существуетъ довольно старый французскій переводъ первыхъ четырехъ главъ Ӓнвâр-е Соhӓйлй подъ заглавіемъ — Livre des lumières ou la conduite des Roys composé par le sage Pilpay, Indien; traduit en français par David Sahid d'Ispahan, ville capitale de Perse. A Paris chez Siméon Piget; 1644, in-8°. (Введеніе написалъ Gaulmin). Этотъ переводъ перепечатанъ подъ заглавіемъ: Les Fables de Pilpay philosophe indien; ou la conduite des rois, Paris, Delaulne, 1698, in-12°. Въ нѣсколько подновленномъ видѣ переводъ появился въ 1698 и 1725 гг.: Les fables de Pilpay ou la conduite des grands et petits, Paris et Bruxelles; а затѣмъ въ 1750 въ Гамбургѣ подъ заглавіемъ: Les fables politiques et morales de Pilpaï, philosophe indien, ou conduite des grands et des petits; revues, corrigeés et augmenteés par Ch. Mouton. Судя по заглавію, эта именно книга была переведена въ Англіи, гдѣ выдержала нѣсколько изданій, а равно и въ Россіи. Англійскій переводъ носитъ заглавіе: The instructive and entertaining Fables of Pilpay, an ancient Indian Philosopher. Containing a number of excellent Rules for the Conduct of Persons of all Ages and in all Stations: under several Heads. Corrected, improved and enlarged; and adorned with near seventy Cuts neatly engraved, London,

Sacy, который далъ обзоръ его[126]) по двумъ рукописямъ Парижской библіотеки. Переводъ содержитъ предисловіе Абў-льФадла, главу I, соотвѣтствующую III главѣ De Sacy, главу II, совмѣщающую въ себѣ IV главу De Sacy и введеніе Ḥusäyn Waʿeẓ'a, послѣ чего слѣдуютъ 14 главъ, отвѣчающихъ по порядку V—XIII и XV—XVIII главамъ De Sacy, и длинный эпилогъ, которымъ кончается книга.

αα. Персидскій ʿEyâr-e Dâneš переведенъ въ 1803 году на индустанск. языкъ урду Maŭlavî Ḥafiẓu-d-dîn'омъ, для употребленія въ College of Fort William, по совѣту Dr. Gilchrist'a. Издалъ переводъ капитанъ Thomas Roebuck. Переводъ носитъ заглавіе خردافروز Xräd-Afruz, или «Просвѣтитель разума».

β. Турецкій Humâyûn nâmeh. Этотъ переводъ сдѣланъ въ царствованіе султана Сулеймâна I, въ первой половинѣ XVI в., преподавателемъ мусульманскаго права въ Адріанопольской школѣ, основанной Мурадомъ II, ʿAlî Čelebî, который далъ своему труду заглавіе همايون نامه Humâyûn nâmeh, или «Императорская книга». Трудъ ʿAlî Čelebî нельзя

1747; и The fables of Pilpay. With numerous illustrations, by Thomas D. Scott, London, E. Lumley, 1752, in-12°; русскій переводъ исполненъ Борисомъ Волковымъ, подъ заглавіемъ: Политическія и нравоучительныя басни Пильпая, СПБ. 1762.

Есть также переводъ персидской версіи на языкъ Дахнй, носящій заглавіе: Dukhnee Unwari Soheilee. A translation into the Dukhnee tongue, of the Persian Unwari Soheilee for the use of the military officers on the Madras establishment... By Mohummud Ibraheem Moonshee, Madras, 1824, in fol.

[126]) Notices et Extraits, X. pp. 197—225.

назвать переводомъ, такъ какъ онъ очень рѣдко старается передать персидскіе обороты на турецкій языкъ, всегда почти оставляя текстъ неизмѣннымъ. Такое отношеніе къ переводу заставило Silv. de Sacy сказать[127]): Pour entendre couramment le Homayoun-namèh, il est indispensable de bien savoir l'arabe et le persan, et il n'est pas nécessaire d'étre très-avancé dans la connaissance de la langue Turque». Въ общемъ, Humâyun nâmeh очень точно совпадаетъ со своимъ оригиналомъ. Изданъ турецкій переводъ въ Константинополѣ, въ 1293 г. hиджры (١٢٩٣).

Въ Европѣ эта версія пріобрѣла большую популярность и послужила оригиналомъ для множества переводовъ[128]).

---

[127]) Mém. historique, p. 51.

[128]) Самый старинный переводъ, это—испанскій, принадлежащій Bratuti. Первая часть его появилась въ 1654 г., вторая въ 1658. Первая носитъ такое заглавіе: Espejo politico, y moral, para principes, ministros, y todo genero de personas, Traducido de la lengua turca en la castellana, por Vicente Bratuti raguseo interprete de la lengua turca, de Felipe quarto el grande rey de las Españas... Parte primera. En Madrid anno 1654. Por Domingo Garcia y Morràs. (Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ переводѣ сообщилъ Emilio Teza, въ Orient und Occident, II,. S. 714 sqq).

Гораздо лучше извѣстенъ французскій переводъ, начатый Galland'омъ и оконченный Cardonne'омъ. Часть, принадлежащая Galland'у, носитъ заглавіе: Les contes et fables indiennes, de Bidpaï et de Lokman. Traduites d'Ali Tchelebi-Ben-Saleh, Auteur Turc. Oeuvre posthume. Par M. Galland, Paris, chez G. Cavelier, 1724, 2 vols, in-8°. Переводъ Cardonne'a вошелъ въ изданіе Contes et Fables indiennes, de Bidpaï et de Lokman; Traduites d'Ali Tchelebi-ben-Saleh, Auteur turc. Ouvrage commencé par feu M. Galland, continué et fini par M. Cardonne..., Paris, 1778, 3 vols,

Существуетъ еще турецкое изданіе басенъ Калйлы и Димны, втрое меньшее по объему, чѣмъ Humâyûn-nâmeh, очевидно сфабрикованное тоже по персидскому подлиннику. Годъ изд. мнѣ неизвѣстенъ, такъ какъ обертка знакомаго мнѣ экземпляра оторвана при переплетѣ (см. каталогъ Лазаревск. Инст. № 1586).

γ Грузинская версія. Въ началѣ XVIII ст. (1712—1717) Äнвäр-е Соhäйлй была переведена на грузинскій языкъ. Переводчикомъ явился грузинскій царь Вахтангъ (ვახტანგ) VI, царствовавшій въ это время. Трудъ съ нимъ раздѣлялъ монахъ Саба (Слуханъ) Орбеліани, которому принадлежитъ переводъ стиховъ. Эта версія издана недавно въ Тифлисѣ [129]), по четыремъ рукописямъ, подъ заглавіемъ ქილილა და დამანა Khilila da Damana. Она вообще очень точно воспроизводитъ персидскій оригиналъ; стихи, которые всѣ являются въ грузинской версіи въ стихотворномъ размѣрѣ, точно такъ-же довольно близко передаютъ содержаніе персидскихъ. Впрочемъ авторъ

---

in-12°. Этотъ соединенный переводъ былъ перепечатанъ въ Cabinet des Fées, vol. XVII, XVIII, Genève, 1786.

Переводъ Galland'a проникъ въ нѣкоторыя европейскія литературы. Такъ, есть его отраженіе на ново-греческ. языкѣ: Μυθολογικὸν ἠθικο-πολιτικὸν τοῦ Πιλπαΐδος Ἰνδοῦ φιλοσόφου, ἐκ τῆς Γαλλικῆς ἐις τὴν ἡμετέραν διάλεκτον μεταφρασθέν. νῦν πρῶτον τύποις ἐκδοθὲν δαπάνῃ καὶ ἐπιμελείᾳ Πολυζώη Λαμπανιτζιώτῃ τοῦ ἐξ Ἰωαννίνων αψπγ. ἐν Βιέννῃ (Вѣна), 1783; мы встрѣчаемъ его также на венгерскомъ яз. (1783) и голландскомъ (sine loco et anno).

129) ქილილა და დამანა. სპარსულიდამ ქართულად ნათარგმნი მეფის ვახტანგისაგან. ტფილისი 1886 წ.

ввелъ кое-что и со своей стороны. Такъ, напр., на его счетъ надо отнести три разсказа, которые приведены на стр. 9 и 10 тифлисскаго изданія[130]).

D. Еврейская версія. Существуютъ двѣ еврейскія обработки арабской Калйлы и Димны. Впрочемъ только одна изъ нихъ имѣла значеніе въ исторіи знаменитаго сборника. Это именно та, которую сохранила единственная рукопись Парижской Національной библіотеки (n° 1282,2) дошедшая до насъ въ очень поврежденномъ видѣ. Впервые ее описалъ De Sacy въ своихъ Notices et Extraits, Vol. IX, P-tie I, p. 413 sqq, гдѣ онъ привелъ также еврейскій текстъ главы о царѣ и птицѣ (pp. 451—466). Затѣмъ въ Orient und Occident, I, S. 483—496, 657—680,

---

130) Первый разсказъ (არაკი) начинается словами: იყო წალკოტსა შინა ვარდი ერთი iqo çalkotsa šina vardi erthi была въ саду одна роза; второй: იყო ოკიანესა ზღვისა შინა თევზი ერთი დელფინი iqo okianesa zγvisa šina thevzi erthi delphini была въ океанѣ-морѣ одна рыба—дельфинъ; и третій: იყო მეფე ერთი და ჰყვა მეძებარი ერთი iqo mephe erthi da hqva meżebari erthi былъ одинъ царь, а у него была лягавая собака.

Интересна въ грузинск. версіи одна пермутація имени, которая произошла подъ вліяніемъ грузинской-же обработки «душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ». Дѣло въ томъ, что въ XII главѣ грузинск. текста (კარი იბ), соотвѣтствующей тойже главѣ Ӓнвâр-е Соhайлû, имя везûря, который въ персидскомъ оригиналѣ называется بلار Bälâr (стр. 330 литогр. тегеранск. изд., 9 сн., переводъ Eastwick'a p. 56), въ грузинск. версіи пишется то правильно (стр. 514) ბალარ Balar, то нѣсколько отличною формою (стр. 510) ბალავარ Balavar, которая вполнѣ совпадаетъ съ именемъ грузинск. Варлаама-ბალავარი Balavari (см. «Мудрость Балавара», etc. Н. Марръ, въ Зап. Вост. Отдѣл. Имп. Русск. Археол. Общества, томъ III, стр. 259).

былъ изданъ текстъ главы, соотвѣтствующей XIV De Sacy; издалъ его A. Neubauer, съ нѣмецкимъ переводомъ. Наконецъ, весь текстъ появился только недавно; его издалъ Joseph Derenbourg съ французскимъ переводомъ[131]). Текстъ въ послѣднемъ изданіи начинается съ конца главы, соотвѣтствующей VI De Sacy. Слѣдующая за тѣмъ глава обозначена какъ четвертая השער הרביעי haššaʿar harēbīʿî (p. 18), и такъ порядокъ продолжается до послѣдней—XVII. Несомнѣнно, что V главы арабской рецензіи только недостаетъ, но она существовала. Можетъ быть даже, въ составъ еврейской версіи входила и IV глава De Sacy. Оставшіяся главы соотвѣтствуютъ по порядку слѣдующимъ главамъ арабской рецензіи: VI (отчасти), VII—XII, XIV—XVI, XIII, XVII—XIX, XXI. Эту еврейскую версію обыкновенно приписывали Рабби Іоэлю, о которомъ мы не знаемъ ничего кромѣ имени. Дата еврейской рецензіи не можетъ быть позже 1250 года; это опредѣляется ея латинскимъ истокомъ.

Другая еврейская версія сохранилась отчасти въ одной рукописи Бадлейанской библіотеки (n° 2384); она была исполнена Іаковомъ бенъ Элеазаръ, писателемъ XIII вѣка и авторомъ еврейскаго словаря ספר השלם Sēpher haššālēm «полная книга». Эта вер-

---

131) Deux versions hebraïques du livre de Kalîlâh et Dimnâh La premiere accompagnée d'une traduction française, publiées d'après les manuscrits de Paris et d' Oxford par Joseph Derenbourg. Paris, Vieweg, 1881 (Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes, quarante-neuvième fascicule). Это изданіе рецензировано: Journal Asiatique, VII série, t. XIX, p. 553-554, Rubens Duval.

сія въ изданіи Derenbourg'а стоитъ второю, безъ перевода. Въ противоположность первой она сохранила начальныя главы. Существующія главы соотвѣтствуютъ по порядку III, II, V, VI, VII и (отчасти) VIII De Sacy; на этомъ пунктѣ текстъ прерывается.

a. «Directorium» Іоанна Капуанскаго. Еврейская версія, приписываемая Іоэлю, была переложена на латинскій языкъ Іоанномъ Капуанскимъ, обращеннымъ евреемъ, жившимъ въ концѣ XIII столѣтія. Когда она была напечатана впервые—нельзя сказать съ точностью, но во всякомъ случаѣ не позже 1483 года (можетъ быть въ 1480 г.); первое изданіе не было датировано. Оно носитъ заглавіе Directium humane (sic) vite alias parabole antiquorū sapientū. Это изданіе начинается прологомъ, заключающимъ предисловіе автора, соединенное съ отдѣломъ, соотвѣтствующимъ III главѣ De Sacy. Послѣ словъ «Explicit prologus, Incipit liber», оканчивающихъ первую главу, слѣдуетъ второй отдѣлъ, соотвѣтствующій II главѣ De Sacy. Затѣмъ идутъ 17 главъ, отвѣчающихъ по порядку IV—XII, XIV—XVI, XIII, XVII—XXI арабской рецензіи.

Въ началѣ пролога мы встрѣчаемъ упоминаніе о книгѣ Калилаh и Димнаh: Pro sapientibus et insulsis hic liber factus est. Hic est liber parabolarum antiquorum sapientum nationum mundi. Et vocatur liber kelile et dimne, et prius quidem in lingua fuerat indorum translatus. Inde in linguam translatus persarum. Postea vero reduxerunt illum arabes in linguam suam, ultimo ex inde ad linguam fuit redactus hebraicam. Nunc autem nostri

propositi est: ipsum in linguam fundare latinam». Переводъ написанъ весьма плохимъ латинскимъ языкомъ, чему много способствовало рабское отношеніе Іоанна къ еврейскому подлиннику. Впрочемъ встрѣчаются нѣкоторыя неправильныя чтенія еврейскаго текста, поведшія къ ошибкамъ въ переводѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ у Іоанна стоитъ ignis, когда смыслъ требуетъ homo; еврейск. текстъ дѣлаетъ яснымъ, что здѣсь переводчикъ читалъ אש 'ēš вмѣсто איש 'îš; въ другомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ непонятную фразу: sol illuminat obscuritatem ignis, гдѣ sol получилось изъ ошибочнаго чтенія שֶׁמֶשׁ šemeš вмѣсто שֶׁמֶן šemen—масло. Что касается даты версіи, то Silv. de Sacy опредѣляетъ ее въ предѣлахъ 1263—1279[132]).

Перепечатка изданія XV ст. сдѣлана Puntoni, въ 1884 году, критическій текстъ издалъ J. Derenbourg[133]).

a. Нѣмецкая версія. Нѣмецкій переводъ латинской редакціи былъ сдѣланъ по почину графа Эбергарда I Виртембергскаго (1265—1325), а изданъ впер-

---

[132]) Notices et Extraits, vol. IX, p. 401.

[133]) Johannis de Capua Directorium vitae humanae alias parabolæ antiquorum sapientum, version latine du livre de Kalilah et Dimnah, publiée et annotée par Joseph Derenbourg, membre de l'Institut; Soixante-douzième fascicule de la Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Paris, Vieweg, 1887, in-8. Краткая замѣтка этому труду посвящена въ Revue critique d'histoire et de la littérature, № 6, 6 Février 1888, Rubens Duval.

V. Puntoni перепечаталъ Directorium въ своемъ Directorium humanae vitae... accedunt Prolegomena tria ad librum Στεφανιτης και Ιχνηλατης, Pisa, 1884, in-8.

вые около 1470 г. Къ этому времени относится переводъ, исполненный не по печатному изданію лат. редакціи, а по одной ея рукописи [134]), притомъ выпущенный sine loco et anno. Слѣдующее затѣмъ ульмское изданіе 1483 г., подвергшееся вліянію и печатнаго лат. перевода, составляетъ собственно переложеніе содержанія книги на другой нѣмецкій діалектъ. Послѣ того начинаетъ выходить одно нѣмецкое изданіе за другимъ. Изъ нихъ до сихъ поръ извѣстны [135]): ульмское 1484 г., аугсбургское, 1484, ульмское, 1485, страсбургское, 1501, 1512, 1524, 1525, 1529, 1536, 1539, 1545, франкфуртское, 1548, 1565, нюрнбергское, 1569, франкфуртское, 1583, 1592, и послѣднее, которое выпустилъ Holland: Das Buch der Beispiele der alten Weisen, herausgegeben von Dr. Wilhelm Ludwig Holland, Stuttgart, 1860, in-8°. (LVI томъ Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart). Три изданія, впрочемъ, существуютъ сверхъ того, но они не датированы. Всѣ изданія, появившіяся до страсбургскаго 1536 г., имѣютъ одно и то-же заглавіе: Das Buch der Byspel der Weissheit der alten Weisenn; изданіе-же 1539 года носитъ заглавіе: Der alten Weisenn exempel sprüch, mit vil schönen Beyspielen und Figuren erleüchtet. Darinnen fast aller menschen wesen, Händel, Untrew, List, Geschwindigkeyt, Neyd, und Hasz, Figuriert und angezeygt werden, etc; впрочемъ прежнее заглавіе удержано въ концѣ.

---

[134]) Подробно о нѣмецкой версіи можно найти у Бенфея, Orient und Occident, I, S. 138-187.

[135]) Въ резюмированномъ видѣ библіографическія данныя касательно нѣмецкаго перевода—у Gödeke, Orient und Occident, I, 681-688.

β. Чешская версія. Рядомъ съ нѣмецкимъ переводомъ лат. редакціи появилась чешская обработка послѣдней. Эта обработка исполнена Коначемъ въ Прагѣ въ 1528 г. и носитъ заглавіе: Prawidlo lidského žiwota, jinak podobenstwí starých mudrcůw... kteréžto také Dymnowy a Kelilowy knihy slowú [136]).

γ. Испанская версія. Существуетъ еще испанскій переводъ латинской версіи. Этотъ переводъ, впервые отпечатанный въ Сарагосѣ, 1493, носитъ заглавіе: Exemplario contra los engaños y peligros del mundo. Онъ не свободенъ отъ вліянія нѣмецкаго перевода; притомъ издателями испанскаго Exemplario являются почти постоянно нѣмцы. Напримѣръ, сарагосское изданіе выпустилъ нѣкто Paulo Hurus, Aleman de Constancia. Слѣдующее изданіе испытало ту-же участь. Въ концѣ его читаемъ: acabose el excellente libro intitulado Exemplario contra los engaños y peligros del mundo. Emprentado en la muy noble ciudad de Burgos por maestre Fadrique aleman de Basilea. a. XVI dias del mes de Febrero. Año de nuestra salvacion Mil. CCCC. XCVIII. Затѣмъ идутъ изданія: Zaragoza, 1521; опять Zaragoza, Jorje Coci, Aleman; Sevilla, 1534, Juan Cromberger; ib., 1537, Jacobo Cromberger; ib., 1541, Juan Cromberger; ib., 1547, Jacome Cromberger; Zaragoza, Estében Bartolamé, 1547, и антверпенское изданіе sine loco et anno.

a. Discorsi degli animali. Предъидущая испанская версія, какъ кажется, послужила источникомъ итальянской обработки Discorsi degli animali ragio-

---

136) См. Очеркъ литературной исторіи старин. пов. и сказокъ русскихъ Пыпина, стр. 155.

nanti tra loro, которую исполнилъ Agnolo Fizenzuola; она была издана въ первый разъ въ Венеціи въ 1548, и послѣ того нѣсколько разъ. Собственныя имена здѣсь совершенно произвольно измѣнены.

Трудъ Фиренцуолы былъ переданъ на французскій языкъ Cottier подъ заглавіемъ: Plaisant et facétieux discours sur les animaux, trad. par Gabr. Cottier, Lyon, 1556, in-16°.

b. «Moral filosophia» Doni. Можно думать, что оригиналомъ Doni служилъ Directorium. Въ такомъ случаѣ это будетъ четвертымъ истокомъ латинской редакціи. Трудъ Doni состоитъ изъ двухъ частей, Moral Filosophia и Trattati diversi di Sendebar Indiano filosopho morale. Первая носитъ заглавіе: La Moral | Filosophia del Doni, | Tratta dagli antichi scrittori; | Allo Illustriss. S. Doni Ferrante Caracciolo dedicata. Con privilegio. | In Uinegia per Francesco | Marcolini MDLII, in 4°. Moral Filosophia соотвѣтствуетъ по содержанію V и VI главамъ арабской рецензіи. Вторая часть называется: Trattati | diversi | di Sendabar Indiano | filosopho morale. | Allo illustriss. et excellentiss. S. | Cosimo de Medici dedicati. In Uinegia | nell' Academia Peregrina MDLII.

aa. Англійскій переводъ. Moral Filosophia (а не Trattati) была переведена на англ. языкъ; переводъ исполнилъ Sir Thomas North. Существуетъ два изданія этого перевода; одно явилось въ 1570 г. и носитъ заглавіе: The Moral Philosophie of Doni: | *drawne out of the ancient writers.* | A work first compiled in the Indian tongue, and afterwards into diuers other languages: | *and now lastly englished out of Italian by Thomas North.* Brother to the right Honorable Sir

Roger | North Knight, Lord North of | Kyrtheling || Impritend | at London | by Henry Denham; in-4°; книга была перепечатана въ 1601 году, London, in-4°.

ββ. Французскій переводъ. Discorsi degli animali (Firenzuola) и Moral Filosophia (Doni) послужили основаніемъ для труда De la Rivey, который носитъ заглавіе: Deux livres de filosofie fabuleuse. Le premier prins des discours de M. Ange Firenzuola Florentin. Par lequel souz le sens allegoric de plusieurs belles fables, est monstrée l'enuie, malice, & trahison d'aucuns courtisans. Le second, extraict des Traictez de Sandebar Indien Philosophe moral, traictant soubs pareilles allegories de l'amitié & choses semblables. Par Pierre de la Rivey Champenois. A Lyon, par Benoist Rigaud, MDLXXIX; in-8°.

Истоки нѣмецкой версіи.

α. Датская версія. Существуетъ два изданія датскаго перевода, одно sine loco et anno, другое въ Копенгагенѣ, 1618. Послѣднее озаглавлено: De gamle Vijses Exempler oc Hoffsprock, met mange skiöne Lignelser forklarede: huorvdi mangfoldige Menniskens Vaesen, Handel, List, Behendighed, Had oc Avjnd affmalis oc tilkiende giffuis. Kbh. 1618 Paa Christen Nielssöns Borgers oc Bogförers Bekaastning (oversat af ham).

β. Голландская версія. Первое изданіе этой версіи, кажется, относится къ 1623 г. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно одно именно съ этой датой. Оно носитъ заглавіе: Voorbeelsels | der | oude wyse, | Handelende | Van trouw ontrouw list haet ghe | swindi-

cheyt ende elle andere Men | schelijcke gheneghentheden... Door Zacharias Heyns, t'Amsterdam, Ghedruckt by Broer Jansz... 1623. Schultens упоминаетъ еще объ обработкѣ этого изданія, которая вышла въ Амстердамѣ, въ 1714: Voorbeeldzels der oude Wyzen; uit meest alle de Oostersche, Grieksche, en Romeinsche Taalen vergaderd. (Johannes Diukerius).

E. Древне-испанская версія. Третій непосредственный истокъ арабской Калйлы и Димны представляетъ древне-испанская версія, исполненная приблизительно около 1251 г. по порученію короля Альфонсо X. Этотъ переводъ опубликованъ по двумъ эскуріальскимъ рукописямъ, (изъ которыхъ самая старая относится къ концу XIV в.) Pascual de Gayangos въ Biblioteca de Autores Españoles, desde la formacion del lenguaje hasta nuestras dias. Escritores en prosa anteriores al Siglo XV recogidos é ilustrados por don Pascual de Gayangos, Madrid, 1860 (изд. Rivadeneyra[137]), vol. 52 (не нумерованъ). Переводъ состоитъ изъ пролога (у De Sacy III глава) и 18 главъ, соотвѣтствующихъ по порядку II—XII, XIV—XVI, XVII—XVIII, XX и XXI главамъ арабской версіи. Сравнивая его съ лат. переводомъ Іоанна Капуанскаго, мы должны отдать предпочтеніе испанскому. Вообще, испанская версія очень точно отражаетъ арабскій подлинникъ. Напримѣръ, начало IV главы De Sacy, которое у Іоанна читается: «Inquit Berosias caput sapientum Persie... Fuit pater meus de tali progenie, et mater mea de nobilibus

---

[137]) Подробныя свѣдѣнія объ этой испанской версіи можно найти у Бенфея, Orient und Occident, I, S. 497—507.

talium», въ испанской передано, по одной рукописи: Mi padre fué de Mortedilla, et mi madre fué de los del Algaba, а по другой: Yo padre fué de Mercecilia, et mi madre fué de las fijasdalgo de asemosana et de los legistas, гдѣ Mercecilia (въ друг. рукописи Mortedilla) = арабскому المقاتلة 'almuķâtilah, армія, войны, и asemosana—арабскому الزمازمة 'azzamâzimah, маги (см. русск. переводъ, стр. 44,9—10: мой отецъ былъ однимъ изъ воиновъ, моя мать происходила изъ самыхъ знатныхъ домовъ маговъ); еще хорошимъ примѣромъ можетъ служить имя голубя, который спасаетъ своихъ сородичей (см. VII гл. De Sacy). Онъ называется въ испанск. версіи palumba ò torquaz, т. е. совершенно также, какъ и въ арабской, гдѣ онъ названъ الحمامةالمطوقة 'alhamâmah-lmuṭaŭŭaķah голубь ошейниковый (приблиз. columbus torquatus, pigeon au collier, ring-dove, Ringeltaube, colomba alla collana, русск. вяхирь). Въ древне-сирійской версіи онъ носитъ названіе ܨܝܪܬ ܩܕܠܐ Ṣîrath Ķedalā—Bunthals, какъ переводитъ Bickell. Какъ арабское названіе, такъ и сирійское служатъ переводомъ санскр. चित्रग्रीव Čitragrîva, пестрый затылокъ.

a. Латинскій переводъ Раймунда. Древне-испанская версія и латинск. редакція Іоанна Капуанскаго послужили оригиналами для латинскаго перевода, исполненнаго въ 1313 г. по порученію королевы Іоанны Наваррской, жены Филиппа Красиваго, врачемъ Раймундомъ изъ Béziers (Raymundus de Biterris). Переводъ состоитъ изъ 19 главъ, соотвѣтствующихъ III, II, IV—XII, XIV—XVI, XIII, XVII—XVIII, XX, XXI арабской рецензіи. Въ Парижской національной библіотекѣ сохранились двѣ рукописи этого пере-

вода; одна изъ нихъ впрочемъ представляетъ копію съ другой, сдѣланную въ 1496 г.[138]). Латинскій переводъ Раймунда не былъ изданъ.

Арабская версія, кажется, послужила основою для стихотворной обработки содержанія Калилы и Димны, которая принадлежитъ Baldo и носитъ заглавіе Alter Aesopus. Объ этой обработкѣ мы знаемъ только то, что̀ сообщилъ о ней Édélestand du Méril въ своемъ трудѣ Poésies inédites du moyen âge, Paris 1854.

Къ истокамъ арабской версіи принадлежатъ, вѣроятно, двѣ мало извѣстныя редакціи Калилы и Димны. Первая изъ нихъ на эѳіопскомъ языкѣ, упоминаемая въ рукописи въ «Каталогѣ эѳіопск. рукописей Британскаго Музея» Wright, p. 82, col. 2; вторая—малайская рукопись, принадлежащая Лейденскому университету.

Покончивъ съ обозрѣніемъ литературной исторіи пеhлевійской Калилы и Димны, мы приступимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ главъ арабской рецензіи.

О первой главѣ, или предисловіи можно сказать, что она отсутствуетъ въ большей части рукописей, а подавно въ истокахъ арабской версіи, гдѣ она положительно совсѣмъ не встрѣчается. Авторъ ея является съ двумя различными именами, Bahnûd ben Sahûân—въ рецензіи De Sacy, Yahûdhâ ben Saǵuân 'alFârisî—въ флорентійской рукописи Guidi, въ обоихъ случаяхъ нося прозваніе ʿAlî ben 'ašŠâh 'alFarisî. Предисловіе сообщаетъ легендарное проис-

---

138) De Sacy, Notices et Extraits, vol. X, P-tie II, p. 3—65.

хожденіе книги. Здѣсь мы встрѣчаемъ одну басню (русск. пер. стр. 6,19—7,19), которая, страннымъ образомъ, присутствуетъ въ первой книгѣ Паньчатантры (PB. II, XV Erzählung, S. 95—97:377—385; Pantch. Lancereau, p. 106).

II глава разсказываетъ исторію пріобрѣтенія книги. Какъ этотъ разсказъ переданъ здѣсь, онъ не представляетъ первоначальной формы, которая отразилась у Раймунда и Іоанна Капуанскаго, гдѣ Барзӯй узнаетъ сначала о нахожденіи въ Индіи цѣлебныхъ травъ и растеній, растущихъ на высокой горѣ и способныхъ оживлять мертвыхъ. Приступивъ къ розыскамъ, онъ наконецъ узнаетъ, что это аллегорія и что подъ цѣлебными растеніями подразумѣвается Калӣлаh и Димнаh. Впрочемъ такая форма разсказа встрѣчается въ одной арабской рукописи, которую цитируетъ De Sacy въ своемъ Mém. historique, p. 23. Что означенная форма разсказа древнѣе,—доказывается однимъ мѣстомъ изъ Ŝâh-nâmäh Фердоӯсӣ (изд. Mohl, vol. VI, vv. 3441—3444), гдѣ برزوی Barzûy (такъ пишетъ имя Фердоӯсӣ) говоритъ Нӯшӣрвâну:

من امروز در دفتری هندوان   همی بنگریدم بروشن روان
نبشته چنین بد که در کوه‌هند   گیا یست رخشان چو رومی پرند
که‌آنرا چو گرد آورد رهنمای   بیامیزد و دانش آرد بجای
[139] چو برمرده پیراگنی بی گمان   سخن گوی گردد هم اندر زمان

Сегодня я просмотрѣлъ въ ясномъ умѣ одну индійскую рукопись: тамъ было написано — «на индій-

---

[139]) Män ämrûz däftärî Henduvân—hämî bänegârîdäm bäroŭšän rävân | nebeštäh čenîn bud keh där kûh-e Hend—gîâîst räxšân čû rûmî päränd | keh ân-râ čû gerd âvärd rähnämay—bîâmîzäd vä dâneš âräd bäğây | čû bär mordäh bäpärâgänî bî gomân—soxän-gûy gärdäd häm ändär zämân. |

ской горѣ есть одно растеніе, сіяющее подобно византійской шелковой ткани: если его соберетъ опытный человѣкъ, сдѣлаетъ (изъ него) смѣсь, прилагая свое знаніе, то, когда вылить (смѣсь) на мертвеца, непремѣнно тотъ сдѣлается въ то-же мгновеніе говорящимъ» (Фердоусй жилъ въ XI в., итакъ его свидѣтельство—самое древнее).

II глава арабской версіи въ очень краткомъ видѣ должна была входить въ составъ пеhлевійской версіи, сливаясь здѣсь съ IV главой De Sacy, которая составляла у пеhлевійскаго переводчика начало его труда (за этимъ краткимъ разсказомъ долженъ былъ слѣдовать указатель главъ).

IV глава, какъ видно изъ содержанія, гдѣ данъ между прочимъ цѣлый медицинскій трактатъ, написана самимъ Барзўйемъ.

Здѣсь приведено нѣсколько басенъ и параболъ. Послѣдняя изъ нихъ, аллегорически изображающая человѣческій родъ, интересна своей исторіею. Извѣстно, что она встрѣчается въ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ, произведеніи, которое испытало участь, совершенно сходную съ участью Калйлы и Димны: она такъ-же была переведена съ индійскаго на пеhлевй, затѣмъ на арабскій, съ котораго переводилась на всевозможные языки (замѣчательно, что существуетъ, кажется и сирійская версія этой повѣсти, не имѣвшая ни одного истока, совершенно какъ древнесирійская версія Калйлы и Димны)[140]. Что касается

---

[140]) На пеhлевй повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ была переведена въ VI в., на арабскій, при халйфѣ Мансўрѣ, въ VIII в. Самое имя Іоасафа, сдѣлавшагося въ Европѣ святымъ, получи-

этой параболы въ арабской редакціи повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ, то она здѣсь вполнѣ аналогична съ нашей; въ другихъ-же версіяхъ встрѣчаются нѣкоторыя отличія. Такъ, напр., въ греческой, самой обширной и разукрашенной изъ всѣхъ, вмѣсто разъяреннаго слона является уже единорогъ μονοχέρωτος; человѣкъ падаетъ не въ колодецъ (جب), а въ большую яму (μεγάλῳ τινὶ περιπέπτωκε βόθρῳ); въ армянской версіи эта парабола замѣняетъ слона весьма не кстати оленемъ (եղջերու yeλǧerû)[141] и человѣкъ здѣсь попадаетъ въ пропасть (վիրապ virap)[142]. Санскритскій оригиналъ повѣсти не дошелъ до насъ; параболы, въ томъ видѣ, какъ она отразилась въ арабской версіи, въ Индіи не найдено; но существую-

---

лось изъ искаженнаго санскр. Bodhisattva (названіе Будды), которое въ арабской передѣлкѣ получило форму (сначала Budsatf بدسف)—Budâsif, превращавшееся далѣе въ Yudâsif и Yuwâsif. (эѳіоп. версія Yewâsef); подробнѣе см. Verhandlungen des VII. internationalen Orientalisten-Congresses gehalten in Wien, im Jahre 1886. Semitische Section. Wien, 1888. Hommel, Die älteste Barlaam-Rezension, S. 114—138.

[141]) Այսպէս են կեանք աշխարհիս, որպէս այր մի փախուցեալ յերեսաց եղջերուին. եւ 'ի փախչելն իւրում անկաւ 'ի վիրապ մի մեծ և խորու— ayspēs en keankh aŝxarhis, vorpēs ayr mi phaxûceal jeresac yeλǧerin: yev i phaxčelen yurûm ankaŭ i virap mi meç yev xorù—такимъ образомъ живущіе подобны одному человѣку, бѣжавшему передъ оленемъ: въ своемъ бѣгствѣ онъ упалъ въ одну большую, глубокую пропасть. См. арм. Четьи-Минея, изд. Константинополь, 1731 ?, стр. 798. Повѣсть называется здѣсь: Պատմութիւն Բարաղամայ և Յովասափու Patmûthiun Baraγamaj yev Jovasaphû.

[142]) Einleitung zur Pantsch., Benfey, S. 82; авторъ полагаетъ, что парабола перешла въ повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ изъ Калîлы и Димны.

щія индійскія формы, аналогичныя нашей притчѣ, все-же даютъ нѣкоторыя указанія. Такъ, во всѣхъ нихъ человѣкъ спасается отъ дикаго животнаго на дерево, у подошвы котораго звѣрь становится его караулить[143]). Съ этой точки зрѣнія нѣкоторую аналогію древнему типу представитъ грузинская версія, гдѣ вмѣсто «вѣтвей» арабской и армянской редакціи, и «растенія» (φυτοῦ) греческой мы находимъ деревья, на которыя человѣкъ и взлѣзаетъ (და იხილა ხენი, რომელსა ზედა აღხდა da ixila xeni, romelsa zeda aγxda— и онъ увидѣлъ деревья, на которыя и взлѣзъ[144]). Еще болѣе аналогіи предлагаетъ одинъ армянскій разсказъ, находящійся въ старинномъ изданіи басенъ и сказокъ, обозначенныхъ общимъ именемъ Աղուէսագիրք Aλûēsagirkh[145]) «Книга о лисѣ». Армянск. варіантъ слѣд. содержанія: *էր ծառ մի բարձր յոյժ. և տերևք նր մեղր կաթեցուցանէին. և այր մի ելեալ 'ի նմա լիզէր զտերև նր: Եւ մկունք երկու հատանէին զծառն. և կայր առաջի ծառոյն գուբ մի սոսկալի, և ահագին վիշապ մի 'ի նմա: Եւ այրն այն ոչ երկնչէր՝ և ոչ դադարէր 'ի լիզելոյ զտերևն:* Было одно очень высокое дерево и съ листьевъ его капалъ медъ, и одинъ человѣкъ, взобравшись

---

143) См. цитированную уже статью Н. Марръ, Зап. Восточн. Отдѣленія Имп. Русск. Археолог. Общ. Томъ III, ст. 223—260.

144) Полное заглавіе этой книжки (которая содержитъ также географію Моисея Хоренскаго) слѣд.: *Գիրք աշխարհաց եւ առասպելաբանութեանց որէ Աղուէսագիրք.* Амстердамъ, 1668, in-16°.

145) ēr çar̀ mi barżr jûyž. yev ter̀evkh nora meλr kathecûcanēin. yev ayr mi yeleal i nẹma lizēr ẹzterev nora: yev mẹkûnkh yerkû hatanēin ẹzçarn. yev kayr ar̀aği çarûyn gûb mi soskali, yev ahagin višap mi i nẹma: yev ayrn ayn voč yerkẹnčēr yev voč dadarēr i lizeloj ẹztereven.

на него, лизалъ его листъ; и двѣ мыши грызли дерево это. И передъ тѣмъ деревомъ находился ужасный колодецъ, а въ нѐмъ—страшный драконъ. Но тотъ не боялся и продолжалъ облизывать листъ.

Что касается дерева, съ листьевъ котораго капаетъ медъ, то, по замѣчанію Бенфея, оно есть ни что иное какъ чудесное дерево индійск. сказаній Ира, съ котораго падаетъ медъ, или Soma. Впрочемъ, это дерево фигурируетъ не во всѣхъ арабскихъ рукописяхъ. Именно, касательно трехъ итальянск. манускриптовъ Guidi мы находимъ у него слѣд. свѣдѣнія: Quanto alla parabola finale Ve Mnon dicono da chi fuggisse l'uomo, e Fdice che fuggiva da una fiera furibonda. Tutti e tre i codici poi non mettono (Cfr. Benfey 82) che il mele gocciasse dall' albero, ma da alquante api: medesimamente in Stan. Julien les Avadânas etc. Paris 1859 I, 132, leggesi: Il y avait sur l'arbre *un essaim d'abeilles* qui fit découler dans sa bouche cinq gouttes de miel. (Studii, p. 21).

VI глава даетъ исторію двухъ шакаловъ и дружбы льва съ быкомъ. Въ общихъ чертахъ рамка этой главы находится въ Шиддикӯрѣ[146]), что̀ уже замѣтилъ Benfey. Дружба льва и быка послужила, между прочимъ, содержаніемъ одной сіамской сказки, представляющей отраженіе индійскаго оригинала[147]).

---

[146]) Шидди-кӯръ, переводъ ламы Галсана Гомбоева, XX глава (Этнографическій сборникъ, VI Вып. СПБ. 1864, стр. 88 sqq.)

[147]) Сказка сообщена Bastian'омъ и приведена Бенфеемъ въ Orient und Occident. Нѣкоторыя имена весьма близки къ санскритскимъ. Таково, напр., названіе быка Nonthuk =

VII глава о судѣ Димны несомнѣнно арабскаго происхожденія: ея нѣтъ какъ въ Паньчатантрѣ, такъ и въ древне-сирійской версіи. Хотя и придуманная арабомъ, она все-же, вѣроятно, находится въ близкихъ отношеніяхъ къ XIII главѣ (о львѣ и шакалѣ), гдѣ мы встрѣчаемъ аналогичный составъ дѣйствующихъ лицъ и подобную же ситуацію. Въ принципѣ она обязана своимъ происхожденіемъ неудовлетворенному нравственному чувству, требующему торжества справедливости, однимъ словомъ тому-же чувству, которое повело за собою появленіе за комедіей Гоголя «Ревизоръ» другой, гдѣ справедливость получала полное удовлетвореніе, и которая разыгрывалась въ театрѣ сейчасъ-же послѣ гоголевскаго произведенія. Получивъ свое происхожденіе на арабской почвѣ, эта глава отличалась замѣчательной способностью къ удлиненію.

Съ IX главой (объ обезъянѣ и черепахѣ) мы встрѣчаемся съ вопросомъ о существованіи Калйлы и Димны въ армянской литературѣ. Grässe въ Trésor de livres rares, подъ словомъ Bidpay, писалъ: Il existe aussi une rédaction arménienne du livre de Calila et Dimna, que nous connaissons d'une traduction française, L'abrégé géographique de Moïse de Khoren, avec un recueil de fables, connu chez les anciens sous le titre du Livre de renard, Marseille, 1676. Изъ заглавія видно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло

санскр. Nandaka, которое въ арабск. версіи превратитось въ بندبه Bandabah, гдѣ дополнительн. слогъ *bah* явился какъ аналогія съ شنزبه Šanzabah (названіе другаго быка) = санскр. Sągîvaka, древне-сирійск. Sizbavag.

съ переводомъ вышеупомянутаго сборника басенъ и сказокъ Aλûesagirkh[148]), но называть этотъ сборникъ редакціею Калйлы и Ди́мны—это значитъ совершенно не знать послѣдней. Тѣмъ не менѣе въ этомъ сборникѣ попадаются нѣкоторыя басни, имѣющія самое близкое отношеніе къ Калйлѣ и Димнѣ.

IX глава арабской версіи состоитъ изъ двухъ разсказовъ,—перваго, гдѣ дѣло происходитъ между черепахой и обезьяной, и втораго, гдѣ шакалъ обманываетъ льва, говоря ему, что у осла не было сердца и ушей. Для первой части главы мы находимъ аналогичный разсказъ въ армянск. сборникѣ на стр. 51—53.

Говорится въ сказкахъ, что одна обезьяна занимала престолъ шестьдесятъ лѣтъ; когда-же она состарилась, то ее изгнали, а возвели другую, помоложе, и поставили (ее) надъ собой царемъ. Та отправилась тогда, плача, на морской берегъ, и вотъ ей встрѣтилось одно фиговое дерево, полное плодовъ. Взобравшись на дерево, она поселилась (на немъ): она ѣла его плоды и благодарила Бога. Пришла къ ней одна большая черепаха, осво-

---

[148]) Заглавіе Aλûesagirkh совсѣмъ не подходитъ къ этому сборнику. Конечно, давая такое заглавіе, имѣли въ виду хорошо извѣстный французскій Романъ о Лисѣ (Roman du Renart, Reinke Voss), но должно замѣтить, что армянскій сборникъ не имѣетъ ничего общаго съ этимъ романомъ: во первыхъ, басенъ, въ которыхъ фигурируетъ лиса, тамъ мало, во вторыхъ, мы далеко не находимъ въ немъ того единства, хотя и чисто внѣшняго, какое встрѣчаемъ въ французск. романѣ.

илась (съ мѣстомъ) и подошла къ подножію дерева; обезьяна же бросала съ дерева по смоквѣ, а та ѣла и была ей благодарна. И черезъ много (52) времени говоритъ черепаха обезьянѣ: «сойди чтобы я привела тебя на островъ къ своему племени, которое тебя почтитъ, и чтобы я могла воздать добромъ за твое добро, ибо я тебѣ благодарна, къ моему племени». Обезьяна повѣрила ей изъ-за расположенія, которое она питала къ ней, спустилась съ дерева, сѣла черепахѣ на плечи и начала путь въ открытое море. Удалившись отъ суши, черепаха говоритъ: «знай, возлюбленный мой братъ, обезьяна, что моя жена больна, а врачи сказали: сварите, молъ сердце и внутренности [149]) обезьяны и приготовьте настой, который она пусть выпьетъ, чтобы выздоровѣть; въ этомъ я разсчитываю на тебя». Услышавъ (это), обезьяна закричала изо всей силы и говоритъ: «тысяча воздыханій мнѣ и множество воплей, которые не послѣдуютъ за мной. Воротись, братъ, воротись, чтобы я не сдѣлалась пролившею кровь (*որ արիւնէր չլինիմ*)— для того, чтобы я взяла (53) свое сердце и свои внутренности, ибо у насъ существуетъ обычай, что мы вѣшаемъ (ихъ) на деревѣ, когда отправляемся въ путь, и часто, благодаря Богу, случается выздоровленіе». Черепаха повѣрила обезьянѣ, вернулась назадъ и пришла къ подножію дерева: тогда обезьяна прыгнула и взобралась на дерево. Черепаха же

---

[149]) Въ подлинникѣ стоитъ *զերիկամունս* zerikamûnsẹn, что̀ словарь Calfa объясняетъ — reins, rognons; entrailles.

говоритъ: «поспѣши и приходи поскорѣе, чтобы намъ поспѣть къ больной». Обезьяна говоритъ: «если я довѣрюсь тебѣ и спущусь съ дерева, я сдѣлаюсь ни чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ безсмысленнымъ осломъ, который спасся отъ пасти льва и, возвратившись по (собственному) желанію, попалъ въ его лапы и былъ растерзанъ».

Сравнивая этотъ отрывокъ съ извѣстными истоками Калйлы и Димны, мы находимъ его полную аналогію, напр., въ арабск. версіи, гдѣ впрочемъ отсутствуютъ внутренности. И въ отношеніи дѣйствующихъ лицъ арабская версія стоитъ очень близко къ армянской формѣ (надо только замѣтить, что армянск. отрывокъ сильно сокращенъ, даже въ сравненіи съ древне-сирійск. версіей (глава III), которая обыкновенно даетъ самыя краткія формы). Обезьяна въ арм. отрывкѣ называется большею частью կապիկ kapik, единственное литературное слово для обозначенія этого животнаго; въ древне- и ново-сирійской версіи мы встрѣчаемъ ܩܘܦܐ ḳûphā (KDB. сир. текстъ 49,7)[150], т. е. то-же, что въ еврейской версіи — קוף ḳôph (Derenbourg, 126,3)[151]. Въ арабской редакціи мы находимъ قرد ḳird. Впрочемъ армянскій отрывокъ предлагаетъ намъ еще другую, весьма рѣдкую форму названія, именно ապուզայն apûzayn (или вслѣдствіе контракціи ապուզէն apûzēn), которая вполнѣ совпадаетъ съ перс. بوزينه bûzînäh, встрѣча-

[150]) Въ древне-сирійской версіи, впрочемъ, чаще этой формы употребляется ܢܣܢܣ (KDB. сир. текстъ, S. 51).

[151]) Эти слова восходятъ къ санскр. कपि kapi, которое послужило имъ оригиналомъ.

ющимся обыкновенно въ Ӑнва̂р-е Соҥӑйлӣ, и русск. обезьяна[152]). Эта форма, кажется, даетъ намъ указаніе, откуда собственно заимствованъ армянскій отрывокъ. Я думаю, что онъ заимствованъ изъ персидской версіи, именно изъ передѣлки Naṣru-llâh'a, предлагавшей, конечно, разсказъ въ довольно краткомъ видѣ. Что форма apûzēn могла появиться когда-то только изъ персидскаго—подтверждаетъ грузинская версія, гдѣ персидск. بوزينه bûzînäh часто передается созвучнымъ ყაპუზუნა qapuzuna, тоже весьма рѣдкимъ словомъ. Присутствіе формы apûzēn въ арм. отрывкѣ показываетъ также, что онъ не представляетъ истока греческой версіи, гдѣ является ὁ πίθηκος (оставляемый въ слав. передѣлкахъ безъ перевода)[153]).

Кромѣ приведеннаго отрывка, мы находимъ въ томъ же собраніи басенъ другой, который находится въ самой близкой связи съ первымъ. Онъ входитъ въ составъ такъ называемыхъ басенъ Вар-

---

152) Въ арабскомъ тоже встрѣчается эта персидская форма, притомъ также, какъ въ армянск. (и русск.), съ приставочн. а, именно ابوزنّة 'abûzinnah (приведенная у Казимірскаго въ статьѣ زن).

153) Что касается другого животнаго, дѣйствующаго въ сказкѣ, то въ армянск. отрывкѣ, это—черепаха կրիայ kriaj, которая въ древней и новой сирійской версіи дана ܓܠܐ (сир. текстъ Бикнелля, S. 51; сир. текстъ Wright'a, p. 243,9 sqq) gālā, въ арабск. غيلم γaylam, въ Ӑнва̂р-е Соҥӑйлӣ كشف kăšäf (въ груз. версіи კუ ku), наконецъ даже въ греческой χελώνη. Еврейская же версія имѣетъ здѣсь שרץ šereṣ (Derenbourg, p. 133,1—reptile), а Паньчатантра,—крокодила मकर makara.

дана, изданныхъ въ 1825 году въ Парижѣ[154]), гдѣ онъ представляетъ XXXVI басню.

Эта басня во всѣхъ версіяхъ Калилы и Димны составляетъ вторую часть арабской IX главы (древне-сир. III), непосредственно слѣдуя за только что приведеннымъ разсказомъ, гдѣ мы уже видѣли переходъ къ ней. Разсказываетъ ее обезьяна одураченной черепахѣ. Такъ какъ текстъ сборника Агвэсагирк'ъ даетъ довольно хорошій варіантъ опубликованнаго въ басняхъ Вардана, то я и переведу его въ переводѣ.

Левъ заболѣлъ и послалъ позвать врачей, чтобы они приготовили изъ листьевъ (116) лекарство отъ его болѣзни. Пришли главные врачи и говорятъ льву: отъ твоей болѣзни, молъ, нѣтъ иного средства, какъ отрѣзать у осла уши, вынуть сердце и дать тебѣ съѣсть, и ты поправишься. Тогда левъ говоритъ лисицѣ: «если-бы ты могла найти какого-нибудь осла и привести (его)». Лисица говоритъ: «я точно въ скорости исполню твои повелѣнія, ибо у меня есть одинъ братъ-оселъ; онъ дѣйствительно очень крѣпокъ: онъ находится въ такой-то долинѣ и пасется». Лисица пришла къ ослу и говоритъ: «о добрый, красивый оселъ, теперь ты знай, что я желаю доставить тебѣ большую славу, ибо левъ, то-есть царь дикихъ звѣрей, заболѣлъ и близокъ къ смерти: онъ желаетъ видѣть тебя и отдаетъ тебѣ царство свое». Оселъ повѣрилъ лживымъ словамъ

---

[154]) Изданіе это носитъ заглавіе: Choix de fables de Vartan, en arménien et en français, Paris, 1825, in-8°.

и пошелъ ко льву. Когда-же онъ обнималъ льва, (117) левъ раскрылъ свою пасть и хотѣлъ задушить осла, но оселъ, вырвавшись, убѣжалъ. Лисица-же, прибывши къ ослу, говоритъ: «о безсмысленный, зачѣмъ это ты убѣжалъ». «Потому что, говоритъ, обнимая меня, онъ мнѣ причинилъ боль». Лисица говоритъ: «вѣдь это было отъ его сильной любви: возвратись и не убѣгай». Оселъ пришелъ ко льву, а лисица, схвативъ осла за горло, вынула сердце осла и, отрѣзавъ уши, съѣла и говоритъ: это лекарство, молъ, будетъ лучше для меня, нежели для льва. Лисица отправилась къ главнымъ врачамъ и ко льву и говоритъ: пойдите, молъ, подивитесь и посмотрите на чудесную вещь — вѣдь этотъ оселъ не имѣетъ ни ушей, ни сердца». Пришедши, они посмотрѣли, а лисица говоритъ врачу (sic): чего вы удивляетесь, что онъ не имѣлъ ни сердца, ни ушей: еслибы онъ обладалъ сердцемъ и ушами, то, когда онъ пришелъ сначала ко льву и услышалъ его рычаніе, онъ не возвратился-бы вторично. И дѣйствительно они были убѣждены (118) словами лисицы.

Разбирая эту басню, какъ она является въ парижскомъ изданіи, Benfey призналъ, что она относится ближе къ непосредственнымъ восточнымъ вѣтвямъ Калйлы и Димны, нежели къ европейскимъ переработкамъ той-же фабулы. Замѣна въ ней шакала лисицей не можетъ служить опроверженіемъ этому, такъ какъ подобная замѣна происходитъ въ завѣдомыхъ истокахъ Калйлы и Димны (напр., въ еврейск. версіи—שועל šûʿâl, Äнвâр-е Cohайлй—روباه rûbàh: тегеранск. изд., 232,3; пер. Eastwick'a, 367, между тѣмъ какъ въ грузинск. версіи остался ша-

калъ თურა tura, стр. 393, а равно и въ греческ. версіи вмѣсто шакала мы находимъ лисицу ἀλώπηξ (Stark, 326 sqq). Даже сама арабская версія показываетъ ясную тенденцію замѣнять шакала лисицей. Вотъ что, напр., говоритъ Guidi о трехъ рукописяхъ, которыми онъ пользовался: Quanto alla favola (Benf. § 181) inserita nel capitolo è da notare in prima come tutti e tre i cod., Giov. di Cap., e Simeone Seth mettono non un sciacallo come è in De Sacy, ma bensi una volpe: (Studii etc. p. 60) Точно такъ-же отсутствіе ослицы въ армянск. баснѣ ставитъ ее въ параллель съ Äнвâр-е Соhайлй. Гораздо важнѣе, кажется, отсутствіе хозяина осла и мотивировка приглашенія, что̀ нѣсколько выдѣляетъ басню изъ сферы непосредственныхъ истоковъ Калйлы и Димны, приводя ее въ соприкосновеніе съ эзоповской формой и романомъ о лисѣ — Reinke Voss etc. Но какъ-бы то ни было, сходство не такъ мало, чтобы нельзя было думать, что эта форма получилась путемъ измѣненія, можетъ быть, на армянской почвѣ, что̀ представляется возможнымъ, такъ какъ есть уже два варіанта этой басни, а существуетъ вѣроятно и болѣе.

Связывая обѣ приведенныя басни вмѣстѣ, мы получаемъ цѣлую главу изъ Калйлы и Димны, существованіе которой въ армянск. литературѣ можно считать доказаннымъ.

Интересны также заключительныя слова черепахѣ и обезьяны, которыя въ армянскомъ сборникѣ кончаютъ первый отрывокъ. И говоритъ черепахи: «клянусь Богомъ, ты сказала неправду». А обезьяна говоритъ: «ты, клянусь Богомъ, научила

меня лжи»; а та говоритъ: «слава тебѣ, что ты спаслась обманомъ, подобно куропаткѣ[155]) и воробью[156]), которые были обмануты, но спаслись»[157]).

[155]) Կաքաւ kakhaй (груз. კაკაბი kakabi, которое часто присутствуетъ въ груз. версіи).

[156]) Ճիտ Čit (груз. ჩიტი Čiti).

[157]) Первая часть IX главы арабск. Калйлы и Димны (III въ древне-сирійской версіи) имѣетъ большой интересъ еще въ томъ отношеніи, что одною своею характерною чертою находится въ соприкосновеніи съ любопытною египетскою повѣстью о двухъ братьяхъ. Въ Калйлѣ и Димнѣ обезьяна увѣряетъ черепаху, что она оставила свое сердце на деревѣ,—такой де обычай у нихъ съ цѣлью застраховать себя отъ непріятности и увлеченій. Въ египетской повѣсти скрытіе сердца происходитъ на самомъ дѣлѣ, почти съ тою-же цѣлью. Здѣсь младшій братъ Batau съ цѣлью какъ бы умереть для міра помѣщаетъ свое сердце на верхушкѣ цвѣта акаціи, у подножія которой поселяется самъ (см. Les contes populaires de l'Egypte ancienne, par G. Maspero, Paris, 1882, p. 14—16; Records of the Past, Vol. II, p. 143—144; Вѣстникъ Европы, 1868, X: Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ, Вл. Стасова, стр. 712—713).

Эта же египетская повѣсть даетъ полнѣйшую аналогію началу одного разсказа, приведеннаго въ монг. Шидди-кӯрѣ, фабула котораго очень распространена, но совпаденіе деталей ставитъ оба произведенія на одну линію. Шидди-кӯръ разсказываетъ объ одной красавицѣ, у которой во время купанія вырвалось изъ головы нѣсколько волосъ и поплыли по водѣ. На устье рѣки пришла царская служанка за водой и ей въ ковшъ попались эти волосы. Она вытащила ихъ. Волосы эти были пяти розовыхъ цвѣтовъ и исполнены семи драгоцѣнностей. Служанка пошла къ царю и представила ему эти волосы. «Изъ этихъ волосъ видно, что у истока этой рѣки есть дѣвица-красавица, сказалъ царь, и велѣлъ отправиться туда съ войскомъ и представить ее къ нему.» Войско привело женщину къ царю, и она становится царицей. (Шидди-кӯръ, стр. 101—102: Этнографическ. сборникъ,

Очевидно, здѣсь намеки на аналогичныя по идеѣ басни, гдѣ дѣйствующими животными были куропатка и воробей.

VI Вып. СПБ. 1864, гдѣ на стр. 12 приводится аналогичный же разсказъ, съ интереснымъ для насъ заключеніемъ). Въ египетск. повѣсти рѣка уноситъ локонъ жены Batau, созданной для него богомъ Хнумъ, и прибиваетъ къ берегу у того мѣста, гдѣ находились стиральщики фараонова бѣлья. Вслѣдствіе этого въ бѣльѣ получился запахъ. Объ этомъ сказали стиральщикамъ. Одинъ изъ нихъ, наконецъ, узналъ, въ чемъ дѣло и, добывъ изъ воды локонъ, который чрезвычайно хорошо пахнулъ, принесъ его фараону. Тотчасъ же созвали неизмѣнныхъ книжниковъ и маговъ: тѣ разсудили, что локонъ принадлежитъ дѣвѣ, въ которой заключена божеская эссенція ([hieroglyphs] au mau ĕn neter neb-t am set, папирусъ Orbiney, IX, l. 5; ср. Шидди-кўръ, 12, гдѣ царь называетъ красавицу дѣвой Тэнгріевъ). За ней были отправлены посланцы. Наконецъ она является предъ фараономъ. «Его Величество, жизнь, здравіе, сила, очень полюбилъ ее, и она была возведена въ главн. фаворитки ([hieroglyphs] un an hon-ĕf ʻanx ťa senb hi mer-u set er aḳer. au-tu hi tehana set er as-t ʻāt, папирусъ Orbiney, p. XII, l. 2). (Les contes pop. 18—20; Records of the Past, v. II, p. 146—147; Вѣстн. Евр., 1868, X, 714.

Что касается сердца ненавистнаго существа, требуемаго для своего исцѣленія мнимымъ больнымъ, то тождественный этому пріемъ мы находимъ опять въ Шидди-кўрѣ (op. cit, стр. 36), гдѣ жена хагана Саманти Рашми, притворившись больною, открываетъ мужу, что средствомъ отъ ея болѣзни можетъ служить только сердце ея пасынка Наранъ-Гэрэла («солнечный лучъ»), изжаренное въ кунжутномъ маслѣ.

Въ арабской версіи куропатка (حجلة ḥağalah) упоминается всего одинъ разъ, и то въ баснѣ, не подходящей къ нашей (см. русск. переводъ, стр. 196,31—38). Совсѣмъ другое въ Анвâр-е Соhайлй, гдѣ эта птица фигурируетъ довольно часто. Все-же, аналогичной басни съ куропаткой и воробьемъ въ главной роли мнѣ здѣсь не приходитъ на умъ.

XIII глава, о львѣ и шакалѣ, имѣетъ въ началѣ пропускъ, какъ это становится яснымъ по сравненіи съ Маhâбhâратой, XII, vv. 4084 sqq и древне-сирійской версіей, глава VIII (см. KDB. S. XLVII—XLVIII). Пропускъ этотъ даетъ мотивировку поведенія благочестиваго шакала, объясняя его переселеніемъ душъ.

Заглавіе въ арабской версіи этой главы: о львѣ и шаʿhарѣ-отшельникѣ, онъ-же шакалъ,—показываетъ, что شعهر šaʿhar здѣсь является иностраннымъ словомъ, поясняемымъ арабскимъ ابن آوى ʾibn ʾâûâ шакалъ. Шаʿhаръ дѣйствительно оказывается персидскою формою, что становится несомнѣннымъ при сравненіи съ заглавіемъ этой главы въ древне-сирійской версіи, гдѣ стоитъ: глава о шакалѣ (ܛܘܪܝܓ ṭûrîg), который по персидски называется šagêl (ܫܓܝܠ KDB. сир. текстъ, S. 86). Послѣднее соотвѣтствуетъ пеhлевійскому šāγâl и ново-перс. شغال šäγâl (санскр. शृगाल çṛgâla). Поэтому весьма естественно предполагать, что šaʿhar въ арабск. версіи стоитъ на мѣсто شغهر šaγhar (ср. арм. Ճագար čagar). Испанскій переводъ передаетъ это слово anxahar, (т. е. съ сохраненіемъ арабскаго члена) стр. 67, греческ. θώς. (Штаркъ, p. 414, глава X).

[Сир. ṭûrîg, впрочемъ, также отражаетъ пеhлевійское слово, именно tûrek, что значитъ шакалъ (ново-перс. توره tûräh). Послѣднее до сихъ поръ сохранилось въ грузинскомъ (и мингрельск.) языкѣ въ формѣ ტურა tura. Въ ново-сирійск. версіи, кромѣ формы ṭûrîg, встрѣчается (сир. текстъ Wright, 7,1) также ܛܘܪܩ ṭûrak̤)].

XIV глава (древне-сир. версіи IX), слѣдовъ которой не осталось въ Индіи, найдена академикомъ Шифнеромъ въ тибетскомъ сборникѣ Канджурѣ (X и XI томъ). Изъ опубликованной имъ серіи разсказовъ, сгруппированныхъ около личности царя Uǧǧayinî, Čaṇḍa-Pradyota[158]), нѣкоторые воспроизводятъ отдѣльные моменты нашей главы. Таковы напр. разсказы XVII, XVIII, XIX, и XX. Что касается имени Čaṇḍa-Pradyota, то въ древне-сирійск. версіи оно сохранилось въ видѣ ܫܛܦܪܡ Šet-peram, въ арабск. سادقرم (Guidi, Studii, p. 72 рукоп. V; менѣе правильно въ рукоп. F—Sâdaram и M—Sâdat) Sâd-k̤aram, вполнѣ совпадающее съ древне-сир., если принять во вниманіе, что k̤ здѣсь стоитъ вмѣсто f и s вм. š.

Въ XIV главѣ приведено всего двѣ басни, которыя въ такой же формѣ являются и въ Канджурѣ. Эти басни даны Шифнеромъ также въ его пере-

---

[158]) Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, VII-e serie. Tome XXII, № 7: Mahâkâtjajâna und König Tshaṇḍa-Pradjota. Ein Cyclus buddhistischer Erzählungen mitgetheilt von A. Schiefner. St. Petersb. 1875.

водѣ, которымъ онъ снабдилъ тибетскій текстъ «Отвѣтовъ Bhараты[159]» (нашего Баладhа).

Арабская XX глава носитъ заглавіе باب العلجوم وٱلبَطّة bâbu-lʿulǧûmi ŭa-lbaṭṭah: глава о цаплѣ и уткѣ (встрѣчается эта глава, кажется, только въ одной рукописи, именно парижск.—1501, см. Mém. hist. De Sacy, p. 59). Она отразилась въ лат. Directorium, гдѣ носитъ заглавіе «De avibus et est de sociis et proximis qui se invicem decipuint», въ еврейской версіи, гдѣ она называется просто «глава о птицахъ — שער העופות šaʿar haʿôphôth, въ древне-испанской, гдѣ называется «De las garzas é del zarapico» и въ версіи Раймунда, у котораго ей дано заглавіе: «De duabus avibus habentibus tibias longas et colla longa; et vocatur haec avis garca vulgariter et holgos et de quadam ave quae arabice marzam (другой разъ она названа maziam) dicitur habens longum rostrum et dicitur vulgariter moratico»... Въ еврейской версіи эти имена даны въ видѣ עלמס (изъ עלגום = арабск. علجوم) и מרזם = арабск. مرزم), въ переводѣ Іоанна Капуанскаго holgos (=holgos у Раймунда; произошло изъ ошибочнаго чтенія въ евр. версіи עלגוס вм. עלגום) и mosan (=marzam, maziam).

XXI глава въ Мосульск. изд. носитъ заглавіе: глава о голубѣ, лисицѣ и птицѣ, называемой mâ-

---

[159]) Viro illustrissimo Victori Bouniakowsky Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanæ Praesidis vices gerenti..... gratulatur Imp. Academiæ Scient. Petrop. classis historico-philologicu. Bharatae responsa tibetice cum versione latina ab Antonio Schiefner edita. Petropoli MDCCCLXXV. Басни приведены на стр. 24—25.

liku-lḥazîn, или человѣкъ, который даетъ хорошій совѣтъ другимъ, а не себѣ. Эту главу мы находимъ въ древне-испанск. версіи, гдѣ имя mâliku-lḥazîn замѣнено названіемъ alcaravan. Она отразилась также въ еврейской версіи (здѣсь стоитъ просто צפור ṣipôr птица) и въ Directorium (гдѣ это имя переведено passer). Раймундъ имѣетъ alcharam и acharam.

Михаилъ Рябининъ.

Москва,
18 апрѣля 1889 г.

Сокращенія заглавій, допущенныя въ примѣчаніяхъ:

KDB = Kalilag und Damnag etc. Bickell et Benfey, Leipzig, 1876.
KDKF = Kalîlah and Dimnah, переводъ съ сирійск. I. G. N. Keith-Falconer, Cambridge, 1885.
PB = Pantschatantra: Fünf Bücher etc. Benfey. Leipzig, 1859.
JRAS = Journal of the Royal Asiatic Society.

КНИГА КАЛЙЛАẖ И ДИМНАẖ.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ

составленное Баhнŷдомъ бен Саḥвâнъ, извѣстнымъ подъ именемъ 'Алій бен аш-Шâh Фарсійскій, въ которомъ онъ разсказываетъ причину, побудившую главу браhмановъ, индійскаго философа (по имени) Байдабâ написать для царя Индіи Дабшалйма свою книгу подъ названіемъ Калйлаh и Димнаh, гдѣ авторъ избралъ языки птицъ и животныхъ изъ желанія скрыть въ книгѣ свою цѣль отъ простаго народа, скупясь сообщить содержаніе ея черни и желая сдѣлать болѣе возвышенными философію съ ея отраслями, ея красоты и ея главныя основы. Для философа она представляетъ обширную область, открытую для его ума, любителямъ сообщаетъ воспитаніе, изучающихъ ее облагораживаетъ. Затѣмъ онъ разсказываетъ причину, вслѣдствіе которой Хосровъ Анŷшйрванъ, сынъ Ḳобâда сына Фйрŷза, царь Персіи, послалъ въ Индію главу медиковъ Барзŷйэ изъ-за книги Калйлаh и Димнаh и о ловкихъ поступкахъ Барзŷйэ съ момента его вступленія въ Индію до того времени, какъ къ нему явился тотъ человѣкъ, который списалъ для него тайно ночью въ сокровищницѣ царя находившіяся тамъ книги индійскихъ ученыхъ. Разсказавши о миссіи Барзŷйэ въ Индію за этой книгой, онъ упоминаетъ въ немъ (предисловіи) насколько необходимо для читающихъ ее читать ее со вниманіемъ, изучать и обращать вниманіе на внутренній смыслъ ея, т. к. въ противномъ случаѣ человѣкъ не получитъ отъ нея пользы. Затѣмъ разсказываетъ о возвращеніи Барзŷйэ и чтеніи книги публично, а также о причинѣ, вслѣдствіе которой Бурзургмиhръ написалъ отдѣльную главу подъ заглавіемъ «Врачъ Барзŷйэ», гдѣ разсказываетъ біографію Барзуйэ со времени его рожденія до тѣхъ поръ, какъ онъ достигъ образованности и, полюбивъ философію, углубился

(margin: 2 beside line 1; 3 beside "послалъ въ Индію главу медиковъ Барзŷйэ изъ-за книги Ка-")

въ ея отрасли; эту главу онъ помѣстилъ передъ главой «Левъ и Быкъ», представляющей начало книги. 'Алій бен аш-Шаh Фарсійскій слѣд. образомъ разсказываетъ причину, вслѣдствіе которой философъ Байдабâ написалъ индійскому царю Дабшалиму книгу Калйлаh и Димнаh:

Александръ Двурогій Македонскій (al-Iskander d̲û-l-k̦arnayni-r-Rûmiy), покончивъ съ царями, жившими на западѣ, отправился, желая покорить царей востока, начиная съ персидскихъ, затѣмъ другихъ, то и дѣло сражаясь съ желающими состязаться съ нимъ, нападая на нападающихъ на него и мирясь съ покоря- 4
ющимися ему персидскими царями, которые составили первую группу. Наконецъ онъ побѣдилъ ихъ и, отбивъ охоту сопротивляться, сталъ властвовать надъ тѣми съ которыми сражался, и они разбѣжались по разнымъ дорогамъ, растерзанные какъ лохмотья. Тогда онъ отправился съ войскомъ по направленію къ Китаю и первымъ дѣломъ по дорогѣ сталъ призывать индійскаго царя къ покорности, приглашая его вступить въ свою религію и въ свое подданство. Въ Индіи въ то время былъ царь вліятельный, могущественный, сильный и энергичный, по имени Фӯръ. Когда до него дошла вѣсть о движеніи Александра противъ него, онъ сталъ вооружаться на войну съ нимъ и приготовляться къ борьбѣ, стягивать къ себѣ пограничныя войска, стараясь собрать противъ него народъ со всѣхъ сторонъ и собирая изъ-за него въ короткій срокъ множество средствъ вооруженія, какъ-то: слоновъ, пріученныхъ къ войнѣ, львовъ, наносящихъ уронъ при нападеніи, осѣдланныхъ кавалерійскихъ лошадей, острые мечи и блестящія копья. Приблизившись къ Фӯру, Александръ получилъ извѣстіе, какъ велика собранная противъ него конница, необозримая какъ части ночи и подобно которой не встрѣчалъ ни одинъ изъ царей, жившихъ на землѣ. Боясь очутиться въ стѣсненномъ положеніи, если ускорить битву, Александръ (а онъ былъ человѣкъ хитрый, находчивый, обладавшій прекрасными административными способностями и опытностью) задумалъ дѣйствовать хитростью и медлить; поэтому онъ приказалъ вырыть ровъ передъ своимъ лагеремъ, оставаясь на мѣстѣ для того, чтобы придумать образъ дѣйствія, улучшить 5
свое положеніе и рѣшить, какъ онъ долженъ двинуться для нападенія. Онъ призвалъ астрологовъ и приказалъ имъ выбрать

подходящій день, гдѣ военная удача въ сраженіи съ царемъ Ин-
діи была бы на его сторонѣ; тѣ занялись этимъ. Обыкновенно,
проходя по городамъ, Александръ бралъ въ нихъ ремесленниковъ
всякаго рода, извѣстныхъ своимъ искусствомъ. Его энергія при-
несла ему плоды и его остроуміе надоумило его предложить быв-
шимъ съ нимъ ремесленникамъ устроить мѣдныхъ лошадей съ
пустыми туловищами, на которыхъ были бы подобія людей и
съ вращающимися колесами, которыя, если ихъ толкнуть, дви-
гались бы быстро; затѣмъ онъ приказалъ начинить ихъ, когда
будутъ окончены, нефтью и сѣрою, одѣть и выставить передъ
рядами войска въ центрѣ, а когда сойдутся оба войска, то раз-
вести въ нихъ огонь. Дѣло въ томъ, что когда слоны обхва-
тятъ хоботами раскаленныхъ всадниковъ, то обратятся въ бѣг-
ство. Ремесленникамъ онъ приказалъ приступать къ дѣлу и
поспѣшить окончаніемъ. Между тѣмъ приблизилось время, ука-
занное астрологами, и Александръ послалъ вторично своихъ по-
словъ къ Фуру, призывая его къ повиновенію и покорности
своей власти. Тотъ отвѣтилъ, что остается его заклятымъ вра-
гомъ и намѣренъ воевать съ нимъ. Увидѣвъ его намѣреніе,
Александръ пошелъ на него, захвативъ съ собою все, что при-
готовилъ. Фуръ выставилъ впередъ слоновъ; люди Александра
выдвинули упомянутую конницу съ подобіями всадниковъ. Тогда 6
слоны двинулись на встрѣчу имъ и обхватили ихъ своими хобо-
тами, но когда почувствовали жаръ, то сбрасывали своихъ всад-
никовъ и топтали ихъ своими ногами. Затѣмъ они обратились
въ бѣгство, не жалѣя никого и наступая на всѣхъ, мимо кого
проходили. Фуръ и его войско были отрѣзаны сподвижниками
Александра, которые ихъ преслѣдовали, нанося имъ смертельныя
раны. Александръ закричалъ: «О царь индійскій! Выступи на по-
единокъ съ нами, сохрани свое войско и семью, и не подвергай
ихъ гибели, ибо вовсе не мужественно для царя подвергать сво-
ихъ воиновъ уничтожающей гибели и послѣдствіямъ несчастнаго
сраженія; но слѣдуетъ ему охранять ихъ своимъ могуществомъ
и защищать ихъ лично; поэтому выступи противъ насъ на по-
единокъ, оставивъ войско въ покоѣ, и кто изъ насъ побѣдитъ
другого, тотъ будетъ счастливѣе». Когда Фуръ услышалъ отъ
Александра эту рѣчь, то рѣшился сражаться съ нимъ изъ же-
ланія овладѣть имъ, думая что наступилъ подходящій случай.

Александръ выступилъ противъ него, и они стали галопировать
на своихъ лошадяхъ одинъ вокругъ другого въ продолженіе нѣ-
сколькихъ часовъ дня, однако никто изъ нихъ не могъ найти
удобнаго момента (чтобы напасть на противника сбоку). Такъ
они состязались, а когда надоѣло это дѣло Александру, то не
находя ни удобнаго момента, ни какого-либо маневра, онъ ис-
пустилъ громкій крикъ по направленію къ лагерю, отъ котораго
содрогнулись земля и войско. Фӯръ обернулся, когда услыхалъ
этотъ крикъ, думая, что онъ происходитъ отъ заговора въ своемъ
лагерѣ. Тогда Александръ поспѣшно нанесъ ему ударъ, отъ ко- 7
тораго онъ покачнулся въ сѣдлѣ, сопровождая этотъ ударъ вто-
рымъ, отъ котораго тотъ свалился на землю. Когда Индійцы
увидѣли, что сталось съ нимъ и что постигло царя ихъ, то на-
пали на Александра и сражались съ нимъ съ такимъ одушевле-
ніемъ, что (даже) желали бы умереть. Богъ далъ ему ихъ поко-
рить, а онъ обѣщалъ имъ милость отъ себя. Александръ овладѣлъ
ихъ городами и назначилъ надъ ними царемъ человѣка предан-
наго ему, проживъ послѣ этого въ Индіи до тѣхъ поръ, пока
не увѣрился, что жители преданны ему во всѣхъ желатель-
ныхъ для него дѣлахъ и что они единогласны въ своихъ мнѣніяхъ.
Затѣмъ Александръ оставилъ Индію и, назначивъ преемникомъ
своимъ надъ ними упомянутаго человѣка, отправился туда, куда
его влекло. Но когда Александръ удалился со своими войсками
изъ Индіи, Индусы отказали его преемнику въ повиновеніи, какое
оказывали самому Александру, говоря: онъ не годенъ для прав-
ленія: и знать и чернь недовольны тѣмъ, что дали властвовать
надъ ними человѣку не изъ ихъ среды и не изъ рода туземныхъ
царей и что онъ постоянно ихъ унижаетъ и третируетъ съ пре-
зрѣніемъ. Тогда они единогласно рѣшили выбрать себѣ въ цари
человѣка изъ потомковъ ихъ царей, и выбрали царемъ нѣкоего
Дабшалӣма, свергнувъ того человѣка, котораго оставилъ имъ
въ наслѣдники Александръ. Но когда онъ увѣрился въ своемъ
положеніи и когда власть его упрочилась, то онъ сдѣлался не-
справедливымъ тираномъ и надменнымъ гордецомъ; однако, не
смотря на это, въ войнахъ, которыя онъ началъ вести съ окру-
жающими царями, онъ оставался побѣдителемъ, побѣдоноснымъ и
удачливымъ. Затѣмъ, сознавши свою власть и могущество, онъ
сталъ пренебрегать своими подданными и, считая ихъ не заслу-

живающими вниманія, ухудшать свое обращеніе съ ними; и чѣмъ 8
болѣе усиливалось его положеніе, тѣмъ болѣе возростала его
надменность. Такимъ образомъ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ.
Въ его же время жилъ нѣкій человѣкъ, философъ изъ Браһманов, добродѣтельный и мудрый, извѣстный своимъ нравственнымъ совершенствомъ, къ мнѣнію котораго обращались въ трудныхъ случаяхъ: звали его Байдабâ.

И когда онъ увидѣлъ, каковъ царь и какое тиранство онъ причиняетъ своимъ подданнымъ, то сталъ размышлять, какимъ способомъ отвратить его отъ этого и вернуть его къ умѣренности и справедливости. Онъ собралъ своихъ учениковъ и сказалъ: «Знаете ли, о чемъ я желалъ посовѣтоваться съ вами?... Знайте же, я долго думалъ о Дабшалûмѣ, о томъ, что онъ удалился отъ справедливости и присталъ къ злу, о его непохвальномъ поведеніи и дурномъ обращеніи съ подданными. Чтò касáется насъ, то при подобныхъ поступкахъ, являющихся со стороны царей, мы бываемъ довольны собою только тогда, когда возвращаемъ ихъ къ дѣлу добра и къ сближенію съ справедливостью (въ зависимость отъ справедливости). Когда же мы относимся къ этому безъ вниманія и съ пренебреженіемъ, то непремѣнно случится съ нами нежелательное и постигнетъ насъ то, чего мы остерегаемся. Тогда мы окажемся, по разумѣнію невѣждъ, невѣжественнѣе ихъ и въ глазахъ ихъ будемъ менѣе достойны, чѣмъ они. Но у меня вовсе нѣтъ на умѣ мысли, быть свободнымъ отъ отечества; въ то же время намъ невозможно по нашимъ убѣжденіямъ (слѣдуя нашей философіи) оставить его (царя) съ такимъ сквернымъ поведеніемъ и непохвальнымъ образомъ жизни. Однако мы не въ состояніи воевать съ нимъ иначе, какъ нашими языками; ибо если бы мы пошли искать помощи у чужихъ, то нелегко намъ было-бы находиться къ нему въ оппозиціи, и если бы онъ почувствовалъ съ нашей стороны противорѣчіе
ему и порицаніе его скবернаго поведенія, то это было-бы нашею
гибелью. Вѣдь вы хорошо знаете, что совмѣстная жизнь льва, 9
собаки, змѣи и быка подъ условіемъ жить хорошо и наслаждаться жизнью есть самообольщеніе (иллюзія). Обязанность истиннаго философа состоитъ въ томъ, чтобы направлять свою энергію на то, что укрѣпляетъ душу противъ напастей и ожидаемыхъ послѣдствій и, устраняя опасности, извлекать желаемое.

Я часто слышалъ, что одинъ философъ писалъ своему ученику: кто сближается и дружится съ дурными людьми, тотъ подобенъ мореплавателю, который хотя, можетъ быть, уцѣлѣетъ отъ потопленія, не спасется однако отъ страха. Если человѣкъ идетъ по пути къ гибели и къ опасности, то онъ считается стоящимъ ниже ословъ, у которыхъ нѣтъ ума, потому что неразумныя животныя, отличаясь по природѣ своей знаніемъ того, что имъ приноситъ пользу, защищаются отъ непріятнаго: вотъ причина, почему они, какъ мы видимъ, не идутъ на встрѣчу гибели; когда же они иногда почти приблизятся къ мѣсту своей гибели, то, слѣдуя свойству, сообщенному имъ природой, стремятся убѣжать и удалиться отъ нея, желая спастись и защититься. Я васъ собралъ для этого дѣла, потому, что вы моя радость, хранители моей тайны и складъ моего знанія, въ васъ моя помощь и моя опора. Кто живетъ уединенно и не дѣлится съ другими своими мнѣніями, тотъ теряетъ (проигрываетъ) и не имѣетъ помощника, а человѣкъ умный, по истинѣ, достигнетъ своею сообразительностью 10
даже того, чего нельзя достичь конницей и войсками. Примѣромъ этому служитъ слѣд.: одинъ жаворонокъ устроилъ на пути слона гнѣздо и нанесъ въ него яицъ, а у слона было мѣсто, куда онъ ходилъ пить; и вотъ однажды, проходя мимо по своему обыкновенію, чтобы прійти на свое мѣсто, онъ наступилъ на гнѣздо жаворонка, раздавилъ его яйца и убилъ птенцовъ. Когда жаворонокъ увидѣлъ принесенное ему зло и догадался, что виновникъ его есть слонъ, а никто другой, то улетѣвъ, спустился, плача, ему на голову, и сказалъ: «О царь, зачѣмъ ты разбилъ мои яйца и убилъ моихъ птенцовъ, вѣдь я былъ твоимъ сосѣдомъ; или ты сдѣлалъ это изъ пренебреженія ко мнѣ и изъ презрѣнія къ моему положенію»? Онъ отвѣчалъ: «Именно это заставило меня поступить такъ». Тогда онъ оставилъ его, и отправившись къ обществу птицъ, сталъ жаловаться имъ на то, что потерпѣлъ со стороны слона. Птицы отвѣчали ему: «Чего же мы можемъ добиться отъ него? вѣдь мы птицы». Послѣ этого онъ сказалъ сорокамъ и воронамъ: «Я желаю отъ васъ, чтобы вы отправились со мною къ нему и выклевали бы у него глаза, а затѣмъ я найду противъ него другое средство». Тѣ согласились на это и, отправившись къ слону, стали непрырывно клевать его глаза, пока не уничтожили ихъ; тогда слонъ оказался не въ состояніи найти

дорогу къ пастбищу и водопою и питался только тѣмъ, что онъ
могъ глотать (стоя) на своемъ мѣстѣ. Когда жаворонокъ уз-
налъ это о слонѣ, то пришелъ къ ручейку, гдѣ было множе-
ство лягушекъ и сталъ жаловаться имъ на то, что потерпѣлъ
со стороны слона. Лягушки отвѣчали: «Къ какой хитрости мы 11
можемъ прибѣгнуть, мы (такіе слабые) сравнительно съ могуще-
ственностью слона, и чего мы можемъ добиться отъ него»? Тотъ
же сказалъ: «Я желаю отъ васъ, чтобы вы отправились со мною
въ близкую отъ него котловину и тамъ бы квакали и кричали,
когда же онъ услышитъ вашъ крикъ, то не сомнѣваясь въ при-
сутствіи воды (приблизится къ ямѣ) и упадетъ въ нее». Они со-
гласились на это и собрались въ глубокой ямѣ. Слонъ услыхалъ
кваканіе лягушекъ и, мучимый жаждой, сталъ приближаться,
такъ что наконецъ упалъ въ яму и тамъ погибъ. Тогда приле-
тѣлъ жаворонокъ и, порхая на головѣ его, сказалъ: «О надмен-
ный, обманутый своей силой, относившійся съ пренебреженіемъ къ
моему положенію, какъ ты думаешь о силѣ моей хитрости при не-
значительности моего роста въ сравненіи съ огромностью тво-
его тѣла и твоей малой энергіей»? Итакъ, пусть каждый изъ
васъ посовѣтуетъ свое мнѣніе, которое приходитъ ему на умъ».
(Они) ученики отвѣтили въ одинъ голосъ: «О философъ, совер-
шенный, мудрый, справедливый, ты нашъ глава и превосходишь
насъ совершенствомъ, что же можетъ быть сумма нашихъ мнѣ-
ній въ сравненіи съ твоимъ мнѣніемъ и наше пониманіе въ срав-
неніи съ твоимъ пониманіемъ? Однако мы знаемъ, что плавать
въ водѣ вмѣстѣ съ крокодиломъ есть иллюзія, и виновенъ здѣсь
тотъ, кто приходитъ туда, гдѣ находится крокодилъ; если же
кто извлекаетъ ядъ изъ зубовъ змѣи и глотаетъ его, чтобы
испытать на себѣ, то змѣя (въ этомъ) вовсе невиновна, а если
кто входитъ ко льву въ его логовище, тотъ не въ безопасности
и подвергается нападенію. А что касается этого царя, то его
не устрашитъ судьба и не научитъ опытъ. Мы не увѣрены за 12
тебя, въ то время какъ его могущество противъ насъ; мы бо-
имся за тебя изъ-за гнѣва и дурнаго обращенія, которыми онъ
тебя встрѣтитъ, если ты начнешь свою рѣчь съ чего-нибудь ему
неугоднаго».

Философъ Байдаба̂ отвѣчалъ: «Клянусь моей жизнью, вы
сказали и сдѣлали хорошо, но разумный человѣкъ не долженъ

пропускать случая посовѣтоваться съ тѣми, кто ниже или выше
его по положенію; ибо изолированное (единичное) мнѣніе не до-
статочно въ частныхъ дѣлахъ и совсѣмъ не приноситъ пользы
въ общественныхъ. Я твердо рѣшился (видѣться) съ Дабшалймомъ
и теперь, когда я выслушалъ ваши слова, для меня стали яс-
ными ваши наставленія и ваше состраданіе обо мнѣ и о себѣ;
тѣмъ не менѣе я составилъ себѣ особое мнѣніе и рѣшеніе, и вы
непремѣнно узнаете о моемъ разговорѣ съ царемъ и о моихъ
отвѣтахъ ему. Когда до васъ дойдетъ вѣсть, что я уже вышелъ
отъ царя, то соберитесь ко мнѣ». Послѣ этого онъ отпустилъ
ихъ, и они пожелали ему добра. Байдабâ выбралъ день, когда
идти къ царю, и при наступленіи этого времени (срока), надѣвъ
масӯһу (одежду Браһмановъ), отправился къ царскому дому и
спросилъ о церемоніймейстерѣ; философа провели къ нему и онъ,
поклонившись ему, доложилъ: «Я человѣкъ, который пришелъ къ
царю, имѣя для него наставленіе». Церемоніймейстеръ тотчасъ
пошелъ къ царю и сказалъ: «У дверей (дожидается) нѣкій Браһ-
манъ по имени Байдабâ; говоритъ, что имѣетъ для царя настав- 13
леніе». Царь позволилъ ему войти; тотъ вошелъ, сталъ передъ
царемъ, билъ ему челомъ и опустился передъ нимъ на колѣни;
затѣмъ поднялся и замолчалъ. Дабшалймъ подумалъ о его мол-
чаніи и сказалъ самъ себѣ: «этотъ человѣкъ можетъ стремиться
къ намъ только изъ-за двухъ дѣлъ:—или съ цѣлью попросить
чего-нибудь, что улучшило бы его положеніе, или же потому,
что его постигло что-нибудь, противъ чего онъ не имѣетъ силы».
Затѣмъ онъ продолжалъ: «Если преимущество царей заключается
въ ихъ власти, то преимущество мудрецовъ, заключающееся въ
ихъ философіи, значительнѣе, такъ какъ въ знаніи со сто-
роны царей философы не нуждаются, между тѣмъ какъ цари
испытываютъ въ нихъ сильную нужду въ финансовыхъ дѣлахъ.
Я считаю науку и совѣстливость тѣсно связанными между собою
и неразлучными друзьями, изъ которыхъ если уничтожится одинъ,
другой не въ состояніи существовать, совершенно какъ два иск-
реннихъ пріятеля: ибо если умретъ одинъ изъ двухъ, то душѣ
другого жить послѣ своего товарища не можетъ быть пріятно
изъ сожалѣнія по немъ. Кто не стыдится мудрецовъ, не ува-
жаетъ ихъ, не признаетъ ихъ нравственнаго превосходства надъ
другими, не охраняетъ ихъ на пути къ слабости и не удаляетъ

ихъ изъ худыхъ жилищъ, тотъ принадлежитъ къ числу людей, лишенныхъ ума, для которыхъ земная жизнь потеряна, а кто оскорбляетъ мудрецовъ и лишаетъ ихъ правъ, тотъ причисляется къ невѣждамъ». Затѣмъ онъ поднялъ свой взоръ на Байдабŷ и сказалъ ему: «Я увидѣлъ, Байдабâ, что ты молчишь, не излагая своей нужды и не разсказывая своего желанія, и сказалъ самъ себѣ: причина, заставляющая его молчать, есть тотъ страхъ, ко- 14
торый его обхватилъ, или постигшее его изумленіе; при этомъ я подумалъ, какъ долго ты стоишь, и сказалъ самъ себѣ: если насъ посѣтилъ, противъ своего обыкновенія, Байдабâ, то его побудило къ этому важное дѣло; вѣдь онъ одинъ изъ самыхъ совершенныхъ людей своего времени; спросимъ его о причинѣ его прихода; если ею окажется полученная имъ обида, мнѣ лучше всего будетъ подать ему руку, поспѣшить его почтить и, поторопившись доставить ему желаемое, засвидѣтельствовать ему свое уваженіе; если его желаніе будетъ одной изъ мірскихъ цѣлей, я прикажу удовлетворить его, чего бы онъ ни пожелалъ; если же его просьба будетъ касаться дѣлъ государственныхъ, именно тѣхъ, которыя цари въ умѣ своемъ находятъ затруднительными и потому не исполняютъ, я подумаю о размѣрѣ наказанія его, чтобы не осмѣливался кто-нибудь, слѣдуя его примѣру, входить съ своимъ мнѣніемъ въ сферу вопросовъ (занимающихъ) царей; а если это будетъ нѣчто, относящееся къ подданнымъ, чѣмъ онъ старается направить мои заботы на нихъ, я разсмотрю, что это такое, ибо мудрецы совѣтуютъ только для блага, невѣжды же наоборотъ. Итакъ я позволяю тебѣ говорить свободно».

Когда Байдабâ услышалъ это отъ царя, то изъ него исчезла боязнь и удалился весь страхъ, который было напалъ на его душу. Онъ билъ челомъ ему (царю), сталъ на колѣни, затѣмъ всталъ передъ нимъ и началъ говорить: «Первое, что я говорю — прошу у Всевышняго Бога вѣчной жизни царю и продолжительности его власти на-вѣки, потому что царь далъ мнѣ въ моемъ положеніи это мѣсто, чѣмъ возвысилъ меня передъ всѣми буду- 15
щими учеными, и сдѣлалъ память обо мнѣ у мудрецовъ постоянною на-вѣки». Затѣмъ онъ обратился къ царю, радуясь и довольный вниманіемъ его и сказалъ: «Царь обратилъ на меня благосклонное вниманіе своею щедростью и своими милостями; но дѣло, заставившее меня прійти къ нему и принудившее меня

сдѣлать этотъ опасный шагъ, т. е. говорить съ нимъ и явиться къ нему, есть наставленіе, предназначенное мною исключительно ему одному; всякій, до кого дойдетъ вѣсть о немъ (объ этомъ наставленіи), убѣдится, что я не отступаю передъ долгомъ, который лежитъ на мнѣ, какъ на главѣ мудрецовъ. Если онъ, (царь) позволивши мнѣ говорить свободно, приметъ мое наставленіе къ свѣдѣнію, то онъ поступитъ въ этомъ случаѣ правильно; а затѣмъ пусть дѣлаетъ, что ему вздумается; если же онъ отвергнетъ его, то я все-таки достигну того, что мнѣ нужно, и освобожусь отъ направленнаго противъ меня упрека». Царь отвѣчалъ: «О Байдабâ, говори, о чемъ ты желаешь; ибо я сосредоточилъ свое вниманіе, внимая тебѣ и слушая тебя, до тѣхъ поръ, пока не истощится до конца предметъ твоей рѣчи; а тогда я уже награжу тебя по достоинству».

Байдабâ же сказалъ: «Вещей, отличающихъ спеціально людей изъ среды остальныхъ животныхъ, я нахожу четыре, которыя составляютъ совокупность всего, что находится въ мірѣ; это именно мудрость, воздержаніе, умъ и справедливость. Знаніе, образованность и опытность относятся къ области мудрости; 16
кротость, терпѣніе и строгость нравовъ — къ области ума; стыдъ, щедрость, осторожность и скромность — къ области воздержанія, а правдивость, милосердіе, наблюдательность и хорошій характеръ — къ области справедливости. Вотъ качества хорошія, противоположность которымъ представляютъ качества дурныя. Когда они разовьются въ какомъ-нибудь человѣкѣ, то его не доведетъ чрезмѣрность счастья къ судьбѣ — дурному исходу здѣшней жизни или къ потерѣ въ будущей. Онъ не жалѣетъ тогда о томъ, что судьба препятствуетъ постоянству его наслажденій, его не печалитъ (сознаніе), сколько лѣтъ онъ провелъ у власти, и онъ не изумляется, встрѣчаясь съ непріятностью. Мудрость—это сокровище, которое не растрачивается расходами,— запасъ, котораго не касается оскудѣніе,— одежда, прочность и пріятность которой (никогда) не изнашиваются и срокъ (ношенія) которой не сокращается. А что я удержался отъ начала рѣчи, когда я стоялъ передъ царемъ, то причиною этого у меня было только уваженіе и почтеніе къ нему. Клянусь своей жизнью, цари достойны уваженія, особенно ты, занимающій такую высокую степень сравнительно съ степенями твоихъ предшественниковъ. Ученые го-

ворятъ: «Сдѣлай своимъ постояннымъ свойствомъ молчаніе, ибо въ немъ заключается благо и избѣжаніе пустыхъ словъ, за которыми слѣдуетъ раскаяніе». Разсказываютъ, что одинъ царь призвалъ четырехъ ученыхъ на засѣданіе и сказалъ имъ: «Скажите каждый по фразѣ, которая представляла бы основу педагогики». Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: «Самое совершенное качество ученаго есть молчаніе»; другой сказалъ: «Одна изъ полезнѣйшихъ вещей для человѣка — знать, каково его положеніе, судя по его уму»; третій сказалъ: «Самое полезное для человѣка 17
— не говорить о томъ, что его не касается»; четвертый сказалъ: «Легчайшая вещь для человѣка — предаться судьбѣ». Собрались въ одно время (нѣкогда) цари земель: китайскій, индійскій, персидскій и византійскій и сказали: «Пусть каждый изъ насъ скажетъ нѣсколько словъ, которыя на вѣчныя времена будутъ записаны отъ его имени въ книгу». Китайскій царь сказалъ: «Я чувствую въ себѣ больше силы, чтобы не сказать чего-нибудь, чѣмъ возвратить то, что сказалъ»; царь индійскій сказалъ: «Я удивляюсь тому, кто говоритъ рѣчь; ибо, если она говоритъ за него, то все-же не приноситъ ему пользы, если же говоритъ противъ него, то подвергаетъ его темничному заключенію»; персидскій царь сказалъ: «Когда я сказалъ какое-нибудь слово, оно владѣетъ мною, когда же я не сказалъ его, я имъ владѣю (я становлюсь его царемъ)»; византійскій царь сказалъ: «Я не раскаивался въ томъ, чего никогда не говорилъ, но раскаивался въ томъ, что говорилъ часто». Молчаніе для царей лучше болтливости, отъ которой не происходитъ пользы; въ то же время оно — самое совершенное, чѣмъ можетъ украсить человѣкъ свой языкъ. Но да продолжитъ Богъ время жизни царя за то, что онъ дозволилъ мнѣ говорить свободно и далъ просторъ моей рѣчи. Лучшее чѣмъ я могу начать теперь свою рѣчь — это начать ее пожеланіемъ, чтобы плодъ отъ нея былъ ему, а никакъ не мнѣ. Я назначаю пользу ему прежде, чѣмъ себѣ, точно такъ, какъ конечною цѣлью, которую я преслѣдую въ своихъ словахъ, была бы 18
будущая жизнь; итакъ, польза и почетъ отъ этого пусть будутъ его. Я исполняю долгъ, лежащій на мнѣ, и поэтому говорю: «О царь, ты находишься на мѣстѣ твоихъ отцовъ и героевъ — предковъ, которые основали и воздвигли раньше тебя, безъ твоего участія, царскую власть, строили крѣпости и укрѣпленія,

приводили въ порядокъ (украшали) города, предводительствовали арміями, собирая многочисленныя военныя средства, жили долгое время, умножали вооруженіе и конницу и проживали (цѣлые) вѣка въ благоденствіи и ликованіи; но это не помѣшало имъ пріобрѣсти прекрасную память по себѣ, не лишило ихъ пріобрѣтенія благодарности, не удержало ихъ отъ раздаянія милостей людямъ, имѣвшимъ къ нимъ отношеніе, или отъ дружескаго расположенія къ тѣмъ, надъ которыми они властвовали (къ подчиненнымъ), не удержало ихъ и отъ хорошаго поведенія, которому они постоянно слѣдовали, несмотря на (тотъ) необыкновенный блескъ власти и упоеніе могуществомъ. Ты, о царь, счастливый въ своихъ предпріятіяхъ, звѣзда счастія котораго восходитъ, наслѣдовалъ ихъ землю, страны, имущества и достоинства, которыя безчисленны, живешь, имѣя[1] (пользуясь) власть, имущество и войска, которыя тебѣ даны, и не исполняешь лежащаго на тебѣ долга, а напротивъ сталъ надменнымъ, гордымъ, сдѣлался тираномъ для своихъ подданныхъ, вознесся сверхъ мѣры и ухудшилъ свое поведеніе, такъ что изъ-за тебя умножилось несчастіе. Между тѣмъ было бы для тебя гораздо лучше, и болѣе похоже на тебя, идти по пути своихъ предковъ и по слѣдамъ предшествовавшихъ тебѣ царей, слѣдуя тѣмъ хорошимъ качествамъ, которыя они тебѣ завѣщали, искоренять въ себѣ приставшій къ тебѣ порокъ и овладѣвшую тобою гнусность, улучшить свое отношеніе къ подданнымъ; затѣмъ составить для нихъ благодѣтельные законы, о которыхъ осталась бы 19
по тебѣ память и послѣдовала бы за тобой прекрасная слава, сами же законы послужили бы на благоденствіе и упроченіе справедливости. Самообольщенный невѣжда—тотъ, кто въ своихъ поступкахъ руководится безшабашностію и безпечностью, а умный и мужественный управляетъ царствомъ съ ловкостью и кротко. Посмотри, о царь, на то, что я тебѣ предлагаю, и тебѣ это не покажется тяжелымъ: я высказываю тебѣ предметъ моихъ желаній не для награды, и не прошу у тебя чего-нибудь въ удовлетвореніе за это (за слова мои), я пришелъ къ тебѣ съ совѣтомъ, сожалѣя тебя». Когда Байдаба́ прекратилъ свою рѣчь, окончивъ свое наставленіе, царь разсердился въ сердцѣ своемъ и грубо отвѣтилъ ему, относясь къ нему съ пренебреженіемъ: «Ты уже кончилъ свою рѣчь, но я никогда не думалъ, чтобы

кто-нибудь изъ жителей моего государства могъ явиться ко мнѣ съ подобными словами и рѣшиться на то, на что рѣшился ты. Какъ ты могъ при незначительности своего сана, имѣя слабую силу (не имѣя большаго могущества и значенія), изумлять меня своими поступками и давать власть своему языку переступать приличныя тебѣ границы! Поэтому я не нахожу ничего болѣе дѣйствительнаго, чтобы научить другихъ, какъ воспользоваться тобою для примѣра. Это будетъ назиданіемъ и наставленіемъ для тѣхъ людей, которые можетъ быть дойдутъ до желанія отъ царей того, чего добивался ты, когда послѣдніе допустятъ ихъ къ своему трону». Послѣ этого онъ приказалъ убить Байдабу и распять. Когда-же его увели, чтобы исполнить повелѣніе, царь подумалъ о своемъ приказаніи и удержался отъ него, повелѣвъ заключить Байдабу въ темницу и заковать въ оковы. По 20
заключеніи его въ темницу, онъ послалъ искать его учениковъ и всѣхъ тѣхъ, кто бывало собирался къ нему. Но они между тѣмъ уже разбѣжались по разнымъ странамъ, ища убѣжища на островахъ морей. Байдаба̂ провелъ въ темницѣ нѣсколько дней въ то время, какъ царь не освѣдомлялся о немъ (и не интересовался имъ), не обращая на него вниманія; напомнить же царю о немъ никто не смѣлъ. Наконецъ, наступила одна ночь, въ которую царь бодрствовалъ вслѣдствіе сильной безсонницы. Безсонница все продолжалась, и царь, направивъ свой взоръ на небесное пространство и размышляя о сферическомъ видѣ неба и о движеніи планетъ, погрузился мысленно въ разслѣдованіе причинъ нѣкоторыхъ пришедшихъ ему на умъ астрономическихъ фактовъ и вопросовъ. Здѣсь онъ вспомнилъ о Байдабѣ и, размысливъ о его словахъ, углубился въ нихъ и сказалъ самъ себѣ: «Я сдѣлалъ дурно, поступивъ съ этимъ философомъ такимъ образомъ, чѣмъ нарушилъ присущее ему право: побудила меня къ этому поспѣшность гнѣва. Ученые называютъ четыре вещи, которыхъ не должно быть у царей,— это именно: гнѣвъ, ибо нѣтъ ничего болѣе отвратительнаго; затѣмъ скупость, ибо не можетъ быть извиняемъ человѣкъ, одержимый ею, при его довольствѣ; потомъ лживость, ибо не слѣдуетъ никому быть сосѣдомъ человѣка лживаго; наконецъ непристойность въ разговорѣ, ибо глупость совершенно не соотвѣтствуетъ достоинству царей. Ко мнѣ пришелъ человѣкъ съ совѣтомъ, не говорившій

пустыхъ словъ, а я поступилъ съ нимъ наоборотъ, чѣмъ онъ
заслуживалъ и наградилъ его иначе, нежели ему слѣдовало. Не
въ этомъ должна была заключаться его награда съ моей сто-
роны, но слѣдовало мнѣ выслушать его слова и повиноваться 21
тому, что онъ посовѣтуетъ». Затѣмъ онъ тотчасъ послалъ
привести Байдабу. Когда тотъ явился передъ царемъ, послѣдній
сказалъ ему: «о Байдаба̂, не ты ли старался уменьшить мою
энергію и не ты ли пошатнулъ мое убѣжденіе относительно мо-
его поведенія тѣмъ, что ты говорилъ раньше»? Байдаба̂ отвѣ-
чалъ ему: «О царь—сострадательный наставникъ и благосклонный
другъ, я указывалъ тебѣ, въ чемъ заключается благо твое и тво-
ихъ подданныхъ, а также прочность твоей власти». Царь сказалъ
ему: «о Байдаба̂, повтори мнѣ твою рѣчь всю, не оставляя ни
одной буквы неповторенною вновь».

Байдаба̂ началъ говорить пространно свою рѣчь, а царь
внимательно слушалъ его, и всякій разъ какъ успѣвалъ услы-
шать отъ него что нибудь, принимался копать землю находив-
шимся у него въ рукахъ (посохомъ). Затѣмъ онъ поднялъ взоръ
на Байдабу, велѣлъ ему сѣсть и сказалъ: «о Байдаба̂, мнѣ нра-
вится твоя рѣчь, и я съ удовольствіемъ принимаю ее къ сердцу;
я подумаю о томъ, что ты совѣтуешь и исполню то, къ чему
ты побуждаешь». Затѣмъ царь далъ приказаніе относительно его
кандалъ, которыя были (тотчасъ) сняты и, надѣвъ на него свое
платье, оказалъ ему вниманіе. Байдаба̂ сказалъ: «О царь! И
меньше того что я тебѣ сказалъ было бы достаточно для по-
добнаго тебѣ» [1]). Царь отвѣчалъ: «ты сказалъ правду, добродѣ-
тельный мудрецъ, и я тебя назначаю правителемъ отъ этого
сѣдалища до всѣхъ окраинъ моего государства». Байдаба̂ сказалъ
ему: «о царь, освободи меня отъ этого дѣла, ибо я думаю, что
вести его правильно можешь только ты». Царь освободилъ его.
Но когда тотъ удалился, царь понялъ, что поступокъ его со- 22
вершенно необдуманный. Поэтому онъ послалъ воротить Байдабу
и сказалъ ему: «я подумалъ по поводу того, что освободилъ тебя
отъ своего предложенія и нашелъ, что выполнить его можешь
только ты и что взять его на себя и обхватить своимъ умомъ не

1) إِنَّ فى دون ما كلّمتك به نهاية لمثلك

въ состоянiи никто кромѣ тебя: итакъ не противорѣчь мнѣ въ
этомъ». Тогда Байдаба̂ далъ ему свое согласiе на это. Въ то
время былъ обычай — по назначенiи какого-либо министра на-
дѣть на голову ему вѣнецъ и везти его верхомъ въ сопровож-
денiи сановниковъ государства кругомъ по городу. Поэтому царь
приказалъ сдѣлать это и съ Байдабой. Когда на голову его воз-
ложили вѣнецъ, онъ проѣхалъ кругомъ по городу и, возвратив-
шись назадъ, сѣлъ на сѣдалище умѣренности и справедливости,
взимая съ благороднаго (знатнаго) въ пользу низкаго, уравнивая
разницу между сильнымъ и слабымъ, возвращая обиды, издавая
справедливые законы и будучи очень тороватымъ на подарки и
очень щедрымъ. Достигла вѣсть объ этомъ и до его учениковъ, и
они пришли изъ всѣхъ мѣстъ, довольные той прiятной новостью,
которую Богъ доставилъ Байдабѣ вслѣдствiе перемѣны образа
мыслей Дабшали̂ма и благодаря Всевышняго Бога за помощь,
оказанную Байдабѣ при отвращенiи Дабшали̂ма отъ (того что
было на немъ) и его дурнаго поведенiя. Этотъ день сдѣлали празд-
никомъ и празднуютъ его въ Индiи до сего дня. Затѣмъ Байдаба,
когда освободился его умъ отъ занятiй съ Дабшали̂момъ, предался
исключительно составленiю книгъ о политикѣ; онъ бодро принялся
за это дѣло и составилъ много тонкохитростныхъ книгъ, тракту- 23
ющихъ о политикѣ. Царь жилъ согласно съ тѣми образцами хо-
рошаго поведенiя и справедливости по отношенiю къ подданнымъ,
которые сообщилъ ему Байдаба̂, такъ что цари жившiе по бли-
зости отъ него стали къ нему стремиться, государственныя дѣла
давались ему легко всѣ безъ различiя, а подданные и сановники
его были имъ довольны. Послѣ этого Байдаба̂ собралъ своихъ уче-
никовъ, одарилъ ихъ наградами обѣщалъ имъ нѣчто хорошее и
сказалъ имъ (между прочимъ): «Я не сомнѣвался, что на ваши души
напалъ страхъ во время моего прихода къ царю; право, вы гово-
рили: Байдаба̂ потерялъ свою мудрость и лишился ума, такъ
какъ стремится явиться къ этому богатырю — гордецу. Вотъ вы
знаете теперь послѣдствiе моего рѣшенiя и правильность моихъ
мыслей: я не приходилъ къ нему не зная его, ибо часто слышалъ
отъ предшествовавшихъ мнѣ ученыхъ, что царямъ слѣдуетъ при-
нимать къ свѣдѣнiю наставленiе ученыхъ. Отсюда очевидна яс-
ность доказательства необходимости для нихъ удерживать ихъ
отъ отступленiя и удаленiя отъ справедливости. Поэтому я счи-

таю слова ученыхъ священнымъ долгомъ для мудрецовъ по
отношенію къ ихъ царямъ, подобно врачу, которому надлежитъ
въ силу его ремесла сохранять тѣла въ здравіи или приводить 24
ихъ къ нему. Я не желалъ, чтобы по смерти его или меня не
оставалось бы на землѣ никого, кромѣ тѣхъ, которые говорили
бы: былъ Байдаба̂ философъ современникомъ Дабшали̂ма Гордаго
и не вернулъ его съ пути, на который онъ вступилъ, и чтобы упре-
калъ кто-нибудь говоря: если онъ не могъ говорить съ нимъ
вслѣдствіе страха за свою персону, то пусть бѣжалъ-бы отъ него
и отъ сосѣдства съ нимъ; но вѣдь удаленіе изъ отечества тяжело.
Поэтому я рѣшился пожертвовать своею жизнью и такимъ обра-
зомъ получить извиненіе со стороны будущихъ ученыхъ; я по-
жертвовалъ жизнью ради самомнѣнія и достиженія того, чего я
желалъ; изъ этого произошло то, что вы теперь видите. Въ нѣко-
торыхъ пословицахъ говорится, что человѣкъ можетъ достигнуть
положенія только посредствомъ одного изъ трехъ, или вслѣдствіе
перенесеннаго имъ несчастія, или вслѣдствіе денежной потери,
или отъ (нанесенія) ущерба его вѣрованіямъ; кто же не проходитъ
черезъ затрудненія, тотъ не получаетъ желаемаго. Царь Дабша-
ли̂мъ далъ свободу моему языку для составленія книги, въ которой
заключались бы отдѣлы философіи. Пусть каждый изъ васъ на-
пишетъ о какой угодно наукѣ и пусть представитъ мнѣ, чтобы
я увидѣлъ способность его ума и (узналъ бы), какъ далеко про-
никъ его разумъ въ философію». Они отвѣчали: «о добродѣ-
тельный мудрецъ и разсудительный наставникъ, клянемся Тѣмъ,
Кто одарилъ тебя дарами философіи, ума, образованности и
нравственнаго совершенства, что мысль объ этомъ не входила
въ наши сердца никогда; ты вѣдь нашъ глава, ты добродѣ-
тельнѣе насъ, въ тебѣ наша слава и въ твоей рукѣ наша жизнь; 25
но все-таки мы приложимъ наше стараніе къ тому, что ты
приказалъ». И долгое время жилъ царь, держась упомянутаго
хорошаго поведенія, и образцово правилъ государствомъ Бай-
даба̂ за него. Затѣмъ царь Дабшали̂мъ, когда упрочилась его
власть и когда снята была съ него забота объ иностраныхъ
дѣлахъ, такъ какъ Байдаба̂ освободилъ его отъ этого, то энер-
гія его (между прочимъ) обратилась на разсмотрѣніе книгъ, со-
ставленныхъ индійскими философами для его отцовъ и дѣдовъ,
и тогда же ему впало въ голову, (ему пришло желаніе) имѣть

также книгу съ комментаріями, связанную съ его именемъ, въ
которой было-бы разсказано о его эпохѣ подобно тому, какъ
разсказано о его предшественникахъ — его отцахъ и дѣдахъ.
Пожелавъ этого, онъ понялъ, что это можетъ быть исполнено
только Байдабою, поэтому онъ призвалъ его и, оставшись съ
нимъ наединѣ, сказалъ ему: «о Байдабâ, ты индійскій мудрецъ и
философъ; я размышлялъ, разсматривая сокровищницы мудрости,
принадлежавшія предшествовавшимъ мнѣ царямъ, и не замѣтилъ
среди нихъ ни одного, который не оставилъ-бы книги, разсказы-
вающей его біографію и эпоху и повѣствующей о его воспи-
таніи и о вельможахъ его царства. Есть между ними книги, со-
ставленныя самими царями,—и это благодаря ихъ первенству въ
философіи, но есть между ними и такія, которыя составили со-
временные имъ философы. Я боюсь, когда меня постигнетъ то, что
постигло тѣхъ царей и противъ чего [смерть] я не имѣю средства
(безсиленъ), что тогда не найдется въ моихъ сокровищницахъ книги,
напоминающей обо мнѣ послѣ моей смерти и носящей мое имя
подобно тому, какъ разсказано о моихъ предшественникахъ въ
ихъ книгахъ. Мнѣ было-бы желательно, чтобы ты составилъ
для меня остроумную книгу, въ которой ты обнаружилъ бы-весь 26
свой умъ, внѣшность которой [1]) была-бы управленіе чернью и
обученіе ея, а внутреннее содержаніе — нравственность царей
и политика по отношенію къ подданнымъ на повиновеніе царю и
на службу ему. Благодаря этому отъ насъ (отъ меня и отъ нихъ)
удалились-бы такія случайности, для которыхъ мы нуждаемся въ
царской власти. Кромѣ того, я желаю, чтобы эта книга осталась
послѣ меня воспоминаніемъ на вѣки вѣковъ». Услышавъ слова
царя, Байдабâ опустился передъ нимъ съ колѣнопреклоненіемъ,
затѣмъ поднялъ свой взоръ на него и сказалъ: «о царь, счаст-
ливый по своему усердію, да поднимется твоя звѣзда, да отсут-
ствуетъ твое несчастіе и да продлятся твои дни; поистинѣ то,
что врождено царю, именно превосходство таланта и изобиліе ума,
двигаетъ его къ возвышеннымъ дѣламъ и возноситъ до поло-
женія почетнѣйшаго по степени и отдаленнѣйшаго по предѣлу:
да продолжитъ Богъ счастіе царя, да поможетъ ему въ его выше-
упомянутомъ стремленіи, да поможетъ и мнѣ исполнить его же-

---

[1]) ظاهرها т. е. съ виду казалось-бы.

ланіе; пусть царь приказываетъ, что угодно ему относительно
этого, я буду исполнять его желаніе, стараясь какъ умѣю».
Царь ему отвѣчалъ: «о Байдабâ, тебя всегда представляютъ человѣкомъ благонамѣреннымъ и повинующимся царямъ въ ихъ
приказаніяхъ; я испыталъ тебя въ этомъ и избралъ тебя, чтобы
ты составилъ эту книгу, примѣняя въ ней свои мысли и прилагая къ ней свое полное стараніе, насколько найдешь средствъ къ
этому; и пусть она содержитъ серьезное съ шутками и забавами,
мудрость и философію». Тогда Байдабâ билъ ему челомъ, сталъ на
колѣна и сказалъ: «я отвѣчаю согласіемъ царю, да продолжитъ 27
Богъ его дни, на то, что онъ приказываетъ, и я назначаю между
нами (между мною и нимъ) срокъ». Царь сказалъ: «сколько этотъ
срокъ»? Тотъ отвѣтилъ: «годъ». Царь сказалъ: «я даю тебѣ
срокъ», и въ то-же время приказалъ выдать ему обильныя награды въ видѣ вспоможенія для составленія книги. Байдабâ
пробылъ нѣкоторое время въ раздумьи, какъ приступить къ
книгѣ, какимъ образомъ приняться за нее и составить ее.

Затѣмъ Байдабâ собралъ своихъ учениковъ и сказалъ имъ:
«царь призвалъ меня для дѣла, въ которомъ заключается моя слава,
ваша и вашей страны; и я собралъ васъ для этого дѣла». Потомъ онъ подробно разсказалъ имъ, въ чемъ состояли требованія
царя относительно книги, и какую цѣль онъ преслѣдуетъ въ ней.
Но при этомъ имъ въ голову не пришло никакой мысли. Не
найдя у нихъ того, чего онъ желалъ, онъ подумалъ о превосходствѣ своей мудрости и понялъ, что это дѣло можетъ быть
приведено къ окончанію только посредствомъ обнаруженія ума
во всемъ блескѣ и примѣненія мысли. Онъ сказалъ: «я вижу,
что корабль плаваетъ въ морѣ только благодаря своимъ матросамъ, потому что они управляютъ имъ, но проходитъ по открытому морю благодаря капитану, который одинъ имѣетъ надъ
нимъ власть; когда же корабль наполнится (нагрузится) множествомъ пассажировъ и когда увеличится число его матросовъ, то
онъ уже не застрахованъ отъ кораблекрушенія (потопленія)».
Онъ еще долго раздумывалъ, какъ поступить относительно книги.
Наконецъ рѣшилъ уединиться съ однимъ изъ своихъ учениковъ,
которому онъ довѣрялъ. Итакъ онъ удалился съ нимъ въ уединенное мѣсто, послѣ того какъ приготовилъ нѣкоторое количество
листовъ бумаги, на которой писали Индійцы, и пищу для суще-

ствованія ихъ обоихъ (его самого и его ученика) въ теченіе вышеупомянутаго времени. Они сѣли оба въ келью, и за ними замуровали дверь. Затѣмъ онъ началъ творить книгу и сочи- 28
нять ее (т. е. началъ составлять книгу, пользуясь для этой цѣли и поэзіей и прозой), не переставая диктовать въ то время, какъ ученикъ его записывалъ и повторялъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ книга не утвердилась на чрезвычайной точности и несомнѣнности. Онъ раздѣлилъ ее на четырнадцать главъ, изъ которыхъ каждая глава была самостоятельною; въ каждой главѣ заключался вопросъ и отвѣтъ на него, чтобы было удовольствіе для тѣхъ, кто посмотритъ въ нее. Онъ собралъ эти главы въ одну книгу и назвалъ ее книгой Калйлаh и Димнаh. Далѣе, рѣчь свою онъ построилъ на языкахъ животныхъ домашнихъ, дикихъ и птицъ для того, чтобы съ виду была забавою для придворныхъ слугъ и черни, а по внутреннему содержанію—гимнастикой для ума спеціалистовъ. Онъ присоединилъ сюда также то, въ чемъ нуждается человѣкъ для управленія самимъ собою, своею семьею и своими домашними, и все то, въ чемъ нуждается онъ для своей вѣры, своей мірской жизни и будущей, направляя его и подстрекая къ безупречному повиновенію царямъ и побуждая его избѣгать того, удаленіе отъ чего составляетъ для него благо. Онъ сдѣлалъ наружность книги и ея содержаніе по образцу остальныхъ книгъ, трактующихъ о мудрости; и такимъ образомъ животное сдѣлалось забавою, а то, что говоритъ оно, сентенціей и моралью.

Принявшись за это, Байдабâ помѣстилъ въ началѣ книги описаніе друга: какими должны быть два друга и какъ прочная дружба разрушается хитростью сплетника. Затѣмъ онъ поручилъ своему ученику написать слогомъ Байдабы нѣсколько притчъ, что было согласно съ условіемъ царя,—сдѣлать книгу забавою и мудростью. Но разсудивъ, что легкомысленныя слова, входя 29
въ мудрость, профанируютъ ее, и тогда нельзя узнать мудрости, Байдабâ съ ученикомъ своимъ, долго не переставая, изощряли свою мысль относительно требованія царя. Наконецъ умъ ихъ направилъ на то, чтобы слова ихъ были (подсказалъ имъ изложить свои слова) на языкѣ двухъ животныхъ; такимъ образомъ благодаря рѣчи животныхъ, у нихъ появился складъ забавъ и шутокъ, а мудрость представляло то, что говорили оба животныя.

Поэтому мудрецы, обращая вниманіе на изреченія книги и оставляя въ сторонѣ животныхъ и забавы, поймутъ, что животныя есть источникъ (исходн. пунктъ) того, что написано для нихъ; когда же обратятся къ ней невѣжды, то, удивляясь разговору животныхъ и не сомнѣваясь въ этомъ, они примутъ ее за забавы и, оставивъ (не стараясь) понять смыслъ рѣчей, не поймутъ цѣли, которая скрыта въ книгѣ. На самомъ дѣлѣ цѣль философа въ первой главѣ была указать на взаимныя отношенія друзей: какъ укрѣпляется дружба между ними посредствомъ огражденія себя отъ наушниковъ и остереженія отъ того, кто вноситъ непріязнь между двумя друзьями, чтобы посредствомъ этого извлечь для себя пользу. Байдабâ со своимъ ученикомъ постоянно находились въ кельѣ, пока не закончилась работа съ книгой въ продолженіе года.

Когда кончился годъ, царь послалъ къ нему сказать: «уже пришелъ срокъ, что же ты сдѣлалъ?». Байдабâ послалъ ему въ отвѣтъ: «я остаюсь при томъ, что я обѣщалъ царю; итакъ пусть онъ прикажетъ мнѣ принести книгу послѣ того, какъ онъ соберетъ жителей государства, чтобы мое чтеніе этой книги происходило въ ихъ присутствіи». Когда посланный вернулся къ царю, тотъ былъ об- 30
радованъ этимъ и обѣщалъ Байдабѣ въ извѣстный день собрать жителей государства. Затѣмъ онъ велѣлъ герольдамъ кричать до отдаленнѣйшихъ индійскихъ провинцій, чтобы присутствовали при чтеніи книги. При наступленіи этого дня царь приказалъ поставить для Байдабы тронъ, подобный своему, и стулья для царскихъ сыновей и ученыхъ. Затѣмъ онъ послалъ привести Байдабу. Когда пришелъ посланный, Байдабâ всталъ, надѣлъ тѣ одежды, которыя обыкновенно были надѣты на немъ, когда онъ являлся къ царямъ, именно черные мусӯҳи, а ученику далъ нести книгу. Когда Байдабâ подошелъ къ царю, весь народъ всталъ, поднялся также и царь, произнося благодарность. Приблизившись къ царю, Байдабâ билъ ему челомъ и сталъ на колѣна, не поднимая головы. Царь сказалъ ему: «о Байдабâ, подними свою голову, вѣдь это день поздравленія, веселія и ликованія». Царь приказалъ ему сѣсть и, когда онъ сѣлъ читать книгу, разспрашивалъ его о значеніи каждой главы, а также о цѣли, которую онъ преслѣдуетъ въ книгѣ. Тотъ далъ ему разъясненія относительно своей цѣли въ книгѣ и въ каждой главѣ. Удивленіе и радость царя

за Байдабу были безграничны и онъ сказалъ ему: «о Байдаба̂,
ты не пренебрегъ моимъ задушевнымъ желаніемъ; и это именно
то, чего я неоднократно искалъ: проси поэтому чего ты же-
лаешь.» Байдаба̂, пожелавъ ему счастія и продолжительности
усердія, сказалъ: «о царь, что касается денегъ, у меня нѣтъ въ
нихъ надобности; что касается одежды, то я не предпочту ничего
этому платью. Однако я не оставляю царя безъ просьбы». Царь
отвѣчалъ: «о Байдаба̂, въ чемъ ты нуждаешься, всякая твоя по- 31
требность будетъ исполнена со стороны насъ». Байдаба̂ сказалъ:
«пусть царь прикажетъ внести въ списокъ эту мою книгу по-
добно тому, какъ записали свои книги его отцы и дѣды, и пусть
онъ прикажетъ оберегать ее, такъ какъ я боюсь, не вывезли-бы
ее изъ предѣловъ Индіи и не захватили-бы ее жители Персіи,
когда узнаютъ о ней». Царь приказалъ, чтобы ее не вывозили
изъ дома мудрости (библіотеки). Затѣмъ царь призвалъ его уче-
никовъ и одарилъ ихъ наградами.

Послѣ этого случилось, что когда царствовалъ Хосровъ Ану̂шӣрва̂нъ, который былъ свѣдущимъ въ книгахъ, наукѣ, литературѣ и въ критикѣ преданій о первыхъ людяхъ, то онъ, напавъ на указанія касательно этой книги, не могъ успокоиться, пока не послалъ врача Барзу̂йэ, который такъ ловко дѣйствовалъ, что увезъ ее изъ страны индійской и водворилъ ее въ персидскихъ сокровищницахъ.

Глава о миссіи Барзўйэ въ Индію.

Послѣ басмаляh и hамдаляh [1]) (скажемъ), что Всевышній Богъ сотворилъ людей своимъ милосердіемъ и одарилъ ихъ своею добродѣтелью и насущнымъ хлѣбомъ, благодаря чему они въ состояніи исправить свои жизни въ этомъ мірѣ и посредствомъ чего они достигаютъ освобожденія своихъ душъ отъ мученія въ будущей жизни. Самое совершенное, чѣмъ снабдилъ и одарилъ ихъ Всевышній Богъ — это умъ, который представляетъ краеугольный камень всѣхъ вещей, и посредствомъ котораго единственно человѣкъ можетъ въ этомъ мірѣ упорядочить свою жизнь, извлекать 32
пользу и устранять зло. Такимъ образомъ, кто стремится къ будущей жизни, прилагая стараніе къ своей работѣ, чтобы спасти этимъ свою душу, тотъ можетъ довести до конца свои занятія и совершенствованіе только посредствомъ ума, который есть причина всякаго блага и ключъ ко всякому счастью. Поэтому никто не можетъ не нуждаться въ умѣ, который пріобрѣтается посредствомъ опыта (опытовъ) и воспитанія; зародышъ ума находится тайно въ человѣкѣ, скрываясь въ немъ какъ въ кремнѣ огонь, свѣтъ котораго не обнаруживается и невидимъ, пока не выбьетъ его ударяя кто-либо изъ людей; когда же огонь выбитъ, то его свойства становятся очевидными. Точно также умъ, будучи скрытъ въ человѣкѣ, не показывается, пока не обнаружитъ его воспитаніе и пока не укрѣпитъ его опытъ (опыты). Кто надѣленъ и одаренъ умомъ, чей блестящій талантъ получаетъ помощь отъ образованія, тотъ жадно желаетъ стремиться къ удовлетворенію своихъ усилій, достигаетъ въ этомъ мірѣ (исполненія) своихъ надеждъ и пріобрѣтаетъ изрядныя награды въ будущей жизни.

Богъ одарилъ счастливаго царя Анўшйрвâна умомъ совершеннѣйшимъ, знаніемъ обильнѣйшимъ, познаніями въ дѣлахъ точнѣйшими и укрѣпилъ его въ поступкахъ надежнѣйшихъ и въ изслѣдованіи основъ и отраслей (наукъ) полезнѣйшемъ; онъ

---

[1]) أما بعد т. е. أمّا بعد البسملة والحمدلة Басмаляh—есть формула бисми-ллâhи etc. во имя Бога..., а hамдаляh—это другая формула—аль hамдули-ллâhи—хвала Богу.

сдѣлалъ его свѣдущимъ въ отрасляхъ различныхъ наукъ и далъ ему достигнуть въ философіи степени, какой еще не достигалъ никто изъ царей до него. Такимъ образомъ, наконецъ, въ то время, какъ онъ изучалъ и изслѣдовалъ науки, случилось, что онъ получилъ указанія относительно книги, находящейся въ Индіи; онъ понялъ, что она есть основа всякой образованности, на- 33
чало всякой науки, указатель всякой пользы, ключъ къ дѣламъ будущей жизни, къ познанію ея и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣніе спастись отъ страха ея. Царь приказалъ своему везирю Бузуржмиһру розыскать ему человѣка образованнаго, умнаго, владѣющаго персидскимъ языкомъ, въ совершенствѣ знающаго индійскую рѣчь, человѣка, который былъ бы краснорѣчивымъ на обоихъ языкахъ, жадно стремящимся къ исканію науки, старательнымъ въ примѣненіи образованности, съ жадностью бросающимся на изученіе науки и разслѣдованіе книгъ, трактующихъ о философіи. Тотъ привелъ ему человѣка образованнаго, съ совершеннымъ умомъ, вполнѣ благовоспитаннаго, извѣстнаго по своей профессіи медика, знающаго въ совершенствѣ персидскій и индійскій языкъ, по имени Барзӯйэ. Послѣдній, войдя къ царю, билъ ему челомъ и сталъ передъ нимъ на колѣна. Царь ему сказалъ: «о Барзӯйэ, я избралъ тебя, такъ какъ до меня дошла вѣсть о твоемъ нравственномъ совершенствѣ, твоемъ знаніи, умѣ и жадномъ стремленіи къ научнымъ розысканіямъ гдѣ бы то ни было; до меня дошла (также) вѣсть о книгѣ въ Индіи, хранящейся въ сокровищницахъ Индусовъ». Онъ разсказалъ ему, что именно стало ему извѣстно о ней, и сказалъ ему: «приготовься, я тебя отправляю въ страну Индусовъ; поступай (тамъ) ловко, согласно съ твоимъ умомъ, прекраснымъ образованіемъ и критическою мыслью, имѣя цѣлью увезти эту книгу изъ ихъ сокровищницъ и отъ ихъ ученыхъ. Этимъ ты принесешь пользу себѣ и намъ. А также привези съ собою, по мѣрѣ возможности, тѣ книги Индусовъ, которыхъ совершенно нѣтъ въ нашихъ библіотекахъ; возьми съ собою денегъ, сколько тебѣ нужно. Поспѣши относительно этого дѣла и не дѣлай замедленія 34
въ розысканіяхъ. Если твои расходы сдѣлаются значительными, то все, что заключается въ моихъ сокровищницахъ, дается тебѣ для исканія науки». Царь приказалъ привести астрологовъ, и тѣ выбрали для него легкій день и добрый часъ для выступленія

(въ путь). Онъ повезъ съ собою двадцать мѣшковъ денегъ, въ каждомъ мѣшкѣ по десяти тысячъ динаровъ.

Когда Барзуйэ пріѣхалъ въ Индію, онъ побывалъ въ царскомъ дворцѣ и въ собраніяхъ богатыхъ купцовъ, затѣмъ разспросилъ о царскихъ придворныхъ, о знатныхъ людяхъ, о ученыхъ и философахъ. Потомъ онъ сталъ посѣщать ихъ въ ихъ жилищахъ, встрѣчая ихъ привѣтствіями и сообщая имъ, что онъ иностранецъ, пришелъ въ ихъ страну въ поискахъ за наукой и образованностью, и что онъ для этого нуждается въ ихъ помощи. Такимъ образомъ онъ долгое время неотступно учился у индійскихъ ученыхъ всему тому, что онъ уже зналъ, какъ бы точно онъ не учился ничему этому. Между тѣмъ онъ скрывалъ свою цѣль и интересы, пріобрѣтши при этихъ обстоятельствахъ, благодаря своему долгому пребыванію, много друзей изъ среды знатныхъ людей, ученыхъ, философовъ, купцовъ и лицъ всякаго сословія и профессіи. Въ числѣ своихъ друзей онъ отмѣтилъ одного человѣка, котораго онъ выбралъ для своей тайны и для совѣтовъ съ нимъ въ случаѣ своего желанія, добродѣтель и образованность котораго были ему ясны и искренняя дружба котораго стала для него вполнѣ очевидной. Этотъ человѣкъ подавалъ совѣты въ дѣлахъ Барзуйэ, который надѣялся на него во всемъ, что его озабочивало; тѣмъ не менѣе Барзуйэ скрывалъ все еще отъ него цѣль, ради которой онъ пришелъ сюда, поступая такъ для того, чтобы испытать и испробовать его и увидѣть, такой ли онъ человѣкъ, чтобы можно было открыть ему свою тайну.

Наконецъ онъ сказалъ ему въ то время, какъ оба они сидѣли: «братъ мой, не желаю я скрывать отъ тебя свое дѣло, относительно котораго я держалъ тебя въ неизвѣстности до сихъ поръ; знай поэтому, что я прибылъ сюда для дѣла, которое совершенно отлично отъ того, что показывается мною; но вѣдь умному достаточно отъ человѣка намека глазами, чтобы узнать тайну души его и то, что онъ скрывалъ отъ него до тѣхъ поръ». Индусъ отвѣчалъ ему: «хотя я и не приступалъ къ тебѣ съ разговоромъ и не указывалъ тебѣ, для чего ты прибылъ и чего ты желаешь, и хотя ты и скрывалъ цѣль своихъ стремленій, показывая совсѣмъ другое, все же это въ тебѣ не скрылось отъ меня; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе моей привязанности къ дружбѣ съ тобою, мнѣ было

непріятно приступать къ тебѣ съ этимъ; а вотъ теперь от-
крылось то, что̀ ты таилъ отъ меня; и такъ какъ ты обна-
ружилъ уже это, разсказавъ это краснорѣчивыми словами, то
я сообщу тебѣ о тебѣ самомъ, покажу тебѣ твою задушев-
ную тайну и освѣдомлю тебя относительно твоего положенія,
въ которомъ ты очутился: ты пришелъ въ нашу страну, чтобы
ограбить наши драгоцѣнныя сокровища, увезти ихъ въ свою
страну и обрадовать ими своего царя; твой приходъ ознаменовался
коварствомъ и обманомъ; но я, когда замѣтилъ твое терпѣніе и
неутомимость въ розыскиваніи того, что тебѣ нужно, и когда
увидѣлъ такое воздержаніе, что несмотря на твое долгое пребы-
ваніе у насъ не вырвалось у тебя ни одного слова о чемъ ни-
будь такомъ, что̀ указывало бы на твою тайну и цѣль, я уси- 36
лилъ свое желаніе искать твоей дружбы изъ-за увѣренности въ
твоемъ умѣ,—я согласенъ на дружбу съ тобою; я не видѣлъ
среди людей человѣка болѣе твердаго, чѣмъ ты, по уму, лучшаго
по образованности, болѣе терпѣливаго въ научныхъ розысканіяхъ
или лучше скрывающаго свою тайну, чѣмъ ты, особенно въ
странѣ чужой, въ государствѣ не похожемъ на твое, и у на-
рода, обычаевъ котораго ты не знаешь. Умъ человѣка обнару-
живается въ восьми качествахъ, изъ которыхъ первое — друже-
ство; второе — чтобы человѣкъ позналъ свою душу и охранялъ
бы ее; третье — повиновеніе царямъ и исполненіе того, что имъ
доставляетъ удовольствіе; четвертое — познаніе людей, скрываю-
щихъ свою тайну и какъ нужно (поступать), чтобы заставить
своего друга открыть ее; пятое—находиться при царскихъ две-
ряхъ съ образованнымъ и пріятнымъ языкомъ; шестое — быть
хранителемъ (вѣрнымъ) своей и чужой тайны; седьмое — чтобы
человѣкъ владѣлъ своимъ языкомъ и говорилъ бы только о
томъ, послѣдствія чего безопасны, и восьмое—чтобы въ собра-
ніи онъ говорилъ только о томъ, о чемъ его спрашиваютъ. Че-
ловѣкъ, въ которомъ соединятся эти качества, призываетъ до-
бро на самого себя; всѣ эти качества въ совокупности соединились
въ тебѣ и были мнѣ обнаружены тобою. Да охранитъ тебя Все-
вышній Богъ и да поможетъ тебѣ въ томъ, для чего ты пришелъ;
твоя дружба со мною имѣетъ цѣлью ограбить мои сокровища,
мою гордость, славу и знаніе; но ты, на самомъ дѣлѣ, достоинъ
того, чтобы тебѣ помогать въ твоихъ интересахъ, быть по-

средникомъ въ твоемъ желаніи и дать тебѣ удовлетвореніе». 37
Барзӯйэ ему отвѣчалъ: «я приготовилъ длинную рѣчь, раздѣливъ ее на много частей и составивъ для нея главные отдѣлы и аргументы. Когда я достигъ того, что ты началъ говорить со мною относительно своихъ догадокъ о моемъ дѣлѣ и о цѣли, для которой я явился, самъ собою высказывая мнѣ эти догадки, и когда я замѣтилъ твое любопытство по отношенію къ моимъ словамъ, то я счелъ достаточнымъ съ тобою короткій разговоръ, познакомивъ тебя съ болѣе важными изъ моихъ дѣлъ въ немногихъ словахъ и говоря при этомъ (съ тобою) въ краткихъ и сокращенныхъ выраженіяхъ. Я вижу твою помощь мнѣ въ моихъ интересахъ, что̀ мнѣ указываетъ на твое благородство и на твою безупречную честность; вѣдь слова, обращенныя къ философу, или тайна, ввѣренная благоразумному хранителю, находятся подъ защитой, и надежда на нихъ автора ихъ достигаетъ крайней степени, подобно тому, какъ какая-нибудь драгоцѣнная вещь находится въ защитѣ въ укрѣпленной крѣпости». Индусъ возразилъ ему: «нѣтъ ничего болѣе совершеннаго, чѣмъ дружба. Кого она коснется, тотъ достоинъ, чтобы кто-нибудь смѣшивалъ его съ самимъ собою, не утаивая отъ него ничего и не скрывая отъ него своей тайны. Вѣдь сохраненіе тайны есть начало воспитанія; поэтому когда тайна находится въ рукахъ вѣрнаго скрывателя, то избѣгается проигрышъ. При всемъ томъ не слѣдуетъ разговаривать о ней, такъ какъ тайна не можетъ удержаться между двухъ людей, которые ее знаютъ и сдѣлали ее предметомъ разговора. Въ самомъ дѣлѣ, когда двое разговариваютъ о тайнѣ, то необходимо долженъ (явиться) третій со стороны одного изъ нихъ или со стороны другого, и когда такимъ образомъ составляется тройца, то тайна становится общимъ досто- 38
яніемъ и распространяется до того, что авторъ ея не въ состояніи отречься отъ нея или защититься, подобно тому какъ въ то время,— когда на небѣ разорванныя тучи и скажетъ кто-нибудь: это разорванныя тучи, никто не можетъ считать его лжецомъ. Что касается меня, то вслѣдствіе твоей дружбы и твоихъ отношеній въ меня вошла радость, съ которой не сравнится ни что. Чтоже касается дѣла, относитедьно котораго ты меня упрашиваешь, знай, что оно изъ числа таинъ, которыхъ нельзя скрыть: Итакъ она неминуемо распостранится и обна-

ружится до такой степени, что люди будутъ разсказывать о ней.
Когда же она распространится, ты приведешь меня къ вѣрной
гибели, отъ которой невозможно откупиться деньгами, хотя бы
и большими, потому что нашъ царь строгій, жестокій, наказы-
ваетъ за незначительную вину самымъ тяжелымъ наказаніемъ,
какъ-же (онъ накажетъ) за большую вину, подобную этой! Такъ
какъ дружба между мной и тобой заставляетъ меня помогать
тебѣ въ твоихъ интересахъ, то конечно меня не минуетъ нака-
заніе съ его стороны». Говорилъ Барзӯйэ: «ученые хвалятъ друга,
когда онъ скрываетъ тайну своего друга и помогаетъ ему въ
успѣхѣ; вотъ изъ-за чего я пришелъ къ хранителю тайны по-
добному тебѣ: съ тобой я надѣюсь достигнуть этого, будучи
увѣренъ въ благородствѣ твоего характера и въ обширности
твоего ума. Я знаю, что ты не боишься за меня и не опаса-
ешься, что я проговорюсь, но тебѣ страшно за свою семью, окру-
жающихъ тебя домашнихъ и за царя, какъ-бы не насплетни-
чали ему на тебя; но я надѣюсь, что это дѣло совсѣмъ не раз-
гласится, потому что я пріѣзжій и, въ то время какъ ты туземецъ,
я не постоянный житель, поэтому среди насъ нѣтъ третьяго
лица». Тогда они оба помѣнялись обѣщаніями относительно всего
этого и индіецъ далъ свое согласіе касательно вышеупомянутой 39
книги, а также и другихъ книгъ, кромѣ нея. Затѣмъ онъ исклю-
чительно посвятилъ себя объясненію ея и переводу ея съ индій-
скаго языка на языкъ персидскій, утомляя свою душу и утруждая
свое тѣло ночью и днемъ (день и ночь). Тѣмъ не менѣе онъ
страшился и опасался царя, въ случаѣ если онъ вспомнитъ когда-
нибудь о книгѣ и не найдетъ ее въ своей сокровищницѣ.

Окончивъ списываніе этой книги, а также другихъ изъ числа остальныхъ книгъ, какія ему было желательно, онъ написалъ Анӯширвâну, извѣщая его объ этомъ. Когда письмо прибыло къ царю, онъ очень сильно обрадовался этому. Но затѣмъ, опасаясь, какъ бы перемѣнчивость судебъ не нарушила его радости, написалъ къ Барзӯйэ, приказывая ему поспѣшить возвращеніемъ. Барзӯйэ отправился по пути къ Хосрову. Когда царь увидѣлъ, какая усталость и утомленіе овладѣли имъ и что̀ ему пришлось перенести, то сказалъ ему: «о вѣрный рабъ, который ѣстъ плодъ посаженный имъ; радуйся и будь спокоенъ: я возвеличу тебя почестями и возведу въ высочайшій санъ». Затѣмъ онъ приказалъ ему дать

отдыхъ своему тѣлу въ теченіе семи дней. При наступленіи седьмаго дня царь приказалъ собраться къ нему эмирамъ и ученымъ; когда же они собрались, онъ приказалъ Барзӯйэ явиться. Тотъ явился вмѣстѣ съ книгой. Затѣмъ онъ раскрылъ ее и прочиталъ предъ присутствовавшими жителями государства. Услышавъ, что за наука заключается въ ней, они очень обрадовались и благодарили Бога за то, что̀ онъ даровалъ имъ, хваля Барзӯйэ и возда- 40
вая ему славословіе. Царь приказалъ открыть для Барзӯйэ сокровищницы жемчуга, хризолита, яхонтовъ, золота и серебра, повелѣвая ему взять изъ сокровищницъ что̀ угодно, денегъ или одеждъ, и говоря: «о Барзӯйэ, я повелѣваю тебѣ сѣсть на тронѣ подобномъ этому моему, одѣть корону и быть главою всѣхъ нобилей». Барзӯйэ сталъ предъ царемъ на колѣна, призывая на него благо и умоляя Бога, и сказалъ: «да осыплетъ Всевышній Богъ царя щедротами этого міра и загробной жизни и да улучшитъ ему награду и возмездіе будущей жизни за меня. Я, слава Богу, не испытываю потребности въ деньгахъ, благодаря тому, чѣмъ одарилъ меня Богъ — руками царя, счастливаго въ своемъ усердіи, великаго по власти; я не нуждаюсь также въ деньгахъ, но все-таки, такъ какъ онъ побуждаетъ меня къ тому и я знаю, что это ему доставитъ радость, я пойду къ сокровищницамъ и возьму изъ нихъ изъ желанія сдѣлать ему угодное и повиноваться его приказанію». Затѣмъ онъ направился къ сокровищницѣ (наполненной) одеждами и взялъ оттуда прекрасныхъ произведеній Хорасана, именно царскія одѣянія. Получивъ тѣ одежды, которыя онъ выбралъ и которыя ему было угодно, Барзӯйэ сказалъ: «да почтитъ Богъ царя и да продолжитъ его жизнь на вѣки вѣковъ. Когда человѣку оказываютъ почесть, то ему слѣдуетъ благодарить, хотя-бы онъ заслужилъ ее путемъ утомленія и трудностей: въ этомъ заключается удовольствіе для царя. Что до меня, то испытанные мною труды, утомленіе и затрудненія окупаются тѣмъ, что я знаю, что въ этомъ для васъ, о жители этого дома, заключается честь. Поэтому я и до сего дня постоянно наблюдая 41
за угожденіемъ вамъ, нахожу трудное въ этомъ — легкимъ, затруднительное — легкоисполнимымъ, а перенесеніе (трудностей) и непріятности — весельемъ и удовольствіемъ, такъ какъ знаю, что въ этомъ заключается угожденіе вамъ и мое приближеніе къ вамъ. Тѣмъ не менѣе, о царь, я буду просить объ одномъ желаніи,

помоги мнѣ въ немъ и дай мнѣ на него благопріятный отвѣтъ: моя просьба легко исполнима и въ исполненіи ея лежитъ громадная польза». Анŷшйрвâнъ отвѣчалъ: «говори, всякая просьба для тебя будетъ съ нашей стороны исполнена: ты въ нашихъ глазахъ великъ, и еслибы ты попросилъ участія въ нашей власти, то мы исполнили-бы это, а не отклонили-бы твоей просьбы, что-же можетъ быть иного въ остальныхъ случаяхъ? Говори поэтому и не скромничай, вѣдь все открыто для тебя». Барзŷйэ сказалъ: «о царь, не обращай вниманія на мое стараніе угодить тебѣ и на мою непоколебимость въ повиновеніи тебѣ; вѣдь я твой рабъ и постоянно готовъ пожертвовать свое сердце (кровь своего сердца) для того, чтобы угодить тебѣ, и еслибы ты не наградилъ меня, то я все-таки не считалъ-бы это важнымъ или, тѣмъ менѣе, обязательнымъ для царя; но вслѣдствіе его благородства и почетности его поста онъ постановилъ наградить меня и отличилъ меня и мою семью знатнымъ саномъ и высокимъ рангомъ, такъ что еслибы онъ былъ въ состояніи присоединить намъ къ почести этого міра почесть загробную, то онъ сдѣлалъ-бы это; поэтому да вознаградитъ его Богъ за насъ высочайшей наградой». Анŷшйрвâнъ возразилъ: «разскажи свою просьбу, а на мнѣ уже лежитъ обязанность (сдѣлать то), что тебя обрадуетъ. Барзŷйэ отвѣтилъ: «моя просьба заключается въ томъ, чтобы царь, да возвыситъ его всевышній Богъ, приказалъ своему везирю Бузуржмиһру бенъ'аль-Бахтегâну, взявши
съ него клятву о томъ, примѣнить свою мысль, сосредоточить 42
свой умъ, приложить со стараніемъ свою способность и излить свои чувства въ поэтическомъ произведеніи (составленномъ) изъ совершенныхъ и точныхъ выраженій, и сдѣлать его одной главой, гдѣ онъ разсказалъ-бы о моей жизни и описалъ-бы мое положеніе, употребляя при этомъ то изящное краснорѣчіе, на какое онъ только способенъ, и да прикажетъ ему царь по окончаніи сдѣлать ее первой главой изъ тѣхъ главъ, которыя можно прочитать до главы о Львѣ и Быкѣ. Дѣйствительно, если царь это исполнитъ, то даруетъ мнѣ и моей семьѣ чрезвычайный почетъ и высочайшее положеніе, оставивъ намъ то, память о чемъ сохранится на вѣки вездѣ, гдѣ-бы ни читали эту книгу».

Хосровъ Анŷшйрвâнъ и вельможи, услышавъ слова его и (узнавъ), къ чему стремится его душа изъ желанія оставить о себѣ па-

мять, одобрили его просьбу и выборъ. Хосровъ сказалъ: «любовь и почетъ тебѣ, о Барзŷйэ, ты достоинъ того, чтобы тебѣ помочь въ твоей просьбѣ, ибо какъ мало то, чѣмъ ты удовлетворяешься и какъ оно незначительно въ нашихъ глазахъ, хотя значеніе его по твоему мнѣнію громадно». Затѣмъ Анŷшîрвâнъ обратился къ своему везирю Бузурджмиһру и сказалъ ему: «ты знаешь преданность намъ Барзŷйэ, какъ онъ подвергался опасности и гибели для того, чтобы приблизиться къ намъ, какъ онъ изнурилъ свое тѣло, чтобы доставить намъ удовольствіе, какое одолженіе мы получили отъ него и какую пользу доставилъ намъ Богъ посредствомъ его мудрости и образованности, пользу, слава о которой останется намъ, а также что̀ мы ему предложили изъ сокровищъ нашихъ, чтобы наградить его этимъ за то, что мы получили благодаря ему, между тѣмъ какъ душа его не склонилась ни къ чему подобному, а желаніе его и просьба отъ насъ 43
оказались чѣмъ-то незначительнымъ, что онъ разсматриваетъ какъ награду себѣ съ нашей стороны и какъ высочайшую для себя почесть. Поэтому мнѣ было-бы пріятно, чтобы ты поговорилъ объ этомъ и помогъ-бы осуществленію его просьбы и желанія. Знай, что это именно доставитъ мнѣ удовольствіе: употреби на это всевозможное стараніе и краснорѣчіе, высказывая его достоинства, хотя бы ты и встрѣтилъ въ томъ затрудненія. Напиши это въ видѣ главы, похожей на тѣ, которыя заключаются въ вышеупомянутой книгѣ; въ ней ты разскажешь о добродѣтели Барзŷйэ, какъ началась его жизнь и карьера, назвавши ее именемъ его, его потомковъ и его профессіи; далѣе разскажи въ ней миссію его въ Индію по нашему желанію для нашихъ цѣлей, какую пользу мы извлекли оттуда посредствомъ него, благодаря чему мы пріобрѣли славу и превзошли другихъ, каково было положеніе Барзŷйэ и какъ произошло его прибытіе изъ Индіи. Однимъ словомъ, скажи объ немъ всевозможныя для тебя похвалы и панегирики. Изощри въ этомъ самое возвышенное краснорѣчіе и приложи стараніе, пріятное для Барзŷйэ и для жителей государства. Дѣйствительно, Барзŷйэ достоинъ получить это отъ меня, отъ жителей государства и отъ тебя также, вслѣдствіе твоей любви къ наукамъ. Постарайся поэтому, чтобы содержаніе этой книги, которую ты назовешь именемъ Барзŷйэ, было возвышеннѣе въ глазахъ спеціалистовъ и свѣт-

скихъ людей, нежели содержаніе вышеуказанныхъ главъ и болѣе приноровленнымъ къ роду этого знанія. Итакъ, ты будешь самымъ счастливымъ изъ всѣхъ людей, благодаря этому, вслѣдствіе безраздѣльнаго твоего авторскаго права на эту книгу. Сдѣлай изъ нея первую главу, а когда составишь ее и помѣстишь на 44
своемъ мѣстѣ, извѣсти меня для того, чтобы я могъ собрать жителей царства и чтобы ты прочиталъ ее предъ ними. Такимъ образомъ обнаружится твое совершенство и старательность въ любви къ намъ, и вслѣдствіе этого тебѣ будетъ слава».

Услышавъ рѣчь царя, Бузуржмиһръ поклонился ему, опустившись на колѣна и сказалъ: «да продлитъ Богъ тебѣ, о царь, остатокъ твоей жизни и да даруетъ тебѣ высшее мѣсто между праведниковъ, какъ въ загробной жизни, такъ и въ этой,—ты оказываешь мнѣ этимъ почетъ». Затѣмъ Бузуржмиһръ удалился отъ царя. Онъ описалъ Барзуйэ, начиная съ перваго дня, когда родители отдали его учителю, затѣмъ его миссію въ страну Индусовъ, для поисковъ за цѣлебными травами и лекарствами, какъ онъ изучилъ ихъ письменные знаки и, кончая тѣмъ, какъ послалъ его Анŷшйрвâнъ въ Индію розыскать извѣстную книгу; при этомъ онъ ничего не оставилъ неописаннымъ касательно совершенствъ Барзŷйэ, его мудрости, характера и религіозныхъ убѣжденій, внеся въ эту книгу самыя лучшія объясненія (его дѣйствій). Послѣ этого онъ извѣстилъ царя объ окончаніи книги; Анŷшйрвâнъ собралъ знатныхъ изъ своего народа и жителей своего государства и, заставивъ ихъ войти къ нему, приказалъ Бузуржмиһру читать книгу. Барзŷйэ сталъ сбоку Бурзуржмиһра. Послѣдній началъ описаніе Барзŷйэ, пока не дошелъ до его конца. Царь радовался, видя какую мудрость и науку изложилъ Бузуржмиһръ. Затѣмъ царь и всѣ присутствовавшіе похвалили Бузуржмиһра, благодаря его и осыпая похвалами и одобреніями. Царь жаловалъ его большими деньгами, одеждой, драгоцѣнными украшеніями и утварью; но тотъ не принялъ изъ этого ничего, кромѣ одежды, 45
принадлежавшей къ числу царскихъ одѣяній. Послѣ того его благодарилъ за то Барзŷйэ и поцѣловалъ его голову и руку. Барзŷйэ обратился къ царю и сказалъ: «да упрочитъ на долго тебѣ власть Богъ и счастіе: ты даровалъ крайнюю почесть мнѣ и моей семьѣ тѣмъ, что повелѣлъ Бузуржмиһру составить книгу о моей жизни и для увѣковѣченія моей памяти».

Изложеніе содержанія книги, составленное 'Абдуллаһомъ бенъ 'Альмокаффа'.

Эта книга Калйлаһ и Димнаһ, которая состоитъ изъ помѣщенныхъ въ нее учеными индусами басней, въ которыя они какъ-бы по внушенію ввели самые краснорѣчивые разговоры, какіе они могли найти для достиженія того, чего желали. Дѣйствительно, ученые, къ какой религіи они ни принадлежали, не переставали желать, чтобы люди были просвѣщаемы ими; они употребляли для этого всякаго рода ухищренія, желая найти поводъ для обнаруженія склада своихъ знаній, такъ что, наконецъ, слѣдствіемъ одного изъ такихъ поводовъ было составленіе этой книги на языкахъ домашнихъ животныхъ и птицъ. Такимъ образомъ, благодаря этому, у нихъ получилось много различныхъ сторонъ характера, а сами они нашли окольный путь для словъ и извилистыя тропинки, посредствомъ которыхъ они могли-бы углубляться въ сущность дѣла. Что же касается самой книги, то она соединила въ себѣ и мудрость, и шутки; поэтому мудрецы стали ее выбирать ради ея мудрости, невѣжды-же ради ея шутокъ. Учащійся юноша бодро заучиваетъ наизусть то, что становится его достояніемъ, хранимымъ въ его сердцѣ, хотя онъ и 46
не знаетъ, чтò это такое. Но онъ знаетъ, что вслѣдствіе этого онъ вступилъ во владѣніе книгой, украшенной рисунками. Онъ подобенъ поэтому тогда человѣку, который, по достиженіи зрѣлаго возраста, нашелъ, что его родители скопили ему сокровище и пріобрѣли для него средства къ жизни, благодаря которымъ онъ освобожденъ отъ труда—работать для своего существованія; точно также мудрость, которой онъ достигъ, освобождаетъ его отъ потребности въ какомъ нибудь другомъ родѣ образованія. Кто читаетъ эту книгу для того, чтобы познакомиться съ ея намѣреніями, изложенными въ ней, съ цѣлью, къ которой стремится ея авторъ, поставивъ ея содержаніе въ зависимость отъ животныхъ и отнесши его къ лицамъ не говорящимъ, а также и съ остальными его дѣйствіями, которыя онъ превратилъ въ притчи и басни, то тотъ, читая ее и не исполнивъ этого, не узнаетъ ни того, чего желалъ онъ достичь тѣми зна-

ченіями, ни того, какой плодъ онъ срываетъ благодаря имъ, ни того, какого результата онъ достигаетъ на основаніи тѣхъ (логическихъ) посылокъ, которыя содержитъ эта книга; у кого-же будетъ цѣлью довести чтеніе ея до конца, а вовсе не знаніе того, что онъ прочтетъ въ ней, то онъ не вынесетъ изъ книги ничего, чтò доставило бы ему пользу. Кто собираетъ много научныхъ книгъ и читаетъ ихъ, не вникая въ прочитанное, тотъ заслуживаетъ, чтобы его постигло то, что постигло человѣка, который, какъ разсказываютъ ученые, проходя мимо одного ущелья, гдѣ ему показались слѣды клада, сталъ рыть и искать. Наконецъ онъ напалъ на огромное количество золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Онъ сказалъ тогда самъ себѣ: «если я стану переносить понемногу эти деньги, (47), то это продлится для меня долго и занятіе ихъ переноской и обереганіемъ лишитъ меня удовольствія, которое я долженъ получить отъ нихъ. Но я найму людей, которые перенесутъ деньги въ мое жилище; я буду последній изъ нихъ, такъ что позади меня не останется ничего, переноской чего моя мысль была-бы занята: такимъ образомъ за незначительную плату, которую я дамъ имъ, я выиграю для себя спокойствіе своего тѣла отъ труда. Затѣмъ онъ привелъ носильщиковъ: всякій изъ нихъ сталъ тогда носить, чтò былъ въ силахъ, отправляясь къ своему жилищу и обращая принесенное въ свою собственность. Наконецъ, когда отъ клада не осталось ничего, онъ самъ отправился за ними къ своему дому и не нашелъ тамъ изъ денегъ ничего, ни большаго количества, ни незначительнаго. Такъ какъ каждый изъ носильщиковъ присвоилъ себѣ то, что онъ несъ, то ему (этому человѣку) не осталось отъ всего этого ничего, кромѣ хлопотъ и утомленія, потому что онъ не подумалъ о концѣ своего предпріятія. Подобнымъ образомъ, кто читаетъ эту книгу, не уразумѣвая того, что въ ней заключается и не понимая ея кажущагося смысла и внутренняго, тотъ не получитъ пользы отъ того, что онъ увидѣлъ въ ней нѣкоторые знаки и рисунки, подобно тому, какъ человѣкъ, когда ему предложенъ цѣльный орѣхъ, не можетъ имъ воспользоваться не разбивши его. Онъ подобенъ также человѣку, который желалъ научиться краснорѣчію человѣческихъ словъ. Онъ пришелъ къ своему другу, одному изъ ученыхъ, который владѣлъ знаніемъ краснорѣчія, сообщая ему свое желаніе нау-

3

читься краснорѣчію. Другъ его начертилъ ему на желтомъ листочкѣ бумаги краснорѣчивыя слова, обороты и выраженія. Учащійся вернулся домой и принялся многократно (48), читать ихъ, не останавливаясь на ихъ значеніи. Затѣмъ, онъ сидѣлъ однажды въ собраніи людей науки и литературы. Онъ началъ съ ними разговоръ, въ который у него проскользнуло одно ошибочное слово. Кто-то изъ общества ему сказалъ: «ты ошибся, надлежащій способъ выраженія вовсе не похожъ на тотъ, что̀ ты употребилъ». Онъ отвѣтилъ: «какъ я могъ ошибиться, я вѣдь прочиталъ тотъ желтый листочекъ, который находится у меня дома»? Такимъ образомъ слова его дали имъ доказательства противъ него, а это увеличило его близость къ невѣжеству и отдаленіе отъ просвѣщенія. Далѣе, благоразумный человѣкъ, уразумѣвши эту книгу и достигши ея окончательнаго пониманія, долженъ поработать надъ тѣмъ, что онъ узналъ изъ нея въ видахъ воспользоваться этимъ и сдѣлать себѣ девизомъ, отъ котораго уже не слѣдуетъ отклоняться. Если же онъ не исполнитъ этого, то примѣромъ ему можетъ служитъ человѣкъ, который, какъ разсказываютъ, когда забрался къ нему воръ въ то время, какъ онъ спалъ у себя въ домѣ, замѣтивъ его, сказалъ: «клянусь Богомъ, я буду сохранять спокойствіе пока не увижу, что̀ онъ сдѣлаетъ; я его не буду прогонять, а также не дамъ ему понять, что я его замѣтилъ; когда же онъ исполнитъ свое желаніе, я встану къ нему и разрушу его намѣренія». Послѣ этого онъ воздержался (отъ какого-либо поступка относительно вора); воръ сталъ входить и выходить, что̀ продолжалось до тѣхъ поръ пока онъ не собралъ что̀ могъ найти; между тѣмъ человѣка побѣдилъ сонъ; онъ заснулъ, а воръ, исполнивъ то, что желалъ, получилъ возможность уйти. Человѣкъ проснулся и нашелъ, что воръ забралъ его имущество и завладѣлъ имъ. Онъ обратился тогда съ упреками къ самому себѣ, уразумѣвши, что ему не принесло пользы знаніе присутствія вора, такъ какъ онъ не примѣнилъ по отношенію къ нему того, что̀ слѣдовало. Говорятъ, что теоретическія познанія (49), достигаютъ своего назначенія только практическимъ ихъ примѣненіемъ. Наука подобна дереву, а практика плоду, который въ немъ. Человѣкъ науки прибѣгаетъ къ знанію для того, чтобы воспользоваться имъ; если же онъ не примѣняетъ на дѣлѣ того, что знаетъ, то не называется ученымъ.

Если же человѣкъ, зная объ опасной дорогѣ, затѣмъ пойдетъ по ней, вопреки своему знанію, то онъ называется глупцомъ. Можетъ быть онъ, получая отчетъ отъ своей души, нашелъбы ее предавшеюся страстямъ и увлекаемою ими въ такія дѣла, неудобства и вредъ которыхъ для нея ему извѣстны лучше нежели тому, кто идетъ по опасной дорогѣ, которую онъ зналъ за таковую. Кто предается страстямъ и отказывается отъ того, что ему слѣдуетъ дѣлать согласно собственному опыту и указаніямъ другихъ, тотъ подобенъ больному, хорошо знающему дурныя кушанья или напитки, а также хорошія, легкія и тяжелыя, но котораго обжорство принуждаетъ ѣсть дурное и оставить то, что приближало его къ спасенію и освобожденію отъ недуга. Какъ мало извинительно передъ людьми избѣгать похвальныхъ поступковъ и предаваться достойнымъ порицанія для того, кто видитъ это, отличаетъ и понимаетъ преимущества перваго надъ вторымъ. Примѣромъ этому служатъ два человѣка, одинъ зрячій, другой слѣпой, которыхъ судьба привела къ одной ямѣ, куда они упали оба. Когда они очутились на днѣ ея, то оказались оба въ одномъ положеніи; тѣмъ не менѣе зрячій имѣетъ во мнѣніи людей меньше извиненія, нежели слѣпой, такъ какъ у него было два глаза, которыми онъ могъ видѣть, между тѣмъ какъ тотъ не понималъ и не зналъ, что̀ случилось съ нимъ. Долгъ ученаго начать (50), съ себя, воспитывая себя посредствомъ своей науки; пусть не будетъ конечною цѣлью пріобрѣтенія имъ науки только помощь другимъ, иначе онъ будетъ подобенъ источнику, воду котораго пьютъ люди, но которому отъ этого нѣтъ никакой пользы, или же шелковичному червю, прилагающему много замысловатости къ своей работѣ, которая однако не приноситъ ему пользы. Итакъ тому, кто ищетъ науки, надлежитъ обращаться съ увѣщаніями къ своей душѣ. Далѣе послѣ этого его долгъ преподавать науку. Тѣ необходимыя вещи, которыя человѣкъ долженъ пріобрѣсть и передать другимъ, суть знаніе, деньги и хорошее обращеніе (съ людьми).

Не слѣдуетъ ученому упрекать человѣка за недостатокъ, подобный которому онъ самъ имѣетъ, и быть подобнымъ слѣпому, который упрекаетъ другого слѣпаго за его слѣпоту. Однако для того, кто ищетъ чего-либо, должна быть въ искомомъ конечная цѣль и предѣлъ, для которой ему слѣдуетъ ра-

ботать и у котораго слѣдуетъ остановиться, а не переходить его въ своихъ розысканіяхъ. Вѣдь говорятъ, кто идетъ безъ цѣли тотъ рискуетъ лишиться своего животнаго, на которомъ онъ ѣдетъ верхомъ. Справедливость требуетъ, чтобы душа его не старалась искать того, чему нѣтъ предѣла и чего никто не достигалъ до него, чтобы онъ не сожалѣлъ объ этомъ и не предпочелъ этотъ міръ загробному. Вѣдь у кого сердце не связано съ достиженіемъ великихъ цѣлей, у того при неудачѣ является мало сожалѣнія. Обыкновенно говорятъ о двухъ вещахъ, благородныхъ для всякаго: одна изъ нихъ — отшельничество, другая—деньги. Говорятъ также о двухъ вещахъ которыя, постыдны и непріятны для всякаго: это, вопервыхъ, касательно царя — участіе кого либо въ его власти, и въ отношеніи мужа — чтобы кто либо раздѣлилъ его супружескія права. Подобіе первыхъ двухъ качествъ представляетъ напр. огонь, который зажигаетъ всѣ брошенные въ него дрова, (51), а два послѣднія имѣютъ примѣръ въ водѣ и огнѣ, которыхъ соединеніе вмѣстѣ невозможно. Умному не слѣдуетъ сердиться на кого нибудь, кого Богъ привелъ къ нему ради его выгоды, между тѣмъ какъ онъ ожидалъ противнаго (вовсе не этого). Однимъ изъ примѣровъ этому служитъ слѣдующее: одинъ человѣкъ терпѣлъ бѣдность, голодъ и наготу; это побудило его, наконецъ, просить у своихъ родственнниковъ, но ни у одного изъ нихъ не было излишка, который онъ могъ-бы удѣлить ему. Между тѣмъ какъ онъ однажды ночью находился дома, вдругъ появился воръ въ его домѣ. Онъ сказалъ (самъ себѣ): «клянусь Богомъ, нѣтъ въ моемъ домѣ ничего, за что я могъ-бы опасаться; пусть воръ употребляетъ свое стараніе». Между тѣмъ воръ обходилъ (домъ), и вотъ вдругъ его рука наткнулась на сосудъ съ мукой. Тогда воръ сказалъ: «мнѣ вовсе нежелательно, чтобы мой трудъ въ эту ночь оказался напраснымъ; можетъ быть я и не дойду до другой квартиры: по крайней мѣрѣ унесу эту муку». Затѣмъ онъ разостлалъ свою рубашку, чтобы высыпать на нее муку. Здѣсь человѣкъ сказалъ: «уйдетъ эта мука и не останется у меня ничего послѣ нея; итакъ къ моей наготѣ присоединится еще потеря того, чѣмъ я питался, а эти два положенія соединяются у кого-либо только передъ его гибелью». Затѣмъ онъ закричалъ на вора и взялъ въ руки палку, которая находилась у него въ изголовьи. Вору

не было иного средства, кромѣ бѣгства отъ него. Онъ оставилъ свою рубашку и спасся самъ. На слѣдующій день человѣкъ этотъ нарядился въ рубашку. Человѣкъ однако не долженъ, (52), опираясь на этотъ примѣръ, оставлять безъ вниманія надлежащія предосторожности и поступать подобно этому для того, чтобы упорядочить свою жизнь; онъ не долженъ также обращать вниманіе на тѣхъ, у кого дары судьбы и счастье получались безъ просьбы съ ихъ стороны; вѣдь такихъ мало среди людей, большинство которыхъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые утомляютъ свою душу въ трудѣ и стараніяхъ улучшить свою жизнь и получить то, что составляетъ предметъ ихъ желаній. Слѣдуетъ, чтобы стремленіе человѣка было направлено на то, отъ чего получается пріятная прибыль и прекрасная польза, но не слѣдуетъ прибѣгать къ тому, что влечетъ за собою хлопоты и затрудненія. Иначе человѣкъ будетъ подобенъ голубю, выведшему одного птенца, котораго взяли и закололи; но это не помѣшало ему возвратиться, чтобы высиживать и жить на томъ же самомъ мѣстѣ и пунктѣ; тогда былъ взятъ и заколотъ второй изъ его птенцовъ. Говорятъ, что Всевышній Богъ назначилъ для каждой вещи предѣлъ, на которомъ она останавливается. Кто переходитъ въ вещахъ предѣлъ ихъ, тотъ подвергается риску не достичь ихъ. Обыкновенно говорятъ: тотъ человѣкъ, стремленіе котораго направлено какъ на этотъ міръ, такъ и на будущій, имѣетъ свою жизнь (одновременно) въ свою пользу и противъ себя; тотъ же кто стремится спеціально къ этому міру, жизнь того противъ него. Также говорятъ о трехъ вещахъ, которыя человѣкъ обязанъ улучшать и къ которымъ онъ обязанъ прилагать свое стараніе. Изъ нихъ первое—его житейское существованіе, затѣмъ его отношенія къ людямъ и пріобрѣтеніе хорошей по себѣ памяти. Разсказываютъ также о качествахъ, при которыхъ человѣкъ не можетъ правильно работать, это именно—лѣность, потеря свободнаго времени (разгулъ) и довѣріе ко всякому разсказчику, (53), между тѣмъ какъ онъ сообщаетъ можетъ быть о чемъ нибудь изъ своего ума, истины чего не признаетъ самъ, а тотъ вѣритъ ему. Между тѣмъ умному человѣку надлежитъ быть настороже у своей страсти, не принимать на вѣру разсказа перваго встрѣчнаго и не упорствовать въ своемъ заблужденіи, когда оно ему становится сомнительнымъ до такой степени, что ему откры-

вается истина и дѣлается очевидною правда. Онъ не долженъ походить на человѣка, который сбился съ пути и продолжаетъ блудить, такъ что своимъ хожденіемъ увеличиваетъ только свой трудъ и удаленіе отъ цѣли своего пути, или же походить на человѣка, который, повредивъ свой глазъ, не переставалъ тереть его, такъ что это, можетъ быть, было истинной причиной потери его глаза. Но благоразумному человѣку слѣдуетъ довѣрять судьбѣ и предопредѣленію, принять рѣшимость и желать людямъ того же, чего онъ желаетъ себѣ, а не добиваться для себя блага посредствомъ порчи другого; ибо тотъ, кто дѣлаетъ это, заслуживаетъ, чтобы его постигло то, что постигло купца со стороны его товарища.

Разсказываютъ, что былъ одинъ купецъ, который имѣлъ товарища. Они наняли лавку и разложили въ ней свое имущество. Одинъ изъ нихъ жилъ близко отъ лавки и задумалъ украсть одинъ изъ тюковъ своего товарища и, измышляя для этого хитрость, говорилъ самъ себѣ: если я приду ночью, то я не буду гарантированъ отъ того, что унесу одинъ изъ моихъ тюковъ или какую нибудь мою кипу, я ихъ не различу, и трудъ мой и стараніе окажутся напрасными. Онъ взялъ поэтому свой ридā' (плащъ) и набросилъ его на тюкъ, который задумалъ унести, послѣ чего онъ вернулся (45), домой. Послѣ этого пришелъ его товарищъ для того, чтобы привести въ порядокъ свои тюки и, найдя ридā' своего компаньона на одномъ изъ своихъ тюковъ, сказалъ: клянусь Богомъ, это ридā' моего компаньона; я думаю не иначе какъ онъ его забылъ; у меня нѣтъ мысли оставить его здѣсь; я положу его на его кипу: можетъ быть онъ придетъ въ лавку раньше меня и найдетъ его тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Послѣ этого онъ взялъ ридā' и положилъ на одинъ изъ тюковъ своего товарища, затѣмъ заперъ лавку и ушелъ домой. Когда наступила ночь, его товарищъ пришелъ съ однимъ человѣкомъ, съ которымъ онъ уговорился относительно своего намѣренія и назначилъ ему плату за несеніе тюка. Онъ вошелъ въ лавку и сталъ искать въ темнотѣ изāръ (верхняя одежда). Найдя его на тюкѣ, онъ вытащилъ послѣдній съ помощью того человѣка, затѣмъ они стали его нести поочередно. Наконецъ онъ пришелъ домой и упалъ отъ усталости. Вставши утромъ, онъ разсмотрѣлъ тюкъ и вотъ онъ оказался однимъ изъ его собственныхъ тюковъ. Онъ

сильно каялся. Отправившись въ лавку, онъ нашелъ, что его уже предупредилъ его товарищъ, который отворилъ лавку и, не досчитываясь одного тюка, сильно отъ этого опечалился и сказалъ: горе мнѣ, добрый товарищъ ввѣрилъ и вручилъ мнѣ свое имущество,—каково же мое положеніе будетъ въ его глазахъ: онъ, конечно станетъ подозрѣвать меня; но я рѣшаюсь потерпѣть штрафъ за него. Затѣмъ пришелъ его компаньонъ и, найдя его опечаленнымъ, спросилъ: «въ чемъ дѣло»? Тотъ отвѣчалъ: «я провѣрилъ тюки, и не досчитался одного изъ твоихъ; я не (55) знаю причины этого и не сомнѣваюсь, что ты подозрѣваешь меня; но я рѣшился поэтому потерпѣть убытокъ за тюкъ». Тотъ сказалъ: «не печалься, братъ мой, по истинѣ вѣроломство есть самое злое, что̀ дѣлаетъ человѣкъ; коварство и обманъ не приводятъ къ добру, а выдумщикъ ихъ пребываетъ постоянно въ самообманѣ, и тяжкій исходъ коварства достается на долю его, а ни какъ не его товарища. Я одинъ изъ тѣхъ, которые придумываютъ коварство, обманываютъ и хитрятъ». «Какъ это»? спросилъ его компаньонъ. Тотъ передалъ ему свою исторію и разсказалъ случившееся съ нимъ. Товарищъ ему сказалъ: «примѣромъ для тебя можетъ служить только басня о ворѣ и купцѣ».

Тотъ спросилъ: «какъ это»? Тогда онъ сказалъ, что у одного купца въ домѣ его находилось два сосуда, одинъ наполненный мукой, другой — золотомъ. Одинъ воръ наблюдалъ за нимъ нѣкоторое время, пока наконецъ купецъ не отлучился изъ дому на нѣсколько дней. Воръ воспользовался этимъ и, вошедши въ домъ, спрятался въ одномъ изъ отдаленныхъ закоулковъ. Рѣшивши взять сосудъ съ динаріями, онъ взялъ тотъ, въ которомъ была мука, думая, что это сосудъ съ золотомъ. Онъ долго безъ перерыва трудился и употреблялъ усилія, пока наконецъ не пришелъ домой. Открывши сосудъ и узнавши, что̀ находится въ немъ, онъ раскаялся». Здѣсь вѣроломный сказалъ: «ты не далеко пошелъ за примѣромъ и не перешелъ мѣры; я сознаю свою вину и грѣхъ по отношенію къ тебѣ и мнѣ желательно, чтобы это было такъ, какъ оно есть. Однако низкая душа всегда побуждаетъ къ преступленію». Тотъ принялъ его извиненіе и пересталъ его бранить, а равно и (56) довѣрять ему. Послѣдній раскаялся, когда увидѣлъ скверность своего поступка и развитіе своего невѣжества.

Для читающаго эту нашу книгу необходимо, чтобы его цѣлью не было разсматриваніе ея рисунковъ, но вниманіе къ заключающимся въ ней баснямъ, пока онъ не дойдетъ до конца ея. Онъ долженъ останавливаться на каждой баснѣ и на каждомъ словѣ, сосредоточивая на нихъ свое вниманіе: пусть будетъ ему руководствомъ басня о трехъ братьяхъ, которымъ отецъ ихъ оставилъ большое имущество. Они раздѣлили его между собою. Что касается до двухъ старшихъ, они поспѣшили уничтожить и растратить его на постороннія цѣли; младшій же, увидѣвъ, до чего дошли его братья вслѣдствіе траты и пренебреженія къ деньгамъ, обратился къ душѣ своей, прося у нея совѣта, и сказалъ: о душа моя, владѣлецъ денегъ ищетъ ихъ и собираетъ всякимъ способомъ для того, чтобы утвердить свое положеніе, улучшить свою жизнь и существованіе въ этомъ мірѣ, возвысить свое знаніе среди знатныхъ людей и сдѣлаться ненуждающимся въ томъ, что находится въ ихъ рукахъ, тратить ихъ на то, что слѣдуетъ, именно на семью, и издерживать ихъ на дѣтей или на то, чтобы превосходить друзей въ томъ случаѣ, когда дѣтей у него нѣтъ. Кто же, имѣя деньги, не тратитъ ихъ на то, что слѣдуетъ, подобенъ тому человѣку, который считается бѣднякомъ, хотя онъ и богатъ. Если онъ хорошо обращается и обходится съ ними, онъ не лишается ни одной изъ двухъ вещей,—ни мірскаго блага, которымъ онъ воспользуется, ни славы, которую онъ пріобрѣтетъ. Когда же онъ направляетъ свои расходы на цѣли, отличныя отъ только что опредѣленныхъ, (57), немного пройдетъ времени, какъ онъ ихъ растратитъ и ему останется сожалѣніе и раскаяніе. Однако мнѣніе мое удержать эти деньги: я надѣюсь, что Богъ дастъ мнѣ черезъ нихъ пользу и сдѣлаетъ моихъ братьевъ ненуждающимися моими руками. Вѣдь это деньги моего отца и ихъ отца; если лучше всего тратить деньги на родственниковъ, то какъ иначе можетъ быть послѣ этого по отношенію къ моимъ братьямъ. Онъ послалъ за ними, позвалъ къ себѣ и раздѣлилъ съ ними свое имущество. Точно также, читающему эту книгу надлежитъ постоянно смотрѣть въ нее со вниманіемъ; въ противномъ случаѣ примѣромъ ему можетъ служить басня о рыболовѣ, который находился у одного залива. Однажды онъ былъ у воды, ловя рыбу. Вдругъ онъ увидѣлъ въ водѣ раковину. Думая, что это что-нибудь цѣн-

ное, онъ забросилъ свой неводъ въ море. Неводъ захватилъ одну рыбу, которая равнялась его дневному пропитанію. Онъ выпустилъ ее, а самъ бросился въ воду, чтобы взять раковину. Вытащивъ ее онъ нашелъ ее пустою: въ ней не было ничего такого, о чемъ онъ думалъ. Онъ раскаялся тогда, что изъ-за жадности оставилъ находившееся въ его рукѣ и сожалѣлъ о томъ, что миновало его. На другой день онъ перемѣнилъ прежнее мѣсто и забросилъ неводъ. Неводъ поймалъ маленькую рыбу. Онъ увидѣлъ снова уже драгоцѣнную раковину, но не обратилъ на нее вниманія, думая что это что-нибудь плохое. Поэтому онъ оставилъ ее. Проходилъ затѣмъ мимо нея одинъ изъ рыболовъ, который взялъ ее и нашелъ въ ней жемчужину, стоющую большія деньги. Подобны этому — невѣжды, относясь съ безпечностью къ дѣлу мышленія и вниканія въ содержаніе этой книги, не стараясь понимать тайнаго ея смысла и принимая къ свѣдѣнію ея внѣшность, (59), а вовсе не ея внутреннее содержаніе. Кто тратитъ свой трудъ для того, чтобы обращать свое вниманіе на заключающіяся въ главахъ шутки, тотъ подобенъ человѣку, который, напавъ случайно на хорошую, плодородную, не бывшую подъ посѣвомъ землю и на превосходное настоящее зерно, засѣялъ ее и поливалъ. Наконецъ когда приблизилось его благо и земля зацвѣла, онъ занялся вмѣсто нея собираніемъ цвѣтовъ. Онъ обломалъ кончики колосьевъ и погубилъ такимъ образомъ то, что представляло для него самую лучшую пользу и самый прекрасный результатъ.

Читающему эту книгу необходимо знать, что она имѣетъ въ виду четыре задачи: первая изъ нихъ это то, что цѣлью, къ которой стремились при составленіи книги на языкахъ животныхъ неговорящихъ, является желаніе заставить поспѣшить чтеніемъ ея шутливыхъ людей изъ среды молодежи и привлечь на ея сторону ихъ сердца, потому что этотъ отдѣлъ состоитъ изъ рѣдкостей по части хитростей животныхъ; вторая задача — это представленіе во очію изображеній животныхъ различными красками и колерами для того, чтобы доставить привлекательность сердцамъ царей и чтобы стремленіе ихъ къ книгѣ усиливалось-бы вслѣдствіе наслажденія, находимаго въ этихъ рисункахъ; въ третьихъ, она должна быть составлена по этому плану;—тогда ее будутъ брать и цари и купцы, переписка ея вслѣдствіе этого уси-

лится, она сама не пропадетъ и не изотрется по прошествіи долгаго времени; этимъ же она будетъ вѣчно приносить пользу и живописцу и переписчику. Четвертая задача—самая отдаленная и предназначается исключительно и спеціально для философовъ.

Кончилось изложеніе содержанія книги; вотъ статья о главахъ:

Глава первая. Предисловіе этой книги, составленное ʿАліемъ бенъ аш-Шâh Фâреси (59).

Глава вторая. Глава о миссіи Барзӯйэ въ Индію, чтобы списать книгу Калӣлаh и Димнаh.

Глава третья. Изложеніе содержанія этой книги, составленное ʿАбдуллâhомъ бенъ ʾаль-Моḳаффаʿ.

Глава четвертая. Глава о медикѣ Барзӯйэ, составленная Бузурджмиhромъ бенъʾаль-Бахтегâнъ.

Глава пятая. Глава о львѣ и быкѣ; примѣръ двухъ друзей, которыхъ разъединяетъ лжецъ.

Глава шестая. Глава объ уликахъ противъ Димны и доказательствахъ, которыя были въ пользу его извиненія.

Глава седьмая. Глава о голубѣ съ (природнымъ) ошейникомъ; примѣръ искреннихъ друзей.

Глава восьмая. Глава о совахъ и воронахъ; примѣръ врага.

Глава девятая. Глава объ обезьянѣ и черепахѣ; примѣръ человѣка, который получивъ то, въ чемъ нуждался, затѣмъ потерялъ.

Глава десятая. Глава объ отшельникѣ и ласкѣ; примѣръ человѣка, который спѣшитъ въ дѣлѣ прежде выясненія его (60).

Глава одиннадцатая. Глава о крысѣ и кошкѣ; примѣръ человѣка, у котораго много враговъ.

Глава двѣнадцатая. Глава о царѣ и птицѣ; примѣръ людей злоязычныхъ, которымъ не слѣдуетъ довѣрять.

Глава тринадцатая. Глава о львѣ и шакалѣ; примѣръ царя, который старается примириться съ несправедливо обиженнымъ имъ.

Глава четырнадцатая. Глава о Йладһѣ, Баладһѣ, Йраһтѣ и мудромъ Кабаріунѣ.

Глава пятнадцатая. Глава о львицѣ и всадникѣ; примѣръ человѣка, который не причиняетъ зла другому за причиненное имъ зло.

Глава шестнадцатая. Глава объ отшельникѣ и его гостѣ; примѣръ человѣка, который покидаетъ свое занятіе и ищетъ другого.

Глава семнадцатая. Глава о путешественникѣ и золотыхъ дѣлъ мастерѣ; примѣръ человѣка, который раздаетъ благо тамъ, гдѣ не подобаетъ этого.

Глава восемнадцатая. Глава о царскомъ сынѣ и его сверстникахъ; примѣръ дѣйствія судьбы и предопредѣленія (61).

Глава о Барзӯйэ, составленная Бузуржмиһромъ бенъ'аль-Бахтэгâнъ.

Говоритъ Барзӯйэ, глава персидскихъ медиковъ, тотъ, который взялся списать вышеупомянутую книгу и перевести по индійскимъ источникамъ о чемъ мы упомянули уже раньше: мой отецъ былъ однимъ изъ воиновъ, моя мать происходила изъ самыхъ знатныхъ домовъ маговъ; я росъ въ совершенной роскоши и былъ самымъ любимымъ ребенкомъ своихъ родителей; они заботились обо мнѣ болѣе чѣмъ о комъ либо изъ моихъ братьевъ, такъ что, когда я достигъ семи лѣтъ, они поручили меня воспитателю. Когда я прошелъ словесность, я поблагодарилъ своихъ родителей и углубился въ науку. Первое, чѣмъ я началъ и къ чему почувствовалъ влеченіе, была наука медицинская, это потому, что я уже зналъ ея превосходство, и всякій разъ, какъ я почерпалъ изъ нея знаніе, все болѣе увеличивалось мое влеченіе къ ней и желаніе стать ея адептомъ. Когда душа стремилась лечить больныхъ и рвалась къ этому, я обуздалъ ее, а затѣмъ далъ ей выбирать изъ четырехъ вещей, которыхъ люди обыкновенно ищутъ и домогаются и къ которымъ обыкновенно стремятся. Я сказалъ самъ себѣ: какія это потребности, которыхъ я ищу въ своей наукѣ, и какая изъ нихъ болѣе подходитъ ко мнѣ, черезъ которую я достигну желаемаго:— денегъ или доброй памяти по себѣ или наслажденій или же загробнаго блаженства? Я нашелъ въ медицинскихъ книгахъ, что самый безупречный врачъ, постоянно занимаясь медициной, стремится (62) исключительно къ загробной жизни. Поэтому я рѣшилъ искать занятій медициной ради моего стремленія къ загробной жизни, чтобы не оказаться подобнымъ купцу, который продалъ драгоцѣнный яхонтъ за ничего не стоющія стеклянныя бусы, тѣмъ болѣе, что я нашелъ въ книгахъ древнихъ людей, что врачу, который желаетъ своей медициной добиться возмездія на томъ свѣтѣ, это не мѣшаетъ мірскому его благоденствію, и примѣромъ его можетъ служить сѣятель, который воздѣлываетъ свою землю, желая получить ниву, а не изъ желанія получить травы, а послѣ, безъ сомнѣнія, выростутъ на его землѣ вмѣстѣ съ со-

зрѣвающей нивой различнаго сорта травы. Итакъ я рѣшился лѣчить больныхъ изъ желанія получить возмездіе въ загробномъ мірѣ. Я не оставлялъ больного, на излѣченіе котораго я надѣялся, да и такого даже, относительно котораго я не имѣлъ такой надежды, изъ-за того только, что я сильно желалъ облегчить ему хотя нѣсколько болѣзнь или достичь при его лѣченіи возможности ухаживать за нимъ лично. Кого же я не могъ пользовать лично, тому я прописывалъ то, что̀ могло принести пользу и давалъ ему лекарство, которое его вылѣчило-бы. При этомъ я вовсе не желалъ отъ тѣхъ, кому это дѣлалъ, платы или награды. Я не завидовалъ никому изъ моихъ коллегъ, которые были одинаковы со мною по знаніямъ и выше по своей извѣстности и богатству, ни постороннимъ людямъ, которые не примѣняли ни добра, ни хорошаго образа жизни ни на словахъ, ни на дѣлѣ. Когда же моя душа устремилась къ ихъ слабостямъ и пожелала ихъ положенія, я сильно спорилъ съ ней и сказалъ ей: душа моя, неужели ты не различаешь своей пользы отъ вреда, неужели не откажешься отъ желанія того предмета, котораго едва человѣкъ достигнетъ, какъ польза ему отъ него уменьшается, и увеличивается (63) его забота объ немъ, усиливается съ его стороны обереганіе его и возростаютъ хлопоты по поводу него послѣ его потери; душа моя, развѣ ты не вспоминаешь о томъ, что слѣдуетъ за этимъ міромъ, заставляя позабывать о томъ, чего ты такъ жадно отъ него желаешь: не стыдно ли тебѣ сдѣлаться товарищемъ грѣшниковъ изъ-за любви къ этой тлѣнной суетѣ, которая, даже находясь въ рукѣ кого-нибудь, не составляетъ его достоянія, а равно и не остается за нимъ, и вѣдь дружатъ-то съ ней только самообольщенные невѣжды. Обрати вниманіе, душа моя, на свое положеніе и удались отъ этого невѣжества, приблизься, напротивъ, своею силою и стараніемъ къ достиженію блага и берегись зла; вспомни что это тѣло создано на бѣдствія и что оно наполнено испорченными, грязными жидкостями, которыя держитъ въ связи жизнь, жизнь же ведетъ къ небытію; подобно идолу, составныя части котораго (разобраны), когда же онъ составленъ и сложенъ, то его соединяетъ одинъ гвоздь, скрѣпляющій кусокъ съ кускомъ, если же взять этотъ гвоздь, то соединеніе рушится. Душа моя, не обольщайся дружбою своихъ друзей и товарищей, а равно и не стремись къ этому всей силою своего стремленія, такъ

какъ дружба ихъ при всемъ заключающемся въ ней удовольствіи полна стѣсненія, слѣдствіемъ чего бываетъ разлука. Примѣръ этому представляетъ уполовникъ, который употребляется, пока онъ новъ, когда супъ (бываетъ) горячъ, а когда сломается — становится топливомъ. Да не подвигнутъ тебя, душа моя, твоя семья и родственники на собираніе того, въ чемъ ты можешь погибнуть изъ желанія близости къ нимъ. Ты подобна ароматному топливу, которое сгораетъ, и тогда пользуются (64) его запахомъ другіе. Душа моя, не удаляйся отъ дѣла будущей жизни, поэтому не склоняйся въ этой суетной жизни на скорое пріобрѣтеніе малаго и на обмѣнъ большаго на незначительное, какъ нѣкій господинъ, который, имѣя домъ, полный сандала, сказалъ: если я буду продавать его въ развѣсъ, то это слишкомъ продлится для меня, и поэтому продалъ его гуртомъ за дешевую цѣну.

Итакъ, когда я увидѣлъ все вышеуказанное, я не нашелъ возможнымъ слѣдовать за кѣмъ либо изъ нихъ. Если бы я считалъ кого либо изъ нихъ правдивымъ, то, не имѣя свѣдѣній касательно его положенія, я былъ-бы въ этомъ случаѣ человѣкомъ повѣрившимъ, но обманутымъ, о которомъ разсказываютъ слѣдующее: одинъ воръ взобрался на крышу дома богатаго человѣка, вмѣстѣ съ нимъ были нѣсколько товарищей. Хозяинъ дома проснулся отъ ихъ топота и сообщилъ объ этомъ своей женѣ, сказавъ ей тихо: я полагаю, что на домъ забрались воры, поэтому разбуди меня крикомъ, который воры услышали бы, и скажи: почему ты не сообщишь мнѣ, мой мужъ, о твоихъ многочисленныхъ богатствахъ и громадныхъ сокровищахъ? Когда я тебѣ запрещу спрашивать объ этомъ, то ты настаивай, спрашивая у меня. Жена исполнила это и спросила его, какъ онъ ей приказалъ. Воры замолкли, услышавъ ихъ разговоръ. Мужъ сказалъ ей тогда: «жена, судьба доставила тебѣ обильныя, значительныя средства, поэтому ѣшь и молчи, а не спрашивай объ этомъ (о дѣлѣ); если же я сообщу тебѣ это, то не буду увѣренъ, что кто нибудь не слыхалъ, а въ этомъ будетъ заключаться то, что принесетъ непріятность и мнѣ и тебѣ». Тогда жена сказала: «разскажи мнѣ, о мужъ: клянусь своею жизнью, (65), вблизи насъ нѣтъ никого, кто услышалъ-бы наши слова». Тотъ ей отвѣчалъ: «я разскажу тебѣ, я собралъ эти богатства только посредствомъ воровства».

Она спросила: «какъ это было и что ты тогда дѣлалъ»? Тотъ отвѣчалъ: «это лишь благодаря знанію, которое я пріобрѣлъ въ воровствѣ; дѣло же это было для меня легкимъ и я былъ обезпеченъ отъ того, чтобы кто-нибудь подозрѣвалъ меня или сомнѣвался-бы во мнѣ». Она сказала тогда: «разскажи мнѣ это». Тотъ же отвѣчалъ: «я съ своими товарищами отправлялся въ путь въ лунную ночь и въ концѣ концовъ забирались на домъ какого нибудь богача въ родѣ насъ съ тобой. Я тогда подбирался къ слуховому окну, откуда входитъ внутрь (лунный) свѣтъ и колдовалъ посредствомъ слѣд. заклинанія, именно: шаўлямъ шаўлямъ семь разъ. Я обнималъ свѣтъ, вслѣдствіе чего никто не замѣчалъ моего паденія, и обирая, не оставлялъ ни денегъ, ни утвари. Затѣмъ я подымался посредствомъ вышеприведеннаго колдовства, обнималъ свѣтъ, онъ меня тащилъ, я поднимался къ своимъ товарищамъ, и мы уходили въ здравіи и безопасности. Когда воры услыхали это, то сказали: мы получимъ въ эту ночь столько денегъ, сколько намъ желательно. Затѣмъ они помедлили, пока имъ не показалось, что хозяинъ дома и его жена уже спятъ. Тогда ихъ предводитель поднялся къ мѣсту входа свѣта и сказалъ шаўлямъ шаўлямъ семь разъ; затѣмъ обнялъ свѣтъ, чтобы спуститься на полъ дома и упалъ къ верху ногами на макушку своей головы; мужъ же напалъ на него съ палкой и спросилъ его: «кто ты»? Тотъ отвѣчалъ: «я повѣрившій и обманутый, тѣшившій себя мыслью объ исполненіи того, чего не произойдетъ во вѣки. Вотъ плодъ этого». Когда я отрѣшился отъ вѣры (66) въ то, чего не можетъ быть, то, не спокойный, чтобы въ случаѣ, если я повѣрю этому, не подвергнуться опасности, я вернулся къ исканію вѣрованій и къ добыванію изъ нихъ справедливости. Но ни у одного человѣка, съ которымъ я говорилъ, я не нашелъ отвѣта на то, что я спрашивалъ у него относительно ихъ; я не замѣчалъ также въ томъ, что говорили мнѣ, ничего такого, что позволяло бы мнѣ въ сердцѣ своемъ вѣрить, а подавно и слѣдовать за ними. Не найдя доказательства, которое я могъ-бы принять, я сказалъ: мое рѣшеніе — остаться въ вѣрѣ моихъ отцовъ и дѣдовъ, въ вѣрѣ, въ которой я ихъ засталъ. Когда же я принялся искать извиненія своей душѣ за присоединеніе къ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ, я не нашелъ для нея никакой возможности твердо держаться отцовской вѣры, а на-

шелъ ее желающею исключительно предаться изслѣдованію вѣрованій, религіозныхъ вопросовъ и критическому ихъ разсмотрѣнію. Мнѣ пришла на умъ и вспомнилась моему разуму близость срока (т. е. смерти), скорость оставленія міра, жестокаго истребленія его жителей и уничтоженія вѣка ихъ жизни. Я раздумывалъ объ этомъ и сказалъ: «что до меня, то я подобенъ человѣку, о которомъ передаютъ, что онъ влюбился въ одну замужнюю женщину. Эта женщина приказала выкопать для него подземный ходъ изъ своего дома на улицу, устроивъ дверь этого подземелья подлѣ цистерны съ водой; дѣлала это она изъ страха передъ своимъ мужемъ и другими людьми, которыхъ она опасалась изъ-за него. И бывало всякій разъ, какъ она опасалась кого-нибудь, то выводила этого мущину черезъ вышеупомянутое подземелье. Случилось однажды, что мужчина этотъ былъ у нея, а до нея дошла вѣсть, что мужъ ея находится у дверей (дома). Она сказала тогда этому мужчинѣ (67), спѣша и перепугавшись: «спѣши, выйди черезъ подземелье, которое подлѣ цистерны съ водой». Мужчина отправился къ указанному мѣсту и, не найдя цистерны съ водой, вернулся къ ней и сказалъ ей: «цистерны, подлѣ которой, сказала ты мнѣ, находится подземелье, тамъ нѣтъ». Она ему отвѣчала: «о несчастный, какое тебѣ дѣло до цистерны; я указала тебѣ ее для того, чтобы ты отличилъ подземелье; а такъ какъ ты уже узналъ его, то ступай поспѣшно». Онъ же сказалъ ей: «ты же говорила мнѣ о цистернѣ, а ея тамъ нѣтъ». Она ему тогда отвѣчала: «глупецъ, спасайся и отбрось глупость и колебаніе». Онъ же сказалъ ей: «какъ же мнѣ пройти; ты спутала меня, сказавши о цистернѣ, между тѣмъ какъ ея тамъ нѣтъ». И онъ не переставалъ говорить такимъ образомъ, пока наконецъ не вошелъ хозяинъ дома, который схватилъ его, причинилъ ему боль ударами и потянулъ его къ султану.

Когда я испугался колебанія и нерѣшительности, я рѣшилъ не касаться того, отъ чего я опасался непріятностей, и предаться исключительно тому занятію, которое, по свидѣтельству души, находилось въ согласіи со всѣми вѣрованіями. Я удержалъ свои помыслы отъ убійства и побоевъ, отвратилъ свою душу отъ порицаемыхъ поступковъ: гнѣва, воровства, обмана, лжи, клеветы и скрытности, и рѣшилъ въ своей душѣ не строить

никому козней, не считать ложью воскресеніе мертвыхъ, день суда, награду и наказаніе въ будущемъ мірѣ. Въ сердцѣ своемъ я избѣгалъ общества людей злыхъ и старался (68) насколько могъ приблизиться къ людямъ добродѣтельнымъ. Я увидѣлъ, что нѣтъ товарища и спутника подобныхъ добродѣтели и нашелъ легкимъ ея пріобрѣтеніе въ томъ случаѣ, когда Богъ благоволитъ и помогаетъ; я нашелъ также, что добродѣтель указываетъ на благо и совѣтуетъ съ искренностью, поступая какъ другъ со своимъ другомъ. Я нашелъ сверхъ того, что она вовсе не терпитъ ущерба отъ ея расходованія, но, напротивъ, тогда увеличивается ея новизна и красота; я нашелъ при всемъ этомъ, что ей нѣтъ опасности со стороны султана, чтобы тотъ причинилъ ей насиліе, ни отъ воды, чтобы потопила ее, ни отъ огня, чтобы ее сжегъ, ни отъ воровъ, чтобы ее украли, ни отъ дикихъ звѣрей и хищныхъ птицъ, чтобы ее растерзали. Я нашелъ, что человѣка зѣваку и несерьезнаго, предпочитающаго малое, получаемое имъ сегодня и расходуемое имъ завтра, обильному и постоянному благу,— нашелъ, что его постигаетъ то-же, что постигло купца, о которомъ разсказываютъ, что онъ, имѣя драгоцѣнный перлъ, чтобы просверлить его, нанялъ на день одного человѣка за сто дȋнâровъ и отправился съ нимъ къ себѣ домой для работы. И вотъ въ углу комнаты лежала арфа. Купецъ сказалъ мастеру: «можешь ли ты хорошо играть на арфѣ»? Тотъ отвѣчалъ: «да» (а онъ игралъ на ней искусно). Купецъ сказалъ тогда ему: «возьми арфу и дай намъ слышать твои удары по ней». Тотъ взялъ арфу, и купецъ долго слушалъ вѣрную игру и пріятный звукъ. Купецъ рукою и головой показывалъ свое наслажденіе, пока не стемнѣло. Когда наступилъ заходъ солнца, человѣкъ сказалъ купцу: «распорядись о моей платѣ». Купецъ ему отвѣчалъ: «развѣ (69) ты сдѣлалъ что нибудь такое, за что заслуживалъ-бы платы»? Тотъ же сказалъ ему: «я дѣлалъ то, что ты мнѣ приказалъ; вѣдь я твой наемникъ, и что ты желалъ, чтобы я дѣлалъ, то я и дѣлалъ». Такъ онъ и не отсталъ отъ купца, пока не получилъ отъ него ста дȋнâровъ. И остался перлъ купца непросверленнымъ.

Итакъ, я не только не усилилъ своего вниманія къ міру и мірскимъ страстямъ, но напротивъ, у меня увеличилось отреченіе отъ нихъ и удаленіе. Я нашелъ, что именно отшельничество пригото-

вляетъ къ будущей жизни подобно тому, какъ мать стелитъ постель для своего ребенка. Я нашель его — дверью, открытой для вѣчнаго рая, я нашелъ, что отшельникъ управляетъ своими поступками со спокойствіемъ; онъ благодаритъ Бога, смиряется, бываетъ удовлетворенъ, не нуждается, доволенъ и не заботится; онъ отвергнулъ міръ, спасся отъ золъ, отказался отъ страстей, сдѣлался чистымъ и отбросилъ зависть. Поэтому любовь къ нему стала обязательною, и онъ самъ сталъ щедръ во всемъ; онъ примѣняетъ умъ и предвидитъ послѣдствія, сталъ застрахованъ отъ раскаянія; онъ не боится людей и не заискиваетъ у нихъ, поэтому онъ сталъ въ безопасности отъ нихъ; и чѣмъ съ большимъ вниманіемъ я разсматривалъ отшельничество, тѣмъ сильнѣе увеличивалось мое желаніе сдѣлаться однимъ изъ его послѣдователей. Затѣмъ я сталъ опасаться не выдержать жизни отшельника: я былъ не увѣренъ, что покинувши міръ и предавшись аскетизму, я не ослабѣю въ немъ и не откажусь отъ дѣлъ, отъ которыхъ я надѣялся получить пользу и которыя я практиковалъ прежде, что мнѣ принесетъ пользу въ этомъ мірѣ. Примѣромъ мнѣ въ этомъ можетъ служить примѣръ собаки, которая, проходя мимо одной рѣки съ костью во рту, увидѣла свою тѣнь въ водѣ (70): она бросилась, чтобы схватить ее, и потеряла то, что имѣла, не найдя въ водѣ ничего. Я относился съ великимъ уваженіемъ къ аскетизму, но боялся разочарованія и незначительности терпѣнія, и пожелалъ остаться въ томъ положеніи, въ которомъ я находился. Затѣмъ у меня появилась мысль измѣрить тѣ непріятности, стѣсненіе и аскетизмъ, которыхъ я опасался, что не перенесу ихъ во время отшельничества, а также и тѣ бѣдствія, которыя постигаютъ свѣтскаго человѣка, и я убѣдился, что несуществуетъ никакихъ мірскихъ страстей и наслажденій, которыя не измѣнялись-бы, приближаясь къ непріятности, и не порождали-бы печали. Вѣдь міръ подобенъ соленой водѣ, которую чѣмъ больше человѣкъ пьетъ, тѣмъ болѣе усиливается его жажда; онъ похожъ на кость, на которую натыкается собака, и, замѣтивъ въ ней запахъ мяса, до тѣхъ поръ неустанно доискивается этого мяса, пока не изранитъ своего рта; или на хищную птицу, которая добыла себѣ кусокъ мяса, вслѣдствіе чего птицы поднимаются на нее, и она до тѣхъ поръ безъ устали кружится и напрягаетъ усилія, пока не утомится и не обезсилѣетъ, а обез-

силѣвши бросаетъ свою добычу (то что съ ней); еще подобенъ міръ кувшину съ медомъ, на днѣ котораго ядъ: отъ него вкушаютъ скоропереходящую сладость, послѣдствіемъ чего бываетъ страшная смерть; или, наконецъ, сновидѣнію спящаго, которому человѣкъ радуется во время сна, когда-же проснется, радость эта исчезаетъ.

Подумавши объ этихъ обстоятельствахъ, я вернулся къ исканію отшельничества, и меня стала побуждать любовь къ нему. Затѣмъ я поспорилъ со своею душою, потому что она свободно шествуетъ по злымъ путямъ (злу) (71) и часто даже не утверждается въ томъ дѣлѣ, къ которому стремится, какъ судья, который выслушавъ одного тяжущагося, рѣшилъ (дѣло) въ его пользу, когда же явился другой, онъ обратился къ первому и разсудилъ (дѣло) противъ него. Я разсмотрѣлъ, что̀ я испытаю вслѣдствіе перенесенія отшельничества и (неразлучныхъ съ нимъ) стѣсненій, и сказалъ (самъ себѣ): какъ незначительно это страданіе въ сравненіи съ вѣчнымъ отдыхомъ и покоемъ. Затѣмъ я обратилъ вниманіе на тѣ мірскія наслажденія, къ которымъ стремится душа, и сказалъ: какъ это горько и больно, и это-же толкаетъ на вѣчное мученіе и ужасъ; какъ это человѣкъ не находитъ пріятною незначительную горечь, за которой слѣдуетъ продолжительная сладость, и какъ это не минуетъ его небольшая сладость, за которою слѣдуетъ постоянная горечь. И я сказалъ: если-бы какому нибудь человѣку было предложено жить сто лѣтъ съ тѣмъ, чтобы онъ не проводилъ ни одного дня безъ того, чтобы не вырѣзали у него куска мяса, а затѣмъ возвращали-бы ему на второй день, однако съ условіемъ: когда исполнится сто лѣтъ, онъ избавится отъ всякой горести и непріятности и вступитъ въ безопасность и радость, для него было-бы правильнымъ, не обращать вниманія ни на эти годы, ни на что подобное. Какъ это онъ отказывается потерпѣть немного дней, которые онъ проживетъ отшельникомъ и небольшія непріятности отъ этихъ дней, за которыми слѣдуетъ, обильное благо. Да будетъ намъ извѣстно, что весь міръ есть бѣдствіе и мученіе, и нѣтъ человѣка, который не испытывалъ-бы мірскихъ мученій, начиная съ того момента, какъ онъ былъ зародышемъ, до тѣхъ поръ пока не исполнятся дни его жизни. Мы находимъ въ медицинскихъ книгахъ (свѣдѣнія) (72), что сѣмя, пред-

назначенное для образованія нормальнаго ребенка, попавши въ матку женщины, смѣшивается съ ея кровью и сѣменемъ и становится густымъ и плотнымъ; затѣмъ газъ сбиваетъ это сѣмя и кровь (какъ масло), пока не превратитъ его въ подобіе сыра, а послѣ—густаго, плотнаго кислаго молока. Послѣ этого въ немъ выдѣляются члены ребенка, на удачу его дней. Если онъ женскаго пола, то лицо его находится на одной линіи съ лицомъ его матери, если же онъ мужескаго пола, то лицо его лежитъ по направленію спины его матери; руки его вдоль его щекъ, а его подбородокъ на колѣняхъ. Онъ заключенъ въ оболочку, которая похожа на завязанный узелъ; онъ дышетъ черезъ узкое отверстіе для дыханія, что ему трудно; всякій членъ обернутъ пленкой; надъ нимъ жаръ отъ живота и тяжесть послѣдняго, подъ нимъ тотъ мракъ и стѣсненіе, которыя ниже его; онъ привязанъ посредствомъ кишки, проходящей отъ его пупка къ пупку его матери: эту кишку онъ сосетъ и такимъ образомъ получаетъ питаніе. Въ этомъ положеніи, во мракѣ и въ тѣснотѣ, онъ находится до дня своего рожденія. Когда наступаетъ время родильныхъ мукъ и рожденія, маткой женщины завладѣваютъ газы; они сообщаютъ зародышу силу, благодаря которой онъ получаетъ способность двигаться: онъ ударяетъ головою объ отверстіе, служащее ему выходомъ изъ тѣсноты и заключенія. Когда его касается вѣтеръ или трогаетъ рука, послѣ того какъ онъ упалъ на землю, онъ ощущаетъ вслѣдствіе этого боль, какую испытываетъ человѣкъ, когда съ него сдираютъ кожу. Затѣмъ онъ попадаетъ среди различныхъ мученій: если онъ голоденъ и нѣтъ ничего поѣсть, или жаждетъ и нѣтъ ничего (73) попить, или болитъ у него и нѣтъ средства избавленія не смотря на то, что онъ терпитъ какъ его кладутъ, носятъ, пеленаютъ, мажутъ, трутъ; если его уложили спать на спинѣ, онъ не можетъ перевернуться. Далѣе онъ испытываетъ всевозможныя мученія пока кормится грудью; когда же освобождается отъ мученій кормленія грудью, имъ завладѣваютъ мученія отъ воспитанія. Его заставляютъ вкушать всевозможные виды жестокости учителя, скуки ученія и надоѣдливости грамоты. Далѣе, ему достается полнѣйшая доля лекарствъ, діэты, болѣзней и страданій, а когда онъ приходитъ въ возрастъ, его забота устремляется на собираніе денегъ, воспитаніе дѣтей, опасныя разысканія, рвеніе,

трудъ и утомленіе. При всемъ этомъ онъ борется со своими внутренними врагами, неотлучно пребывающими съ нимъ, которые суть: желтая желчь, черная, газы, флегма, кровь смертельный ядъ и жалящая змѣя, это при страхѣ передъ дикими звѣрями и пресмыкающимися, испытывая жаръ и холодъ, дождь и вѣтры. Затѣмъ различныя мученія старости для того кто ея достигнетъ. Если онъ совсѣмъ не боялся до сихъ поръ этихъ обстоятельствъ, сталъ спокоенъ, стяжалъ себѣ отъ нихъ безопасность и, слѣдовательно, до сихъ поръ не думалъ о нихъ, то ему слѣдуетъ поразмыслить о часѣ, въ который къ нему явится смерть и разлучитъ его съ міромъ, а также вспомнить, что̀ съ нимъ произойдетъ въ этотъ часъ вслѣдствіе разлуки съ друзьями, семьей, родственниками и всѣмъ тѣмъ, къ чему онъ привязанъ въ этомъ мірѣ, и вслѣдствіе приближенія послѣ смерти къ великому ужасу. Если онъ этого еще не сдѣлалъ, справедливо (74) считать его безпомощнымъ, безпечнымъ, привязаннымъ къ низостямъ и пороку, А тотъ, кто умѣетъ и не прилагаетъ своей изобрѣтательности къ завтрашнему дню, не отказывается отъ тѣхъ мірскихъ страстей и соблазновъ, которые его забавляютъ и доставляютъ удовольствіе, особенно въ нынѣшнее время, похожее на свѣтлое, между тѣмъ какъ оно пасмурно, хотя бы даже онъ былъ царемъ, (человѣкомъ) твердыхъ убѣжденій, обладающимъ большимъ могуществомъ и высокой энергіей, проницательнымъ, справедливымъ, возлагающимъ надежды, искреннимъ, признательнымъ, гостепріимнымъ, дѣлающимъ разслѣдованія, усидчивымъ, упорнымъ, знающимъ людей и обстоятельства, привязаннымъ къ наукамъ, благу и благимъ дѣламъ, твердымъ противъ оскорбителей, не трусомъ, вовсе неподатливаго характера, склоннымъ къ облегченію подданныхъ тамъ, гдѣ они этого желаютъ, и устраненію того, что имъ докучаетъ. Вѣдь мы видимъ, что судьба нападаетъ на всякое положеніе: какъ будто-бы дѣла правды удалились отъ людей и несуществующимъ оказывается то, уничтоженіе чего пріятно, а существующимъ то, существованіе чего вредно; благо оказывается какъ-бы поблекшимъ, а зло цвѣтущимъ; у разума оказывается какъ будто исчезли его пути, а истина будто обращается въ бѣгство, сокрушенная, а слѣдомъ за ней приближается ложь; слѣдованіе за страстью и потеря правосудія оказываются какъ будто спутниками судей; оскорбленный находится

въ упорномъ страхѣ, а оскорбитель рукоплещетъ самому себѣ; алчность, оказывается, какъ будто наполняетъ свою пасть всякимъ способомъ, поглощая то, что близко или далеко отъ нея; довольство, оказывается, сдѣлалось какъ будто невѣдомымъ и злые какъ будто (75) подымаются къ небесамъ, а добрые люди какъ будто стремятся въ чрево земли; мужество, оказывается, сброшено съ высочайшей степени на нижайшую степень; низость оказывается въ силѣ, а царь оказывается перешедшимъ отъ людей совершенства на сторону людей недостатковъ, и міръ, какъ будто, радостный и веселый, говоритъ: я уничтожилъ благія дѣла, а обнаруживаю злыя.

Когда я подумалъ о мірѣ и о мірскихъ дѣлахъ, а также о томъ, что человѣкъ въ немъ есть самое благородное и возвышенное твореніе и что, далѣе, онъ борется только со зломъ и заботами,—я понялъ, что человѣкъ не обладаетъ умомъ, если не пренебрегаетъ этимъ, не работаетъ для своей души и не прилагаетъ своей находчивости для ея спасенія. Я чрезвычайно удивился этому. Затѣмъ я углубился въ дѣло, и вотъ примѣнить изобрѣтательность для своей души человѣку мѣшаетъ только незначительное, невѣдомое, далеко небольшое наслажденіе (испытываемое имъ) вслѣдствіе обонянія, вкуса, зрѣнія, слуха и осязанія, которое притомъ иногда касается его не вполнѣ или онъ самъ удовлетворяется совсѣмъ малымъ его количествомъ. И вотъ это-то его увлекаетъ, удаляя его отъ заботы о душѣ своей и отъ исканія для ней спасенія. Я сталъ искать для человѣка примѣра, и вотъ примѣръ ему басня объ одномъ человѣкѣ, который спасался отъ страха передъ разъяренньмъ слономъ (убѣгая отъ него) къ колодцу; онъ спустился въ колодецъ и повисъ на двухъ вѣткахъ, которыя были на его поверхности; ноги его попали во что-то на камняхъ внутри колодца, и вотъ это четыре змѣи, которыя высунули головы изъ своихъ норъ. Посмотрѣлъ затѣмъ (76) (человѣкъ), и вотъ на днѣ колодца драконъ съ разверстой пастью караулитъ его, чтобы схватить его когда онъ упадетъ. Поднялъ свой взоръ (человѣкъ) къ двумъ вѣткамъ, и вотъ на ихъ корняхъ двѣ крысы, черная и бѣлая: онѣ грызутъ эти вѣтки, трудясь безъ устали. Въ то время, какъ онъ углубился въ свое положеніе и въ заботу о своей душѣ, вотъ онъ видитъ близь себя соты, въ которыхъ находятся медовыя

пчелы; онъ попробовалъ меду, сладость меда поглотила его вниманіе и наслажденіе отъ него увлекло его отъ раздумья о чемъ бы то ни было въ его положеніи и отъ того, чтобы онъ искалъ себѣ освобожденія. Онъ не вспомнилъ (даже), что его ноги (стоятъ) на четырехъ змѣяхъ, совершенно не зная, когда онъ упадетъ на нихъ; онъ не вспомнилъ и того, что двѣ крысы силятся разгрызть вѣтки и что когда онѣ разгрызутъ, онъ упадетъ на дракона. Такъ онъ оставался погрузившимся въ удовольствіе, безпечнымъ, поглощеннымъ этою сладостью, пока не упалъ въ пасть дракона, и такъ погибъ. Колодецъ представляетъ подобіе міра, исполненнаго несчастій, зла, опасностей и бѣдствій; четыре змѣи уподобляются четыремъ жидкостямъ, которыя (находятся) въ тѣлѣ; вѣдь когда онѣ въ возбужденіи, даже одна изъ нихъ становится подобна змѣиному жалу и смертельному яду. Двѣ крысы, черная и бѣлая, уподобляются ночи и дню, онѣ стараются уничтожить срокъ (назначенный для жизни); драконъ представляетъ подобіе исхода жизни, который неизбѣженъ, а медъ уподобляется той незначительной пріятности, которую человѣкъ видитъ, вкушаетъ, слышитъ, получаетъ черезъ обоняніе или осязаніе, которая увлекаетъ его (77) отъ своей души, развлекаетъ его отъ его положенія и отстраняетъ его отъ пути къ его цѣли. Съ тѣхъ поръ какъ мое положеніе превратилось въ довольство своимъ состояніемъ и въ исправленіе тѣхъ моихъ поступковъ, которые я былъ въ состояніи улучшить, можетъ быть, я встрѣчу въ остаткѣ моихъ дней такую судьбу, у которой я найду указанія на вѣрность своего образа жизни, власть надъ самимъ собою и стойкость въ своемъ положеніи. Я жилъ при этихъ обстоятельствахъ, списалъ много книгъ, вернулся изъ Индіи и списалъ также и эту книгу.

Кончилась глава о медикѣ Барзӯйэ.

ГЛАВА о ЛЬВѢ и БЫКѢ.

(Она-же первая въ этой книгѣ).

Царь Дабшалӣмъ сказалъ философу Байдабѣ, главѣ браһмановъ: приведи мнѣ притчи о двухъ любящихъ другъ друга, которыхъ такъ разъединяетъ лукавый лжецъ, что приводитъ къ враждѣ и ненависти». Байдаба̂ отвѣчалъ: «когда двухъ любящихъ постигаетъ такое бѣдствіе, что между ними является лукавый лжецъ, немного времени проведутъ они, какъ разъединятся и отвратятся другъ отъ друга. Одинъ изъ примѣровъ этому: былъ въ землѣ Даста̂вандъ одинъ старый человѣкъ, у него было три сына; когда они пришли въ возрастъ, они поспѣшили (истратить) деньги своего отца; ремеслу же какому-нибудь, которымъ они могли бы пріобрѣтать для себя благо, они не научились. Отецъ ихъ сталъ ихъ упрекать и убѣждалъ ихъ въ скверности ихъ поступка. Слова его къ нимъ (между прочимъ) были слѣдующія: сыновья мои, свѣтскій человѣкъ ищетъ трехъ предметовъ, которыхъ однако (можетъ) достичь только посредствомъ четырехъ вещей. Что касается до тѣхъ трехъ, которыхъ онъ домогается, эти суть: довольство въ средствахъ пропитанія, почетное положеніе среди людей и запасъ для будущей жизни; что же касается тѣхъ четырехъ, въ которыхъ онъ нуждается для достиженія (первыхъ) трехъ, то они суть: пріобрѣтеніе денегъ самымъ лучшимъ способомъ, какой только существуетъ, затѣмъ (79), хорошее употребленіе тѣхъ денегъ, которыя онъ пріобрѣлъ; потомъ, увеличеніе ихъ (посредствомъ процентовъ); далѣе, трата ихъ на то, что улучшаетъ жизнь и доставляетъ удовлетвореніе семьѣ и друзьямъ: польза этого возвращается къ нему въ будущей жизни. Кто упускаетъ что-нибудь изъ этихъ обстоятельствъ, тотъ не достигаетъ желательныхъ ему предметовъ своего стремленія, потому что, если онъ не пріобрѣлъ, у него нѣтъ денегъ, на которыя онъ могъ бы жить; если же онъ богатъ и пріобрѣлъ, затѣмъ не употребляетъ хорошо деньги, то не много нужно, чтобы деньги были уничтожены и исчезли-бы; а если онъ кладетъ ихъ и не увеличиваетъ, то и незначительность расходовъ не помѣшаетъ быстрому ихъ исчезновенію,

подобно сюрьмѣ, отъ которой берутъ только порошокъ (помѣщающійся на иголкѣ [1]), а однако, затѣмъ, несмотря на это, она быстро уничтожается; если, наконецъ, онъ тратитъ ихъ на постороннія цѣли, кладетъ ихъ не на своемъ мѣстѣ и ошибается въ выборѣ имъ помѣщенія, котораго онѣ заслуживаютъ, онъ становится въ положеніе бѣдняка, у котораго нѣтъ денегъ. Далѣе, это не препятствуетъ деньгамъ его исчезнуть вслѣдствіе случайностей и разныхъ причинъ, которыя обрушиваются на него, подобно водовмѣстилищу, въ которое постоянно вливается вода: если нѣтъ въ немъ выхода въ боку, на днѣ или шлюзы, черезъ которые вода могла бы вытекать въ слѣдуемомъ количествѣ, оно разрушается, и вода течетъ и просачивается изъ множества пунктовъ: а иногда оно даже лопается съ большимъ крушеніемъ, и вода уходитъ, понапрасну (теряясь). Тогда сыновья убѣдились въ словахъ своего отца и приняли ихъ, понимая, что въ нихъ (заключается) благо, и стали поступать согласно съ ними. Старшій изъ нихъ отправился къ землѣ, называемой Майӯнъ. По своему пути онъ пришелъ къ одному мѣсту, гдѣ была (80) большая грязь, а съ нимъ была повозка, которую тащили два быка; одинъ изъ нихъ назывался Шанзабаһ, другой Бандабаһ. Шанзабаһ завязъ въ этомъ мѣстѣ. Человѣкъ и его спутники помогали ему пока не выбились изъ силъ. Итакъ они не могли его вытащить. Купецъ поэтому отправился дальше, а около него (быка) оставилъ одного человѣка смотрѣть за нимъ: въ случаѣ если-бы грязь высохла, онъ нагналъ бы его съ быкомъ. Этотъ человѣкъ, ночуя въ томъ мѣстѣ, прогуливался тамъ и соскучивъ, оставилъ быка, и, нагнавъ купца, сообщилъ ему, что быкъ умеръ. Онъ сказалъ ему: по истинѣ, человѣкъ, когда кончается его время и наступаетъ смерть, если и старается уберечься отъ тѣхъ положеній, въ которыхъ онъ опасается для себя гибели, то все-таки, это не освобождаетъ его ни отъ чего, а пожалуй даже его стараніе въ охраненіи себя и осторожности возвращаются къ нему въ видѣ погибели, подобно тому о которомъ разсказываютъ:

[1] Рѣчь идетъ объ иголкѣ (mîl), которою захватываютъ небольшое количество порошка сюрьмы и затѣмъ сюрьмятъ вѣки.

Одинъ человѣкъ шелъ въ мѣстности, гдѣ была опасность отъ хищныхъ звѣрей, а человѣкъ этотъ былъ освѣдомленъ о трудности пути этой земли и о ея опасностяхъ. Когда онъ отошелъ совсѣмъ еще недалеко, ему попался на дорогѣ волкъ изъ числа волковъ самыхъ свирѣпыхъ и самыхъ кровожадныхъ. Когда человѣкъ увидѣлъ, что волкъ направляется къ нему, онъ испугался его и сталъ смотрѣть направо и налѣво, чтобы найти мѣсто, куда бы онъ могъ спастись отъ волка. Онъ увидѣлъ только деревню по ту сторону долины; онъ поспѣшно пошелъ къ деревнѣ. Пришедши въ долину, онъ не увидѣлъ на ней моста, и замѣтилъ, что волкъ уже нагоняетъ его. Онъ бросился поэтому въ воду, но, неискусный (81) въ плаваніи, онъ едва не потонулъ, если-бы не увидѣли его люди изъ числа деревенскихъ жителей. Они бросились его вытаскивать и вытащили: онъ чуть-чуть не погибъ. Когда этотъ человѣкъ очутился у нихъ и находился въ безопасности и спокойствіи за свою личность отъ нападенія волка, онъ увидѣлъ на окраинѣ долины уединенный домъ. Онъ сказалъ: войду въ этотъ домъ и отдохну въ немъ. Вошедши въ него, онъ нашелъ (тамъ) сборище воровъ, которые преградили дорогу одному человѣку изъ купцовъ и теперь дѣлили его имущество. Они хотѣли его убить. Увидѣвъ это, человѣкъ испугался за себя, отправился въ деревню и прислонился спиною къ одной стѣнѣ, чтобы отдохнуть отъ поразившихъ его ужасовъ и усталости. Вотъ упала стѣна на него и онъ умеръ». Купецъ отвѣчалъ: «ты сказалъ правду, до меня уже дошелъ этотъ разсказъ». Что-же касается быка, то онъ освободился изъ своего мѣстопребыванія и отправился въ путь, постоянно находясь въ одномъ плодородномъ лугу, изобилующемъ водою и травою. Разжирѣвъ и находясь въ безопасности, онъ началъ мычать и возвышать свой голосъ посредствомъ рева, ища коровъ. Близко отъ него находилось логовище большаго льва, который былъ царемъ этой мѣстности и около котораго находилось множество хищныхъ звѣрей: волковъ, шакаловъ, лисицъ, гепардъ и тигровъ. Этотъ левъ былъ всегда собственнаго мнѣнія, далекій отъ того, чтобы принимать мнѣніе кого-либо изъ своихъ приближенныхъ. Когда онъ услышалъ мычаніе быка [а онъ никогда не видѣлъ быка, а равно и не слышалъ его мычанія], онъ сталъ жить (безвыходно) на своемъ мѣстѣ, не

гуляя по пустыни (82) и не будучи бодрымъ; но продовольствіе ему доставлялось каждый день руками его войска. Изъ числа находившихся съ нимъ хищныхъ звѣрей было два шакала, одинъ изъ нихъ назывался Калйлаһ, другой — Димнаһ. Они были проницательные, ученые и образованные. Димнаһ сказалъ своему брату Калйлѣ: «о, братъ мой, что это со львомъ? живетъ на своемъ мѣстѣ, не гуляя по пустыни и совсѣмъ не бодрый». Калйлаһ ему отвѣчалъ: «какое твое отношеніе къ вопросу объ этомъ? мы находимся при дворѣ нашего царя, принимая то, что ему желательно и оставляя то, чѣмъ онъ недоволенъ, и мы вовсе не изъ числа людей съ такимъ чиномъ, обладатели котораго получаютъ (право) говорить съ царями и разсматривать ихъ дѣла. Поэтому удержись отъ этого, знай, что того, кто беретъ на себя слова и поступки, которые не свойственны его положенію, того постигаетъ то, что постигло обезьяну со стороны плотника». Димнаһ спросилъ: «а какъ это было?»

Калйлаһ отвѣчалъ: «разсказываютъ, что одна обезьяна увидѣла плотника, который пилилъ доску среди двухъ клиновъ, самъ сидя на ней верхомъ. Это ей понравилось. Затѣмъ плотникъ ушелъ для какого-то дѣла. Тутъ обезьяна встала и взялась за то, что вовсе не ея занятіе: она сѣла на доску, обративъ спину свою къ клину, а лицо къ доскѣ. Въ щель опустилась одна часть ея тѣла[1]), она вынула клинъ, щель поэтому сомкнулась и она упала безъ сознанія. Тогда пришелъ къ ней плотникъ и, увидѣвъ ее въ такомъ положеніи, приблизился къ ней и сталъ бить ее. Такимъ образомъ то, что она получила со стороны плотника въ видѣ ударовъ (оказалось) болѣе тяжелымъ, чѣмъ то, что постигло ее отъ доски».

Димнаһ сказалъ (83): «я слышалъ, что ты разсказалъ, но я знаю, что всякій, кто приближается къ царямъ, приближается къ нимъ не ради своего чрева, но приближается къ нимъ для того, чтобъ обрадовать друга и унизить враговъ. По истинѣ, тѣ изъ людей, у кого нѣтъ мужества, которые радуются малому и довольствуются низкимъ, подобны собакѣ, которая натыкается на сухую кость и рада ей. Что же касается людей добродѣтели и мужества,

---

1) Въ подлинникѣ (текстъ S. de Sacy) стоитъ خصيتاه ḫiṣyatâhu, т. е. ejus duae testiculae.

то они не удовлетворяются малымъ и не бываютъ довольны имъ, далекіе отъ того, чтобы возвышать этимъ себя самихъ къ тому, чего они достойны и что также достойно ихъ,— какъ левъ, который взялъ въ добычу зайца и вотъ видитъ верблюда; онъ оставляетъ того и отправляется на поиски за верблюдомъ. Развѣ ты не видишь, что собака махаетъ своимъ хвостомъ пока ты не бросишь ей кусочка. А слонъ, сила и превосходство котораго признаются, когда предлагаютъ ему кормъ, не ѣстъ его пока его не погладятъ и не поласкаютъ. Кто живетъ богатымъ человѣкомъ и въ то-же время человѣкъ добродѣтельный и благодѣтельный по отношенію къ своей семьѣ и друзьямъ, тотъ, если даже его жизнь коротка (незначительна), все-таки долгожизненъ, а кто пребываетъ въ жизни стѣсненій, ничтожества и воздержанія по отношенію къ себѣ и къ своимъ, то погребенный живѣе его; а кто работаетъ для своего чрева и удовлетворенъ, бросая все, что сверхъ этого, тотъ считается (однимъ) изъ числа животныхъ».

Калйлаһ отвѣчалъ: «Я понялъ то, что ты сказалъ; подумай нѣсколько и знай: по истинѣ для всякаго человѣка есть положеніе и достоинство. Если въ своемъ положеніи, въ которомъ онъ находится, онъ воздержанъ, естественно (84), что онъ удовлетворяется, а для насъ вовсе не составляетъ почетнаго положенія то, что унижаетъ наше состояніе, въ которомъ мы находимся». Димнаһ отвѣчалъ: «по истинѣ почетныя положенія — вещь оспариваемая и достижимая для многихъ, смотря по силѣ мужества. Человѣка возноситъ мужество съ низшаго положенія къ положенію высшему, у кого-же нѣтъ мужества, тотъ деградируется съ положенія возвышеннаго въ положеніе низкое. А вѣдь подняться къ почетному положенію трудно, а спуститься съ него легко, подобно тому какъ тяжелый камень поднять съ земли къ плечу трудно, а положить (послѣ этого) на землю легко. Для насъ справедливѣе всего добиваться тѣхъ положеній, которыя выше насъ, и домогаться этого своимъ мужествомъ. Далѣе, какъ мы можемъ удовлетвориться ими, когда мы не въ состояніи измѣнить ихъ»? Калйлаһ сказалъ: «На что-же ты рѣшаешься»? Димнаһ отвѣчалъ: «Я желаю явиться ко льву при этомъ удобномъ случаѣ. Можетъ быть при такомъ положеніи вещей я (неожиданно) достигну у него

достоинства и должности». Калйлаһ сказалъ: «а кто-же тебѣ далъ знать, что левъ находится въ недоумѣніи относительно своихъ дѣлъ»? Димнаһ отвѣчалъ: «чутьемъ и умомъ своимъ я знаю это о немъ. По истинѣ человѣкъ разсудительный знаетъ состояніе дѣлъ своего товарища и суть ихъ, насколько это явствуетъ для него изъ указаній о немъ и его вида». Калйлаһ сказалъ: «какъ-же это ты надѣешься на почетное положеніе при львѣ, самъ между тѣмъ не будучи приближеннымъ (85) къ царю и не обладая умѣніемъ служить царямъ»? Димнаһ отвѣчалъ: «человѣка крѣпкаго, сильнаго не утомляетъ тяжелая ноша, хотя-бы носить что-либо и не было его обыкновеніемъ, а человѣку слабому она вовсе не покажется незначительной, хотя-бы это было его ремесломъ». Калйлаһ сказалъ: «по истинѣ царь не одѣляетъ своими щедротами (людей) далекихъ отъ его присутствія, но (всегда) предпочитаетъ болѣе близкаго и находящагося подлѣ него: говорится-же, что примѣромъ царя въ этомъ отношеніи служитъ виноградная лоза (дерево), которая прикрѣпляется только къ благороднѣйшимъ деревьямъ. Какъ-же ты надѣешься на почетное положеніе при львѣ, когда ты совсѣмъ не близокъ къ нему»? Димнаһ отвѣчалъ: «я понялъ твои слова и что ты упоминаешь; ты говоришь правду. Однако я сознаю, что тотъ, кто близокъ къ царю, между тѣмъ какъ это не его мѣсто и не его должность, тотъ подобенъ тому, который приблизился къ царю послѣ отдаленія, между тѣмъ какъ ему принадлежитъ и право и уваженіе: я желаю достигнуть ихъ положенія своимъ усердіемъ. Вѣдь говорится: постоянно находится при царскомъ дворѣ только тотъ, кто сбрасываетъ съ себя гордость, переноситъ непріятности, умѣряетъ свой гнѣвъ и дружитъ съ людьми. Когда онъ доходитъ до этого, тогда достигаетъ своей цѣли (желанія)». Калйлаһ возразилъ: «допустимъ, ты проберешься ко льву,—какую такую благосклонность питаетъ онъ къ тебѣ, на которую ты уповаешь, чтобы, благодаря ей, получить при немъ почетное положеніе и (достигнуть) у него отличія?» Димнаһ отвѣчалъ: «еслибъ я приблизился къ нему и узналъ-бы (86) его нравъ, я деликатно слѣдовалъ-бы за его (мнѣніемъ) и весьма мало ему противорѣчилъ-бы, а когда онъ пожелалъ-бы чего-нибудь, въ сущности правильнаго, я описалъ-бы это ему яркими красками, побуждалъ-бы его къ терпѣливости, позна-

комилъ-бы съ заключающейся въ (его намѣреніи) пользой и благомъ и поддерживалъ-бы его смѣлость въ этомъ (намѣреніи) и при достиженіи его: такимъ образомъ радость его отъ этого дѣла возросла-бы; когда-же онъ пожелалъ-бы чего-нибудь, гдѣ ему угрожаетъ вредъ и ущербъ, я показалъ-бы ему тотъ вредъ и ущербъ, который заключается тутъ и остановилъ-бы его вниманіе на томъ, какая польза и интересъ въ оставленіи (этого намѣренія), и это насколько я нашелъ-бы къ тому средствъ. Я надѣюсь, что, благодаря этому, значеніе мое при львѣ усилится, а левъ увидитъ съ моей стороны то, чего не увидитъ со стороны другого. По истинѣ человѣкъ образованный, деликатный, если пожелаетъ сдѣлать истину ложью или истиной ложь, то можетъ исполнить это, совершенно какъ искусный художникъ, который изображаетъ на стѣнахъ различныя фигуры, однѣ какъ будто рельефныя, между тѣмъ какъ онѣ вовсе не выпуклы, другія какъ будто вдающіяся въ стѣну [1]), тогда какъ онѣ вовсе не углублены». Калйлаһ сказалъ: «но что-бы ты ни говорилъ, я все-же опасаюсь за тебя со стороны султâна. Вѣдь приближенность къ нему опасна. Ученые говорятъ, что существуетъ три состоянія, на которыя достаетъ храбрости только у ошалѣлаго и невредимыми отъ которыхъ остается весьма мало (людей), это: приближенность къ султâну, довѣріе къ женщинамъ относительно тайнъ и принятіе яда для испытанія. На самомъ дѣлѣ ученые уподобляютъ султâна горѣ съ труднымъ подъемомъ, на которой находятся превосходные плоды, драгоцѣнные перлы и полезныя лекарства, которая вмѣстѣ съ тѣмъ (87) — мѣсто происхожденія хищныхъ звѣрей: леопардовъ, волковъ и всякихъ опасныхъ, вредныхъ (животныхъ); подняться на эту гору трудно, а жить на ней еще труднѣе». Димнаһ отвѣчалъ: «ты правъ въ своихъ словахъ; однако-же кто не ѣдетъ верхомъ на ужасахъ, тотъ не добьется своихъ желаній; кто-же бросаетъ свое намѣреніе тамъ, гдѣ онъ могъ-бы достичь своей цѣли, бросаетъ изъ страха и изъ опасенія того, отъ чего онъ могъ-бы пожалуй уберечься, тотъ не достигаетъ ничего крупнаго. Говорятъ, существуетъ три положенія, которыя (человѣкъ) кто-либо въ состояніи выдержать только при большой энергіи и съ великими опасностями, они суть: обхожденіе съ царемъ, морская торговля и борьба съ врагомъ.

[1]) Дѣло идетъ, очевидно, о различіи барельефа и горельефа.

Ученые говорятъ о благодѣтельномъ и великодушномъ человѣкѣ, что онъ показывается только въ двухъ положеніяхъ, [да другія положенія для него и неприличны]: или съ царями, окруженный почетомъ, или съ отшельниками, предаваясь молитвѣ, (совершенно) какъ слонъ, такъ какъ красота и блескъ его обнаруживаются въ двухъ положеніяхъ: или видятъ его въ дикомъ состояніи, или въ видѣ верховаго животнаго царей». «Да даруетъ тебѣ Богъ удачу въ томъ, къ чему ты стремишься», отвѣчалъ Калилаһ.

Затѣмъ Димнаһ отправился въ путь, наконецъ вошелъ ко льву и привѣтствовалъ его. Левъ спросилъ одного изъ сидѣвшихъ возлѣ него: «кто это?» Нѣкто сынъ кого-то отвѣчалъ: «я зналъ его отца». Тогда левъ спросилъ его (Димну): «гдѣ ты пребываешь?» Тотъ отвѣчалъ: «я всегда былъ связанъ съ царскимъ дворомъ, ожидая, что явится какое-нибудь дѣло и что тогда я помогу царю своею особою и своимъ совѣтомъ; вѣдь при дворѣ царей всегда случаются дѣла, въ которыхъ (88) необходимъ бываетъ такой человѣкъ, на котораго не обращали вниманія. Какъ бы малъ ни былъ человѣкъ, все-таки у него найдется чѣмъ принести пользу и оказать услугу, соотвѣтственно его значенію, подобіе чего представляетъ палка, воткнутая въ землю: она пожалуй можетъ принести пользу—когда ее беретъ человѣкъ, она служитъ ему вооруженіемъ въ случаѣ надобности». Когда левъ выслушалъ слова Димны, они ему понравились; онъ подумалъ, что у него (Димны) есть совѣтъ и мнѣніе. Поэтому онъ, обратившись къ присутствующимъ, сказалъ: «по истинѣ иногда человѣкъ знающій и энергичный пребываетъ въ низшихъ степеняхъ, когда о немъ мало знаютъ и отказываютъ ему въ почетѣ. Но разъ его энергія возгорится и поднимется подобно высѣкаемому пламени огня, онъ стремится только къ возвышенію». Понявъ, что онъ льву нравится, Димнаһ сказалъ: «по истинѣ подданные царя присутствуютъ при дворѣ царя, надѣясь узнать, какое находится у нихъ знаніе и что у нихъ въ изобиліи. Говорятъ, превосходство бываетъ двухъ родовъ: превосходство воина надъ воиномъ и ученаго надъ ученымъ. Въ самомъ дѣлѣ. множество помощниковъ, въ случаѣ если они не испытаны. представляютъ вредъ для дѣла; напротивъ, успѣхъ дѣла не во множествѣ помощниковъ, но въ помощникахъ настоящихъ; по-

добно человѣку, который носитъ тяжелый камень, хотя онъ и губитъ себя имъ, но все-таки никогда не можетъ продать его за хорошую цѣну. Человѣка, которому нужны древесные стволы, не удовлетворяютъ стебли, хотя-бы и въ большомъ числѣ. Тебѣ теперь, о царь, естественно не презирать мужество, а его ты найдешь у человѣка (89) незначительнаго по своему положенію; но вѣдь незначительный можетъ оказаться великимъ, подобно тому какъ жила, которую вынимаютъ изъ мертвечины: когда сдѣланъ изъ нея лукъ, она пользуется уваженіемъ и попадаетъ въ руки царей, которымъ она нужна какъ въ серьезныхъ обстоятельствахъ, такъ и при забавахъ. Димнѣ желательно показать народу, что полученное имъ отъ царя почтеніе на самомъ дѣлѣ оказано ему за его разсудительность, мужество и умъ, потому что до сихъ поръ они были того мнѣнія, что это (произошло) вслѣдствіе знакомства съ его отцомъ.

Онъ сказалъ: «по истинѣ султанъ приближаетъ къ себѣ людей не изъ-за своей близости къ ихъ отцамъ, а равно и удаляетъ ихъ отъ себя не вслѣдствіе отдаленія ихъ отцовъ; напротивъ, ему слѣдуетъ обращать вниманіе на каждаго человѣка, что̀ у него есть, такъ какъ вѣдь нѣтъ ничего болѣе близкаго къ человѣку, какъ его тѣло; въ его же тѣлѣ заключено также то, что доставляетъ ему болѣзнь, которая въ концѣ концовъ приноситъ ему вредъ и которая устраняется отъ него только при посредствѣ лекарства, являющагося на сцену уже послѣ этого». Когда Димнаѣ окончилъ эту рѣчь, царь былъ весьма удивленъ имъ; онъ отвѣтилъ ему въ изящныхъ выраженіяхъ и оказалъ ему большое уваженіе. Затѣмъ онъ сказалъ сидящимъ подлѣ него: «султану не подобаетъ спѣшить при уничтоженіи права лицъ владѣющихъ правами. Люди въ этомъ отношеніи являются двумя человѣками (дѣлятся на двѣ категоріи): характеръ одного задорливость: если кто-нибудь наступитъ напр. на змѣю и она его не ужалитъ, то это (поведеніе) змѣи не должно приводить его въ заблужденіе относительно нея (самой) чтобы, вернувшись, онъ наступилъ на нее второй разъ: тогда она его ужалитъ; главная сущность характера другого человѣка — мягкость: онъ подобенъ холодному сандалу, который, если его много трутъ, дѣлается горячимъ и вреднымъ.

Послѣ этого Димнаѣ сталъ запросто хаживать ко льву и, оставшись съ нимъ наединѣ, однажды сказалъ ему: (90): «я замѣчаю,

что царь живетъ все на одномъ мѣстѣ, не выходя изъ него на прогулку; что за причина этому»? Когда они такъ разговаривали, вотъ замычалъ Шанзабаһ сильнымъ ревомъ: левъ былъ смущенъ, но не желалъ сообщить Димнѣ, что съ нимъ случилось. Димнаһ понялъ, что этотъ именно крикъ внушилъ льву безпокойство и страхъ. Онъ спросилъ его поэтому: «неужели царю доставляетъ безпокойство слышать этотъ крикъ»? Тотъ отвѣчалъ: «меня не безпокоитъ ничего кромѣ этого». Димнаһ возразилъ: «царю вовсе не подобаетъ покидать свое мѣстопребываніе изъ-за какого-нибудь крика; ученые вѣдь говорятъ, что не всякихъ криковъ слѣдуетъ бояться». Левъ спросилъ: «какой примѣръ этому»?

Димнаһ отвѣчалъ: «передаютъ, что одна лисица пришла къ холму, гдѣ находился барабанъ, привѣшенный на деревѣ; всякій разъ какъ вѣтеръ дулъ по вѣтвямъ этого дерева, онъ приводилъ ихъ въ движеніе, и онѣ ударяли въ барабанъ. Ей послышался поэтому громкій, страшный звукъ. Лисица направилась къ нему изъ-за этого громкаго звука, который она услышала. Подошедши къ нему, она нашла, что это нѣчто огромное, и убѣдившись изъ этого, что тутъ много сала и мяса, она распорядилась съ нимъ по своему и въ концѣ концовъ разорвала. Увидѣвъ его пустымъ и что въ немъ ничего нѣтъ, она сказала: «я не знаю, пожалуй самый слабый изъ предметовъ превосходитъ ихъ всѣхъ по звуку и—самый большой изъ нихъ по своей массѣ». Я привелъ для тебя эту басню на самомъ дѣлѣ для того, чтобы ты зналъ, что и этотъ крикъ, который насъ испугалъ, если мы подойдемъ къ нему, найдемъ его гораздо незначительнѣе того, что мы о немъ думали. Поэтому, если царь желаетъ (91) послать меня, самъ оставаясь на своемъ мѣстѣ, я въ концѣ концовъ доставлю ему объясненіе этого звука». Левъ согласился на его предложеніе и позволилъ ему отправиться по направленію этого звука. Когда Димнаһ разстался со львомъ, левъ сталъ размышлять о своемъ дѣлѣ и раскаялся, что послалъ Димну туда, куда онъ отправилъ его, говоря самъ себѣ: я не правъ въ томъ, что довѣрился Димнѣ,—Димнѣ, который валялся у моихъ дверей. А въ дѣйствительности, если какой-нибудь человѣкъ постоянно находится при царскомъ дворѣ, и при томъ, или лишился милости безъ всякой вины, которая исходила-бы отъ него, или сталъ предметомъ интригъ при своемъ царѣ, или былъ извѣстенъ ему

(царю) своею жадностью и алчностью, или постигли его непріятности и стѣсненное положеніе, а царь ему не помогъ, или онъ совершилъ преступленіе и опасается за него наказанія, или возлагалъ надежды на что-нибудь такое, что царю приноситъ вредъ, а ему самому пользу, или опасался за что-нибудь, изъ чего онъ получаетъ непремѣнно пользу, или же онъ оказался союзникомъ царскаго врага и противникомъ союзникамъ царя, то царю не подобаетъ спѣшить полагаться на таковыхъ, довѣрять имъ и считать ихъ вѣрными. Въ самомъ дѣлѣ, Димнаһ—ловокъ, образованъ, а у моихъ дверей валялся презираемый; пожалуй онъ питаетъ ко мнѣ вслѣдствіе этого ненависть, можетъ быть даже это побудитъ его обмануть меня и помогать моему врагу, а вѣдь ему извѣстенъ мой недостатокъ; можетъ быть онъ найдетъ владѣльца этого годоса по власти болѣе сильнымъ, чѣмъ я (92), и вступитъ съ нимъ въ союзъ противъ меня». Затѣмъ онъ всталъ со своего мѣста, прошелъ недалеко и увидѣлъ Димну приближающагося къ нему. Ему это было очень пріятно, и онъ вернулся въ свое мѣстопребываніе. Димнаһ вошелъ ко льву. Послѣдній спросилъ его: «что ты дѣлалъ и что ты видѣлъ»? Димнаһ отвѣчалъ: «я видѣлъ быка, это онъ издаетъ мычаніе и тотъ крикъ, который ты слышалъ». Тотъ спросилъ: «а какова его сила»? Димнаһ отвѣчалъ: «у него нѣтъ никакой силы и могущества, я приблизился къ нему и повелъ съ нимъ бесѣду какъ съ равнымъ, онъ не былъ даже въ состояніи сдѣлать мнѣ что-нибудь». Левъ возразилъ: «пусть это не держитъ тебя въ заблужденіи относительно его, и не считай его силу незначительной; вѣдь сильный вѣтеръ не валитъ травы, а ломаетъ между тѣмъ высокія пальмы и большія деревья». Димнаһ отвѣчалъ: «не бойся ничего отъ него, о царь, а также и не преувеличивай себѣ его силы; право, я приведу его тебѣ послушнымъ, покорнымъ рабомъ». Левъ сказалъ: «ну, исполни то, что у тебя на умѣ».

Димнаһ отправился къ быку и совсѣмъ безъ страха и не смущаясь сказалъ ему: «меня послалъ къ тебѣ левъ для того, чтобы привести тебя къ нему; онъ мнѣ приказалъ, сверхъ того, если ты поспѣшишь къ нему, покоряясь, успокоитъ тебя относительно твоего предшествующаго проступка, именно что ты заставилъ его ждать себя и что не позаботился встрѣтить его;

если-же заставишь его ждать себя и отложишь свиданіе, то я поспѣшу вернуться къ нему и сообщить ему объ этомъ». Шанзабаh тогда его спросилъ: «а кто это такой левъ, что посылаетъ тебя (93) ко мнѣ, гдѣ онъ и какое его положеніе»? Димнаh отвѣчалъ: «онъ царь хищныхъ звѣрей, живетъ онъ въ такомъ-то мѣстѣ и у него многочисленное войско его-же породы». Тутъ Шанзабаh испугался упоминанія льва и хищныхъ звѣрей и сказалъ: «если ты дашь мнѣ какую-нибудь поруку за мою особу, я отправлюсь съ тобой къ нему». Тогда Димнаh далъ ему такую поруку, которой онъ повѣрилъ, за тѣмъ отправился вмѣстѣ съ быкомъ и наконецъ они оба вошли ко льву. Левъ очень хорошо обошелся съ быкомъ, приблизилъ его къ себѣ и спросилъ его: «когда ты вступилъ въ эту область и кто тебя привелъ въ нее»? Шанзабаh разсказалъ ему свою исторію. Левъ ему тогда сказалъ: «будь моимъ товарищемъ и находись безотлучно при мнѣ, я тебя уважаю». Быкъ призвалъ на него благословеніе и воздалъ ему хвалу. За тѣмъ левъ приблизилъ къ себѣ Шанзабу, сталъ оказывать ему уваженіе и обходиться съ нимъ ласково, довѣряя ему свои тайны и совѣтуясь съ нимъ въ своихъ дѣлахъ, и дни только увеличивали его удивленіе быку, его преданность и приближеніе къ нему, такъ что наконецъ онъ сдѣлался избраннымъ по положенію изъ его приближенныхъ. Когда Димнаh замѣтилъ, что быкъ сталъ любимцемъ льва помимо него самого и приближенныхъ льва и что онъ сдѣлался его совѣтникомъ, дѣлилъ съ нимъ свои досуги и развлеченія, онъ сталъ сильно завидовать ему и въ него проникъ гнѣвъ на быка въ полномъ размѣрѣ; онъ сталъ жаловаться на это своему брату Калйлѣ, говоря ему: «развѣ ты не удивляешься, братъ мой, моему слабоумію, моему поступку съ самимъ собою и моему вниманію къ тому, что полезно для льва, въ то время какъ я совсѣмъ не радѣлъ о собственной пользѣ, такъ что привлекъ ко льву быка, который перебилъ у меня положеніе»? Калйлаh отвѣчалъ: (94), «съ тобою случилось то, что случилось съ отшельникомъ». «А какъ это было»? спросилъ Димнаh.

Калйлаh отвѣчалъ: «разсказываютъ, что одинъ отшельникъ случайно получилъ отъ какого-то царя превосходную одежду; ее увидѣлъ одинъ воръ и, почувствовавъ жадность къ этой одеждѣ, пришелъ къ отшельнику и сказалъ ему: «я желаю

быть твоимъ товарищемъ, учиться и позаимствоваться у тебя». Отшельникъ далъ ему позволеніе жить съ нимъ. Тотъ сталъ жить у него, подражая ему и будучи очень обходительнымъ въ услугахъ ему; такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, когда онъ взялъ надъ нимъ верхъ, онъ схватилъ одежды и ушелъ съ ними. Потерявъ свои одежды, отшельникъ понялъ, что ихъ взялъ его сожитель. Онъ отправился поэтому на поиски за нимъ въ одинъ изъ городовъ. На своемъ пути онъ прошелъ мимо двухъ горныхъ козъ которыя бодались такъ, что съ нихъ текла кровь; а лисица, пришедши, лакала эту кровь; но пока она лакала эту кровь, вотъ онѣ приблизились къ ней, бодаясь и убили ее. Отшельникъ продолжалъ свой путь, пока не вступилъ въ городъ; тамъ онъ нашелъ гостепріимство только у одной женщины, у которой онъ остановился и гостилъ. Habebat haec femina puellam secum, per quam sibi quaestum pararet. Puella vero amore unius hominis capta est eumque concupivit. Quod cum dominae ejus (i. e. hujus puellae) lucro privatum esse visum esset, necem hujus viri ea ipsa nocte, qua asceticus ad eam aderat, meditabatur. Deinde cum hic vir adesset, eum ebrium vino potavit; qua de causa dormit, puella (95) quidem (jacente) apud latus ejus. Iis igitur profundo somno captis, ad venenum quod in fistula paraverat, intendit eamque ano viri insufflaret. Sed cum hoc (facere) voluisset, exiit ventus ex ano viri et projecit venenum in guttur feminae, ita ut mortua caderet. Все это происходило на глазахъ отшельника и такъ, что онъ слышалъ.

Когда онъ увидѣлъ все это, онъ ушелъ искать другое жилище и сталъ гостить у одного человѣка — башмачника (по ремеслу), который привелъ къ нему свою жену и сказалъ ей: «смотри за этимъ отшельникомъ, будь почтительна въ обращеніи съ нимъ и старательна въ услуживаніи ему: меня пригласилъ одинъ изъ моихъ друзей къ себѣ на пирушку», — и самъ за тѣмъ отправился изъ дома. У жены этой былъ одинъ любовникъ, посредницей-же между ними служила жена одного цирюльника. Жена башмачника послала къ женѣ цирюльника, приказывая ей придти къ ней и извѣстить ея любовника, что она свободна, говоря: «мой мужъ ушелъ на попойку къ одному изъ своихъ друзей и воротится, конечно, пьянымъ; скажи ему поэтому, пусть поспѣшитъ своимъ приходомъ». Послѣ этого любовникъ жены пришелъ и сѣлъ у двери, ожидая позволенія (войти). Но пришелъ башмачникъ,

пьяный; увидѣвъ человѣка, онъ почувствовалъ сомнѣніе и, войдя въ гнѣвѣ къ своей женѣ, больно избилъ ее ударами, за тѣмъ привязалъ ее къ находившейся въ домѣ колоннѣ, а самъ вышелъ и легъ спать, ничего не сознавая. Въ это время пришла жена цирюльника, сообщая ей: «мужчина уже долго сидитъ, что-же ты прикажешь»? Она ей отвѣчала: «если ты желаешь сдѣлать мнѣ благодѣяніе, то ты развязала-бы меня, а привязяла-бы себя на мое мѣсто пока схожу (96) къ своему милому; я поспѣшу вернуться». Жена цирюльника дала ей свое согласіе на это и отвязала ее, и та отправилась къ своему другу; она же привязала самое себя на ея мѣсто. Между тѣмъ башмачникъ проснулся раньше чѣмъ вернулась его жена. Онъ позвалъ ее по имени, а жена цирюльника не отвѣчала ему, боясь изъ стыда, что онъ пожалуй узнаетъ ея голосъ. Онъ позвалъ ее во второй разъ, она-же не отвѣчала ему. Тогда онъ, преисполненный гнѣва и ярости, подошелъ къ ней съ сапожнымъ ножомъ и отрѣзалъ ей носъ, говоря: «возьми это и отдай своему другу», не сомнѣваясь, что это—его жена. Послѣ этого пришла жена башмачника и когда увидѣла поступокъ своего мужа съ женой цирюльника, ей это показалось очень дурнымъ и ужасно тягостнымъ. Она развязала ея привязь, и та отправилась домой съ отрѣзаннымъ носомъ. Все это (происходило) на глазахъ отшельника и такъ, что онъ слышалъ. Затѣмъ жена сапожника стала молиться и проклинать своего мужа, который ее обидѣлъ. Она возвысила свой голосъ и закричала своему мужу: «эй ты, безстыдный обидчикъ, встань и посмотри, какъ поступилъ со мною ты и какъ поступилъ со мною Богъ, который умилосердился надо мною и возвратилъ мнѣ мой носъ цѣлымъ, какимъ онъ былъ». Тотъ всталъ, зажегъ свѣтильникъ и посмотрѣлъ, и вотъ носъ его жены цѣлъ. Онъ сталъ просить у нея прощенія, каялся въ своемъ грѣхѣ и просилъ прощенія у своего Господа.

Что касается жены цирюльника, то она, входя въ свой домъ, раздумывала о томъ, какъ ей просить извиненія у своего мужа и семьи за (97) потерю носа и какъ удалить сомнѣнія. Когда наступило утро, цирюльникъ проснулся и сказалъ своей женѣ: «принеси мнѣ весь мой цирюльническій приборъ: я желаю идти къ одному изъ знатныхъ людей». Она принесла ему бритву. Онъ сказалъ тогда: «принеси мнѣ всѣ мои инструменты»; она-же

принесла ему только бритву. Онъ разсердился, когда она заставляла его долго повторять, и бросилъ въ нее бритвой. Она бросилась на землю, стоная и крича: «мой носъ, мой носъ»! Она голосила до тѣхъ поръ, пока не пришла ея семья и родственники. Увидѣвъ ее въ такомъ положенiи, они схватили цирюльника и отправились съ нимъ къ судьѣ. Судья сказалъ ему: «что побудило тебя отрѣзать носъ у своей жены»? У него-же не было никакого доказательства, которымъ онъ могъ-бы защититься; поэтому судья приказалъ его бичевать. Когда онъ былъ приведенъ для наказанiя, пришелъ отшельникъ и, приблизившись къ судьѣ, сказалъ ему: «пусть не представляется тебѣ сомнительности въ этомъ дѣлѣ; на самомъ дѣлѣ, это не воръ обокралъ меня, это не два козла убили лисицу, это не ядъ умертвилъ блудницу и это не мужъ отрѣзалъ носъ женѣ цирюльника. Напротивъ, мы сами съ собою сдѣлали это». Судья просилъ у него разъясненiя, и тотъ сообщилъ ему свою исторiю. Тогда судья приказалъ освободить цирюльника».

Димнаħ сказалъ: «я слышалъ уже эту басню и она похожа на мое положенiе: пожалуй и мнѣ не повредилъ никто, кромѣ меня самого. Однако какое-же средство»? Калйлаħ отвѣчалъ: (98) «сообщи мнѣ свой планъ и на что̀ ты желаешь рѣшиться при такомъ положенiи дѣлъ». Димнаħ сказалъ: «что касается меня, то я теперь вовсе не надѣюсь, чтобы мое значенiе у льва могло возрости; но я впрочемъ попытаюсь вернуть себѣ то положенiе, какое у меня было. Вѣдь существуетъ три дѣла, къ которымъ умный человѣкъ долженъ прилагать свою находчивость сообразно со своимъ усердiемъ. Одно изъ нихъ — это разсматриванiе прошедшихъ вреда и пользы для того, чтобы онъ остерегался вреда, который постигъ его въ предшествующее время для того, чтобы онъ не возвращался къ тому вреду и не искалъ-бы пользы, которая уже прошла, и не измышлялъ-бы способовъ вернуть ее; другое, это — разсматриванiе того, въ чемъ находятся полезные и вредные элементы, утвержденiе того, что приноситъ пользу и избѣжанiе того, что приноситъ вредъ; третье, это — проникновенiе въ будущемъ того, на что онъ надѣется со стороны пользы и того, чего онъ опасается со стороны вреда. Итакъ, пусть онъ добивается исполненiя того, на что онъ надѣется, и пусть ограждаетъ себя своимъ усердiемъ отъ того,

чего онъ опасается. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая это положеніе, въ которомъ, я надѣюсь, вернется мое значеніе и то, что у меня было (впослѣдствіи) перехвачено, я не нахожу иного способа и средства, кромѣ хитраго образа дѣйствій съ этимъ травоѣдомъ, пока въ концѣ концовъ не разлучу его съ жизнію. Дѣйствительно, если онъ разлучится со львомъ, мое значеніе вернется ко мнѣ; можетъ быть даже это будетъ благомъ для льва; вѣдь чрезмѣрное приближеніе имъ къ себѣ быка способно нанести ему вредъ и принести ему ущербъ въ его положеніи». Калйлаh отвѣчалъ: «я не вижу (99) никакого вреда или зла для льва въ его мнѣніи о быкѣ, въ положеніи послѣдняго подлѣ него и въ значеніи вмѣсто тебя». Димнаh возразилъ: «напротивъ, вѣдь самъ царь испытываетъ нападеніе, а его положеніе расшатывается отъ шести вещей: лишенія, мятежа, страсти, суровости, судьбы и неумѣлости. Что касается недостатка средствъ, то онъ лишаетъ царя хорошихъ помощниковъ, руководителей и правителей изъ (среды) людей разсудка, энергіи и довѣрія, даже оставляя поиски за подобными людьми; мятежъ — это взаимныя военныя дѣйствія людей и появленіе между ними войны; страсть — это пристрастіе къ женщинамъ, разговорамъ, шуткамъ, напиткамъ, охотѣ и тому подобному; суровость — это чрезмѣрная строгость, такъ что въ концѣ концовъ языкъ осмѣливается бранить, а рука — бить не тамъ, гдѣ слѣдуетъ; судьба — это то, что постигаетъ людей вслѣдствіе годовъ, смерти, неурожая, войны и тому подобнаго; неумѣлость — это примѣненіе строгости вмѣсто мягкости и мягкости вмѣсто строгости. Въ самомъ дѣлѣ, левъ очень сильно пристрастился къ быку, и пристрастіе это — то, что, я сказалъ, способно принести ущербъ и вредъ его положенію. Калйлаh спросилъ: «какъ же ты будешь бороться съ быкомъ, когда онъ сильнѣе тебя, когда онъ у льва въ большемъ почетѣ, чѣмъ ты, когда у него больше помощниковъ»? Димнаh отвѣчалъ: «не смотри на мой малый ростъ и слабость; вѣдь дѣла обусловливаются не слабостью или силою (100) и не малымъ или большимъ ростомъ. Иногда, пожалуй, маленькій, слабый достигнетъ своей находчивостью, проницательностью и разсудкомъ того, чего не въ состояніи (достигнуть) многіе сильные. Развѣ-же до тебя не дошла (вѣсть) о томъ, что одинъ слабый воронъ такъ хитро велъ дѣло съ черной (змѣей), что наконецъ убилъ ее»? Калйлаh спросилъ: «а какъ это было»?

Димнаһ отвѣчалъ: «передаютъ, что у одного ворона было дупло въ деревѣ на одной горѣ, а близко отъ него была нора черной змѣи. И бывало, когда воронъ выводилъ птенцовъ, черная змѣя бросалась на его птенцовъ и съѣдала ихъ. Это дошло до ворона и опечалило его; онъ сталъ жаловаться на это одному своему другу изъ шакаловъ и сказалъ ему (между прочимъ): «я желаю посовѣтоваться съ тобою о дѣлѣ, на которое я уже рѣшился». Тотъ спросилъ: «а что это»? Воронъ отвѣчалъ: «я рѣшился отправиться къ черной змѣѣ, когда она спитъ: я выклюю у нея глаза и такимъ образомъ лишу ее зрѣнія. Можетъ быть я освобожусь отъ нея». Шакалъ сказалъ: «какая-же плохая твоя хитрость, которую ты придумалъ; поищи такого пріема, посредствомъ котораго ты достигъ-бы осуществленія своего замысла по отношенію къ черной змѣѣ, не подвергая себя риску и опасности отъ нея. Берегись, чтобы примѣромъ тебѣ не сдѣлалась басня о цаплѣ, которая желала убить рака, а убила самое себя». Воронъ спросилъ: «а какъ это было»?

Шакалъ отвѣчалъ: «передаютъ, что одна цапля свила себѣ гнѣздо у пруда обильнаго рыбою и проживала себѣ тамъ. Затѣмъ, состарившись, она уже не была въ состояніи охотиться и тутъ на нее напали голодъ и сильное затрудненіе, вслѣдствіе чего она сидѣла печальная, пріискивая средство для своего горя. Мимо нея проходилъ ракъ (101); онъ замѣтилъ ея состояніе и овладѣвшую ею грусть и печаль, приблизился къ ней и сказалъ: «что я тебя вижу, птица, такою печальною, грустною»? Цапля отвѣчала: «какъ мнѣ не печалиться! я долго жила охотою на находящихся здѣсь рыбъ, а сегодня видѣла двухъ рыболововъ, прошедшихъ мимо этого мѣста, изъ которыхъ одинъ сказалъ своему товарищу: «право, здѣсь много рыбы; давай, выловимъ ее мало-по-малу». А другой отвѣчалъ ему: «въ такомъ-то мѣстѣ я видѣлъ рыбъ въ большемъ количествѣ чѣмъ эти (здѣшнія) рыбы: начнемъ съ того, а когда покончимъ съ нимъ, придемъ сюда и опустошимъ и это мѣсто». А я ужъ знаю, что они, покончивъ съ тѣмъ, что (есть) тамъ, доберутся и до этого уголка и выловятъ то, что (находится) здѣсь; когда-же это случится, это будетъ моею гибелью и концомъ моихъ дней». Ракъ тотчасъ-же отправился къ общинѣ рыбъ и сообщилъ имъ это; тѣ же пришли къ цаплѣ и просили у нея совѣта, говоря ей:

«дѣйствительно, мы пришли къ тебѣ для того, чтобы ты дала намъ совѣтъ: вѣдь умный не упускаетъ посовѣтоваться (даже) со своимъ врагомъ». Цапля отвѣчала: «что касается до борьбы съ рыболовами, то я не въ состояніи (сдѣлать) этого: я не знаю другого способа, какъ перейти въ какое нибудь болото вблизи отсюда, гдѣ было-бы много рыбы и воды, а также (находился-бы) и тростникъ. Если вы можете переселиться въ него, въ немъ васъ ждетъ привольная жизнь и плодовитость». Они сказали ей: «намъ никто не окажетъ этого благодѣянія кромѣ тебя». Тогда цапля стала уносить каждый день по двѣ рыбы такимъ образомъ, что достигала съ ними (102) одного холма и съѣдала ихъ. Наконецъ, когда въ одинъ день она явилась, чтобы взять двухъ рыбъ, къ ней подошелъ ракъ и сказалъ ей: «я также боюсь своего здѣшняго мѣстожительства, да оно и надоѣло мнѣ: возьми меня съ собою въ то болото». Цапля понесла его, летя съ нимъ. Наконецъ, когда она приблизилась къ тому холму, на которомъ она обыкновенно съѣдала рыбъ, ракъ посмотрѣлъ и, увидѣвъ кости рыбъ, собранныя тамъ (въ одномъ пунктѣ), понялъ что тутъ виновна цапля и что она желаетъ (сдѣлать) подобное и съ нимъ. Онъ сказалъ самъ себѣ: «когда человѣкъ встрѣчаетъ своего врага при такой обстановкѣ, при которой онъ знаетъ, что погибнетъ, все равно будетъ-ли онъ сражаться или не будетъ сражаться,— естественно, что онъ будетъ бороться за себя изъ-за чести и самосохраненія». Затѣмъ, занесши свои клешни на шею цапли, онъ сдавилъ ее, и она умерла, а ракъ спасся къ общинѣ рыбъ и сообщилъ имъ объ этомъ. На самомъ дѣлѣ я привелъ тебѣ эту басню для того, чтобы ты узналъ, что нѣкоторыя хитрости гибельны для хитреца; напротивъ, я укажу тебѣ на одинъ пріемъ, въ которомъ, еслибы только ты съумѣлъ его выполнить, заключается гибель черной змѣи безъ того, чтобы ты могъ погубить себя при немъ, ты будешь невредимъ». Воронъ спросилъ: «а что же это такое»? Шакалъ отвѣчалъ: «ты отправишься и будешь высматривать во время своего полета, не удастся ли тебѣ захватить какое-нибудь женское украшеніе (103); ты его схватишь и будешь все летѣть, опускаясь (къ землѣ) такимъ образомъ, чтобы не исчезать изъ глазъ (людей), пока не прилетишь къ норѣ черной змѣи; тогда ты бросишь украшеніе это у нея: когда люди увидятъ это, они возьмутъ свое украшеніе и успокоятъ

тебя отъ змѣи». Воронъ отправился, паря въ небесахъ, и замѣтилъ одну женщину изъ дочерей вельможъ, которая умывалась на крышѣ, а свои одежды и украшенія положила возлѣ себя. Воронъ бросился и, схвативъ изъ ея украшеній ожерелье, улетѣлъ съ нимъ. Люди слѣдили за нимъ, а онъ все летѣлъ, спускаясь такъ, чтобы его могъ видѣть каждый. Наконецъ онъ достигъ норы черной змѣи и бросилъ къ ней ожерелье въ то время, какъ люди смотрѣли на нее. Пришедши къ ней, они взяли ожерелье и убили черную змѣю. На самомъ дѣлѣ я разсказалъ тебѣ эту басню для того, чтобы ты зналъ, что хитрость вознаграждается тѣмъ, чѣмъ не вознаграждается сила.

Калйлаһ отвѣчалъ: «дѣйствительно, еслибы у быка не соединялась вмѣстѣ съ силою и его сообразительность, то было-бы такъ, какъ ты говоришь; однако у него вмѣстѣ съ его крѣпостью и силою хорошая сообразительность и умъ: поэтому что ты можешь сдѣлать ему»? Димнаһ возразилъ: «правда, быкъ совсѣмъ таковъ, какъ ты сказалъ о его силѣ и умѣ, но онъ-же признателенъ мнѣ за благодѣяніе, и мнѣ слѣдуетъ погубить его подобно тому какъ заяцъ погубилъ льва». Калйлаһ спросилъ: «а какъ это было»?

Димнаһ отвѣчалъ: «передаютъ, что былъ одинъ левъ въ странѣ обильной водой и травой. Въ той странѣ, вслѣдствіе обширности водныхъ пространствъ и пастбищъ, было большое число дикихъ звѣрей; однако это не приносило имъ пользы, потому что они боялись льва. Поэтому они собрались, пошли ко льву и сказали ему: «ты вѣдь (104) достаешь изъ нашей среды одно животное послѣ усилій и труда; мы измыслили для тебя планъ, которымъ обусловливается для тебя спокойная жизнь, а для насъ — покой и безопасность: если ты оставишь насъ въ покоѣ и не будешь насъ пугать, то на насъ (будетъ лежать обязанность доставлять) тебѣ каждый день по одному животному, котораго мы будемъ посылать тебѣ ко времени твоего обѣда». Левъ согласился на это, звѣри заключили съ нимъ миръ и стали исполнять данное ему обѣщаніе. Послѣ этого случилось, что жребій палъ на одного зайца, который и сдѣлался (in spe) пищею льва. Онъ сказалъ звѣрямъ: «если вы склонны къ тому, въ чемъ для васъ нѣтъ (никакого) вреда, то я надѣюсь избавить васъ отъ льва». Звѣри спросили: «а какое-же дѣло ты

намъ предложишь»? Тотъ отвѣчалъ: «вы прикажете тому, кто со мной отправится ко льву, (нѣсколько) промедлить, такъ чтобы я немного опоздалъ къ нему (ко льву)». Они сказали ему: «это будетъ для тебя (исполнено)». Тогда заяцъ отправился медленно, такъ что пропустилъ то время, въ которое обыкновенно обѣдалъ левъ. Когда онъ одинъ тихо къ нему приближался, левъ былъ уже голоденъ и, разгнѣвавшись, поднялся со своего мѣста, направляясь къ нему. Онъ спросилъ зайца: «откуда ты пришелъ»? Тотъ отвѣчалъ: «я посланецъ къ тебѣ отъ звѣрей, которые послали меня вмѣстѣ съ зайцемъ (предназначеннымъ) для тебя. Нѣкоторую часть пути меня преслѣдовалъ какой-то левъ: онъ отнялъ его у меня и сказалъ: «я властелинъ этой страны и находящихся въ ней звѣрей». Я возразилъ ему, что это пища льва, съ которой меня послали къ нему звѣри, поэтому не отнимай ее у меня». А онъ сталъ тебя позорить (105) и ругать. Тогда я поспѣшно пошелъ, чтобы извѣстить тебя». Левъ ему отвѣчалъ: «отправляйся со мною и покажи мнѣ мѣстожительство этого льва». Тогда заяцъ направился къ цистернѣ, въ которой было много чистой воды, онъ посмотрѣлъ въ нее и сказалъ: «это — то мѣсто». Посмотрѣлъ левъ и, увидѣвъ тѣнь свою и зайца въ водѣ, онъ, не сомнѣваясь въ его словахъ, бросился въ цистерну, чтобы сражаться со львомъ, и потонулъ въ ней. Заяцъ повернулъ тогда къ звѣрямъ и повѣдалъ имъ свою продѣлку со львомъ».

Калйлаh возразилъ: «еслибы ты могъ погубить быка чѣмъ-нибудь такимъ, съ чѣмъ не связано вреда для льва, то исполни. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ быкъ повредилъ и мнѣ, и тебѣ, и другимъ, помимо насъ, изъ среды арміи; а если ты въ состояніи (исполнить) это только черезъ гибель льва, то и не принимайся за это; вѣдь это (была-бы) съ моей и твоей стороны измѣна». Послѣ этого Димнаh пересталъ являться ко льву въ теченіи многихъ дней, а за тѣмъ пришелъ къ нему въ то время какъ онъ былъ наединѣ. Левъ спросилъ его: «что это ты скрывался отъ меня? уже столько времени, какъ я тебя не видалъ? и было съ пользой твое удаленіе (отъ меня)»? Димнаh отвѣчалъ: «пусть будетъ съ пользой, о царь». Левъ спросилъ: «развѣ случилось что-нибудь»? Димнаh отвѣчалъ: «случилось то, чего не желалъ ни царь, ни кто-либо изъ его арміи».

«Что же это»? спросилъ онъ. «Гнусныя слова», отвѣчалъ (Димнаh). Левъ сказалъ: «сообщи мнѣ ихъ». Димнаh отвѣчалъ: «вѣдь это такія слова, которыя слушающему ихъ сообщаютъ досаду и доставляютъ боль говорящему ихъ. Поистинѣ, ты, о (106) царь, человѣкъ добродѣтели, а твой разумъ подскажетъ тебѣ наказать меня, если то, что я говорю, тебѣ причиняетъ досаду. Я (вполнѣ) увѣренъ въ тебѣ, что ты признаешь мою преданность и предпочтеніе мною тебя самому себѣ; но мнѣ представляется, что ты не повѣришь тому, что я тебѣ разскажу. Впрочемъ, когда я вспомнилъ и подумалъ о томъ, что мы (принадлежимъ) къ общинамъ звѣрей, которыя неразрывно связаны съ тобою, я счелъ невозможнымъ не исполнить долга, который лежитъ на мнѣ, хотя-бы даже ты и не спрашивалъ меня, хотя даже я боюсь, что ты не окажешь мнѣ довѣрія. Ибо вѣдь говорятъ, что тотъ, кто скрываетъ отъ государя свое наставленіе, а отъ друзей свое мнѣніе, тотъ обманываетъ самого себя. Левъ спросилъ: «такъ что-же это такое»? Димнаh отвѣчалъ: «одинъ вѣрный и правдивый, по моему мнѣнію (человѣкъ), разсказалъ мнѣ, что Шанзабаh, оставшись наединѣ съ начальниками твоей арміи, сказалъ имъ: я изучилъ льва, узналъ его сообразительность, находчивость и силу, и мнѣ стало яснымъ, что это (все) у него склонно къ слабости и безпомощности; ну, и будетъ же между нами дѣло изъ дѣлъ. Когда до меня дошло это, я понялъ, что Шанзабаh обманщикъ, измѣнникъ. Ты его почтилъ всѣми почестями, сдѣлалъ его подобнымъ себѣ самому, а онъ думаетъ, что равенъ тебѣ и что, когда ты удалишься со своего мѣста, власть твоя перейдетъ къ нему; а онъ не отложитъ своего стремленія, не достигши его съ твоей стороны. Между тѣмъ говорится: когда царь замѣтитъ со стороны человѣка, что тотъ стремится сравняться съ нимъ въ своемъ достоинствѣ и положеніи, то пусть низвергнетъ его; если-же не сдѣлаетъ съ нимъ этого, будетъ самъ низвергнутъ. Шанзабаh очень свѣдущъ (107) въ дѣлахъ и весьма дальновиденъ въ нихъ. Уменъ тотъ, кто ищетъ средствъ противъ событія раньше его исполненія и проявленія; поэтому ты не будешь въ безопасности, если онъ живъ и ты его не предупредишь. Говорятъ о трехъ человѣкахъ: твердомъ, болѣе твердомъ, чѣмъ онъ, и безпомощномъ. Однимъ изъ твердыхъ бываетъ тотъ, кто въ случаѣ, если его посѣтитъ ка-

кое-либо событіе, не изумляется ему и у кого не уходитъ лучами присутствіе духа, у кого не ослабѣваетъ хитрость его и находчивость, благодаря которой онъ надѣется выйти изъ этого событія; болѣе твердый, чѣмъ этотъ, есть идущій впередъ, приготовившійся, который замѣчаетъ бѣду прежде ея осуществленія, предупреждаетъ ее предупредительными мѣрами и пріискиваетъ противъ нея средство, такъ что (кажется) будто она была вѣчно съ нимъ; онъ предупреждаетъ болѣзнь прежде чѣмъ очутится, благодаря ей, въ несчастіи, и предотвращаетъ событіе раньше, чѣмъ оно произошло. Что-же касается безпомощнаго, то онъ находится среди колебанія, фантазій и апатіи, такъ что въ концѣ концовъ погибаетъ; (однимъ) примѣромъ этому служитъ басня о трехъ рыбахъ». Левъ спросилъ: «а какъ это было»?

Димнаһ отвѣчалъ: «передаютъ, что въ одномъ пруду было три рыбы: разумная, болѣе разумная и безпомощная. Этотъ прудъ находился въ такой части страны, что къ нему никто не могъ приблизиться, а вблизи его была рѣка. Случилось, что мимо этой рѣки проходило два рыболова. Они посмотрѣли на прудъ и дали другъ другу обѣщаніе вернуться къ нему со своими сѣтями и выловить находящихся въ немъ рыбъ. Рыбы услыхали ихъ слова. Что касается самой разумной изъ нихъ, то, услышавши ихъ слова, она обезпокоилась и стала опасаться (рыболововъ). Она не предпринимала ничего, но наконецъ удалилась (108) изъ того мѣста, куда входила вода изъ рѣки въ прудъ. Другая, разумная, та оставалась на своемъ мѣстѣ, пока не пришли оба рыболова. Когда-же она увидала ихъ и поняла, чего они желаютъ, она удалилась, чтобы выйти оттуда, откуда входила вода. Они-же заградили уже то мѣсто. Тогда она сказала: «я переступила мѣру, и это—послѣдствіе нарушенія мѣры. Какое-же средство при этомъ положеніи, когда оно (средство) мало имѣетъ успѣха при торопливости и поспѣшности? Но все-таки умный не теряетъ надежды на полезныя слѣдствія сообразительности, не отчаивается въ положеніи и не откладываетъ (въ сторону) сообразительности и усилій». Вслѣдъ за тѣмъ она притворилась мертвою и стала плавать по поверхности воды, переворачиваясь то на спину, то на животъ. Рыболовы взяли ее и положили на землю между рѣкой и прудомъ. Тутъ она бросилась въ рѣку и спаслась. Что-же касается безпомощной, то она

безпрестанно плавала взадъ и впередъ до тѣхъ поръ пока не была поймана».

Левъ возразилъ: «я понимаю это, но я не предполагаю, что быкъ меня обманываетъ; онъ не надѣется (приготовить) мнѣ непріятности. Да и какъ онъ это сдѣлаетъ, когда онъ съ моей стороны не видѣлъ никогда дурнаго, когда я не пропускалъ ничего хорошаго, чего-бы не сдѣлалъ ему, ни всякаго спокойствія, котораго я не доставилъ-бы ему». Димнаh сказалъ: «въ дѣйствительности, (человѣкъ) ничтожный не перестаетъ быть полезнымъ и преданнымъ до тѣхъ поръ пока наконецъ не будетъ возведенъ въ достоинство, котораго онъ (вовсе) недостоинъ. Когда-же онъ достигнетъ его, онъ стремится къ высшему, тому, которое выше его, и это—въ особенности люди обмана и безстыдства. Въ самомъ дѣлѣ, (человѣкъ) ничтожный, безстыдный служитъ государю и бываетъ преданъ ему только изъ-за какого-нибудь интереса (109); когда-же онъ не станетъ нуждаться, почтительность его исчезаетъ и онъ возвращается къ своей природѣ, подобно хвосту собаки, который привязываютъ, чтобы его выпрямить: онъ остается ровнымъ пока привязанъ, когда-же развязанъ, сгибается и искривляется, какимъ онъ былъ. Знай, о царь, что образъ мнѣній того, кто не принимаетъ отъ своихъ совѣтниковъ тѣхъ ихъ совѣтовъ и наставленій, которые для него тяжелы, (образъ мнѣній того) не одобряется. Онъ подобенъ больному, который оставляетъ то, что присылаетъ ему врачъ, и стремится къ тому, чего онъ желаетъ (самъ). Долгъ блюстителя государя съ настойчивостью проникать въ то, что увеличиваетъ силу государя и украшаетъ его, но отстранять отъ того, что ему вредитъ и наноситъ ущербъ. Самый лучшій изъ друзей и помощниковъ—(отличающійся) самою малою льстивостью въ своемъ совѣтѣ; самый лучшій изъ поступковъ, это—самый пріятный по результату; самая лучшая изъ женщинъ, это—согласная со своимъ мужемъ; самая лучшая изъ похвалъ, это—та, что̀ бываетъ на устахъ (людей) добродѣтельныхъ; благороднѣйшій изъ царей тотъ, у кого нѣтъ надменности; а лучшій изъ нравовъ, это—болѣе всего способствующій богобоязненности. Сказано: если человѣкъ изберетъ себѣ подушкой огонь, а постелью—змѣй, ему справедливѣе быть поздравленнымъ людьми, чѣмъ ощущать со стороны своего товарища вражду, изъ-за которой тотъ ищетъ его душу, чтобы

ее похитить. Самый недальновидный изъ царей, это—болѣе всѣхъ прибѣгающій къ медленности и менѣе всѣхъ взирающій на грядущія событія. Онъ подобенъ раздраженному слону, который ни на что не обращаетъ вниманія. Если его печалитъ какое-нибудь дѣло, то онъ старается его забыть; если онъ проигралъ какія либо дѣла, онъ приписываетъ это судьбѣ». Левъ ему отвѣчалъ: «ты суровъ въ этой рѣчи: но слова (человѣка) преданнаго принимаются (110) и переносятся. Однако, еслибы Шанзабаh и обнаруживалъ какія-либо намѣренія противъ меня, какъ ты говоришь, онъ вѣдь не въ состояніи причинить мнѣ какой-либо вредъ. Да и какъ онъ можетъ (сдѣлать) это, когда онъ (существо) травоядное, а я—плотоядное. Напротивъ, онъ мнѣ пища; я не имѣю опасенія отъ него. Далѣе, нѣтъ пути къ измѣнѣ послѣ того залога, который я ему далъ, послѣ моего почтенія къ нему и послѣ моихъ ему похвалъ. Еслибы я порвалъ съ тѣмъ, что исходило отъ меня (до сихъ поръ) и перемѣнилъ-бы это, мой образъ мыслей былъ-бы сочтенъ безсмысленнымъ, а я самъ невѣждой, и я измѣнилъ-бы своему обязательству».

Димнаh возразилъ: «пусть не приводятъ тебя въ заблужденіе твои слова: «онъ мнѣ пища, я его не опасаюсь». Дѣйствительно, если Шанзабаh не будетъ въ состояніи (сдѣлать что-либо) тебѣ лично, онъ хитро устроитъ это тебѣ со стороны другого. Говорится: если у тебя гоститъ гость (хотя) одинъ часъ въ день, а ты между тѣмъ не знаешь его нравственныхъ качествъ, ты самъ не гарантированъ отъ него, а также ты не (можешь быть) увѣренъ, что тебя не коснется отъ него то, что постигло вошь со стороны блохи». Левъ спросилъ: «а какъ это было»?

Димнаh отвѣчалъ: «передаютъ, что одна блоха неотлучно находилась долгое время при постели одного человѣка изъ числа богачей. Она обыкновенно питалась его кровью въ то время какъ онъ спалъ, (ничего) не сознавая, ползая по немъ нѣжной поступью. Такъ она жила нѣкоторое время; наконецъ въ одну изъ ночей у нея стала гостить блоха. (Вошь) сказала ей: проведи эту ночь у насъ при вкусной крови и мягкой постели. Блоха стала у нея жить; когда-же наконецъ человѣкъ улегся въ свою постель, она вспрыгнула къ нему и укусила его такъ, что (111) разбудила его: сонъ улетѣлъ отъ него. Человѣкъ тогда

всталъ и приказалъ обыскать свою постель. Посмотрѣли и увидѣли только вошь, которую взяли и раздавили (ногтемъ), а блоха убѣжала». На самомъ дѣлѣ я привелъ тебѣ эту басню, чтобы ты зналъ, что злой никого не оставляетъ въ невредимости по своей злой натурѣ; если даже онъ слабъ, чтобы сдѣлать это, зло приходитъ по его причинѣ. Если ты вообще не опасаешься Шанзабы, то опасайся кого-нибудь другого изъ твоихъ воиновъ, которыхъ онъ подбивалъ противъ тебя на враждебныя чувства къ тебѣ».

Слова Димны запали въ душу льва. Онъ спросилъ: «что-же ты думаешь въ такомъ случаѣ и что ты посовѣтуешь»? Димнаһ отвѣчалъ: «вѣдь зубъ бываетъ постоянно изъѣденнымъ, а владѣлецъ его испытываетъ отъ него непрерывно боль и непріятность пока наконецъ не разстанется съ нимъ; пища разложившаяся въ желудкѣ, доставляетъ спокойствіе только при ея изверженіи, а лекарство отъ врага или опаснаго (человѣка)—убійство его». Левъ сказалъ: «ты заставилъ меня ненавидѣть сосѣдство со мною Шанзабы. Я пошлю къ нему и выскажу ему то, что запало о немъ въ мою душу, а вслѣдъ за тѣмъ я прикажу ему отправляться куда ему угодно». Димнѣ это не понравилось: онъ понялъ, что левъ, поговоривши съ Шанзабою и услышавши его отвѣты, замѣтитъ ту чепуху, которую онъ (Димнаһ) наговорилъ, проникнетъ его измѣну и ложь и не станетъ опасаться за себя чего бы то ни было. Поэтому онъ сказалъ льву: «что касается твоей посылки къ Шанзабѣ, то я не считаю этого для тебя серьезнымъ планомъ и твердостью. Итакъ, пусть царь разсмотритъ это. Вѣдь когда Шанзабаһ разузнаетъ объ этомъ (112) дѣлѣ, я боюсь, онъ поспѣшитъ вступить съ царемъ въ состязаніе; если онъ станетъ сражаться съ тобою, то онъ будетъ сражаться будучи приготовленнымъ, а если разстанется съ тобой, то разлучится съ тобой такимъ способомъ, отъ котораго къ тебѣ приблизятся недостатки и прилѣпится къ тебѣ порокъ. При всемъ томъ разсудительные изъ царей не объявляютъ наказанія тому, чья вина не объявлена, но у нихъ бываетъ наказаніе за всякую вину, при томъ за вину опубликованную—наказаніе оффиціальное, за вину тайную—наказаніе тайное». Левъ отвѣчалъ: «вѣдь если царь наказываетъ кого-нибудь по подозрѣнію, которое онъ возъимѣлъ на него, безъ убѣжденія въ его

преступленіи, онъ наказываетъ свою душу и наноситъ ей оскорбленіе». Димнаһ возразилъ: «впрочемъ, если это мнѣніе царя, то пусть Шанзабаһ войдетъ къ тебѣ только въ томъ случаѣ, когда ты готовъ его встрѣтить. Но берегись, чтобы тебя не охватили по отношенію къ нему заблужденіе и безпечность. Дѣйствительно, я полагаю, что царь въ тотъ моментъ, какъ войдетъ къ нему (быкъ), замѣтитъ, что онъ задумалъ что-то серьезное. Изъ числа признаковъ этого: ты увидишь его цвѣтъ измѣнившимся, увидишь его члены дрожащими, увидишь его бросающимъ взоры направо и налѣво, увидишь его размахивающимъ своими рогами, какъ это дѣлаетъ тотъ, кто замышляетъ бодаться и сражаться». Левъ сказалъ: «я буду отъ него настороже, и если я увижу съ его стороны какой-либо намекъ, указывающій мнѣ на то, чтò ты сказалъ, я буду знать, что нечего сомнѣваться касательно его поведенія».

Покончивъ съ возбужденіемъ льва противъ быка и замѣтивъ, что въ его душу запало то (именно), что онъ желалъ, что левъ будетъ остерегаться (113) быка и готовиться противъ него, Димнаһ захотѣлъ пойти къ быку, чтобы спутать его мысли о львѣ; но ему хотѣлось, чтобы его приходъ (исходилъ) со стороны льва, изъ опасенія, что до послѣдняго можетъ дойти свѣдѣніе объ этомъ и онъ отъ этого потерпитъ непріятность. Поэтому онъ сказалъ: «о царь, не пойти-ли мнѣ къ Шанзабѣ: я посмотрю на его состояніе и поступки и послушаю его разговоръ. Можетъ быть я проникну въ его тайну, и тогда освѣдомлю царя какъ объ этомъ, такъ и о томъ, чтò мнѣ покажется съ его стороны». Левъ далъ ему на это позволеніе. Онъ отправился и пришелъ къ Шанзабѣ будто-бы грустный и опечаленный. Увидѣвъ его, быкъ ласково принялъ его и спросилъ его: «что за причина твоего удаленія отъ меня? Я вѣдь не видѣлъ тебя уже нѣсколько дней. Были они миромъ»? Димнаһ отвѣчалъ: «когда-же бываетъ въ мирѣ тотъ, который не имѣетъ власти на самого себя, чьи дѣла находятся въ рукахъ чужаго, которому онъ не довѣряетъ, когда онъ не можетъ уберечься отъ опасности и страха, такъ что даже не проходитъ и одного часа, въ продолженіе котораго онъ могъ-бы быть спокойнымъ за самого себя». Шанзабаһ спросилъ: «чтò такое случилось»? Димнаһ отвѣчалъ: «случилось то, что предопредѣлено, и это уже существуетъ,— а кто тотъ, который

старается побѣдить судьбу; кто тотъ, который достигъ въ мірѣ какого нибудь значительнаго положенія и не возгордился-бы; кто тотъ, который достигъ своего страстнаго желанія и не находился-бы въ самообольщеніи; кто тотъ, который слѣдовалъ своей страсти и не потерпѣлъ-бы непріятности; кто тотъ, который занимался-бы болтовнею съ женщинами, и не былъ-бы въ ущербѣ; кто тотъ, который просилъ у наглыхъ людей (чего нибудь) и не былъ-бы обездоленъ; кто тотъ, который водилъ компанію съ дурными и остался-бы цѣлъ; кто тотъ, который былъ интименъ съ султâномъ и которому были-бы постоянными (114) съ его стороны довѣріе и милость. Правъ былъ тотъ, кто сказалъ: примѣромъ султâновъ при незначительности ихъ честности по отношенію къ тѣмъ, которые къ нимъ привязаны, и при ихъ беззаботности о тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые исчезли, (служитъ) примѣръ блудницы: всякій разъ какъ она теряетъ одного, появляется другой». Шанзабаh сказалъ: «я слышу отъ тебя слова, которыя показываютъ мнѣ, что тебя охватило безпокойство изъ-за льва и что нѣчто тебя испугало въ немъ». «Да, отвѣчалъ Димнаh, меня обезпокоило въ немъ это, но (безпокойство произошло) вовсе не о моемъ дѣлѣ». Шанзабаh спросилъ: «такъ о комъ-же ты безпокоишься»? Димнаh сказалъ: «ты знаешь то, что (произошло) между мною и тобою, ты знаешь, что на мнѣ лежитъ долгъ и *kakie* обѣты и клятвы я далъ тебѣ въ тѣ дни, когда левъ послалъ меня къ тебѣ. Итакъ я не нахожу возможнымъ не охранить тебя и не просвѣтить о томъ, что̀ я усмотрѣлъ въ немъ такого, отъ чего опасаюсь за тебя съ его стороны». «Что-же дошло до тебя»? спросилъ Шанзабаh. Димнаh отвѣчалъ: «мнѣ разсказывалъ одинъ свѣдущій, правдивый (человѣкъ), въ словахъ котораго нѣтъ сомнѣнія, что левъ сказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ и собесѣдниковъ: «меня очень прельщаетъ полнота быка, а между тѣмъ интереса въ жизни его я не имѣю; съѣмъ я его и угощу его мясомъ (также) и моихъ приближенныхъ». Когда до меня дошли эти слова и я узналъ его измѣну и шаткость его обѣщанія, я пошелъ къ тебѣ, чтобы исполнить долгъ по отношенію къ тебѣ и чтобы ты могъ пріискать средство въ своемъ положеніи». Когда Шанзабаh услышалъ слова Димны, то вспомнивъ, какія обѣщанія и клятвы далъ ему Димнаh (въ свое время) и

размысливъ о поступкѣ (115) льва, онъ предположилъ, что Димнаћ говоритъ ему правду и преданъ ему; онъ даже увидѣлъ, что дѣло похоже на то, что̀ говорилъ Димнаћ. Это его повергло въ заботу и онъ сказалъ: «не зачѣмъ было льву измѣнять мнѣ; я не совершилъ проступка ни противъ него, ни противъ кого-бы то ни было изъ его арміи со времени дружбы съ нимъ. Я предполагаю, что левъ не иначе какъ былъ настроенъ противъ меня ложью и что мое дѣло ему было представлено въ ложномъ видѣ. Вѣдь льва окружаютъ люди дурные, онъ испытываетъ отъ нихъ ложь и такія вещи, которыя заставляютъ его въ своемъ умѣ считать правдивымъ и то, что̀ доходитъ до него относительно другихъ. Конечно, дружба съ людьми дурными можетъ иногда дать въ наслѣдство приверженцу ея подозрѣніе въ дурномъ даже людей добродѣтельныхъ и заставляетъ его испытывать заблужденіе подобное заблужденію утки, которая, передаютъ, увидѣла въ водѣ отраженіе звѣзды и подумала, что (это) рыба. Она старалась поймать ее. Когда она попыталась (сдѣлать) это нѣсколько разъ, она поняла, что это не какой-нибудь такой предметъ, который можно поймать, и потому оставила его. Послѣ этого на другой день послѣ того (попалась) рыба, а она предполагала, что эта подобна той, которую она видѣла вчера, поэтому и оставила ее, не стараясь ее поймать. Если до льва дошла обо мнѣ ложь, а онъ ее считаетъ правдой противъ меня и слушаетъ ее обо мнѣ, то что̀ случилось съ другимъ, произойдетъ и со мной. А если до него не дошло ничего, а онъ желаетъ мнѣ зла безъ (всякаго) повода, то это, въ самомъ дѣлѣ, принадлежитъ къ одному изъ весьма удивительныхъ дѣлъ. Сказано: достойно удивленія, какъ это человѣкъ иногда ищетъ расположенія своего друга, который не расположенъ (къ нему); а еще удивительнѣе этого, что онъ иногда ищетъ его расположенія (116) въ то время какъ тотъ гнѣвается. Когда гнѣвъ является вслѣдствіе какой нибудь причины, примиреніе оказывается возможнымъ, а прощеніе предположимымъ. Но когда гнѣвъ безъ причины, надежда удаляется, потому что, когда гнѣвъ случается вслѣдствіе появленія какой-нибудь причины, примиренія можно ожидать по исчезновеніи (этой) причины. Я думаю и не знаю какого-либо проступка (случившагося) между мной и львомъ, ни малаго грѣха, ни большаго; да клянусь своею жизнью, никто

не въ состояніи въ продолженіе своего долгаго сожительства со своимъ другомъ остерегаться въ каждый моментъ своего существованія и уберечься отъ неправильности, чтобы съ его стороны не произошло ни малой, ни большой (непріятности), которая доставила-бы досаду его другу. Однако человѣкъ умный и честный, если по его мнѣнію другъ его впадаетъ въ какой либо проступокъ, разсматриваетъ послѣдній и узнаетъ полное значеніе его ошибки,— была-ли она съ намѣреніемъ или случайная,— за тѣмъ онъ обдумываетъ, не заключается-ли въ прощеніи его какого-либо такого элемента, вреда и ущерба отъ котораго онъ могъ-бы опасаться, и потому не мститъ своему другу за что нибудь такое, что̀ простить ему онъ находитъ возможнымъ. Если левъ и убѣжденъ противъ меня въ винѣ, то я (самъ) не знаю ея, развѣ что я противорѣчилъ ему въ нѣкоторыхъ его мнѣніяхъ изъ-за своего ослѣпленія и (желая преподать) ему наставленіе. Можетъ быть онъ счелъ мои поступки за дерзость и противорѣчіе себѣ, но я не нахожу за собою въ этомъ фактѣ никакой вины, потому что я оспаривалъ его въ чемъ нибудь развѣ только рѣдко противовѣсами разума, пользы и религіи. Притомъ я ничего изъ этого не открывалъ начальникамъ его арміи и его приближеннымъ. Напротивъ, я (117) всегда бывалъ съ нимъ наединѣ и разговаривалъ съ нимъ тайно, словами почтительнаго и лойяльнаго (человѣка). Я понимаю, что тотъ, кто проситъ чего-нибудь легкаго, у друзей—при совѣтѣ, у врачей—при болѣзни и у юристовъ—во время сомнѣнія, тотъ минуетъ полезные планы и у того сильнѣе утверждается гибель въ тѣхъ обстоятельствахъ этого сорта, куда онъ уже попалъ, и онъ совершаетъ ошибку. Но если не то, то можетъ быть это вслѣдствіе какого-нибудь самозабвенія государя; вѣдь дружба съ царемъ опасна, хотя-бы и были окружены невредимостью, довѣріемъ, любовью и хорошею привязанностью. Если-же не это, то гибель моя произошла отъ исполняемой мною добродѣтели. Но если ни то и ни это, то въ такомъ случаѣ это одно изъ проявленій судьбы и предопредѣленія, которое неустранимо,—того предопредѣленія, которое похититъ у льва его силу и крѣпость и введетъ его въ могилу, которое возводитъ слабаго человѣка на спину разъяреннаго слона, которое даетъ власть надъ жалоносной змѣей тому, кто вынетъ у нея жало и станетъ ею играть, которое даетъ стой-

кость безсильному, воздвигаетъ препятствія проницательному, доставляетъ (жизненныя) удобства бѣдному и дѣлаетъ храбрымъ труса и трусомъ — храбреца, какъ только коснутся его предопредѣленныя случайности, назначенныя судьбой».

Димнаh отвѣчалъ: «немилость къ тебѣ льва является не вслѣдствіе возбужденія злыхъ людей; она (также) и не самозабвеніе султана и не что-нибудь другое, но это измѣна и (118) безстыдство съ его стороны; вѣдь онъ нечестивый, обманщикъ, измѣнникъ, его вкусъ — сладость, конецъ которой — смертельный ядъ». Шанзабаh возразилъ: «я вижу, что уже насладился этой сладостью, уже вкусилъ ея и достигъ конца ея, который есть смерть; а если и не смерть, то каково-же будетъ мое пребываніе у льва, когда онъ — плотоядный, а я травоядный. Въ этой напасти я подобенъ пчелѣ, которая садится на цвѣтокъ ненуфара, и когда наслаждается его запахомъ и вкусомъ, то это наслажденіе ее плѣняетъ; когда-же наступаетъ ночь, цвѣтокъ смыкается надъ ней, она запутывается въ немъ и умираетъ. Кто не довольствуется отъ міра насущнымъ хлѣбомъ, который избавляетъ его отъ нужды, а (напротивъ) глазъ котораго притягивается къ тому, что сверхъ того, и онъ самъ не опасается послѣдствій,—тотъ подобенъ мухѣ, которая, не довольствуясь деревьями и базиликой, не удовлетворялась этимъ до такой степени, что искала воду, которая течетъ изъ ушей слона, а слонъ захлопалъ своими ушами и погубилъ ее. Кто расточаетъ свою любовь и наставленія тому, кто ему не признателенъ, тотъ подобенъ сѣящему на необработанной землѣ; кто подаетъ совѣты гордецу, подобенъ тому, кто совѣтуетъ мертвецу или шепчетъ глухому.» Димнаh сказалъ: «оставь эти слова и подумай о себѣ». Шанзабаh отвѣчалъ: «посредствомъ чего я могу пріискать себѣ выходъ, когда меня хочетъ съѣсть левъ при всемъ *томъ* еще, что ты сообщилъ объ образѣ мыслей льва и о его злостномъ противорѣчіи (самому себѣ). Знай, что если даже онъ желаетъ мнѣ только добра, то послѣ его приближенные изъ-за своего коварства (119) и безстыдства пожелаютъ моей гибели, а (сдѣлать) это они въ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, когда на невиннаго праведника соберутся отрицающіе обидчики, то естественно, что они погубятъ его, хотя-бы они были слабы, а тотъ силенъ, совершенно такъ, какъ волкъ, воронъ и шакалъ погубили верблюда,

когда рѣшили дѣйствовать противъ него заодно коварствомъ, надувательствомъ и обманомъ». Димнаһ спросилъ: «а какъ это было»?

Шанзабаһ отвѣчалъ: «передаютъ, что одинъ левъ обиталъ въ логовищѣ, сосѣднемъ съ одной изъ дорогъ (принадлежавшихъ), людямъ. У него было три товарища: волкъ, воронъ и шакалъ. По той дорогѣ проходили пастухи съ верблюдомъ. Верблюдъ отсталъ отъ нихъ. Онъ вступилъ въ ту мѣстность и наконецъ дошелъ до льва. Левъ спросилъ его: «откуда ты пришелъ»? Тотъ отвѣтилъ: «изъ такого-то мѣста». Онъ спросилъ его: «такъ что-же тебѣ нужно»? «Что мнѣ прикажетъ царь», отвѣчалъ (верблюдъ). Левъ сказалъ: «ты будешь жить у насъ въ довольствѣ, безопасности и роскоши». И жилъ левъ вмѣстѣ съ верблюдомъ долгое время. За тѣмъ (случилось), что левъ ушелъ на нѣсколько дней искать ловитвы и встрѣтилъ большаго слона. Онъ сражался съ послѣднимъ въ упорномъ бою, но бѣжалъ отъ него, изнемогши и покрытый ранами, а съ самого него текла кровь: слонъ ранилъ его своими клыками. Прибывши къ своему мѣстожительству, онъ упалъ, не будучи въ состояніи двинуться, и (подавно уже) не могъ добывать ловитву. Волкъ, воронъ и шакалъ провели (120) нѣсколько дней, не находя пищи, такъ какъ они обыкновенно ѣли излишекъ (остававшійся) отъ льва и его кушанья. Ихъ охватили сильный голодъ и (даже) худоба. Левъ уже узналъ объ этомъ и сказалъ: «вы разыскиваете и ощущаете потребность чего-нибудь поѣсть». Они отвѣчали: «мы не заботимся о самихъ себѣ, но мы замѣчаемъ царя въ томъ (положеніи), въ которомъ мы его видимъ: о, еслибы мы могли найти чего-нибудь ему покушать и что-бы его излѣчило»! Левъ сказалъ: «я не сомнѣваюсь въ вашей преданности; но пойдите по разнымъ дорогамъ: можетъ быть вы поймаете добычу, отъ которой будетъ доля и вамъ и мнѣ». Итакъ волкъ, воронъ и шакалъ удалились отъ льва и направились (всѣ) въ одну сторону. Они стали совѣщаться о томъ, что̀ произошло среди нихъ и сказали: «что̀ намъ въ этомъ травоѣдѣ, достоинство котораго не сравнится съ нашимъ достоинствомъ и разсудокъ котораго не равенъ нашему разсудку; давайте, представимъ льву заманчивымъ съѣсть его и угостить и насъ его мясомъ». Тогда возразилъ шакалъ: «это изъ числа тѣхъ (предложеній), напомнить которыя

мы не можемъ льву, потому что онъ далъ поруку верблюду и заключилъ съ нимъ договоръ». Воронъ сказалъ: «я устраню отъ васъ поступокъ льва», за тѣмъ, отправившись, вошелъ ко льву. Левъ его спросилъ: «не поймалъ ли ты чего-нибудь»? Воронъ отвѣтилъ: «нападаетъ (на добычу) тотъ, кто прилагаетъ стараніе и предусмотрителенъ, а у насъ нѣтъ ни старанія, ни предусмотрительности изъ-за голода, который насъ охватилъ. Однако мы остановились сообща на одномъ планѣ и порѣшили на немъ, если только съ нами согласится царь, а мы ему повинны». Левъ спросилъ (121): «а что-же это (такое)»? Воронъ отвѣчалъ: «этотъ травоядный верблюдъ, валяющійся среди насъ безъ (всякой) для насъ пользы, не отвращаетъ бѣды и (не дѣлаетъ) никакого поступка, который вознаграждалъ-бы за добро (ему оказанное)». Услышавъ это, левъ разгнѣвался и сказалъ: «какъ ошибочно твое мнѣніе, какъ безсильна твоя рѣчь, какъ ты далекъ отъ честности и сострадания! Неприлично тебѣ осмѣливаться предо мною на такія слова и представлять мнѣ подобную рѣчь при всемъ томъ, когда ты знаешь, что я поручился въ безопасности верблюду и заключилъ съ нимъ договоръ. Развѣ не дошло до твоего (свѣдѣнія), что никакой раздаватель милостыни не достоенъ болѣе возмездія, чѣмъ тотъ, кто доставляетъ безопасность боящейся душѣ и удерживаетъ пролитую кровь? Я (также) далъ ему поруку въ безопасности и не буду его измѣнникомъ». Воронъ возразилъ: «я признаю то, что̀ говоритъ царь. Но однако одна душа служитъ собою выкупомъ за семью, семья служитъ выкупомъ за племя, племя служитъ выкупомъ за населеніе страны, а населеніе страны служитъ выкупомъ за царя. Теперь царя постигло стѣсненное положеніе, но я устрою ему путь къ выходу изъ его обязательства, при томъ такъ, что царь не возьметъ на себя этого дѣла, не будетъ ни исполнять его лично, ни давать кому-либо приказаній относительно его. Напротивъ, мы сами пріищемъ средство, въ которомъ заключались-бы и для насъ и для него поправленіе (нашихъ) дѣлъ и торжество». Левъ отвѣтилъ ворону на эту рѣчь молчаніемъ.

Когда воронъ созналъ убѣжденіе льва, онъ пошелъ къ своимъ товарищамъ и сказалъ имъ: «я говорилъ со львомъ по поводу съѣденія имъ верблюда о томъ, что (122) мы соберемся вмѣстѣ съ верблюдомъ у льва. Мы будемъ разговаривать о томъ,

что случилось съ нимъ, соболѣзнуя ему вслѣдствіе озабоченности его положеніемъ и горячаго желанія его выздоровленія. Каждый изъ насъ отдѣльно будетъ предлагать ему съѣсть себя, а друзья будутъ возражать, находя его идею плохой и объясняя вредъ (могущій произойти) отъ его съѣденія. Если мы исполнимъ это, мы всѣ останемся цѣлыми, а левъ останется нами доволенъ». Они сдѣлали это (такъ) и предстали предъ львомъ. Тогда воронъ сказалъ: «правильнѣе всего намъ предложить тебѣ въ даръ самихъ себя. Вѣдь мы живемъ тобою, а если ты погибнешь, ни одному изъ насъ не можетъ быть послѣ тебя существованія, да и въ жизни-то намъ нѣтъ добра. Итакъ пусть царь съѣстъ меня: я буду чувствовать себя этимъ счастливымъ». Волкъ-же и шакалъ ему возразили: «пусть онъ молчитъ: царю нѣтъ никакой выгоды съѣсть тебя. У тебя нѣтъ сытности». Шакалъ сказалъ: «я сдѣлаю сытымъ царя: пусть онъ съѣстъ меня. Я буду этимъ доволенъ и стану считать себя тѣмъ удовлетвореннымъ». Тутъ волкъ и воронъ опровергли его своими словами: «вѣдь ты вонючій, грязный». Волкъ возразилъ: «я не таковъ. Пусть съѣстъ меня царь: я это допускаю и буду считать себя тѣмъ счастливымъ». Воронъ и шакалъ перебили его и сказали: «медики говорятъ: кто желаетъ убить себя, пусть ѣстъ волчье мясо». Верблюдъ тогда предположилъ, что, если онъ предложитъ на съѣденіе самого себя, ему тоже пріищутъ отговорку, какъ (123) одни изъ нихъ пріискивали отговорки для другихъ, онъ самъ останется цѣлъ, левъ будетъ имъ доволенъ и онъ спасется отъ гибели. Поэтому онъ сказалъ: «напротивъ, во мнѣ (заключается) насыщеніе и утоленіе царя. Мясо мое хорошо и пріятно, а желудокъ мой чистъ: пусть царь съѣстъ меня и накормитъ своихъ друзей и слугъ; я согласенъ на это, моя душа находитъ это хорошимъ и допускаетъ». Волкъ, воронъ и шакалъ отвѣтили: «верблюдъ говоритъ правду и благороденъ; онъ сказалъ то, что̀ признаетъ». За тѣмъ они бросились на него и растерзали его.

Я привелъ тебѣ эту басню для того, чтобы ты зналъ, что если приближенные льва согласились-бы меня погубить, я не въ состояніи уберечься и остеречься отъ нихъ даже еслибы левъ былъ относительно меня другого мнѣнія, чѣмъ то, котораго (держались-бы) обо мнѣ они: и это не принесетъ мнѣ пользы и ничего не облегчитъ мнѣ. Говорится: лучшій изъ царей тотъ, кто

справедливъ къ людямъ. Еслибы даже левъ не имѣлъ въ своей душѣ ко мнѣ ничего, кромѣ хорошаго и состраданія, то его все-таки сбила-бы съ толку масса разговоровъ; а вѣдь если послѣдніе умножатся, они прекращаются только развѣ тогда, когда изгонятъ деликатность и мягкость. Развѣ ты не видишь, что вода не похожа на слова, и что камень тверже человѣка. Если вода постоянно протекаетъ по камню, то не много пройдетъ времени какъ она наконецъ просверлитъ его и оставитъ на немъ слѣдъ: подобны этому и слова по отношенію къ человѣку». «Что-же ты желаешь теперь дѣлать»? спросилъ Димнаһ.

Шанзабаһ отвѣчалъ: «я не вижу (ничего) иного какъ (124) постараться приготовиться къ борьбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не бываетъ такой награды молящемуся за его молитву, раздающему милостыню за его милостыню и богобоязненному за его богобоязненность, какова (бываетъ) борющемуся за самого себя, въ томъ случаѣ, если его борьба (основана) на правѣ». Димнаһ сказалъ: «не слѣдуетъ никому подвергать себя опасности, когда онъ можетъ этого не дѣлать. Напротивъ, человѣкъ разсудительный избираетъ битву конечнымъ средствомъ, а начинаетъ раньше того деликатностью и интригами, на которыя онъ способенъ. Сказано: не относись свысока даже къ слабому, ничтожному врагу, въ особенности-же, когда онъ человѣкъ хитрый и силенъ помощниками; а какъ-же (иначе) ко льву, при его отвагѣ и крѣпости. Дѣйствительно, того кто презираетъ своего врага изъ-за его слабости, того постигаетъ то, что̀ морской духъ потерпѣлъ отъ Т̣и̂т̣ау̂а̂». Шанзабаһ спросилъ: «а какъ это было»?

Димнаһ отвѣчалъ: «передаютъ, что одна изъ морскихъ птицъ, называемая Т̣и̂т̣ау̂а̂, имѣла свое мѣстопребываніе на берегу моря, съ ней была и ея супруга. Когда наступило время выводить (имъ) своихъ птенцовъ, самка сказала самцу: «поищемъ защищеннаго мѣста, чтобы вывести въ немъ птенцовъ; ибо я боюсь морскаго духа, чтобы онъ не унесъ нашихъ птенцовъ, когда заставитъ воду приливать». Онъ ей отвѣтилъ: «выводи птенцовъ на своемъ мѣстѣ: оно намъ удобно и близко отъ насъ вода и цвѣты». Она ему возразила: «безпечный, да будетъ правильнымъ твой взглядъ, а я боюсь морскаго духа, какъ-бы онъ не унесъ нашихъ птенцовъ». Онъ сказалъ ей: «выводи

птенцовъ (125) на своемъ мѣстѣ: онъ, конечно, не сдѣлаетъ этого». Она-же ему отвѣчала: «какъ сильны твое упрямство и твои угрозы ему! Развѣ-же ты не знаешь самого себя и своей силы»? Онъ-же отказался послушаться. Когда она много наговорила ему, а онъ не внималъ ея словамъ, она сказала ему: «по истинѣ того, кто не внимаетъ словамъ совѣтника, постигаетъ то, что̀ потерпѣла черепаха, когда не послушала двухъ утокъ». Самецъ спросилъ: «а какъ это было»?

Самка отвѣчала: «передаютъ, что въ одномъ прудѣ, около котораго находилась трава, было двѣ утки. Въ прудѣ была также черепаха. Между ней и утками была любовь и дружба. Случилось, что эта вода уменьшилась. Утки пришли прощаться съ черепахой и сказали: «миръ съ тобою, мы вѣдь уходимъ изъ этого мѣста вслѣдствіе недостатка въ немъ воды». Она отвѣтила: «напротивъ, недостатокъ воды очевиденъ для (существа) въ родѣ меня, подобнаго судну (существа), которое въ состояніи жить только въ водѣ. А вы, вы можете жить (вездѣ), гдѣ-бы ни были. Унесите и меня съ собою». «Ладно», сказали онѣ ей. Она спросила: «какимъ-же способомъ вы понесете меня»? Онѣ отвѣчали: «мы возьмемся за оба конца палки, а ты повиснешь посрединѣ ея и мы полетимъ съ тобою въ воздухѣ. Но берегись вымолвить (хотя одно) слово, если услышишь, что говорятъ люди». За тѣмъ онѣ взяли ее и полетѣли съ нею въ воздухѣ. А люди сказали: «удивительно, черепаха (находится) среди двухъ утокъ, которыя при томъ ее несутъ». Услышавъ это, она сказала: «да лишитъ Богъ зрѣнія ваши глаза (126), о люди»! Когда-же она открыла свой ротъ при произношеніи словъ, она упала на землю и умерла».

Самецъ сказалъ: «я выслушалъ твои слова; но не опасайся морскаго духа». Когда же духъ заставилъ воду приливать, послѣдняя унесла ихъ птенцовъ. Тогда самка сказала: «я знала съ (самаго) начала дѣла, что это будетъ». Самецъ отвѣчалъ: «я непремѣнно отмщу ему». Послѣ того онъ пошелъ къ общинѣ птицъ и сказалъ имъ: «вѣдь вы мои друзья, мои довѣренные,— помогите мнѣ». Онѣ спросили: «что такое ты желаешь, чтобы мы сдѣлали»? Онъ отвѣчалъ: «соберитесь и отправьтесь вмѣстѣ со мною къ прочимъ птицамъ. Мы пожалуемся имъ на то, что̀ я потерпѣлъ со стороны морскаго духа, и скажемъ имъ: вѣдь вы

птицы подобныя намъ,— помогите намъ». Община птицъ сказала ему: «вѣдь 'Анkâ'— наша владыка и царица. Отправься съ нами къ ней, мы покричимъ ей и она явится намъ: тогда мы пожалуемся ей на то, что̀ пришлось тебѣ со стороны морскаго духа; мы даже попросимъ, чтобы она отмстила ему за насъ силою своей власти». Послѣ этого онѣ отправились къ ней вмѣстѣ съ Ṭûṭаўâ. Онѣ умоляли ее, кричали ей и она показалась имъ. Тогда онѣ сообщйли ей свое дѣло, прося ее выступить съ ними вмѣстѣ на войну съ морскимъ духомъ. Она дала имъ на это согласіе. Когда-же морской духъ узналъ, что 'Анkâ' направляется на него въ сопутствіи всѣхъ птицъ, онъ испугался войны съ царемъ, противъ котораго у него нѣтъ силы. Поэтому онъ возвратилъ птенцовъ Ṭûṭаўâ и заключилъ съ нимъ миръ, а 'Анkâ' повернула отъ него назадъ.

«На самомъ дѣлѣ я разсказалъ тебѣ этотъ разсказъ для того, чтобы ты зналъ, что борьбу со (127) львомъ я не считаю для тебя (хорошимъ) планомъ». Шанзабаh отвѣтилъ: «я не борюсь со львомъ, я не поднимаю противъ него вражды ни тайной, ни явной, я даже не измѣню тѣхъ (отношеній), въ которыхъ я находился къ нему (раньше), до тѣхъ поръ пока мнѣ не станетъ явнымъ съ его стороны то, чего я опасаюсь: тогда я постараюсь одолѣть его». Димнѣ не понравились его слова. Онъ понялъ, что если левъ не замѣтитъ со стороны быка тѣхъ намековъ, о которыхъ онъ говорилъ ему, то это доставитъ ему раздумье и онъ станетъ его (Димну) подозрѣвать въ дурномъ. Поэтому Димнаh сказалъ Шанзабѣ: «отправься ко льву и ты непремѣнно узнаешь въ тотъ моментъ, какъ онъ посмотритъ на тебя, что̀ онъ желаетъ сдѣлать съ тобой». Шанзабаh спросилъ: «а какъ же я узнаю это»? Димнаh отвѣчалъ: «въ тотъ моментъ, какъ ты войдешь ко льву, ты увидишь его сидящимъ (на корточкахъ), (опираясь) на свой хвостъ, съ грудью выпяченной къ тебѣ, бросающимъ на тебя свои взоры, съ настороженными ушами и открытой пастью, готовымъ броситься». Шанзабаh сказалъ: «если я увижу у льва эти признаки, я признаю твою правдивость въ словахъ». Послѣ этого, покончивъ съ возбужденіемъ льва противъ быка, а быка противъ льва, Димнаh отправился къ Калйлѣ. Когда они оба встрѣтились, Калйлаh спросилъ: «до чего дошло твое дѣло, за которое ты

взялся. Димнаh отвѣчалъ: «близко къ такой развязкѣ, которая будетъ пріятна и мнѣ и тебѣ». Вслѣдъ за этимъ Калйлаh и Димнаh отправились вмѣстѣ, чтобы присутствовать при битвѣ льва и быка, посмотрѣть, что̀ произойдетъ между ними и увидѣть, чѣмъ кончится ихъ дѣло. Шанзабаh пришелъ и, вошедши ко льву, увидѣлъ его сидящимъ (на корточкахъ), такъ какъ его описалъ ему (128) Димнаh. Тутъ онъ сказалъ (про себя): «приближенный султа̂на не что иное какъ хозяинъ змѣи, которая (находится) у него на груди: онъ не знаетъ, когда она раздражена на него». Потомъ левъ взглянулъ на быка и, увидѣвъ тѣ признаки, о которыхъ упоминалъ ему Димнаh, онъ не сомнѣваясь, что тотъ пришелъ на сраженіе съ нимъ, бросился на него, и между ними поднялась борьба; битва быка и льва была сильна и долга, и среди нихъ текла (ихъ) кровь. Когда Калйлаh увидѣлъ, что левъ уже добился достигнутаго имъ, онъ сказалъ Димнѣ: «право, султа̂нъ со своими приближенными подобенъ морю съ его волнами. А тебѣ нѣтъ иного увѣщанія и наставленія, развѣ что *какъ* сказалъ человѣкъ птицѣ: не желай выпрямлять то, что̀ не выпрямляется, и не обращайся съ наставленіемъ къ тому, кто не просвѣщается». Димна̇h спросилъ: «а какъ это было»?

Калйлаh отвѣчалъ: «передаютъ, что стая обезьянъ обитала на одной горѣ. Въ одну ночь холодную, вѣтренную и дождливую онѣ искали огня и не находили. Онѣ увидѣли свѣтляка, который леталъ будто искра. Онѣ предполагали, что это огонь, собрали много дровъ, бросили ихъ на него и стали раздувать, желая развести огонь, у котораго онѣ погрѣлись-бы отъ холода. По близости отъ нихъ находилась на деревѣ птица. Онѣ смотрѣли на нее, а она смотрѣла на нихъ. Увидѣла она, что̀ онѣ дѣлаютъ, и стала кричать имъ, говоря: «не трудитесь, вѣдь то, что̀ вы увидѣли, вовсе не огонь». Когда-же это сдѣлалось для нея (слишкомъ) долгимъ, она рѣшила приблизиться къ нимъ, чтобы отклонить ихъ отъ того (положенія), въ которомъ онѣ находились. Тутъ проходилъ мимо нея одинъ (129) человѣкъ. Онъ понялъ, чего она добивается, и сказалъ ей: «не желай выпрямить то, что̀ не выпрямляется. Вѣдь о твердый камень, который не рѣжется, не пробуютъ мечи, а равно изъ палки, которая не гнется, не дѣлаютъ лука. Итакъ не трудись». Птица-же не пожелала его послушаться и подошла къ обезьянамъ, чтобы сдѣлать

имъ извѣстнымъ, что этотъ свѣтлякъ вовсе не огонь. Тутъ одна изъ обезьянъ поймала ее и ударила ее о землю, и она умерла».

Вотъ примѣръ въ этомъ намъ съ тобой. Далѣе, надъ тобой взяло верхъ лукавство и безстыдство, а это дурныя качества, и изъ нихъ лукавство при томъ (бываетъ) роковымъ по послѣдствіямъ. Этому есть примѣръ». «А что это за примѣръ»? спросилъ Димнаh.

Калйлаh отвѣчалъ: «передаютъ, что лукавый и простоватый сдѣлались компаньонами по торговлѣ и путешествовали (по своимъ дѣламъ). Въ то время, какъ они находились въ пути, простоватый вдругъ отсталъ для какого-то дѣла и нашелъ кошелекъ, въ которомъ (лежала) тысяча дйнâровъ, и взялъ его, а лукавый замѣтилъ это. Они возвратились въ свою страну. Наконецъ, когда они приблизились къ городу, они сѣли для дѣлежа денегъ. Тутъ простоватый сказалъ: «возьми половину ихъ и дай мнѣ (также) половину». А лукавый рѣшилъ уже въ своей душѣ забрать всю тысячу. Поэтому онъ ему отвѣтилъ: «не будемъ дѣлиться: вѣдь товарищество и сообщничество ближе всего къ непорочности и взаимности. Но я возьму денегъ (на необходимые расходы) и ты возьмешь (также) въ томъ же родѣ, а остатокъ мы схоронимъ у корня этого дерева, это мѣсто надежное. Когда намъ понадобится, мы, я и ты вмѣстѣ, придемъ сюда и возьмемъ оттуда денегъ сколько намъ нужно (130) и никто не будетъ знать о нашемъ кладѣ. Они поэтому взяли немного денегъ, а остатокъ закопали у корня пальмы и вошли въ городъ. За тѣмъ (произошло то), что лукавый отправился къ дйнâрамъ безъ простоватаго, взялъ ихъ и (потомъ) уравнялъ землю, какъ она была (раньше). Черезъ мѣсяцъ послѣ того простоватый пришелъ и сказалъ лукавому: «я нуждаюсь (въ деньгахъ) на настоящіе расходы: отправимся взять сколько намъ нужно». Лукавый пошелъ съ нимъ и они отправились къ своему мѣсту. Они разрыли и не нашли ничего. Тутъ лукавый приблизился къ самому лицу простоватаго, нанося ему удары и говоря: «не заблуждайся въ дружбѣ товарища. *Ты* пришелъ безъ меня къ дйнâрамъ и взялъ ихъ». Простоватый сталъ клясться (что *нѣтъ*), проклиная взявшаго ихъ, но лукавый только увеличивалъ силу ударовъ и говорилъ: «не бралъ ихъ никто за исключеніемъ тебя,

да и развѣ зналъ о нихъ кто-нибудь кромѣ тебя». За тѣмъ, когда это между ними все еще продолжалось, они потянули другъ друга къ судьѣ и разсказали ему свою исторію: лукавый увѣрялъ, что ихъ взялъ простоватый, а простоватый отрицалъ. Тогда судья спросилъ у лукаваго: «есть у тебя доказательство въ пользу твоихъ притязаній»? Онъ отвѣчалъ: «да, дерево, около котораго находились деньги, будетъ свидѣтельствовать въ мою пользу, что ихъ взялъ простоватый». А лукавый уже побудилъ своего отца отправиться и спрятаться въ деревѣ, такъ, чтобы отвѣчать, когда будетъ спрошенъ. Отецъ лукаваго отправился поэтому и вошелъ въ пустоту дерева. Далѣе, судья, услышавъ это отъ лукаваго, нашелъ это страннымъ и отправился самъ со своими подчиненными, вмѣстѣ съ лукавымъ и простоватымъ: наконецъ онъ достигъ дерева и спросилъ (131) у него указанія. Тогда старикъ сказалъ изъ его дупла: «да, ихъ взялъ простоватый». Когда судья услышалъ это, его изумленіе усилилось: онъ закричалъ: дровъ и приказалъ зажечь то дерево. Огонь запылалъ кругомъ его, и отецъ лукаваго при этомъ сталъ умолять о помощи. Тогда онъ былъ вытащенъ, но едва не погибъ. Судья спросилъ его о происшествіи и тотъ сообщилъ ему (всю) исторію. Тутъ (судья) напалъ на лукаваго съ ударами, а на его отца—съ подзатыльниками, посадивъ его верхомъ (на осла) для публичнаго наказанія. Онъ заставилъ лукаваго уплатить дӣнâры, взялъ ихъ и отдалъ простоватому.

На самомъ дѣлѣ я привелъ тебѣ эту басню для того, чтобы ты зналъ относительно лукавства и обмана, что иногда авторъ ихъ бываетъ пропащимъ. Дѣйствительно, ты, о Димнаh, соединяешь (въ себѣ) вмѣстѣ съ лукавствомъ обманъ и безстыдство. Право, я боюсь за тебя (именно) насчетъ плода твоего поступка, несмотря на то, что ты ни за что не спасешься отъ своего наказанія, потому что ты человѣкъ двуличный и двуязычный. Вѣдь прѣсность въ водѣ рѣкъ бываетъ (только) пока онѣ еще не достигли морей, и правильное положеніе дѣлъ семьи—пока нѣтъ въ ней интригана-развратителя. Дѣйствительно, нѣтъ ничего болѣе похожаго на тебя какъ змѣя, имѣющая два языка, въ которыхъ заключенъ ядъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ выходитъ и изъ твоего языка, подобно ея яду, и, право, я (никогда) не переставалъ опасаться этого яда въ твоемъ языкѣ и того, что

тебѣ дозволяется дѣлать зло и вести интриги между друзьями и товарищами, подобно змѣѣ, которую человѣкъ воспитываетъ, кормитъ, ласкаетъ и почитаетъ, а впослѣдствіи ему отъ нея не будетъ ничего кромѣ ужаленія. Сказано: прилѣпись къ человѣку умному и человѣку благородному, и полагайся на нихъ, но берегись (132) разлучаться съ ними. Дружи съ товарищемъ, когда онъ уменъ и благороденъ, или (даже)—уменъ и неблагороденъ. Умный, благородный — человѣкъ совершенный, а (что касается) умнаго, неблагороднаго, дружи съ нимъ, хотя-бы даже онъ былъ непохвальнаго нрава, только остерегайся его дурнаго характера, а пользуйся его умомъ. (Что касается) благороднаго, неумнаго, будь съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ, не пренебрегай его обществомъ, еслибы даже ты не хвалилъ его ума, а пользуйся его благородствомъ и доставляй пользу ему своимъ умомъ. Но всѣми силами избѣгай подлаго дурака. Слѣдовательно, слѣдуетъ избѣгать тебя: ибо кàкъ могутъ друзья разсчитывать у тебя на благородство и любовь, когда ты сдѣлалъ со своимъ царемъ, который тебя и уважалъ и почиталъ, то, чтò ты (только что) устроилъ. Дѣйствительно, примѣромъ тебѣ (можетъ служить) басня о купцѣ, который сказалъ: «въ странѣ, въ которой мыши съѣдаютъ сто маннъ желѣза, я не удивлюсь, что соколы въ ней хватаютъ слоновъ». Димнаh спросилъ: «а какъ это было»?

Калйлаh отвѣчалъ: «передаютъ, что въ такой-то странѣ былъ одинъ купецъ. Онъ пожелалъ отправится въ какую-то поѣздку на поиски за насущнымъ хлѣбомъ. У него было сто маннъ желѣза. Онъ довѣрилъ его одному изъ своихъ друзей, а самъ отправился въ поѣздку. Послѣ того, прибывши черезъ нѣсколько времени, онъ пришелъ и потребовалъ свое желѣзо. Тотъ отвѣтилъ ему: «его съѣли мыши». Онъ ему сказалъ: «да, я слышалъ, что нѣтъ ничего лучше рѣжущаго желѣзо какъ ихъ зубы». Человѣкъ тотъ обрадовался, что этотъ повѣрилъ тому, чтò онъ сказалъ и въ чемъ увѣрялъ. Вслѣдъ за тѣмъ купецъ вышелъ и, встрѣтивъ (133) сына того человѣка, взялъ его и унесъ въ свой домъ. Послѣ того человѣкъ пошелъ къ нему на слѣдующій день и спросилъ его: «нѣтъ-ли у тебя свѣдѣній о моемъ сынѣ»? Купецъ ему отвѣчалъ: «когда я выходилъ отъ тебя вчера, я видѣлъ сокола, который схватилъ мальчика; можетъ быть это сынъ твой». Человѣкъ ударилъ себя въ голову

и сказалъ: «о люди, слышали-ли вы или видѣли, чтобы соколъ хваталъ мальчиковъ»! Купецъ отвѣчалъ: «да, если въ какой нибудь странѣ мыши ѣдятъ желѣзо, нѣтъ (ничего) удивительнаго, что ея соколы хватаютъ слоновъ». Человѣкъ ему сказалъ: «я съѣлъ твое желѣзо,—вотъ плата за него,—возврати мнѣ моего сына».

«На самомъ дѣлѣ я привелъ тебѣ эту басню, чтобы ты зналъ, что когда кто-нибудь друженъ со своимъ другомъ, а измѣняетъ всякому другому, то его другъ знаетъ, что у него нѣтъ мѣста для любви. Нѣтъ ничего болѣе пропащаго чѣмъ любовь, оказываемая тому, у кого нѣтъ честности, подарокъ, дѣлаемый тому, у кого нѣтъ признательности, просвѣщеніе, преподносимое тому, кто имъ не просвѣщается и даже ему не внимаетъ, и тайна, довѣренная тому, кто ея не сохранитъ. Вѣдь дружба съ хорошими людьми приноситъ въ наслѣдство добро, а дружба съ дурными людьми приноситъ въ наслѣдство зло. (Совершенно) какъ вѣтеръ: когда онъ проходитъ по пріятному запаху, то приноситъ пріятный запахъ, а когда проходитъ по зловонію, то приноситъ зловоніе. Теперь слова мои тебѣ (кажутся) длинными и тяжелыми». Калйлаh тутъ прекратилъ свою рѣчь и (повернулъ) къ своему жилью. Левъ покончилъ (134) съ быкомъ; но за тѣмъ, подумавъ] объ убійствѣ его, послѣ того какъ убилъ его, гнѣвъ его исчезъ и онъ сказалъ: «Шанзабаh мнѣ доставляетъ печаль своею личностью, онъ былъ умный, разсудительный и благороднаго характера, я даже не знаю, можетъ быть онъ былъ невиннымъ или же на него налгали». Поэтому онъ опечалился и каялся въ томъ, что̀ исходило раньше съ его стороны, и это обнаружилось на его лицѣ. Димнаh замѣтилъ это и, оставивъ разговоръ съ Калйлою, подошелъ ко льву и сказалъ ему: «поздравляю тебя съ побѣдой въ то время какъ Богъ губитъ враговъ твоихъ. Что-же это тебя печалитъ, о царь»? Онъ отвѣчалъ: «я скорблю объ умѣ Шанзабы, его разсудкѣ и образованности». Димнаh ему отвѣчалъ: «не будь къ нему сострадательнымъ, о царь: вѣдь умный не жалѣетъ того, кого онъ опасается. Дѣйствительно, человѣкъ солидный можетъ иногда ненавидѣть и не переносить какого-нибудь человѣка, а за тѣмъ придвинуть и приблизить его къ себѣ изъ-за богатства и достаточности, которыя онъ признаетъ

въ немъ, поступая при этомъ подобно человѣку, чувствующему себя непріятно (при пріемѣ) дурнаго лекарства изъ-за надежды на его полезность. А случается, что онъ любитъ человѣка и привязанъ къ нему, а (между тѣмъ) удаляетъ его и губитъ изъ опасенія его вреда. Совершенно какъ тотъ, котораго змѣя ужалитъ въ палецъ: онъ отрѣжетъ его и избавится отъ него изъ опасенія, чтобы ядъ (находящійся въ пальцѣ) не прошелъ-бы по (всему) его тѣлу». Левъ былъ доволенъ словами Димны. За тѣмъ, когда онъ узналъ послѣ этого о его лжи, измѣнѣ и безстыдствѣ, то умертвилъ его лютою казнью.

Кончилась глава о львѣ и быкѣ.

ГЛАВА О СЛѢДСТВІИ ПО ДѢЛУ ДИМНЫ.

Царь Дабшалӣмъ сказалъ философу Байдаба̂: «ты разсказалъ мнѣ о наушникѣ искусномъ въ хитрости: какъ онъ (своей) сплетнею портитъ прочную дружбу между двумя друзьями. Разскажи мнѣ теперь, если тебѣ угодно, въ какомъ положеніи оказался Димнаһ и что съ нимъ стало послѣ убіенія Шанзабы, каковы были его извиненія у льва и его приближенныхъ, когда ко льву вернулось его (прежнее) мнѣніе о быкѣ и когда онъ приписалъ сплетню Димнѣ, а также каковы были аргументы послѣдняго, которыми онъ защищался». Философъ отвѣчалъ: «я нашелъ въ разсказѣ о Димнѣ, что левъ по убіеніи Шанзабы раскаялся въ убійствѣ его и вспомнилъ его старинное (съ нимъ) сообщество и его важныя услуги; а онъ вѣдь былъ для него самымъ уважаемымъ изъ окружающихъ его, самымъ отличаемымъ изъ нихъ передъ нимъ по достоинству, самымъ близкимъ изъ нихъ и болѣе приближеннымъ къ нему, съ нимъ-же обыкновенно сообщался левъ о совѣтѣ помимо своихъ придворныхъ. Однимъ изъ болѣе отличаемыхъ его приближенныхъ послѣ быка былъ около него леопардъ. Случилось, что одну ночь этотъ леопардъ проводилъ у льва; онъ вышелъ отъ него въ полночь (136), желая (прійти) домой, и проходилъ мимо жилья Калӣлы и Димны. Достигши двери, онъ услышалъ, (что) Калӣлаһ укоряетъ Димну за то, что̂ (исходило) отъ него, упрекая его за сплетни и употребленіе ихъ вмѣстѣ съ ложью и клеветой, (направленной) на прерогативы придворныхъ. Леопардъ понялъ вѣроломство Димны и отказъ въ одобреніи его со стороны Калӣлы. Поэтому онъ остановился, чтобы послушать, что̂ произойдетъ между ними. Изъ рѣчи Калилы къ Димнѣ между прочимъ было: «ты поѣхалъ на опасномъ конѣ, ты вступилъ въ узкій входъ, ты совершилъ по отношенію къ своей душѣ гибельный проступокъ, послѣдствія котораго противны. Непремѣнно твоя смерть будетъ жестокой, когда льву станетъ ясно твое дѣло, когда онъ разглядитъ его и пойметъ твою измѣну и ухищренія, а ты тогда́ останешься безъ помощниковъ; тогда соберется

на тебя презрѣніе и (рѣшится) твое убійство, изъ опасенія твоей злостности и изъ осторожности передъ твоею ненавистью. Итакъ, я съ этого дня не буду принимать тебя за друга, хотя и не буду разглашать твою тайну, потому что ученые говорятъ: удаляйся отъ того, къ кому не имѣешь привязанности. Я въ правѣ удалиться отъ тебя и искать себѣ спасенія отъ того, чтò запало въ душу льва вслѣдствіе этого происшествія». Услышавъ этотъ ихъ разговоръ, леопардъ отправился обратно; онъ вошелъ къ матери льва и взялъ съ нея обѣщанія и клятвы, что она не разгласитъ того, чтò онъ ей тайно довѣритъ. Она обѣщала это. Тогда онъ сообщилъ ей то, чтò слышалъ изъ разговора Калйлы и Димны. Когда наступило утро, она вошла ко (137) льву и нашла его грустнымъ, опечаленнымъ,—озабоченнымъ тѣмъ, что случилось съ нимъ вслѣдствіе убійства Шанзабы. Она тогда сказала ему: «что это за забота, которая охватила тебя и взяла надъ тобой верхъ»? Онъ отвѣчалъ: «меня печалитъ убійство Шанзабы, когда я вспоминаю его сообщество, его неотлучное пребываніе со мною, тѣ разсужденія, которыя я слышалъ отъ него, тѣ совѣты, на которыя я полагался, и тѣ искреннія наставленія, которыя я принималъ отъ него.» Мать льва сказала: «вѣдь самое тяжелое (бываетъ) то, что человѣкъ приводитъ свидѣтельство противъ самого себя, а это при томъ большая вина. Какъ-же ты дошелъ до убійства быка безъ (точнаго) знанія и не будучи убѣжденнымъ. Впрочемъ, если-бы не то, что ученые говорятъ о разглашеніи тайнъ и заключающихся въ немъ винѣ и проступкѣ, я разсказала-бы тебѣ и сообщила-бы то, чтò знаю.» Левъ возразилъ: «вѣдь словамъ ученыхъ свойственно много способовъ (пониманія) и различныхъ значеній; я, конечно, признаю истину того, чтò ты говоришь, но если у тебя есть какой-нибудь планъ, то не скрывай его отъ меня; если-же кто-нибудь тебѣ довѣрилъ тайну, сообщи мнѣ ее и просвѣти меня какъ насчетъ ея, такъ и насчетъ всего дѣла вообще.» Тогда она стала разсказывать ему все, чтò передалъ ей леопардъ, однако не сообщая ему его имени, и сказала: «на самомъ дѣлѣ, я хорошо знаю слова ученыхъ относительно увеличенія наказанія и суровости его, а также относительно того стыда, который проникаетъ въ человѣка при разглашеніи тайнъ, но все-таки я соглашаюсь сообщить тебѣ то, въ чемъ для тебя заключается выгода,

тѣмъ болѣе, что дурное его послѣдствіе и вредъ достигнутъ толпы. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ упорство при обманываніи царя (138)—одинъ изъ фактовъ, который не можетъ отвратить отъ нихъ зла, а этимъ прикрываются (люди) безсмысленные и вводятъ сомнѣніе въ совершаемые ими гнусные поступки; самое сильное при томъ ихъ безстыдство — это ихъ нападки на людей стойкихъ». Когда мать льва окончила эту рѣчь, тотъ созвалъ своихъ приближенныхъ и свою армію: они были введены къ нему. Когда Димнаh предсталъ передъ львомъ и увидѣлъ, какова его печаль и грусть, онъ обратился къ одному изъ присутствующихъ и спросилъ: «что такое случилось и что это опечалило царя»? Тогда мать льва обратилась къ нему и сказала: «царя опечалило твое существованіе: даже и на одно мгновеніе онъ ни за что не оставитъ тебя въ живыхъ послѣ этого дня». Димнаh отвѣчалъ: «ничего не оставилъ первый для послѣдняго, такъ какъ говорится, что человѣка, весьма строгаго въ обереганіи себя отъ зла, зло постигаетъ раньше, чѣмъ (человѣка) покорнаго (судьбѣ): пусть поэтому царь, его придворные и армія не будутъ дурнымъ примѣромъ. Я знаю, что сказано (когда-то): кто находится въ обществѣ злыхъ, въ то время какъ знаетъ ихъ познанія, вредъ (полученный) имъ (исходитъ) отъ него самого. Изъ-за этого-то отшельники удаляются сами отъ людей и избираютъ уединеніе (предпочтительно) передъ общеніемъ, и любовь къ дѣламъ Божіимъ (предпочтительно) передъ любовью къ міру и его жителямъ, а *кто* награждаетъ за добро добромъ и за благодѣяніе—благодѣяніемъ, какъ не Богъ. Напротивъ, кто ищетъ у *людей* вознагражденія за добро, тому справедливо получить въ удѣлъ лишенія, такъ какъ онъ ошибочно полагаетъ истину въ искреннемъ отношеніи къ дѣламъ, (относящимся) вовсе не къ Богу, и ищетъ воздаянія (139) у людей. На самомъ дѣлѣ самое справедливое, чего могутъ желать подданные царя,—это прекрасныя качества характера, проявленія истины и хорошіе поступки. Сверхъ того, ученые говорятъ: съ тѣмъ, кто считаетъ правдой то, что̀ слѣдуетъ считать ложью, а ложью считаетъ то, что̀ слѣдуетъ считать правдой, съ тѣмъ случается то, что̀ случилось съ женщиной, которая отдалась своему рабу, такъ что (впослѣдствіи) онъ пристыдилъ ее намеками на это». Левъ спросилъ: «а какъ это было?»

Димнаħ отвѣчалъ: «передаютъ, что въ одномъ изъ городовъ былъ купецъ, а у него была жена, прекрасная и красивая. Близь купца жилъ одинъ человѣкъ, искусный художникъ, который былъ другомъ жены купца. Послѣдняя ему сказала однажды: (хорошо) если-бы ты могъ придумать (такой) способъ, посредствомъ котораго я знала-бы о твоемъ приходѣ безъ всякаго зова и знака, но (такой) изъ-за котораго не поднялось-бы сомнѣніе относительно твоихъ и моихъ поступковъ.» Художникъ отвѣчалъ: «у меня на умѣ есть одинъ способъ, какой ты просила, который тебя обрадуетъ и успокоитъ. Дѣло въ томъ, что у меня есть плащъ, на которомъ (нарисованы) изображенія фигуръ и искусные рисунки: я буду одѣвать его во время своего прихода къ тебѣ и въ немъ являться къ тебѣ.» За тѣмъ художникъ надѣлъ плащъ и явился къ этой женщинѣ. Она узнала о его приходѣ, вышла къ нему и стала съ нимъ веселиться; замѣтилъ ихъ въ этомъ положеніи рабъ женщины и удивился этому, находя это страннымъ. А этотъ рабъ былъ другомъ рабыни художника; поэтому онъ сталъ выпрашивать у нея плащъ, прося ее объ этомъ, и говорилъ (140): «я желаю показать его моему другу, чтобы порадовать его этимъ, но я поспѣшу приходомъ, чтобы возвратить его прежде чѣмъ узнаетъ объ этомъ твой господинъ.» Служанка художника дала ему плащъ; рабъ надѣлъ его и пришелъ къ своей госпожѣ приблизительно такъ, какъ обыкновенно приходилъ къ ней художникъ. Увидѣвъ его, она, не сомнѣваясь въ его приходѣ и увѣренная въ томъ, что это ея другъ, пришла къ нему и отдалась ему. Однимъ словомъ, онъ исполнилъ свое желаніе и достигъ своей цѣли. Послѣ того онъ вернулся съ плащемъ къ служанкѣ художника и отдалъ ей его, а она положила его на свое мѣсто; художникъ между тѣмъ былъ въ отлучкѣ изъ дома. Когда наступила ночь, онъ вернулся домой, надѣлъ по своему обыкновенію плащъ и явился къ женщинѣ. Завидѣвъ его, она бросилась къ нему и сказала: «ты поспѣшилъ своимъ приходомъ; развѣ ты не былъ уже у меня и не исполнилъ своего желанія? Что-же это за возвращеніе?» Услышавъ эти ея слова, художникъ вернулся домой, позвалъ свою рабыню и угрожалъ ей убійствомъ или пусть разскажетъ ему истину. Она разсказала ему этотъ случай. Тогда онъ схватилъ плащъ и сжегъ его.

На самомъ дѣлѣ я привелъ тебѣ эту притчу, желая чтобы царь не спѣшилъ моимъ дѣломъ вслѣдствіе сомнѣнія; впрочемъ я говорю это не изъ страха смерти. Въ самомъ дѣлѣ, если даже она и не желательна, то все-таки нѣтъ спасенія отъ нея; всякій живой погибаетъ. Даже если-бы у меня было сто душъ, а я зналъ-бы, что воля царя — уничтожить ихъ, я считалъ-бы это въ душѣ пріятнымъ.» Здѣсь одинъ изъ арміи сказалъ: «онъ говоритъ это не изъ любви своей (141) къ *царю*, но (изъ любви) къ самому себѣ и желая найти себѣ извиненіе». Димнаһ ему отвѣчалъ: «горе тебѣ: развѣ для меня порокъ — искать для себя извиненіе, да развѣ бываетъ человѣку кто-либо ближе его самого, да наконецъ, когда онъ не будетъ искать извиненія себѣ, то кому-же онъ будетъ искать его. Въ тебѣ стали ясны та зависть и ненависть, которыми ты (не въ состояніи) владѣть, и кто слышалъ тебя, тотъ понимаетъ, что ты никому не желаешь добра и что ты врагъ самому себѣ, а тѣмъ болѣе другимъ. А потому подобному негодяю не слѣдуетъ быть вмѣстѣ съ животными, а тѣмъ болѣе съ царемъ, хотя бы даже находиться при его двери.» Когда Димнаһ отвѣтилъ ему такъ, тотъ удалился грустный, печальный, пристыженный. Тогда мать льва сказала Димнѣ: «я удивляюсь тебѣ, хитрецъ. Какъ мало у тебя стыда, какъ велико твое нахальство и какъ поспѣшны твои отвѣты тому, кто съ тобою разговариваетъ». Димнаһ отвѣчалъ: «(это) потому, что ты смотришь на меня однимъ глазомъ и слушаешь меня однимъ ухомъ, при всемъ томъ, что жалостность моего старанія удалила отъ меня все, такъ что наконецъ пытаются (приступить) къ царю со сплетнями на меня. Тѣ, кто находится при дворѣ царя, вслѣдствіе своего пренебреженія къ нему, продолжительности уваженія къ нимъ съ его стороны и благодаря тѣмъ жизненнымъ удобствамъ и благодати, среди которыхъ они живутъ, — они не знаютъ, въ какое время имъ слѣдуетъ говорить и когда имъ слѣдуетъ молчать.» Она сказала: «не видите-ли вы этого жалкаго, — жалкаго несмотря на важность его проступка: какъ онъ выставляетъ себя невиннымъ (142), точно на немъ нѣтъ вины». Димнаһ отвѣчалъ: «въ дѣйствительности, тѣ, которые исполняютъ не свои дѣла, подобны тому, кто кладетъ золу тамъ, гдѣ слѣдуетъ положить песокъ и употребить навозъ, или мужчинѣ, который надѣваетъ платье женщины, и женщинѣ, ко-

торая надѣваетъ платье мужчины, или гостю, который говоритъ: я господинъ дома, или тому, который заговариваетъ среди общества о томъ, о чемъ его не спрашиваютъ. И въ самомъ дѣлѣ, жалокъ тотъ, кто не знаетъ дѣлъ и людей и не можетъ отвратить отъ себя зла, не будучи въ состоянiи (сдѣлать) это». Мать льва сказала: «не предполагаешь-ли ты, о хитрый измѣнникъ, что ты этими словами обманешь царя и что онъ (такимъ образомъ) не посадитъ тебя въ тюрьму»? Димнаһ отвѣчалъ: «измѣнникъ—тотъ, отъ козней котораго не можетъ успокоиться его врагъ; а какъ только онъ овладѣетъ своимъ врагомъ, онъ убиваетъ его безъ всякой вины». Мать льва возразила: «не думаешь-ли ты, о лживый измѣнникъ, что спасешься отъ послѣдствiй своей лжи и что твои ухищренiя принесутъ тебѣ пользу, несмотря на важность твоего преступленiя?» Димнаһ отвѣчалъ: «лжецъ—тотъ, кто говоритъ то, чего нѣтъ, и приводитъ то, чего не было ни сказано, ни сдѣлано; между тѣмъ мои слова ясны и очевидны». Мать льва сказала: «ученые изъ васъ тѣ, кто исполнитъ свою обязанность по отношенiю къ нему», за тѣмъ встала и вышла. Тогда левъ передалъ Димну судьѣ, а судья приказалъ заключить его въ темницу. Тогда на его шею были наброшены веревки и его отправили въ тюрьму.

Когда наступила полночь, Калилаһ получилъ извѣстiе (143) о томъ, что Димнаһ (находится) въ тюрьмѣ: онъ пришелъ къ нему тайнымъ образомъ и, увидѣвъ его, а также тяжесть цѣпей и тѣсноту его помѣщенiя, онъ заплакалъ и сказалъ ему: «ты дошелъ до того, чего ты достигъ (теперь), только вслѣдствiе твоего неправильнаго поступка и невниманiя къ увѣщанiю; тѣмъ не менѣе я не могу не увѣщевать тебя, не дать тебѣ наставленiя и не поспѣшить выразить тебѣ искреннюю привязанность: вѣдь для всякаго положенiя есть (словесное) выраженiе и для всякаго помѣщенiя есть пространство. Если-бы я упустилъ изъ виду усовѣстить тебя, когда ты находился еще въ здравiи, я былъ-бы теперь тебѣ товарищемъ по твоей винѣ. Однако гордость, найдя къ тебѣ доступъ, побѣдила твой разсудокъ и взяла верхъ надъ твоимъ умомъ въ то время какъ я приводилъ множество притчъ и приводилъ тебѣ на память слова ученыхъ, а ученые говорятъ, что плутъ умираетъ раньше своего времени». Димнаһ отвѣчалъ: «я признаю истину твоихъ словъ; но ученые

говорятъ: не приходи въ отчаяніе отъ мученія, если ты впалъ въ прегрѣшеніе; вѣдь для тебя потерпѣть мученіе за свое преступленіе въ этомъ мірѣ лучше нежели мучиться будущую жизнь въ геённѣ со своимъ грѣхомъ». Калйлаһ сказалъ: «я понимаю твои слова, но вѣдь твоя вина велика, а наказаніе льва—сурово, жестоко». По близости отъ нихъ въ тюрьмѣ находилась связанная гіена, которая слышала ихъ разговоръ, но они ея не видѣли. Такимъ образомъ она узнала упреки Калйлы Димнѣ за его злостные поступки и за то, что̀ отъ него (произошло), а также, что Димнаһ признается въ злостности своихъ дѣлъ (144) и въ своей великой винѣ. Итакъ, она запомнила бесѣду ихъ и утаила ее, чтобы привести ее въ свидѣтельство, если будетъ объ этомъ спрошена. Послѣ того Калйлаһ возвратился домой, а мать льва, когда разсвѣло, вошла ко льву и сказала ему: «о властелинъ звѣрей, ты (конечно) далекъ отъ того, чтобы позабыть то, что̀ ты сказалъ вчера, а именно: вѣдь ты приказалъ (назначить) время его (казни), чѣмъ ты дѣлаешь угодное Господу рабовъ. Ученые говорятъ: человѣку не слѣдуетъ лѣниться въ стараніи касательно благочестія, но и не слѣдуетъ ему также защищать проступокъ виновнаго». Услышавъ слова своей матери, левъ приказалъ явиться (къ себѣ) леопарду [а онъ былъ судебный начальникъ]. Когда онъ явился, (царь), сказалъ ему и справедливому льву: «возсядьте на судейской трибунѣ и созовите армію, малыхъ и большихъ; пусть они явятся, разсмотрятъ обстоятельства Димны, дебатируютъ его положеніе, разслѣдуютъ его проступокъ и занесутъ въ точности въ судебныя книги его слова и извиненія, а вы оба доносите мнѣ объ этомъ изо дня въ день». Выслушавъ, леопардъ и справедливый левъ [а этотъ левъ былъ дядею льва-царя] сказали: «слушаемся и повинуемся повелѣніямъ царя», и удалились отъ него. Они поступили согласно тому, что̀ было повелѣно имъ: не проходило одного дня, въ который они не засѣдали-бы трехъ часовъ. Судья приказалъ привести Димну. Онъ былъ приведенъ и представленъ ему въ присутствіи собранія. Когда ему окончательно было выбрано мѣсто, глава собранія закричалъ (145) самымъ громкимъ голосомъ: «эй, собраніе! вы вѣдь уже знаете, что властелинъ звѣрей со времени убійства Шанзабы постоянно теряетъ расположеніе духа, много озабоченъ и печаленъ, видя,

что онъ убилъ Шанзабу безъ вины и что онъ возъимѣлъ (нѣчто) противъ него вслѣдствіе лжи Димны и его сплетенъ. Этому судьѣ поручено теперь сидѣть на судебномъ засѣданіи и дебатировать дѣло Димны. Поэтому кто изъ васъ знаетъ что-нибудь въ дѣлѣ Димны, хорошее или дурное, пусть скажетъ это и поговоритъ о томъ публично при свидѣтеляхъ для того, чтобы судъ о дѣлѣ Димны (происходилъ) сообразно съ этимъ: если онъ заслуживаетъ казни, то медлительность въ его дѣлѣ лучше, а поспѣшность изъ-за страсти и изъ-за слѣдованія за товарищами во лжи есть униженіе.» При этихъ (словахъ) судья сказалъ: «о собраніе, выслушайте слова вашего главы, не скрывайте того, что̀ вы знаете изъ дѣла Димны, но остерегайтесь при его укрывательствѣ (защитѣ) трехъ качествъ. Что касается одного изъ нихъ, то оно изъ нихъ самое совершенное, именно: не пренебрегайте его поступкомъ и не считайте его маловажнымъ; (одно) изъ самыхъ великихъ прегрѣшеній, (это) — убійство невиннаго, за которымъ нѣтъ (никакого) проступка, посредствомъ лжи и сплетенъ. Впрочемъ, кто знаетъ что-нибудь о дѣлѣ этого лжеца, предавшаго невиннаго своею ложью и сплетнями, и будетъ укрывать его, тотъ раздѣлитъ его проступокъ и наказаніе. Второе, когда преступникъ сознается въ своей винѣ, то и ему спокойнѣе, да и царю и его арміи лучше простить его и помиловать. Третье (146), оставленіе снисходительности къ людямъ порочнымъ и нечестивымъ, а также и разрывъ основъ ихъ связи и любви съ придворными и чернью. Итакъ, кто знаетъ что-нибудь о дѣлѣ этого хитреца, пусть поговоритъ о томъ публично при свидѣтеляхъ изъ (числа) присутствующихъ для того, чтобы это было какимъ-либо аргументомъ. Сказано, что тотъ, кто утаиваетъ свидѣтельство въ пользу умершаго, будетъ занузданъ въ день воскресенія огненной уздой. Поэтому пусть каждый изъ васъ говоритъ то, что̀ знаетъ.» Когда это собраніе выслушало его рѣчь, (присутствующіе) удержались отъ словъ. Тогда сказалъ Димнаһ: «что-же васъ заставляетъ молчать? говорите то, что̀ знаете, только знайте, что за всякое слово (будетъ) отвѣтъ. Ученые говорятъ: кто даетъ свидѣтельство о томъ, чего не видѣлъ, и говоритъ о томъ, чего не знаетъ, съ тѣмъ случается то, что̀ случилось съ врачемъ, который сказалъ о томъ, чего не зналъ: «да, я знаю это». Общество спросило: «а какъ это было?».

Димнаһ отвѣчалъ: «передаютъ, что въ одномъ изъ городовъ былъ врачъ, обладавшій знаніемъ и обходительностью, имѣвшій большую извѣстность вслѣдствіе тѣхъ (леченій), которыя прошли черезъ его руки. Этотъ врачъ состарился и его зрѣніе ослабѣло. У царя того города была дочь, которую онъ выдалъ замужъ за своего племянника. У нея появились боли, бывающія (обыкновенно) у беременныхъ. Привели этого врача. Пришедши, онъ разспросилъ эту женщину о ея боляхъ и чтò она ощущаетъ; она разсказала ему. Тогда онъ составилъ себѣ понятіе о ея болѣзни и лекарствѣ (противъ нея), но сказалъ: «еслибы я былъ зрячимъ, я (самъ) смѣшалъ-бы микстуры на основаніи своихъ познаній въ ихъ категоріяхъ; я не довѣряю этого никому кромѣ себя». Въ томъ городѣ былъ (147) одинъ необразованный человѣкъ. До него дошло это событіе. Вслѣдствіе этого онъ пришелъ къ нимъ и сталъ увѣрять въ знаніи медицины, сообщая имъ, что онъ опытенъ въ умѣніи составлять лекарства и цѣлебныя травы и свѣдущъ въ свойствахъ лекарствъ составныхъ и простыхъ. Тогда царь приказалъ впустить его въ хранилище лекарствъ, чтобы онъ взялъ, чтò ему нужно изъ лекарственныхъ смѣсей. Когда необразованный вошелъ въ хранилище, ему попались лекарства, о которыхъ онъ не зналъ, что они такое, не имѣя о нихъ (никакихъ) познаній. Такимъ образомъ, въ общемъ количествѣ лекарствъ, которыя онъ взялъ, онъ (захватилъ) также и свертокъ, въ которомъ находился мгновенно убивающій ядъ. Онъ примѣшалъ его къ лекарству, не имѣя ни понятія о немъ, ни знанія его породы. Когда кончилось смѣшиваніе лекарства, онъ далъ пить его женщинѣ, и она тотчасъ умерла. Царь-же, узнавъ объ этомъ, призвалъ необразованнаго и заставилъ его выпить того лекарства: онъ сейчасъ-же умеръ.

На самомъ дѣлѣ я привелъ вамъ эту притчу для того, чтобы вы знали, какое несчастье обрушивается на того, который говоритъ и поступаетъ съ сомнѣніемъ, безъ умѣренности. Такимъ образомъ, съ тѣмъ изъ васъ, кто выходитъ изъ своихъ предѣловъ, случится то, чтò случилось съ этимъ невѣждой и (въ этомъ тотъ долженъ упрекать только себя. Ученые говорятъ: случается, что говорящій получаетъ наказаніе за свои слова. Слово принадлежитъ вамъ, подумайте о самихъ себѣ». Тогда заговорилъ

начальникъ пекарей, и вслѣдствіе своего ослѣпленія и самомнѣнія, благодаря своему положенію около льва, онъ сказалъ: «о люди почтенные изъ среды ученыхъ, выслушайте мои слова и внемлите своимъ разумомъ моей рѣчи: ученые говорятъ, разумѣя людей порядочныхъ, что они (148) отличаются по чертамъ своего лица. Вы—общество обладателей могуществомъ, благодаря совершенству, съ которымъ Богъ васъ сотворилъ и всѣмъ благодѣяніямъ, оказываемымъ вамъ съ его стороны, (можете) отличать людей порядочныхъ по ихъ чертамъ и наружности, узнавая великій предметъ черезъ посредство предмета незначительнаго. Здѣсь много фактовъ, которые показываютъ противъ этого жалкаго Димны и говорятъ о его злостности: поищите ихъ на наружности его фигуры, чтобы убѣдиться и полагаться на это».

Судья отвѣчалъ начальнику пекарей: «я уже знаю, да знаетъ и собраніе присутствующихъ, что ты различаешь на наружности признаки дурной (души). Поэтому объясни намъ, что̀ ты говоришь, и просвѣти насъ насчетъ того, что̀ видно на наружности этого жалкаго». Начальникъ пекарей началъ тогда порицать Димну и сказалъ: «дѣйствительно, ученые пишутъ и сообщаютъ, что тотъ, у кого лѣвый глазъ меньше его праваго глаза, при томъ постоянно моргающій, а носъ наклоняется въ правую его сторону, тотъ жалкій, злодѣй, соединяющій (въ себѣ) вѣроломство и нечестивость». Услышавъ это, Димнаһ сказалъ: «нѣтъ для тебя примѣра (другого), какъ притча о человѣкѣ, сказавшемъ своей женѣ: «посмотри (сначала) на свою наготу, а послѣ смотри на наготу другого». Тотъ спросилъ: «а какъ это было»?

Димнаһ отвѣчалъ: «передаютъ, что на одинъ городъ напалъ непріятель; онъ убилъ (людей), набралъ плѣнныхъ, взялъ добычу и отправился въ свою страну. Случилось, что у одного солдата изъ того, что̀ пришлось ему (149) при дѣлежѣ, оказался принадлежащимъ ему одинъ пахарь, вмѣстѣ съ которымъ было его двѣ жены. Солдатъ дурно содержалъ и одѣвалъ ихъ. Однажды пахарь. этотъ вмѣстѣ со своими женами отправился собирать дрова для солдата: онѣ были голы. Одной изъ женъ попались по дорогѣ какіе-то ветхіе лохмотья и она надѣла ихъ, несмотря на ихъ недоброкачественность, затѣмъ сказала своему мужу: «развѣ ты не обращаешь вниманія на эту мерзкую, какъ она не стыдится

и не покрываетъ своей наготы»? Мужъ ея тогда отвѣтилъ ей: еслибы ты сначала внимательно посмотрѣла на самое себя, то (увидѣла-бы) на самомъ дѣлѣ, что все твое тѣло голо и не упрекала-бы свою товарку въ томъ, что̀ точь-въ-точь (находится) у тебя.

Удивительна твоя осанка, о (ты) грязный, обладатель явно-гнусныхъ манеръ. Далѣе, удивленіе (беретъ при видѣ) твоей смѣлости—приготовлять царскую пищу и твоего присутствія передъ царемъ, (это), несмотря на грязь и гнусность, (находящіяся) въ твоемъ тѣлѣ, несмотря на то, что и ты (самъ) знаешь это, да и другіе знаютъ о твоихъ порокахъ. Вѣдь ты говоришь о чистомъ тѣлѣ, у котораго нѣтъ порока, въ то время какъ я не единственная личность, которой ясны твои пороки, но всѣ присутствующіе знаютъ это. Обнаружить это мнѣ мѣшала (до сихъ поръ существовавшая) между мною и тобою дружба. Впрочемъ, такъ какъ ты налгалъ теперь на меня, съ намѣреніемъ оклеветавъ меня, поддерживая ко мнѣ враждебныя отношенія и сказавши публично при присутствующихъ то, что̀ ты сказалъ на меня, безъ (всякаго) пониманія, то я вкратцѣ выскажу то, что̀ знаю я о твоихъ порокахъ и что̀ знаетъ собраніе. Долгъ (всякаго), кто имѣетъ о тебѣ истинное понятіе (150)—отклонить царя отъ пользованія твоими (услугами) за его столомъ. Еслибы тебѣ было поручено производить посѣвъ, то ты естественно имѣлъ-бы въ томъ неудачу. Поэтому тебѣ лучше и не подходить ни къ какимъ занятіямъ, не быть ни дубильщикомъ (кожъ), ни цирюльникомъ для черни, а тѣмъ болѣе для приближенныхъ слугъ царя.» Начальникъ пекарей сказалъ: «не мнѣ-ли ты говоришь эти слова и не меня-ли встрѣчаешь этимъ способомъ»? Димнаһ отвѣчалъ: «да, и по праву я говорю о тебѣ, и тебя-же разумѣю, о сокрушенный хромецъ, страдающей болѣзнью сѣдалищнаго нерва, кривоногій, со вздутымъ животомъ, — — —, съ разрѣзанными губами, гнусный какъ по виду, такъ и по репутаціи». Когда Димнаһ сказалъ это, начальникъ пекарей измѣнился въ лицѣ, потекли у него слезы, онъ устыдился, языкъ его запутался, онъ почувствовалъ угнетенность, и задоръ его пропалъ. Тогда Димнаһ, увидѣвъ его сокрушеніе и плачъ, сказалъ: «дѣйствительно, тебѣ слѣдуетъ продолжать плакать, когда царь замѣтитъ твою грязь и пороки и вслѣдствіе того отставитъ тебя отъ приготов-

ленія ему пищи, устранитъ тебя изъ общества своихъ слугъ и удалитъ тебя отъ своего присутствія. Послѣ того одинъ шакалъ, котораго левъ испыталъ, и, найдя въ немъ довѣренность и правдивость, приказалъ запоминать то, что̀ происходило между ними и доносить ему объ этомъ, — этотъ шакалъ всталъ, вошелъ ко льву и разсказалъ ему все съ ясностью. Тогда левъ приказалъ отставить начальника пекарей отъ его занятія (151), повелѣвъ, чтобы онъ не входилъ къ нему и чтобы онъ не видѣлъ его лица, а Димну приказалъ посадить въ темницу. Прошла уже большая часть дня, и все, что̀ произошло и что̀ говорили они и говорилъ онъ, было записано и запечатано печатью леопарда, и (за тѣмъ) каждый изъ нихъ вернулся къ себѣ домой. Далѣе, былъ одинъ шакалъ, называемый Рӯзбаһ: между нимъ и Калӣлою были братскія отношенія и любовь, а онъ самъ занималъ видное мѣсто при львѣ и находился у него въ почетѣ. Между тѣмъ случилось, что Калӣлой овладѣла тревога и предчувствіе за себя и за своего брата, и онъ умеръ. Тогда этотъ шакалъ отправился къ Димнѣ и сообщилъ ему о смерти Калӣлы. Тотъ заплакалъ, опечалился и сказалъ: что мнѣ дѣлать въ этомъ мірѣ послѣ разлуки съ искреннимъ братомъ; а я еще полагался на милость Всевышняго Бога и на Его благодѣянія ко мнѣ. Вслѣдствіе твоей озабоченности и сочувствія ко мнѣ, которыя я вижу, я знаю, что ты моя надежда и моя опора при тѣхъ (обстоятельствахъ), въ которыхъ я (нахожусь); я желаю благодѣянія съ твоей стороны, — отправься къ такому-то мѣсту: ты увидишь то, что̀ собрали мы, я и братъ мой, благодаря нашей находчивости, усердію и волѣ Бога, и принеси мнѣ это. Шакалъ исполнилъ то, что̀ поручилъ ему Димнаһ. Когда онъ положилъ деньги передъ нимъ, тотъ далъ ему половину и сказалъ ему: «ты имѣешь болѣе возможности, чѣмъ другіе, ходить къ царю и уходить отъ него; поэтому будь настороже у моего дѣла, пускай въ ходъ свою заботливость обо мнѣ, слушай, что̀ будетъ говориться у льва, когда ему донесутъ о томъ, что̀ происходитъ между мною и (моими) противниками (152), что̀ проявляется относительно меня со стороны матери льва и какое слѣдованіе за ней или противорѣчіе ей ты замѣтишь со стороны льва въ моемъ дѣлѣ, все это запомни». Шакалъ взялъ то, что̀ далъ ему Димнаһ и, уйдя отъ него, согласно обѣщанію, отправился къ себѣ домой и сло-

жилъ тамъ деньги. Далѣе, на слѣдующій день, левъ всталъ рано утромъ и сидѣлъ, пока наконецъ не прошло два часа дня, когда его приближенные стали просить у него доступа. Онъ далъ имъ позволеніе: они вошли и положили передъ нимъ книгу. Узнавъ ихъ слова и слова Димны, онъ призвалъ свою мать и прочиталъ ей это. Услышавъ то, что̀ (заключалось) въ книгѣ, она вскричала весьма громкимъ голосомъ: «если я буду сурова въ словахъ, все-же не упрекай меня: ты въ самомъ дѣлѣ вѣдь не различаешь своего вреда отъ пользы. Развѣ-же это не то, что̀ выслушивать я тебѣ запрещала, потому что это слова того преступника нечестиваго въ отношеніи насъ, измѣнника нашему поручительству», и за тѣмъ она вышла разгнѣванная. Это происходило на глазахъ того шакала, съ которымъ побратался Димнаһ, и такъ, что онъ слышалъ все, что̀ сказала мать льва. Поэтому онъ поспѣшно вышелъ по ея слѣдамъ, наконецъ пришелъ къ Димнѣ и разсказалъ ему о случившемся. Пока онъ находился у него, вдругъ пришелъ посланецъ и отправился съ Димною на собраніе у судьи. Когда онъ предсталъ передъ судьею, предсѣдатель собранія открылъ засѣданіе, сказавъ: «о Димнаһ, меня снабдилъ одинъ вѣрный и правдивый человѣкъ свѣдѣніями о тебѣ, такъ что намъ не нужно разслѣдовать твое дѣло болѣе этого, потому что ученые (153) говорятъ: по истинѣ Богъ устроилъ этотъ міръ въ видѣ довода и подтвержденія для будущей жизни, потому что она есть жилище посланниковъ и пророковъ, указывающихъ на добро, ведущихъ въ рай, призывающихъ къ познанію Всевышняго Бога. Твое дѣло у насъ уже опредѣлилось и намъ сообщилъ при томъ о тебѣ нѣкто, на слова котораго мы полагаемся. Тѣмъ не менѣе нашъ государь приказалъ намъ вернуться къ твоему процессу и къ разслѣдованію твоего дѣла, хотя по нашему представленію оно ясно и очевидно». Димнаһ отвѣчалъ: «я вижу, о судья, что ты не привыкъ къ справедливости на судѣ, но не свойственно также и справедливости царей отталкивать униженныхъ и тѣхъ, за кѣмъ нѣтъ вины, а напротивъ—спорить за нихъ и защищать ихъ. Итакъ, какъ-же ты рѣшаешь быть мнѣ убитымъ, когда я не защищался, когда ты торопишься съ этимъ изъ-за согласія со своимъ капризомъ, когда даже не прошло еще и трехъ дней. Однако правду сказалъ тотъ, кто говоритъ: «дѣйствительно, кто привыкъ дѣлать

добро, тому легко исполнять его, хотя-бы онъ получалъ отъ того вредъ». Судья сказалъ: «мы находимъ въ книгахъ древнихъ, что справедливому судьѣ должно различать поступки какъ благодѣтельнаго, такъ и испорченнаго для того, чтобы награждать благодѣтельнаго за его благодѣянія и испорченнаго за его испорченность. Когда онъ поступаетъ такимъ образомъ, у благодѣтельныхъ усилится стремленіе къ благодѣяніямъ, а у испорченныхъ—избѣжаніе проступковъ. Совѣтъ тебѣ, о Димнаһ: посмотри со вниманіемъ, въ чемъ ты попался, сознайся въ своей винѣ, признайся въ ней и покайся». Димнаһ отвѣчалъ ему: «на самомъ дѣлѣ, порядочные судьи не рѣшаютъ по одному подозрѣнію, а равно и не поступаютъ согласно съ нимъ ни въ отношеніи (154) придворныхъ, ни въ отношеніи черни, (это)—вслѣдствіе ихъ знанія, что подозрѣніе ни въ чемъ не замѣнитъ истину. И если вы предполагаете, что я преступенъ въ томъ, что̀ я сдѣлалъ, то (съ другой стороны) я вѣдь лучше васъ знаю себя; при томъ мое знаніе себя точное, въ которомъ не (можетъ) быть сомнѣнія, въ то время какъ ваше знаніе о мнѣ все сомнѣніе. На самомъ дѣлѣ гнусность моего поступка въ вашемъ представленіи (заключается въ томъ), что я предалъ другого, и въ то-же время въ вашихъ глазахъ нѣтъ мнѣ извиненія, когда я предаю себя, возводя на себя ложь и обрекаю себя на убійство и гибель при моемъ сознаніи моей невинности и непорочности въ томъ, въ чемъ я обвиненъ; а самъ я для себя болѣе чѣмъ для другихъ долженъ имѣть уваженіе къ правамъ и болѣе для себя, чѣмъ для нихъ требовать справедливости. И еслибы я допустилъ это по отношенію къ одному изъ самыхъ далекихъ или самыхъ близкихъ изъ васъ ко мнѣ, то это не соотвѣтствовало-бы моей набожности, не одобрили-бы этого мои принципы, да и я не имѣлъ права сдѣлать того, (что вы требуете отъ меня),—какъ же я сдѣлаю это по отношенію къ себѣ. Итакъ прекрати, о судья, эти слова. Въ самомъ дѣлѣ, если они являются съ твоей стороны наставленіемъ, такъ ты ошибся въ ихъ мѣстѣ; если-же это—вѣроломство, то самое гнусное вѣроломство, какое только видѣли или знали со стороны вѣроломныхъ людей, при всемъ томъ, что вѣроломство и коварство не входятъ въ число дѣяній порядочныхъ судей, ни вѣрныхъ правителей. Знай, что твои слова изъ числа тѣхъ, кото-

рыя невѣжды и дурные люди принимаютъ за законъ, чтобы приводить ихъ (при случаѣ), потому что въ судебныхъ процессахъ люди истины выбираютъ истину послѣднихъ, а люди ошибокъ, суеты и недосточно богобоязненные—ихъ ошибки. Я опасаюсь, о судья, что съ тобою изъ-за этихъ твоихъ словъ произойдутъ большія несчастія и злополучія. Несчастіе и бѣда не въ томъ (155), что ты постоянно (считаешься) въ душѣ царя, арміи, придворныхъ и черни—совершеннымъ по своему разсудку и убѣдительнымъ по своему уму, примиряющимъ своимъ приговоромъ, воздержностью и добродѣтелью. Но бѣда въ томъ, какъ ты забылъ это при моемъ процессѣ, или до тебя, не дошло, что говорятъ ученые: кто претендуетъ на знаніе того, о чемъ у него нѣтъ понятія, и приводитъ въ свидѣтельство несуществующее, съ тѣмъ случается то, чтò случилось съ сокольникомъ, подкапывавшимъ репутацію жены своего господина». Судья спросилъ: «а какъ это было?».

Димнаһ отвѣчалъ: «передаютъ, что въ какомъ-то городѣ былъ одинъ знаменитый человѣкъ изъ числа пограничныхъ начальниковъ; у него была жена красивая и добродѣтельная. У этого человѣка былъ искусный сокольникъ, опытный въ обращеніи съ соколами и въ обхожденіи съ ними. Этотъ сокольникъ у этого человѣка занималъ мѣсто друга, такъ что онъ даже впускалъ его въ свой домъ и сажалъ его вмѣстѣ со своими женами. Случилось, что сокольникъ потребовалъ отъ жены своего господина, чтобы она отвѣчала ему взаимною любовью. Она отвергла его, разсердилась отъ этого, а лицо ея побагровѣло и покраснѣло отъ стыда. Чѣмъ болѣе она удалялась отъ него, тѣмъ болѣе усиливалась его страсть къ ней. Онъ сталъ примѣнять къ дѣлу (свою) находчивость, чтобы достигнуть своей цѣли, но двери хитростей стали для него узкими. Итакъ, однажды, по своему обыкновенію, онъ отправился на охоту и поймалъ (случайно) двухъ молодыхъ попугаевъ. Онъ взялъ ихъ, принесъ ихъ къ себѣ домой и сталъ ихъ воспитывать. Когда они выросли, онъ разлучилъ ихъ, посадилъ въ двѣ клѣтки и сталъ учить одного изъ нихъ, говоря: «я замѣтилъ привратника въ (156) неприличномъ поступкѣ съ моею госпожею» [1]), а другого научилъ (говорить): «а я не

[1]) Въ текстѣ стоитъ رايت البوّاب مضاجعالمولاتى على فراش سيّدى — ra'aytu-lbawwâba muḍâği'an limawlâtî 'alâ firâši sayyidî т. е. vidi portarium cum mea domina in lecto mei possessoris jacentem.

скажу ничего». Онъ ихъ дрессировалъ этому, пока наконецъ въ теченіи шести мѣсяцевъ они не стали въ совершенствѣ знать и исполнять эту дрессировку. Добившись отъ нихъ, чего онъ хотѣлъ, онъ понесъ ихъ своему хозяину. Когда послѣдній увидѣлъ ихъ, они ему понравились. Они стали говорить передъ нимъ и такимъ образомъ забавляли его; только онъ не зналъ, что̀ они говорятъ, потому что сокольникъ научилъ ихъ на языкѣ балхскомъ. Дѣйствительно, пограничный начальникъ былъ очень сильно восхищенъ ими и подарилъ за это сокольнику почтенный подарокъ. Онъ приказалъ своей женѣ беречь ихъ и ходить за ними, и та это исполняла. Случилось черезъ нѣсколько времени, что къ этому человѣку прибыло нѣсколько людей изъ знатныхъ Балха. Онъ для нихъ выбралъ самыя лучшія кушанья и напитки, отобралъ различныхъ сортовъ плоды и подарки и предложилъ этимъ людямъ. Когда они окончили ѣду и начали разговоръ, начальникъ границы далъ знакъ сокольнику, чтобы онъ принесъ попугаевъ. Тотъ принесъ ихъ, и они стали кричать то, чему были научены, а тѣ знатные гости, понявъ, что̀ они говорятъ, посмотрѣли другъ на друга и опустили свои головы отъ стыда и смущенія. Человѣкъ сталъ ихъ спрашивать, что̀ говорятъ (попугаи); тѣ отказывались сказать, что̀ они говорятъ; тотъ настаивалъ и много разъ спрашивалъ, что̀ они говорятъ. Тогда тѣ отвѣчали: «на самомъ дѣлѣ, они говорятъ то и то; но не (прилично) нашему сану ѣсть въ домѣ, гдѣ творится безстыдство». Когда они сказали (157) это, хозяинъ убѣдилъ ихъ говорить съ птицами на балхскомъ языкѣ о чемъ нибудь иномъ, чѣмъ то, что̀ онѣ произносили. Тѣ исполнили это и нашли, что онѣ не понимаютъ ничего другого кромѣ того, что̀ говорятъ. Итакъ имъ и обществу стала ясна непорочность жены и ея невинность въ томъ, въ чемъ ее подозрѣвали; вмѣстѣ съ тѣмъ открылась ложь сокольника. Тогда начальникъ границы приказалъ сокольнику войти къ нему. Тотъ вошелъ съ пестрымъ соколомъ на своей рукѣ. Жена закричала на него изъ внутреннихъ покоевъ: «о врагъ самому себѣ! ты *замѣтилъ* меня въ томъ, о чемъ ты упомянулъ и чему ты научилъ птицъ»? Онъ отвѣтилъ: «да, я замѣтилъ тебя въ подобномъ тому, о чемъ они говорятъ». Тутъ соколъ бросился на его лицо и выцарапалъ у него глазъ своими когтями. Жена тогда сказала: «спра-

ведливо съ тобою случилось это: это наказаніе со стороны Всевышняго Бога за засвидѣтельствованіе тобою того, чего не видѣлъ твой глазъ».

«На самомъ дѣлѣ я привелъ тебѣ, о судья, эту притчу для того, чтобы увеличились твои познанія относительно непристойныхъ послѣдствій ложнаго свидѣтельства какъ въ этомъ мірѣ, такъ и въ будущей жизни.» Услышавъ эту рѣчь Димны, судья всталъ и донесъ ее льву цѣликомъ. Левъ разсмотрѣлъ ее внимательно, за тѣмъ позвалъ свою мать и передалъ ее ей. Она сказала льву, уразумѣвъ слова Димны: «меня беретъ *раздумье* объ ухищреніяхъ Димны, которыхъ я опасаюсь за тебя, вслѣдствіе его коварства и пронырливости: въ концѣ концовъ или онъ *убьетъ* тебя, или испортитъ тебѣ твое положеніе, (раздумье), гораздо болѣе и серьезнѣе, чѣмъ мое безпокойство изъ-за прежняго проступка Димны противъ тебя (158), именно: обмана и наушничанія, такъ что въ концѣ концовъ ты убилъ безъ вины своего друга». Слова ея запали ему въ душу и онъ сказалъ ей: «передай мнѣ, кто тебѣ разсказалъ о Димнѣ, что̀ ты сообщила: это будетъ мнѣ аргументомъ при убіеніи Димны». Она отвѣчала: «мнѣ очень не хочется разглашать тайну того, кто просилъ меня ее скрывать; не легко также будетъ мнѣ радоваться казни Димны, когда я вспомню, что побѣдила его, переступая запретъ ученыхъ относительно разглашенія тайны. Однако я попрошу того, кто довѣрилъ мнѣ ее, дозволить мнѣ разсказать ее тебѣ, а равно чтобы самъ онъ явился со своимъ знаніемъ о ней и съ тѣмъ что̀ онъ отъ него слышалъ». Послѣ того она удалилась и послала за леопардомъ, напомнивъ ему, что̀ ему слѣдуетъ (дѣлать) для льва—благодѣтеля, какъ онъ долженъ быть его лучшимъ помощникомъ въ достиженіи истины и какъ онъ отстраняетъ себя отъ свидѣтельства, котораго подобная ему (личность) не стала-бы утаивать; при всемъ томъ ему-же слѣдуетъ заступаться за обиженныхъ и утвердить истинное доказательство ихъ правоты какъ при жизни, такъ и послѣ смерти; ученые вѣдь говорятъ: кто утаиваетъ доказательство, которое можетъ служить въ пользу мертвеца, тотъ самъ лишается таковаго въ день воскресенія». Она не отстала отъ него, пока наконецъ онъ не всталъ и не вошелъ ко льву: онъ разсказалъ ему, какъ свидѣтель, слышанное имъ признаніе Димны. Когда леопардъ

показалъ это, гіена, заключенная въ тюрьму, слышавшая признаніе Димны и запомнившая его, послала ко льву сказать: «у меня есть свидѣтельское показаніе». Ее вывели и она дала показаніе противъ Димны о слышанномъ ею признаніи. Тогда левъ спросилъ ихъ: «что-же мѣшало вамъ обоимъ дать свои показанія, когда (159) вы знали наше приказаніе и озабоченность въ разслѣдованіи процесса Димны?» Они отвѣтили каждый отдѣльно: «мы знали, что свидѣтельство одного не обусловливаетъ приговора; поэтому мы и не желали вмѣшиваться съ тѣмъ, безъ чего и такъ прошелъ-бы приговоръ; наконецъ, когда далъ показаніе одинъ изъ насъ, явился и другой со своимъ свидѣтельствомъ.» Левъ принялъ ихъ слова и приказалъ казнить Димну въ его заключеніи. И былъ онъ казненъ сáмой лютой казнью.

Кто со вниманіемъ посмотритъ на это, пусть знаетъ, что тотъ, кто добивается своей выгоды посредствомъ вреда другому, вѣроломствомъ и коварствомъ, тотъ получаетъ наказаніе за свое вѣроломство и коварство.

Кончилась глава о слѣдствіи по дѣлу Димны.

(160) ГЛАВА О ГОЛУБѢ-ВЯХИРѢ.

Царь Дабшалӣмъ сказалъ философу Байдабâ: «я уже выслушалъ притчу о двухъ друзьяхъ, — какъ (именно) лжецъ производитъ между ними разрывъ и чего достигаетъ послѣ того результатъ его дѣйствій. Разскажи мнѣ теперь, если тебѣ (это) угодно, о искреннихъ друзьяхъ; какъ начинается ихъ связь и (какъ) они пользуются другъ другомъ». Философъ отвѣчалъ: «въ дѣйствительности умный ни съ чѣмъ не можетъ сравнить друзей: онѝ—помощники всего благого и пособники при постигающей непріятности; (однимъ) изъ примѣровъ этому (служитъ) притча о голубѣ-вяхирѣ, крысѣ, газели и воронѣ». Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Байдабâ отвѣчалъ: «передаютъ, что въ землѣ Сакâўандъ Джӣнъ, близь города Дâһара, находилась мѣстность, обильная дичью, куда часто наѣзжали охотники. Въ этой мѣстности было одно дерево, многовѣтвистое, густолиственное, въ которомъ находилось гнѣздо ворона. Когда однажды онъ спускался къ своему дуплу, онъ вдругъ завидѣлъ одного охотника, гнуснаго видомъ и дурного наружностью, съ сѣтью на плечѣ и съ палкой въ рукѣ, приближающагося къ дереву. Воронъ былъ испуганъ имъ и сказалъ: «въ это мѣсто этого человѣка (могли) привести (только) моя смерть (161) или смерть другого. Итакъ, буду держаться на своемъ мѣстѣ пока не увижу, чтò онъ сдѣлаетъ.» За тѣмъ охотникъ разостлалъ свою сѣть, посыпалъ на нее зеренъ, а (самъ) спрятался недалеко отъ нея. Онъ прождалъ немного времени, какъ мимо него прошелъ голубь, называемый вяхиремъ, [который былъ вождемъ голубей], и вмѣстѣ съ нимъ много голубей. Онъ и его спутники не замѣтили сѣти и бросились подбирать зерна, а поэтому всѣ они запутались въ сѣти; охотникъ приблизился тогда радостный, веселый, а всѣ голуби стали биться въ петляхъ (сѣти), ища себѣ спасенія. Вяхирь сказалъ: «не спѣшите покидать другъ друга во взаимныхъ дѣйствіяхъ; пусть душа каждаго изъ васъ не будетъ ему важнѣе души его спутника, но напротивъ поможемте другъ другу сообща: вырвемъ сѣть и

спасемся другъ другомъ.» Тогда они вырвали съ общею помощью сѣть и поднялись въ воздухъ; впрочемъ охотникъ не лишился надежды (поймать) ихъ и предполагалъ, что они не пролетятъ далеко, какъ (уже) спустятся. Здѣсь воронъ сказалъ: «послѣдую-ка я за ними и посмотрю, что̀ произойдетъ съ ними.» Взглянулъ вяхирь и, увидѣвъ, что охотникъ ихъ преслѣдуетъ, сказалъ голубямъ: «этотъ охотникъ старается насъ настигнуть; поэтому, если мы полетимъ по пустынной мѣстности, мы отъ него не скроемся и онъ не перестанетъ насъ преслѣдовать; но если мы направимся къ какому-либо населенному пункту, мы отъ него скроемся и онъ вернется вспять. У меня въ такомъ-то мѣстѣ есть полевая крыса, которая мнѣ другъ: если мы доберемся до нея (162), она обгрызетъ у насъ эту сѣть.» Они исполнили это; охотникъ потерялъ на нихъ надежду и повернулъ назадъ, а воронъ послѣдовалъ за ними. Когда голубь-вяхирь долетѣлъ до полевой крысы, онъ приказалъ голубямъ спускаться: тѣ спустились. У той полевой крысы было сто норъ (на случай) опасности. Вяхирь позвалъ ее по имени [а ея имя было Зайракъ]. Крыса спросила его изъ своей норы: «кто ты»? Тотъ отвѣчалъ: «я твой другъ—вяхирь». Крыса приблизилась къ нему стремительно и спросила его: «что̀ тебя ввергло въ эту напасть?». Тотъ отвѣчалъ ей: «развѣ ты не знаешь, что не существуетъ ничего, ни хорошаго, ни дурного, что̀ не было-бы предопредѣлено тому, кого постигаютъ предначертанія судьбы, и они-же ввергнули и меня въ эту напасть. Вѣдь не можетъ отвратить судьбу даже и тотъ, кто сильнѣе меня и важнѣе по (своему) значенію, солнце и луна даже затмеваются въ томъ случаѣ, когда это имъ присуждено.» Послѣ этого крыса принялась грызть петлю, въ которой застрялъ вяхирь. Здѣсь вяхирь ей сказалъ: «начинай разгрызать петли остальныхъ голубей, а послѣ того приступи къ моей петлѣ». Онъ повторялъ это ей нѣсколько разъ, а она не обращала вниманія на его слова. Когда онъ много разъ произнесъ эти слова, повторяя ихъ, она сказала ему: «ты повторилъ уже мнѣ эти слова, точно ты не имѣешь интереса въ своемъ существованіи, (точно) ты не имѣешь состраданія къ нему и не заботишься о немъ сообразно съ долгомъ?» Тотъ отвѣчалъ: «на самомъ дѣлѣ, я боюсь, что, если ты начнешь разгрызать мою петлю, какъ-бы (163) тебѣ не надо-

ѣло и не стало лѣнь разгрызть тѣ, которыя останутся. Я знаю, что, если ты, прежде меня, начнешь съ нихъ и я буду послѣднимъ, хотя-бы тобою овладѣло изнеможеніе, ты не примиришься (съ тѣмъ), чтобы я остался въ сѣти». Крыса отвѣтила ему: «это изъ числа (такихъ проявленій души), которыя усиливаютъ привязанность и любовь къ тебѣ.» Вслѣдъ за тѣмъ крыса принялась грызть сѣть до тѣхъ поръ пока не покончила съ ней, и вяхирь вмѣстѣ со своими голубями ушли прочь. Увидѣвъ поступокъ крысы, воронъ почувствовалъ сильное желаніе къ дружбѣ съ нею. Итакъ онъ пришелъ и позвалъ ее по имени. Крыса высунула свою голову и спросила его: «что тебѣ нужно»? Тотъ отвѣчалъ: «я желаю твоей дружбы». Крыса сказала: «не (можетъ быть) сношеній между мною и тобою; вѣдь умному слѣдуетъ домогаться того, къ чему онъ находитъ возможность, и (наоборотъ) оставлять (въ сторонѣ) исканіе того, къ чему онъ не находитъ возможности. Въ самомъ дѣлѣ, ты — пожирающій, а я пропитаніе для тебя.» Воронъ отвѣчалъ: «мое съѣданіе тебя, хотя ты моя пища, нисколько меня не (можетъ) удовлетворить; напротивъ, твоя дружба гораздо привлекательнѣе мнѣ того, о чемъ ты сказала, да и несправедливо съ твоей стороны, когда я пришелъ къ тебѣ просить твоей дружбы, оттолкнуть меня разочарованнымъ. На самомъ дѣлѣ я увидѣлъ въ тебѣ такой прекрасный характеръ, который заставилъ меня привязаться къ тебѣ, хотя ты впрочемъ и не старалась обнаружить его: вѣдь умный не можетъ скрыть своего совершенства, хотя-бы и скрывалъ его, подобно мускусу, который прячутъ, а за тѣмъ это не препятствуетъ ему испускать ароматъ и (далеко) распространяющееся благоуханіе.» Крыса возразила: «самая свирѣпая вражда—это вражда природная. Существуетъ вражда двухъ родовъ (164): одинъ изъ нихъ тотъ, который представляетъ (равное) соперничество, напр. вражда слона и льва; иногда случается, левъ убиваетъ слона или-же слонъ льва; (другой) изъ нихъ, когда у одной изъ двухъ сторонъ бываетъ перевѣсъ надъ другой, напр. вражда, которая существуетъ между мной и кошкой, между мной и тобой. На самомъ дѣлѣ, вражда, которая существуетъ между нами, вовсе не вредитъ тебѣ а напротивъ вредъ отъ нея обращается на меня. Дѣйствительно, если даже долго кипятить воду, это все-же не препятствуетъ

ей погасить огонь, когда она вылита на него. Напротивъ, сообщающійся съ врагомъ и обходящійся съ нимъ хорошо подобенъ хозяину змѣи, который носитъ ее въ своемъ рукавѣ; при томъ умный не ведетъ дружбы съ заискивающимъ врагомъ». Воронъ сказалъ: «я понимаю, что̀ ты говоришь, но тебѣ слѣдуетъ поступать согласно совершенству твоего характера, — признать правдивость моей рѣчи и не затруднять мнѣ (моего) намѣренія своими словами: «нѣтъ для насъ возможности дружиться;» вѣдь умныя, благородныя личности не добиваются вознагражденія за услугу, а любовь среди порядочныхъ людей завязывается скоро и разрывается медленно: подобіемъ этого служитъ примѣръ золотаго кувшина, не скоро ломающагося, быстро возстановляемаго и легко починяемаго, въ случаѣ если въ немъ произойдетъ трещина или поломка. Напротивъ, дружба между дурными людьми быстро разстраивается и медленно завязывается; подобіемъ этого служитъ примѣръ глинянаго кувшина быстро разбивающагося, который именно разбивается отъ ничтожнѣйшаго изъяна и котораго нельзя склеить во вѣки. Однимъ словомъ, благородный любитъ благороднаго, а подлый, если любитъ кого-нибудь, то исключительно ради своего интереса или изъ страха (165). Я испытываю потребность въ твоей любви и твоихъ одолженіяхъ, потому что ты благороденъ; я не отлучусь отъ твоихъ дверей, не вкушая пищи, пока ты не побратаешься со мной». Крыса сказала: «я принимаю твое братство, такъ какъ я вѣдь никогда никому не отказала въ (его) просьбѣ. Дѣйствительно, ты началъ тѣмъ, чѣмъ ты началъ, желая внушить мнѣ довѣріе; поэтому если ты измѣнишь мнѣ, ты не станешь говорить: я нашелъ крысу скоро поддавшеюся обману.» Вслѣдъ за тѣмъ она вышла изъ своей норы и остановилась у двери. Воронъ спросилъ ее тогда: «что тебѣ препятствуетъ выйти ко мнѣ и побѣсѣдовать со мной? или въ твоей душѣ все еще (не улеглось) сомнѣніе во мнѣ»? Крыса отвѣчала: «обитатели міра вступаютъ между собою въ связи по двумъ принципамъ, завязывая посредствомъ нихъ сношенія, они суть: самопожертвованіе и интересъ. Приносящіе въ жертву себя, это — праведники; что-же касается завязывающихъ сношенія изъ-за интереса, это суть тѣ, помогающіе взаимно одинъ другому, которые ищутъ выгоды другъ черезъ друга. Кто-же совершаетъ услугу

ради какихъ-нибудь мірскихъ выгодъ, то на самомъ дѣлѣ примѣромъ ему въ томъ, что̀ онъ расточаетъ и отдаетъ, служитъ приблизительно примѣръ охотника, именно—бросаніе имъ зеренъ птицамъ: онъ не желаетъ этимъ доставить пользу птицамъ, а напротивъ желаетъ своей личной пользы; взаимное самоотверженіе возвышеннѣе взаимнаго интереса. «На самомъ дѣлѣ я понадѣялась на твое самоотверженіе и отъ себя также приношу тебѣ въ даръ подобное этому, и вовсе не подозрительность къ тебѣ мѣшаетъ мнѣ къ тебѣ выйти; но я знаю, что у тебя есть товарищи, натура которыхъ (166) подобна твоей натурѣ, а образъ мыслей которыхъ обо мнѣ не похожъ на твой.» Воронъ возразилъ: «конечно, это одинъ изъ признаковъ друга — быть другомъ другу своего друга и врагомъ врагу своего друга; но у меня нѣтъ ни товарища, ни друга, который не былъ-бы расположенъ къ тебѣ, да при томъ мнѣ-же легко порвать связи съ тѣмъ, кто былъ-бы подобнымъ». Послѣ того крыса вышла къ ворону: они обнялись и разговорились съ откровенностью: каждый изъ нихъ сталъ на дружеской ногѣ со своимъ товарищемъ. Наконецъ, проживъ нѣсколько дней, воронъ сказалъ крысѣ: «твоя нора находится близко отъ дороги (по которой ходятъ) люди; я боюсь, какъ-бы не бросилъ въ тебя камнемъ какой нибудь мальчикъ. У меня есть мѣсто въ уединеніи, гдѣ у меня при томъ есть другъ—одна изъ черепахъ; оно (это мѣсто) изобилуетъ рыбой и мы найдемъ тамъ себѣ что̀ поѣсть. Поэтому я желаю отправиться съ тобой вмѣстѣ туда, чтобы жить намъ въ спокойствіи.» Крыса отвѣчала: «у меня есть свѣдѣнія и разсказы, которые я передамъ тебѣ, когда мы прибудемъ, куда ты желаешь: дѣлай что̀ хочешь». Воронъ взялъ тогда крысу за хвостъ и полетѣлъ съ нею; наконецъ онъ добрался туда, куда желалъ. Когда онъ приблизился къ пруду, въ которомъ находилась черепаха, та завидѣла ворона и съ нимъ крысу, и испугалась его, не зная, что (крыса) его другъ. Онъ позвалъ ее, она вышла къ нему и спросила его: «откуда ты прибылъ»? Тогда тотъ разсказалъ ей свою исторію, какъ онъ слѣдилъ за голубями и каковы были приключенія его и крысы до тѣхъ поръ пока они добрались до нея. Услышавъ (167) о поведеніи крысы, черепаха удивилась ея уму и добросовѣстности, она привѣтливо обошлась съ ней и спросила ее:

«что тебя привело въ эту страну»? Воронъ сказалъ крысѣ: «сообщи мнѣ о тѣхъ извѣстіяхъ, которыя ты намѣревалась передать мнѣ; разскажи мнѣ это тѣмъ болѣе, что спрашиваетъ и черепаха, а она вѣдь въ твоихъ глазахъ (должна занимать) мое положеніе». Тогда начала крыса, сказавъ: «Первое мое обитаніе было въ Мâдâуаратѣ, въ домѣ одного человѣка-отшельника; онъ не имѣлъ ни родныхъ, ни семьи; каждый день ему приносили корзинку кушаній: онъ съѣдалъ изъ нея сколько было ему нужно, а остальное вѣшалъ. Я обыкновенно наблюдала за отшельникомъ пока онъ выйдетъ, бросаясь тогда къ корзинкѣ: я не оставляла въ ней кушанья, котораго не съѣла-бы, и даже бросала его (другимъ) крысамъ. Отшельникъ старался нѣсколько разъ повѣсить корзинку на такомъ мѣстѣ, до котораго я не достала-бы, и не могъ этого (исполнить); наконецъ зашелъ къ нему въ одну ночь гость: они за кусили вмѣстѣ и за тѣмъ начали разговоръ. Отшельникъ спросилъ гостя: «изъ какой страны ты прибылъ и куда теперь желаешь направиться»? Онъ былъ человѣкъ обошедшій (всѣ) страны свѣта и видѣвшій чудеса. Итакъ онъ началъ разсказывать отшельнику о тѣхъ изъ странъ, которыя онъ исходилъ, и о чудесахъ, которыя онъ видѣлъ. Отъ времени до времени въ продолженіе этого (разговора) отшельникъ сталъ хлопать руками, чтобы отогнать меня отъ корзинки. Гость разсердился и сказалъ: «я тебѣ разсказываю, а ты насмѣхаешься надъ моимъ разсказомъ,—что̀ тебя заставило въ такомъ случаѣ спрашивать меня»? Отшельникъ просилъ у него извиненія (168) и сказалъ: «въ дѣйствительности я хлопаю руками для того, чтобы отогнать крысу; я уже недоумѣваю, что̀ съ ней дѣлать; что-бы я ни положилъ дома, она съѣстъ»? Гость спросилъ: «одна крыса дѣлаетъ это или-же много крысъ»? Отшельникъ отвѣтилъ: «домовыхъ крысъ много, но среди нихъ есть одна крыса, которая меня одолѣла: я не въ состояніи (придумать) противъ нея какого-нибудь средства». Гость сказалъ: «ты напомнилъ мнѣ слова того, кто сказалъ: «изъ-за *какого-нибудь повода* эта женщина промѣняла отшелушенный сезамъ на неотшелушенный». Отшельникъ спросилъ: «а какъ это было»?

Гость отвѣчалъ: «однажды я зашелъ къ одному человѣку въ такой-то мѣстности: мы поужинали; за тѣмъ мнѣ была постлана постель, а человѣкъ этотъ тоже завалился на своей

постели вмѣстѣ со своею женой; между мной и ими была тростниковая перегородка и я услышалъ, что при исходѣ ночи мужъ говоритъ своей женѣ: «я желаю пригласить завтра нѣсколько человѣкъ, чтобы они обѣдали у насъ: изготовь для нихъ кушанье». Жена возразила: «какъ ты пригласишь людей на обѣдъ, когда отъ твоей семьи не остается никакого излишка, да и ты не откладываешь ничего и не запасаешь»? Мужъ отвѣтилъ: «не горюй ни о чемъ, что̀ мы проѣли или израсходовали; право, исходъ копленія и собиранія запаса можетъ пожалуй оказаться подобнымъ исходу волка». Жена спросила: «а какъ это было»?

Мужъ отвѣчалъ: «передаютъ, что одинъ человѣкъ-охотникъ вышелъ изъ дома, съ нимъ былъ его лукъ и стрѣлы. Не отошелъ онъ далеко, какъ уже застрѣлилъ газель (169): онъ захватилъ ее и повернулъ назадъ, направляясь къ своему дому. Тутъ ему попалась дикая свинья: онъ выстрѣлилъ въ нее стрѣлою, которая вонзилась въ нее. Свинья нагнала его и такъ ударила своими клыками, что изъ руки его вылетѣлъ лукъ, и оба они упали мертвыми. Тогда подошелъ къ нимъ одинъ волкъ и сказалъ: «это человѣкъ, газель и свинья: пожираніе ихъ будетъ для меня достаточнымъ на долгое время; впрочемъ, начну-ка съ этой тетивы, съѣмъ ее: она будетъ моимъ дневнымъ пропитаніемъ. Итакъ онъ сталъ возиться съ тетивой пока наконецъ не разгрызъ ея. Когда-же она разорвалась и лопнула, конецъ лука отлетѣлъ (въ сторону), ударилъ его по горлу и онъ умеръ.

«На самомъ дѣлѣ я привелъ тебѣ эту басню для того, чтобы ты знала, что копленіе и собираніе запасовъ противны по послѣдствіямъ». Жена выразила: «очень хорошо, что ты сказалъ; впрочемъ у насъ (столько) риса и сезама, что хватитъ на шесть или на семь персонъ: завтра я (примусь) за изготовленіе кушаній, а ты пригласи кого ты желаешь». Вставши утромъ, жена взяла сезамъ, очистила его, за тѣмъ выставила его на солнце, чтобы онъ высохъ, и сказала мальчику: «отгоняй отъ него птицъ и собакъ», а сама жена всецѣло занялась своею работою. Мальчикъ отнесся нерадиво къ сезаму: пришла собака и что-то сдѣлала съ нимъ. Жена поэтому сочла его грязнымъ и не захотѣла приготовить изъ него кушанье. Она отправилась съ нимъ на рынокъ и взяла за него на обмѣнъ сезамъ неочищенный, рав-

ное за равное. Я стоялъ (въ то время) на рынкѣ, и одинъ человѣкъ сказалъ: «изъ-за какого-нибудь повода эта женщина промѣняла очищенный сезамъ за неочищенный».

Таковы-же и мои слова объ этой крысѣ, о которой (170) ты сказалъ, что и она на самомъ дѣлѣ безъ какой-либо причины не въ состояніи (дѣлать) то, въ чемъ ты на нее жаловался. Поищи мнѣ топоръ: пожалуй я разрою ея нору и тогда разсмотрю отчасти ея образъ дѣйствій.» Отшельникъ попросилъ топоръ въ одолженіе у одного изъ своихъ сосѣдей и принесъ его гостю. Въ то время я находилась въ чужой норѣ, а не въ своей, слушая ихъ слова; въ моей-же норѣ лежалъ кошелекъ, въ которомъ было сто дӣнâровъ: я не знала, кто его положилъ. Гость сталъ рыть пока наконецъ не дошелъ до дӣнâровъ; онъ взялъ ихъ и сказалъ отшельнику: «эта крыса имѣла силу прыгать туда, куда она прыгала, только благодаря этимъ дӣнâрамъ, потому что вѣдь деньги дѣлаются силою и подкрѣпленіемъ благоразумія и твердости. Ты увидишь, что послѣ этого она не будетъ въ состояніи прыгать туда, куда прыгала обыкновенно». Когда наступилъ слѣдующій день, крысы, которыя были вмѣстѣ со мной, собрались и сказали: «на насъ напалъ голодъ, а ты наша надежда». Тогда я вмѣстѣ съ крысами отправилась къ тому мѣсту, съ котораго я обыкновенно прыгала на корзинку: я пыталась (сдѣлать) это нѣсколько разъ, и не могла. Тогда крысамъ стала ясною убыль моего положенія. Я услыхала, что онѣ говорятъ: «удалимся отъ нея и не будемъ желать того, чтò у нея: мы дѣйствительно видимъ ее въ такомъ положеніи, при которомъ, мы полагаемъ, она нуждается только въ томъ, кто-бы о ней заботился.» Итакъ, онѣ покинули меня, пристали къ моимъ врагамъ и стали меня хулить у тѣхъ, кто питаетъ ко мнѣ враждебныя чувства и завидуетъ мнѣ. Я сказала тогда въ своей душѣ: «нѣтъ братьевъ, нѣтъ (171) помощниковъ, нѣтъ друзей какъ только при деньгахъ; я нашла, что тотъ, у кого нѣтъ денегъ, когда желаетъ что-нибудь исполнить, отсутствіе (денегъ) препятствуетъ ему исполнить то, чего онъ желаетъ, подобно тому какъ вода, остающаяся въ долинахъ отъ зимнихъ дождей, не можетъ уйти въ рѣки, а равно и не стекаетъ къ одному мѣсту: ее всасываетъ окружающая земля. Я нашла, у кого нѣтъ друзей, у того нѣтъ и родственниковъ; кто не имѣетъ дѣтей, не имѣетъ по

себѣ памяти; у кого нѣтъ денегъ, нѣтъ у того ума, да и міръ здѣшній, какъ и загробная жизнь, не принадлежатъ ему: потому что, когда человѣкъ обѣднѣетъ, его родственники и друзья порываютъ съ нимъ связи. Дерево, растущее на солончаковой почвѣ, пожираемое со всѣхъ сторонъ, похоже на положеніе бѣдняка, который нуждается въ томъ, что̀ находится въ рукахъ людей. Я нашла бѣдность началомъ всякой бѣды, накликивающею на своего хозяина всякія невзгоды, а равно источникомъ сплетенъ; я нашла, что когда человѣкъ обѣднѣетъ, его подозрѣваетъ тотъ, кто обыкновенно ему довѣрялъ и начинаетъ о немъ думать дурно тотъ, кто обыкновенно думалъ о немъ хорошо. Если сдѣлаетъ преступленіе кто-нибудь другой, *онъ* становится предметомъ подозрѣнія; и нѣтъ качества, которое небыло-бы для богатаго похвалою и не было-бы для бѣднаго порокомъ: если онъ отваженъ, онъ зовется ошалѣлымъ; если онъ щедръ, зовется расточительнымъ; если онъ кротокъ, зовется слабымъ, а если онъ почтителенъ, зовется пассивнымъ. Смерть поэтому легче, чѣмъ нужда, которая принуждаетъ своего хозяина къ выпрашиванію, а въ особенности, выпрашиванію у скрягъ и ничтожныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, если даже благородному будетъ предписано ввести свою руку въ пасть ехидны, извлечь изъ нея ядъ и проглотить его, это будетъ (172) для него легче и желательнѣе, нежели выпрашиваніе у ничтожнаго скупца. Я видѣла гостя, когда онъ взялъ дӣнāры; онъ подѣлился ими съ отшельникомъ, а отшельникъ, когда наступила ночь, положилъ свою долю въ мѣшкѣ у своего изголовья. Я очень желала захватить изъ нея что-нибудь и возвратить это въ свою нору; я разсчитывала, что это подкрѣпитъ мои силы и что нѣкоторые изъ моихъ друзей вернутся (тогда) ко мнѣ. Я стала подходить къ отшельнику, въ то время какъ онъ спалъ, пока не подошла къ его изголовью; но я нашла гостя бодрствующимъ съ палкою въ рукѣ: онъ больно ударилъ меня по головѣ; я устремилась къ своей норѣ. Когда у меня стихла боль, алчность и жадность стали меня подбивать. Я вышла тогда съ желаніемъ подобнымъ первому желанію. Гость подкараулилъ меня и такъ ударилъ меня палкой, что съ меня потекла кровь (ручьями); я (добѣжала) до своей норы, перевертываясь со спины на животъ, и упала безъ сознанія. Доставшаяся мнѣ боль за-

ставила меня возненавидѣть деньги до такой степени, что я не могу слышать упоминанія о нихъ безъ того, чтобы въ меня не проникли отъ упоминанія денегъ дрожь и трепетъ. Послѣ того я поразмыслила и нашла, что бѣду въ мірѣ, въ дѣйствительности, приводятъ алчность и жадность, а между тѣмъ житель міра постоянно вращается среди невзгодъ, усердія и рвенія; я нашла, что даже предпринять отдаленныя путешествія въ поискахъ по міру для меня легче, нежели протягивать свою руку къ щедрому за деньгами, (а тѣмъ болѣе къ скупому), и (лучшаго) какъ примиреніе я не увидѣла ничего (173). Моимъ принципомъ тогда сдѣлалось примириться, быть довольною и переселиться изъ дома отшельника въ пустыню; а у меня былъ другъ (одинъ) изъ голубей: дружба его ко мнѣ повела за собою также дружбу ворона. За тѣмъ воронъ разсказалъ мнѣ, что̀ за любовь существуетъ между тобою и имъ, и сообщилъ мнѣ, что желаетъ придти къ тебѣ. Я согласилась идти къ тебѣ вмѣстѣ съ нимъ; мнѣ не нравилось уединеніе. Дѣйствительно, ничто изъ радостей міра не сравнится съ сообществомъ друзей,—нѣтъ также въ немъ печали, которая сравнилась-бы съ удаленіемъ отъ нихъ. Я испытала и знаю, что не слѣдуетъ (искать) ищущему у міра (ничего) другого какъ насущныхъ потребностей, которыми отвращается отъ него непріятность, а это именно — незначительное количество ѣды и питья, въ томъ случаѣ, когда онъ поддерживается здоровьемъ и волею, и еслибы даже человѣку былъ подаренъ міръ со всѣмъ тѣмъ, что̀ въ немъ находится, онъ все-же воспользовался-бы изъ этого только малымъ, чѣмъ онъ защитилъ-бы себя отъ нужды. Итакъ я отправилась вмѣстѣ съ ворономъ къ тебѣ на основаніи этого мнѣнія; я тебѣ другъ, пусть поэтому сообразно съ этимъ будетъ въ твоихъ глазахъ и мое положеніе.» Когда крыса окончила свою рѣчь, черепаха отвѣтила ей нѣжными словами, сказавъ: «я выслушала твою рѣчь; какъ хорошо то, что̀ ты сказала, тѣмъ не менѣе я замѣтила, что ты сохранила еще въ своей душѣ остатки неудачъ. Знай, что красота рѣчи довершается только красотою поступковъ. Конечно, если больной знаетъ лекарство отъ своей болѣзни, но тѣмъ не менѣе не лечится имъ, знаніе его объ немъ совсѣмъ не доставляетъ ему облегченія и онъ не (174) найдетъ ни покоя, ни облегченія отъ болѣзни: примѣни къ дѣлу свой разсудокъ и не печалься о малости денегъ. Вѣдь человѣкъ

энергичный уважается и безъ денегъ, подобно льву, который уважаемъ, если даже онъ сидитъ на корточкахъ. Между тѣмъ какъ богатый, у котораго нѣтъ энергіи, презираемъ, хотя-бы онъ былъ многоимущимъ—подобно собакѣ: съ ней не станутъ обращаться почтительно, если даже она одѣта въ ожерелья и браслеты. Поэтому пусть не кажется тебѣ ужаснымъ твоя жизнь на чужбинѣ: вѣдь для умнаго нѣтъ чужбины, подобно льву, который не можетъ переселиться безъ того, чтобы сила его не была съ нимъ. Рекомендуй себя хорошо: когда ты исполнишь это, къ тебѣ придетъ добро въ поискахъ за тобою, подобно тому какъ вода ищетъ себѣ теченія сверху внизъ. Разумѣется, преимущества назначаются солидному, дальновидному; что-же касается лѣниваго, колеблющагося, то преимущества ему не сообщаются, подобно тому какъ молодой женщинѣ не можетъ быть пріятнымъ общество преклоннаго старика. Говорятъ о вещахъ, у которыхъ нѣтъ постоянства и устойчивости: тѣни облаковъ во время лѣта, дружба съ дурными людьми, любовь женщинъ, сообщеніе лжеца и большое богатство; умнаго-же не печалитъ малость послѣдняго; напротивъ, его деньги, это—его умъ и совершаемые имъ добропорядочные поступки: онъ увѣренъ, что у него не ограбятъ того, что̀ онъ сдѣлалъ, а также, что онъ не будетъ отвѣтственъ за что-нибудь, чего онъ не дѣлалъ; ему подобаетъ не относиться безпечно къ вопросу о своей будущей жизни, такъ какъ вѣдь смерть приходитъ только внезапно, нѣтъ для нея назначеннаго времени. Тебѣ впрочемъ лишне мое увѣщаніе, благодаря знанію, которое у тебя есть. Однако я желаю исполнить долгъ по отношенію къ тебѣ: ты нашъ братъ и что̀ у насъ есть, будетъ тебѣ (175) отдано». Воронъ, выслушавъ слова черепахи къ крысѣ, ея возраженія и обхожденіе съ ней, обрадовался этому и сказалъ: «ты обрадовала и облагодѣтельствовала меня; слѣдуетъ тебѣ обрадовать также и себя (чѣмъ-нибудь) подобнымъ тому, чѣмъ ты обрадовала меня. Теперь, самый лучшій изъ обитателей| этого міра тотъ, чье жилище постоянно населено его друзьями и пріятелями изъ среды людей порядочныхъ и у котораго постоянно бываетъ общество изъ нихъ: онъ веселитъ ихъ, а они радуютъ его, и онъ самъ находится въ наблюденіи за ихъ дѣлами и интересами: вѣдь когда благородный человѣкъ спотыкается, его берутъ

за руку только благородные,—подобно слону: когда онъ завязнетъ, его вытаскиваютъ только слоны.» Въ то время какъ воронъ (произносилъ) свою рѣчь, вдругъ къ нимъ стремясь приблизилась газель. Черепаха испугалась и нырнула въ воду, крыса ушла въ свою нору, а воронъ улетѣлъ и спустился на дерево. За тѣмъ воронъ взвился къ небу, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли у газели преслѣдователя, и ничего (такого) не увидѣлъ. Онъ позвалъ тогда крысу и черепаху; тѣ вышли, и черепаха сказала газели, когда увидѣла ее смотрящею на воду: «пей, если у тебя есть жажда и не бойся, такъ какъ тебѣ нечего пугаться». Газель приблизилась; черепаха привѣтливо ее встрѣтила, поздоровалась съ нею и спросила ее: «откуда ты прибыла»? Та отвѣчала: «я обыкновенно находилась въ этой равнинѣ: наѣздники постоянно сгоняли меня съ одного мѣста въ другое; наконецъ я увидѣла сегодня какой-то призракъ [1]) и испугалась, (думая) что это охотникъ» (176). (Черепаха) сказала: «не бойся: мы тутъ никогда не видѣли охотника; мы предлагаемъ тебѣ нашу любовь и мѣстность; у насъ въ изобиліи вода и пастбище: примкни къ нашему обществу.» Газель поселилась съ ними. У нихъ была виноградная бесѣдка, въ которой они собирались, разговаривая о происшедшемъ и случившемся. Однажды, въ то время какъ воронъ, крыса и черепаха находились въ виноградной бесѣдкѣ, газель отсутствовала; ее ожидали съ часу на часъ, а она не приходила. Когда она замедлила, они стали ее жалѣть, не случилось-ли съ ней какого нибудь несчастія. Тогда крыса и черепаха сказали ворону: «посмотри, не увидишь ли чего-нибудь вблизи насъ». Воронъ поднялся къ небу: онъ поглядѣлъ, и вотъ газель (лежитъ) въ сѣтяхъ, пойманная. Онъ поспѣшно спустился и сообщилъ это имъ обѣимъ. Тогда черепаха и воронъ сказали крысѣ: «въ этомъ дѣлѣ нѣтъ надежды ни на кого кромѣ тебя: итакъ помоги своему другу». Крыса пошла поспѣшно и, пришедши къ газели, спросила ее: «какъ ты попала въ эту напасть въ то время какъ ты (принадлежишь) къ проницательнымъ»? Газель отвѣчала: «развѣ проницательность избавляетъ отъ предопредѣленія»? Пока они разговаривали, вдругъ къ нимъ пришла

---

[1]) Въ текстѣ Silv. de Sacy здѣсь стоитъ شيخ šayḫ старикъ, въ то время какъ въ Бейрутск. изд. شبح šabaḥ призракъ, что и болѣе требуется смысломъ.

черепаха. Газель сказала: «какъ это тебя угораздило придти къ намъ. Дѣйствительно, если охотникъ доберется до насъ, а крыса при томъ разгрызетъ сѣти, я обгоню его бѣгомъ; у крысы есть много норъ, воронъ летаетъ, а ты — тяжелая, нѣтъ тебѣ ни ходу, ни движенія; я опасаюсь охотника за тебя.» Та отвѣчала (177): «не существуетъ жизни при разлукѣ съ друзьями; когда другъ разлучается со своимъ другомъ, у него похищается его сердце, онъ лишается своего веселія, а зрѣніе его помрачается». Она не довела еще до конца своей рѣчи, какъ уже пришелъ охотникъ. Это совпало съ окончаніемъ разгрызанія крысою сѣти: газель спаслась сама собою, воронъ полетѣлъ, поднимаясь въ вышину, крыса вошла въ одну изъ своихъ норъ, и осталась только черепаха. Приблизился охотникъ и нашелъ свои веревки разгрызенными; онъ посмотрѣлъ направо и налѣво и нашелъ только черепаху, которая ползала: онъ взялъ ее и связалъ. Не прошло много времени, какъ воронъ, крыса и газель уже соединились; они видѣли, что охотникъ связалъ черепаху, и ихъ печаль вслѣдствіе этого усилилась. Крыса сказала: «я вижу, что мы миновали послѣдствія бѣды, только попавшись еще въ болѣе жестокую, чѣмъ та; правду говорилъ тотъ, кто сказалъ: «человѣкъ все шествуетъ въ счастіи пока только не споткнется; когда-же споткнулся, его спотыканіе учащается, хотя-бы онъ шелъ по ровной землѣ; моя забота принадлежитъ черепахѣ, лучшей изъ друзей, дружба которой (проистекаетъ) не изъ-за вознагражденія и не изъ-за исканія возмездія, но, напротивъ, ея дружба благородная и честная, — дружба, болѣе совершенная, чѣмъ привязанность родителя къ своему сыну, — дружба, которую прекращаетъ только смерть. Горе тому тѣлу, которымъ овладѣваетъ несчастіе, которое безпрерывно находится въ измѣненіи и переходѣ, у котораго ничто не бываетъ постояннымъ, — ничто съ нимъ не пребудетъ долго, подобно тому какъ не бываетъ постояннымъ восходъ у восходящей звѣзды, ни заходъ у заходящей (178) изъ нихъ; напротивъ, восходящая изъ нихъ не перестаетъ быть заходящею, а заходящая — восходящею. Точно такъ-же страданія отъ язвъ и возобновленія ранъ подобны тому, у кого гноятся язвы вслѣдствіе потери его друзей, послѣ его сообщества съ ними». Тогда газель и воронъ сказали крысѣ: «на самомъ дѣлѣ наше опа-

сеніе и твое, а равно и твоя рѣчь, хотя она и краснорѣчива, все-же ничего не облегчаютъ черепахѣ. Это подобно тому какъ говорится: на самомъ дѣлѣ люди испытываются при бѣдѣ, довѣренный — при взятіи и отдачѣ, родственники и дѣти — при нуждѣ, и друзья—при несчастіяхъ». Крыса отвѣтила: «я вижу (одинъ) изъ способовъ, — отправиться къ ней тебѣ, о газель, и попасть на видъ охотнику, точно ты раненая; воронъ спустится на тебя, какъ будто (намѣреваясь) пожирать тебя, а я пойду и буду находиться близь охотника, наблюдая за нимъ: можетъ быть онъ броситъ находящіяся съ нимъ орудія, оставитъ черепаху и направится къ тебѣ, жадный до тебя, надѣясь тебя захватить. Когда-же онъ приблизится къ тебѣ, ты бѣги отъ него потихоньку такъ, чтобы не прервалась-бы его надежда (поймать) тебя; предоставляй ему себя для ловли одинъ разъ за другимъ, такъ чтобы въ концѣ-концовъ онъ удалился отъ насъ; поступай съ нимъ приблизительно такимъ образомъ, насколько ты въ состояніи. Я надѣюсь, что онъ не возвратится раньше, какъ я уже разгрызу сѣти у черепахи и спасусь съ ней». Тогда воронъ и газель сдѣлали то, что приказывала крыса. Охотникъ сталъ ихъ преслѣдовать, а газель завлекала его такъ, что наконецъ отдалила (его) отъ крысы и черепахи (179); крыса же приступила къ разгрызанію сѣтей, наконецъ разгрызла ихъ и спаслась съ черепахой. Вернулся охотникъ, утомленный, изнуренный и нашелъ свои сѣти разгрызенными; онъ поразмыслилъ о своемъ поступкѣ съ хитроумною газелью и счелъ, что онъ помѣшался въ своемъ умѣ. Подумалъ онъ о поступкахъ газели и ворона, который какъ будто пожиралъ ее, (подумалъ) о грызеніи его сѣтей, и стала ему докучать эта земля; онъ сказалъ: «это земля бѣсовъ или колдуновъ» и вернулся обратно, ничего не выискивая и ни на что не обращая вниманія. Воронъ же, газель, крыса и черепаха собрались въ своей бесѣдкѣ невредимые, спокойные, въ прекрасномъ положеніи, въ какомъ они находились (раньше).

Такъ какъ эти твари, несмотря на свою малость и слабость, были въ состояніи освободиться изъ гибельныхъ узъ разъ за разомъ, благодаря своей любви, искренности, твердости своего сердца и ихъ взаимному пользованію другъ другомъ, то и человѣку, которому данъ умъ и способность понимать, кото-

рый надѣленъ познаніемъ добра и зла и одаренъ способностью различать и познавать, тѣмъ болѣе достойно и пригоже жить въ согласіи и дружбѣ. Это примѣръ задушевныхъ друзей и ихъ взаимныхъ отношеній въ общежитіи.

Кончилась глава о голубѣ-вяхирѣ.

(180) ГЛАВА О СОВАХЪ И ВОРОНАХЪ.

Царь Дабшалим̂ъ сказалъ философу Байдаба̂: «я уже слышалъ притчу объ искренныхъ друзьяхъ и взаимной помощи. Разскажи мнѣ теперь притчу о врагѣ, относительно котораго не надо заблуждаться, хотя онъ и показываетъ преданность и лесть». Философъ отвѣчалъ: «кто обольщается врагомъ, который не перестаетъ быть врагомъ, съ тѣмъ случается то, что постигло совъ со стороны вороновъ». Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Байдаба̂ отвѣчалъ: «передаютъ, что на одной изъ горъ было дерево изъ (породы) большихъ, въ которомъ находились гнѣзда тысячи вороновъ; надъ ними былъ правитель изъ среды ихъ. Около этого дерева была пещера, въ которой находилась тысяча совъ; надъ ними также былъ правитель изъ ихъ среды. Царь совъ выступилъ въ одинъ изъ своихъ набѣговъ и нападеній; въ душѣ у него было (намѣреніе) напасть на царя вороновъ, а въ душѣ вороновъ и ихъ царя то-же самое относительно совъ. Итакъ царь совъ, въ сопровожденіи своихъ сподвижниковъ, напалъ на вороновъ въ ихъ гнѣздахъ. Онъ убилъ и плѣнилъ изъ нихъ много индивидуумовъ [нападеніе было ночью]. Когда утромъ вороны поднялись, они собрались къ своему царю и сказали ему: «ты знаешь, что̀ мы встрѣтили этою ночью со стороны царя совъ, и нѣтъ изъ насъ никого, кто не оказался-бы утромъ убитымъ, раненымъ, съ перебитыми крыльями, общипанными перьями или съ вырваннымъ хвостомъ (181); но самое важное, что̀ принесло намъ вредъ, это—смѣлость ихъ противъ насъ и знаніе ими нашего мѣстопребыванія, и теперь они вернутся къ намъ, не отставая отъ насъ, благодаря своему знанію нашего мѣстонахожденія. Конечно, мы принадлежимъ тебѣ, о царь; итакъ подумай о насъ и о себѣ.» Среди вороновъ было пятеро, за которыми признавалась прекрасная разсудительность, на которыхъ опирались въ дѣлахъ и которымъ вручали бразды правленія; царь часто совѣтовался съ ними въ дѣлахъ и поступалъ согласно ихъ мнѣнію при происшествіяхъ и неожи-

данностяхъ. Итакъ царь спросилъ у перваго изъ пяти: «каково твое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ»? Тотъ отвѣчалъ: «мнѣніе, въ которомъ насъ уже опередили ученые, а это именно то, что̀ они говорятъ: отъ сердитаго врага нѣтъ иного (способа), кромѣ бѣгства отъ него». Царь спросилъ втораго: «каково *твое* мнѣніе въ этомъ дѣлѣ»? Тотъ отвѣчалъ: «мнѣніе мое тоже, что мнѣніе этого, именно бѣгство». Царь сказалъ: «то, что вы оба думаете, мнѣ не кажется (хорошимъ) планомъ: переселяться изъ нашей родины и оставить ее нашему врагу изъ-за перваго несчастія, которое мы испытали отъ него,— это намъ не годится. На оборотъ, приемъ рѣшеніе,—изготовимся на нашего врага, зажжемъ огонь войны между нами и нашимъ врагомъ, но будемъ остерегаться нападенія; когда-же онъ выступитъ на насъ, встрѣтимъ его готовыми и сразимся съ нимъ въ битвѣ, не обращаясь въ ней назадъ и не отступая. Наши ряды встрѣтятъ ряды врага, и мы будемъ находить охрану въ нашихъ укрѣпленіяхъ и будемъ защищаться отъ нашего врага то терпѣніемъ, то военными дѣйствіями, пока не встрѣтимъ удобнаго случая (182) и не исполнимъ своего намѣренія: тогда мы уже отвратимъ отъ насъ своего врага». Послѣ того царь спросилъ у третьяго: «а ты, каково *твое* мнѣніе»? Тотъ отвѣчалъ: «что̀ сказали они оба—мнѣ не кажется (хорошимъ) планомъ; напротивъ, устремимъ свои глаза, пошлемъ шпіоновъ и отправимъ соглядатаевъ между нами и нашимъ врагомъ: мы узнаемъ тогда, желаетъ-ли онъ мира или нѣтъ, желаетъ-ли онъ войны или онъ желаетъ выкупа. Итакъ, если мы увидимъ, что его намѣреніе, это—намѣреніе жаднаго до денегъ, мы не станемъ гнушаться мира за дань, которую мы будемъ платить ему каждый годъ, благодаря которой мы защитимъ свои души и будемъ въ спокойствіи на своей родинѣ; вѣдь свойственно разсудительности царей,—въ случаѣ если могущество ихъ врага усилилось и они опасаются его за себя и за свою страну,—превращать достояніе свое въ щитъ страны, власти и подданныхъ.» Царь спросилъ четвертаго: «а твое мнѣніе объ этомъ мирѣ»? Тотъ отвѣчалъ: «я не считаю его (хорошимъ) планомъ; но разстаться намъ со своею родиною и терпѣть чужбину и суровый образъ жизни лучше, нежели потерять свое достоинство и покориться врагу, котораго мы превосходимъ благородствомъ, тѣмъ болѣе

что совы, если мы и предложимъ имъ это, примирятся съ нами только на непомѣрныхъ условіяхъ. Въ пословицахъ говорится: приближайся къ своему врагу (только) отчасти, чтобы достигнуть съ его стороны своихъ интересовъ, но не приближайся къ нему сполна: тогда онъ отважится на тебя, ослабитъ твою армію и унизитъ тебя; подобіемъ этому служитъ примѣръ бревна, вбитаго на солнцѣ: когда ты наклонишь его немного, его тѣнь увеличивается, когда же ты перейдешь мѣру въ (183) наклоненіи его, тѣнь уменьшается. Впрочемъ нашъ врагъ не удовлетворится съ нашей стороны ничтожнымъ приближеніемъ; поэтому разсудительность (требуетъ) отъ насъ и отъ тебя войны». Царь спросилъ пятаго: «что̀ скажешь ты и что̀ *ты* думаешь: сраженіе, миръ или оставленіе родины»? Тотъ отвѣчалъ: «что касается сраженія, то нѣтъ возможности человѣку сражаться съ тѣмъ, противъ кого у него нѣтъ силы. Говорится: кто не знаетъ себя и своего врага и сражается съ тѣмъ, противъ кого у него нѣтъ силы, тотъ ведетъ свою душу на ея смерть; сверхъ того, умный не считаетъ врага ничтожнымъ: вѣдь кто считаетъ своего врага ничтожнымъ, тотъ заблуждается въ немъ, а кто заблуждается въ своемъ врагѣ, тотъ не уцѣлѣетъ отъ него. Я сильно боюсь совъ, если бы даже онѣ уклонились отъ сраженія съ нами; я ихъ боялся и раньше этого. Въ самомъ дѣлѣ, солидный человѣкъ не бываетъ спокоенъ относительно своего врага при всякомъ положеніи: если послѣдній далекъ, онъ не спокоенъ отъ нападенія издалека; если тотъ близокъ, онъ не спокоенъ отъ внезапнаго нападенія; если тотъ одинокъ, онъ не спокоенъ отъ его козней. Солидные и проницательные люди тѣ, кто гнушается сраженія изъ-за расходовъ во время его. Дѣйствительно, вѣдь (здѣсь) не говоря уже о самомъ сраженіи (требуется) расходованіе денегъ, умовъ и дѣятельности; при самомъ-же сраженіи бываетъ расходъ душъ и тѣлъ. Итакъ пусть не будетъ о царь, твоимъ мнѣніемъ сраженіе съ совами: въ самомъ дѣлѣ, кто сражается съ тѣмъ, противъ кого у него нѣтъ силы, тотъ обольщаетъ самого себя. Поэтому, когда царь бываетъ сохраняющимъ тайны, хорошо выбирающимъ министровъ, уважаемымъ въ глазахъ людей, далекимъ отъ того, чтобы были въ состояніи ему что-нибудь сдѣлать, — естественно, что у него не (184) отнимается то истинное благо, которымъ онъ снабженъ: ты, о царь, таковъ.

Ты спросилъ моего отвѣта въ одномъ дѣлѣ; отвѣтъ тебѣ съ моей стороны будетъ отчасти возвѣщеніемъ, отчасти тайною. У таинъ есть (различныя) состоянія: (одно) изъ нихъ то, когда онъ доводитъ до ея (знанія) сановниковъ; (другое) изъ нихъ то, когда онъ проситъ въ ней помощи у людей; (третье) изъ нихъ то, когда онъ доводитъ до ея (знанія) двухъ человѣкъ. Я же считаю для этой тайны сообразнымъ съ ея значеніемъ сдѣлать въ ней участниками только четыре уха и два языка». Тутъ царь тотчасъ поднялся, уединился съ нимъ и сталъ спрашивать о его совѣтѣ. Первое, что̀ онъ спросилъ его, было то, что онъ сказалъ ему: «знаешь-ли ты начало вражды между нами и совами»? Тотъ отвѣчалъ: «да, одно слово, которое сказалъ воронъ». Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Воронъ отвѣчалъ: «передаютъ, что одна община журавлей приняла намѣреніе дать надъ собою власть совѣ. Пока они еще были въ сборѣ, къ нимъ спустился одинъ воронъ. Они тогда сказали: «еслибы этотъ воронъ пришелъ къ намъ, мы попросили-бы у него совѣта о нашемъ дѣлѣ». Не долго они прождали, какъ воронъ уже пришелъ къ нимъ. Они попросили у него совѣта. Тотъ отвѣтилъ: «еслибы всѣ птицы перевелись во (всѣхъ земныхъ) климатахъ и исчезли-бы павлины, утки, страусы и голуби, и то вы не были-бы принуждены дать надъ собою власть совѣ, которая — самая гнусная изъ птицъ по виду, самая дурная изъ нихъ по нраву, самая ничтожная по уму, самая свирѣпая по гнѣву и дальше всѣхъ отъ всякаго состраданія (185), не говоря уже о ея слѣпотѣ и свойственной ей слабости зрѣнія днемъ; а самое сильное изъ (всего) этого и самое гнусное изъ ея свойствъ, это—ея тупость и злостность ея нрава. Развѣ только тогда вздумайте дать ей власть, если сами будете распоряжаться дѣлами, какъ сдѣлалъ заяцъ, и послѣ того сталъ поступать согласно съ собственнымъ мнѣніемъ». Птицы спросили: «а какъ это было»?

Воронъ отвѣчалъ: «передаютъ, что въ одной изъ странъ въ продолженіе многихъ лѣтъ находились слоны. (Эта страна) терпѣла неурожай, ея воды убавились, источники ея изсякли, растительность была повреждена и деревья засохли. Тогда на слоновъ напала сильная жажда; они стали жаловаться на это своему царю. Царь послалъ тогда своихъ посланцевъ и развѣдчиковъ

искать воду во всѣхъ окраинахъ. Одинъ изъ посланцевъ возвратился къ нему и сообщилъ ему: я нашелъ въ такомъ-то мѣстѣ одинъ источникъ, называемый Источникомъ Луны, обильный водою». Царь слоновъ со своими приближенными отправился къ тому источнику, чтобы напиться изъ него самому и его слонамъ. Источникъ находился въ землѣ, принадлежавшей зайцамъ: они наступили на зайцевъ въ ихъ норахъ и погубили ихъ много. Тогда (зайцы) собрались къ своему царю и сказали ему: «ты, конечно, знаешь, чтѣ насъ постигло со стороны слоновъ». Онъ отвѣчалъ: «пусть каждый имѣющій мнѣніе предложитъ свой планъ». Тогда приступилъ одинъ изъ зайцевъ, называемый Файрӯзъ [а царь зналъ о его превосходной сообразительности и образованности] и сказалъ: «(что) если бы царь заблагоразсудилъ послать меня (186) къ слонамъ и отправить вмѣстѣ со мною какого-нибудь довѣреннаго, чтобы онъ видѣлъ и слышалъ чтѣ я говорю и донесъ-бы за тѣмъ это царю». Царь ему отвѣчалъ: «ты вѣрный; мы будемъ довольны твоими словами: отправляйся къ слонамъ и доложи отъ меня чтѣ ты желаешь, но знай, что посолъ своею сообразительностью, умомъ, мягкостью и совершенствомъ своимъ говоритъ объ умѣ пославшаго; поэтому держись мягкости и обходительности. Вѣдь когда посолъ деликатенъ, онъ смягчаетъ сердца; когда-же онъ неумѣлъ, онъ ожесточаетъ сердца». За тѣмъ заяцъ отправился въ путь въ одну лунную ночь. Наконецъ онъ дошелъ до слоновъ, но не хотѣлъ приблизиться къ нимъ изъ опасенія, что они наступятъ на него своими ногами и умертвятъ его, если даже и не будутъ имѣть (подобнаго) намѣренія. Послѣ того онъ взобрался на гору и вызвалъ царя слоновъ, сказавъ ему: «а меня послала къ тебѣ луна; только посолъ не бываетъ укоряемъ за то, чтѣ онъ докладываетъ, хотя-бы даже былъ грубъ на словахъ». Царь слоновъ спросилъ: «что у тебя за посланіе»? Онъ сказалъ: «она (луна) говоритъ тебѣ: кто сознаетъ превосходство своей силы надъ слабыми и вслѣдствіе этого самъ пренебрегаетъ сильными, сила того будетъ ему помѣхой. Ты созналъ превосходство своей силы надъ четвероногими, и это тебя сдѣлало заносчивымъ: ты отправился къ источнику, который называется моимъ именемъ, напился изъ него и замутилъ его». Поэтому она (луна) послала меня уговорить тебя не повторять того-же самаго. Дѣйствительно, если ты

сдѣлаешь это, твой взоръ померкнетъ и твоя душа погибнетъ. «Если ты находишься въ сомнѣніи относительно моего посольства, пойдемъ къ (187) источнику сейчасъ-же: я назначаю тебѣ у него свиданіе». Царь слоновъ, удивившись словамъ зайца, отправился къ источнику вмѣстѣ съ посланникомъ Файрӯзомъ. Посмотрѣвъ въ него, онъ увидѣлъ въ немъ отраженіе луны. Тогда посланникъ Файрӯзъ сказалъ ему: «захвати воды своимъ хоботомъ, умой ею свое лицо и преклонись предъ луною». Слонъ ввелъ свой хоботъ въ воду; этимъ онъ привелъ ее въ движеніе и ему представилось, что луна дрожитъ. Онъ спросилъ тогда: «что это съ луной,— она дрожитъ? Не думаешь-ли ты, что она гнѣвается на мое прикосновеніе къ водѣ своимъ хоботомъ»? Заяцъ Файрӯзъ отвѣчалъ: «да». Тогда слонъ преклонился предъ луной другой разъ, принося ей покаяніе въ томъ, что̀ онъ сдѣлалъ и поставилъ условіемъ, что ни онъ, ни одинъ изъ слоновъ не повторятъ того же самаго».

Воронъ говорилъ (дальше): «сверхъ того, что я уже сказалъ о свойствахъ совы, у нея, въ самомъ дѣлѣ, есть коварство, хитрость и вѣроломство. Кто-же по несчастію служитъ вѣроломному, съ тѣмъ случается то, что̀ постигло зайца и (птицу) сифридъ, когда они оба судились у кошки». Журавли спросили: «а какъ это было»?

Воронъ отвѣчалъ: «у меня былъ сосѣдомъ одинъ изъ сифридовъ, (жившій) у корня дерева, недалекаго отъ моего гнѣзда; наши сношенія были часты. За тѣмъ я потерялъ его (изъ виду) и не зналъ куда онъ исчезъ. Его отсутствіе продолжалось долго. Пришелъ къ жилью сифрида одинъ заяцъ и поселился въ немъ. Я не захотѣлъ спорить съ зайцемъ (188), и онъ провелъ въ немъ нѣкоторое время. За тѣмъ, послѣ нѣкотораго времени, сифридъ возвратился; онъ вошелъ въ свое жилье и нашелъ въ немъ зайца. Онъ сказалъ ему: «это мѣсто мое: переселяйся изъ него». Заяцъ-же возразилъ: «жилье — мое и въ моихъ рукахъ, а ты только заявляешь на него притязаніе: итакъ, если право за тобою, то прими противъ меня мѣры». Сифридъ отвѣчалъ: «недалеко отъ насъ есть судья: отправимся вмѣстѣ къ нему». Заяцъ спросилъ: «а кто этотъ судья»? Сифридъ сказалъ: «на берегу моря есть одна кошка, она не вредитъ животнымъ и не проливаетъ крови; пропитаніе ея со-

стоитъ изъ травы и того, что̀ къ ней выбрасываетъ море. Итакъ, если тебѣ угодно, будемъ судиться у нея и примиримся черезъ ея (посредство)». Заяцъ отвѣчалъ: «какъ мнѣ не удовлетвориться ею, если она такова, какъ ты описалъ»! Тогда они отправились оба къ ней, а я послѣдовалъ за ними, чтобы посмотрѣть на судъ. За тѣмъ они отправились къ ней. Когда кошка завидѣла приближающихся къ ней зайца и сифрида, она поднялась, ставъ на молитву, молясь и показывая умиленіе и набожность. Они удивились ея образу жизни, который они увидѣли, приблизились къ ней съ уваженіемъ, сказали ей привѣтствіе и просили разсудить между ними. Она приказала имъ разсказать себѣ ихъ исторію: они исполнили (это). Тутъ она сказала имъ: «меня постигла старость и уши мои отяжелѣли: приблизьтесь поэтому ко мнѣ и дайте мнѣ слышать, что̀ вы говорите». Они подошли къ ней ближе, повторили свой разсказъ и просили у нея суда. Она отвѣчала: «я понимаю то, что̀ вы говорите; только прежде разбирательства между вами я начну (189) съ наставленія вамъ: я призываю васъ къ набожности и исканію только истины. Дѣйствительно, ищущій истины, это—тотъ, кто достигаетъ успѣха, хотя-бы судъ былъ и противъ него, между тѣмъ какъ ищущій суеты бываетъ оспариваемъ, хотя даже судъ былъ въ его пользу. Для человѣка міра сего нѣтъ ничего (дѣйствительнаго) въ его жизни, ни денегъ, ни друга, кромѣ праведныхъ поступковъ, которые онъ совершитъ. Человѣку ума подобаетъ, чтобы его стремленіе (заключалось) въ исканіи того, что̀ остается, и польза чего на слѣдующій день обращается на него самого и при томъ чувствовать отвращеніе къ мірскимъ дѣламъ, находящимся внѣ этого. Въ самомъ дѣлѣ, значеніе денегъ въ глазахъ человѣка умнаго находится на одномъ уровнѣ съ грязью; значеніе женщинъ, которыми онъ обладаетъ, — на одномъ уровнѣ съ опасными ехиднами, и положеніе людей по отношенію къ тому добру, котораго онъ желаетъ имъ, и тому злу, котораго онъ не желаетъ, въ его глазахъ находится на одномъ уровнѣ съ самимъ собою». За тѣмъ, кошка продолжала разсказывать въ этомъ родѣ и тому подобное, пока, наконецъ, совсѣмъ освоившись съ нею, они приблизились и подошли близко къ ней. Тутъ она бросилась на нихъ и убила ихъ».

Воронъ говорилъ: «поистинѣ совы, помимо тѣхъ пагубныхъ

свойствъ, которыя я вамъ описалъ, соединяютъ въ себѣ и другіе недостатки: поэтому пусть не будетъ въ вашихъ мысляхъ дать власть совѣ.» Журавли, когда услышали эту рѣчь ворона, отказались дать власть совамъ. Тамъ-же присутствовала одна сова, слушавшая чтò они говорили; она сказала ворону: «ты натянулъ на меня самую большую тетиву, между тѣмъ я не знаю, произошелъ-ли до этого съ моей стороны по отношенію къ тебѣ какой-либо злой поступокъ, который далъ-бы поводъ къ этому, или нѣтъ. Послѣ этого знай-же: срубается дерево топоромъ (190) и все-же потомъ возвращается (къ жизни) и ростетъ мясо прорубается мечемъ и все-же заживаетъ и срастается, но рана отъ языка не заростетъ, порѣзы отъ него не излечатся. Наконечникъ стрѣлы, скрывающійся въ мясѣ, послѣ вынимается и удаляется, но рѣчи, похожія на наконечникъ стрѣлы, когда достигаютъ до сердца, не могутъ быть вынуты, не могутъ быть удалены. Для всякаго пожара существуетъ гаситель, для огня существуетъ вода, для яда — лекарство, для печали—терпѣніе и для любви—разлука, но огонь неумолимой ненависти не можетъ быть погашенъ во вѣки. Вы, вороны, посадили между нами и собою дерево зложеланія, вражды и ненависти.» Окончивъ свою рѣчь, сова повернула назадъ, разгнѣвавшись, и сообщила царю совъ, чтò произошло и каковы были слова ворона. Послѣ того воронъ раскаялся въ своей неумѣренности и сказалъ: «клянусь Богомъ, я выжилъ изъ ума, произнося свои слова, которыми я навлекъ на себя и на свой народъ вражду и ненависть. Ахъ, еслибы я не сообщалъ журавлямъ объ этомъ положеніи вещей и не доводилъ-бы до ихъ свѣдѣнія этого обстоятельства! Можетъ быть бóльшая часть птицъ видѣли болѣе, чѣмъ я видѣлъ, и знали вдвое, чѣмъ я зналъ, и все-же ихъ удержало отъ словъ подобныхъ тѣмъ, которыя я сказалъ, опасеніе того, чего я не опасался и вниманіе къ тѣмъ (внушающимъ осторожность) послѣдствіямъ, на которыя я не обращалъ вниманія, и это въ особенности въ томъ случаѣ, когда слова таковы, что слушающій и говорящій ихъ встрѣчаютъ отъ нихъ непріятность и которыя даютъ въ наслѣдство нетерпимость и ненависть: словамъ, подобнымъ этимъ, слѣдуетъ называться не словами, а стрѣлами. Умнаго (191), если даже онъ полагается на свою силу и превосходство, это все-же не принуждаетъ навлекать на себя вражду

(только) изъ-за увѣренности въ присущихъ ему сообразительности и силѣ, подобно тому какъ, если онъ имѣетъ противоядіе, ему все-же не слѣдуетъ пить ядъ, полагаясь на то, что̀ у него имѣется. Хорошіе поступки человѣка, если даже его слова о будущихъ дѣлахъ отличаются недостатками, все-же впослѣдствіи, при испытаніи его отличія, становятся очевидными; что-же касается человѣка красно говорящаго, то хотя людей и удивляетъ въ немъ его изящное трактованіе своихъ подвиговъ, тѣмъ не менѣе исходъ его карьеры не можетъ быть похваленъ. И я—человѣкъ красно говорящій, у котораго нѣтъ будущности. Развѣ не изъ-за своей злостности я осмѣлился говорить о (такомъ) важномъ дѣлѣ, ни съ кѣмъ объ немъ не посовѣтовавшись и не обдумавъ его; а вѣдь тотъ, кто не справляется съ совѣтами людей преданныхъ и друзей, а дѣйствуетъ по собственному уму, безъ многократнаго взвѣшиванія и обзора, тотъ не бываетъ удачливъ въ проявленіяхъ собственнаго разума. Какъ мнѣ освободиться теперь отъ того, что̀ я нажилъ себѣ въ этотъ день, и отъ той озабоченности, въ которую я впалъ?» Воронъ упрекалъ себя этими и тому подобными словами и (за тѣмъ) ушелъ.

Вотъ то, что̀ ты спрашивалъ меня относительно начала вражды между нами и совами; что-же касается сраженія, то ты вѣдь уже знаешь мое мнѣніе о немъ и мое неодобреніе его. Напротивъ, у меня есть одно мнѣніе или средство [только не сраженіе], въ которомъ заключается счастливый исходъ, если того желаетъ Всевышній Богъ: вѣдь иногда люди такъ хитрятъ своею сообразительностью, что въ концѣ-концовъ добиваются того, чего желали. Къ этому относится (192) разсказъ о шайкѣ, которая захватила отшельника и отняла у него его ягненка.» Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Воронъ отвѣчалъ: «передаютъ, что одинъ отшельникъ купилъ жирнаго ягненка, чтобы принести его въ жертву, и отправился съ нимъ, ведя его. Замѣтили его коварные люди и уговорились между собою отнять его у отшельника. Поэтому подошелъ къ нему на встрѣчу одинъ изъ нихъ и сказалъ ему: «о отшельникъ, что это за собака, которая съ тобою»? За тѣмъ подошелъ на встрѣчу къ нему другой и сказалъ своему товарищу: «это не отшельникъ, потому что отшельники не водятъ собакъ». Такъ они не переставали (говорить) съ отшельникомъ это и

тому подобное, пока наконецъ тотъ не сталъ сомнѣваться, что то, что̀ онъ ведетъ, собака, и что тотъ, кто продалъ ему, околдовалъ его глазъ. Онъ выпустилъ ягненка изъ своей руки, а шайка хитрецовъ забрала его и ушла съ нимъ. На самомъ дѣлѣ я привелъ эту басню потому, что надѣюсь, мы достигнемъ своихъ интересовъ съ помощью тонкихъ пріемовъ и хитрости. Я желаю отъ царя, чтобы онъ избилъ меня на глазахъ свидѣтелей, вырвалъ-бы мнѣ перья и хвостъ и за тѣмъ бросилъ-бы меня у корня этого дерева, а самъ царь со своими войсками пусть переберется въ такое-то мѣсто.» Царь сдѣлалъ съ ворономъ, что̀ тотъ говорилъ, за тѣмъ отправился отъ него прочь.

Воронъ сталъ стонать и вздыхать, пока наконецъ его не услышали совы. Онѣ увидѣли его стонущимъ и донесли объ этомъ своему царю. Тотъ направился, въ намѣреніи своемъ (имѣя) разспросить его о воронахъ. Приблизившись къ нему, онъ приказалъ одной совѣ спросить его. (193). Та спросила его: «кто ты и гдѣ вороны»? Тотъ тогда отвѣчалъ: «имя мое такой-то; что-же касается того, о чемъ ты меня спрашиваешь, то я думаю, ты видишь, что мое положеніе есть положеніе того, кто не знаетъ тайнъ.» Итакъ, царю совъ было сказано: «это везірь царя вороновъ и его совѣтникъ: спросимъ его, за какую вину сдѣлано съ нимъ то, что̀ сдѣлано». Воронъ поэтому былъ спрошенъ о его дѣлѣ. Онъ сказалъ тогда: «на самомъ дѣлѣ, нашъ царь спрашивалъ у всѣхъ насъ совѣта относительно васъ [а я въ то время присутствовалъ при этомъ дѣлѣ]. Онъ спросилъ: «о вороны, что вы думаете объ этомъ»? Тогда я сказалъ: «о царь, у насъ нѣтъ силы сражаться съ совами, потому что онѣ сильнѣе насъ въ нападеніи и острѣе умомъ. Напротивъ, я думаю, просить намъ мира за тѣмъ, дать за это выкупъ, если совы примутъ это съ нашей стороны; если-же нѣтъ, то намъ предстоитъ бѣгство въ различныя страны. Если между нами и совами произойдетъ сраженіе, оно будетъ благомъ для нихъ и зломъ для насъ, а миръ лучше ссоры. Я побуждалъ ихъ уклониться отъ войны и привелъ имъ на это примѣры. Я сказалъ имъ: дѣйствительно, мощь и гнѣвъ сильнаго врага ничѣмъ такъ не отвращаются, какъ повиновеніемъ ему. Развѣ вы не обращали вниманія на траву, какъ она остается невредимою отъ сильнаго вѣтра, благодаря своей нѣжности и наклоненію туда, куда идетъ (вѣтеръ).

Они не слушали меня и сказали, что они желаютъ сраженія; они стали относиться подозрительно къ тому, чтò я говорилъ, и сказали: право, ты стоишь за совъ противъ насъ; они передали мои слова и совѣтъ, подвергли меня этому мученію, царь со своими войсками покинулъ меня (194) и переселился, и послѣ того я не имѣю о нихъ свѣдѣній.» Услышавъ рѣчь ворона, царь совъ сказалъ одному изъ своихъ везйрей: «что ты скажешь о воронѣ и чтò ты думаешь о немъ»? Тотъ отвѣчалъ: «я полагаю единственно поспѣшить его убить: вѣдь этотъ—лучшая оборона вороновъ; въ его убійствѣ заключается наше спокойствіе отъ непріятностей, а потеря его для вороновъ будетъ тяжела. Говорится: кто получилъ часъ, въ который его дѣло можетъ успѣшно кончиться, за тѣмъ не спѣшитъ съ тѣмъ, съ чѣмъ ему слѣдуетъ, тотъ вовсе не мудръ; а кто стремится къ чему нибудь крупному и это становится ему возможнымъ, а онъ относится безпечно къ тому и дѣло проходитъ, тотъ заслуживаетъ, чтобы удобный случай не возвращался къ нему вторично; кто-же застаетъ своего врага слабымъ и не нанесетъ ему удара, тотъ раскаивается, когда врагъ пріобрѣтетъ силу, а онъ будетъ уже не въ состояніи (сдѣлать) ему (что-либо).» Царь спросилъ у другого везйря: «что думаешь *ты* объ этомъ воронѣ»? Тотъ отвѣчалъ: «я думаю, не убивать тебѣ его: дѣйствительно, вѣдь врагъ ничтожный, у котораго нѣтъ защитника, заслуживаетъ быть оставленнымъ въ живыхъ, получить милосердіе и быть помилованнымъ, въ особенности-же (врагъ) испуганный, умоляющій о пощадѣ, заслуживаетъ получить безопасность, подобно купцу, который простилъ вору изъ-за положенія, которое онъ (занялъ) у своей жены. Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Везйрь отвѣчалъ: «передаютъ, что былъ одинъ купецъ (обладавшій) большими деньгами и имуществомъ; у него была жена, красивая женщина. Одинъ воръ перелѣзъ черезъ стѣну купеческаго дома и вошелъ (внутрь). Онъ засталъ купца спящимъ, а жену его нашелъ проснувшеюся: она испугалась вора, бросилась къ купцу и прижалась къ нему (195), обнимая его, а онъ (давно) желалъ, какъ-бы она приблизилась къ нему. Купецъ проснулся отъ ея объятій и спросилъ: «откуда мнѣ это счастье»? За тѣмъ онъ замѣтилъ вора и сказалъ: «о воръ, тебѣ предоставляется то, чтò ты забралъ изъ моихъ денегъ и

имущества: за тобою та заслуга, что ты склонилъ сердце моей жены обнять меня».

Царь совъ спросилъ другого изъ своихъ везирей: «что *ты* скажешь относительно ворона»? Тотъ отвѣчалъ: «я полагаю, тебѣ (слѣдуетъ) оставить его въ живыхъ и хорошо обойтись съ нимъ: вѣдь онъ способенъ быть для тебя искреннимъ совѣтникомъ; а умный при томъ разсматриваетъ вражду своихъ враговъ другъ съ другомъ—прекраснымъ торжествомъ, а поглощенность одного врага другимъ — освобожденіемъ и спасеніемъ, какъ напримѣръ спасеніе отшельника отъ вора и шайт̣âна въ то время, какъ они препирались насчетъ его. Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Везиръ отвѣчалъ: «передаютъ, что одному отшельнику досталась отъ одного человѣка дойная корова. Онъ отправился съ ней, ведя ее къ своему жилищу. Ему встрѣтился воръ, желавшій украсть ее, за которымъ слѣдовалъ шайт̣âнъ, желая схватить его. Шайт̣âнъ спросилъ вора: «кто ты»? Тотъ отвѣчалъ: «я—воръ и желаю украсть эту корову у отшельника, когда онъ заснетъ. А ты кто»? Тотъ сказалъ: «я—шайт̣âнъ, желаю схватить его, когда онъ заснетъ, и унести его». Такимъ образомъ они достигли жилища. Вошелъ отшельникъ въ свое жилище, и они вошли за нимъ. Онъ ввелъ корову, привязалъ ее въ углу дома, поужиналъ и заснулъ. Подошли (196) воръ и шайт̣âнъ, уговариваясь насчетъ его, и заспорили о томъ, кто начнетъ первый со своей профессіи. Шайт̣âнъ тутъ сказалъ вору: «если ты начнешь брать корову, пожалуй онъ проснется и закричитъ,—соберется народъ и я не буду въ состояніи утащить его: подожди пока я схвачу его, а потомъ уже дѣлай, что̀ тебѣ угодно.» Воръ почуялъ: если шайт̣âнъ начнетъ его тащить, пожалуй тотъ проснется, и онъ будетъ не въ состояніи забрать корову. Поэтому онъ сказалъ: «нѣтъ, подожди меня *ты*, пока я возьму корову, а потомъ уже дѣлай, что̀ тебѣ угодно». Они все еще спорили такимъ образомъ, какъ наконецъ воръ закричалъ: «эй, отшельникъ, проснись: этотъ шайт̣âнъ хочетъ тебя утащить»; а шайт̣âнъ тогда закричалъ: «эй, отшельникъ, проснись: этотъ воръ хочетъ украсть твою корову». Отшельникъ и его сосѣди проснулись отъ ихъ крика, и оба мошенника убѣжали».

Первый везйрь, который совѣтовалъ убійство ворона, сказалъ: «я подозрѣваю, что воронъ обманываетъ васъ; слова его какъ нельзя лучше запали въ душу слабоумныхъ изъ васъ, и вы желаете примѣнить свое мнѣніе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Но медленность, медленность! о царь, относительно этого мнѣнія, и не будь подобенъ плотнику, который считалъ ложнымъ то, что̀ видѣлъ, а истиннымъ то, что̀ слышалъ, и былъ обманутъ невозможнымъ». Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Везйрь отвѣчалъ: «tradunt fabrum lignarium fuisse, qui uxorem haberet, quam valde amaret. Eam autem cum quodam amoris commercium habuisse. Quod cum illi nuntiatum et explicatum esset, eum uxoris crimen suis ipsius oculis videre voluisse (197), ut eam illius rei convincere posset. Itaque uxori dixisse: «volo in quendam vicum, qui aliquot parasangas hinc abest, propter quaedam regis negotia proficisci. Quam ob rem viaticum mihi paratum sit». Gavisam esse mulierem, quod marito profecto sola cum amico suo manere posset. Deinde fabrum exeuntem uxori praecepisse, ut januam et fenestram servaret, sed abiisse se simulantem, in locum abditum post januam recessisse. Ibi postquam aliquamdiu latuisset, clam egressum eam domus partem, ubi cubiculum suum esset, intrasse sub lectoque se occuluisse. Tum uxorem ad amicum suum nuntium misisse, ut venerit. Illum, cum venisset, totam noctem solum cum ea in mariti lecto peregisse. Fabrum somno oppressum obdormisse, dormientem pedem extendisse, ut exsertus appareret. Mulierem, cum eum animadvertisset et cuius esset cognovisset, malum praemetuentem amico dixisse: «quaere e me alta voce, utrum vir mihi carior sit an tu». Quod postquam ille fecisset, eam respondisse: «quid est, quod me istud interrogas? Num ignoras, feminarum nationem amicos libidinis tantum explendae causa petere neque curare quo patre quaque matre nati sint, neque eorum condicionem respicere, maritum autem parentis et fratris loco habere? Quam ob rem infamia notet Deus feminam, quae virum non tantidem faciat, quanti se ipsam! Sed nolo tibi amplius morem gerere». Maritum, cum haec audisset, indulgentia erga uxorem (198) et misericordia motum abortis lacrimis se ab illa amari credidisse. Itaque loco, quo tum esset, se non movisse, dum orta luce hominem abisse sensisset. Tum e latebra sua egressum, cum uxorem dormientem invenisset, ad caput eius adsedisse, ut ventum ei fa-

ceret. Deinde, cum expergefacta esset, ei dixisse: «animale mi, dormi: nocte enim vigilasti. Nisi me piguisset facere, quod tibi molestum esset, inter me et illum hominem tumultus factus esset et grave negotium».

На самомъ дѣлѣ, я привелъ тебѣ эту притчу, желая, чтобы ты не оказался подобнымъ этому плотнику, который считалъ ложью то, что̀ видѣлъ, а правдой то, что̀ слышалъ. Царь не обратилъ вниманія на его слова и распорядился относительно ворона, чтобы онъ былъ перенесенъ къ жильямъ совъ, чтобы ему было оказано уваженіе и чтобы съ нимъ обходились добромъ. Послѣ того однажды воронъ сказалъ царю [въ то время какъ около него находилось все племя совъ, среди которыхъ былъ и тотъ везйръ, который совѣтовалъ убійство ворона]: «о царь, ты уже знаешь что̀ меня постигло со стороны вороновъ и что успокоится сердце мое только тогда, когда я имъ воздамъ свою месть. Я дѣйствительно разсматривалъ это, и вотъ я не въ состояніи (исполнить) того, что̀ я задумалъ, потому что я воронъ. Со словъ ученыхъ передается, что они говорятъ: кто въ душѣ своей находитъ пріятнымъ сжечь себя, тотъ приноситъ Богу самую большую жертву: о какой просьбѣ онъ ни попроситъ при этомъ, она ему будетъ уважена. Итакъ, если царю заблагоразсудится дать мнѣ приказаніе, я сожгу себя и попрошу у моего Господа превратить меня въ сову: тогда я буду гораздо свирѣпѣе въ (моей) враждѣ (199) и вредоносности для вороновъ и можетъ быть и отмщу имъ.» Сказалъ везйръ, который совѣтовалъ убійство его: «(въ томъ, какъ) ты высказываешь хорошее и скрываешь злое, ты похожъ развѣ только на вино естественнаго вкуса и запаха, въ которомъ (однако) настоенъ ядъ. Неужели ты думаешь, если мы сожжемъ огнемъ твое тѣло, твоя натура и врожденныя свойства измѣнятся? а не пойдутъ ли онѣ куда-бы ты ни пошелъ и не придешь ли ты послѣ этого (опять) къ своей сущности и естеству, подобно мыши, которой было предоставлено выбрать себѣ мужа между солнцемъ, вѣтромъ, облакомъ и горою: выборъ ея палъ не на (кого) иного, какъ на крысу». Его спросили: «а какъ это было»?

(Везйръ) отвѣчалъ: «передаютъ, что былъ одинъ отшельникъ, молитва котораго всегда бывала уважена: когда онъ однажды сидѣлъ на берегу моря, (вотъ) пролетѣла мимо него чайка съ

мышенкомъ въ лапѣ. Онъ выпалъ у нея къ отшельнику; послѣдняго взяло состраданіе къ нему: онъ взялъ его, завернулъ въ листочекъ и унесъ въ свое жилище. Но затѣмъ, опасаясь, что выкармливаніе его будетъ доставлять хлопоты его семьѣ, онъ умолялъ своего Господа превратить мышенка въ дѣвушку, — и онъ превратился въ хорошенькую дѣвушку. (Отшельникъ) отправился съ нею къ своей женѣ и сказалъ ей: «это-моя дочь: обращайся съ нею какъ ты обращалась-бы съ моимъ ребенкомъ». Когда она достигла возраста женщины, отшельникъ ей сказалъ: «о дочка, ты теперь уже созрѣла и тебѣ необходимъ мужъ: итакъ выбирай кого ты любишь, и я выдамъ тебя за него». Та отвѣчала: «такъ какъ ты ужъ (200) далъ мнѣ выбирать, то я выбираю себѣ мужа, который былъ-бы самымъ сильнымъ изъ (всѣхъ) существъ». Отшельникъ сказалъ: «можетъ быть ты желаешь солнце»,—затѣмъ отправился къ солнцу и сказалъ: «о великое твореніе, у меня есть дѣвушка; она потребовала себѣ мужа, который былъ-бы самымъ сильнымъ изъ (всего) существующаго: не женишься-ли на ней ты?» Солнце отвѣчало: «я тебѣ укажу на того, кто сильнѣе меня, (это)— облако, которое закрываетъ и задерживаетъ дискъ моихъ лучей и затмеваетъ снопы моего свѣта». Отшельникъ тогда отправился къ облаку и сказалъ ему то, что говорилъ солнцу. Облако отвѣтило: «я также укажу тебѣ на того, кто сильнѣе меня: ступай къ вѣтру, который двигаетъ меня взадъ и впередъ и гонитъ на востокъ и западъ». Отшельникъ отправился къ вѣтру и сказалъ ему то-же, что говорилъ облаку. Тотъ отвѣчалъ: «и я также укажу тебѣ на того, кто сильнѣе меня, это — гора, которую я не въ состояніи сдвинуть». (Отшельникъ) прошелъ и къ горѣ и сказалъ ей свою рѣчь. Гора ему отвѣчала и сказала: «я укажу тебѣ на того, кто сильнѣе меня, это—крыса, отъ которой я не въ силахъ защититься, когда она продыравливаетъ меня и избираетъ своимъ обиталищемъ». Отшельникъ отправился къ крысѣ и спросилъ ее: «не женишься-ли ты на этой дѣвушкѣ»? Та отвѣчала: «какъ мнѣ жениться на ней, когда моя нора узка. Напротивъ, крыса женится на мыши». Тогда отшельникъ сталъ умолять своего Господа превратить ее въ мышь, какъ она была раньше, и это съ согласія (201) дѣвушки. Богъ вернулъ ее къ ея первоначальному существованію, и она отправилась съ крысой.

Вотъ примѣръ тебѣ, о обманывающійся! Царь совъ не обратилъ вниманія на эти слова; онъ сталъ нѣжно обходиться съ ворономъ и то и дѣло усиливалъ свое уваженіе къ нему. Наконецъ, когда его жизнь сдѣлалась пріятною и (вслѣдствіе того) отросли его перья и (когда) онъ высмотрѣлъ то, что желалъ высмотрѣть, онъ удалился потихоньку и отправился къ своимъ землякамъ, (сообщая) имъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ сказалъ царю: «теперь я уже покончилъ съ тѣмъ, чего я желалъ, и тебѣ остается только слушаться и повиноваться». Тотъ отвѣчалъ ему: «я и войско—въ твоемъ распоряженіи: располагай (нами) какъ тебѣ угодно». Воронъ сказалъ: «совы находятся въ такой-то мѣстности, на горѣ, обильной сухимъ деревомъ; въ этомъ-же мѣстѣ (пасется) стадо овецъ съ однимъ человѣкомъ, пастухомъ. Тамъ мы достанемъ огня, бросимъ его въ гнѣзда совъ, накидаемъ на него сухихъ дровъ и затѣмъ станемъ раздувать его, хлопая своими крыльями, пока не запылаетъ огонь въ дровахъ: кто изъ нихъ выйдетъ, тотъ сгоритъ; кто-же не выйдетъ, умретъ на своемъ мѣстѣ отъ дыма». Вороны исполнили это: они всецѣло погубили совъ, а сами возвратились цѣлыми и невредимыми въ свои жилища.

Послѣ того царь спросилъ этого ворона: «какъ ты могъ переносить общество совъ, тогда какъ у хорошихъ людей нѣтъ терпимости въ отношеніи сообщества съ дурными»? Воронъ отвѣчалъ: «это, о царь, такъ; но все-таки, умный, если его настигаетъ какое-нибудь страшное (202), серьезное событіе, отъ котораго онъ опасается несчастія для себя самого и для своего народа, не побоится вытерпѣть трудности перенесенія его; это изъ-за того, что̀,—онъ надѣется,—послѣдуетъ за его терпѣніемъ, т. е. безмятежности въ будущемъ и блага. Онъ не находитъ это страданіемъ для себя, и душа его не противится повиноваться тому, кто ниже его, пока, наконецъ, онъ достигнетъ своихъ интересовъ: тогда онъ оказывается въ выигрышѣ, благодаря послѣдствіямъ своихъ дѣйствій и результату своего терпѣнія». Тогда царь сказалъ: «поставь меня въ извѣстность относительно умственныхъ способностей совъ». Воронъ отвѣчалъ: «умною среди нихъ я нашелъ только ту, которая побуждала ихъ убить меня, и (на это) она подстрекала ихъ неоднократно. Онѣ были слабѣе всего разумомъ и не

разсмотрѣли со вниманіемъ моего дѣла; онѣ вспомнили, что я былъ обладателемъ сана у вороновъ и что я причислялся къ совѣтникамъ, и все-же не опасались моего коварства и хитрости; онѣ оттолкнули сострадательнаго наставителя и не скрывали отъ меня своихъ таинъ. А ученые говорятъ: царю слѣдуетъ держать свои дѣла въ защитѣ отъ людей клеветы и не показывать ни одному изъ нихъ на мѣста храненія своей тайны». Тогда царь сказалъ: «по моему, совъ погубили только надменность, слабость разсудка царя и согласованіе его съ дурными везйрями». Воронъ возразилъ: «ты сказалъ правду, о царь: вѣдь какъ рѣдко бываетъ, чтобы кто-нибудь достигъ богатства и не сталъ-бы надменнымъ; какъ рѣдко бываетъ, чтобы человѣкъ страстно стремился къ женщинамъ и не былъ-бы публично осрамленъ; рѣдко тотъ, кто много кушаетъ, не заболѣваетъ; рѣдко также бываетъ, чтобы тотъ, кто довѣряетъ плохимъ везйрямъ, не подвергся-бы риску попасть въ гибельныя положенія. Говорится: пусть не ожидаетъ себѣ гордецъ (203) хорошей похвалы, криводушный — множества друзей, дурно воспитанный — почтенія, скупой — блага, алчный — *небольшаго* числа грѣховъ, а царь плутующій, небрежный въ дѣлахъ и слабый везйрями — упроченія своей власти и упорядоченія положенія своихъ подданныхъ». Царь сказалъ: «но ты, конечно, перенесъ сильныя затрудненія, поддѣлываясь къ совамъ и унижаясь предъ ними». Воронъ отвѣчалъ: «вѣдь тотъ, кто переноситъ затрудненіе, надѣясь на пользу, — устраняетъ отъ себя надменность и заносчивость, и пріучаетъ себя къ терпѣливости, — идеи того впослѣдствіи находятъ похвалу: терпѣла, напримѣръ, черная (змѣя), перенося на своей спинѣ царя лягушекъ и насытилась за это и стала жить». Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Воронъ отвѣчалъ: «передаютъ, что одна черная (змѣя) изъ породы змѣй, состарилась; зрѣніе ея ослабѣло, сила ея исчезла: она уже не могла ловить добычу и не была въ состояніи (доставать) пропитаніе. Итакъ, она ползала, ища себѣ чего-нибудь, чѣмъ могла-бы существовать. Наконецъ, она добралась до одного пруда, обильнаго лягушками, къ которому приходила обыкновенно и до этого, забирая изъ него (какую-нибудь) лягушку. Она подобралась близко, обнаруживая грусть и печаль. Тогда

одна лягушка ее спросила: «что это я вижу тебя, о черная, грустною, печальною»? Та отвѣчала: «а кому-же приличнѣе долгая печаль, какъ не мнѣ: вѣдь въ самомъ дѣлѣ, главная часть моего пропитанія состояла въ тѣхъ лягушкахъ, которыхъ я добывала; теперь-же я попала въ бѣдственное положеніе, и изъ-за него я лишена (204) лягушекъ, такъ что когда теперь встрѣчаюсь съ какою нибудь изъ нихъ, я уже не могу задержать ее». Лягушка тогда отправилась къ царю лягушекъ и донесла ему, что̀ она слышала отъ черной (змѣи). Царь лягушекъ пришелъ къ черной (змѣѣ) и спросилъ ее: «какъ это случилось съ тобою»? Та отвѣчала: «нѣсколько дней тому назадъ я выбивалась изъ силъ въ преслѣдованіи лягушки; это было подъ вечеръ: я принудила ее (скрыться) въ домъ одного отшельника и вошла (туда-же) въ темнотѣ слѣдомъ за ней; въ домѣ находился сынъ отшельника — я наткнулась на его палецъ: полагая что это лягушка, я ужалила его и онъ умеръ. Тогда я вышла бѣгомъ, отшельникъ-же преслѣдовалъ меня по моимъ слѣдамъ, моля Бога противъ меня и проклиная меня. Онъ сказалъ: «подобно тому, какъ *ты* убила моего невиннаго сына несправедливо и незаконно, точно такъ-же я умоляю Бога, чтобы ты сдѣлалась презрѣнною и превратилась-бы въ верховую лошадь царя лягушекъ: (тогда) ты не будешь въ состояніи ни хватать ихъ, ни ѣсть ни одной изъ нихъ, развѣ только тѣхъ, что̀ пожалуетъ тебѣ изъ милости ихъ царь». Теперь я пришла къ тебѣ, чтобы ты сѣлъ на меня верхомъ, согласная на это, будучи готовой и довольной. «Царю лягушекъ сильно захотѣлось сѣсть верхомъ на черную (змѣю); онъ думалъ, что это будетъ ему славою, почетомъ и отличіемъ. Итакъ, онъ сѣлъ на нее; это ему понравилось. Тогда черная (змѣя) сказала ему: «ты уже вѣдь знаешь, что я обездолена: назначь мнѣ пропитаніе, которымъ я существовала-бы». Царь лягушекъ отвѣчалъ: «клянусь своею жизнью, тебѣ непремѣнно будетъ пропитаніе, правильно доставляемое, если ты — моя верховая лошадь». Итакъ, онъ распорядился на счетъ двухъ лягушекъ, которыя всякій день были-бы схватываемы (205) и выдаваемы ей. Такимъ образомъ она жила этимъ; и ей вовсе не принесло вреда ея подчиненіе презрѣнному врагу — напротивъ, она посредствомъ этого получила пользу и для нея оказалось пропитаніе и средство къ существованію.

Точно такъ-же и терпѣніе мною того, чтὸ я вынесъ (основывалось) на стремленія къ той огромной пользѣ, въ которой для насъ соединились безопасность, торжество, гибель врага и спокойствіе отъ него. Я нахожу борьбу посредствомъ мягкости и деликатности болѣе быстрою и болѣе дѣйствительною для искорененія врага, чѣмъ борьба посредствомъ надменнаго состязанія. И дѣйствительно, сила огня и жаръ его, когда онъ нападаетъ на дерево, лишь на столько развиваются, чтобы онъ могъ сжечь часть его, находящуюся надъ землею, а вода при своемъ холодѣ и проницательности уничтожаетъ до тла и ту часть его, чтὸ подъ землею. Говорится о четырехъ вещахъ, малая доля которыхъ не можетъ считаться незначительной, это — религіозность, огонь, болѣзнь и врагъ». Воронъ сказалъ: «все это присуще разсудку царя, его образованности и удачливости его усилій. Дѣйствительно, обыкновенно говорится: когда двое стремятся къ одному (и тому-же) дѣлу, — достигаетъ успѣха въ немъ обладающій изъ нихъ болѣе высокою энергіею; если-же они одинаковы по энергіи, то болѣе твердый по настойчивости; если-же равны по настойчивости, то болѣе счастливый изъ нихъ въ (своихъ) усиліяхъ. Обыкновенно говорится: кто воюетъ съ царемъ стойкимъ, искуснымъ, покорнымъ (Богу), котораго успѣхъ не заставляетъ терять головы и котораго не удивляетъ несчастіе, — тотъ самъ на себя накликаетъ погибель, въ особенности когда онъ подобенъ тебѣ, о царь, знающій законную сферу дѣйствій, случаи примѣненія суровости, мягкости, гнѣва, примиренія, поспѣшности и терпѣнія, внимательно вникающій въ дѣло (какъ) нынѣшняго, такъ и завтрашняго дня (206), а равно и въ послѣдствіи своихъ поступокъ». Царь возразилъ ворону: «нѣтъ, это произошло благодаря *твоему* разсудку и уму, твоей преданности и восходящему счастью. Вѣдь и дѣйствительно, разсудокъ одного умнаго, стойкаго человѣка скорѣе осуществляетъ гибель врага, чѣмъ многочисленныя войска (составленныя) изъ людей сильныхъ, храбрыхъ и вооруженныхъ. На самомъ дѣлѣ, въ твоемъ поведеніи для меня удивительна долговременность твоего пребыванія среди совъ, когда ты выслушивалъ грубыя слова; далѣе, ты даже не проронилъ между ними и одного слова». Воронъ отвѣчалъ: «я постоянно придерживался твоей образованности, о царь, веду дружбу съ дальнимъ и близкимъ съ деликатностью,

мягкостью, проницательностью и обходительностью». Царь сказалъ: «въ одно утро я нашелъ тебя человѣкомъ дѣла, а другихъ везйрей людьми словъ, исходъ которыхъ вовсе не похвальный. Чрезъ тебя намъ Богъ ниспослалъ великій даръ, раньше котораго мы не находили наслажденія въ пищѣ и питьѣ, ни въ снѣ, ни въ жизни. А говорится: не находитъ больной наслажденія въ пищѣ и въ снѣ пока не выздоровѣетъ, равно и человѣкъ честолюбивый, котораго его султâнъ обнадежилъ на счетъ денегъ и занятія (ввѣряемаго) ему,—пока это не исполнится; также тотъ, кому надоѣлъ его врагъ, котораго онъ боится и утромъ и вечеромъ,—пока не успокоитъ отъ него своего сердца; кто опускаетъ тяжелую ношу изъ своей руки, тотъ доставляетъ себѣ спокойствіе, а кто становится въ безопасность отъ своего врага, тотъ облегчаетъ свою грудь». Воронъ отвѣчалъ: «я прошу у Бога, который погубилъ твоего врага, чтобы Онъ дозволилъ тебѣ наслаждаться своею властью (207), устроилъ-бы въ этомъ благосостояніе твоихъ подданныхъ и сдѣлалъ-бы ихъ участниками успокоенія благодаря твоей власти; ибо царю, если въ его власти не заключается успокоеніе его подданныхъ, можетъ служить примѣромъ подгрудокъ овцы, который сосетъ годовалая овечка, считая его за молочный сосокъ: она не встрѣтитъ въ немъ (ничего) путнаго». Царь спросилъ: «о настоящій везйрь, каковъ былъ способъ дѣйствія совъ и ихъ царя на войнахъ, а равно *какъ*, въ ихъ дѣлахъ»? Воронъ отвѣчалъ: «образъ дѣйствій его былъ поведеніемъ надменности, гордости, фантазій, безсилія и хвастовства; при (всемъ) этомъ всѣ его окружающіе и его везйри похожи на него, кромѣ только того везйря, который совѣтовалъ ему убить меня; онъ дѣйствительно былъ мудрымъ, ловкимъ, философомъ, серьезнымъ, ученымъ; рѣдко является подобный ему по строгости, точности, уму и совершенству сообразительности». Царь спросилъ: «какое же качество увидѣлъ ты у него, которое указывало-бы на его умъ»? Тотъ отвѣчалъ: «два обстоятельства: одно изъ нихъ—его планъ убить меня, а другое (это—то), что онъ не скрывалъ своего совѣта отъ своего товарища, хотя-бы даже тотъ считалъ его незначительнымъ; слова его не были словами жесткости, напротивъ—словами деликатности и мягкости, такъ что нерѣдко даже онъ доводилъ до свѣдѣнія его (царя) какіе-нибудь его недостатки, но не объяснялъ современнаго положе-

нія вещей, а приводилъ ему притчи и разговаривалъ съ нимъ о недостаткѣ другаго,—и тотъ узнавалъ свой недостатокъ; итакъ царь не находилъ возможнымъ гнѣваться на него. Изъ того, что онъ говорилъ своему царю, я слышалъ слѣдующее: «не слѣдуетъ царю относиться безпечно къ своему дѣлу, потому что (208) овладѣваетъ какимъ-нибудь серьезнымъ дѣломъ изъ людей только малое число, доводится-же оно до конца лишь при настойчивости. Вѣдь царская власть дорога: кто пріобрѣлъ ее, пусть хорошенько хранитъ и защищаетъ ее; потому что сказано, что она по своей продолжительности на—(одномъ) уровнѣ съ тѣнью отъ листа ненуфара; по легкости своего исчезновенія и быстрой смѣнѣ движенія впередъ и назадъ подобна вѣтру; по своей прочности (подобна) человѣку благоразумному (въ связи) съ ничтожнымъ, а по быстротѣ конечнаго разрушенія—пузырямъ воды (происходящимъ) отъ паденія дождя. Вотъ примѣръ людей вражды, въ которыхъ не слѣдуетъ заблуждаться, хотя-бы они оказывали даже любовь и повиновеніе.

Кончилась глава о совахъ и воронахъ.

(209) ГЛАВА ОБЪ ОБЕЗЬЯНѢ И ЧЕРЕПАХѢ.

Царь Дабшалӥмъ сказалъ философу Байдаба̂: «я выслушалъ эту притчу; приведи мнѣ теперь притчу о человѣкѣ, который гонится за необходимымъ ему и, достигши того, теряетъ его». Философъ отвѣчалъ: «дѣйствительно, добываніе необходимаго легче его сохраненія: того, кто пріобрѣлъ чтò ему нужно, за тѣмъ не смотритъ за этимъ хорошенько,—того постигаетъ то, что случилось съ черепахой». Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Байдаба̂ отвѣчалъ: «передаютъ, что одна обезьяна была царемъ обезьянъ; звалась она Ма̂ћиръ. Она состарилась и обезсилѣла: тутъ на нее выступила одна молодая обезьяна, изъ царскаго дома, взяла надъ ней верхъ и заняла ея мѣсто, Тогда та удалилась бѣгомъ безъ оглядки. Наконецъ она достигла морскаго берега, нашла (тамъ) одно изъ фиговыхъ деревьевъ, взобралась на него и сдѣлала его своимъ обиталищемъ. Однажды, въ то время какъ она питалась съ этой фиги, вотъ выпала изъ ея руки одна смоква въ воду. Она услышала ея звукъ и паденіе и стала ѣсть и бросать въ воду: это ее забавляло. И много уже смоквъ побросала она въ воду, а тамъ между тѣмъ (находилась) черепаха, которая всякій разъ, какъ падала какая нибудь смоква, съѣдала ее. Когда это участилось, она подумала, что обезьяна въ дѣйствительности дѣлаетъ это ради нея; поэтому она воспылала къ ней дружбой, нѣжно обратилась къ ней, заговорила съ ней, и каждый изъ нихъ сдѣлался интимнымъ (210) товарищемъ другаго. И долго длилось отсутствіе черепахи для ея жены. Она горевала о ней, стала жаловаться на это своей сосѣдкѣ и сказала (ей): «я боюсь, что съ нимъ случилось дурное приключеніе и сразило его». Та ей отвѣчала: «вѣдь на самомъ дѣлѣ твой мужъ на берегу моря: онъ привязался къ обезьянѣ, а обезьяна привязалась къ нему; онъ и ѣстъ и пьетъ вмѣстѣ съ ней». Послѣ того, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, черепаха отправилась къ своему жилищу и нашла свою жену въ плохомъ состояніи, разстроенною. Черепаха спросила ее: «что это я вижу тебя такою»? Отвѣчала ему ея сосѣдка и сказала:

«вѣдь твоя жена больна, несчастная; врачи ей прописали сердце обезьяны, и нѣтъ для нея никакого лекарства кромѣ этого». Черепаха сказала: «это трудная вещь: откуда у насъ (возьмется) сердце обезьяны, когда мы (живемъ) въ водѣ; впрочемъ, посовѣтуюсь со своимъ другомъ». Вслѣдъ за тѣмъ она отправилась къ берегу моря. Обезьяна ее спросила: «что это за удаленіе твое отъ меня, о братъ»? Черепаха ему отвѣчала: «меня удерживалъ отъ тебя только мой стыдъ: какъ мнѣ воздать тебѣ за твои благодѣянія мнѣ! Все-же я желаю, чтобы твоя милость ко мнѣ закончилась твоимъ посѣщеніемъ меня въ моемъ жилищѣ. Я живу на одномъ островѣ, приносящемъ вкусные плоды: садись на меня верхомъ, чтобы я (могла) плыть съ тобою.» Обезьянѣ захотѣлось этого, она спустилась (съ дерева) и сѣла на спину черепахи, и та поплыла съ ней. Когда-же она плыла съ ней, ей представилась гнусность той измѣны, которую она задумала въ душѣ своей, и она опустила свою голову. Обезьяна спросила ее: «что я тебя вижу озабоченною»? Черепаха отвѣчала: «моя озабоченность, дѣйствительно, (211) отъ того, что я вспоминаю, что моя жена сильно больна и что это много мѣшаетъ мнѣ оказать тебѣ почесть и расположеніе, какъ я хотѣла-бы». Обезьяна сказала: «право, тебя избавляетъ отъ излишка церемоній то, что я знаю о твоемъ сильномъ желаніи почтить меня». Черепаха отвѣтила: «разумѣется»,—шла съ нею часъ и затѣмъ остановилась съ нею вторично. Обезьяна сочла это дурнымъ (признакомъ) и сказала сама себѣ: «нерѣшительность черепахи и ея медленность (происходятъ) изъ-за чего-то важнаго; я неспокоенъ, какъ-бы ея сердце не перемѣнилось ко мнѣ и не отреклось бы отъ любви ко мнѣ: она желаетъ мнѣ (чего-то) дурнаго, а вѣдь нѣтъ предмета болѣе легкаго и скораго на перемѣну чѣмъ сердце. Говорится: умному не подобаетъ пренебрегать доискиваться, чтò заключается въ душѣ его жены, его дѣтей, его братьевъ и друга, во всѣхъ дѣлахъ, при всякомъ взглядѣ и словѣ, во время стоянія и сидѣнія и при всякомъ положеніи: все это вѣдь свидѣтельствуетъ о томъ. чтò (заключается) въ сердцахъ. Ученые говорятъ: если въ сердце друга входитъ сомнѣніе въ его другѣ, то пусть послѣдній обратится къ настойчивости въ охраненіи себя отъ него и пусть онъ доискивается этого (сомнѣнія) изъ его взглядовъ и моментовъ его состоянія. Если то, что онъ подозрѣвалъ, окажется

истиннымъ, онъ стяжаетъ невредимость; если-же окажется ложнымъ, онъ все-же выдержитъ искусъ, что̀ ему никакъ не повредитъ». Послѣ того она спросила черепаху: «что тебя задерживаетъ и что это я вижу тебя озабоченною, унылою, точно ты разговариваешь сама съ собою, второй разъ»? Та отвѣчала: «меня заботить, что ты придешь въ мое жилище и не найдешь моего положенія такимъ, какимъ мнѣ хотѣлось-бы, потому что моя жена больна». (212) Обезьяна сказала: «не смущайся: вѣдь безпокойство ничего тебѣ не облегчитъ; напротивъ, поищи такого лекарства или съѣстнаго, что̀ твою жену вылечило-бы. Вѣдь говорится: человѣкъ имущій да тратитъ свои деньги на три назначенія: на милостыню, во время нужды и на женъ». Черепаха отвѣчала: «ты говоришь правду; но врачи говорятъ, что нѣтъ для нея иного лекарства кромѣ сердца обезьяны». Тутъ обезьяна сказала самой себѣ: «горе мнѣ, настигла-же меня жадность и алчность на старости моихъ лѣтъ, такъ что я попалъ (теперь) въ напасть, увлекающую въ пропасть. Правъ былъ тотъ, кто сказалъ: удовлетворяющійся, довольный, живетъ безмятежно, спокойно, а человѣкъ жадный и алчный проживаетъ, пока живется, среди усилій и непріятныхъ случайностей. Я нуждаюсь теперь въ своемъ умѣ для прінсканія себѣ выхода изъ того, во что я попался.» Послѣ этого она сказала черепахѣ: «что-же тебѣ мѣшало сообщить мнѣ (объ этомъ раньше), чтобы я захватила свое сердце съ собой; таковъ обычай между нами, племенемъ обезьянъ: когда кто-либо изъ насъ выходитъ посѣтить друга, онъ оставляетъ свое сердце у своихъ домашнихъ или же въ своемъ жилищѣ, чтобы намъ смотрѣть (равнодушно), когда мы глядимъ на посѣщаемыхъ чужихъ женъ, (въ то время какъ) сердецъ нашихъ съ нами не бываетъ». Черепаха спросила: «а гдѣ-же теперь твое сердце»? Та отвѣчала: «я оставила его на томъ деревѣ; если ты желаешь, вернись со мною къ дереву: я принесу его». Обрадовалась этому черепаха и вслѣдъ за тѣмъ вернулась съ обезьяной къ ея мѣстожительству. Когда она приблизилась къ берегу, (обезьяна) соскочила съ ея спины и взобралась на дерево. Она медлила (вернуться) къ черепахѣ, и послѣдняя закричала ей: «мой милый (213), захвати свое сердце и спускайся: ты меня задерживаешь!» Обезьяна отвѣчала: «какъ бы не такъ! не думаешь-ли ты, что я подобна ослу, о которомъ шакалъ передавалъ, что

у него нѣтъ ни сердца, ни ушей»? Черепаха спросила: «а какъ это было»?

Обезьяна отвѣчала: «передаютъ, что былъ одинъ левъ въ какомъ-то логовищѣ и вмѣстѣ съ нимъ былъ шакалъ, который поѣдалъ остатки его пищи. Со львомъ случилась парша и сильная слабость; онъ старался и не былъ въ состояніи ловить добычу. Тогда шакалъ спросилъ его: «что это значитъ, о властитель звѣрей, что твое положеніе перемѣнилось»? Тотъ отвѣчалъ: «это война утомила меня; лекарства тому нѣтъ иного, кромѣ сердца осла и его ушей». Шакалъ сказалъ: «какъ это легко достижимо! я знакомъ въ такой-то мѣстности съ однимъ осломъ, который у одного бѣлильщика носитъ его одежды; я приведу его». Вслѣдъ за тѣмъ онъ явился къ ослу, пришелъ къ нему, сказалъ ему привѣтствіе и спросилъ его: «что это я вижу тебя (такимъ) тощимъ»? Тотъ отвѣчалъ: «не кормитъ меня совсѣмъ мой хозяинъ». (Шакалъ) тогда спросилъ его: «какъ-же ты соглашаешься жить у него, несмотря на это»? Тотъ отвѣчалъ: «некуда мнѣ уйти, да и въ какую-бы сторону я ни направился, меня начнетъ притѣснять человѣкъ, станетъ меня натруждать и держать впроголодь». Шакалъ сказалъ: «я покажу тебѣ одно мѣсто, уединенное отъ людей, мимо котораго не проходитъ (ни одинъ) человѣкъ, съ роскошными пастбищами, гдѣ (живетъ) одна ослица, подобной которой по красотѣ и полнотѣ не видѣлъ (ни одинъ) глазъ; она нуждается въ самцѣ.» Оселъ отвѣчалъ: «что-же насъ удерживаетъ отъ этого (214): отправимся къ ней». Итакъ шакалъ отправился съ нимъ, направляясь ко льву. Шакалъ зашелъ впередъ, вошелъ въ лѣсъ ко льву и сообщилъ ему о присутствіи осла. Тотъ вышелъ къ нему—желалъ кинуться на него и не могъ вслѣдствіе своей слабости. Оселъ спасся отъ него и, упущенный, (побѣжалъ) отъ испуга безъ оглядки. Увидѣвъ, что левъ (ничего) не могъ сдѣлать съ осломъ, шакалъ сказалъ ему: «до этакой степени ты обезсилѣлъ, о властитель звѣрей»! Тотъ ему отвѣчалъ: «еслибы ты привелъ его въ другой разъ, ужъ не спасется онъ отъ меня во вѣки». Шакалъ ушелъ къ ослу и сказалъ ему: «что̀ произошло съ тобой? это вѣдь ослица кинулась къ тебѣ вслѣдствіе силы своей страсти и возбужденія; но еслибы ты устоялъ передъ нею, она сдѣлалась-бы къ тебѣ нѣжна». Когда оселъ услышалъ упоминаніе объ

ослицѣ, страсть его была возбуждена: онъ заревѣлъ и отправился въ дорогу ко льву. Шакалъ его предупредилъ у льва, сообщилъ послѣднему о его присутствіи и сказалъ ему: «я для тебя его обманулъ; но пусть на этотъ разъ не осилитъ тебя слабость, потому что если онъ вырвется, то не возвратится уже со мною во вѣки». Взволновались помыслы льва отъ побужденія его шакаломъ: онъ вышелъ къ мѣсту нахожденія осла и, завидѣвъ его, ухитрился сдѣлать на него такой прыжокъ, при которомъ растерзалъ его. Послѣ того онъ сказалъ: «врачи говорили, что его должно ѣсть только послѣ омовенія и очищенія; поэтому постереги его пока я возвращусь: тогда я съѣмъ его сердце и уши, а остальное ты отложи въ сторону, въ пищу себѣ» (215). Когда левъ ушелъ умываться, шакалъ набросился на осла и съѣлъ его сердце и уши, надѣясь что левъ увидитъ въ немъ (ослѣ) дурное предзнаменованіе для себя и потому совсѣмъ не станетъ его ѣсть. Затѣмъ левъ возвратился на свое мѣсто и спросилъ у шакала: «гдѣ сердце осла и его уши»? Шакалъ отвѣчалъ: «развѣ-же ты не знаешь, что, еслибы у него были сердце и уши, не возвратился-бы онъ къ тебѣ послѣ того какъ вырвался и спасся отъ гибели.»

На самомъ дѣлѣ я привелъ тебѣ эту басню для того, чтобы ты зналъ, что я вовсе не похожъ на этого осла, о которомъ шакалъ передавалъ, будто-бы у него не было сердца и ушей. Все-же ты устроилъ мнѣ хитрость и обманулъ меня: я тоже обманулъ тебя подобіемъ твоего обмана и загладилъ неумѣренность своего поступка. Сказано: кого развращаетъ жизненный опытъ, того исправляетъ только знаніе». Черепаха сказала: «ты говоришь правду, хотя человѣкъ правильныхъ воззрѣній узнается по своей погрѣшности, а когда онъ совершилъ проступокъ, то не стыдится, если его вразумляютъ; если-же впадаетъ въ напасть, она сама даетъ ему возможность избавиться отъ нея, подобно тому какъ человѣкъ, который спотыкнулся на землѣ, на землѣ-же встаетъ и поднимается. Вотъ примѣръ человѣка, который ищетъ нужнаго ему, а когда уже достигъ того, теряетъ его.

Кончилась глава объ обезьянѣ и черепахѣ.

(216) ГЛАВА ОБЪ ОТШЕЛЬНИКѢ И ЛАСКѢ.

Царь Дабшалимъ сказалъ философу Байдаба̂: «я уже выслушалъ эту притчу; приведи мнѣ теперь примѣръ человѣка, спѣшащаго въ своемъ дѣлѣ безъ всякаго разсмотрѣнія и взвѣшиванія послѣдствій». Философъ отвѣчалъ: «дѣйствительно, кто не будетъ сдержаннымъ въ своемъ дѣлѣ, тотъ постоянно будетъ раскаиваться, а дѣло его превратится въ то, что сдѣлалось съ отшельникомъ отъ убійства ласки, между тѣмъ какъ она была привязана къ нему». Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Философъ отвѣчалъ: «передаютъ, что былъ въ землѣ Джурджа̂нъ одинъ изъ отшельниковъ и у него была красивая жена, съ которой у него было общеніе. Такъ они жили оба нѣкоторое время, (въ продолженіе котораго) имъ не было даровано ребенка. Затѣмъ, послѣ потери всякой надежды, она зачала отъ него: жена была обрадована, радовался этому и отшельникъ; онъ воздалъ хвалу Всевышнему Богу и спрашивалъ у него: зародышъ будетъ мужскаго пола? Онъ сказалъ своей супругѣ: «прими пріятную новость: я надѣюсь, что онъ будетъ мальчикъ, отъ котораго намъ будетъ различная польза и успокоеніе; я выберу ему самое красивое изъ именъ и приглашу къ нему всѣхъ воспитателей». Жена отвѣчала: «что тебя побуждаетъ, о мужъ, разговаривать о томъ, чего ты не знаешь, будетъ-ли оно или нѣтъ! Кто дѣлаетъ это, съ тѣмъ случается то, что случилось съ отшельникомъ, пролившимъ на свою голову масло и медъ». Онъ спросилъ: «а какъ это было»? (217).

Она отвѣчала: «передаютъ, что былъ одинъ отшельникъ, которому каждый день отпускалась изъ дома одного человѣка, купца (по профессіи), извѣстная доля масла и меда; изъ нея онъ съѣдалъ свою часть для питанія и сколько ему бывало нужно, а остатокъ онъ бралъ, клалъ его въ глиняный сосудъ и вѣшалъ послѣдній на клинышекъ въ углу дома, такъ что, наконецъ, онъ наполнился. Однажды, въ то время какъ отшельникъ лежалъ на спинѣ съ посохомъ въ своей рукѣ, а глиняный сосудъ висѣлъ надъ его головой, онъ подумалъ о высокой сто-

имости этого масла и меда и сказалъ: «я непремѣнно продамъ содержимое этого сосуда за дйнâръ, а на него куплю десять овецъ: онѣ будутъ ягниться и производить ягнятъ каждые пять мѣсяцевъ по разу, и не пройдетъ много времени какъ составится многочисленное овечье стадо, когда станутъ ягниться ихъ дѣти». Затѣмъ по этому (способу) онъ приблизительно вычислилъ (прибыль) для нѣсколькихъ лѣтъ: онъ нашелъ, (что) это (будетъ) болѣе четырехсотъ овецъ. Тогда онъ сказалъ: «я куплю на нихъ сто головъ рогатаго скота, по быку и коровѣ за каждыя четыре овцы; куплю земли и сѣмянъ, найму батраковъ, съ помощью быковъ вспашу (землю), и въ то-же время буду извлекать пользу изъ ихъ самокъ въ видѣ молока и телятъ: не пройдетъ пяти лѣтъ, какъ я получу съ пашни большое имѣніе. Тогда я выстрою себѣ великолѣпный домъ, накуплю невольницъ и рабовъ и женюсь на женщинѣ красивой и прекрасной; я войду къ ней и она зачнетъ. Затѣмъ она принесетъ мнѣ благороднаго, остроумнаго мальчика, а я выберу ему самое прекрасное изъ именъ: когда онъ подросъ-бы, я далъ-бы ему хорошее воспитаніе, во время чего былъ-бы съ нимъ строгъ (218); если онъ слушалъ-бы меня, (то хорошо), иначе ударилъ-бы его этимъ посохомъ», онъ замахнулся своею рукой на глиняный сосудъ и разбилъ его, и то, чтȯ было въ немъ, потекло по его лицу.

На самомъ дѣлѣ я привела эту басню для того, чтобы ты не спѣшилъ упоминать о томъ, о чемъ не слѣдуетъ упоминать и о чемъ ты не знаешь, осуществится-ли оно или не осуществится». Отшельникъ былъ убѣжденъ тѣмъ, чтȯ разсказала ему его супруга.

Послѣ того жена родила красиваго мальчика. Отецъ обрадовался ему. Но черезъ нѣсколько дней ей наступило время очиститься. Тогда жена сказала отшельнику: «посиди подлѣ своего сына пока я схожу въ баню: я омоюсь и вернусь назадъ». Вслѣдъ за тѣмъ она отправилась въ баню и оставила своего мужа съ мальчикомъ. Не прошло много времени какъ пришелъ посланецъ царя, приглашая его. Онъ не нашелъ никого, чтобы оставить подлѣ своего сына, кромѣ жившей у него ласки; онъ воспиталъ ее маленькою, и она поэтому была у него все равно что его ребенокъ. Итакъ отшельникъ оставилъ ее около маль-

чика, заперъ за ними домъ и ушелъ съ посланнымъ. Изъ одной изъ домовыхъ норъ вышла черная змѣя и приблизилась къ мальчику. Тутъ ласка сразилась съ нею, бросилась на нее и убила ее; вслѣдъ за тѣмъ она разорвала ее на куски и ротъ ея наполнился кровью ея (змѣи). Послѣ того пришелъ отшельникъ; онъ отворилъ дверь и ласка встрѣтилась ему какъ-бы намекая ему, на то, чтò она сдѣлала. Когда-же онъ увидѣлъ ее обагренною кровью, разсудокъ его улетѣлъ и онъ подумалъ, что она задушила его ребенка; онъ не сдержался при этомъ случаѣ и не разслѣдовалъ его, чтобы узнать совсѣмъ противное тому, чтò онъ предполагалъ (219), напротивъ, поспѣшилъ къ ласкѣ и ударилъ ее по макушкѣ головы посохомъ, который былъ въ его рукѣ, и та умерла. Вошелъ отшельникъ и увидѣлъ мальчика здоровымъ и живымъ, а подлѣ него разорванною черную змѣю. Когда онъ узналъ происшествіе и когда объяснилась ему скверность его поступка въ поспѣшности, онъ ударилъ себя по головѣ и сказалъ: «о, еслибы мнѣ не было даровано этого ребенка, я не совершилъ-бы этой измѣны»! Вошла его жена и нашла его въ такомъ положеніи. Она спросила его: «въ чемъ твое дѣло»? Тогда онъ разсказалъ ей исторію о прекрасномъ поступкѣ ласки и зломъ его возмездіи ей. Она отвѣчала: «вотъ плодъ поспѣшности». Вотъ примѣръ того, кто не сдержанъ въ своемъ дѣлѣ, а напротивъ выполняетъ свои дѣла съ поспѣшностью и торопливостью.

Кончилась глава объ отшельникѣ и ласкѣ.

(220) ГЛАВА О КРЫСѢ И КОШКѢ.

Царь Дабшали̂мъ сказалъ философу Байдаба̂: «я уже выслушалъ эту притчу; приведи мнѣ теперь примѣръ человѣка, который, имѣя много враговъ себѣ, окружающихъ его со всѣхъ сторонъ, попавши вмѣстѣ съ ними въ опасность погибнуть, добивается спасенія и выхода съ помощью обходительности и примиренія съ однимъ изъ своихъ враговъ, выходитъ невредимымъ изъ страха и становится въ безопасности, а послѣ того къ тому, кто изъ нихъ оказалъ ему услугу, относится уже добросовѣстно.» Философъ отвѣчалъ: «дѣйствительно, любовь и вражда не поддерживаются вѣчно въ одномъ и томъ-же положеніи, но иногда любовь можетъ измѣниться во вражду, а вражда можетъ превратиться въ задушевность и интимность. Этому (способствуютъ) случайности, различныя происшествія и испытанія. Человѣкъ разсудительный для всякаго случающагося съ нимъ (происшествія) соображаетъ новый планъ: если это произошло со стороны его врага, то съ помощью силы, а если со стороны друга, то посредствомъ мягкихъ пріемовъ. Человѣку разумному вражда ко врагу его, заключенная въ его сердцѣ, не мѣшаетъ все-же сблизиться съ послѣднимъ и просить у него подкрѣпленія при отвращеніи опасности или при привлеченіи искомаго. А кто дѣйствуетъ при этомъ съ твердостью, тотъ добивается чего ему нужно, и примѣромъ ему можетъ служить притча о крысѣ и кошкѣ, когда онѣ обѣ попались въ бѣду и спаслись сообща, помощью своего примиренія и твердости». Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Байдаба̂ отвѣчалъ: «передаютъ, что (221) у корня одного большаго дерева была нора кошки, которую звали Ру̂ми̂, а вблизи нея была нора крысы, которую звали Фари̂ду̂нъ. Много охотниковъ перебывало въ этой мѣстности, охотясь въ ней на звѣрей и птицъ. Итакъ однажды остановился одинъ птицеловъ и растянулъ свои сѣти вблизи жилища Ру̂ми̂. Не прошло много времени какъ онъ попался въ нихъ. Вышла крыса, ползая, выискивая чего поѣсть и остерегаясь Ру̂ми̂. Въ то время

какъ она трудилась, вотъ завидѣла ее (кошку) въ сѣти: она обрадовалась и повеселѣла. За тѣмъ оглядѣлась она и замѣтила за собою ласку, которая хочетъ схватить ее, а въ деревѣ сову, которая хочетъ унести ее, и задумалась о своемъ положеніи: она боялась, если обратится назадъ, что ее схватитъ ласка; если-же пойдетъ направо или налѣво, унесетъ ее сова, а если двинется впередъ, растерзаетъ ее кошка. Поэтому она сказала въ душѣ своей: «вотъ стѣснила меня бѣда, различное зло показалось мнѣ (отовсюду) и затрудненія окружили меня; послѣ всего все-же со мною мой разумъ. Итакъ пусть не пугаетъ меня мое положеніе, пусть не страшитъ меня серьезность случая, пусть не достигаетъ меня изумленіе и пусть не уходитъ лучами присутствія моего духа: отъ умнаго вѣдь не удаляется его разсудительность, а равно и не отходитъ его проницательность въ данномъ положеніи. На оборотъ, его разумъ похожъ на море, глубина котораго недостижима. Пусть не приводитъ бѣда человѣка разсудительнаго къ безсилію и да не губитъ его; не слѣдуетъ также, чтобы у него имѣла мѣсто надежда, которая его приведетъ къ ослѣпленію и къ самозабвенію и замаскируетъ ему его положеніе. Я не вижу (222) себѣ иного избавленія отъ этой бѣды, кромѣ примиренія съ кошкой. Ее тоже вѣдь постигла бѣда (вполнѣ) или только отчасти одинаковая съ тѣмъ, что̀ постигло меня. Пожалуй, когда она выслушаетъ мои слова, которыя я скажу, уразумѣетъ мою краснорѣчивую рѣчь и мою чистую правду, въ которой нѣтъ противорѣчій, ни обмана, она пойметъ это и пожелаетъ для себя моей помощи, и мы такимъ образомъ сообща спасемся». Послѣ того крыса приблизилась къ кошкѣ и спросила ее: «каково твое положеніе»? Кошка ей отвѣчала: «какого ты желаешь: въ стѣсненіи и затрудненіи». Та сказала: «сегодня я твой товарищъ по бѣдѣ и надѣюсь на спасеніе себя только посредствомъ того, въ чемъ и для тебя ожидаю избавленія; а въ этихъ моихъ словахъ вовсе нѣтъ лжи или обмана. Вотъ ласка подстерегаетъ меня, а сова караулитъ меня, и каждый изъ нихъ двоихъ врагъ мнѣ и тебѣ. Итакъ, если ты дашь мнѣ пощаду, я разорву твои веревки и спасу тебя отъ этой напасти. Когда это произойдетъ, каждый изъ насъ спасется черезъ своего товарища, какъ судно и пассажиры на морѣ: они спасаются по-

средствомъ судна, а судно спасается посредствомъ нихъ.» Когда кошка выслушала слова крысы и поняла, что она говоритъ правду, она сказала ей: «въ самомъ дѣлѣ, эти твои слова похожи на истину; я также сильно желаю того, въ чемъ ожидаю спасенія для тебя и для себя самой. И далѣе, если ты дѣйствительно сдѣлаешь это, я буду тебѣ благодарна пока существую.» Крыса отвѣчала: «итакъ, я (223) приближусь къ тебѣ и перерву всѣ веревки, за исключеніемъ одной, которую я оставлю, чтобы имѣть у тебя залогъ за свою личность». За тѣмъ она принялась грызть ея сѣти. Вслѣдъ за тѣмъ сова и ласка, замѣтивъ приближеніе крысы къ кошкѣ, потеряли на нее надежду и удалились. Послѣ этого крыса замедлила у Рӯмӣ разгрызаніе веревокъ. Тогда та спросила ее: «что это я не вижу тебя усердной въ разгрызаніи моихъ путъ? Если ты уже достигла своихъ интересовъ и потому измѣняешь теперь тому, что̀ лежитъ на тебѣ, и небрежно относишься къ моимъ интересамъ, то это вовсе не поступокъ порядочныхъ (людей); ибо благородный не относится небрежно къ законнымъ требованіямъ своего товарища. Въ предыдущемъ моя любовь къ тебѣ была тебѣ въ пользу и выгоду, что̀ ты сама видишь; тебѣ и подобаетъ вознаградить меня за это, а не вспоминать о враждѣ, которая (существовала) между мною и тобою, ибо примиреніе, случившееся между мною и тобою, способно заставить тебя забыть это; при всемъ томъ (принимая во вниманіе), что преимущество и воздаяніе проистекаютъ изъ добросовѣстности, а дурныя послѣдствія—отъ измѣны. Ибо благородный бываетъ только признательнымъ, а не мстительнымъ; одно качество хорошее заставляетъ забывать много качествъ дурныхъ. Сверхъ того говорится, что самымъ скорымъ возмездіемъ (бываетъ) возмездіе за измѣну: кто, когда ему подчиняются и просятъ у него прощенія, не умилосердится, не проститъ, — измѣнникъ». Крыса сказала: другъ бываетъ двухъ сортовъ: самовольный и приневоленный; и тотъ и другой изъ нихъ добиваются выгоды и остерегаются (224) вреда. Что касается самовольнаго, то на него полагаются и ему довѣряютъ во всѣхъ случаяхъ; что-же касается приневоленнаго, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ на него полагаются, въ нѣкоторыхъ-же его остерегаются. Умный постоянно беретъ у него въ залогъ нѣкоторые изъ его интересовъ изъ-за того, чего

онъ оберегается и опасается. Цѣль общенія со стороны входящаго въ сношеніе — только преслѣдованіе скорой выгоды и своей надежды. Я добросовѣстна съ тобою въ томъ, что̀ предложила тебѣ, но въ то-же время я остерегаюсь тебя; при этомъ я опасаюсь тебя съ разсчетомъ, чтобы не постигло меня съ твоей стороны то, страхъ чего побудилъ—меня къ примиренію съ тобою, а тебя побудилъ къ принятію этого съ моей стороны. Ибо для всякаго поступка есть (свой) моментъ: который изъ нихъ не происходитъ въ свое время, тотъ не имѣетъ результата. Я перерву всѣ твои петли, но только оставлю одну петлю, которую я возьму въ залогъ отъ тебя; ее я разорву только въ тотъ часъ, въ который узна̀ю, что ты занята не мною, это именно при видѣ охотника». Вслѣдъ за тѣмъ крыса принялась разгрызать петли кошки. Пока она (находилась) въ такомъ (занятіи), вотъ подошелъ издали охотникъ. Тутъ кошка сказала ей: «теперь настало (время) усердно разгрызать мои петли». Крыса напрягалась, грызя; наконецъ, когда покончила, кошка вспрыгнула на дерево къ изумленію охотника, а крыса вошла въ одну изъ норъ. Охотникъ пришелъ, забралъ свои разгрызенныя сѣти, за тѣмъ удалился смущенный. Послѣ того крыса вышла изъ своей норы и избѣгала подойти (225) къ кошкѣ. Кошка ей закричала: «о преданный другъ, прекрасно испытанный относительно меня, что тебѣ мѣшало подойти ко мнѣ, чтобы я тебя вознаградила за то добро, что̀ ты оказала мнѣ. Ступай ко мнѣ и не порывай братства со мною. Вѣдь кто избираетъ себѣ друга, а за тѣмъ разрываетъ братство съ нимъ и уничтожаетъ дружбу къ нему, тотъ лишается плода братства съ нимъ, и на выгоду отъ него перестаютъ надѣяться собратья и друзья. Въ самомъ дѣлѣ, твоя милость въ моемъ сознаніи: она не позабудется. Ты имѣешь право просить за это воздаянія у меня, а равно и у моихъ собратьевъ и друзей. Не опасайся меня нисколько и знай, то, что̀ есть у меня, предоставляется тебѣ». Потомъ она клялась и настаивала на правдѣ своей въ томъ, что̀ она сказала. Крыса ей закричала: «иногда сущностью видимой дружбы бываетъ скрытая вражда, которая сильнѣе явной вражды; кто не остерегается ея,—попадаетъ въ положеніе человѣка, который сидитъ верхомъ на клыкѣ раздраженнаго слона, за тѣмъ его одолѣ-

ваетъ дремота и онъ просыпается подъ ногами слона: тотъ наступаетъ на него и убиваетъ его. На самомъ дѣлѣ, другъ называется другомъ за выгоду, которая отъ него ожидается, а врагъ называется врагомъ за вредъ, котораго отъ него опасаются. Разумный-же, когда ожидаетъ выгоды отъ врага, оказываетъ ему дружбу, а когда боится вреда отъ друга, оказываетъ ему вражду. Развѣ ты не видишь, что слѣдованіе домашнихъ животныхъ за ихъ матерями (происходитъ) изъ ожиданія ихъ молока; когда-же это нарушается, они удаляются отъ нихъ? Иногда другъ порывается своимъ другомъ часть тѣхъ (отношеній) (226), которыя ихъ соединяли и не боится его зла, потому что сущностью его природы не была вражда; что-же касается того, кто, имѣя основаніемъ натуры природную вражду, за тѣмъ заключитъ дружбу изъ-за какого-нибудь интереса, который его понудилъ къ этому, то, если исчезнетъ интересъ, исчезнетъ и дружба его, перемѣнится во вражду и превратится въ основаніе его натуры— какъ вода, которая нагрѣвается посредствомъ огня: когда примутъ ее съ него, она становится опять холодною. Изъ моихъ враговъ нѣтъ для меня врага вреднѣе тебя. Интересъ принудилъ меня и тебя къ тому примиренію, которое произошло между нами; теперь удалилось то событіе, при которомъ ты нуждалась во мнѣ, а я въ тебѣ, и я опасаюсь, что вмѣстѣ съ его удаленіемъ произойдетъ возвращеніе вражды. А нѣтъ добра слабому вблизи сильнаго врага, ни безсильному вблизи могущественнаго врага. Я не знаю за тобою иного интереса во мнѣ, развѣ что ты желаешь меня съѣсть; къ тебѣ нѣтъ довѣрія. Вѣдь я знаю, что слабый, остерегающійся сильнаго врага, ближе къ невредимости, нежели сильный, если онъ заблуждается на счетъ слабаго и полагается на него. Умный примиряется со своимъ врагомъ, когда бываетъ принужденъ къ тому; онъ вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку, оказываетъ ему любовь и показываетъ ему даже свое личное довѣріе, если находитъ это необходимымъ во что-бы то ни стало. За тѣмъ онъ спѣшитъ отвратиться отъ него въ тотъ моментъ, когда находитъ къ тому возможность. Сверхъ того знай, что скорый (227) на довѣріе не гарантированъ отъ спотыканія, а умный держится своихъ обязательствъ, которыя онъ самъ по себѣ заключилъ съ тѣмъ изъ своихъ враговъ, съ которымъ онъ примирился; однако не оказываетъ ему

полнаго довѣрія и не считаетъ его безопаснымъ для себя, несмотря на близость къ нему; онъ удаляется отъ него какъ только возможетъ. Я люблю тебя издалека и желаю тебѣ долговременной жизни и здоровья, чего я не желала тебѣ раньше. На тебѣ лежитъ (долгъ) вознаградить меня за мой поступокъ только одинаковымъ съ этимъ, такъ какъ нѣтъ возможности намъ соединиться. Прощай.»

Кончилась глава о крысѣ и кошкѣ.

(228) ГЛАВА О ЦАРѢ И ПТИЦѢ ФАНЗАҺ.

Царь Дабшалимъ сказалъ философу Байдаба̂: «я уже выслушалъ эту притчу; приведи мнѣ теперь примѣръ людей мстительныхъ, которые непремѣнно остерегаются другъ друга». Байдаба̂ отвѣчалъ: «передаютъ, что (былъ) одинъ изъ царей Индіи, котораго звали Бари̂ду̂нъ, и у него была птица, которую звали ФанзаҺ. У нея былъ птенецъ: эта птица и ея птенецъ говорили съ прекраснымъ выговоромъ, и царь былъ отъ нихъ въ восхищеніи. Онъ распорядился на счетъ ихъ, чтобы онѣ были помѣщены у его жены, а ей приказалъ беречь ихъ. Случилось, что жена царя родила мальчика. Птенецъ подружился съ мальчикомъ и оба малютки играли вмѣстѣ. ФанзаҺ обыкновенно уходила каждый день на гору и приносила незнаемыхъ плодовъ.—одной половиною ихъ кормила царскаго сына, а другою половиною кормила своего птенца. Это ускоряло ихъ ростъ и подкрѣпляло ихъ юность; слѣды этого обнаружились на нихъ царю, и онъ усилилъ свое почтеніе, уваженіе и любовь къ Фанзѣ. Наконецъ, когда наступилъ одинъ изъ дней и ФанзаҺ отлучилась, собирая плоды, птенецъ ея сидѣлъ на колѣняхъ мальчика и испражнился на нихъ. Мальчикъ разсердился, схватилъ птенца, ударилъ его о землю и тотъ умеръ. Послѣ этого подошла ФанзаҺ и нашла своего птенца убитымъ (229). Она тогда закричала, опечалилась и сказала: «скверно вельможамъ, у которыхъ нѣтъ совѣсти и честности, и горе тому, кто попалъ въ общество вельможъ, у которыхъ нѣтъ чувства чести и уваженія: они никого не любятъ и у нихъ почтенъ бываетъ (кто-либо) только въ томъ случаѣ, когда они добиваются находящагося у него богатства или нуждаются въ присущемъ ему знаніи и потому уважаютъ его; когда-же достигнутъ своего интереса, то уже нѣтъ у нихъ ни любви, ни братства, ни милости, ни прощенія грѣха, ни признанія правъ; они — тѣ, карьера которыхъ (основана) на лицемѣріи и нечестіи; они считаютъ легкими тѣ большіе проступки, которые совершаютъ (сами), а незначительное считаютъ важнымъ, когда въ этомъ заключается ихъ капризъ. Изъ числа ихъ

этотъ невѣрный, у котораго нѣтъ милосердія, предатель своего друга и брата.» Послѣ этого она бросилась на лицо мальчику и выцарапала ему глазъ, за тѣмъ улетѣла и спустилась на крышу дома. Вслѣдъ за тѣмъ это дошло до царя: онъ опечалился сильнѣйшею печалью и пожелалъ тогда придумать хитрость противъ птицы. Онъ остановился недалеко отъ нея и закричалъ ей: «ты въ безопасности: итакъ спустись, о Фанзаһ»! Она ему отвѣчала: «о царь, измѣнникъ на самомъ дѣлѣ бываетъ въ отвѣтѣ за собственную измѣну, ибо если его и минуетъ скорое возмездіе, все-же не минуетъ его конечный исходъ, и наконецъ вѣдь (кара) постигаетъ даже его потомковъ. Твой сынъ дѣйствительно предательски обошелся съ моимъ сыномъ и поэтому я поспѣшила къ нему съ возмездіемъ.» Царь ей сказалъ: «клянусь своею жизнью, мы обошлись предательски съ твоимъ сыномъ, и ты отмстила намъ. Итакъ, ни тебѣ съ нашей стороны, ни намъ съ твоей стороны нечего искать мести: вернись (230) къ намъ въ безопасности». Фанзаһ отвѣчала: «я не вернусь къ тебѣ во-вѣки, ибо люди разсудительные запрещаютъ приближаться къ отмщенному: вѣдь привѣтливость злопамятнаго и его обходительность и уваженіе къ тебѣ только усилятъ твое отвращеніе къ нему и твое дурное о немъ мнѣніе. Итакъ, въ самомъ дѣлѣ, ты не найдешь болѣе надежной для себя поруки за отмщеннаго, чѣмъ опасеніе его, и болѣе лучшей, чѣмъ удаленіе отъ него: правильнѣе—его остерегаться. Было сказано: умный считаетъ своихъ родителей—друзьями, братьевъ—товарищами, женъ—сожительницами, сыновей—памятью (по себѣ), дочерей—противниками, родственниковъ—кредиторами, а себя самого считаетъ изолированнымъ. Я изолированъ, одинокъ, странникъ, изгнанникъ, запасся у васъ тяжелою ношей печали, которой я не снесу одинъ съ собою. Я ухожу, а тебѣ отъ меня прощальный поклонъ.» Царь сказалъ ей: «еслибы ты не отплатила намъ за то, что̀ мы тебѣ сдѣлали, или еслибы твой поступокъ съ нами былъ безъ повода съ нашей стороны въ видѣ предательства,—дѣло обстояло-бы такъ, какъ ты разсказываешь; но такъ какъ *мы* тебѣ дали поводъ, то не твоя вина. Итакъ, что-же такое удерживаетъ тебя отъ довѣрія намъ? Ступай, вернись: ты вѣдь въ безопасности!» Фанзаһ отвѣчала: «я знаю, что скрытая ненависть имѣетъ въ сердцахъ прочныя, причи-

няющія боль положенія: языки не говорятъ правды о сердцахъ; сердце бываетъ болѣе справедливо, чѣмъ языкъ, при свидѣтельствѣ о сердцѣ. Я сознаю, что сердце мое не можетъ свидѣтельствовать въ пользу твоего языка, ни равно твое сердце въ пользу моего языка». Царь сказалъ: развѣ ты не знаешь, что (231) озлобленность и ненависть существуютъ между множествомъ людей; но кто человѣкъ разсудительный, тотъ болѣе стремится умертвить ненависть въ себѣ, нежели ее развивать». Фанзаh отвѣчала: «это, правда, такъ, какъ ты сказалъ; но не слѣдуетъ-же человѣку разсудительному при всемъ этомъ думать, что отмщенный злопамятный человѣкъ забываетъ, что ему было отплачено и что будто-бы месть можетъ быть отклонена отъ него. Напротивъ, человѣкъ разсудительный опасается козней, обмана и хитростей и знаетъ (при томъ), что многіе враги не могутъ быть (побѣждены) силою и заносчивостью, а въ концѣ концовъ улавливаются деликатностью и тонкимъ образомъ дѣйствій, подобно тому какъ дикій слонъ ловится посредствомъ ручнаго слона.» Царь сказалъ: «на самомъ дѣлѣ, умный, благородный не покидаетъ своего друга, не удаляетъ своихъ друзей и не теряетъ дружескихъ связей, если даже онъ боится за себя самого; наконецъ, эта черта существуетъ и у самыхъ смиренныхъ по достоинству животныхъ: ты знаешь вѣдь, что фокусники играютъ съ собаками, а за тѣмъ закалываютъ ихъ и съѣдаютъ; это видитъ-же собака, которая къ нимъ привязана, и ей мѣшаетъ отдѣлиться отъ нихъ ея привязанность къ нимъ». Фанзаh отвѣчала: «разумѣется, ненависть опасна, гдѣ-бы она ни была; но опаснѣе ея и свирѣпѣе та, что̀ бываетъ въ душахъ вельможъ, ибо они руководятся на судѣ мстительностью и находятъ достиженіе и стяжаніе мести — почетнымъ и славнымъ. Итакъ умный не поддается иллюзіямъ при затишьи ненависти, когда она улеглась: ибо примѣромъ ненависти въ сердцѣ, когда она еще не нашла импульса служитъ примѣръ скрытаго, тлѣющаго угля, который не нашелъ еще дровъ (232). Затаенная ненависть постоянно высматриваетъ поводы, подобно тому какъ огонь рвется къ дровамъ; когда-же она найдетъ какой нибудь поводъ,—вспыхиваетъ подобно вспышкѣ огня: ее уже тогда не потушатъ ни хорошія слова, ни мягкость, ни деликатность, ни повиновеніе, ни моленіе, ни сдѣлка, ни что другое,

кромѣ погубленія души. При всемъ томъ мстящій иногда желаетъ вернуть хорошія отношенія къ отмщенному изъ-за того, что онъ надѣется — тотъ въ состояніи принести ему пользу и защитить его. Однако я слишкомъ слабъ для того, чтобы могъ (отважиться) на что нибудь такое, благодаря чему удалилось-бы то, что въ душѣ твоей; даже еслибы твоя душа была по отношенію ко мнѣ въ томъ (положеніи), какъ ты говоришь, то это все-же не было-бы для меня облегчительнымъ, — я не прекращу опасенія, отвращенія и дурныхъ предположеній пока мы не сблизимся; а единственный планъ среди насъ, это — только разлука. Я говорю тебѣ прощай». Царь сказалъ: «ты уже знаешь, что̀ никто не въ состояніи сдѣлать кому-либо вреда или пользы, и что нѣтъ ни *одной* незначительной изъ вещей, ни многихъ, которыя случались-бы съ кѣмъ либо иначе какъ по судьбѣ и по предначертанному предопредѣленію. Такимъ образомъ, напримѣръ, сотвореніе того, что̀ творится, рожденіе того, что̀ рождается, существованіе того, что̀ существуетъ — (произошло само собою), и твари тутъ не при чемъ; подобно этому — исчезновеніе того, что̀ исчезаетъ, и гибель того, что̀ гибнетъ; за тобой нѣтъ вины въ томъ, что̀ ты сдѣлала съ моимъ сыномъ, и за сыномъ моимъ также въ томъ, что̀ онъ сдѣлалъ съ твоимъ, нѣтъ вины: наоборотъ, все это было предопредѣлено судьбою, а мы оба — только поводъ для нея. Итакъ, не считайся съ тѣмъ, что̀ намъ принесла судьба.» Фанзаһ отвѣчалъ: «правда, судьба такова, какъ ты сказалъ; но все-таки это не препятствуетъ (233) серьезному человѣку остерегаться опасности и беречься козней. Напротивъ, онъ присоединяетъ къ вѣрѣ въ судьбу настойчивое и энергичное дѣйствіе. Я знаю, что ты говорилъ мнѣ иное, чѣмъ то, что̀ въ твоей душѣ; дѣло между мною и тобою далеко не маловажное, потому что твой сынъ убилъ моего сына, а я выцарапала глазъ твоему сыну. Ты желаешь утолить себя моимъ убійствомъ и сбиваешь меня съ толку, а душа моя отказывается отъ смерти. Было-же сказано: стѣсненныя обстоятельства — бѣда, горесть — бѣда, близость къ врагу — бѣда и разлука съ друзьями — бѣда, недугъ — бѣда и старость — бѣда, но глава всѣхъ бѣдъ — смерть. Нѣтъ никого знающаго лучше о томъ, что̀ находится въ душѣ человѣка, подвергшагося страданію и грустнаго, чѣмъ тотъ, кто вкусилъ одинаковое тому, что̀

(выпало) на его долю. Итакъ, я сообразно съ тѣмъ, что̀ въ моей душѣ, знаю о томъ, что̀ въ твоей душѣ, благодаря присутствію у меня того-же самаго. Нѣтъ мнѣ добра въ сближеніи съ тобою, потому что какъ только вспомнишь ты мой поступокъ съ твоимъ сыномъ или какъ только я вспомню поступокъ твоего сына съ моимъ сыномъ, это (тотчасъ-же) произведетъ въ нашихъ сердцахъ ожесточеніе». Царь сказалъ: «нѣтъ добра въ томъ, кто не въ состояніи отвратить того, что̀ въ душѣ его, забыть то и отложить (въ сторону) такъ, чтобы не вспоминать о немъ совсѣмъ и чтобы не было этому у него въ душѣ доступа,». Фанзаһ отвѣчала: «поистинѣ, если человѣкъ, у котораго внутри ступни язва, — если очень пожелаетъ идти, то непремѣнно язва его облупится, а человѣкъ съ воспаленіемъ въ глазу, когда выходитъ съ нимъ на вѣтеръ, подвергаетъ себя увеличенію воспаленія. Точно такъ-же мститель (234), когда приближается къ отмщенному, подвергаетъ себя гибельнымъ случайностямъ; мірской человѣкъ можетъ только беречься гибельныхъ и разрушительныхъ моментовъ, взвѣшивать событія, мало полагаться на свою мощь и силу и не поддаваться тому, кому не довѣряетъ. Дѣйствительно, кто уповаетъ на свою силу, это его побуждаетъ идти по пути опасному и онъ трудится на погибель свою; кто не соразмѣряетъ своей пищи и принуждаетъ себя къ тому что̀ ему не по силамъ и чего онъ не перенесетъ, тотъ убиваетъ себя: кто не соразмѣряетъ куска, а увеличиваетъ его сверхъ того, что̀ вмѣщаетъ его ротъ, тотъ иногда давится имъ и умираетъ; кто обманывается словами своего врага, заблуждается въ нихъ и теряетъ рѣшимость, тотъ враждебнѣе самому себѣ, чѣмъ его врагъ. Не слѣдуетъ поджидать судьбы тому, кто не знаетъ, что̀ она ему принесетъ и что̀ отъ него отвратитъ; однако ему слѣдуетъ дѣйствовать съ рѣшимостью, взяться за дѣло энергично и разсчитывать на себя въ этомъ. Умный не боится никого, не подчиняется, не останавливается передъ боязнью и находитъ себѣ выхо̀дъ. Я имѣю много выходовъ и надѣюсь, что не уйду въ какомъ нибудь направленіи, не доставши въ немъ того, что̀ меня облегчило-бы. Ибо (есть) пять качествъ, — кто запасется ими, ихъ становится ему достаточно во всякомъ направленіи, они ласкаютъ его во всякой чужбинѣ, приближаютъ къ нему далекое и пріобрѣтаютъ ему средства пропитанія и друзей: первое изъ

нихъ — отвращеніе непріятности; второе — хорошее воспитаніе; третье — избѣжаніе недоумѣнія; четвертое — благородство характера; пятое (235) — дѣйствія съ достоинствомъ. Когда человѣкъ боится за себя чего-нибудь, ему не жалко ни имущества, ни жены, ни дѣтей, ни родины; ибо онъ надѣется найти что-нибудь взамѣнъ всего этого, но не надѣется найти ничего въ замѣнъ самого себя.

Самое дурное богатство то, которому нѣтъ расходовъ; самая дурная изъ женъ та, которая не живетъ со своимъ мужемъ; самый дурной сынъ—мятежный, не повинующійся своимъ родителямъ; самый дурной изъ друзей—покидающій своего друга при напастяхъ и трудныхъ случаяхъ; самый дурной царь — тотъ, котораго боится невинный и который не стоитъ на стражѣ охраненія жителей своего государства; самая дурная область—та, въ которой нѣтъ ни плодородія, ни безопасности. И мнѣ тоже нѣтъ безопасности подлѣ тебя, о царь, ни спокойствія въ твоемъ сосѣдствѣ». За тѣмъ она простилась съ царемъ и улетѣла. Вотъ примѣръ людей мстительныхъ, которымъ не слѣдуетъ довѣряться другъ другу.

Кончилась глава о царѣ и птицѣ.

(236) ГЛАВА О ЛЬВѢ И ШАʿЋАРѢ-ОТШЕЛЬНИКѢ, ОНЪ-ЖЕ ШАКАЛЪ.

Царь Дабшалûмъ сказалъ философу Байдабâ: «я выслушалъ уже эту басню; приведи мнѣ теперь примѣръ того, кто приближаетъ, одумавшись, (кого нибудь) потерпѣвшаго наказаніе безъ преступленія или дурное обращеніе безъ вины». Философъ отвѣчалъ: «поистинѣ, если царь не возвращаетъ расположенія тому, кто потерпѣлъ отъ него дурное обращеніе за вину или безъ вины, справедливо или несправедливо, это нанесетъ вредъ его дѣламъ. Напротивъ, царю надлежитъ внимательно разсмотрѣть дѣло того, кто попался въ это, и сдѣлать испытаніе присущихъ ему полезныхъ качествъ: если онъ (одинъ) изъ тѣхъ, на кого можно положиться въ его разсудительности и довѣріи, то царю надлежитъ сильно стремиться возвратить свое расположеніе, ибо утвержденіе власти возможно только съ людьми разсудительными, они-же везûри и помощники. Однако польза отъ везûрей и помощниковъ получается только при любви и преданности, а любовь и преданность бываетъ только у людей разсудительности и трезвости. Многочисленны дѣла султâна,—и дѣятели и помощники, въ которыхъ онъ для нихъ нуждается, тоже многочисленны. Кто (237) изъ нихъ соединяетъ въ себѣ преданность и трезвость, о которыхъ я упомянулъ, въ маломъ количествѣ, то примѣромъ его въ этомъ можетъ служить примѣръ льва и шакала». Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Философъ отвѣчалъ: передаютъ, что одинъ шакалъ обиталъ въ одной изъ пещеръ. Онъ былъ набоженъ и былъ сдержанъ съ шакалами женскаго пола, съ волками и лисицами; онъ не дѣлалъ того, что̀ они дѣлали, и не заблуждался, какъ они заблуждались; онъ не проливалъ крови и не ѣлъ мяса. Тѣ звѣри тогда разсорились съ нимъ и сказали: «мы не согласны съ твоимъ образомъ жизни, и твое убѣжденіе въ набожности, котораго ты держишься, не таково, чтобы твоя набожность могла удалить отъ тебя хоть что-нибудь. Ты не можешь быть инымъ, чѣмъ

кто-либо изъ насъ, суетясь вмѣстѣ съ нами и совершая наши дѣла. И что̀ это за воздержаніе твое отъ крови и отъ мясной пищи!» Шакалъ отвѣчалъ: «конечно, мое общеніе съ вами не введетъ меня въ грѣхъ, если я самъ не введу себя въ грѣхъ, потому что грѣхи бываютъ не отъ положеній или товарищей, но отъ сердецъ и поступковъ. Если дѣятельность человѣка, находящагося въ священномъ мѣстѣ, считать правильною, и дѣятельность человѣка, находящагося въ дурномъ мѣстѣ, дурною, то, кто убиваетъ отшельника у его алтаря, тотъ не совершаетъ грѣха, кто-же оставляетъ его въ живыхъ въ пылу битвы, тотъ совершаетъ грѣхъ. На самомъ дѣлѣ, я вѣдь вступилъ съ вами въ общеніе своею плотію, но не буду сообщаться съ вами своимъ сердцемъ и поступками, потому что я знаю плодъ поступковъ.» Шакалъ упорствовалъ въ этомъ образѣ жизни (238) и до того сталъ извѣстенъ аскетизмомъ и набожностью, что это дошло до одного льва, который былъ царемъ той окраины. (Царь) былъ привлеченъ имъ и тою чистотою нрава, благочестіемъ и честностью, до которыхъ онъ дошелъ, и послалъ къ нему, приглашая его. Когда онъ явился, (царь) поговорилъ съ нимъ и обласкалъ его. Послѣ того черезъ нѣсколько дней онъ призвалъ его въ свое общество и сказалъ ему: «ты знаешь, что мои пособники многочисленны и (что) также въ большомъ числѣ мои помощники; тѣмъ не менѣе я все-же нуждаюсь въ помощникахъ. До меня дошло твое безкорыстіе и мое влеченіе къ тебѣ усилилось. Я поручу тебѣ важное мое дѣло, возведу въ почетный санъ и сдѣлаю тебя (однимъ) изъ своихъ приближенныхъ». Шакалъ отвѣчалъ: «царямъ всего естественнѣе выбирать помощниковъ въ тѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и дѣлахъ, которыя ихъ озабочиваютъ, но имъ лучше всего не приневоливать никого къ этому, ибо приневоленный не способенъ предаться дѣлу. Итакъ я отказываюсь отъ дѣла султ̣а̄на; да у меня и нѣтъ для него ни опытности, ни умѣлости обхожденія съ султ̣а̄номъ; ты же — царь звѣрей, и у тебя-же есть большое число животныхъ породъ, одаренныхъ остротой и силой. У нихъ есть рвеніе къ этой дѣятельности, а равно умѣлость въ обращеніи какъ съ нею, такъ и съ султ̣а̄номъ: еслибы ты употребилъ ихъ въ дѣло, они облегчили-бы тебя и считали-бы себя счастливыми тѣмъ, что̀ имъ досталось изъ этого.» Левъ возра-

зилъ: «оставь это; я уже ни за что не отпущу тебя отъ этого занятія». Шакалъ отвѣчалъ: «только два человѣка способны на службу султ̂ану [я-же не похожъ ни на одного изъ нихъ]: или человѣкъ безстыдный (239), вступающій въ сдѣлки, который достигаетъ своихъ интересовъ своимъ безстыдствомъ и все-же при своихъ продѣлкахъ остается невредимымъ; или простоватый, которому (даже) никто не завидуетъ. Итакъ, кто желаетъ служить султ̂ану правдой и неподкупностью, и не примѣшиваетъ къ этому своихъ продѣлокъ, тотъ рѣдко остается при этомъ цѣлъ, потому что противъ него соединяются во враждѣ и зависти и врагъ султ̂ана, и другъ его. Что касается друга, то онъ постарается перехватить его положеніе, строя ему козни изъ-за послѣдняго и ради него враждуя съ нимъ; а что касается врага султ̂ана, то онъ станетъ ненавидѣть его за его преданность своему султ̂ану и за лишеніе послѣдняго нужды въ немъ. Конечно, когда противъ него соединятся эти два противника, онъ подвергнется гибели». Левъ возразилъ: «пусть не представляются тебѣ козни моихъ приближенныхъ и зависть ихъ къ тебѣ. Ты со мной, и я отклоню отъ тебя это и воздамъ тебѣ уваженіе за твою заботливость.» Шакалъ сказалъ: «если ужъ царь желаетъ оказать мнѣ милость, то пусть отпуститъ меня въ эту пустыню, гдѣ я живу спокойно, съ малыми заботами, довольствуясь пропитаніемъ изъ воды и травы. Ибо я знаю, что приближеннаго къ султ̂ану въ одинъ часъ касается (столько) непріятностей и страха, сколько не коснется другого (человѣка) и въ продолженіе всей его жизни; да и въ самомъ дѣлѣ, ничтожность пропитанія, при безопасности и спокойствіи, лучше множества жизненныхъ средствъ при страхѣ и трудахъ». Левъ отвѣчалъ: «я выслушалъ твою рѣчь, но не бойся ничего того, чего, я вижу, ты боишься (240); я нахожу для себя необходимымъ обращеніе къ тебѣ за помощью въ моемъ дѣлѣ». Шакалъ сказалъ: «впрочемъ, такъ какъ царь довелъ меня до того, до чего онъ довелъ, то пусть онъ дастъ мнѣ ручательство: если мнѣ будетъ строить козни кто-либо изъ его приближенныхъ, изъ тѣхъ, кто выше меня, опасаясь меня за свой санъ, или кто ниже меня, и станетъ оспаривать мое достоинство и донесетъ изъ нихъ доносчикъ царю своимъ языкомъ или же съ чужаго языка то, чѣмъ онъ желалъ-бы возбудить царя про-

тивъ меня, — что онъ (царь) не будетъ спѣшить въ моемъ дѣлѣ и что будетъ сдержанно относиться къ тому, что ему донесено и разсказано объ этомъ, что онъ будетъ это разслѣдовать, а за тѣмъ пусть поступаетъ, какъ ему кажется; итакъ, еслибы, я получилъ отъ него ручательство въ этомъ, я помогалъ-бы ему всею душею въ чемъ ему угодно и исполнилъ-бы то, что онъ мнѣ поручилъ, съ преданностью и стараніемъ, и зорко смотрѣлъ-бы, чтобы не дать ему противъ себя какого-либо повода». Левъ отвѣчалъ: «тебѣ съ моей стороны это (будетъ исполнено) даже и съ лишкомъ». За тѣмъ онъ ввѣрилъ ему свои сокровищницы, приблизилъ его помимо своихъ окружающихъ, и непомѣрно почтилъ его. Когда приближенные льва увидѣли это, это ихъ разгнѣвало и огорчило и они соединили свое коварство.

Левъ заготовилъ (себѣ) мяса, которое ему понравилось; послѣ онъ отложилъ его въ сторону, поручилъ его шакалу, приказалъ ему сохранять его и помѣстить его въ самомъ защищенномъ складѣ его пищи, чтобы вторично подать ему. Тутъ то они взяли мясо изъ его мѣста, между тѣмъ какъ шакалъ не имѣлъ о томъ свѣдѣнія. За тѣмъ они приготовились клеветать на него, еслибы представился тому случай. Когда наступилъ слѣдующій день и левъ спросилъ (241) свою ѣду, этого мяса не нашлось: онъ искалъ его и не находилъ; а шакалъ и не предчувствовалъ, какая интрига устроена ему. Появились тѣ, которые устроили заговоръ, и сѣли въ собраніи. Царь спросилъ тогда о мясѣ и настойчиво его требовалъ. Тутъ они посмотрѣли другъ на друга, и одинъ изъ нихъ сказалъ словами искренняго докладчика: «мы необходимо должны указывать царю на то, что ему вредно и и что ему полезно, если даже это и доставляетъ неудовольствіе тому, кому это непріятно. Дѣло въ томъ, что до меня дошло именно, что это шакалъ унесъ мясо въ свое жилье.» Другой сказалъ: «я не думаю, чтобы онъ сдѣлалъ это; впрочемъ, посмотрите и поищите: вѣдь знаніе характеровъ трудно.» (Еще) другой сказалъ: «клянусь своею жизнью, тайны не преминутъ быть узнанными: я полагаю, если вы сдѣлаете объ этомъ розыскъ, то найдете мясо въ жильѣ шакала; вѣдь все, что разсказывается о его порокахъ и предательствѣ, намъ естественнѣе всего считать вѣрнымъ.» (Еще) другой сказалъ: «если дѣйствительно мы находимъ это правдой, то (здѣсь) вовсе не (одно) преда-

тельство, но вмѣстѣ съ предательствомъ отрицаніе блага и дерзость предъ царемъ.» (Еще) другой сказалъ: «вы—люди справедливые и почтенные, и я не могу считать васъ лжецами. Впрочемъ, это станетъ яснымъ, если царь пошлетъ въ его жилье (кого-нибудь), кто его обыскалъ-бы.» (Еще) другой сказалъ: «если царь будетъ обыскивать его жилье, то пусть онъ поторопится, ибо шпіоны (шакала) и его лазутчики торчатъ на всякомъ мѣстѣ.» Они продолжали (242) такія и тому подобныя рѣчи, пока это не сдѣлало впечатлѣнія на душу царя. Тогда онъ приказалъ шакалу (явиться). Тотъ явился, и онъ спросилъ его: «гдѣ то мясо, которое я приказалъ тебѣ сохранить?» Тотъ отвѣтилъ: «я передалъ его завѣдывающему провизіей, чтобы онъ доставилъ его царю». Тогда левъ призвалъ завѣдующаго провизіей, [а онъ былъ изъ (числа) тѣхъ, которые находились въ одной партіи и сговорились съ шайкой противъ шакала], и тотъ сказалъ: «не передавалъ онъ мнѣ ничего». Тогда левъ послалъ одного вѣрнаго (придворнаго) къ жилью шакала, чтобы онъ обыскалъ его. Тотъ нашелъ въ немъ это мясо и принесъ его льву. Тутъ ко льву приблизился одинъ волкъ [который до тѣхъ поръ ничего не говорилъ объ этомъ дѣлѣ, а показывалъ, что онъ изъ (числа) тѣхъ безпристрастныхъ свидѣтелей, которые не разговариваютъ о томъ, чего не знаютъ, пока не обнаружится имъ истина] и сказалъ: «послѣ того какъ царь усмотрѣлъ вѣроломство шакала, то пусть уже не прощаетъ ему; ибо если онъ ему проститъ, царь не можетъ замѣчать послѣ этого ни вѣроломства какого-либо предателя, ни грѣха какого-либо преступника.» Тогда левъ отдалъ приказаніе на счетъ шакала, чтобы онъ былъ выведенъ и находился-бы подъ стражей. Тутъ одинъ изъ приближенныхъ царя сказалъ: «право, я удивляюсь сообразительности царя и его знанію дѣлъ, какъ могло скрыться отъ него это дѣло и какъ онъ не зналъ его коварства и обмана,—я удивляюсь этому, потому что я думаю, онъ помилуетъ его послѣ того, чтò обнаружилось въ немъ.» Тогда левъ отправилъ одного изъ нихъ посланцемъ къ шакалу, спрашивая у него оправданія, а посланецъ вернулся къ нему съ ложнымъ отвѣтомъ (243), который онъ самъ сочинилъ. Левъ разгнѣвался отъ этого и отдалъ приказаніе о шакалѣ, чтобы онъ былъ убитъ. Тутъ узнала мать льва, что онъ поторопился въ дѣлѣ шакала и послала къ тѣмъ, которымъ было

приказано казнить его, (сказать), чтобы они отложили это, а сама вошла къ своему сыну и сказала: «о сынокъ мой, за какую вину приказалъ ты убить шакала»? Онъ сообщилъ ей о происшествіи. Она тогда сказала: «о сынокъ мой, ты поторопился; напротивъ, благоразумный спасается отъ раскаянія посредствомъ отреченія отъ поспѣшности и сдержанностью; (что же касается) поспѣшности, то приверженецъ ея постоянно срываетъ плодъ раскаянія и слабоумія, а нѣтъ никого болѣе нуждающагося въ медлительности и сдержанности, чѣмъ цари. Вѣдь жена (существуетъ) своимъ мужемъ, дитя — своими родителями, ученикъ — своимъ учителемъ, войско — предводителемъ, отшельникъ — религіей, народъ — царями, цари — богобоязненностью, богобоязненность—умомъ, умъ — сдержанностью и терпѣливостью; глава всего есть осторожность, а глава осторожности для царя — знаніе своихъ приближенныхъ, назначеніе имъ должностей согласно ихъ достоинству и наблюденіе за (кознями) однихъ противъ другихъ: ибо, если одинъ изъ нихъ найдетъ путь къ погибели другаго, онъ исполнитъ это. Ты испыталъ шакала, испробовалъ его сообразительность, вѣрность и мужество; затѣмъ, ты постоянно хвалилъ его и былъ имъ доволенъ; да царю и не слѣдуетъ считать его вѣроломнымъ послѣ его довольства имъ и довѣрія къ нему. Притомъ, со времени его прихода и до сего мгновенія у него не было замѣчено вѣроломства, но только безкорыстіе и преданность, и не было-бы (правильнымъ) мнѣніемъ (244) царя спѣшить покончить съ нимъ изъ-за блюда какого-то мяса. Но тебѣ, о царь, подобаетъ вникнуть въ дѣло шакала, и ты узнаешь, что онъ не присвоилъ себѣ мяса, которое ты довѣрилъ ему; можетъ быть даже царю, если онъ разслѣдуетъ это, станетъ ясно, что у шакала есть противники, которые сговорились въ этомъ дѣлѣ, и они-то (и суть) тѣ, которые унесли мясо въ его жилье и положили тамъ. Вѣдь противъ чайки, когда у нея въ лапѣ кусокъ мяса, собираются прочія птицы, и на собаку, когда у нея кость, напираютъ собаки. Шакалъ былъ до сего дня полезнымъ; онъ переносилъ всякія непріятности во вниманіе къ пользѣ, доходившей къ тебѣ, и всякія затрудненія, черезъ которыя тебѣ былъ-бы покой, и онъ не держалъ (чего-нибудь) отъ тебя въ тайнѣ.» Пока мать льва говорила ему эту рѣчь, вотъ вошелъ ко льву одинъ изъ довѣренныхъ его и сообщилъ ему о

невинности шакала. Тогда мать льва сказала: «послѣ того какъ царь усмотрѣлъ невинность шакала, ему надлежитъ не отнестись легко къ тѣмъ, кто насплетничалъ на него, для того чтобы они не дерзнули на (что-нибудь) такое, что̀ гораздо серьезнѣе этого. Напротивъ, пусть онъ накажетъ ихъ за него, чтобы они не повторили подобнаго. Вѣдь умному не слѣдуетъ оказывать снисхожденія въ какомъ-либо дѣлѣ отрицающему добро, поступающему всегда съ лукавствомъ и пренебрегающему благодѣяніемъ, который (сверхъ того) не признаетъ будущей жизни, ибо этотъ, конечно, наказывается за свои дѣла. Ты созналъ поспѣшность гнѣва и преувеличеніе ошибки (245); а кто гнѣвается за ничтожное, тотъ не достигнетъ довольства своего и во многомъ. Тебѣ лучше всего примириться съ шакаломъ и возвратить ему (свою) благосклонность, и пусть не лишаетъ тебя надежды на его преданность то чрезмѣрное зло, которое проистекло ему съ твоей стороны; ибо не слѣдуетъ именно отталкивать ни при какихъ обстоятельствахъ того изъ людей, кто извѣстенъ порядочностію, благородствомъ, исполненіемъ обязательствъ, признательностью, добросовѣстностью, любовью къ людямъ, свободой отъ зависти, удаленіемъ отъ обиды и терпѣливостью по отношенію къ друзьямъ и товарищамъ, если даже ему становится тяжело переносить ихъ одолженія. Что же касается того, отъ кого слѣдуетъ отказываться, то это тотъ, кто извѣстенъ злостностію, нарушеніемъ обязательствъ, отсутствіемъ признательности и добросовѣстности, удаленіемъ отъ состраданія, богобоязненности и отрицаніемъ наградъ въ будущей жизни и ея каръ. Ты узналъ шакала и испыталъ его, и тебѣ слѣдуетъ вступить съ нимъ въ сношенія.» Левъ призвалъ тогда шакала и просилъ у него извиненія за то, что̀ исходило съ его стороны, обѣщалъ ему добро и говорилъ: «я прошу у тебя извиненія и возвращаю тебя на твою должность». Шакалъ возразилъ: «на самомъ дѣлѣ самый дурной изъ друзей тотъ, кто добивается своей личной выгоды посредствомъ вреда своему другу и который не смотритъ на него взглядомъ подобнымъ его взгляду на самого себя, или же желаетъ его удовлетворить вопреки праву и слѣдуя его страсти, и какъ часто проявляется это среди друзей! Со стороны царя мнѣ (пришлось) то, что̀ уже извѣстно; пусть-же онъ не находитъ грубымъ по отношенію къ себѣ то, что̀ я сообщу ему,—

что я ему не довѣряю и что мнѣ не слѣдуетъ (246) быть его приближеннымъ; ибо не подобаетъ царямъ держать близь себя того, кого они наказали суровѣйшимъ наказаніемъ, имъ не подобаетъ также отвергать его безповоротно, потому что приближенный султ̂ана, когда и смѣщенъ, все-же заслуживаетъ уваженія на разстояніи отъ него и въ отдаленіи». Левъ все-таки не обратилъ вниманія на его слова, затѣмъ сказалъ: «въ самомъ дѣлѣ, я испробовалъ твои свойства и характеръ, я испыталъ твою вѣрность, добросовѣстность, правдивость, я сознать ложь того, кто донесъ на тебя, и я лично считаю тебя среди превосходныхъ, благородныхъ. Что же касается благороднаго, то одно качество хорошее заставляетъ его забывать множество качествъ дурныхъ. Мы вернулись къ довѣрію тебѣ, поэтому и ты вернись къ довѣрію намъ: ибо, благодаря этому, для насъ и для тебя осуществится блаженство и ликованіе.» Итакъ шакалъ вернулся къ должности, которую онъ отправлялъ (прежде), а царь удвоилъ къ нему свое уваженіе, и дни только увеличивали его приближенность къ султ̂ану.

Кончилась глава о львѣ и шакалѣ.

(247) ГЛАВА О ’Ӣла̂дһѣ, Бала̂дһѣ и ’Ӣра̂хтъ.

Царь Дабшалӣмъ сказалъ философу Байдаба̂: я уже выслушалъ эту притчу; сообщи мнѣ теперь, посредствомъ какихъ вещей царю всего естественнѣе сдѣлать себя почтеннымъ, охранять свое правленіе и поддерживать свою власть,—кротостью, мужествомъ, храбростью или щедростью?» Байдаба̂ отвѣчалъ: «конечно, естественнѣе всего царю охранять свою власть кротостью, посредствомъ которой (происходитъ) также и укрѣпленіе правленія: кротость — глава дѣлъ и ихъ опора, а также—самое превосходное, чтò бываетъ у царей. Напримѣръ, разсказываютъ, что былъ одинъ царь, называвшійся Бала̂дһъ, а у него былъ везӣрь, называвшійся ’Ӣладһъ, благочестивый отшельникъ. Царь въ одну ночь увидѣлъ восемь сновидѣній, которыя его встревожили, и онъ проснулся испуганный. Тогда онъ призвалъ браһмановъ [они-же отшельники], чтобы они объяснили его видѣнія. Когда они явились предъ нимъ, онъ разсказалъ имъ, чтò видѣлъ. Они сказали заодно: «да, царь видѣлъ чудо. Итакъ, если онъ дастъ отсрочку въ семь дней, мы принесемъ ему истолкованіе его». Царь отвѣчалъ: «я даю вамъ срокъ». Они вышли отъ него, затѣмъ собрались въ жилище одного изъ нихъ (248) и стали совѣщаться между собою. Они говорили: «вы нашли удобный путь, посредствомъ котораго можете исполнить свою месть и отмстить своему врагу. Вы же знаете, что онъ убилъ не такъ давно изъ среды насъ двѣнадцать тысячъ; (теперь) онъ сдѣлалъ намъ извѣстною свою тайну и проситъ у насъ разъясненія своихъ видѣній. Итакъ, давайте поговоримъ съ нимъ въ суровыхъ выраженіяхъ и напугаемъ его до того, чтобы ужасъ и страхъ принудили его исполнить чего мы ни пожелаемъ и ни прикажемъ ему. Мы ему скажемъ: выдай намъ твоихъ любимцевъ и тѣхъ, кто у тебя въ почетѣ, чтобы мы убили ихъ; ибо мы смотрѣли въ наши книги и увидѣли, что ничто не можетъ отвратить отъ тебя то, чтò ты увидѣлъ, и то несчастіе, въ которое ты попалъ, кромѣ убійства тѣхъ, кого мы назовемъ тебѣ. На самомъ же дѣлѣ, если царь скажетъ: поименуйте мнѣ, кого

вы желаете убить,—мы скажемъ: мы желаемъ царицу 'Йрâхтъ, мать Джувйра, восхваленную и самую почтенную для тебя изъ твоихъ женъ; и желаемъ мы Джувйра, самаго любимаго изъ твоихъ сыновей и самаго отличеннаго изъ нихъ при тебѣ; и желаемъ мы сына твоего брата, почтеннаго, и друга и дѣлопроизводителя твоего 'Йлâдhа, желаемъ мы писца Кâля, завѣдующаго твоими тайнами, твой мечъ, которому не находится подобнаго, бѣлаго слона, котораго не можетъ догнать конница, и лошадь, которая служитъ твоимъ сѣдалищемъ въ битвѣ; мы желаемъ двухъ другихъ величественныхъ слоновъ, которые находятся вмѣстѣ съ этимъ слономъ-самцомъ,—мы желаемъ быстраго, сильнаго верблюда-бухтійца; мы желаемъ также мудраго, превосходнаго, свѣдущаго въ дѣлахъ Кабâрійӯна,—чтобы отмстить за то, чтȯ онъ сдѣлалъ намъ. Затѣмъ мы скажемъ (249) ему: на самомъ дѣлѣ, о царь, тебѣ слѣдуетъ убить тѣхъ, кого мы тебѣ поименовали, и затѣмъ помѣстить ихъ кровь въ цистерну, которую она наполняла-бы. Послѣ того ты сядешь туда; а когда выйдешь изъ цистерны, мы, сословіе браhмановъ, соберемся съ четырехъ странъ свѣта, станемъ вокругъ тебя и будемъ читать надъ тобой заклинанія; мы заколдуемъ тебя слюной, оботремъ съ тебя кровь и омоемъ тебя водою и благоуханнымъ масломъ, а затѣмъ ты станешь (снова) пребывать въ своемъ роскошномъ жилищѣ и Богъ отклонитъ отъ тебя ту бѣду, которой мы опасаемся для тебя. Итакъ, если ты вытерпишь и (если) твоя душа найдетъ удобнымъ отказаться отъ (тѣхъ) своихъ любимцевъ, которыхъ мы тебѣ назвали, и (если) ты сдѣлаешь ихъ своимъ выкупомъ, то ты избавишься отъ бѣды, власть и правленіе будутъ у тебя находиться въ исправности, а преемниками имъ ты назначишь, кого пожелаешь. Если-же ты этого не сдѣлаешь, мы будемъ бояться за тебя, какъ-бы не была узурпирована твоя власть или (какъ-бы) ты не погибъ. Итакъ, если онъ послушается насъ въ томъ, чтȯ мы ему прикажемъ, мы убьемъ его, какимъ способомъ мы пожелаемъ.

Когда они сообща рѣшились на то дѣло, о которомъ совѣщались, они вернулись къ царю на седьмой день и сказали ему: «о царь, мы смотрѣли въ наши книги относительно объясненія того, чтȯ ты видѣлъ, и разбирали мнѣніе, составившееся

среди насъ. Да будетъ тебѣ, о царь непорочный, праведный, честь! мы можемъ возвѣстить тебѣ то, чтò мы видѣли, только (въ томъ случаѣ), если ты будешь съ нами наединѣ.» Тогда царь приказалъ выйти тѣмъ, кто былъ около него, и остался съ ними наединѣ, и они разсказали ему то, о чемъ они совѣщались. Онъ имъ сказалъ: «для меня лучше смерть чѣмъ жизнь, еслибы я убилъ (250) этихъ, которые все равно что я самъ; при томъ я безъ сомнѣнія смертенъ, а жизнь коротка, да и не буду-же я весь вѣкъ царемъ. Итакъ, смерть и разлука съ любимцами въ моихъ глазахъ одно и то-же.» Браһманы ему возразили: «если ты не разгнѣваешься, мы сообщили-бы тебѣ, что ты сказалъ неправильно, считая въ своемъ мнѣніи душу чужаго цѣннѣе своей души. Итакъ, сохраняй себя и свое царство и дѣлай то, въ чемъ заключается великая надежда, (основанная) на увѣренности и несомнѣнности, царствуй спокойно, окруженный знатными твоего государства, которымъ ты оказывалъ почетъ и уваженіе, не откладывай въ сторону важной вещи, принимая незначительную, и не губи себя изъ-за предпочтенія тѣхъ, кого ты любишь. Знай, о царь, что человѣкъ на самомъ дѣлѣ любитъ жизнь изъ-за любви къ самому себѣ, а съ другой стороны, что опора твоя, послѣ Всевышняго Бога, (заключается) въ твоемъ царствѣ. Ты вѣдь получилъ свое царство только посредствомъ затрудненій и многочисленныхъ усилій, въ теченіе (многихъ) мѣсяцевъ и годовъ; не слѣдуетъ, чтобы ты отказывался отъ него или относился къ нему легкомысленно. Поэтому выслушай наши слова, посмотри на самого себя и оставь все кромѣ этого; ибо при этомъ нѣтъ никакой опасности.» Когда царь увидѣлъ, что браһманы грубы съ нимъ на словахъ и дерзки въ своей рѣчи къ нему, его озабоченность и печаль усилились; онъ ушелъ изъ среды ихъ, вошелъ въ свой покой и палъ ницъ на свое лицо, плача и перевертываясь, какъ перевертывается рыба, когда она вытащена изъ воды. Онъ сталъ говорить самому себѣ: «я не знаю, какое (251) изъ двухъ дѣлъ тяжелѣе для меня, погибель *(моя)* или умерщвленіе моихъ любимцевъ. Я не буду получать утѣхи все время пока я живу, мое царство не будетъ уже прочнымъ для меня на-вѣки, да я и не выберу настоящаго отвѣта при вопросѣ мнѣ на счетъ моего царства. Конечно, я отказываюсь отъ жизни, если я не буду видѣть ʾЙрâхтъ,— а

какъ-же я буду способенъ держать въ исправности свое царство, если погибнетъ мой везйрь 'Йлâдһъ, какъ я буду удерживать свое положеніе, когда погибнутъ мой бѣлый слонъ и моя превосходная лошадь;, какъ я буду называть себя царемъ, когда я умерщвлю того, на кого указали мнѣ браһманы, да и что-же я стану дѣлать на свѣтѣ послѣ нихъ?!..» Послѣ того по странѣ распространился разсказъ о печали царя и его озабоченности. Когда 'Йлâдһъ увидѣлъ, какая озабоченность и печаль постигли царя, онъ разсудилъ своей мудростью и сказалъ: «мнѣ не слѣдуетъ приближаться къ царю и спрашивать его о томъ происшествіи, которое съ нимъ случилось, не будучи приглашеннымъ». Затѣмъ онъ отправился къ 'Йрâхтъ и сказалъ: «съ тѣхъ поръ какъ я служу царю и до сего момента онъ не исполнялъ (ни одного) дѣла безъ моего совѣта и мнѣнія; а (теперь) я вижу, онъ скрываетъ отъ меня какое-то дѣло, о которомъ я не знаю, что̀ оно такое, и не думаю, чтобы онъ открылъ хоть что-нибудь о немъ; я вѣдь видѣлъ его уединившимся нѣсколько ночей тому назадъ съ сословіемъ браһмановъ, и онъ скрывался отъ насъ въ продолженіе этихъ ночей. Я боюсь, онъ могъ открыть имъ что-нибудь изъ своихъ тайнъ, и поэтому я не спокоенъ, не посовѣтовали-бы они ему чего-нибудь такого, что̀ ему можетъ повредить и чрезъ что къ нему можетъ проникнуть зло. Итакъ, встань, войди къ нему и спроси его о его дѣлѣ и положеніи (252), (затѣмъ) сообщи мнѣ, что̀ съ нимъ и доведи до моего свѣдѣнія,—ибо я не могу войти къ нему: можетъ быть браһманы представили ему что-нибудь въ пріятномъ видѣ и побудили его на некрасивый поступокъ; а я знаю притомъ, что одна изъ особенностей царя (состоитъ въ томъ), что когда онъ гнѣвается, онъ никого не спрашиваетъ и (тогда) въ его глазахъ одинаковы дѣла незначительныя и важныя». 'Йрâхтъ отвѣтила: «дѣло въ томъ, что между мною и царемъ (существуютъ) нѣкоторыя недоразумѣнія и я ни за что не пойду къ нему при такомъ положеніи (вещей)». 'Йлâдһъ ей возразилъ: «не питай на него досады при (положеніи) подобномъ этому, и пусть не приходитъ оно тебѣ на умъ, ибо никто не можетъ войти къ нему кромѣ тебя; а я притомъ слышалъ, онъ часто говорилъ: всякій разъ какъ мое смущеніе усиливалось и входила ко мнѣ 'Йрâхтъ, (сейчасъ-же) оно отъ меня удалялось». Итакъ, отправься

къ нему, прости ему и поговори съ нимъ о томъ, чѣмъ, ты знаешь, прояснится его душа и удалится то, чтò тяготѣетъ на ней; а (затѣмъ) сообщи мнѣ, чтò будетъ его отвѣтомъ, ибо онъ будетъ самымъ большимъ успокоеніемъ для насъ и для жителей государства». Тогда ʼЙрâхтъ отправилась, вошла къ царю, сѣла у его изголовья и спросила: «что это съ тобою, о всехвальный царь, и что это ты слышалъ отъ браҺмановъ, ибо я вижу тебя опечаленнымъ? Итакъ, сообщи мнѣ, чтò съ тобою, ибо намъ слѣдуетъ печалиться вмѣстѣ съ тобою и сочувствовать тебѣ своими душами». Царь сказалъ: «не спрашивай меня, жена, о моемъ дѣлѣ и не увеличивай моего смущенія и печали, ибо это (такое) дѣло, о которомъ тебѣ не слѣдуетъ меня спрашивать». (253) Она возразила: «развѣ-же я не нахожусь при тебѣ въ положеніи того, кто заслуживаетъ этого. Съ другой стороны, достойнѣе похвалы изъ людей по уму тотъ, кто, если его постигнетъ несчастіе, бываетъ самовоздержнѣе и воспріимчивѣе (къ совѣтамъ) искреннихъ людей, такъ что въ концѣ концовъ спасается отъ того несчастія съ помощью хитрости, ума, внимательнаго разслѣдованія и совѣта, а вѣдь и великій грѣхъ не удаляетъ надежды на милосердіе. Пусть не проникаетъ въ тебя никакой заботы и печали, ибо онѣ не удалятъ отъ тебя ничего, развѣ только изнурятъ тѣло и насытятъ врага». Царь ей сказалъ: «не спрашивай меня ни о чемъ. Ты сочувствуешь мнѣ: но въ томъ, о чемъ ты меня спрашиваешь, нѣтъ добра, потому что результатъ того — гибель моя, гибель твоя и гибель многихъ изъ среды жителей моего государства, — тѣхъ, кто все равно что я самъ. (А что касается) этого, то браҺманы передавали, что непремѣнно необходимо убіеніе тебя и убіеніе многихъ людей, владѣтелей моей любви, мнѣ-же между тѣмъ нѣтъ добра въ жизни послѣ васъ. Развѣ можетъ кто-нибудь выслушать это безъ того, чтобы имъ не овладѣла печаль!» Услышавъ это, ʼЙрâхтъ испугалась; однако умъ ея помѣшалъ ей обнаружить свой испугъ царю, и она сказала: «о царь, не страшись; вѣдь мы (служимъ) выкупомъ за тебя, а среди другихъ подобныхъ мнѣ дѣвушекъ (найдется) чѣмъ тебѣ усладить свои взоры. Тѣмъ не менѣе я прошу тебя, о царь, (объ исполненіи) одной просьбы, добиваться которой побуждаетъ меня моя любовь къ тебѣ и мое предпочтеніе тебя, это именно — (дозволенія дать) совѣтъ тебѣ». Царь спросилъ:

«а каковъ (254) онъ»? Она отвѣчала: «я прошу тебя не довѣрять послѣ этого браhманамъ, пока ты не пріобрѣтешь убѣжденія въ своемъ дѣлѣ, затѣмъ посовѣтуйся о немъ со своими довѣренными нѣсколько разъ: ибо убійство—серьезное дѣло, и ты не можешь оживить того, кого убилъ. Говорится въ преданіи: когда ты встрѣтилъ драгоцѣнный камень, въ которомъ нѣтъ проку, то не бросай его изъ своей руки, пока не покажешь его тому, кто знаетъ его. Ты, о царь, не знаешь своихъ враговъ: знай же, что браhманы не любятъ тебя; ты-же убилъ изъ нихъ недавно двѣнадцать тысячъ, и не думай, что «эти не изъ числа тѣхъ». Клянусь своею жизнью, не слѣдовало тебѣ ни сообщать имъ о своихъ видѣніяхъ, ни открывать имъ ихъ. Они сказали тебѣ то, что̀ говорили, изъ-за ненависти, которая (существуетъ) между тобою и между ними: (разсчитывая), можетъ быть они погубятъ тебя, а равно погубятъ твоихъ любимцевъ, твоего везӣря, и достигнутъ своей цѣли относительно тебя. Итакъ, я полагаю, если ты склонишься на ихъ (слова) и убьешь тѣхъ, на кого они указали, они завладѣютъ тобою, перехватятъ у тебя власть и господство вернется, къ нимъ, подобно тому какъ уже было. Поэтому отправься къ мудрому Кабāрійӯну, онъ свѣдущій, прозорливый; сообщи ему то, что̀ ты видѣлъ въ своихъ сновидѣніяхъ, и спроси его о значеніи ихъ и объясненіи». Когда царь услышалъ это, у него исчезла печаль, которая тяготила его, онъ приказалъ (подать) лошадь, осѣдлалъ, сѣлъ на нее и затѣмъ отправился къ мудрому Кабāрійӯну. Когда онъ доѣхалъ до него, онъ сошелъ со своей лошади, сдѣлалъ ему земной поклонъ и всталъ передъ нимъ съ поникшею головою. Мудрецъ спросилъ его (255): «что у тебя на умѣ, о царь, и что это я вижу тебя измѣнившимся въ лицѣ»? Царь ему отвѣтилъ: «дѣло въ томъ, что я видѣлъ во снѣ восемь сновидѣній: я разсказалъ ихъ браhманамъ, но я боюсь, что меня постигнетъ отъ этого нѣчто тяжкое согласно тому истолкованію ими моихъ видѣній, которое я отъ нихъ слышалъ, я опасаюсь не настигла-бы меня великая бѣда по тому толкованію, которое они дали моему сновидѣнію, и я боюсь, что у меня будетъ отнята моя власть или что она будетъ перехвачена». Мудрецъ ему отвѣчалъ: «если тебѣ угодно, то разсказалъ-бы ты мнѣ свои сны, или, если желаешь, я разскажу ихъ тебѣ и сообщу тебѣ о всемъ томъ, что̀ ты видѣлъ»? Царь сказалъ: «да,

лучше изъ твоихъ устъ». Тотъ отвѣчалъ: «пусть не печалитъ тебя, о царь, это происшествіе и не опасайся его нисколько. Что касается двухъ красныхъ рыбъ, которыхъ ты видѣлъ стоящими на своихъ хвостахъ, то это (значитъ) — придетъ къ тебѣ посолъ отъ царя Ḥайму̂на съ двумя свертками, обсаженными перлами и яхонтами, стоимость которыхъ—четыре тысячи раṭлей золота, и станетъ передъ тобою. Что касается двухъ гусей, которые, ты видѣлъ, летѣли сзади твоей спины и спустились передъ тобою, то это — придутъ къ тебѣ отъ царя Балха двѣ лошади, подобныхъ которымъ нѣтъ на землѣ, и станутъ передъ тобою. Что-же касается змѣи, которая, ты видѣлъ, ползала по твоей лѣвой ногѣ, то это — придетъ къ тебѣ (нѣкто) отъ царя Санджйна и явится передъ тобою съ мечемъ изъ чистаго желѣза, подобнаго которому не найдется. Что же касается крови, которою, ты видѣлъ, будто окрасилось твое тѣло (256), то это— придетъ къ тебѣ отъ царя Ка̂зару̂на (нѣкто), кто явится передъ тобою съ удивительною одеждою, называемою одѣяніемъ пурпуровымъ, которое свѣтитъ въ темнотѣ. Что касается твоего омовенія своего тѣла водою, которое ты видѣлъ, то это—придетъ къ тебѣ отъ царя Риḥзйна (нѣкто), кто явится передъ тобою съ льняными одеждами, принадлежащими къ одѣяніямъ царей. Что касается того, что ты видѣлъ, что ты стоишь на бѣлой горѣ, то это — придетъ къ тебѣ (нѣкто) отъ царя Кайду̂ра, кто явится передъ тобою съ бѣлымъ слономъ, котораго не можетъ догнать конница. Что касается того, что ты видѣлъ на своей головѣ подобіе огня, то это — придетъ къ тебѣ (кто-либо) отъ царя ʼАрзана, кто явится передъ тобою съ короною изъ золота, обсаженною перлами и яхонтами. Что же касается птицы̑, которая, ты видѣлъ, поражала твою голову своимъ клювомъ, то я этого не объясню сегодня, тѣмъ не менѣе это не повредитъ тебѣ, и ты не бойся этого, но въ этомъ (заключается) гнѣвъ и ссора съ тѣмъ, кого ты любишь. Вотъ объясненіе твоихъ видѣній, о царь. Что же касается этихъ пословъ и курьеровъ, то они всѣ придутъ къ тебѣ черезъ семь дней и явятся передъ тобою». Услышавъ это, царь сдѣлалъ земной поклонъ Каба̂рійу̂ну и вернулся въ свое жилище. Когда исполнилось семь дней, пришли вѣстники, (объявляя) о прибытіи пословъ. Царь тогда вышелъ и сѣлъ на тронѣ. Онъ далъ позво-

леніе знатнымъ лицамъ (присутствовать), и дары ему были поднесены, такъ, какъ ему сообщилъ мудрый Кабâрійӳнъ. Когда царь увидѣлъ это, его удивленіе и радость (257) о знаніи Кабâрійӳна усилились, и онъ сказалъ: «мнѣ не посчастливилось, когда я разсказывалъ свои видѣнія браһманамъ и они мнѣ приказали то, что̀ приказывали; еслибы Всевышній Богъ не предупредилъ меня своимъ милосердіемъ, я (самъ) погибъ-бы и погубилъ-бы (другихъ). Подобнымъ образомъ кому-бы то ни было слѣдуетъ выслушивать только умныхъ людей изъ среды друзей. Въ самомъ дѣлѣ 'Ирâхтъ посовѣтовала добро, я принялъ его и, благодаря этому, увидѣлъ успѣхъ. Итакъ, пусть положатъ дары передъ нею (на землю), чтобы она взяла изъ нихъ, что̀ выберетъ». Затѣмъ онъ сказалъ 'Йлâдһу: «возьми корону и одежды, неси ихъ и слѣдуй съ ними за мною въ аппартаментъ женщинъ». Царь позвалъ 'Йрâхтъ и Һӯрканâһ, самыхъ уважаемыхъ своихъ женъ, къ себѣ и сказалъ 'Йлâдһу: «положи одежду и корону передъ 'Йрâхтъ, чтобы она взяла, что̀ изъ нихъ она желаетъ». Дары были положены передъ 'Йрâхтъ; она взяла изъ нихъ корону, а Һӯрканâһ взяла одежду, одно изъ самыхъ прекрасныхъ и изящныхъ одѣяній.

Обыкновеніемъ царя было находиться одинъ вечеръ у 'Йрâхтъ, а (другой) вечеръ — у Һӯрканâһ, а также было обычаемъ царя, что жена, у которой онъ находился вечеромъ, приготовляла ему рисъ со сладостями и угощала его. Итакъ царь пришелъ къ 'Йрâхтъ, въ ея очередь; она сдѣлала ему рисъ и вошла къ нему съ блюдомъ, а на ея головѣ — корона. Тутъ узнала объ этомъ Һӯрканâһ и стала ревновать къ 'Йрâхтъ. Поэтому она надѣла ту одежду (258) и пришла къ царю; а та одежда освѣщала ее, не смотря на блескъ ея лица, какъ свѣтитъ солнце. Когда царь увидѣлъ ее, она ему чрезвычайно понравилась. Затѣмъ онъ обратился къ 'Йрâхтъ и сказалъ: «право, ты глупа, когда взяла корону, а оставила одежду, подобной которой нѣтъ въ нашихъ сокровищницахъ.» Когда 'Йрâхтъ услышала отъ царя похвалы и одобреніе Һӯрканâһ, а себѣ названіе глупой и порицаніе своего выбора, ее вслѣдствіе этого обуяли ревность и гнѣвъ: она ударила по головѣ царя блюдомъ и рисъ потекъ по его лицу. Царь поднялся со своего мѣста, позвалъ 'Йлâдһа и сказалъ ему: «развѣ ты не видишь, я — царь міра,

а какъ презрительно относится ко мнѣ эта глупая, сдѣлавши со мною что ты видишь. Итакъ, отправься съ нею и умертви ее, и не оказывай ей состраданія». 'Йлâдhъ вышелъ отъ царя и сказалъ: «я не убью ея, пока, наконецъ, не успокоится у него гнѣвъ, ибо она женщина умная, справедливая изъ царицъ, которой нѣтъ равной среди женщинъ, да и царь не вытерпитъ безъ нея. Она спасла его отъ смерти, правильно исполняла дѣла и надежда наша на нее велика. Да я вовсе и не гарантированъ, что онъ не скажетъ: почему ты не отложилъ ея казни до тѣхъ поръ пока я не пришелъ въ себя; я не казню ея, пока не разсмотрю рѣшенія царя о ней вторично: если я увижу его кающимся, горюющимъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, я приведу ее живою; я сдѣлалъ-бы тѣмъ великое дѣло, спасъ-бы 'Йрâхтъ отъ казни (259), охранилъ-бы сердце царя и снискалъ-бы у народа этимъ популярность, если же я увижу его веселымъ, спокойнымъ, находящимъ правильнымъ свое мнѣніе о томъ, что онъ сдѣлалъ и приказалъ, то ея казнь неминуема.» Затѣмъ онъ отправился съ нею въ свое жилище, поручилъ ее одному изъ вѣрныхъ своихъ служителей и приказалъ служить ей и оберегать ее пока онъ поглядитъ, каково дѣло ея и положеніе царя. Затѣмъ онъ окрасилъ свой мечъ кровью, вошелъ къ царю будто-бы грустный, опечаленный и сказалъ: «о царь, я исполнилъ твое приказаніе относительно 'Йрâхтъ». Не прошло много времени какъ гнѣвъ у царя улегся, онъ вспомнилъ красоту 'Йрâхтъ и ея привлекательность; жалость его къ ней усилилась: онъ сталъ себя утѣшать на счетъ нея и показывать стойкость; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стыдился спросить у 'Йладhа, дѣйствительно ли онъ исполнилъ его повелѣніе о ней или нѣтъ, но все-же надѣялся, что изъ-за ума, который онъ признавалъ за 'Йладhомъ, тотъ не сдѣлалъ этого. 'Йладhъ взглянулъ на него совершенствомъ своего ума и узналъ, что съ нимъ. Поэтому онъ сказалъ ему: «не безпокойся и не печалься, о царь, ибо нѣтъ пользы въ уныніи и печали, а напротивъ, они изнуряютъ тѣло и разстраиваютъ его. Итакъ терпи, о царь, то, надъ чѣмъ ты не будешь имѣть силы во вѣки. Впрочемъ, если царю угодно, я разсказалъ-бы ему повѣсть, которая его утѣшила-бы». Тотъ сказалъ: «разскажи мнѣ».

'Йлâдhъ отвѣчалъ: «передаютъ, что два голубя, самецъ и

самка, наполнили свое гнѣздо пшеницею и ячменемъ. Тогда самецъ сказалъ (260) самкѣ: «пока мы находимъ себѣ въ поляхъ чѣмъ питаться, мы не будемъ ѣсть ничего изъ здѣшняго; когда-же наступитъ зима и въ поляхъ не будетъ ничего, мы обратимся къ тому, что̀ (находится) въ нашемъ гнѣздѣ, и будемъ *это* ѣсть.» Самка согласилась на это и сказала ему: «хорошо то, что ты придумалъ». Зерно это было свѣжимъ, когда они положили его въ свое гнѣздо. Самецъ отправился (въ путь) и отлучился. Когда-же наступило лѣто, зерно высохло и сжалось. Когда самецъ вернулся, онъ увидѣлъ недостачу въ зернѣ и сказалъ ей: «развѣ-же мы не рѣшили сообща не ѣсть изъ него ничего, такъ зачѣмъ-же ты ѣла его»? Она стала клясться, что не ѣла изъ него ничего, и начала извиняться передъ нимъ, тотъ-же не повѣрилъ ей и сталъ клевать ее пока она не умерла. Когда-же наступили дожди и пришла зима, зерно стало свѣжимъ и гнѣздо наполнилось подобно тому какъ было (прежде). Когда самецъ увидѣлъ это, онъ раскаялся, затѣмъ легъ рядомъ со своею голубкою и сказалъ: «что мнѣ пользы въ зернѣ или въ жизни послѣ тебя, когда я ищу тебя и не нахожу, а между тѣмъ не въ состояніи (оживить) тебя, когда я раздумываю о твоемъ дѣлѣ и узнаю, что я былъ несправедливъ къ тебѣ.» Такъ онъ не вкушалъ ни пищи, ни питья пока не умеръ рядомъ съ ней.

Умный не спѣшитъ съ карой и наказаніемъ, въ особенности же тотъ, кто опасается раскаянія, какъ раскаивался голубь-самецъ. Также я слышалъ, что одинъ человѣкъ (261) всходилъ на гору съ корзинкою чечевицы на спинѣ и сложилъ съ нея корзинку, чтобы отдохнуть. Тутъ спустилась съ дерева одна обезьяна, захватила полную горсть чечевицы и взобралась на дерево; изъ ея руки выпало одно зерно и она спустилась въ поискахъ за нимъ; она не нашла его, но растеряла всю чечевицу, которая была въ ея рукѣ.

И ты такъ-же, о царь: у тебя шестнадцать тысячъ женъ, а ты отказываешься развлекаться съ ними и ищешь ту, которой ты не найдешь». Когда царь услышалъ это, онъ испугался, что 'Йрâхтъ уже погибла, и сказалъ: «о 'Йлâдһъ, съ одного слова, сейчасъ же, ты сдѣлалъ то, что̀ я приказалъ тебѣ, привязался къ одному слову, которое вышло отъ меня, и не сдержался въ этомъ дѣлѣ»! 'Йлâдһъ отвѣчалъ: «Тотъ, чье слово едино

непротиворѣчиво, это — Богъ, въ рѣчи котораго нѣтъ измѣненія и въ словахъ котораго нѣтъ противорѣчія». Царь сказалъ: «ты разстроилъ мое состояніе и усилилъ мою печаль казнью 'Йрâхтъ». 'Йлâдħъ отвѣчалъ: «двумъ слѣдуетъ печалиться:—тому, который совершаетъ грѣхи всякій день и тому, который никогда не дѣлаетъ добра, потому что радость ихъ въ мірѣ и ихъ блаженство незначительны, а ихъ раскаяніе, когда они узрятъ долгое наказаніе, не можетъ быть вычислено». Царь сказалъ: «право, еслибы я увидѣлъ 'Йрâхтъ живою, я не печалился-бы ни о чемъ во-вѣки». 'Йлâдħъ отвѣчалъ: «двумъ не слѣдуетъ печалиться;—упражняющемуся въ (262) добрыхъ дѣлахъ всякій день и тому, который никогда не грѣшитъ». Царь сказалъ: «не увижу я 'Йрâхтъ болѣе чѣмъ видѣлъ». 'Йлâдħъ возразилъ: «двое не видятъ: — слѣпой и тотъ, у котораго нѣтъ ума; и какъ слѣпой не видитъ ни неба, ни его звѣздъ, ни земли, не видитъ ни близи, ни дали,—точно такъ-же тотъ, у кого нѣтъ ума, не различаетъ красоты отъ безобразія и хорошаго отъ дурнаго.» Царь сказалъ: «если-бы я увидѣлъ 'Йрâхтъ, моя радость была-бы сильна». 'Йлâдħъ возразилъ: «двое радуются, — прозорливый и свѣдущій; подобно тому какъ прозорливый разсматриваетъ дѣла міра, чего есть въ немъ излишекъ или недостатокъ, (что въ немъ) близко и далеко, точно такъ-же свѣдущій разсматриваетъ доброе дѣло и грѣхъ, узнаетъ поступки (для) будущей жизни, ему становится яснымъ его спасеніе и онъ шествуетъ по прямому пути.» Царь сказалъ: «намъ слѣдуетъ удаляться тебя, о 'Йлâдħъ, и принять осмотрительность и осторожность». 'Йлâдħъ отвѣчалъ: «двухъ слѣдуетъ удаляться:—который говоритъ: не существуетъ ни добрыхъ дѣлъ, ни грѣха, ни наказанія, ни награды, не признаетъ ничего происходящаго съ нимъ и который не можетъ отвратить своего взора отъ того, чтó для него запрещено, ни ухо свое отъ выслушиванія дурнаго, ни свои влеченія отъ женъ другаго, ни свое сердце отъ возбраняемаго ему его душею грѣха и склонности.» Царь сказалъ: «моя рука стала нулемъ изъ за 'Йрâхтъ». 'Йлâдħъ отвѣчалъ: «три предмета суть нули (263): рѣка, въ которой нѣтъ воды, страна, въ которой' нѣтъ царя, и женщина, у которой нѣтъ мужа». Царь сказалъ: «ну, да и даешь-же ты, о 'Йлâдħъ, отвѣты»! 'Йлâдħъ отвѣчалъ: «три (личности) даютъ (настоящіе) отвѣты: царь, который раздаетъ и дѣлитъ свои сокро-

вища; женщина связанная (своей жизнью) съ благороднымъ человѣкомъ, котораго она страстно любитъ, и человѣкъ свѣдущій, сообразующійся съ добромъ». Затѣмъ онъ сказалъ, замѣтивъ, что состояніе царя обострилось: «о царь, на самомъ дѣлѣ 'Йрâхтъ еще въ живыхъ». Когда царь услышалъ это, его радость была велика и онъ сказалъ: «о 'Йлâдһъ, мнѣ мѣшаетъ разсердиться (только) то, что я знаю о твоей преданности и правдивости твоего разговора. Я все надѣялся, согласно моему знакомству съ твоимъ знаніемъ, что ты не казнилъ 'Йрâхтъ, ибо если она и совершила (нѣчто) серьезное и (даже) была груба въ своихъ словахъ, все-же совершила это не изъ враждебнаго чувства и не изъ желанія нанести мнѣ вредъ, но она сдѣлала это изъ ревности, и мнѣ слѣдовало отвернуться отъ того и перенести это. А ты, о 'Йлâдһъ, хотѣлъ меня испытать и оставить въ сомнѣніи на счетъ ея; ты сдѣлалъ въ моихъ глазахъ самую важную услугу,—я тебѣ признателенъ. Итакъ, отправься и приведи ее.» Тотъ ушелъ отъ царя, пришелъ къ 'Йрâхтъ и посовѣтовалъ ей нарядиться. Она исполнила это, и онъ отправился съ ней къ царю. Вошедши, она сдѣлала ему земной поклонъ, затѣмъ встала передъ нимъ и сказала: «я восхваляю Всевышняго Бога (264), далѣе восхваляю царя, который былъ милостивъ ко мнѣ, совершившей тяжкую вину, послѣ которой я не достойна была существованія; распростерлась его кротость, благородство его природы и его жалость; потомъ я восхваляю 'Йлâдһа, который отложилъ мое дѣло и спасъ меня отъ гибели, благодаря своему знанію сострадательности царя и обширности его кротости, щедрости, благородства его природы и честности въ обязательствахъ.» Царь сказалъ 'Йлâдһу: «какъ велика твоя заслуга въ моихъ глазахъ, въ глазахъ 'Йрâхтъ и въ глазахъ народа, такъ какъ ты оживилъ ее, послѣ того какъ я приказалъ казнить ее! Итакъ, ты подарилъ ее мнѣ сегодня. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, я постоянно полагался на твою преданность и распорядительность, а сегодня ты еще усилилъ во мнѣ уваженіе и почтеніе къ себѣ. Ты—правитель моего царства: дѣлай въ немъ, чтò тебѣ заблагоразсудится и повелѣвай въ немъ, какъ тебѣ угодно. Я это слагаю на тебя и полагаюсь на тебя.» 'Йлâдһъ возразилъ: «да продлитъ Богъ тебѣ, о царь, власть и веселіе! Мнѣ вовсе не слѣдуетъ быть хвалимымъ за это, ибо я твой рабъ, и мой интересъ (только)

въ томъ, чтобы царь не спѣшилъ въ важномъ дѣлѣ, въ совершеніи котораго онъ можетъ раскаиваться и послѣдствіемъ котораго будутъ печаль и горе, въ особенности относительно жены подобной этой, преданной, сочувствующей, равной которой не найдется на землѣ.» Царь тогда сказалъ: «истину сказалъ ты, о 'Йлâдhъ! я принимаю твои слова и не буду уже исполнять послѣ этого ни незначительнаго дѣла, ни важнаго, а подавно уже серьезнаго подобно этому, отъ котораго (265) я избавился только послѣ совѣщанія, взвѣшиванія, колебанія и указаній любимыхъ и разсудительныхъ людей.» Вслѣдъ за тѣмъ царь одарилъ его наградами и отдалъ въ его власть тѣхъ браhмановъ, которые совѣтовали казнь, а онъ перебилъ ихъ мечемъ и насладилъ (этимъ) взоръ царя и взоры знатныхъ жителей его государства; они хвалили Бога и восхваляли Кабâрійӯна за обширность его знанія и возвышенность его мудрости, потому что своимъ знаніемъ онъ спасъ царя, праведнаго его везӣря и праведную его жену.

Кончилась глава о 'Йлâдhѣ, Балâдhѣ и 'Йрâхтъ.

(266) ГЛАВА О ЛЬВИЦѢ, ВСАДНИКѢ И ША‘ҺАРѢ.

Царь Дабшалӣмъ сказалъ философу Байдабâ: «я уже выслушалъ эту притчу; приведи мнѣ теперь притчу о томъ, кто отказывается отъ нанесенія вреда другому, когда онъ въ состояніи сдѣлать это, изъ-за того вреда, который достался ему самому,— и то, что случилось съ нимъ, для него будетъ увѣщаніемъ и отстраненіемъ отъ вступленія на путь несправедливости и вражды къ другому.» Философъ отвѣчалъ: «дѣйствительно рѣшаются на исканіе того, что̀ вредитъ людямъ и что̀ приноситъ имъ зло, только глупые, невѣжественные, плохо взвѣшивающіе послѣдствія дѣлъ этого міра и будущей жизни и мало разумѣющіе, какое мщеніе обрушится на нихъ же самихъ и при томъ они непремѣнно достигнутъ такого результата того, что̀ они взяли на себя, который не можетъ быть охваченъ умами. Если даже кто-либо изъ нихъ спасется отъ чего-нибудь, благодаря смерти, представшей раньше нисхожденія на нихъ кары за то, что̀ они сдѣлали, — на нихъ накидываются кары загробныя такой суровости и громадности ужаса, отъ котораго прерываются рѣчь и описаніе. Случается, впрочемъ, что невѣжда наставляется и просвѣщается тѣмъ вредомъ, который достался ему со стороны другаго, и удерживается отъ того, чтобы нанести вредъ кому-нибудь одинаковою тому несправедливостью (267) и враждою. И на самомъ дѣлѣ, онъ одаряется пользою того, что онъ воздержался отъ этого во вниманіе къ послѣдствію. Подобенъ этому разсказъ о львицѣ, всадникѣ и ша‘һарѣ» Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Философъ отвѣчалъ: «передаютъ, что одна львица находилась въ чащѣ лѣса, а у ней было два львенка. (Случилось), что она вышла на поиски за ловитвой, а львятъ оставила въ ихъ пещерѣ. Мимо нихъ проѣзжалъ одинъ всадникъ: онъ напалъ на нихъ, выстрѣлилъ въ нихъ и убилъ; содралъ съ нихъ шкуры, привѣсилъ къ сѣдлу и удалился къ своему жилищу. Вслѣдъ за тѣмъ вернулась (львица) и увидѣвъ, какая страшная участь постигла ихъ, стала биться, (переворачиваясь) со спины на животъ,

кричать и рычать. Рядомъ съ ней жилъ ша‘һаръ. Когда онъ услышалъ такой крикъ, онъ сказалъ ей: «что̀ это ты дѣлаешь и что̀ случилось съ тобою,—сообщи мнѣ»? Львица отвѣчала: «мои львенки... мимо нихъ проѣхалъ всадникъ: онъ убилъ ихъ, содралъ съ нихъ шкуру, привѣсилъ къ сѣдлу, а ихъ оставилъ въ пустынѣ обнаженными.» Ша‘һаръ ей сказалъ: «не рычи, успокойся и знай, что этотъ всадникъ не нанесъ тебѣ ничего такого, чего-бы въ одинаковомъ видѣ ты не дѣлала другимъ, нанося то-же самое кому-нибудь другому изъ такихъ существъ, которыя находились вмѣстѣ со своимъ близкимъ и которыя цѣнили его подобно тому какъ ты относишься къ своимъ львятамъ. Итакъ, терпи отъ другихъ, какъ и другіе терпѣли отъ тебя. Дѣйствительно, говорится: какъ ты будешь судить, такъ и будешь (самъ) судимъ; для всякаго поступка есть плодъ (состоящій) изъ вознагражденія или наказанія; а они оба (268), соразмѣрно съ нимъ, бываютъ въ обиліи или малости, какъ посѣвъ: когда наступаетъ жатва, онъ даетъ сообразно со своимъ сѣменемъ.» Львица сказала: «поясни мнѣ, что̀ ты говоришь и будь понятенъ». Ша‘һаръ спросилъ: «сколько лѣтъ ты прожила»? Львица отвѣчала: «сто лѣтъ». Ша‘һаръ спросилъ: «что было твоею пищею»? Львица отвѣчала: «мясо животныхъ». Ша‘һаръ спросилъ: «кто тебя кормилъ имъ»? Львица отвѣчала: «я ловила какое-нибудь животное и съѣдала его». Ша‘һаръ спросилъ: «не видѣла-ли ты у животныхъ, которыхъ ты съѣдала, не было-ли отцовъ и матерей»? Она отвѣчала: «да» (были). Ша‘һаръ сказалъ: «а я не могу вспомнить, я не видѣлъ и не слышалъ отъ тѣхъ отцовъ и матерей такого гореванія, какое слышу отъ тебя: то что̀ постигло тебя, случилось только изъ-за плохаго разсматриванія тобою послѣдствій, незначительности размышленія о нихъ и твоего невѣдѣнія о томъ вредѣ ихъ, который вернется на тебя.» Когда львица услышала эти слова ша‘һара, она поняла, что это то, чѣмъ она совершила проступокъ противъ себя самой и что ея поступки были насиліемъ и несправедливостью. Поэтому она оставила охоту и обратилась отъ мясояденія къ яденію плодовъ, къ отшельничеству и набожности. Когда-же увидѣла ее горлица, [которая была жительницею того лѣса и пропитаніемъ которой были плоды], то сказала ей: «я думала, что деревья въ этотъ годъ не принесли (плодовъ) вслѣдствіе недостатка воды; когда-

же замѣтила, что ты (269) ѣшь ихъ, между тѣмъ какъ ты плотоядная,—оставивъ свою долю и пропитаніе и то, что̀ удѣлилъ тебѣ Богъ, промѣнявъ это на долю другихъ, беря изъ нея и набрасываясь на нее,—я поняла, что деревья въ этотъ годъ принесли плоды какъ и до сего дня, но что это явилось съ твоей стороны. Итакъ, горе деревьямъ, горе плодамъ, горе тому, чье пропитаніе состоитъ въ нихъ. Какъ скора ихъ гибель, когда сунулся къ нимъ въ ихъ надѣлы и перехватилъ ихъ у нихъ тотъ, кому нѣтъ въ нихъ ни части, ни доли»! Услышавъ эти слова горлицы, львица оставила плотояденіе и обратилась къ травояденію и благочестію.

На самомъ дѣлѣ я привелъ тебѣ эту притчу для того, чтобы ты зналъ, (что) иногда невѣжда, благодаря постигшему его вреду, удерживается отъ нанесенія вреда людямъ, какъ львица, которая изъ-за того, что̀ она испытала на своихъ львенкахъ, удалилась отъ мясояденія, затѣмъ отъ плодояденія изъ-за словъ горлицы и обратилась къ отшельничеству и благочестію. Людямъ надлежитъ хорошо вникнуть въ это, ибо сказано: «на что̀ ты не согласенъ для себя, того не дѣлай другому, потому что въ этомъ заключается справедливость, а въ справедливости заключается довольство Бога и довольство людей.»

Кончилась глава о львицѣ, всадникѣ и шаʿһарѣ.

(270) ГЛАВА ОБЪ ОТШЕЛЬНИКѢ И ЕГО ГОСТѢ.

Царь Дабшалимъ сказалъ философу Байдаба̂: «я уже выслушалъ эту притчу; приведи мнѣ теперь примѣръ того, кто оставляетъ занятіе свое, которое ему подходитъ и въ которомъ онъ наловчился, а ищетъ другаго, — не достигаетъ его и остается въ недоумѣніи и колебаніи.»

Философъ отвѣчалъ: «передаютъ, что былъ въ землѣ Кархъ одинъ набожный, усердный отшельникъ. У него однажды остановился гость. Онъ поэтому спросилъ для своего гостя финиковъ, чтобы онъ полакомился ими, и они ѣли ихъ вмѣстѣ. Затѣмъ гость сказалъ: «какъ сладки эти финики и какъ они хороши; а въ моей сторонѣ, гдѣ я живу, нѣтъ ихъ, хотя впрочемъ я вовсе не желаю ихъ. Наша страна обильна фруктами, и при изобиліи ихъ нѣтъ (никакой) потребности въ финикахъ, (въ особенности) при ихъ нечистотѣ и малой годности для тѣла.» Отшельникъ ему отвѣчалъ: «дѣйствительно, не считается разумнымъ кто ищетъ того, чего не найдетъ, и ты слѣдовательно счастливъ въ своемъ усиліи, такъ какъ удовлетворяешься тѣмъ, что находишь.»

Этотъ отшельникъ говорилъ, между прочимъ, по-еврейски. Гость нашелъ его рѣчь хорошею и она понравилась ему. Поэтому онъ взялся изучить ее и нѣсколько дней возился съ этимъ. Тогда отшельникъ сказалъ своему гостю: «не естественно-ли тебѣ, изъ-за того, что ты оставляешь свою рѣчь и взялся за рѣчь еврейскую, подвергнуться тому-же самому (271), чему подвергся воронъ.» Гость спросилъ: «а какъ это было»?

Отшельникъ отвѣчалъ: «передаютъ, что одинъ воронъ увидѣлъ куропатку, кувыркающеюся и расхаживающею. Ему понравилась ея походка и онъ захотѣлъ изучить ее: онъ попробовалъ ее на себѣ и не могъ ея выполнить. Онъ потерялъ на нее надежду и пожелалъ вернуться къ своей походкѣ, съ которой былъ (раньше), и вотъ сталъ сбиваться и путаться въ своей походкѣ, такъ что сдѣлался самой отвратительной изъ птицъ по походкѣ. На самомъ дѣлѣ я привелъ тебѣ эту притчу

изъ-за того, что я увидѣлъ, что ты оставилъ свой языкъ и принялся за языкъ еврейскій, между тѣмъ какъ онъ тебѣ не сподрученъ. Я боюсь, ты не овладѣешь имъ, а забудешь свой языкъ,—вернешься къ своимъ землякамъ и вотъ ты съ самымъ плохимъ языкомъ. Вѣдь сказано же, что считается невѣждою тотъ, кто берется за дѣла, которыя ему не сподручны и не составляютъ его занятія и которымъ его не обучали раньше его отцы и дѣды.

Кончилась глава объ отшельникѣ и его гостѣ.

(272) ГЛАВА О ПИЛИГРИМѢ И ЗОЛОТЫХЪ ДѢЛЪ МАСТЕРѢ.

Царь Дабшалӣмъ сказалъ философу Байдаба̂: «я выслушалъ уже эту притчу; приведи мнѣ теперь притчу о томъ, который дѣлаетъ благодѣяніе не въ надлежащемъ случаѣ и (еще) ожидаетъ за него признательности.» Философъ отвѣчалъ: «дѣйствительно, царямъ, да и другимъ (людямъ также), слѣдуетъ направлять свои благодѣянія на того, у кого они разсчитываютъ на признательность, искренность и умѣренность, а не обращать вниманія на своихъ родственниковъ и приближенныхъ, ибо они въ почетѣ (только) благодаря возвышенію ихъ царями. Напротивъ, имъ слѣдуетъ испытывать людей ничтожныхъ и великихъ въ ихъ признательности, сохраненіи любви, ихъ невѣрности и отсутствіи признательности, а затѣмъ (уже) оказывать имъ благодѣянія сообразно съ тѣмъ, что̂ они увидѣли въ нихъ: ибо опытный врачъ не довольствуется при лѣченіи больныхъ только осмотромъ, но онъ обращаетъ вниманіе и на мочу, щупаетъ пульсовыя жилы, и затѣмъ лекарство прописывается сообразно съ тѣми болѣзненными ощущеніями, которыя онъ у нихъ замѣтилъ. Вполнѣ правильно для человѣка разумнаго, — когда онъ находитъ добросовѣстность и признательность у людей слабыхъ или, подобно этому, у животныхъ, — вступать съ ними въ хорошія отношенія: можетъ быть онъ будетъ нуждаться въ нихъ въ какой либо день своей жизни и они тогда отблагодарятъ его. Итакъ, умный иногда остерегается людей и не довѣряетъ себя ни одному изъ нихъ, а между тѣмъ беретъ ласку и впускаетъ ее (273) въ свой рукавъ, беретъ птицу и сажаетъ ее на свою руку. Сказано: разумному человѣку не слѣдуетъ относиться свысока ни къ незначительному, ни къ важному изъ людей, а равно и изъ животныхъ, но напротивъ — ему надлежитъ испытать ихъ и чтобы то, что онъ дѣлаетъ имъ, было соразмѣрно тому, что̂ онъ въ нихъ замѣтилъ. Объ этомъ впрочемъ ходитъ притча, которую составилъ одинъ изъ мудрецовъ.» Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Философъ отвѣчалъ: «передаютъ, что одна компанія выко-

пала яму, а въ нее упали золотыхъ дѣлъ мастеръ, змѣя, обезьяна и тигръ. Мимо нихъ проходилъ путешествующій пилигримъ: онъ приблизился къ ямѣ, увидѣлъ человѣка, змѣю, тигра и обезьяну; онъ подумалъ въ душѣ своей и сказалъ: я не сдѣлаю для своей загробной жизни поступка болѣе возвышеннаго, чѣмъ если спасу этого человѣка изъ среды этихъ враговъ. Итакъ, онъ взялъ веревку и опустилъ ее въ колодезь. Тогда за нее прицѣпилась, благодаря своей легкости, обезьяна, и вышла вонъ. Затѣмъ онъ опустилъ ее вторично: о нее обвилась змѣя и такимъ образомъ вылѣзла. Затѣмъ онъ опустилъ ее третій разъ: тогда прицѣпился къ ней тигръ, и онъ его такимъ образомъ вытащилъ. Они (всѣ) поблагодарили его за его поступокъ и сказали ему: «не вытаскивай этого человѣка изъ ямы, ибо нѣтъ ничего меньше, чѣмъ признательность человѣка, а этого человѣка въ особенности». Послѣ того сказала ему обезьяна: «мое жилье — на горѣ, близь города, называемаго Науа̂дарахтъ». Тигръ тоже сказалъ ему: «я также (живу) въ логовищѣ подлѣ этого города». Змѣя сказала ему: «я также живу въ стѣнѣ этого города: если (274) ты будешь проходить мимо насъ въ какой нибудь день своей жизни и будешь въ насъ нуждаться, то кричи намъ пока мы не придемъ къ тебѣ, и мы воздадимъ тебѣ за ту услугу, которую ты намъ оказалъ.» Пилигримъ не обратилъ вниманія на то, что̀ они говорили ему о незначительности признательности человѣка, опустилъ веревку и вытащилъ золотыхъ дѣлъ мастера. Тогда тотъ поклонился ему до земли и сказалъ ему: если ты въ какой-нибудь день своей жизни будешь проходить мимо города Науа̂дарахта, то спроси о моемъ жилищѣ: я (по профессіи) золотыхъ дѣлъ мастеръ; можетъ быть я отплачу тебѣ за ту услугу, которую ты мнѣ сдѣлалъ.» Итакъ золотыхъ дѣлъ мастеръ отправился въ свой городъ, а пилигримъ отправился въ свою сторону.

Послѣ этого случилось, что у пилигрима оказалось какое-то дѣло въ этомъ городѣ, и онъ отправился въ путь. Тутъ ему встрѣтилась та обезьяна: она поклонилась ему до земли, поцѣловала его ноги, извинилась передъ нимъ и сказала: «обезьяны вѣдь не обладаютъ ни чѣмъ, но посиди, пока я приду къ тебѣ.» Обезьяна ушла, принесла ему прекрасный фруктъ и положила его передъ нимъ, и тотъ ѣлъ его сколько ему было нужно. Послѣ

того пилигримъ отправился въ путь и наконецъ приблизился къ воротамъ города. Тутъ встрѣтился ему тигръ; онъ палъ ницъ передъ нимъ, кланяясь до земли, и сказалъ ему: «вѣдь ты оказалъ мнѣ добро, поэтому подожди часикъ пока я приду къ тебѣ». Тигръ ушелъ, вошелъ черезъ одну изъ стѣнъ къ дочери царя, убилъ ее, взялъ ея украшеніе и принесъ его ему; пилигримъ однако не зналъ, откуда оно. Тогда онъ сказалъ въ душѣ своей: «эти животныя оказали мнѣ (275) такое возмездіе; а каково будетъ, если я приду къ золотыхъ дѣлъ мастеру: если онъ бѣденъ, не имѣетъ ничего, то онъ конечно продастъ это украшеніе, получитъ его стоимость, отдастъ часть ея мнѣ, а часть ея возьметъ (себѣ),— а онъ лучше знаетъ его цѣну.» Итакъ пилигримъ отправился и пришелъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру. Увидѣвъ его, тотъ принялъ его ласково и ввелъ въ свой домъ. Когда-же замѣтилъ съ нимъ украшеніе, онъ узналъ его [это было то, которое онъ отлилъ для дочери царя] и сказалъ пилигриму: «подожди, пока я принесу тебѣ кушанья: меня не удовлетворяетъ для тебя то, что̀ находится въ (моемъ) домѣ». Вслѣдъ за тѣмъ онъ вышелъ и говоритъ: «я получилъ удобный случай: я желаю отправиться къ царю и указать ему на это; такимъ образомъ улучшится мое положеніе при немъ». Итакъ онъ отправился къ царскимъ дверямъ и послалъ (сказать) царю: «тотъ, кто убилъ твою дочь и взялъ ея украшеніе, (находится) у меня». Тогда царь послалъ (посланца), и пилигримъ былъ приведенъ. Когда же царь увидѣлъ съ нимъ украшеніе, онъ не сталъ медлить, а приказалъ быть ему наказану проведеннымъ по городу и быть распятымъ. Когда съ нимъ сдѣлали то, пилигримъ сталъ плакать и (началъ) говорить высокимъ голосомъ: «еслибы я послушался обезьяны, змѣи и тигра въ томъ, что̀ они говорили мнѣ о незначительности признательности человѣка, мое положеніе не дошло-бы до этой бѣды». Онъ сталъ повторять эти слова. Эту его рѣчь услышала змѣя: она вышла изъ своей норы и узнала его положеніе, оно показалось ей серьезнымъ и она стала раздумывать о (276) его спасеніи. Тогда она пошла и въ концѣ-концовъ ужалила сына царя. Царь созвалъ людей науки: они произносили надъ нимъ заклинанія, чтобы его излѣчить, но не облегчили его ни чуть. Послѣ того змѣя проползла къ своей сестрѣ, принадлежавшей къ Джинамъ, и передала ей, что̀ за благодѣяніе сдѣлалъ ей пилигримъ

и во чтд онъ попался. Та сжалилась надъ нимъ, пошла къ сыну царя, представилась ему въ видѣ грёзы и сказала ему: «на самомъ дѣлѣ ты не выздоровѣешь до тѣхъ поръ пока не произнесетъ надъ тобой заклинаній этотъ человѣкъ, котораго вы наказали несправедливо». Змѣя-же отправилась къ пилигриму, вошла къ нему въ темницу и сказала ему: «не запрещала-ли я тебѣ оказывать благодѣянія тому человѣку, а ты не послушался меня»! Она принесла ему листъ, приносящій пользу отъ ея яда, и сказала ему: «когда тебя приведутъ для заклинаній надъ сыномъ царя, ты напой его настоемъ этого листа, и онъ, конечно, выздоровѣетъ; а когда царь спроситъ тебя о твоемъ дѣлѣ, ты скажи ему правду, и ты разумѣется спасешься, если (того) желаетъ Всевышній Богъ. Дѣло въ томъ, что сынъ царя сообщилъ царю, что онъ слышалъ кого-то говорящаго: «ты ни за что не выздоровѣешь пока не произнесетъ надъ тобой заклинаній тотъ пилигримъ, который несправедливо арестованъ». Итакъ царь потребовалъ пилигрима и приказалъ ему произнести заклинанія надъ своимъ сыномъ. Тотъ тогда сказалъ: «я не знакомъ въ совершенствѣ съ заклинаніемъ; но я напою его настоемъ одного дерева и исцѣлю его съ дозволенія Всевышняго Бога.» Такимъ образомъ онъ напоилъ его, и отрокъ выздоровѣлъ. Царь радовался этому и спросилъ его объ его исторіи. Тотъ разсказалъ ему. Царь поблагодарилъ его и даровалъ ему прекрасный подарокъ (277); а относительно золотыхъ дѣлъ мастера повелѣлъ, чтобы онъ былъ распятъ, и его распяли за его лживость и уклоненіе отъ благодарности и за его отплату гнуснымъ поступкомъ за хорошій».

Философъ сказалъ царю: «въ поступкѣ золотыхъ дѣлъ мастера съ пилигримомъ, въ отреченіи его отъ него послѣ своего спасенія имъ, въ признательности къ нему животныхъ и въ спасеніи его однимъ изъ нихъ (заключается) примѣръ для того, кто принимаетъ примѣры, размышленіе для того, кто размышляетъ, и наставленіе относительно оказыванія услуги и благодѣянія (только) людямъ добросовѣстности и благородства,—близки-ли они или далеки—въ силу заключающейся въ этомъ правильности мнѣнія, привлеченія добра и устраненія неблагопріятнаго.

Кончилась глава о пилигримѣ и золотыхъ дѣлъ мастерѣ.

(278) ГЛАВА О СЫНѢ ЦАРЯ И ЕГО ТОВАРИЩАХЪ.

Царь Дабшалûмъ сказалъ философу Байдабâ: «я выслушалъ уже эту притчу. Итакъ, если человѣкъ добываетъ благо только посредствомъ своего ума, разсудка и настойчивости въ дѣлахъ, какъ это полагаютъ, то что это за состояніе человѣка невѣжественнаго, который добываетъ и высокое положеніе и благо, или человѣка мудраго, умнаго, который получаетъ въ удѣлъ несчастіе и вредъ»? Байдабâ отвѣчалъ: «подобно тому какъ человѣкъ видитъ только своими глазами и слышитъ только своими ушами, точно такъ-же, съ другой стороны, дѣло обусловливается здравомысліемъ, умомъ и настойчивостью, хотя все-таки судьба и предопредѣленіе берутъ верхъ надъ этимъ. Примѣромъ этому (служитъ) притча о сынѣ царя и его товарищахъ.» Царь спросилъ: «а какъ это было»?

Философъ отвѣчалъ: «передаютъ что четыре личности сошлись вмѣстѣ на одной дорогѣ: одинъ изъ нихъ — сынъ царя, другой — сынъ купца, третій — сынъ однаго знатнаго человѣка, обладатель красоты, и четвертый — сынъ земледѣльца. Всѣ они были нуждающимися; ихъ постигли въ чужихъ краяхъ непріятности и сильные труды и теперь они имѣли только бывшія на нихъ одежды. Въ то время какъ они шли, вотъ они размышляли о своемъ дѣлѣ, каждый изъ нихъ соотвѣтственно своимъ природнымъ занятіямъ и тому благу, которое изъ этого проистекало ему. Сынъ царя сказалъ: «на самомъ дѣлѣ всякое мірское дѣло (279) зависитъ отъ судьбы и предопредѣленія, а что предназначено человѣку, то придетъ къ нему во всякомъ случаѣ. Перенесеніе судьбы и предопредѣленія и ожиданіе ихъ есть самое предпочтительное изъ дѣлъ.» Сынъ купца сказалъ: «умъ предпочтительнѣе всего», сынъ же вельможи сказалъ: «красота предпочтительнѣе того, что̀ было упомянуто». (Наконецъ) сынъ земледѣльца сказалъ: «нѣтъ въ мірѣ (ничего) предпочтительнѣе старанія въ работѣ». Когда они приблизились къ одному городу, называемому Митрӯнъ, они сѣли близь него, совѣщаясь (между собою). Затѣмъ они сказали сыну земледѣльца: «отправься и добудь намъ своимъ стараніемъ

пищи на этотъ день». Сынъ земледѣльца отправился и разспросилъ о работѣ, которую человѣкъ если исполнитъ, то заработаетъ ею пропитаніе на четырехъ человѣкъ. Ему сообщили, что въ этомъ городѣ нѣтъ ничего дороже дровъ, а дрова отъ него (находятся) на разстояніи фарсанга. Поэтому сынъ земледѣльца отправился (въ путь), набралъ охапку дровъ, принесъ ее въ городъ и продалъ за дирһамъ, на который купилъ пищи, и написалъ на воротахъ города: «стоимость работы одного дня, когда человѣкъ утруждаетъ въ ней свое тѣло,—дирһамъ». Затѣмъ онъ отправился къ своимъ товарищамъ съ провизіей, и они стали ѣсть. Когда наступилъ слѣдующій день, они сказали: «слѣдуетъ чтобы была очередь тому, кто сказалъ, что нѣтъ ничего цѣннѣе красоты». Такимъ образомъ собрался идти въ городъ сынъ вельможи: онъ подумалъ въ душѣ своей и сказалъ: «работъ я хорошо не знаю (280), такъ что-же меня ведетъ въ городъ». Но затѣмъ онъ постыдился вернуться къ своимъ товарищамъ безъ провизіи и сталъ думать объ отдѣленіи отъ нихъ. Итакъ онъ шелъ; наконецъ оперся спиною о большое дерево и на него напалъ сонъ: онъ заснулъ. Мимо него проходила жена одного изъ вельможъ города и замѣтила его: ей очень понравилась его красота,— она послала свою служанку и приказала ей привести его къ ней. Дѣвушка отправилась къ юношѣ и приказала ему слѣдовать за собою къ своей госпожѣ. Итакъ онъ провелъ свой день у нея пріятнѣйшимъ образомъ. Когда уже было подъ вечеръ, она наградила его пятью стами дирһамовъ. Онъ вышелъ, и написалъ на воротахъ города: «красота за одинъ день равняется (по цѣнѣ) пяти стамъ дирһамамъ», и пришелъ съ дирһамами къ своимъ товарищамъ. Когда они встрѣтили утро на третій день, они сказали сыну купца: «ступай ты и добудь намъ что-нибудь на этотъ день своимъ умомъ и торговлею». Итакъ сынъ купца отправился и все шелъ пока наконецъ не завидѣлъ одного изъ морскихъ кораблей, обильнаго товаромъ и подошедшаго къ берегу. По направленію къ нему вышла толпа купцовъ, желая купить находящійся на немъ товаръ. Они сѣли, совѣщаясь, недалеко отъ корабля, и одни изъ нихъ сказали другимъ: вернемтесь на этотъ день, не купивъ у нихъ ничего, пока наконецъ у нихъ товаръ залежится: тогда они продадутъ его намъ съ уступкой— и несмотря на то, что мы нуждаемся въ немъ, онъ все-таки

будетъ дешевъ.» Тутъ онъ перемѣнилъ (281) путь, пришелъ къ хозяевамъ корабля купилъ у нихъ (все), что̀ было въ немъ, за сто дӣна̂ровъ на срокъ и показалъ (видъ), что онъ желаетъ товаръ транспортировать въ другой городъ. Когда купцы услышали это, они испугались, что этотъ товаръ уйдетъ изъ ихъ рукъ, и дали ему барыша на томъ, что̀ онъ купилъ, сто тысячъ дирҺамовъ, а онъ перевелъ на нихъ долгъ хозяевамъ корабля; барышъ же свой онъ понесъ къ своимъ товарищамъ и написалъ на воротахъ города: «стоимость ума за одинъ день — сто тысячъ дирҺамовъ». Когда наступилъ четвертый день, они сказали сыну царя: «отправляйся ты и заработай намъ съ помощью своей судьбы и предопредѣленія». Итакъ сынъ царя отправился, наконецъ пришелъ къ воротамъ города и сѣлъ на выступѣ у городскихъ воротъ. Случилось такъ, что царь этой области умеръ и не оставилъ послѣ себя ни сына, ни какого-нибудь родственника. Такимъ образомъ мимо него проходили похороны царя; но его это не печалило, между тѣмъ какъ они всѣ горевали. Поэтому они отнеслись недовѣрчиво къ его положенію, а привратникъ обругалъ его и сказалъ ему: «кто ты, собака, и что̀ тебя заставило сѣсть у воротъ города? мы не видимъ, чтобы ты печалился о смерти царя»! и привратникъ прогналъ его отъ воротъ. Когда-же они ушли, юноша вернулся и сѣлъ на свое мѣсто. Когда царя похоронили и возвращались назадъ, привратникъ замѣтилъ его, разсердился и сказалъ: «развѣ-же я не запретилъ тебѣ сидѣть на этомъ мѣстѣ»? Онъ взялъ его и арестовалъ. Когда наступилъ другой день, жители этого города собрались, совѣщаясь, кому имъ дать царскую власть (282) надъ собою; каждый изъ нихъ продолжительно оспаривалъ взглядъ своего товарища и они разнорѣчили между собою. Тутъ привратникъ сказалъ имъ: «я видѣлъ вчера одного юношу сидящимъ у воротъ; я не видѣлъ, чтобы онъ былъ печаленъ нашею печалью, и заговорилъ съ нимъ, а онъ не отвѣтилъ мнѣ; тогда я прогналъ его отъ воротъ. Когда-же я вернулся, я (опять) увидѣлъ его сидящимъ; тогда я увелъ его въ темницу изъ опасенія, не будетъ-ли это шпіонъ.» Тутъ знатные жители города послали за юношей. Его привели, и они спросили его о его положеніи и что̀ привело его въ ихъ городъ. Тотъ отвѣчалъ: «я сынъ царя Фаўӣра̂на; но дѣло въ томъ, что, когда умеръ мой родитель, у меня перехватилъ власть мой братъ

и я вырвался изъ его рукъ для сбереженія своей души, пока наконецъ не достигъ до этого предѣла. Когда юноша упомянулъ о томъ, что̀ (только что) онъ разсказалъ о своемъ дѣлѣ, его признали тѣ изъ нихъ, кто бывалъ въ странѣ его отца, и стали восхвалять его отца. Конечно, знать выбрала юношу царствовать надъ собою и была имъ довольна. У жителей-же того города былъ обычай: когда они давали власть надъ собою какому-нибудь царю, возносили его на бѣлаго слона и кружили съ нимъ по окрестностямъ города. Когда съ нимъ дѣлали это, онъ проѣзжалъ мимо воротъ города и увидѣлъ на воротахъ надпись. Тогда онъ приказалъ, чтобы было написано: «по истинѣ, стараніе, красота умъ и то добро и зло, которыя достаются человѣку въ мірѣ, — по истинѣ (все) это обусловлено судьбою и предопредѣленіемъ со стороны Бога [да возвысится Онъ и да возвеличится]; и пусть служитъ примѣромъ этого тотъ почетъ и благо, которые привелъ мнѣ Богъ.» Затѣмъ (283) онъ отправился въ свою аудіенцъ-залу, сѣлъ на тронѣ своего царства и послалъ за своими товарищами, съ которыми онъ былъ (вмѣстѣ), приказавъ имъ явиться. Обладателя ума онъ включилъ въ число везйрей, обладателя старанія — въ число завѣдующихъ пашнями, а обладателю красоты приказалъ (выдать) большія деньги и затѣмъ выслалъ его, чтобы онъ не соблазнялъ женщинъ. Послѣ того онъ собралъ свѣдущихъ и умныхъ своей страны и сказалъ имъ: «что касается моихъ товарищей, то будьте увѣрены, что то благо, которое даровалъ имъ Всевышній Богъ [хвала Ему], обусловлено было судьбою и предопредѣленіемъ. Я желаю, чтобы вы знали это и убѣдились въ томъ: ибо то, что̀ даровалъ и уготовалъ *мнѣ* Богъ, также (произошло) по предопредѣленію, а не вслѣдствіе красоты, ума или старанія. Я вовсе не ожидалъ, когда меня выгналъ мой братъ, что мнѣ достанутся средства къ жизни, которыми я могъ-бы существовать, а подавно уже, что я пріобрѣту это положеніе. Я не надѣялся даже быть въ такомъ положеніи, потому что я видѣлъ въ этой странѣ такихъ, кто предпочтительнѣе меня по изяществу и красотѣ, сильнѣе рвеніемъ и возвышеннѣе по разсудку, а судьба привела мнѣ достигнуть Божьяго назначенія.» Въ этомъ собраніи былъ одинъ старикъ: онъ поднялся наконецъ, выпрямился стоя и сказалъ: «дѣйствительно, ты говоришь слова ума и мудрости; наше хорошее предположеніе о тебѣ и наша надежда

на тебя достигли своего крайняго пункта: мы признаемъ, чтò ты сказалъ, и считаемъ тебя правдивымъ въ томъ, чтò ты (только что) описалъ. А (284) власти и почета, которые привелъ тебѣ Богъ, ты достоинъ, вслѣдствіе того ума и разсудка, которымъ тебя надѣлилъ Всевышній Богъ: вѣдь самый счастливый изъ людей въ этомъ мірѣ и будущемъ (тотъ), кого Богъ одарилъ разсудкомъ и умомъ. Богъ оказалъ намъ милость, такъ какъ подослалъ тебя къ намъ при смерти нашего царя и почтилъ насъ тобою.» Вслѣдъ за тѣмъ всталъ другой старикъ, пилигримъ, восхвалилъ Бога [да возвысится Онъ и да возвеличится], воздалъ Ему славословіе и сказалъ: «я былъ въ услуженіи, когда былъ мальчикомъ,—раньше чѣмъ сталъ пилигримомъ,—у одного человѣка изъ знатныхъ людей. Когда у меня появилась мысль отказаться отъ міра, я разлучился съ этимъ человѣкомъ, и онъ далъ мнѣ два дѝнâра моей платы. Я тогда пожелалъ раздать одинъ изъ нихъ въ милостыню, а другой оставить (себѣ). Итакъ я пошелъ на рынокъ: я нашелъ у одного человѣка изъ охотниковъ пару удодовъ, поторговался съ нимъ, но охотникъ отказывался продать ихъ, развѣ только за два дѝнâра. Я старался купить ихъ за одинъ дѝнâръ, а онъ отказался. Тогда я сказалъ въ душѣ своей: «куплю я одного изъ нихъ, а другаго оставлю». Затѣмъ я подумалъ и сказалъ: «а можетъ быть они оба будутъ супругами, самецъ и самка: такимъ образомъ я разлучу ихъ». Меня взяло состраданіе къ нимъ, я положился на Бога и купилъ обоихъ за два дѝнâра. Мнѣ однако стало жалко, что если выпущу ихъ въ обитаемой странѣ, они будутъ пойманы или же не будутъ въ состояніи летать отъ голода и изнуренія, которые они испытали, я не былъ также спокоенъ за нихъ со стороны разныхъ бѣдствій. Итакъ я отправился съ ними въ мѣстность, обильную пастбищами (285) и деревьями, отдаленную отъ людей и построекъ: я выпустилъ ихъ, они полетѣли и спустились на одно фруктовое дерево. Когда они очутились на вершинѣ его, они поблагодарили меня, и я слышалъ, одинъ изъ нихъ говорилъ другому: «этотъ пилигримъ высвободилъ насъ изъ бѣды, въ которой мы находились, и онъ спасъ и избавилъ насъ отъ гибели. Конечно, намъ слѣдуетъ отплатить ему за его поступокъ: у подошвы этого дерева находится сосудъ, наполненный дѝнâрами—давай, укажемъ ему его; пусть онъ возьметъ его.» Тогда я имъ сказалъ: «кàкъ вы укажете мнѣ кладъ,

котораго не видятъ (ваши) глаза въ то время какъ вы не замѣчаете сѣти»? Они отвѣчали: «дѣло въ томъ, что судьба, когда посѣщаетъ, отвращаетъ глазъ отъ мѣста какого-нибудь предмета и заслоняетъ взоръ. Такъ судьба отвратила наши глаза отъ сѣти, но не отвратила ихъ еще отъ этого клада.» Я разрылъ (землю) и вытащилъ сосудъ, а онъ (оказался) полонъ дӣнâровъ; я пожелалъ тогда имъ здоровья и сказалъ имъ: «хвала Богу, который извѣстилъ васъ о томъ, что̀ Ему было угодно, а вы летаете по небу, и сообщили мнѣ о томъ, что̀ подъ землею.» Они отвѣтили мнѣ: «о умный, развѣ ты не знаешь, что предопредѣленіе преодолѣваетъ все, и никто не въ состояніи миновать его».

«Я передаю царю то, что̀ я видѣлъ. Итакъ, если царь прикажетъ, я принесу ему денегъ и сложу ихъ въ его сокровищницахъ». Царь отвѣчалъ: «это принадлежитъ тебѣ и пусть изобилуетъ у тебя».

Когда разговоръ философа съ царемъ дошелъ до этого пункта (286), царь замолчалъ.

Философъ тогда сказалъ царю: «да живи, о царь, тысячу лѣтъ и да властвуй надъ семью климатами; да будетъ тебѣ даровано основаніе всякой вещи и да достигнешь ты ея на ликованіе самого себя, на успокоеніе твоихъ подданныхъ и на осчастливленіе судьбою и предопредѣленіемъ! Ибо у тебя совершенны благоразуміе, здравомысліе и знаніе, у тебя изощренъ умъ и память, у тебя законченны геройство и щедрость и у тебя совпадаютъ дѣла и слова благодаря помощи Царя рабовъ.

Кончилась книга
Калӣлаh и
Димнаh.

Нѣкоторыя объясненія употребляемыхъ въ переводѣ обозначеній.

Скобки круглыя ( ) заключаютъ слова, вводимыя нами для лености смысла, но отсутствующія въ текстѣ (это употребленіе скобокъ нѣсколько не выдержано на первыхъ страницахъ).

Скобки прямые [ ] заключаютъ слова, находящіяся въ текстѣ но требующія заключенія въ скобки.

Цифры въ скобкахъ ( ), приведенныя въ текстѣ и до 33 стр. выставленныя по бокамъ его, означаютъ страницы рецензіи De Sacy.

Примѣчаніе къ I главѣ.

1) Страница 14/25 строка.*) *И меньше того, что я тебѣ сказалъ, было бы достаточно для подобнаго тебѣ.* Я предлагаю замѣнить слово «достаточно» словомъ «запретъ», понимая слово نهاية за имя дѣйствія отъ глагола نهى тѣмъ болѣе, что въ Байрутскомъ изданіи вмѣсто نهاية стоитъ другая форма имени дѣйствія означеннаго глагола, а именно: نهية

2) Ст. 19/8—12 с. *онъ раздѣлилъ ее на четырнадцать главъ* до словъ *и назвалъ ее книгой Калйлаh и Димнаh.*

Взамѣнъ этихъ пяти строкъ Guidi находитъ въ рукописи М.**) отрывокъ, переводъ котораго предлагается ниже (см. Guidi № 2).

Вотъ книга Калйлаh и Димнаh, она состоитъ изъ 16 главъ и одного посланія (и двухъ посланій: одно изъ нихъ) находится въ началѣ книги и трактуетъ объ снаряженіи царемъ Хосровомъ Анӯшйрвâномъ медика Барзӯйэ въ страну Индусовъ для отысканія Калилы и Димны, а второе посланіе — первое же въ этой книгѣ(?) — составлено Бузурджмиhромъ бенъ Аль-Бахтегâнъ; оно выражаетъ похвалу Хосрову Анӯшйрвâну, онъ же Хосровъ бенъ Кубâдh,***) царь Персовъ; а что касается этихъ 16 главъ, то онѣ трактуютъ объ 330-ти основахъ философіи... онѣ содержатъ 340 разсказовъ, входящихъ одни въ другіе; каждая изъ этихъ главъ написана для подтвержденія какой либо истины (философіи). Первая изъ этихъ главъ — глава составленная ʾИбну-ль Мокаффаʿ.

Примѣчаніе ко II главѣ.

1) Ст. 22/1 с. эта глава начинается въ Байрутскомъ изданіи большимъ отрывкомъ на 8-ми страницахъ (отъ 31—38 стр.). Сначала авторъ воздаетъ хвалу Господу Богу, затѣмъ перечи-

*) Страница далѣе обозначается буквами Ст. а строка-же одной буквой с.

**) М. = Моронитскихъ монаховъ.

***) По Байрутскому изд.

14

сляетъ Его добрыя качества и тѣ благодѣянія, которыя Онъ раздаетъ міру; изъ числа этихъ благъ — Богъ вразумилъ Хосрова Анӯшӣрвâна искать книгу Калӣлаh и Димнаh; затѣмъ воздаетъ дань похвалы Анӯшӣрвану, затѣмъ разсказываетъ достоинства выше означенной книги; послѣ этого авторъ разсказываетъ о рѣшеніи Анӯшӣрвана отправить миссію въ Индію за этой книгой: ему отыскиваютъ Барзӯиэ; онъ его отправляетъ; но передъ отъѣздомъ въ Индію Барзӯиэ проситъ собрать министровъ, вельможъ и весь народъ, чтò Анӯшӣрвâнъ и исполняетъ, и онъ (Барзӯиэ) обращается съ рѣчью къ собранію.

Начало этой рѣчи составляютъ страницы 22 и 23 до словъ *царь сказалъ*, стрк. 9-ая; притомъ слѣдуетъ замѣтить, что отъ означеннаго мѣста до словъ *царь приказалъ привести астрологовъ*, стрк. 37, нѣтъ въ Байрутскомъ изданіи, но чтò сказано въ этомъ отрывкѣ, передано въ Байрутскомъ изданіи до рѣчи Барзӯиэ.

Вообще въ 32 и 33 стр. текста изданія S. de Sacy, соотвѣтствующихъ въ нашемъ переводѣ 22 и 23 стр., сравнительно съ Байрутскимъ изданіемъ, не достаетъ нѣсколько словъ въ 10-ти мѣстахъ, которыя мы отмѣтимъ ниже:

а. Ст. 22/6—8 с. *Это умъ который........... устраняетъ зло*, послѣ этихъ словъ въ Байрут. изданіи слѣд.: «умъ, данный въ изобиліи отъ Творца Создателя—единаго Бога».

б. Ст. 22/11 с. *«чтобы спасти свою душу»*, послѣ этого слѣд.: «отъ слѣпоты заблужденія».

в. Ст. 22/14 с. *«и ключъ ко всякому счастью»*, послѣ слѣд.: «и который ведетъ къ обители вѣчности».

г. Ст. 22/15 с. *«никто не можетъ не нуждаться въ умѣ»*, послѣ слѣд.: «и безъ него нельзя обойтись».

д. Ст. 22/15 с. *«который пріобрѣтается посредствомъ опытовъ»*, слѣд.: «умъ врожденъ и увеличивается опытомъ и воспитаніемъ».

е. Ст. 22/22 с. *«пока не укрѣпитъ его опытъ»*, послѣ слѣд.: «Но лучше подвергать умъ испытанію тогда, когда онъ окрѣпнетъ, потому что умъ даетъ силу (человѣку) дѣлать всякое добро, помогаетъ ему отвратиться отъ всего порочнаго; нѣтъ никакой благодати лучше дара ума, которымъ Всевышній Богъ

надѣлилъ раба своего; этотъ умъ помогаетъ ему искать знаніе и воспитаніе и твердо держаться ими.

ж. Cm. 22/27 с. *«въ будущей жизни»*, послѣ слѣд.: «Вѣдь умъ поддерживаетъ царя во власти его, ибо купцы и чернь тогда бываютъ хорошими подданными, когда умъ хранителя власти изливаетъ на нихъ справедливость обильнымъ источникомъ».

з. Cm. 23/2—3 с. *«какой еще не достигалъ никто изъ царей»*, послѣ слѣд.: «онъ (царь) былъ воспріимчивъ ко всему этому по прекрасной воспріимчивой своей натурѣ, въ которой запечатлѣлись благородные образы; поэтому онъ достигъ той высокой степени благородства, которой еще никто изъ предъидущихъ царей не достигалъ».

и. Cm. 23/5 с. *«книги находящейся въ Индіи»*, послѣ слѣд.: «составленной ихъ учеными и философами и хранившейся у ихъ царей».

і. Cm. 23/9 с. *«спастись отъ страха ея»* послѣ слѣд. она поддерживаетъ во всѣхъ затрудненіяхъ, указываетъ царямъ какъ управлять дѣлами своего государства, а подданнымъ—какъ повиноваться властямъ и какъ улучшить свой образъ жизни: это книга Калйлаh и Димнаh. Когда онъ (царь Анўшйрвâнъ) убѣдился въ справедливости того, что̀ ему было донесено объ этой книгѣ, и стала ему ясна польза отъ нея въ дѣлѣ воспитанія и упражненія ума, находя меня способнымъ вывести ее (книгу изъ Индіи), царь поручилъ мнѣ это дѣло: да дастъ мнѣ Богъ счастье исполнить это, и міръ вамъ.

Когда (Барзўйэ) кончилъ свою рѣчь, царю стала ясна его образованность, способность и благородство; онъ сильно этому обрадовался и приказалъ привести астрологовъ, чтобы они выбрали ему добрый и счастливый день и благословенный часъ для путешествія. Далѣе текстъ Байрутск. изданія совпадаетъ съ текстомъ S. De Sacy и соотвѣтствуетъ въ нашемъ переводѣ стр. 23/36 с. и тѣ выбрали и т. д.

2) Cm. 24/2 с. эта глава въ Байрут. изд. кончается слѣд. словами: «и отправился онъ, стремясь къ своей цѣли день и ночь, пока не прибылъ въ Индію».

3) Cm. 24/20 с. *«этотъ человѣкъ»*, по Байрутск. изд. слѣд.: «имя его Арзўйэ».

4) Cm. 24/26 с. по Байрутск. изд. послѣ словъ *«чтобы можно*

было открыть ему свою тайну» слѣд.: «и не переставалъ онъ изучать его и стараться приблизиться къ нему, пока не убѣдился въ томъ, что его дружба съ нимъ была дружба равнаго съ равнымъ и не узналъ, что онъ былъ достойнымъ, чтобы довѣрить ему важныя и серьёзныя тайны свои и что онъ скроетъ довѣренную ему тайну, — не разоблачитъ ее,— какъ достойный другъ. Тутъ онъ сталъ ухаживать за нимъ все болѣе и болѣе, оказывать ему уваженіе и привязанность, пока наконецъ не насталъ тотъ день, въ который онъ надѣялся достигнуть своего желанія и овладѣть тѣмъ, что̀ ему было нужно. Между тѣмъ долго продолжалось его отсутствіе (изъ родины) и дорого стоили ему издержки принимать друзей и угощать ихъ явствами и напитками; когда же наконецъ онъ убѣдился въ своемъ индійскомъ другѣ, о которомъ выше упомянули, привыкъ къ нему, испыталъ его способности и могъ спокойно довѣрить ему свою тайну, онъ сказалъ ему въ то время какъ оба они сидѣли:

5) Cm. 27/17 с. послѣ словъ *«какъ-бы не насплетничали ему на тебя»* по Байрутск. изд. слѣдуетъ: «и не разсказали-бы ему этого о тебѣ; а индіецъ былъ хранителемъ сокровищъ царя и въ его рукахъ были ключи отъ этихъ сокровищъ».

6) Cm. 28/1—8 с. *«При наступленіи»*....... до словъ *«и воздавая Ему славословіе»* этотъ пассажъ переданъ въ Байрутск. изд. слѣд. образомъ: при наступленіи осьмаго дня царь приказалъ собраться къ нему всей знати своего государства, ученымъ страны, поэтамъ и ораторамъ. Когда они собрались, привели Барзӱиэ. Онъ вошелъ къ нимъ, билъ челомъ царю, возсѣлъ на приготовленную эстраду и началъ свою рѣчь о томъ, что̀ онъ видѣлъ и чему онъ былъ очевидцемъ, разсказывая исторію своей миссіи съ начала до конца. Всѣ мужи государства, военачальники и ученые, какой-бы ни были они степени, удивлялись дальнему его путешествію, прекрасному его обхожденію со своимъ другомъ и вѣрности его друга съ нимъ въ томъ, что онъ не выдалъ его тайны, не смотря на то, что онъ не былъ съ нимъ ранѣе коротко знакомъ и не связывалъ ихъ прежде никакой интересъ, тѣмъ болѣе, что существовала между ними разница въ религіи, различіе взглядовъ и непріязнь изъ за-вѣры. Ихъ удивляли также

тѣ громадныя деньги, которыя онъ издержалъ на пріобрѣтеніе этой книги, и Барзӯйэ сталъ великимъ въ глазахъ присутствующихъ и увеличился его почетъ передъ царемъ. Затѣмъ царь отпустилъ присутствующихъ и Барзӯйэ удалился. Между тѣмъ ораторы рѣшили составить подходящія рѣчи къ слѣдующему собранію и готовились къ этому. Царь устроилъ собраніе, куда явились Барзӯйэ, ораторы, правители, министры и краснорѣчивые мужи всего государства, была представлена книга (Калӣлаh и Димнаh) и другія книги (привезенныя Барзӯйэ). Когда прочитали эти книги и услышали заключающіяся въ нихъ знанія, философію, анекдоты и чудныя произведенія литературы,—всѣ присутствующіе обрадовались и царь достигъ своего желанія, и всѣ они хвалили Барзӯиэ, славили его и благодарили за трудности, которыя онъ испыталъ. Байрутск. изд. стр. 49 и 50.

7) *Ст.* 28/ с. *«на вѣки вѣковъ»* по Байрутск. изд. слѣд.: «Если Всевышній Богъ одаритъ человѣка обильнымъ умомъ, большимъ знаніемъ, прекраснымъ характеромъ твердою вѣрою и благимъ намѣреніемъ, то пусть онъ постоянно благодаритъ вѣчнаго Создателя за то, что̀ Онъ ему удѣлилъ изъ всего этого, хотя онъ этого не заслужилъ и хотя не совершилъ до этого никакого достойнаго дѣла». Байрутск. изд. ст. 51/6—9 с.

8) *Ст.* 31/38 с. *«моей памяти»*, послѣ этого въ Байрутск. изд. стр. 56/3—4 с. слѣд.: «Затѣмъ всѣ разошлись довольными и обрадованными; и былъ этотъ день таковъ, подобнаго которому еще не было».

Примѣчанія къ III главѣ.

1) *Ст.* 34/4 с. *«не останавливаясь на ихъ значеніи»* по Байр. изд. слѣд.: «не разумѣя ихъ значенія и не понимая ихъ смысла, пока не выучилъ ихъ всѣ наизустъ и не убѣдился въ томъ, что онъ усвоилъ все, что̀ находится въ желтомъ листочкѣ».

2) *Ст.* 34/13 с. *«отдаленіе отъ просвѣщенія,»* послѣ этихъ словъ Guidi въ рукописи V.*) находитъ слѣд. отрывокъ, помѣщ. у него въ № 3. «Дѣйствительно, говорится о двухъ предметахъ, которые умному слѣдуетъ пріобрѣсти въ изобиліи, а

*) V.=Ватиканская.

именно: наука и запасъ для будушей жизни. Говорится еще о двухъ предметахъ, въ которыхъ нуждается всякій, кто хочетъ жить, а именно: наука и воспитаніе. Говорится также, что воспитаніе проясняетъ умъ, какъ жиръ, который еще больше способствуетъ горѣнію огня и увеличиваетъ его свѣтъ.

3) Cm. 36/18—20 c. *«Умному не слѣдуетъ»* до словъ *«противнаго»* Guidi въ № 5 взамѣнъ этой фразы нашелъ въ рукописи V. и M. другую, а именно: «Умному не слѣдуетъ отчаиваться и терять надежду, часто Всевышній Богъ посылаетъ (своему) рабу пропитаніе, въ то время когда онъ о немъ не заботится».

4) Cm. 37/14 c. *«что влечетъ за собою хлопоты и затрудненія.»* Guidi въ рукописи M. и V. послѣ этихъ словъ находитъ слѣдующій отрывокъ, помѣщ. имъ подъ № 6.

«Если разъ человѣкъ испыталъ вредъ отъ какого либо событія, то онъ остерегается его; сравниваетъ подобное съ подобнымъ и такимъ образомъ оберегаетъ себя отъ непріятныхъ случаевъ тѣмъ, что разъ испыталъ отъ другого подобнаго; если же онъ будетъ остерегаться только того самаго событія, которое онъ испыталъ, то во всю жизнь свою не научится опытности; потому что постоянно ему приходится испытывать новое, а не то-же самое. Тотъ, который не упускаетъ изъ виду этого ни при какомъ положеніи и остерегается того, что онъ испыталъ, и смотритъ на тотъ вредъ, который постигъ другого, тогда избѣгнетъ для себя подобнаго и не будетъ примѣромъ его примѣръ голубя и т. д.

5) Cm. 38/13—39/18 c. Разсказъ объ одномъ купцѣ и его товарищѣ. Guidi приводитъ подъ № 4 этотъ самый разсказъ въ другой редакціи изъ рукописей V. M.: мнѣ передавали, что одинъ купецъ торговалъ кунжутомъ; у него и у его товарища былъ кунжутъ въ одномъ домѣ, однако то, что принадлежало одному изъ нихъ, находилось въ отдаленіи отъ кунжута другого. Одинъ изъ нихъ пожелалъ взять кунжутъ своего товарища и думалъ: какую хитрость тутъ употребить, чтобы взять его? Онъ задумалъ поставить знакъ, чтобы отличить тотъ и другой кунжутъ, когда наступитъ ночь; онъ взялъ свой ѝзаръ (верхняя одежда) и покрылъ имъ кунжутъ своего товарища; затѣмъ онъ отправился къ третьему своему другу,

извѣстилъ его объ этомъ и просилъ его помочь ему; тотъ отказывался, пока онъ не назначилъ ему (въ уплату) половину того, что̀ онъ самъ возьметъ. Между тѣмъ его товарищъ купецъ, ничего не зная объ этомъ, вошелъ въ домъ и, замѣтивъ свой кунжутъ покрытымъ плащемъ своего товарища, сказалъ самому себѣ: «мой товарищъ хорошо сдѣлалъ, что берегъ мой тюкъ, но ему слѣдовало беречь свой тюкъ, а не мой», затѣмъ онъ перенесъ плащъ на тюкъ своего товарища. Когда наступила ночь, его товарищъ пришелъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, вошелъ въ домъ во мракѣ ночи и сталъ шарить рукою, пока его рука не напала на плащъ. Будучи убѣжденъ, что (тутъ лежитъ) кунжутъ его товарища, онъ взялъ половину его и предоставилъ другую половину другу своему. Вставши утромъ, онъ пришелъ со своимъ товарищемъ, вошелъ въ домъ и увидалъ, что взятый имъ кунжутъ былъ его (собственный) и что тюкъ его товарища остался на своемъ мѣстѣ. Онъ сказалъ самому себѣ «горе мнѣ», и онъ не могъ упомянуть ни о чемъ, что̀-бы не узнали о поступкѣ, что̀ было-бы тяжелѣе для него чѣмъ потеря кунжута».

6) Cm. 42/4 c. Guidi еще дополняетъ эту главу изъ рукописи M. слѣд. отрывкомъ, помѣщ. у него подъ № 7, и въ Байрут. изд. также. Отсюда началъ бенъ 'аль-Мокаффа'(?) и сказалъ: «когда я видѣлъ, что персіяне перевели эту книгу съ индійскаго языка на персидскій языкъ, прибавили къ ней еще одну главу, а именно: главу о мѣдикѣ Барзӯйэ и не упомянули въ этой главѣ о томъ, о чемъ мы говорили касательно самой книги и относительно того, кто желаетъ ее читать, пріобрѣсти познанія изъ нея и извлечь изъ нея пользу. Ты (читатель!) разумѣй это и вникай, ты будешь тогда на правомъ пути, если Всевышній Богъ этого пожелаетъ.

Примѣчанія къ IV главѣ.

1) Cm. 46/7 c. послѣ словъ *«изъ желанія близости къ нимъ»* Guidi подъ № 8 приводитъ слѣд. отрывокъ изъ рукописи V: «этотъ отрывокъ въ Байрутск. изд. помѣщенъ на ст. 76/1—9 с. Душа моя, не соблазняйся богатствомъ и почетомъ, и не упокойся на нихъ. Дѣйствительно, имѣющій ихъ находитъ

всякое малое великимъ, пока не разстанется съ ними, какъ это бываетъ съ волосами на головѣ: имѣющій ихъ за ними ухаживаетъ, пока они у него на головѣ; когда-же они упадутъ, онъ ихъ бросаетъ и раскидываетъ. Душа моя, продолжай лечить больныхъ и не говори, что врачъ имѣетъ большія заботы и что люди не знаютъ ни той пользы, которую приноситъ медицина, ни ея достоинствъ. Но прими во вниманіе человѣка, который удаляетъ отъ другого доставшійся ему недугъ и освобожаетъ его отъ этого недуга, такъ что тотъ снова становится здоровымъ тѣломъ и къ нему возвращается (прежнее) благополучіе и спокойствіе: развѣ этотъ человѣкъ не достоинъ великаго возмездія и большой награды? Это такъ бываетъ съ тѣмъ, кто вылечиваетъ одного человѣка, а тѣмъ болѣе съ тѣмъ, кто сдѣлаетъ то-же самое съ массой людей, имѣя въ виду будущую жизнь; и такимъ образомъ его (паціенты) послѣ болѣзни и гибельныхъ недуговъ, препятствовавшихъ имъ пользоваться жизнью и ея благами, возвращаются къ положенію еще лучшему — кто же болѣе медика достоинъ высшей награды и лучшаго обращенія?

2) Cm. 47/37 с. *«я не нашелъ»* до стр. 48/7 с. *«я подобенъ человѣку»* Guidi вмѣсто этого отрывка нашелъ въ рукописи F.*) другой отрывокъ, помѣщен. имъ подъ № 10 въ Байрутск. изд. Этотъ отрывокъ идетъ отъ стр. 79/8 с. до стр. 80/7 с.; вотъ его переводъ:

«Если это извиненіе, тогда тотъ колдунъ, который перенялъ колдовство отъ своего отца, имѣетъ подобное оправданіе. Я вспомнилъ еще при этомъ, какъ однажды оправдался человѣкъ передъ обществомъ, которое его упрекало въ томъ, что онъ дѣлалъ неприличности за ѣдой, сказавъ «такъ ѣдалъ мой отецъ». Когда я не нашелъ себѣ оправданія въ томъ, что я остался при вѣрѣ своихъ отцовъ, я рѣшился снова предаться изученію религіозныхъ вопросовъ, изслѣдовать ихъ, относясь къ этому критически. Послѣ этого пришла мнѣ на умъ и запала въ мой разумъ близость смерти, оставленія міра и жестокаго истребленія его жителей. Я раздумывалъ объ этомъ и, сказалъ: «я бывало раньше совершалъ такіе поступки, о которыхъ я надѣялся, что они поступки добрые; а можетъ

*) F. = Флорентинская.

быть моя нерѣшимость въ этомъ дѣлѣ, мое изслѣдованіе, стараніе, мои пожеланія и непостоянство въ переходѣ отъ одного вопроса къ другому мѣшаютъ мнѣ дѣлать многое, что̀ я прежде дѣлалъ, а можетъ быть также, что моя смерть такъ быстро наступитъ, какъ скоро я въ состояніи перевернуть руку свою. Между тѣмъ, благодаря моей нерѣшимости и заблужденію, со мной случится то, что̀ случилось съ человѣкомъ, о которомъ передаютъ»...

3) Ст. 50/18 с. «*Примѣромъ мнѣ въ этомъ можетъ*» до 22 с. «*не найдя въ водѣ ничего*» Guidi въ № 11 а приводитъ слѣд. варіантъ изъ рукописи F.

«Такимъ образомъ со мной случится то, что̀ случилось съ собакой, которая, проходя мимо рѣки съ костью во рту, увидя, что отраженіе кости въ рѣкѣ больше той кости, которая была у нея во рту, бросила ее, чтобы схватить отраженіе кости; тогда то, что̀ у нея было во рту, упало, понесла его вода и унесла далеко, такъ что собака не могла уже его достать, а въ отраженіи никакой прибыли она не нашла».

4) Ст. 51/6 с. Guidi подъ № 11 дополняетъ этотъ отрывокъ слѣд. примѣромъ, взятымъ изъ рукописи V. и F., который находится и въ Байрутск. изд., ст. 85/5—8 с.: «міръ также подобенъ молніи,— она сверкаетъ не долго и исчезаетъ неожиданно, а человѣкъ остается въ недоумѣніи и въ темнотѣ. Человѣкъ въ мірѣ подобенъ шелковичному червю,— чѣмъ болѣе онъ мотаетъ на себя шелку, тѣмъ дольше приходится ему не выходить изъ кокона.

5) Ст. 57/20 с. Шанзабаh по Байрут. изд. Шатрабаḥ.

Примѣчанія къ V главѣ.

1) Ст. 63/21 с. «*подобіе чего*» до конца 23 с. Этотъ примѣръ переданъ иначе въ рукописи М. и приведенъ Guidi подъ № 13 и въ Байрутэк. изд., стр. 103/7—8. «Даже и брошенная на землѣ палочка пожалуй можетъ принести человѣку пользу; онъ можетъ ее взять и ковырять ею въ ушахъ.

2) Ст. 63/31 с. «*Димнаh сказалъ*» до словъ «*Тебѣ, о царь*», стр. 64/4 с. Это мѣсто передано въ рукописи F. иначе; Guidi его приводитъ въ № 14 такимъ образомъ:

«Димнаһ, замѣтивъ, что онъ понравился льву, сказалъ: дѣйствительно царю слѣдуетъ знать своихъ подданныхъ и тѣхъ, которые присутствуютъ въ его дворцѣ: ихъ образъ мыслей и ихъ искренность къ себѣ; ибо онъ не можетъ ими воспользоваться и поручить имъ важныя должности, не зная ихъ характера: подобно пшеничныхъ и ячменныхъ сѣмянъ, посѣянныхъ въ землѣ, никто не можетъ знать ихъ (доброе качество) пока они не пройдутъ сами (черезъ почву). Слѣдовательно надлежитъ тому, кто приближается къ царю, чтобы онъ открылъ ему свою спеціальность, взглядъ и направленіе, которыхъ онъ держится, для того, чтобы царь могъ-бы, когда пожелаетъ, воспользоваться его услугами.

Говорится о двухъ вещахъ, которыхъ никто, хотя-бы былъ царемъ, не долженъ помѣщать одну на мѣстѣ другой, а именно: украшеніе головы и украшеніе ногъ; и дѣйствительно, считается глупымъ тотъ, кто надѣваетъ на голову то украшеніе, которое слѣдуетъ надѣть на ноги, и также тотъ, кто надѣваетъ на ноги то украшеніе, которое слѣдуетъ надѣть на голову; тотъ, который считаетъ яхонтъ и жемчугъ наравнѣ со свинцомъ, не уменьшаетъ ихъ достоинства, но онъ невѣжда, потому что на одной степени ставитъ драгоцѣнные камни съ дешевымъ товаромъ. Также говорится: пусть никто не дружится съ человѣкомъ, съ которымъ еще близко онъ не познакомился (правая рука котораго менѣе ему извѣстна нежели лѣвая). Дѣйствительно, могутъ извлекать то, что̀ у народа, только правители; то, что̀ у арміи—одни только полководцы, и то, что̀ у вѣрующихъ — одни только ученые, а потому многіе изъ помощниковъ (царя) по причинѣ неосмотрительности своей не достигаютъ цѣли въ своихъ дѣлахъ. Надежда на успѣхъ дѣла (лежитъ) не во множествѣ помощниковъ, но въ правильной постановкѣ дѣлъ и въ хорошемъ направленіи дѣятелей. Въ дѣлѣ, въ которомъ слѣдуетъ употребить толстое полѣно, не годится употрѣблять тростникъ хоть и во множествѣ. Тебѣ теперь и т. д.

3) Cm. 64/25 с. передъ слов. «*когда Димнаһ*» Guidi изъ рукописей M. и V. приводитъ слѣд. отрывокъ подъ № 15:

Подобно крысѣ, находящейся въ сосѣдствѣ дома:—она непріятна хозяевамъ его, вслѣдствіе того, что она приноситъ

имъ вредъ, подъѣдая ихъ провизію, а поэтому ее и преслѣдуютъ, а орла, хоть и хищнаго, но полезнаго, почитаютъ и его пріобрѣтаютъ за дорогую цѣну.

4) Ст. 65/7—8 с. «*меня не безпокоитъ ничего, кромѣ этого*» въ замѣнъ этой фразы Guidi изъ рукописей M. и F. приводитъ слѣд. отрывокъ подъ № 15 bis; этотъ отрывокъ имѣется также въ Байрутск. изд. на стр. 106.

Я не знаю, что это за звукъ, который я слышу, но естественно тѣлу (отъ котораго онъ исходитъ), быть соразмѣрнымъ со звукомъ, а сила вѣдь бываетъ соразмѣрна съ тѣломъ. Если мое разсужденіе вѣрно, то это мѣсто не будетъ для насъ мѣстомъ нашего пребыванія.

Димнаһ сказалъ: «Развѣ безпокоитъ царя что нибудь кромѣ этого звука?» Царь отвѣчалъ: «нѣтъ». Димнаһ возразилъ: «царю вовсе не подобаетъ покидать свое мѣстопребываніе изъ-за какого-нибудь крика, и дѣйствительно, помѣха слабому пьянству — вода, чести — хвостовство, дружбѣ — сплетня и малодушному сердцу — сильный крикъ.

5) Ст. 65/12—23 с. Басня о лисицѣ и барабанѣ до словъ *по всей*. Guidi изъ рукописи F. приводитъ подъ № 16 эту басню въ слѣд. редакціи: Передаютъ, что одна голодная лисица пришла къ холму, гдѣ находился брошенный около одного дерева барабанъ; всякій разъ какъ вѣтеръ дулъ, вѣтви этого дерева ударяли въ барабанъ, который издавалъ страшный звукъ. Услышавъ этотъ звукъ, лисица остереглась, но однажды, по причинѣ голода и жадности, лисица напала на барабанъ, чтобы насытиться имъ. Увидавъ, что онъ не двигается и ничего не предпринимаетъ, лисица приблизилась и подошла къ нему; найдя его большимъ, она убѣдилась, что онъ очень жиренъ и что его мясо вкусно, и не перестала возиться съ нимъ пока въ концѣ-концовъ не разорвала его, ища въ немъ то, что̀ она пожелала найти, но не нашла въ немъ ничего. Увидѣвъ его пустымъ, и что въ немъ ничего нѣтъ, лисица сказала: «я не знаю, пожалуй самый ничтожный изъ предметовъ — самый большой изъ нихъ по массѣ и самый сильный изъ нихъ по звуку».

6) Ст. 68/11—14 с. отъ словъ «*отшельникъ*» до «*и гостилъ*» Guidi въ № 19 помѣстилъ слѣд. варіантъ изъ рукописи F.:

Отшельникъ отправился по своей дорогѣ, пока не вступилъ въ городъ: онъ искалъ для себя помѣщенія, гдѣ онъ могъ-бы пріютиться; ему удалось найти его только въ домѣ одной кабачницы, которая содержала женщинъ легкаго поведенія; говоря себѣ, «я тутъ найду вора моего», онъ остановился у ней.

7) Cm. 68/25 c. «*когда онъ увидѣлъ все это*» послѣ этихъ словъ въ Байрутскомъ изд. на стр. 112 слѣдуетъ: едва вѣрилъ, что утро наступило.

8) Cm. 69/25 c. «*и закричала своему мужу*» до стрк. 28 «*какимъ онъ былъ*» этотъ монологъ переданъ у Guidi изъ рукописи F. подъ № 20 слѣд. образомъ: она усердно молилась, говоря: «О Боже, если мой мужъ осудилъ меня напрасно и обидѣлъ меня, то Ты возврати мнѣ мой носъ цѣлымъ. Она все продолжала молиться, пока не проснулся ея мужъ отъ ея сильнаго крика. Тогда она сказала ему: «эй ты, безстыдный обидчикъ, встань и посмотри, какъ умилосердился Богъ надо мною и возвратилъ мнѣ мой носъ цѣлымъ; тебѣ же будетъ ясно, каковъ гнѣвъ Его противъ тебя, каково твое наказаніе за твою несправедливость и враждебное отношеніе». Мужъ отвѣчалъ: «безстыдница, какъ это можетъ случиться» Онъ всталъ, зажегъ и т. д.

9) Cm. 73/3 c. послѣ словъ «*со своимъ врагомъ*» Guidi подъ № 21 изъ рук. V. приводитъ слѣд. дополненіе: въ томъ случаѣ, когда его врагъ уменъ, осмотрителенъ въ дѣлѣ, пользу и вредъ котораго онъ раздѣляетъ съ нимъ; а твое мнѣніе вѣско тѣмъ болѣе, что ты имѣешь интересъ въ нашемъ существованіи; поэтому дай намъ хорошій совѣтъ.

10) Cm. 76/16 c. передъ слов. «*тотъ обманываетъ самого себя*» Guidi подъ № 20 и Байрутск. изд. приводятъ еще слѣд. предложеніе: и кто скрываетъ отъ врачей свою болѣзнь.

11) Cm. 77/20—24 c. «*но наконецъ удалилась изъ этого мѣста, куда входила вода изъ рѣки въ прудъ*» Guidi подъ № 23 изъ рукописи F. приводитъ въ замѣнъ этихъ словъ слѣд. предложеніе: Наконецъ она стала искать теченія воды и не переставала спускаться внизъ по теченію, пока не нашла себѣ другого пруда.

12) Cm. 84/28—29 «*то можетъ быть это вслѣдствіе какого-*

нибудь самозабвенія государя». Послѣ этихъ словъ Guidi подъ № 24 приводитъ изъ рукописей F. и V. слѣд. отрывокъ: изъ его самозабвеній проистекаетъ, что онъ иногда прощаетъ тому, на котораго слѣдовало-бы ему гнѣваться, и гнѣвается на того, кѣмъ-бы слѣдовало ему быть довольнымъ; поэтому говорится: тотъ подвергаетъ себя опасностямъ, кто далеко ѣздитъ по морю, а еще опаснѣе этого (положеніе) друга султâна, хотъ его дружба съ нимъ была-бы (соединена) съ преданностью, правдивостью, любовью и искренностью, все же онъ можетъ погибнуть и не спасется; а если онъ и спасется послѣ гибели, все же его положеніе будетъ похоже на положеніе покойника. Если же это не такъ, то можетъ быть оказанный мнѣ почетъ сдѣлался для меня гибелью; вѣдь и прекрасное, богатое плодами дерево можетъ испортиться отъ своихъ плодовъ: его вѣтви согнутся отъ ихъ тяжести и сломаются. Также и павлинъ:—бросающаяся въ глаза красота его хвоста можетъ быть причиною его обезцѣненія. Породистая верховая дорогая лошадь можетъ быть отыскиваема наѣздниками, взята ими въ дѣло и утомляема трудностью ѣзды; также и добросовѣстный человѣкъ: его добросовѣстность можетъ служить ему къ его гибели; вѣдь недобросовѣстными пренебрегаютъ, а добросовѣстныхъ ищутъ и утомляютъ (въ дѣлахъ), и притомъ злыхъ людей болѣе чѣмъ добрыхъ; поэтому добросовѣстный человѣкъ часто попадается въ руки злыхъ, его эксплуатируютъ и доводятъ до гибели.

13) Ст. 85/14—18 с. отъ словъ «*въ этой напасти я подобенъ пчелѣ*,» до словъ «*и умираетъ*» въ замѣнъ этого отрывка Guidi подъ № 25 приводитъ изъ рукописей ·М. и F. слѣд. отрыв.: какъ я похожъ въ этой напасти на пчелъ, попавшихъ въ плѣнъ къ листьямъ ненуфара, когда онѣ, наслаждаясь запахомъ его цвѣтовъ, пропустили срокъ вернуться восвояси. Димнаһ спросилъ: «А какъ это было»? Шанзабаһ отвѣтилъ: «передаютъ, что пчелы обитали на горѣ обильной деревьями, богатой плодами, на которой было мало источниковъ и гдѣ отсутствовала прѣсная вода для утоленія жажды; гора орошалась только дождями. Это было трудно общинѣ пчелъ, и онѣ искали въ окраинахъ пустыни воду. У (подножья) горы съ одной стороны была многоводная рѣка съ озеромъ, покрытымъ

ненуфарами; нѣкоторыя изъ пчелъ нашли это озеро и возвратились звать другъ друга къ нему; озеро покрылось пчелами, которыя забавлялись изобиліемъ ненуфара, его прекрасными цвѣтами и его пріятнымъ запахомъ; онѣ пребывали (тамъ), набирая кормъ изъ его цвѣтовъ, пока не настигъ ихъ заходъ солнца; цвѣты закрылись съ пчелами и погрузились въ воду по своему обыкновенію и пчелы околѣли.

14) Ст. 87/35 с. *«когда воронъ»* до ст. 88/7 с. *«и предсталъ передъ львомъ»* Guidi въ № 25 pag. 32 приводитъ изъ рукописи F. въ замѣнъ этого слѣд. отрывокъ: Воронъ узнавшій согласіе его (льва), отправился къ своимъ товарищамъ и сказалъ имъ: «я говорилъ со львомъ; я долго возражалъ ему и не отходилъ отъ него, пока не согласился со мною на то, чего мы желаемъ. Давайте, придумаемъ какъ намъ приступить хитро къ верблюду?» Товарищи ему отвѣчали: «Мы полагаемся на твою умѣлость при осуществленіи этого дѣла». Воронъ имъ сказалъ: «Я думаю мы соберемся вмѣстѣ съ верблюдомъ (у льва); мы разговоримся о положеніи льва, о томъ, что̀ случилось съ нимъ, а главное о томъ, что онъ не въ состояніи двигаться, и скажемъ ему: «Ты былъ благосклоннымъ къ намъ и оказывалъ намъ благодѣянія и сострадательность и теперь нашъ долгъ воздавать тебѣ благодарность и заботиться о твоемъ дѣлѣ». Пусть каждый изъ насъ скажетъ: «ѣшь меня, о царь и грызи мои кости, но не умирай отъ голода,— я приношу себя въ даръ тебѣ». Когда каждый изъ насъ скажетъ это, остальные изъ насъ представятъ причину его негодности для этого; можетъ быть верблюдъ станетъ намъ подражать и скажетъ такъ какъ мы сказали; мы же не станемъ представлять причины его (негодности), левъ ему не дастъ отойти ни на одинъ шагъ.» Всѣ, поздравивши другъ друга, рѣшили употребить эту хитрость и отправились пока не предстали передъ львомъ.

15) Ст. 88/38 с. *«лучшій изъ царей тотъ, кто справедливъ съ людьми»*, въ замѣнъ этой фразы Guidi подъ № 26 приводитъ изъ рукописи V. и F. слѣд.: лучшій изъ царей тотъ, кто походитъ на орла, вокругъ котораго трупы, а не тотъ, кто походитъ на трупъ, вокругъ котораго орлы.

16) Ст. 89/16 с. *«если его борьба основана на правѣ»*, послѣ

этихъ словъ Guidi № 27 въ рукописяхъ F. и M. находитъ слѣд.: нѣтъ для борющагося за истину ничего кромѣ блага. Дѣйствительно если его убьютъ, то ему будетъ рай, а если онъ убьетъ кого, то онъ достигнетъ побѣды.

17) Cm. 90/30—33 с. отъ *«когда же духъ»* до словъ *«отмщу ему»* Guidi подъ № 28 взамѣнъ этого мѣста приводитъ изъ рукописи M. слѣд.: Духъ морской, услышавъ все это, пожелалъ знать, что именно можетъ Ṭîṭaуâ сдѣлать противъ него и посмотрѣть, какова его сила, онъ оставилъ его и медлилъ, пока наконецъ вода моря начала приливать; духъ увеличилъ ее приливъ, отправился, взялъ птенцовъ Ṭîṭaуâ и ушелъ съ ними къ себѣ. Когда Ṭîṭaуâ, пришедшій со своей самкой навѣдать птенцовъ, не нашелъ ихъ, самка ему сказала: «я знала съ самаго начала дѣла, что это будетъ и что вредъ отъ этого обрушится на насъ; все это благодаря тому, что ты мало знаешь себя; теперь посмотри, что̀ насъ постигло изъ-за твоей неосторожности». Самецъ ей отвѣчалъ: «ты дѣйствительно сказала это раньше; все же я остаюсь при своихъ словахъ и ты увидишь, что̀ я сдѣлаю, если угодно только Всевышнему Богу. Послѣ этого онъ отправился и т. д.

18) Cm. 91/38 с. *«Калйлаh спросилъ»* до стр. 92/18 с. *«какъ сказалъ человѣкъ птицѣ»* Guidi въ № 29 приводитъ это мѣсто изъ рукоп. F. M. и V. такимъ образомъ: Калйлаh спросилъ: «до чего дошло твое дѣло»? Димнаh отвѣчалъ: «я покончилъ съ нимъ; остается только, чтобы они оба встрѣтились; я думаю, что они не успѣютъ обмѣняться и единымъ словомъ, какъ нападутъ другъ на друга, — я съ такимъ совершенствомъ исполнилъ эту уловку, какъ тебѣ и мнѣ желательно, ты не сомнѣвайся въ этомъ, да и не думай, что дружба между друзьями можетъ продолжаться, когда ловкій, хитрый, свѣдущій старается ее разорвать. За тѣмъ Калйлаh и Димнаh отправились ко льву, чтобы присутствовать у него утромъ: они какъ разъ пришли, когда Шанзабаh вошелъ ко льву. Замѣтивъ его, левъ присѣлъ на задъ, прижалъ уши, бросилъ грозный взглядъ на него, замахалъ хвостомъ и сталъ мести имъ вокругъ себя; быкъ не сомнѣвался, что левъ намѣренъ на него напасть и думалъ про себя: «Сообщника султâна можно сравнить съ тѣмъ, кто не безо-

пасенъ отъ быстрыхъ проявленій его гнѣва и отъ скораго измѣненія его души къ нему, вслѣдствіе того, что ему подсказываютъ сплетники и лжецы, только съ хозяиномъ змѣи и съ тѣмъ, кто находиться въ ея сосѣдствѣ въ домѣ и постели, или (можно его еще сравнить) съ тѣмъ, кто плыветъ въ рѣкѣ, въ которой находятся крокодилы;— вотъ онъ не знаетъ, когда одинъ изъ нихъ его схватитъ». Потомъ левъ, посмотрѣвъ на состояніе быка, нашелъ, что онъ измѣнился, и замѣтивъ тѣ признаки, о которыхъ упомянулъ ему Димнаһ, узналъ, что все это вѣрно и не сомнѣвался въ томъ, что̀ ему сообщилъ Димнаһ. Левъ, зарычавъ, бросился со своего мѣста на Шанзабу; быкъ его встрѣтилъ съ твердымъ сердцѐмъ и большой стойкостью, и завязалось между ними сраженіе, усилилась борьба до того, что съ нихъ кровь текла (рѣкою). Калӣлаһ, замѣтивъ что у льва кровь течетъ, сказалъ Димнѣ: «посмотри ты, гнусный, на свой планъ и на гнусныя твои уловки,— какъ онѣ непріятны и какъ скверны по послѣдствіямъ, и наконецъ (посмотри) до какого утомительнаго и труднаго положенія ты довелъ льва. Димнаһ возразилъ: «какое дурное послѣдствіе ты нашелъ въ этомъ»? Калӣлаһ отвѣчалъ: «осрамленіе льва, гибель быка, возможность возстанія и возникновенія повода для арміи дурно думать о султ̣ӑнѣ. Сверхъ того теперь стала мнѣ ясна твоя неумѣлость изъ того, что ты не дѣйствовалъ съ осторожностью. Развѣ ты не знаешь, что тотъ неумѣлѣе неумѣлаго, кто заставляетъ своего друга идти на сраженіе въ то время какъ онъ можетъ этого избѣжать. А сколько разъ человѣкъ можетъ разсчитывать на успѣхъ въ сраженіи, но избѣгаетъ его, боясь подвергнуть себя опасности и надѣясь побѣдить своего врага инымъ путемъ.

Если везӣрь совѣтуетъ султ̣ӑну вести войну (съ непріятелемъ) когда онъ можетъ достигнуть своей цѣли мирнымъ образомъ, то нужно считать везӣря болѣе опаснымъ врагомъ для него, чѣмъ непріятель. Кто желаетъ только хитрить и обманывать, а не предвидѣть исходъ своихъ дѣйствій, дѣло того будетъ подобно твоему дѣлу. Съ того времени, какъ я замѣтилъ твою алчность и услышалъ твою рѣчь, я не переставалъ ожидать съ твоей стороны бѣды, которая обрушилась-

бы на тебя гибелью и отъ которой и мнѣ достанется доля (пыль), пока наконецъ я увидѣлъ твою оплошность въ этомъ мерзкомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, умный начинаетъ оріентироваться въ дѣлахъ раньше, чѣмъ приниматься за нихъ; онъ приступаетъ къ такимъ изъ нихъ, въ которыхъ онъ надѣется успѣть, и отстраняется отъ такихъ, которыхъ онъ опасается по послѣдствіямъ, хотя думаетъ, что они исполнятся только при помощи грубыхъ пріемовъ. Говорится: ничего такъ не губитъ султâна, какъ другъ, который говоритъ красно и поступаетъ дурно; нѣтъ пользы въ словахъ, если они не соотвѣтствуютъ поступкамъ,— въ наружности, если не соотвѣтствуетъ сущности,— въ деньгахъ, если они не соединены съ щедростью, —въ другѣ, если онъ не вѣренъ,— въ знаніи догматовъ, если нѣтъ благочестія,— въ благодѣяніи, если происходитъ не съ искренностью, и въ жизни, если она не сопровождена здоровьемъ. Ты находишься въ такой бѣдѣ, отъ которой только можетъ спасти тебя умный и обходительный ученый. Знай, что воспитаніе отъ умнаго удаляетъ, а у глупаго увеличиваетъ сумасбродство, такъ-же *kqkъ* день:— онъ увеличиваетъ свѣтъ зрячему, но наводитъ мракъ на зрѣніе летучей мыши. Сказано, что всякая вещь имѣетъ свое бѣдствіе; бѣдствіе сильнаго — немощь, бѣдствіе ума — гордость, бѣдствіе красоты— хвастовство, бѣдствіе благоразумія — униженіе, бѣдствіе улучшенія — скупость, бѣдствіе щедрости — мотовство, и бѣдствіе стыда — боязливость; а твое дѣло напоминаетъ мнѣ кое-что — я это слышалъ: говорится что, если султâнъ бываетъ добрымъ, а его министры злые, то его доброта не распространится на его подданныхъ, никто ею не воспользуется и она не дѣлается общимъ достояніемъ, а султâнъ въ такомъ положеніи похожъ на рѣку, вода которой прозрачна и вкусна, но въ ней находятся крокодилы; ни одинъ, нуждающійся въ водѣ, не можетъ спуститься въ ту рѣку, хоть онъ и умѣлъ бы плавать. А ты пожелалъ, чтобы никто кромѣ тебя не приблизился ко льву, въ то время какъ значеніе друзей для султâна все равно, что значеніе волнъ для моря; и дѣйствительно, глупо и безразсудно человѣку искать — друзей вѣроломствомъ, — возмездья коварствомъ, — любви женщинъ грубостью, собственной пользы вредомъ другому, и науки безпеч-

ностью; но теперь мнѣ лишнее все это говорить, я перерву свое наставленіе тебѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ знаю, что твое дѣло похоже на то, что̀ сказалъ человѣкъ птицѣ и т. д.

19) Cm. 94/8 с. *«А лукавый уже побудилъ»* до стр. 94/19 с. *«умолялъ о помощи»*, Guidi подъ № 30 изъ рукописи V. въ замѣнъ этого отрывка приводитъ слѣд.: лукавый отправился къ своему отцу, передалъ ему этотъ случай и сказалъ: «я указалъ на дерево, какъ на свидѣтеля, такъ какъ я рѣшился на одно дѣло, въ исполненіи котораго я полагаюсь на тебя». Отецъ спросилъ: «что это»? Лукавый отвѣчалъ: «для дйна̂ровъ выкопали большое пустое (пространство), куда входитъ человѣкъ никѣмъ не замѣченнымъ; я тебя прошу отправиться эту ночь и войти въ него; когда же явится судья и сдѣлаетъ допросъ дереву, то ты отвѣчай ему изъ его дупла, говоря: «простоватый взялъ дйна̂ры». Отецъ ему возразилъ: «сынокъ, сколько разъ хитрость приводила хитреца въ бѣду; ты берегись быть въ своей хитрости похожимъ на цаплю». Лукавый спросилъ: «а какъ это было»? Отецъ началъ разсказывать:

زعموا أَنَّ علجوما جاورَتْهُ حيَّة فكان العلجوم كلَّما أَفْرَخَ جاءَتْهُ الحيَّة وأَكَلَتْ فِرَاخَه وكان العلجومُ قد وافقه مكانُهُ وٱستطابه فلَمْ يُؤْثِرْ تَرْكَه فَفَطِنَ به سَرَطانٌ فنادمه دهرًا فلمَّا كان فِي بعض الايام دنا منه وسَأَله عن خبره وبما (عن حاله فخَبَّره بما) لَقِىَ من الحيَّة فقال له السَّرَطانُ أَفَلَا أَدُلُّكَ على أَمرٍ تشتفى به من الحيَّة قال بلى قال ترى ذلك الجِحْر فانّى أَعْلَمُ فيه ٱبْنَ عِرْسٍ وهو عَدُوُّ الحيَّات فٱجْمَعْ سمكا كثيرا ثُمَّ ٱجعَلْه ما بين جُحْرِه وجُحْرِ الحيَّة فإنَّ ٱبْنَ عِرْسٍ يأْكُلُ ٱلاوَّلَ فٱلاوَّلَ حتّى ينتهى الى مكان الحيَّة فيقتلها ففعل العلجومُ ذلك وٱنتهى ٱبْنُ عِرْسٍ الى جُحْرِ ٱلحية فقتلها ثُمَّ عاد يَلْتَمِسُ السمك فلَمْ يجِدْ شَيْأً حتّى وقع على العلجوم وقتله وفِراخه*

Передаютъ, что въ сосѣдствѣ одной цапли поселилась змѣя; каждый разъ, какъ цапля выводила птенцовъ, приходила змѣя и съѣдала ихъ, цапля же не желала покидать свое мѣсто, по-

тому что оно было и удобно и уютно. О цаплѣ вспомнилъ ракъ, съ которымъ она была долгое время въ дружбѣ; онъ, пришедши къ ней, спросилъ о ея положеніи и какъ она поживаетъ; цапля ему разсказала, что̀ она терпитъ отъ змѣи. Ракъ ей въ отвѣтъ: «не указать-ли мнѣ тебѣ на одинъ планъ, черезъ который ты отмстишь змѣѣ?» Цапля сказала: «хорошо». Ракъ продолжалъ: «видишь-ли ты эту нору? я вѣрно знаю, что въ ней живетъ ласка, она-же врагъ змѣй. Ты собери много рыбъ и разбросай ихъ между ея норой и змѣиной, тогда ласка начнетъ съѣдать одну рыбу за другой, пока наконецъ не дойдетъ до мѣстожительства змѣи, и тогда она ее убьетъ. Цапля сдѣлала все это. Ласка же, дошедши до змѣиной норы, убила ее; затѣмъ она, вернувшись искать рыбу и ничего не находя, напала на цаплю и убила ее съ птенцами.

Я теперь привелъ эту басню для того, чтобы ты зналъ: «кто держится хитрыхъ продѣлокъ, хитрость его доведетъ еще до большей бѣды».

Лукавый не переставалъ побуждать старика-отца пока не ввелъ его въ (дупло) дерева. Когда судья явился и сдѣлалъ допросъ дереву, старикъ ему отвѣчалъ: «простоватый взялъ дйнâры». Судья сильно изумился и, находя все это страннымъ обошелъ вокругъ дерева и, увидавъ отверстіе, потребовалъ огня и дровъ и приказалъ зажечь то дерево. Отецъ лукаваго, прождавъ не долго, а именно до того, что огонь запылалъ кругомъ его, закричалъ и умолялъ о помощи и т. д.

20) Cm. 95/29—38 c. «*Да, я слышалъ*» до словъ «*это твой сынъ*». Guidi № 33 изъ рукописи М. въ замѣнъ этого приводитъ слѣд. отрывокъ: «Ты правъ и истинно говоришь; да, я слышалъ отъ правдиваго и опытнаго человѣка, что нѣтъ ничего лучше истребляющаго желѣзо, какъ ихъ зубы; а эта партія желѣза незначительна; славу Богу, что я нашелъ тебя невредимымъ; какъ Богъ смилосердился надъ тобою, что онѣ (мыши) тебя не съѣли. Тотъ человѣкъ, обрадовавшись этому (отвѣту), который ему и понравился, думалъ, что все это правда, и сказалъ купцу: «оставайся сегодня у меня». Хозяинъ желѣза ему возразилъ: «позволь мнѣ идти по (важному) дѣлу, о которомъ только сейчасъ вспомнилъ; я скоро вернусь къ тебѣ». Вслѣдъ затѣмъ хозяинъ желѣза, вышедши

отъ него, схватилъ его маленькаго ребенка, взялъ его и унесъ въ свой домъ. Человѣкъ этотъ, спохватившись, не нашелъ своего сына и сталъ его отыскивать, но не могъ узнать, гдѣ онъ находится. Жизнь его разстроилась и онъ смутился, (не зная), что̀ дѣлать, тѣмъ болѣе, что этотъ ребенокъ у него былъ единственный. Купецъ вернулся къ нему и, замѣтивъ его непріятное и разстроенное положеніе, спросилъ: «что съ тобой случилось и что тебя постигло»? Тотъ отвѣчалъ: «ребенокъ у меня пропалъ,—онъ мой единственный,—и никакихъ свѣдѣній о немъ я не имѣю». Тогда хозяинъ желѣза ему сказалъ: «я видѣлъ въ то время, когда пришелъ къ тебѣ (прошлый разъ), огромнаго сокола, схватившаго маленькаго мальчика, примѣты котораго такія и такія, на немъ была такая и такая одежда, можетъ быть это и былъ твой сынъ и т. д.

21) Cm. 96/2—4 с. «*Да если въ какой нибудь странѣ*» до словъ «*соколы хватаютъ слоновъ*» Guidi въ № 34 въ замѣнъ этого приводитъ изъ рукописи M. слѣд.: Дѣйствительно достовѣрно, что у тѣхъ, чьи мыши ѣдятъ желѣзо, чтобы ихъ птицы хватали слоновъ, а тѣмъ болѣе дѣтей.

22) Cm. 96/17—20 с. «*совершенно какъ вѣтеръ*» до словъ «*кажутся длинными и тяжелыми*» Guidi № 31 и 32 въ замѣнъ этого приводитъ изъ рукоп. V. F. и M. слѣд. отрывокъ: (Вѣдь, вѣками мажъ горькое дерево медомъ,) все же оно дастъ горкіе плоды. Я же знаю насколько мои слова для тебя тяжелы, но всегда подлые и глупые изъ людей находятъ умныхъ и благородныхъ тяжелями.

Примѣчанія къ VI главѣ.

1) Cm. 100/32 с. «*проявленія истины и хорошіе поступки*» Guidi № 35 послѣ этихъ словъ изъ рукописи F. приводитъ слѣд.: А что касается меня, то я былъ искреннымъ по отношенію къ своему господину и извѣстилъ его о состояніи его врага, которое, я зналъ, и единственная моя награда съ его стороны за мою искренность, это—тó, что онъ не желаетъ моего существованія. Мать льва сказала: «Посмотрите на этого хитреца; несмотря на важность его преступленія, онъ похожъ на того, кто оправдывается отъ незначительнаго про-

ступка». Димнаh возразилъ: «хитрецъ тотъ, кто говоритъ то, чего онъ не сдѣлалъ и разсказываетъ то, чего не было, но я говорилъ то, чтò было, и былъ правдивъ въ моихъ словахъ; сверхъ того ученые говорятъ и т. д.

2) Ст. 103/17—19 с. «*Мать льва сказала*» до словъ «*встала и вышла*» Guidi въ № 36 въ замѣнъ этого мѣста приводитъ изъ рукописи F. слѣд.: Когда мать льва увидѣла, что левъ молчитъ и ничего не говоритъ, въ ней возникло сомнѣніе и она сказала льву: «ученые говорятъ: если кто обращается съ словомъ къ кому-либо въ обществѣ людей, а послѣдній ему не возражаетъ, то этотъ, своимъ молчаніемъ одобряетъ слова перваго». Затѣмъ она, разгнѣвавшись, встала и вышла. Тогда левъ передалъ Димну судьѣ и т. д.

3) Ст. 103/22—104/6 с. «*Когда наступила полночь*» до «*а наказаніе льва — сурово, жестоко*». Въ замѣнъ этого Guidi въ № 37 приводитъ изъ рукописи M. слѣд.: Въ полночь извѣстили Калйлу, что его братъ находится въ тюрьмѣ. Онъ отправился къ нему, вошелъ и нашелъ его связаннымъ. Тогда онъ сказалъ ему: «О братъ, твое дѣло уже дошло до этого труднаго положенія, въ которомъ я тебя вижу, поэтому мнѣ не жаль быть съ тобою жестокимъ на словахъ. Развѣ ты не вспоминаешь сказанныя мной тебѣ слова и тѣ совѣты, которые я тебѣ давалъ, а ты, братъ, между тѣмъ, не обращалъ вниманія на мои слова, не слушалъ моихъ совѣтовъ и не дѣйствовалъ согласно съ ними; а причина этому та, что ты восхищался собственнымъ мнѣніемъ и умолчалъ о хитромъ твоемъ планѣ, который тебя довелъ до гибели и до смерти, отъ которой нѣтъ для тебя спасенія.» Димнаh отвѣчалъ: «Ты всегда говорилъ правду и проповѣдывалъ ее мнѣ; но я не послушался тебя въ этомъ дѣлѣ, потому что несчастіе было мнѣ предопредѣлено. Если не то, было-бы мнѣ достаточное предостереженіе въ твоихъ наставленіяхъ; вѣдь ученые говорятъ: «тотъ, кто не слушается искреннихъ и безпристрастныхъ въ его дѣлѣ и въ своихъ совѣтахъ, пріятелей и друзей, того исходъ бываетъ раскаяніе. Это самое со мной случилось и тяготитъ меня, но чтò я могу теперь дѣлать! какъ видно, рука предопредѣленія начертила и несчастье овладѣло мною.

Дѣйствительно жадность и страсть часто побѣждаютъ

разумъ мудреца; какъ, напримѣръ, больной, зная хорошо, что его страсть къ пищѣ вредитъ ему, все-же не перестаетъ принимать пищу, да еще наѣдается,—и такимъ образомъ его болѣзнь увеличивается, и можетъ статься, онъ и умретъ отъ этого. О братъ Калйлаh, я не горюю сегодня о себѣ, но я горюю о тебѣ, боясь, чтобы тебя не схватили и не наказали по моей милости и, благодаря находящимся между нами братству и любви, которыя остаются въ насъ до дня воскресенія—дня возрожденія и возмездія; вѣдь я знаю, что ты не спасешься послѣ меня, а между тѣмъ ничто не можетъ сравниться съ жизнью. Вѣдь часто человѣкъ, при настигшей его бѣдѣ, бываетъ принужденъ наговорить на себя то, чего онъ не дѣлалъ, въ надеждѣ на жизнь и облегченіе». Калйлаh отвѣчалъ ему: «о братъ мой Димнаh, я уйду теперь раньше чѣмъ зайдетъ кто нибудь къ тебѣ и увидитъ меня въ бесѣдѣ и въ дружбѣ съ тобою. По моему мнѣнію тебѣ слѣдуетъ признаться въ своемъ поступкѣ, потому что ты безсомнѣнно будешь казненъ; если же получишь свое наказаніе за свой поступокъ въ этомъ мірѣ, то это лучше для тебя, чѣмъ быть наказаннымъ въ будущей жизни». Димнаh ему отвѣчалъ: «Я понимаю то, что̀ ты мнѣ говоришь, братъ, и дѣйствительно, когда я тебя не послушался, я сбился съ пути истины; вѣрно то мнѣніе, которое теперь ты приводишь, но дай мнѣ срокъ подумать о моемъ дѣлѣ.» Калйлаh отправился домой. Грусть и печаль овладѣли имъ, онъ думалъ о дѣлѣ своего брата и боялся за себя, что будетъ схваченъ, опозоренъ, или наказанъ за поступокъ своего брата; его печаль усилилась, опасенія его увеличились, овладѣла имъ сильная болѣзнь въ груди и онъ въ ту-же ночь померъ.

4) Cm. 106/4—107/23 с. «*Димнаh отвѣчалъ*» до словъ «*вѣроломство и нечестивость*» Guidi подъ № 38 въ замѣнъ этого мѣста изъ рукописи M. и V. приводитъ слѣд.: Димнаh отвѣчалъ: «передаютъ, что въ одномъ изъ городовъ Синда былъ врачъ; былъ онъ свѣдущимъ въ медицинѣ и обходительнымъ. Когда онъ померъ (жители города), стали обращаться къ его книгамъ, пользоватся ими и учились по нимъ; пришелъ къ нимъ одинъ человѣкъ, не имѣющій понятія о медицинѣ, и сталъ выдавать себя за врача. У царя этого города была дочь очень

имъ любимая; она была беременной и заболѣла диссентеріею. Царь послалъ позвать врачей, и (посланные) пришли къ одному врачу, жившему въ одномъ парасангѣ отъ нихъ. Они нашли его уже ослѣпшимъ; они описали ему болѣзнь женщины, а онъ велѣлъ имъ ей давать лекарство, извѣстное по имени замhарâ; посланные сказали все это, и царь былъ извѣщенъ о томъ, что̀ врачъ сказалъ. Онъ приказалъ принести ящики, въ которыхъ находились лекарства умершаго врача и привели глупаго врача; онъ всунулъ свою руку въ одинъ изъ ящиковъ, взялъ изъ него мѣшечекъ съ мгновенно убивающимъ ядомъ, смѣшалъ это съ другими (лекарствами) и сказалъ: «Вотъ замhарâ». Когда царь увидѣлъ, какъ онъ скоро составляетъ медикаменты, подумалъ, что онъ свѣдущій въ медицинѣ и приказалъ ему дать награду и царское одѣяніе (халатъ).

Но когда онъ (врачъ) далъ пить его женщинѣ и она его выпила, то ея внутренности оторвались и она умерла. Тогда царь приказалъ дать пить того-же лекарства этому неучу; онъ выпилъ его и тотчасъ умеръ.

На самомъ дѣлѣ я привелъ вамъ эту притчу для того, чтобы вы не говорили того, чего вы не знаете, для того только, чтобы искать расположеніе царя и довольства другихъ; я же не виненъ въ томъ, въ чемъ меня обвиняютъ, и стою теперь передъ вами. Тогда заговорилъ начальникъ войска; благодаря своему самомнѣнію о своемъ положеніи у царя (онъ сказалъ): «о собраніе, выслушайте (мои слова) и подумайте о томъ, что̀ вы скажете; дѣйствительно, ученые не оставили безъ объясненія и внимательнаго изслѣдованія ни одной черты на тѣлахъ людей порядочныхъ и непорядочныхъ, дабы (люди) послѣ нихъ могли руководиться, а всѣ черты людей непорядочныхъ видны на этомъ жалкомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ (непохвальное) прошедшее». Начальникъ пекарей сказалъ: «мы все выслушали; объясни намъ, какія ты черты въ немъ нашелъ». Тогда онъ взялъ Димну за руку и сказалъ: «Дѣйствительно ученые говорятъ: у кого маленькіе глаза, притомъ, постоянно моргающіе, а носъ наклоняется въ правую сторону, волосы, что между глазами, длинные и опускаетъ голову при ходьбѣ, притомъ постоянно оборачивается назадъ,—

тотъ сплетникъ, лжецъ и нечестивъ; всѣ эти качества соединились въ этомъ несчастномъ злодѣѣ.» Димнаһ возразилъ: «мы всѣ живемъ подъ Божьимъ небомъ, а вы люди знающіе значеніе словъ; вѣдь вы слушали, что̀ онъ сказалъ, теперь слушайте меня: этотъ думаетъ, что нѣтъ никого ученѣе его и что люди дѣлаютъ добро и зло вслѣдствіе тѣхъ чертъ, что̀ у нихъ на тѣлѣ; если это такъ, какъ онъ расказалъ, то никто не можетъ дѣлать ни добра, ни зла, если въ немъ нѣтъ тѣхъ чертъ; а если то ложное обвиненіе, въ которомъ я обвиненъ, было-бы правдиво, да избавитъ меня отъ него Богъ, то найденныя во мнѣ черты служили-бы для меня оправданіемъ; потому что, въ такомъ случаѣ онѣ побудили и довели меня до такого поступка; въ его же рѣчи достаточное доказательство моей невинности, его злаго умысла и заблужденія и т. д.

5) Ст. 111/10 с. «*признайся въ ней и покайся*» Guidi послѣ этихъ словъ приводитъ въ № 39 изъ рукописи V. слѣд. отрывокъ: Клянусь жизнью своею, что быть наказаннымъ въ будущей жизни болѣе мучительно, чѣмъ (быть наказаннымъ) въ этомъ мірѣ». (*Димнаһ отвѣчалъ ему*): «Судья, ты говоришъ по справедливости и привелъ слова мудрецовъ, но клянусь жизнью своею, что счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобы онъ не продавалъ свою загробную жизнь за этотъ міръ, и въ томъ, чтобы его не привлекала незначительная польза, за которой (слѣдуетъ) продолжительная мука; но я въ томъ, въ чемъ меня объвиняютъ, невиненъ; я не говорилъ ни о комъ дурнаго и этого я не признаю, да и не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ то, чего не знаю и чего не дѣлалъ; въ противномъ случаѣ я буду заодно съ тѣми, которые желаютъ моей смерти, а судья знаетъ, какого наказанія заслуживаетъ самоубійца. Если они пожелаютъ моей смерти неповинно, то Богъ могущественнѣе ихъ. Но вспомните, что (каждый въ загробной жизни долженъ дать) отчетъ и что тамъ есть наказаніе, чтобы въ будущемъ (завтра) вамъ не раскаиваться; тогда не будетъ пользы отъ раскаянія.

6) Ст. 113/17 с. «*Тотъ и они стали кричать*» до ст. 114/3 с. «*чего не видалъ твой глазъ*». Guidi въ замѣнъ этого приводитъ въ № 40 изъ рукописи V. слѣд.: Тотъ принесъ ихъ, и

они стали кричать *то, чему были научены*; *знатные гости*, посмотрѣвъ другъ на друга и опустивъ свои головы, сказали пограничному начальнику: «знаешь ли ты, чтò говорятъ попугаи?»; онъ отвѣчалъ: «не знаю, но мнѣ нравятся ихъ голоса». Одинъ изъ нихъ сказалъ ему: «не разсердишься-ли ты на меня, если я тебя поставлю въ извѣстность относительно того, чтò они говорятъ?» Начальникъ отвѣчалъ: «нѣтъ». Тогда тотъ ему объяснилъ, что одинъ изъ нихъ говоритъ на балхскомъ языкѣ, что привратникъ согрѣшилъ съ женою начальника, а другой говоритъ: «а я не скажу ничего»; но нашему сану неприлично ѣсть въ домѣ безстыдной хозяйки. Начальникъ позвалъ своего слугу (сокольника) и сказалъ ему: «слушай, чтò говорятъ эти попугаи». Онъ отвѣчалъ: «я свидѣтельствую также, что я видѣлъ это-же самое не одинъ разъ»; тогда начальникъ границы приказалъ поспѣшить ее наказать за тотъ срамъ, который она совершила. Когда дошло это (приказаніе) до его жены и она узнала кто ее опозорилъ и старался ее погубить, она послала сказать начальнику: «изслѣдуй то, чтò тебѣ донесли; тогда тебѣ станетъ ясно, чтò правда и чтò ложь; ты попроси этихъ людей, которые у тебя, чтобы они спросили попугаевъ, знаютъ-ли они по-балхски что нибудь кромѣ этихъ двухъ предложеній, которымъ ихъ научилъ этотъ безстыдный юноша, который самъ требовалъ отъ меня того, чего я не допустила и на что я не согласилась»; начальникъ попросилъ гостей (людей), чтобы они спросили попугаевъ. Тѣ исполнили это и нашли, что они знаютъ только то, чтò они говорили. Тогда всѣ присутствующіе убѣдились въ непорочности жены и во лжи юноши. Начальникъ призвалъ его; онъ былъ приведенъ съ соколомъ въ рукѣ. Жена (начальника) сказала ему: «горе тебѣ, ты *замѣтилъ* то, въ чемъ меня обвиняешь?» Онъ отвѣтилъ: «да», тутъ соколъ бросился къ его глазамъ и выцарапалъ ихъ. Жена тогда сказала: «Богъ ускорилъ твое наказаніе и т. д.

Примѣчанія къ VII главѣ.

1) Ст. 117/28 с. «*когда это имъ присуждено*» Guidi въ № 41 послѣ этихъ словъ приводитъ изъ рукописи V. и M. слѣдующ.:

и часто рыба ловится изъ воды, а птицъ ловятъ изъ воздуха, и та причина, благодаря которой немощный достигаетъ своей цѣли есть та-же самая, которая препятствуетъ сильному ея достичъ.

2) Ст. 118/16 с. «*Не находитъ возможности*» Guidi въ № 42 послѣ словъ приводитъ изъ рукописей V. и M. слѣдующее: подобно человѣку, который желаетъ чтобы корабли шли по сушѣ, а колесницы ходили по водѣ.

3) Ст. 120/20 с. «*твоя нора*» до ст. 120/27 с. «*у меня есть свѣдѣнія и разсказы*» Guidi №43 взамѣнъ этого приводитъ изъ рукописей V. и M. слѣд.: «Твоя нора находится близко отъ дороги (по которой ходятъ) люди, я боюсь, какъ бы не бросили въ меня камней........ я желаю отправиться (туда) и жить спокойно.» Крыса отвѣчала: «я также съ тобой пойду; потому что мнѣ не нравится мое жилье». Воронъ возразилъ: «что именно тебѣ не нравится въ твоемъ жильѣ?» Крыса отвѣчала: «у меня о немъ есть разсказы» и т. д.

4) Ст. 122/9 с. «*право, исходъ копленія и собиранія запаса*» въ замѣнъ этого Guidi въ № 44, изъ рукописей F., M. и V. приводитъ слѣд.: Право, тотъ не разуменъ, кто старается чрезмѣрно копить и собирать запасы; исходъ его можетъ, пожалуй, окезаться и т. д.

5) Ст. 124/20 с. до ст. 124/24 с. «*Въ самомъ дѣлѣ*» до «*у ничтожнаго купца*» Guidi въ замѣнъ этого въ № 45 изъ рукописей F. и M. приводитъ слѣд.: Вѣдь говорится: кто имѣетъ несчастье терпѣть въ своемъ тѣлѣ постоянную болѣзнь, или кто разлучился съ друзьями и родственниками, находится на чужбинѣ и не можетъ найти себѣ ни ночлега, ни занятій и даже не можетъ вернуться назадъ; или кто попалъ въ такую бѣдность, которая вынуждаетъ его просить (милостыни), жизнь такого человѣка есть смерть, а смерть для него есть жизнь. Часто случается, что человѣку бѣдному непріятно просить, — тогда онъ бываетъ вынужденъ совершить насиліе, обманывать или красть; а это именно зло, черезъ которое онъ заблуждается. Говорится, что нѣмота лучше лживаго краснорѣчія и стѣснительное положеніе и бѣдность, при честности, лучше незаконныхъ богатствъ и благъ. Я видѣлъ гостя и т. д.

6) Ст. 125/9—11. с. «*и лучшаго, какъ примиренія*» до словъ

«быть довольною» Guidi взамѣнъ этого въ № 46 приводитъ изъ рукописей F. и M. слѣд.: Я нашла, что примиреніе и довольство—истинное богатство. Ученые говорятъ: разумъ узнается по бережливости, благочестіе—по воздержанію отъ запрещеннаго, происхожденіе—по прекрасному характеру, а богатство—по довольству. Достойнѣе всего терпѣть въ такихъ вещахъ, которыхъ достичь невозможно. Говорится (еще) лучшее благодѣяніе есть милостыня, одно изъ главныхъ правилъ любви—уступчивость, первый признакъ ума—знаніе и лучшее знаніе то, посредствомъ котораго узнается что̀ будетъ и чего не можетъ быть, и посредствомъ котораго душа успокоивается, характеръ улучшается и (человѣкъ) отклоняется отъ (исканія) невозможнаго. Тогда я сдѣлалась довольной моимъ положеніемъ, примирилась съ тѣмъ, что̀ мнѣ легко удается и переселилась изъ дома отшельника и т. д.

Примѣчанія къ VIII главѣ.

1) Ст. 135/26–27 с. *«если даже и не будутъ имѣть подобнаго намѣренія»*, послѣ этихъ словъ Guidi въ № 48 приводитъ изъ рукописи M. слѣд.: Говорится: кто своею рукою третъ змѣю и она не укуситъ, все же онъ не безопасенъ отъ того, чтобы на его руку не попала часть ея слюны и не убила-бы его; такъ-же то служитъ султану; хотя онъ изъ людей порядочныхъ, все же злые люди дѣйствуютъ противъ него и на его гибель.

2) Ст. 139/35 с. *«что за собака, которая съ тобою»*, послѣ этихъ словъ Guidi въ № 47 приводитъ изъ рукописи F. и M. слова втораго вора, обращенныя къ отшельнику, въ такой формѣ: не хочешь-ли ты охотиться съ этой собакой? По означеннымъ рукописямъ преслѣдователей отшельника было трое.

3) Ст. 140/12—13 с. *«воронъ сталъ стонать»* до словъ *«онѣ увидѣли его стонущимъ»*—Guidi въ № 49 взамѣнъ этого приводитъ изъ рукописей F. и M. слѣд.: Когда наступила ночь, царь совъ явился и съ нимъ вся его армія, чтобы истребить вороновъ, но онъ ихъ не нашелъ и не могъ найти мѣста ихъ (пребыванія), а равно не замѣтилъ и ворона (министра). За

тѣмъ царь совъ имъ сказалъ: я утомилъ себя и войска въ погонѣ за воронами и не знаю мѣста ихъ пребыванія, чтобы туда отправиться. Поэтому совы было намѣревались вернуться, но воронъ (министръ), подумавъ немного, сталъ кричать, умолять, просить и жаловаться Всевышнему Богу на то, что̀ имъ овладѣло. Услыхавши его, совы пришли къ нему и спросили его: какой случай былъ съ тобою и какая твоя исторія? Воронъ разсказалъ имъ случай съ нимъ и что̀ онъ испыталъ отъ царя вороновъ, а совы донесли объ этомъ своему царю и т. д.

4) Ст. 143/ с. послѣ словъ *totamque noctem solus cum ea in mariti lecto peregit* Guidi въ № 50 приводитъ изъ рукописи V. слѣд.: мужъ едва не умеръ отъ гнѣва и рѣшился убить свою жену, но онъ воздержалъ себя, сталъ караулить пока она не заснетъ и пока онъ наблюдалъ за ней имъ овладѣлъ сонъ и т. д.

5) Ст. 144/7—9 с. *«а правдой то, что слышалъ»* до словъ *«и чтобы съ нимъ обходились добромъ»*. Взамѣнъ этихъ словъ Guidi въ № 51 приводитъ изъ рукописи М. слѣд.: Вы не вѣрьте словамъ этого ворона; дѣйствительно воронъ не достоинъ того, чтобы вѣрили его словамъ и чтобы на нихъ обращали вниманіе, тѣмъ болѣе, что онъ не въ состояніи вредить своему врагу, если онъ съ нимъ сразится; а мы, если его оставимъ въ живыхъ, то мы не будемъ въ безопасности отъ него, и мой совѣтъ убить его, уничтожить его слѣдъ, и чтобы царь поспѣшилъ въ исполненіи этого. Я никогда не боялся вороновъ, пока теперь не увидалъ этого злодѣя ворона. Говорятъ, что царь совъ не обращалъ вниманія на его слова, считая его глупымъ и малознающимъ, и приказалъ, чтобы его (ворона) снесли въ резиденцію его государства, берегли его, оказывали ему почтеніе, заботились-бы о немъ и оказывали ему лучшія услуги. Затѣмъ сова, которая дала совѣтъ убить ворона, сказала (вторично): О царь! если ты не желаешь убить его, то по крайней мѣрѣ удали его отъ себя, смотри на него какъ на опаснаго врага и не довѣряйся ни ему, ни его рѣчамъ, потому что онъ бѣдовый, лукавый, хитрый и ловкій; вѣдь онъ явился только сюда для того, чтобы извлечь пользу себѣ и своимъ, и воздвигнуть славу своего султана. Послѣ этого и т. д.

6) Ст. 146/6—7 с. *«онъ ударился потихоньку и отправился къ своимъ землякамъ, сообщая имъ, что онъ видѣлъ и слышалъ»*, взамѣнъ этого Guidi въ № 52 изъ рукописи F. приводитъ слѣдующее: За тѣмъ воронъ съ царемъ совъ перелетѣлъ къ высокой горѣ, сталъ съ нимъ бесѣдовать и провелъ ночь съ нимъ. Когда дневной свѣтъ усилился, зрѣніе совъ затмилось и онѣ отправились въ свои норы, а воронъ полетѣлъ въ воздухъ, спустился къ воронамъ быстрымъ образомъ и сказалъ царю своему: теперь я и т. д.

7) Ст. 146/23 с. *«Нѣтъ терпимости въ отношеніи сообщества съ другими»* Послѣ этихъ словъ Guidi въ № 53 приводитъ изъ рукописи V. слѣд.: Говорится, что хорошіе люди находятъ легче для себя взойти въ адъ, чѣмъ сообщаться съ дурными, хотя на одинъ часъ. Воронъ отвѣчалъ и т. д.

8) Ст. 147/5—8 с. *«А ученые говорятъ»* до *«на мѣста храненія своей тайны»*. Взамѣнъ этого Guidi въ № 54 и 55 приводитъ изъ рукописей V. и M. слѣд.: Ученые говорятъ: когда человѣкъ идетъ къ своему врагу и врагъ ему окажетъ почетъ и хорошее обращеніе, то этому человѣку слѣдуетъ остерегаться его во время своего пребыванія у него, какъ остерегаются въ домѣ, гдѣ (еще) живетъ страшное (т. е. змѣя), или какъ должна остерегаться голубка, которая устраиваетъ свое гнѣздо на деревѣ, называемомъ салюфъ(?) изъ породы по имени Шармуḥума,(?) отъ того, чтобы не падалъ дождь въ гнѣздо; тогда оно разорится. Ихъ глупость дошла до того, что они не скрывали отъ меня ни бесѣды, ни тайны. Сказано, что царю слѣдуетъ беречь свои тайны, какъ и всѣ предметы, которые касаются его; особенно долженъ беречь цистерну, гдѣ онъ купается, лошадь, на которой онъ ѣздитъ, постель, въ которой онъ ложится спать, свои вооруженія, пищу, питье, корону, цвѣты и благоуханія, мази и всѣ другія вещи, которыхъ касается его тѣло, даже и головной уборъ, который надѣваетъ на ночь. Вотъ всѣ случаи, въ которыхъ онъ (царь) долженъ сильно беречься своего врага. (55) Слѣдуетъ тому, у кого есть враги, чтобы онъ ихъ остерегался, какъ остерегается ядовитой змѣи. Тогда царь сказалъ и т. д.

9) Ст. 147/27 с. *«Находятъ похвалу»*—послѣ этихъ словъ Guidi въ № 56 приводитъ изъ рукописи V. и M. слѣдующее: по-

тому что говорится: не должно показаться тяжелымъ человѣку нести на своихъ плечахъ своего врага, будучи увѣреннымъ въ прекрасномъ исходѣ этого. Терпѣла напримѣръ и т. д.

Примѣчанія къ IX главѣ.

1) Ст. 152/35 с. «*Послѣ этого черезъ нѣкоторый промежутокъ времени*» до ст. 153/10 с. «*въ моемъ жилищѣ*», Guidi взамѣнъ этого отрывка въ № 57 приводитъ изъ рукописей F. M. и V. слѣд. варіанты: (черепаха) простилась съ обезьяной, отправилась домой и нашла свою жену похудѣвшей и измѣнившейся. Она ее спросила: «каково твое положеніе»? Жена ей ничего не отвѣчала. Черепаха повторила вопросъ. Тогда подруга ея жены отвѣчала ей: «какъ сильна болѣзнь твоей жены и какъ трудно достать противъ нея лекарства. А тому, кто заболѣлъ и лишенъ лекарства, не остается ничего кромѣ смерти». Услышавъ это, черепахой овладѣла печаль и сильная грусть и она сказала: скажи мнѣ, какое лекарство (нужно) ей, чтобы я отыскала его гдѣ бы ни было». Подруга отвѣчала: «это лекарство только знаемъ мы — женщины; ничто не можетъ вылечить ея болѣзнь кромѣ сердца обезьяны». Черепаха подумала про себя: «это трудное дѣло, гдѣ-же мнѣ взять сердце обезьяны? развѣ только одна надежда—достать у своего друга; остается или обмануть его или погубить свою жену; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ нѣтъ для меня извиненія». Затѣмъ сказала (громко): если человѣкъ не можетъ исполнить важнаго дѣла иначе, какъ потерпѣвши незначительныя затрудненія, то ему не слѣдуетъ обращать вниманіе на эти мелкія затрудненія. И дѣйствительно, право жены великое, а выгоды отъ нея многочисленны, и никакой другъ не можетъ замѣнить мнѣ ея; вѣдь я въ правѣ дать ей предпочтеніе и воздать ей достойное». Затѣмъ она рѣшила въ умѣ своемъ употребить хитрость съ обезьяной: перевезть ее на островъ; затѣмъ совѣсть пробудилась въ ея душѣ и она сказала: «погубить вѣрнаго и достойнаго друга изъ-за жены, — это изъ тѣхъ дѣлъ, послѣдствія которыхъ страшны. Затѣмъ она пошла въ раздумьи и вышла къ бе-

регу, направляясь къ обезьянѣ, которая въ свою очередь ожидала ее и соскучилась безъ нея. Когда черепаха пришла къ ней и дошла до дерева, обезьяна привѣтствовала ее, говоря: «что тебя удержало отъ меня? я потерпѣла много отъ разлуки съ тобой», черепаха отвѣчала: «меня удерживалъ отъ твоего посѣщенія, не смотря на сильное влеченіе мое къ тебѣ, только стыдъ за то, какъ мало я тебѣ воздала за твои благодѣянія и за прекрасное твое обхожденіе. Хотя я знаю, что ты не ищешь возмездія за свои благодѣянія, а дѣлаешь это только вслѣдствіе своего благородства, даннаго тебѣ отъ Бога, а это свойство благородныхъ людей, которые оказываютъ добро тѣмъ, отъ которыхъ раньше не имѣли ничего и ни на что въ будущемъ не надѣются, которые забываютъ сдѣланныя ими благодѣянія, и съ благодарностью вспоминаютъ прекрасный поступокъ по отношенію къ себѣ, хотя за него и отплатили, постоянная забота которыхъ—помогать нуждающимся». Обезьяна возразила: «не говори это никогда и не стѣсняйся меня! вѣдь ты сначала возстановила между нами дружбу, поэтому мнѣ слѣдовало-бы тебя вознаградить лучшимъ способомъ. Я нашла въ тебѣ привѣтствіе въ то время, когда нуждалась въ тебѣ. Я явилась къ тебѣ изгнанной изъ моего народа, одинокой, и нашла у тебя спокойствіе и дружбу, которыми Всевышній Богъ удалилъ отъ меня грусть и печаль и далъ мнѣ посредствомъ тебя сообщество и помощь». Черепаха отвѣчала: «три вещи усиливаютъ нѣжное обхожденіе между друзьями, а между нами ни одной изъ нихъ не было; мнѣ желательно, чтобы онѣ произошли (между нами), а именно: посѣщеніе однимъ изъ друзей жилища другаго, раздѣлить трапезу вмѣстѣ въ немъ, и знакомство съ семьей и дворней. Ты-же у меня еще не вкушала пищи и не радовались тебѣ ни моя семья, ни мои близкіе». Обезьяна возразила: «слѣдуетъ (другу) пріятелю искать въ своемъ другѣ расположенія, (чтобы) обмѣняться съ нимъ любовью и быть съ нимъ откровеннымъ, а что касается знакомства съ семьей и дворней, то музыкантъ часто знакомится съ семьями людей и ихъ дворней (и радуетъ ихъ), а что касается раздѣленія трапезы, то много разъ верблюды, мулы и ослы собираются вмѣстѣ за ѣдой; относительно-же посѣщенія жилища, то и воръ входитъ въ жилища людей, но

никто изъ нихъ не имѣетъ отъ него пользы въ этомъ, если между ними нѣтъ дружбы». Черепаха сказала: «ты права, клянусь моей жизнью! дѣйствительно, слѣдуетъ пріятелю искать въ своемъ другѣ расположенія; а теперь, что касается тѣхъ изъ друзей, которые ищутъ только земныхъ интересовъ, то лучше имъ, чтобы дружба ихъ порвалась. Говорится: пусть человѣкъ не обременяетъ своихъ друзей одолженіями, такъ какъ онъ этимъ имъ можетъ надоѣсть и потерять ихъ; вѣдь теленокъ, если постоянно сосетъ молоко матери, можетъ его извести. Я упомянула о томъ, что̀ тебѣ сказала, только потому, что я знаю твое благородство и уступчивость, и, полагаясь на твою любовь ко мнѣ, я желала-бы, чтобы ты посѣтила меня въ моемъ жилищѣ»... и т. д.

2) Cm. 153/14—16 с. «*Ей представилась гнусность той измѣны*»... до «*и она опустила свою голову*», взамѣнъ этого Guidi въ № 58 изъ рукописи F приводитъ слѣдующій варіантъ: «и стала (черепаха) размышлять и говорить про себя: это дѣло, на которое я рѣшилась, есть дѣло неблагодарности и лукавства». И стала она вспоминать ту дружбу и связь, которыя были между ней и обезьяной, и боролась сама съ собой и говорила: «Женщины не достойны того, чтобы полагаться на нихъ въ дѣлахъ, и не (слѣдуетъ) терпѣть вѣроломства изъ-за нихъ. Доброкачественность и достоинство золота узнаются расплавливаніемъ его огнемъ, довѣріе мужа—въ сношеніяхъ и оборотахъ, сила скота — тяжелою ношею, а для женщинъ нѣтъ такого средства, по которому онѣ узнаются, и никто никакимъ способомъ не можетъ узнать, что̀ онѣ думаютъ. Обезьяна спросила ее: и т. д.

3) Cm. 154/22 с. «*Послѣ этого она сказала черепахѣ*», Guidi въ № 59 послѣ этихъ словъ приводитъ изъ рукописи F слѣдующее: Ученые говорятъ: «не слѣдуетъ никому препятствовать султ̣ӑну въ томъ, что̀ есть благо для его подданныхъ; не слѣдуетъ также препятствовать отшельнику въ томъ, что̀ приближаетъ его къ Всевышнему Богу, и наконецъ другу въ томъ, что̀ онъ пріобрѣтаетъ для жизни своей, и въ томъ, что̀ можетъ разсѣять его печаль. Я хорошо знаю эту болѣзнь, о которой ты упомянула. Наши жены ее часто испытываютъ, мы даемъ имъ наши сердца—они ихъ съѣдаютъ, и это лишь

причиняетъ намъ незначительную боль, которую мы переносимъ ради ихъ выздоровленія, что же тебѣ мѣшало и т. д.

4) Ст. 155/32—34 с. *«до такой степени ты обезсилѣлъ»* до словъ *«не спасется отъ меня во вѣки»* Guidi взамѣнъ этого отрывка приводитъ въ № 60 изъ рукописи F. слѣд. варіантъ (при чемъ нужно замѣтить, что очевидно въ рукописи F. героемъ является лисица, а не шакалъ): Лисица сказала: «что ты сдѣлалъ? если его оставить нарочно, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ты принудилъ меня искать то, что тебѣ не надобно, а если ты его оставилъ по слабости, то мы погибли, потому что это значитъ что нашъ господинъ не въ состояніи сладить съ исхудалымъ, дряхлымъ осломъ. Левъ, зная что если онъ скажетъ: я оставилъ его нарочно, то лисица посмѣется надъ его отвѣтомъ, а если скажетъ: по слабости, то она будетъ его считать немощнымъ, сказалъ: «не всякое положеніе султана слѣдуетъ подданнымъ знать; ибо султану данъ превосходный умъ; по этому перестань меня спрашивать о томъ, о чемъ подобные тебѣ не спрашиваютъ; а если ты можешь, то верни его ко мнѣ; тогда я тебѣ отвѣчу на твой вопросъ.» Лисица вернулась къ ослу и сказала ему и т. д.

5) Ст. 156/27—33 с. *«Черепаха сказала»* до словъ *«на землѣ же встаетъ и поднимается»* Guidi говоритъ, что рукопись V. всего лучше выражаетъ раскаяніе черепахи и это выраженіе приводитъ въ № 4 слѣд. словами: я тебя не упрекаю потому, что я достойнѣе упрека за то, что потеряла: твою любовь и дружбу и послѣднюю печаль и раскаяніе.

Примѣчанія къ X главѣ.

1) Ст. 158/26 с. *«или не осуществится»* Guidi № 62 изъ рукописи V. послѣ этихъ словъ приводитъ слѣдующ.: полагайся на Бога и усердствуй въ поклоненіи ему. Дѣйствительно, человѣкъ можетъ рисовать на стѣнѣ пока онъ самъ стоитъ, но когда онъ сядетъ, то онъ этого не можетъ.

2) Ст. 159/18 с. *«я не совершилъ бы этой измѣны»* послѣ этихъ словъ Guidi № 63 изъ рукописи V. приводитъ слѣд. отрывокъ: Дѣйствительно, кто спѣшитъ и не остороженъ, тотъ раскаивается но раскаяніе не приноситъ ему пользы.

16

Примѣчанія къ XI главѣ.

1) Ст. 161/36—37 с. «*Когда это произойдетъ, каждый изъ насъ спасется черезъ своего товарища*» взамѣнъ этого Guidi въ № 64 изъ рукописи F. приводитъ слѣд.: довѣряйся моимъ словамъ, ибо никто такъ не далекъ отъ добра, какъ двое, которые по положенію одинаковы, а по качеству различны: одинъ изъ нихъ—это тотъ, который никому не довѣряетъ; а другой—тотъ, кому никто не довѣряетъ; я исполню то, что̀ я тебѣ обѣщала со своей стороны, а ты прими это отъ меня, предайся мнѣ и по возможности не откладывай этого дѣла. Дѣйствительно, умный не откладываетъ своего дѣла съ одного времени (на другое); пусть твоя душа радуется моимъ существованіемъ, и тогда каждый изъ насъ спасется черезъ своего товарища и т. д.

2) Ст. 162/9 с. «*чтобы имѣть у тебя залогъ за свою личность*». Guidi № 65 продолжаетъ отвѣтъ крысы изъ рукописи F. слѣдующимъ образомъ: Когда я приближусь къ тебѣ, ласка и сова, увидя меня въ твоемъ обществѣ, потеряютъ надежду на меня и узнаютъ, что я съ тобой въ мирѣ и уйдутъ со своей корыстью искать дорогу иную, чѣмъ нашу. Затѣмъ крыса приблизилась къ кошкѣ съ намѣреніемъ исполнить то, что̀ она обѣщала. Когда она приблизилась къ лапѣ кошки, эта схватила ее обѣими лапами, прижала къ своей груди, поцѣловала ее и привѣтствовала ее, говоря: добро пожаловать, мой другъ, ко мнѣ; я тебѣ предана до смерти. Затѣмъ крыса принялась грызть ея сѣти и т. д.

3) Ст. 164/9 с. «*они удаляются отъ нихъ,*» послѣ этихъ словъ Guidi № 66 изъ рукописи V. приводитъ слѣдующій отрывокъ: Какъ облака—одно время собираются, въ другое исчезаютъ, то приносятъ дожди, то удерживаютъ ихъ, такъ же и умный измѣняетъ свое состояніе по обстоятельствамъ, смотря по различію характеровъ своихъ сообщниковъ: онъ бываетъ то откровененъ, то воздерженъ, разъ—веселъ, другой—сердитъ, иногда гордымъ, а то и смиреннымъ.

Примѣчанія къ XII главѣ.

1) Ст. 169/24 с. изъ отвѣта Фанзаһ «*правда, судьба такова, какъ ты сказалъ*». Guidi № 67 приводитъ изъ рукописи V. въ замѣнъ этого слѣд. слова: Если судьба такова, какъ ты сказалъ, то вопервыхъ, больной былъ-бы не правъ, когда онъ обращается къ врачу, а слѣдовало-бы ему полагаться на судьбу, на то, что̀ было предопредѣлено и на то, что̀ она принесетъ; а вовторыхъ, разумные и дальновидные люди перестали-бы обдумывать планъ, въ которомъ имъ есть облегченіе и удаленіе постигшихъ ихъ непріятностей».

Примѣчанія къ XIII главѣ.

1) Ст. 172/26 с. «*въ маломъ количествѣ*». Guidi № 68 послѣ этихъ словъ приводитъ изъ рукописи M., F. и V. слѣд. отрывокъ: ..... И правильный образъ дѣйствій султ̣âна—это то, когда онъ бываетъ свѣдущимъ въ дѣлахъ, умнымъ, разсудительнымъ и распорядительнымъ; ему слѣдуетъ разузнать въ каждомъ изъ своихъ везйрей и совѣтниковъ его убѣжденіе, направленіе, солидарность и то добро и зло, которыя онъ скрываетъ: когда удастся султ̣âну убѣдиться во всемъ этомъ, тогда онъ назначитъ каждому изъ нихъ, о которомъ онъ узнаетъ, что онъ ему не вредитъ, такое дѣло, въ которомъ онъ смыслитъ и которое онъ можетъ править, и ни въ какомъ случаѣ султ̣âну не слѣдуетъ поручать свои дѣла тѣмъ, въ вѣрѣ, преданности, разумѣ, солидности, неподкупности и нравственности которыхъ онъ вполнѣ не увѣренъ; ему слѣдуетъ назначать начальниками только тѣхъ, у кого есть умъ, вѣра и способность управлять; послѣ ихъ назначенія султ̣âну слѣдуетъ посылать своихъ повѣренныхъ ревизовать и провѣдать ихъ дѣйствія—однихъ тайно, а другихъ открыто, такъ чтобы отъ него не скрылось ни прекраснаго поступка хорошаго человѣка, ни продѣлки сквернаго. Если султ̣âнъ этого не исполнитъ, то хорошій дѣятель перестанетъ быть ретивымъ, а дурный получитъ смѣлость (повторять чаще свои продѣлки), а между тѣмъ подданные гибнутъ, дома разоряются и благо-

устройство распадается; и примѣромъ султ̑ана въ этомъ можетъ служить и т. д.

2) Ст. 175/30—176/5 с. «*другой сказалъ я не думаю*» до словъ: «*кто его обыскалъ бы.*» Guidi № 69, 70 изъ рукописи V. и M. взамѣнъ его приводитъ слѣд.: Другой говоритъ: «не слѣдуетъ ли кому заблуждаться уловками того, кто распространяетѣ о себѣ (добрую славу); на такого человѣка нельзя полагаться, *уловкій* не уцѣлѣетъ и не скроется». Еще одинъ сказалъ: «не уцѣлѣетъ тотъ, кто хитритъ съ султ̑аномъ; какъ скроетъ онъ это, въ то время какъ хитрость съ друзьями (обыкновенными) не скроется». Другой сказалъ: одинъ свѣдущій (человѣкъ) разсказалъ мнѣ о шакалѣ важное дѣло, котораго я не принялъ къ свѣдѣнію пока не услышалъ вашихъ рѣчей ». Еще одинъ сказалъ: «дѣло и коварство шакала не скрылось отъ меня, какъ я впервые его видѣлъ; я нѣсколько разъ объ этомъ говорилъ; я даже бился въ закладъ съ такимъ-то, что этотъ хитрый отшельникъ околѣетъ только вслѣдствіе безстыднаго обмана и важнаго проступка». Другой сказалъ: «если это смиренный, богобоязливый, который показалъ намъ, что его дѣло кончается горемъ и бѣдою для него, дѣйствительно выкинулъ такой обманъ, то это очень удивительно (70)». Еще одинъ сказалъ: мы «знаемъ шакала. Если его жилье будетъ обыскано и будетъ открытъ его обманъ, то онъ своимъ лукавствомъ и хитростью устроитъ, чтобы султ̑анъ ему простилъ и повѣрилъ.

3) Ст. 177/15—30 с. «*назначеніе имъ должностей*» до словъ «*станетъ ясно*». Guidi въ № 71 приводитъ изъ рукописи V. взамѣнъ этого слѣд. варіантъ: Когда султ̑анъ пренебрегаетъ дѣломъ, которое ему слѣдовало исполнить безъ отлагательства, его коснется вредное послѣдствіе, которое для него не желательно, а это бываетъ тогда, когда онъ (султ̑анъ) взглянетъ на свою совѣсть и станетъ ему ясна ошибка своего мнѣнія. Когда человѣкъ неостороженъ въ своемъ дѣлѣ и спѣшитъ въ немъ, то раскаяніе бываетъ плодомъ его дѣла; кто-же не осматриваетъ своего дѣла съ обдуманнымъ и достаточнымъ вниманіемъ, тотъ похожъ, въ такомъ случаѣ, на человѣка, въ глаза котораго попала соринка, и вотъ ему и представляется какъ-бы чт̀о-то торчитъ передъ глазами въ видѣ волоска; или онъ

похожъ на невѣжду, который, видя ночью свѣтляка, думаетъ, что онъ видитъ огонь, но когда онъ его возьметъ, онъ узнаетъ, что это не огонь. Тебѣ слѣдовало, султа̂нъ, знать дѣло шакала посредствомъ своего ума и осмотрительности и осмотрѣться назадъ мыслями своими; ты разсудилъ-бы, возможноли это? вѣдь шакалъ не ѣстъ мяса, онъ даже не дотрогивается до него, и мы знаемъ, что онъ возвращалъ въ твою кухню тѣ куски мяса, которые ты ему давалъ изъ уваженія. Какъ ты могъ его подозрѣвать въ этомъ, когда ты его испыталъ? Развѣ онъ въ состояніи воспользоваться мясомъ, тобою даннымъ ему на сохраненіе и тобою порученнымъ ему для сбереженія? Развѣ онъ пошлетъ его въ свой домъ и откажется передъ тобою (отъ него)? Ты вникни въ это и знай, что невѣжды постоянно завидуютъ ученымъ, трусливые — храбрымъ, злые — добрымъ, и вслѣдствіе этого первые хитрятъ, насколько они могутъ, противъ вторыхъ, чтобы ихъ подвергнуть гибели; дѣйствительно шакалъ и т. д.

4) Cm. 178/7 c. «*не повторили подобнаго*» послѣ этихъ словъ Guidi въ № 72 приводитъ изъ рукописи V. и M. слѣдующ.: Ты не полагайся на свои слова: я молъ, властелинъ ихъ; дѣйствительно, растеніе хотя и не имѣетъ силы, иногда изъ него дѣлаютъ канатъ, посредствомъ котораго связываютъ и огромнаго слона. Вѣдь умному и т. д.

5) Cm. 178/32 c. «*Шакалъ возразилъ*» послѣ этихъ словъ Guidi № 74 изъ рукописи F. приводитъ слѣд. отрывокъ: Ты позови тѣхъ, которые насплетничали на меня; мы спросимъ ихъ о томъ, что̂ заставило ихъ обвинить меня. Дѣйствительно, о царь, если ты разспросишь этихъ людей и будешь съ ними строгъ въ рѣчи, я надѣюсь, что ты только тогда узнаешь отъ одного изъ нихъ про его проступокъ, когда ты дашь ему обезпеченіе противъ своего могущества и поруку въ томъ, что ты ему простишь его проступокъ, если онъ тебѣ скажетъ правду». Левъ возразилъ: «Какъ простить тому, который признался въ преступленіи противъ меня самого и противъ моего семейства?» Шакалъ отвѣчалъ: «Это можетъ поручиться за прекрасный исходъ дѣла». Тогда Левъ позвалъ соучастниковъ заговора, которые присягнули предать шакала посредствомъ коварства. Левъ отдѣлилъ ихъ другъ отъ друга, сталъ ихъ

спрашивать и энергично принялся за изслѣдованіе ихъ дѣла; онъ постращалъ ихъ и обѣщалъ, тому изъ нихъ, кто правду скажетъ, безопасность. Нѣкоторые изъ нихъ признались въ томъ, что они устроили заговоръ противъ шакала; затѣмъ всѣ рѣшились признаться, и Льву ясна стала тогда невинность шакала. Когда мать льва увидѣла, что левъ убѣдился въ невинности шакала, она сказала ему: «такъ какъ ты уже обѣщалъ безопасность этимъ, чего возвратить теперь нельзя, то тебѣ не слѣдуетъ принимать отъ нихъ, впредь, никакихъ донесеній, кромѣ какъ съ вѣскими аргументами, чтобы ты не былъ орудіемъ ихъ интригъ; также ты не пренебрегай донесеніемъ ничтожной личности о порокахъ людей, заслужившихъ твою довѣренность. Дѣйствительно, часто изъ слабаго растенія выкручиваютъ длинный канатъ, прочный и крѣпкій, такъ что имъ связываютъ сильнаго слона» (см. № 72) Guidi.

Ст. 179/3 до 8 с. *«ибо не подобаетъ царямъ»* до словъ *«затѣмъ сказалъ»* Guidi взамѣнъ этого мѣста въ № 73 приводитъ изъ рукописей V. и M. слѣдующій варіантъ:

Дѣйствительно, не слѣдуетъ царю приближать меня къ себѣ, потому что ему не слѣдуетъ довѣряться тому, кого онъ наказалъ строгимъ образомъ за страшнѣйшій изъ грѣховъ, а также тому, кого онъ лишилъ поста, удалилъ, взялъ его имущество и наказалъ невинно, или тому, кто имѣлъ почетъ у него (царя) и на кого онъ полагался въ нужныхъ дѣлахъ; а потомъ царь его отстраняетъ и не воздаетъ ему должнаго; или тому, кто прославился своимъ превосходнымъ умомъ, своею опытностью и осмотрительностью въ дѣлахъ, за что и былъ приближенъ къ царю, а за тѣмъ не былъ вознагражденъ и пренебрегали его достоинствомъ; или тому, кто, былъ одинъ только наказанъ, попавши (нечаянно) въ число людей преступныхъ, получившихъ прощеніе за свои проступки, хотя онъ не совершилъ ничего подобнаго, въ чемъ его обвиняютъ; или тому, кто былъ обиженъ и чье дѣло не было изслѣдовано и заявленіе не было разсмотрѣно; или тому, кого презираютъ, ненавидятъ и ругаютъ публично; или тому, кто совершилъ незначительный проступокъ, за который онъ и не заслуживаетъ наказанія; или тому, кто занимаетъ должность, отъ которой его слѣдовало-бы удалить, но еще это не исполнено; или тому, кто

жаденъ и страстенъ, но не удовлетворенъ въ своихъ желаніяхъ. Вотъ всѣ тѣ разряды людей, которые заслуживаютъ того, чтобы царь не приближалъ ихъ къ себѣ, не довѣрялся имъ и не возлагалъ надеждъ на нихъ. Впрочемъ, что-же я поставилъ себя въ положеніе совѣтника, помощника и министра царя! Хотя мое сердце такъ-же искренно по отношенію къ нему, какъ и до нынѣшняго дня, но, можетъ быть, царю не извѣстно мое расположеніе къ нему, и потому онъ мнѣ не довѣряетъ и не надѣется на меня такъ, какъ надѣялся до нынѣшняго дня, а можетъ быть онъ думаетъ: «я боюсь шакала послѣ оказаннаго ему мною презрѣнія; вѣдь дѣйствительно, что̀ мнѣ кажется съ его стороны, это не сущность того, что̀ въ немъ, а это можетъ быть его притворство, а въ душѣ противуположное что ему неизбѣжно.

Примѣчанія къ XIV главѣ.

1) Ст. 180/10—14 с. «*Байдаба̂ отвѣчалъ*» до словъ «*что бываетъ у царей*», Guidi въ № 75 изъ рукописи V. взамѣнъ этого отрывка приводитъ слѣдующій варіантъ:

Лучше всего, чѣмъ достигается все это, есть умъ и разумъ. И, дѣйствительно, они служатъ основаніемъ и силой всего; а этого можно достигнуть совѣтомъ разумнаго, солиднаго, образованнаго и ученаго визиря. И такъ, разумъ наиболѣе приноситъ пользы въ дѣлахъ людямъ, въ особенности-же царю, и ничего нѣтъ прочнѣе и полезнѣе его. Добрая и обходительная жена есть одно изъ лучшихъ благъ въ жизни человѣка и въ его вѣрѣ(?). И дѣйствительно: если человѣкъ бываетъ храбрымъ, но глупымъ и неразвитымъ, и его совѣтникъ (жена) тоже не уменъ, то незначительное несчастіе потрясаетъ его такъ, что на немъ замѣтны неумѣлость, и слабость, вслѣдствіе ихъ невѣжества; если-же онъ достигнетъ лавровъ и удачи, въ своемъ дѣлѣ, то это только лишь проявленіе предназначенной ему судьбы; но все же онъ, въ концѣ-концовъ, испытаетъ неудачу. Когда-же человѣкъ разсудителенъ и уменъ, и его совѣтникъ (жена) образованъ, вѣренъ и свѣдущъ въ дѣлахъ, въ соединеніи всего этого съ удачной судьбой, то онъ будетъ

имѣть успѣхъ въ своемъ дѣлѣ. *Напримѣръ разсказываютъ* и т. д.

2) Ст. 185/15—22 с. *«и достигнутъ своей цѣли»* до словъ *«значеніи ихъ и объясненія»* Guidi въ № 76 взамѣнъ этого отрывка изъ рукописи F. приводитъ слѣд. варіантъ:

Они поступаютъ съ тобой такъ, чтобы уменьшить число твоихъ друзей и чтобы отнять у тебя твое вооруженіе, и затѣмъ, напасть на тебя. Тебѣ не слѣдовало разсказывать имъ свое сновидѣніе и слушать ихъ рѣчи. Да вѣдь они, вслѣдствіе своей затаенной ненависти, имѣютъ намѣреніе убить твоихъ мудрыхъ и искреннихъ помощниковъ, твою любимую жену; они намѣрены лишить тебя сына, чтобы не было послѣ тебя наслѣдника твоего царства, который-бы управлялъ твоими подданными; они желаютъ взять твоего коня,—твою гордость, которымъ ты устрашаешь своего врага; бѣлаго твоего слона, при помощи котораго ты всегда достигалъ желаемаго; двухъ огромнѣйшихъ юныхъ слоновъ, на которыхъ ты являлся на сраженіе со своими врагами и, наконецъ, верблюда-бухтійца. И вотъ, когда они возьмутъ у тебя все это, то причинятъ тебѣ горе и сдѣлаются самостоятельными, увеличатся числомъ, нападутъ на тебя, поступятъ съ тобой сообразно со своей ненавистью и снова возвратятъ власть себѣ, какъ это и было прежде. — О царь! ты знаешь мудраго Кабâрйнŷна (Кабâрійŷна), вѣдь онъ свѣдущъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ. Призови его къ себѣ, не пропускай случая спросить у него совѣта, изложи ему это дѣло и открой ему твое положеніе. Дѣйствительно, онъ правдивъ, опытенъ, по происхожденію тоже изъ браһмановъ, самый остроумный изъ нихъ, самый сообразительный, съ болѣе обширными познаніями, самый разумный, самый набожный изъ нихъ и съ чистѣйшимъ стремленіемъ къ будущей жизни. Если тебѣ захочется, то разскажи ему твое видѣніе и сны. Если онъ скажетъ то-же, что̀ и они говорили, то поступай такъ, какъ они тебѣ приказали, и тогда ты, отъ души, будешь радъ тому, что ты убѣдился въ справедливости ихъ мнѣнія и у тебя не будетъ повода къ раскаянію; но, если онъ скажетъ противное тому, что̀ они говорили, и откроетъ тебѣ ихъ обманъ и суевѣріе, тогда ты, о царь, будешь въ состояніи сдѣлать что̀ пожелаешь

съ тѣми изъ нихъ, которые живутъ на твоей землѣ, и отплатить имъ за то, что̀ ты отъ нихъ слыхалъ и узналъ, надлежащимъ возмездіемъ. Когда царь и т. д.

3) Ст. 187/11—20 с. *«и такъ пусть положатъ»* до словъ *«изящныхъ одѣяній»* Guidi въ № 77 приводитъ, взамѣнъ этого отрывка, слѣдующій варіантъ:

Затѣмъ царь, позвавъ сына своего, (т. е. Ḥувира, Джувȋра) министра своего Балâдħа (т. е. 'Йладħа) и секретаря своего Кâля, сказалъ имъ: намъ не слѣдуетъ сохранять эти дары въ нашихъ сокровищницахъ, но (слѣдуетъ намъ) раздѣлить ихъ между вами, потому что вы твердо рѣшили умереть за меня, и особенно 'Йрâхтъ, которая пожертвовала собою и старалась своими совѣтами быть причиною сохраненія государства». 'Йлâдħъ возразилъ: «Намъ, подданнымъ, не слѣдуетъ гордиться тѣми заслугами, которыя мы приносили; какой подданный таковъ, что не жертвуетъ собою за своего царя?

И, дѣйствительно, не вполнѣ благоразуменъ тотъ, чья душа не радуется умереть за своего государя. А ты, о царь,! не удивляйся тому, что подданный предаетъ себя смерти, когда царь, который его почтилъ и уважалъ (находится въ опасности); вѣдь отъ существованія такого царя зависитъ его жизнь и существованіе тѣхъ благъ, которыя онъ имѣлъ. А что касается этихъ великихъ даровъ, то намъ, подданнымъ, не слѣдуетъ и прикасаться къ нимъ; дѣло другое по отношенію къ Джувȋру: да, онъ достоинъ ихъ и они ему подобаютъ».

Царь сказалъ: «Дѣйствительно, о насъ распространились черезъ это дѣло хорошая молва и великая слава. Поэтому ты, 'Йлâдħъ, не скромничай и бери свою долю съ радостью.» 'Йладħъ отвѣтилъ: «Пусть царь подарить мнѣ то, что̀ ему желательно; но если ему угодно выбрать себѣ раньше что нибудь, то пусть онъ дѣлаетъ это.» Тогда царь взялъ себѣ бѣлаго слона, своему сыну отдалъ одну изъ лошадей, 'Йлâдħу подарилъ мечъ изъ чистой стали, Кāку (т. е. Кâлю) отдалъ другую лошадь, Кабâрȋйӯну поднесъ льняныя одежды, принадлежащія къ одѣяніямъ, царей и сверхъ этого далъ ему отъ себя еще обильные подарки, своему любимому племяннику подарилъ двухъ соколовъ (?) и 'Йрâхту удѣлилъ корону и пурпуровое одѣяніе. Разсказываютъ еще, что царь, взявъ корону и пурпуровое

одѣяніе, вручилъ ихъ 'Йла̂дһу, говоря: неси ихъ передо мной въ гаремъ. 'Йла̂дһъ понесъ ихъ и когда царь вошелъ туда, то онъ позвалъ своихъ женъ (изъ числа которыхъ), приблизилъ къ себѣ 'Йра̂хту и Жу̂рк̣ата̂h (т. е. Ḥу̂ркана̂h) и (этимъ) далъ имъ преимущество (передъ другими); затѣмъ сказалъ 'Йла̂дһу: «положи корону и одѣяніе» и приказалъ 'Йра̂хтѣ взять изъ нихъ то, что̀ она пожелаетъ. 'Йра̂хтъ посмотрѣла, нашла все это прекраснымъ, взглянула на 'Йла̂дһа и моргнула ему глазами, чтобы онъ посовѣтовалъ ей что́ взять. 'Йла̂дһъ сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она взяла одѣяніе; но 'Йра̂хтъ, увидавъ, что царь замѣтилъ и уловилъ ихъ взгляды и опасаясь за это казни себѣ и 'Йла̂дһу, поспѣшила выбрать корону противно тому, что̀ ей посовѣтовалъ 'Йла̂дһъ. Разсказываютъ, что послѣ этого 'Йла̂дһъ жилъ сорокъ лѣтъ и каждый разъ, когда приходилось ему предстать передъ царемъ, онъ потуплялъ глаза свои, чтобы царь не подумалъ, что между нимъ и 'Йра̂хтой была въ то время стачка. Еслибы въ то время 'Йра̂хтъ и 'Йладһъ не были такъ сообразительны, то царь казнилъ-бы ихъ.

Cm. 190/24 c. послѣ словъ «*по прямому пути*» Guidi въ № 78 приводитъ изъ рукописи V. слѣд. отрывокъ: Царь сказалъ: «сколько-бы я ни видѣлъ 'Йра̂хту, все же я не насыщаюсь смотрѣть на нее.» 'Йла̂дһъ отвѣчалъ: «двое никогда не насыщаютъ свою страсть—тотъ, кто копитъ деньги и тотъ, кто ищетъ знанія».

Вторая половина отвѣта 'Йла̂дһа имѣетъ у Guidi № 79 и 80 еще двѣ другія редакціи: 1) Тотъ, кто ѣстъ все, что̀ находитъ, и тотъ, кто ищетъ то, чего онъ не имѣетъ. 2) Тотъ, кто надѣется (исполнить) то, чего онъ не въ состояніи (дѣлать) и тотъ, кто ищетъ все то, чего онъ не имѣетъ.

Cm. 191/3 c. Послѣ словъ «*сообразующійся съ добромъ*» Guidi въ № 81, 82, 83, 84, 85, 86 приводитъ изъ рукописи V. F. M. и изъ арабскихъ авторовъ массу подобныхъ изрѣченій; тутъ мы только приведемъ переводъ тѣхъ изрѣченій, которыя находятся въ рукописяхъ V. F. M., а именно изъ рукописи V. Guidi № 81:

Царь сказалъ: «ты увеличиваешь мою печаль, утѣшая меня о 'Йла̂дһъ!» 'Йла̂дһъ отвѣчалъ: «должны горевать: тотъ, у кого полненькая лошадка, прекрасная на видъ, но съ дурными

наклонностями; мужъ, женившійся на красавицѣ женѣ и не будущій въ состояніи удовлетворить ея прихотямъ, получаетъ отъ нея непріятности и она гнушается имъ; тотъ, кто варитъ похлебку, которая выходитъ водяниста, въ которой мало мяса и не вкусна, и тотъ который издерживаетъ много на пищу, но все-же не найдетъ ее вкусной». Царь сказалъ: «О 'Йлâдһъ, ты безвинно погубилъ мать Джувира»! 'Йлâдһъ отвѣчалъ: «примѣромъ того, кто берется несчастливо за дѣло, служитъ примѣръ человѣка, который одѣлся въ бѣлую одежду разводить печь и запачкалъ и продымилъ свою одежду; примѣръ красильщика, который обулся въ новые башмаки, а между тѣмъ обѣ его ноги въ (краскѣ) съ водою; примѣръ купца, который взялъ красавицу жену, затѣмъ сталъ часто отлучаться отъ нея по торговымъ дѣламъ: то онъ бываетъ въ путешествіяхъ, то онъ занятъ своею торговлею, и (наконецъ) примѣръ умнаго человѣка, который постоянно находится въ сообществѣ сомнительныхъ, хитрыхъ, порочныхъ и любителей разныхъ приключеній и скандаловъ людей». Царь сказалъ: «Ты 'Йлâдһъ достоинъ сильнаго наказанія». 'Йлâдһъ отвѣчалъ: «трое достойны быть наказанными: преступникъ, обижавшій невиннаго, незваный къ столу пришелецъ и тотъ, кто пользуется добромъ своихъ ближнихъ и назойливо проситъ у нихъ то, чего они не въ состояніи дать ему». Царь сказалъ: «слѣдуетъ тебя считать за глупаго и не давать никакого вѣса твоему мнѣнію.» 'Йлâдһъ отвѣчалъ: «Троихъ слѣдуетъ считать глупыми: плотника (имѣющаго большую семью) и строющаго для себя (ради экономіи) маленькій домъ, гдѣ ему и семьѣ будетъ тѣсно, а разсчетъ только въ небольшой стоимости дерева, которое онъ покупалъ, а работа вѣдь своя; человѣкъ, который берется брить въ то время, когда онъ дурно владѣетъ бритвой: изъ его дѣла ничего не выходитъ, а между тѣмъ онъ изранитъ своего пасіанта, и человѣкъ, который проживаетъ въ землѣ врага, на чужбинѣ, далеко отъ родины: онъ тратитъ свое имущество, погибаетъ и память о немъ исчезаетъ; врачующій, который лечитъ больныхъ по книгамъ и запискамъ, а самъ не знаетъ свойства и силы природы, не знаетъ что̀ полезно и что̀ вредно (изъ лекарствъ); онъ испытываетъ ихъ дѣйствіе надъ тѣлами и губитъ людей.» Царь сказалъ: «правда,

тебѣ слѣдовало медлить (молчать) пока не успокоится мой гнѣвъ». 'Йлâдһъ возразилъ: «троимъ не слѣдуетъ спѣшить: тому, который поднимается на гору; тому, которому приходится взять на себя важный трудъ и кто ловитъ рыбу, (кто различаетъ истину отъ лжи, чтобы знать правду и дѣйствовать согласно ей)». Царь сказалъ: «о, еслибы я могъ увидѣть еще одинъ разъ 'Йрâхту». 'Йлâдһъ возразилъ: «трое ищутъ невозможнаго: человѣкъ безъ благочестія и вѣры, который ожидаетъ послѣ смерти награды благочестивыхъ и ихъ рая; скупой, который ищетъ такого почета, какого заслуживаетъ только щедрый; и безстыжій, который проливаетъ незаконно кровь людей и все же надѣется, что его душа упокоится съ душами счастливѣйшихъ, благочестивыхъ, творителей добра и милостей (трое надѣются имѣть, чего они не найдутъ и не могутъ никогда получить: судья, упорствующій въ своихъ грѣхахъ, надѣется на рай; ненавистливый человѣкъ надѣется побѣждать всѣхъ своихъ враговъ и истребить ихъ до единаго, и тотъ, который надѣется жить и существовать вѣчно въ этомъ мірѣ)». Царь сказалъ: «я тотъ, который поступилъ такъ дурно самъ съ собой и навлекъ такую бѣду». 'Йлâдһъ возразилъ: «такихъ людей трое: кто стремится къ войнѣ одинъ безъ оружія и впослѣдствіи его убьютъ; богачъ одинокій, изолированный, безъ жены и дѣтей и торговля, котораго въ ростѣ и въ барышѣ,—можетъ быть, что нѣкто ему позавидуетъ и подкарауливая убьетъ его; наконецъ старикъ преклонныхъ лѣтъ, который, взявъ себѣ безнравственную молодую красавицу въ жены, будетъ у нея въ пренебреженіи: она все ищетъ его гибели, чтобы отдѣлаться отъ него». Царь сказалъ: «дѣйствительно, я презрѣнный въ твоихъ глазахъ, о 'Йлâдһъ, и потому ты меня не уважаешь, обращаясь со мной такимъ образомъ». 'Йлâдһъ возразилъ: «презираютъ своихъ царей трое: многоболтливый шутникъ, который отвѣчаетъ на то о чемъ его не спрашиваютъ, тѣмъ чего онъ и самъ не знаетъ; богатый слуга, господинъ котораго бѣденъ и ничего ему не платитъ и ничѣмъ его не вознаграждаетъ; и рабъ который постоянно споритъ со своимъ господиномъ, грубъ на словахъ съ нимъ и въ состояніи привести его къ отвѣтственности передъ судомъ, (къ этому разряду людей принадлежатъ еще:

человѣкъ, разъ получившій власть надъ другими и отказывающій имъ въ помощи, и еще тотъ, который входитъ въ общество людей, собравшихся по важному дѣлу, безъ ихъ позволенія).» Царь сказалъ: «о, еслибы я могъ посмѣяться надъ тобою 'Йлâдhъ, хоть разъ»! 'Йлâдhъ возразилъ: «надъ тремя слѣдуетъ смѣяться: надъ человѣкомъ, который хвастается, что онъ бывалъ въ сраженіяхъ, въ битвахъ, взялъ въ плѣнъ множество людей, похитилъ отроковъ, и все-таки на немъ не оказалось слѣдовъ копья и меча; надъ тѣмъ, который приписываетъ себѣ жизнь отшельника, будучи толстымъ, коренастымъ, и на немъ не оказывается ни слѣдовъ благочестія, ни признаковъ воздержанія, и надъ женщиной, которая выдаетъ себя за дѣвственницу, хотя она не скромна и не воздержна, и въ то-же самое время она смѣется надъ законнымъ союзомъ супруговъ (къ этому разряду людей принадлежитъ еще человѣкъ, который хвастается знаніемъ и ученостью въ то время, какъ онъ лишенъ ихъ)». Царь сказалъ: «о 'Йлâдhъ, ты лукавый соблазнитель». 'Йлâдhъ возразилъ: «часто соблазняются, (вопервыхъ): тотъ, который съ одной стороны учитъ глупца а съ другой протестуетъ (противъ дѣйствія) благодѣтеля, будучи убѣжденъ, что оба они не принимаютъ отъ него ничего, все же это ему не препятствуетъ повторять то-же самое съ подобными имъ. (Вовторыхъ) тотъ, который подвергаетъ себя сообществу безстыжихъ людей, приближается къ нимъ, а они нападаютъ на него и дурно поступаютъ съ нимъ. (Въ третьихъ), тотъ, который довѣряетъ свою тайну ненадежному человѣку, а этотъ ее разглашаетъ и этимъ его смущаетъ. (Въ четвертыхъ) человѣкъ, который возмущаетъ глупца чѣмъ либо непріятнымъ и, давая ему обидное прозвище, чтобы посмѣяться надъ нимъ, затѣмъ остерегается его, чтобы не получить отъ него удара, хотя онъ не можетъ удержать его языка отъ ругательства).» Царь сказалъ: «я поступилъ необдуманно». 'Йлâдhъ возразилъ: «необдуманно поступаютъ двое: тотъ, который идетъ задомъ и попадаетъ въ пропасть или въ колодезь и получаетъ ушибъ или увѣчье, и трусъ, который, отказываясь идти на поединокъ, подстрекаетъ къ этому другого; но когда ему приходится встрѣчаться со врагомъ, то энергично старается отдѣлаться

отъ него бѣгствомъ. (Къ разряду необдуманно поступающихъ принадлежатъ: тотъ, который сознательно сражается съ болѣе сильнымъ, и неспособный человѣкъ, который медленно усвоиваетъ всякое пониманіе и занимается изученіемъ высшихъ наукъ, изслѣдованіемъ мельчайшихъ вопросовъ; онъ затрудняетъ себя тѣмъ, что никогда не будетъ въ состояніи одолѣть ихъ, и онъ постоянно будетъ въ трудѣ, и толку отъ него никогда не будетъ.» Царь сказалъ: «ужъ разорвалась дружеская связь, которая существовала между нами». 'Йлâдhъ возразилъ: «тѣхъ, чья, дружеская связь скоро разрывается, трое: тотъ, кто отстаетъ отъ своего друга, не переписывается съ нимъ и не навѣщаетъ его; тотъ, кому друзья оказываютъ уваженіе, но онъ отказывается отъ него, смѣется надъ ними и принебрегаетъ имъ, и тотъ, у котораго есть другъ, ухаживающій за нимъ, готовый отдать свою душу за него и старающійся обрадовать и веселить его, а онъ не одобряетъ его, не благодаритъ и не воздаетъ ему лестной похвалы. (Троихъ дружба скоро прерывается: пріятель, который избѣгаетъ своего друга, не помогаетъ ему при несчастіяхъ, долгое время съ нимъ не видится, не навѣщаетъ его и если къ нему приходитъ, то онъ льститъ ему во всемъ, что̀ онъ ни говорилъ съ нимъ; тотъ, который дружится съ людьми при радостяхъ, но какъ только они попадаютъ въ несчастіе, онъ отдѣляется отъ нихъ, и наконецъ человѣкъ, который заискиваетъ дружбы другого ради своего интереса, но когда онъ достигаетъ своей цѣли, другой дѣлается для него лишнимъ и его дружба проходитъ по мѣрѣ того какъ исчезаетъ его интересъ). Царь сказалъ: «ты совершилъ неправильный поступокъ, убивая 'Йрâхту, матерь Джувйра.» 'Йлâдhъ возразилъ: «трое совершаютъ неправильные поступки: лжецъ который говоритъ одно, а дѣлаетъ другое; спыльчивый, который не владѣетъ собою при гнѣвѣ, а слѣдствіемъ этого бываетъ то, что языкъ и рука его спѣшатъ совершить то, о чемъ онъ въ будущемъ раскаивается, и царь, который предпринимаетъ опасное дѣло необдуманно, неосмотрительно и не совѣщаясь о немъ съ искреннимъ совѣтникомъ (къ этому разряду людей еще принадлежитъ человѣкъ, который скоро ѣстъ и медленно работаетъ)». Царь сказалъ: «Еслибы ты былъ разумнымъ человѣкомъ

'Йлâдһъ, то не убилъ бы матери Джувйра.» 'Йлâдһъ возразилъ: «разумныхъ трое: мужъ, довольствующійся своей женою, воздерживающійся отъ ухаживанія за чужими женщинами; поваръ, который вкусно и чисто приготавливаетъ пищу своему господину и подаетъ ее въ (чистой) посудѣ, и мудрый и кроткій человѣкъ, который владѣетъ собою при гнѣвѣ и чьи рука и языкъ не спѣшатъ совершить то, о чемъ онъ въ будущемъ раскаивается.» Царь сказалъ: «мнѣ слѣдуетъ, 'Йлâдһъ, разстаться съ тобою». 'Йлâдһъ возразилъ: «четыре боятся того, въ чемъ нѣтъ вреда: птица, которая поднимаетъ свои ноги къ небу, опасаясь паденія, бережетъ ноги для того, чтобы ими упираться, когда упадетъ; журавль, который стоитъ на одной ногѣ, не жалѣя причинить слишкомъ большую тяжесть землѣ, если поставитъ на нее и другую ногу, опасаясь, чтобы земля не провалилась подъ нею; червякъ, пища котораго есть земля, мало ею питается изъ опасенія, чтобы она не перевелась и не уничтожилась, и летучая мышь, которая летаетъ только ночью, а не днемъ, боясь быть изловленной ради своей красоты и посаженной въ клѣтку. Царь сказалъ: «я не нахожу между женщинами подобной 'Йрâхтѣ». 'Йлâдһъ возразилъ: «четверо не измѣняютъ своего положенія: женщина которая привыкла имѣть много мужей: она не будетъ удовлетворяться однимъ; человѣкъ, языкъ котораго привыкъ лгать, трудно ему говорить правду; грубый, невѣжественный, сумасбродный человѣкъ не можетъ быть мягкимъ и кроткимъ, и прихотливый человѣкъ, который привыкъ дѣлать зло и насиліе, не можетъ измѣниться къ лучшему.» Царь сказалъ: «'Йлâдһъ, подобные тебѣ люди не знаютъ смѣха.» 'Йлâдһъ возразилъ: «слѣдуетъ быть серьезнымъ при четырехъ: при великомъ султанѣ, при набожномъ отшельникѣ, при колдунѣ и при необузданномъ съ дурнымъ характеромъ человѣкѣ». Царь сказалъ: «меня озабочиваетъ и печалитъ, что въ числѣ шестнадцати тысячъ женъ нѣтъ матери Жувйра. «'Йлâдһъ возразилъ: не слѣдуетъ никому печалиться о женахъ, если онѣ имѣютъ пять дурныхъ качествъ: когда женщина глупа и настойчива, или не чиста на руку — воровка, которая истрачиваетъ все, что̀ ей довѣряютъ, или когда она не красива, или когда она не благороднаго проис-

хожденія, или когда у ней дурной характеръ и она не податлива». Царь сказалъ: «никогда я не испытывалъ такого сильнаго горя, какое испытываю теперь по 'Ӣрâхтѣ, лишаясь ея красоты, ума, прекрасной обходительности, и связей съ ея благородными родственниками». 'Ӣлâдһъ возразилъ: «слѣдуетъ горевать о пяти вещахъ въ женщинахъ: когда она благородна по происхожденію и занимаетъ почетное мѣсто среди родныхъ, или когда она умна и благовоспитанна, или когда она красива собою и хорошо сложена, или когда она любима и одарена счастьемъ, или когда она привязана къ мужу, вѣрна ему и счастлива съ нимъ». Царь сказалъ: «еслибы кто нибудь мнѣ показалъ 'Ӣрâхту, то я далъ-бы ему столько денегъ, сколько онъ пожелаетъ». 'Ӣлâдһъ возразилъ: «тѣхъ которые дорожатъ деньгами и любятъ ихъ собирать незаконно, предпочитая ихъ самимъ себѣ, суть пятеро: воинъ, который не имѣетъ ни интереса, ни цѣли въ войнѣ, кромѣ грабежа; воръ, который подкапывается подъ дома или разбойничаетъ на большой дорогѣ, вслѣдствіе чего ему или отрѣжутъ руку или его казнятъ; купецъ, который ѣздитъ за море, чтобы искать благъ земныхъ; содержатель тюрьмы, который желаетъ, чтобы число преступниковъ увеличивалось, чтобы получить черезъ нихъ больше барыша, и наконецъ судья, который беретъ взятки и несправедливо рѣшаетъ дѣла». Царь сказалъ: «Ты посѣялъ въ моемъ сердцѣ ненависть, убивши 'Ӣрâхту». 'Ӣлâдһъ возразилъ: «тѣ, которые другъ друга ненавидятъ, суть: волкъ— стадо, кошка—мышь, соколъ—рябчика, воронъ—сову, змѣя— ласточку (звѣря)». Царь сказалъ: «ты испортилъ мнѣ всю жизнь, убивши 'Ӣрâхту». 'Ӣлâдһъ возразилъ: «семеро портятъ жизнь: юристъ-учитель, который не знаетъ чему учитъ,— отъ него пріобрѣтаютъ только невѣжество; царь, который дѣлаетъ благодѣянія тому, который не заслуживаетъ ихъ и не признателенъ за нихъ; рабъ, господинъ котораго грубъ, жестокъ и немилосердъ; мать, которая любитъ своего негодяя и распутнаго сына, скрываетъ и прощаетъ его дурные поступки; человѣкъ, который даетъ пріютъ хитрому злодѣю, совершающему постоянно ужасные поступки; тотъ, который стремится погубить своихъ друзей, и наконецъ тотъ, который не уважаетъ своихъ родителей, благодѣтелей и добрыхъ людей».

Царь сказалъ: «печаль лишаетъ меня сна». 'Йлâдhъ возразилъ: «семеро не спятъ: владѣющій большимъ богатствомъ и не имѣющій вѣрнаго казначея, ожидающій смерти своего друга; ложно посягающій на честь другого; клеветникъ, должникъ, отъ котораго требуютъ большихъ денегъ а у него ихъ нѣтъ; опасно больной, у котораго нѣтъ врача; мужъ, у котораго невѣрная жена, и вызывающій на себя (своимъ поведеніемъ), невзгоды судьбы». [Къ этому разряду людей относятся: убійца, который боится быть казненнымъ; человѣкъ, который желаетъ зла другимъ, но постоянно имъ льститъ; дурной сосѣдъ, завидующій своему сосѣду и разлучающійся съ любимымъ другомъ, котораго нѣтъ дороже на свѣтѣ]. Царь сказалъ: «какъ горька твоя душа, 'Йлâдhъ! какъ ты злопамятенъ и немилосердъ ко мнѣ»! 'Йлâдhъ возразилъ: «безпечны къ тому, чему они подвергаются: злопамятный, суровый султанъ; гробовщикъ, который носитъ покойниковъ; отшельникъ, который предался благочестію; щедрый, который предался благодѣянію, милосердію и милости, бѣднякъ, который избѣгаетъ грѣха и ищетъ свое пропитаніе законными путями; злопамятный рабъ, гробовщикъ, которыйноситъ покойниковъ за плату, воръ и несправедливый ростовщикъ, который обижаетъ людей и ищетъ то, на что не имѣетъ права. Восемь не имѣютъ жалости: [злопамятный, мстительный султанъ, болтливый мужчина, который говоритъ то, отъ чего не имѣетъ пользы самъ, а вредитъ другимъ, воръ, тотъ, который носитъ покойныхъ за плату, и при томъ нѣтъ у него случая исполнить это дѣло; безпутная красавица, разбойникъ на большой дорогѣ, воинъ, который только стремится дѣлать беззаконное дѣйствіе на землѣ, и тотъ, который даетъ ядъ другому ради пробы]. [Семеро не имѣютъ милосердія: злопамятный человѣкъ, гробовщикъ который несетъ за плату, разбойникъ на большой дорогѣ; тотъ, который лишаетъ воды жаждущаго; головорѣзъ, который убиваетъ и рѣжетъ невинныхъ по отношенію къ нему людей; владѣтель вооруженій и тотъ, который стремится владѣть тѣмъ, что̀ ему не принадлежитъ]. Царь сказалъ: «'Йлâдhъ, ты обращаешься со мной такимъ образомъ только для того, чтобы усилить мой гнѣвъ и злобу». 'Йлâдhъ возразилъ: «ты постоянно можешь найти злобу у

семерыхъ: у малодушнаго султана, у опрометчиваго, у неспокойнаго, у малосвѣдущаго, у злаго, глупаго и неразсудительнаго недоброжелателя, у судьи, увлеченнаго взятками и либеральнаго по отношенію (къ поступкамъ) людей, и у типичнаго скряги, который ждетъ возмездія въ будущей жизни и блага въ этомъ мірѣ». Царь сказалъ: «ты утомилъ себя и надоѣлъ мнѣ». 'Йлâḋнъ возразилъ: «семеро утомляютъ себя и наскучаютъ другимъ: 1) богачъ, который не имѣетъ довѣрія къ людямъ; 2) тотъ, кто ищетъ недостигаемаго и невозможнаго; 3) страстный, безпутный юноша съ необузданнаго нравомъ, который видитъ въ мягкости (характера) слабость и въ добродушіи—лѣнь и который не принимаетъ предложеннаго совѣта отъ искренняго друга; 4) безхарактерный и глупый министръ могущественнаго султана; 5) ищущій науку въ спорахъ съ пустѣйшими людьми; 6) тотъ, который обманываетъ царей, не искренно предлагаетъ имъ свои совѣты; царь, у котораго казначей и министръ расточительны и лживы, и 7) ищущій науку человѣкъ, который съ трудомъ понимаетъ и неспособенъ къ ученью. [Тѣхъ, которые мучаютъ себя и утомляютъ другихъ —десять: 1) мало знающій человѣкъ, который беретъ на себя учить множество людей; 2) экспертъ въ дѣлахъ ему не спеціальныхъ; 3) правитель многочисленныхъ областей, который оправдывается предъ своими подданными въ медлительности рѣшенія дѣлъ тѣмъ, что у него дурные чиновники; 4) тотъ, который настойчиво требуетъ отъ своего друга того, чего (тотъ) не имѣетъ; 5) глупый человѣкъ, удивленный самъ какимъ-либо мнѣніемъ, желаетъ его навязывать другимъ, несмотря на то что онъ (самъ) мало его понимаетъ; 6) который беззавѣтно служитъ султану и постоянно говоритъ о тѣхъ дѣлахъ, которыя ему не хорошо извѣстны; 7) тотъ, которому поручено воспитаніе глупаго и неспособнаго человѣка; 8) тотъ который довѣряетъ свою тайну безпутной женщинѣ; 9) тотъ, который ѣздитъ на лѣнивомъ мулѣ; чѣмъ больше будетъ его бить, тѣмъ больше будетъ увеличивать его упрямство, 10) и тѣ подданные, которые имѣютъ безпутнаго, султана]. [Десять мучатъ себя и другихъ: 1) мало знающій учитель, который беретъ на себя учитъ тому, чего не знаетъ самъ; онъ утомляетъ себя и мучитъ другихъ; 2) тотъ, который

ищетъ высшихъ наукъ, а самъ, между тѣмъ, мало способенъ; 3) выдающій себя за ученаго человѣка, который не углубляется въ свои познанія и не сопоставляетъ критическихъ взглядовъ философовъ; 4) безпутный, своенравный человѣкъ, который, не имѣя ни одного достоинства, желаетъ, чтобы люди хвалили его, повиновались ему и тогда, когда онъ никакой услуги имъ не оказалъ; 5) тотъ, который дѣйствуетъ всегда по-своему, пренебрегая совѣтами другихъ, и затѣмъ, разъ потерпѣвши неудачу, проситъ совѣта, но никто ему не можетъ дать его; 6) добродушный другъ султана, который старается возстановить добрыя отношенія съ тѣми, которые не симпатизируютъ ему, но все-же онъ не привлечетъ ихъ на свою сторону и не получитъ отъ нихъ ни симпатіи, ни дружбы; 7) безнравственный кутила, который всегда дѣйствуетъ вопреки другимъ, и между тѣмъ не имѣетъ ни силы, ни опоры; 8) тотъ, который состязается съ тѣмъ, кто выше его по положенію; 9) тотъ, который приближается къ султану съ цѣлью обмануть его и поступить по отношенію къ нему коварно; 10) начальникъ или казначей, которые отказываютъ людямъ въ правахъ и заставляютъ ихъ вторично приходить, отлагая ихъ дѣла безъ пользы для себя и которые все же, въ концѣ концовъ, должны вручить имъ то, о чемъ ихъ спрашиваютъ, даже и безъ благодарности].

№ 82. Царь сказалъ: «ты сдѣлалъ по отношенію къ 'Йрâхтъ такой поступокъ, который доказываетъ твое легкомысліе». 'Йлâдħъ возразилъ: «трое дѣлаютъ то, что̀ доказываетъ ихъ легкомысліе: 1) человѣкъ, довѣряющій свое имущество тому, чья вѣрность ему неизвѣстна; 2) тотъ, который приводитъ незнакомаго человѣка въ свидѣтели въ дѣлѣ между нимъ и противникомъ; 3) трусъ, который хвастается своей силой и храбростью.» Царь сказалъ: «дѣйствительно, ты безумный, о 'Йлâдħъ». 'Йлâдħъ возразилъ: «троихъ нельзя считать умными: 1) сапожника, который сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ; вѣдь когда его ножъ или другой инструментъ скатится, то подъемъ его отнимаетъ у него время, въ ущербъ занятіямъ его; 2) портнаго, который, ради поспѣшности, вдѣваетъ въ иголку предлинную нитку, которая, по всей вѣроятности, запутается, и тогда онъ займется распутываніемъ ея въ ущербъ

своему дѣлу, и 3) цирюльника, который, обстригая волосы людей, смотритъ направо и налѣво, и, вслѣдствіе этого, перехватываетъ ножницами лишній пучекъ волосъ, которыхъ не въ состояніи потомъ возвратить на мѣсто.» Царь сказалъ: «еслибы ты былъ справедливъ и поступилъ-бы справедливо, то не убилъ-бы 'Йрâхту». 'Йлâдһъ возразилъ: «двое дѣйствуютъ несправедливо: тотъ, который гнѣвается безъ причины на того кто не заслуживаетъ гнѣва, и султанъ, который, по мѣрѣ того какъ приходятъ ему на умъ тиранническія мѣры, совершаетъ ихъ немедленно.» Царь сказалъ: «'Йлâдһъ, еслибы ты имѣлъ предусмотрительность то, не убилъ-бы 'Йрâхты.» «Двое, возразилъ 'Йлâдһъ имѣютъ предусмотрительность: царь, который принимается за важныя дѣла только послѣ совѣщанія со свѣдущими людьми, и, человѣкъ, который укрощаетъ свой гнѣвъ и подавляетъ свою злобу». Царь сказалъ: «ты, вѣроятно далъ обѣтъ убить 'Йрâхту». 'Йлâдһъ возразилъ: «ради четырехъ слѣдуетъ давать обѣты, чтобы съ ними не разставаться: 1) ради породистой лошади, которая служитъ своему хозяину и спокойно перевозитъ его; 2) ради быка, который пашетъ землю; 3) ради разумной, любящей своего мужа, жены и 4) ради искренняго, вѣрнаго раба, старающагося служить своему господину и уважающаго его.» Царь сказалъ: «'Йлâдһъ, намъ не слѣдуетъ болѣе довѣряться тебѣ». 'Йлâдһъ возразилъ: «не слѣдуетъ довѣряться троимъ: змѣѣ, имуществу, потому что оно есть временное и можетъ исчезнуть вслѣдствіе неудачи судьбы, и тѣлу, потому что ему суждена смерть. [Не слѣдуетъ довѣряться четыремъ: змѣѣ и всякому хищному звѣрю, безпутнымъ грѣшнымъ людямъ, богатству, собрáнному у расточителя, и смерти, которая, неизвѣстно когда наступитъ].

№ 83. Царь сказалъ: «Для меня невыносимо тò, когда я думаю о моемъ поступкѣ съ 'Йрâхтой». 'Йлâдһъ возразилъ: «невыносимы семеро: 1) дряхлый старикъ, чья юность и бодрость исчезли: 2) гнѣвъ, который не гармонируетъ со знаніемъ ученаго и со спокойствіемъ разумнаго; 3) боль, которая изнуряетъ тѣло и причиняетъ малокровіе; 4) грусть, которая причиняетъ меланхолію; 5) голодъ и жажда, которые доводятъ до отчаянія всякое животное; 6) холодъ, который портитъ растенія, и 7) смерть, которая разлучаетъ всякія общины и опустошаетъ

дома.» Царь сказалъ: «мнѣ не слѣдуетъ говорить съ тобою послѣ этого, 'Йлâдhъ». 'Йлâдhъ возразилъ: «разговоръ не ладится(?) съ шестерыми: 1) съ тѣмъ, кто совѣтуется съ неразумымъ и незнающимъ (человѣкомъ); 2) съ тѣмъ, кто увѣренъ во лжи своего собесѣдника; 3) съ себялюбцомъ; 4) съ предпринимающимъ дальнее путешествіе; 5) со слугой, когда онъ упрекаетъ своего господина, и 6) съ тѣмъ, который встрѣчаетъ предметъ своей любви спорами и упреками.» Царь сказалъ: «довольно тебѣ, 'Йлâдhъ, ты уже заставляешь меня сомнѣваться въ самомъ себѣ.» 'Йлâдhъ возразилъ: «люди испытываются при десяти случаяхъ: воинъ—при сраженіяхъ и битвахъ; рабъ—при сообществѣ своего господина; царь—при гнѣвѣ, каково будетъ его терпѣніе и раздумье; негодяй—при его сношеніи съ пріятелемъ и выносливости отъ него; защитникъ—при несчастіяхъ, каково будетъ его состраданіе; отшельникъ—при его благочестіи и набожности; щедрый—при раздачѣ милосердія, и бѣднякъ — при избѣжаніи грѣха и при добываніи своего пропитанія законнымъ путемъ.»

Примѣчаніе къ XVII главѣ.

1) Ст. 201/13—27 с. отъ «*Дѣло въ томъ*» до словъ «*за его отплату гнуснымъ поступкомъ за хорошій*» Guidi въ № 87 изъ рукописи V. приводитъ, въ замѣнъ этого отрывка, слѣдующее: «Змѣя заговорила языкомъ мальчика: я не выздоровлю, пока не придетъ тотъ несправедливо наказанный, пилигримъ и не натретъ меня своею рукою (вѣдь ты, о царь), приказалъ его наказать незаконно и несправедливо.» Услышавъ это, царь послалъ къ пилигриму, и когда его привели къ нему, велѣлъ ему произнести заклинаніе надъ своимъ сыномъ; пилигримъ тогда отвѣчалъ: я не знакомъ въ совершенствѣ съ заклинаніемъ. Царь ему возразилъ: вѣдь я тебя позвалъ, чтобы ты мнѣ разсказалъ о своемъ положеніи и о томъ что̀ тебѣ нужно. Тогда пилигримъ, вставъ, разсказалъ ему свой случай съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, тигромъ, обезьяной и змѣей, и о томъ, что̀ эти послѣдніе говорили ему относительно золотыхъ дѣлъ мастера и относительно того, что̀ заставило его придти въ этотъ городъ; затѣмъ сказалъ: о Боже! если ты

знаешь, что я правдивъ въ томъ, что̀ теперь говорю, то поспѣши дать сыну царя выздоровленіе и здравіе. И, въ тотъ-же моментъ выздоровѣлъ сынъ царя и Всевышній Богъ исцѣлилъ его. Царь наградилъ пилигрима, приблизилъ его къ себѣ, оказалъ ему царское вниманіе и приказалъ золотыхъ дѣлъ мастера распять, что и было исполнено.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

1) Изъ Байрутскаго изданія стр. 327 по 329.

باب الحمامة والثعلب ومالك الحزين

وهو آخر الكتاب

قال د بشليم الملك لبيدبا الفيلسوف قد سمعت هذ آلمثل فاضرب لى مثلاً
فى شأن الرجل الذى يرى الرَّأَى لغيرِه ولايراهُ لنفسه * قال الفيلسوفُ
ان مثل ذلک مثل الحمامة والثعلب ومَالك الحزين * قَال الملک وما مثلهنَّ
قال الفيلسوف زعموا ان حمامة كانت تُفرّخ فى راس نَخْلَة طويلة ذاهبة
الى السمآء * فكانت الحمامة تشرع فى نقل العشّ الى راس تلك النخلة
فلا يُمْكنها ما تنقل من العشّ وتجعله تحت البيض الا بعد شدَّة وتعب
ومشقَّة لطول النخلة وسُحْقها * وكانت اذا فرغت من النقل باضت ثُمَّ
حضنت بيضها فاذا فقست وادرك فراخُها جآءها ثعلب قد تعهّد ذلك
منها لوقت قد علمه ريثما ينهض فراخُها فوقف باصل النخلة فصاح بها وتوعَد
(تهدَّدها) أَنْ يرقى اليها أُو تُلْقى فراخها فتلقيها اليه * فبينما هىَ ذاتَ يوم
وقد ادرك لها فرخان اذ اقبل مَالك الحزين فوقع على النخلة فلمَّا رَأَى
الحمامة كئيبة حزينة شديدة الهمّ قال لها يا حمامة مالى اراك كاسفة البال
سيئَة الحال فقالت له يا مالك الحزين ان ثعلبًا دُهيتُ به كلّما كان لى

فرخان جاءنى يتهددنى ويصيح فى اصل النخلة فافرقُ منه فاطرح اليه فرخى * قال لها مالك الحزين اذا اتاك ليفعل ما تقولين فقولى له لا أُلقى اليك فرخى وغَرِر بنفسك فاذا فعلتَ ذلك واكلتَ فرخى طرتُ عنك ونجوت بنفسى * فلمَّا علّمها مالك الحزين هذه الحيلة طار فوقع على شاطِىء نهر * واقبل الثعلب فى الوقت الذى عرفه فوقف تحت النخلة ثم صاح كما كان يفعل فاجابته الحمامة بما علّمها مالكُ الحزين * فقال لها اخبرنى من علّمكِ هذا قالت علّمنى مالك الحزين * فتوجّه الثعلب حتى اتى مالكا الحزين على شاطىء النهر فوجده واقفا * فقال له الثعلب يامالك الحزينُ اذا اتتك الريح عن يمينك فاين تجعل راسك قال عن شمالى قال فاذا اتتك عن شمالك اين تجعل راسك قال اجعله عن يمينى او خلفى قال فاذا اتتك الريح من كل مكانٍ وكلّ ناحية اين تجعله قال اجعله تحت جناحىَّ * قال وكيف تستطيع ان تجعله تحت جناحيك ما أُرَاهُ يتهَيأُ لك * قال بلى * قال فارنى كيف تصنع فلعمرى يامعشر الطير لقد فضّلكم الله علينا انَّكُنَّ تدرين فى ساعة واحدة مثل ما ندرى فى سنة وتبلغن ما لا نبلغ وتدخلن رؤوسكنَّ تحت اجنحتكُنَّ من البرد والريح فهنيئًا لَكُنَّ فارنى كيف تصنع * فادخل الطائر راسه تحت جناحيه فوثب عليه الثعلب مكانه فاخذه فهمزه همزة دقَّ عنقه * ثم قال ياعدوّ نفسه ترى الراى للحمامة وتعلّمها الحيلة لنفسها وتعجز عن ذلك لنفسك حتى يتمكّن منك عدوّك * ثم قتله واكله *

ПЕРЕВОДЪ.

ГЛАВА О ГОЛУБКѢ, ЛИСИЦѢ И ПТИЦѢ МАЛИКЪ-АЛЬ-ḤАЗИНЪ.

Это есть послѣдняя глава въ этой книгѣ.

Царь Дабшалŷмъ сказалъ философу Байдабâ: «я выслушалъ эту притчу. Приведи мнѣ теперь притчу относительно человѣка, который находитъ для другаго хорошій совѣтъ, но для себя этого не находитъ.» Философъ отвѣчалъ: «примѣромъ этому служитъ притча о голубкѣ, лисицѣ и маликъ-аль-ḥазинѣ.» Царь сказалъ: «что это за притча»? Философъ (началъ) разсказывать: «передаютъ, что одна голубка устраивала свое гнѣздо на высокой, достигающей облаковъ, пальмѣ. Голубка, бывало, начнетъ вить гнѣздо у самой макушки этой пальмы. Ей удавалось перетаскивать въ гнѣздо (солому и прочее) и подстилать подъ яйцами только послѣ большихъ трудовъ, утомленія и усилій, вслѣдствіе того, что пальма очень высоко поднималась вверхъ. И бывало, когда голубка оканчивала вить свое гнѣздо, то клала яйца высиживала ихъ, и, (во время) разбивала ихъ, когда голубята поспѣвали. Между тѣмъ лисица, замѣтивъ это, давно, и разсчитывая срокъ, когда голубята выйдутъ, приходила къ ней и, останавливаясь у ствола пальмы, кричала и грозила ей, что подымется на пальму, если голубка не сброситъ ей своихъ голубятъ. А голубка бросала ихъ. Однажды, когда у голубки вылупились (изъ яицъ) два голубенка, прилетѣлъ маликъ-аль-ḥазинъ и спустился на пальму и замѣтивъ, что голубка грустна, печальна и сильно озабочена, сказалъ ей: «голубка, отчего я вижу тебя грустной и въ скверномъ расположеніи духа»? Она отвѣчала ему: «о маликъ-аль-ḥазинъ, на меня нападаетъ несчастіе въ видѣ лисицы. Каждый разъ, какъ у меня выводятся птенцы, она приходитъ ко мнѣ, кричитъ у ствола пальмы; я пугаюсь и выбрасываю ей моихъ птенцовъ.» Маликъ-аль-ḥазинъ сказалъ: «когда лисица придетъ къ тебѣ, чтобы дѣлать то, о чемъ ты говоришь,

то ты скажи ей: я не брошу тебѣ моихъ птенцовъ. Поднимись ты ко мнѣ и подвергай себя опасности; и, когда ты это сдѣлаешь и съѣшь моихъ птенцовъ, то я улечу отъ тебя и спасусь сама.» Маликъ-аль-ḥазинъ, научивъ ее этой хитрости, улетѣлъ и спустился на берегу рѣки. Въ извѣстный, лисицѣ, срокъ, она явилась и остановилась подъ пальмой, и стала кричать такъ, какъ прежде кричала. Но, голубка на это отвѣчала, какъ ее научилъ маликъ-аль-ḥазинъ. Лисица ей сказала: «скажи мнѣ, кто тебя научилъ этому»? Она отвѣчала: «научилъ меня маликъ-аль-ḥазинъ». Тогда лиса отправилась и пришла къ нему, и нашла его стоящимъ у берега рѣки. «Маликъ-аль-ḥазинъ». сказала лиса, «когда вѣтеръ дуетъ на тебя съ правой стороны, куда ты прячешь свою голову?» Тотъ отвѣчалъ: «налѣво». Лисица сказала: «а когда дуетъ съ лѣвой стороны, куда ты дѣваешь свою голову»? Онъ отвѣчалъ: «направо или назадъ». Лиса спросила: «но если вѣтеръ на тебя дуетъ со всѣхъ мѣстъ и сторонъ, куда ты дѣваешь голову»? Онъ отвѣчалъ: «я кладу ее подъ крылья». Лиса возразила: «какъ ты можешь класть ее подъ крылья? я не думаю, что это удается тебѣ». Онъ отвѣчалъ: «удается.» Лиса сказала: «покажи мнѣ, какъ ты это дѣлаешь! Клянусь жизнью, что всевышній Богъ далъ вамъ, обществу птицъ, предпочтеніе предъ нами (звѣрьми), потому что вы узнаете, въ одинъ часъ, то, о чемъ мы не узнаемъ и въ продолженіе (цѣлаго) года. И вы можете достигнуть того, чего мы не можемъ достичь, и вы въ состояніи прятать свои головы подъ крылья отъ холода и вѣтра? Какое благо и счастье вамъ! Покажи, какъ ты это дѣлаешь!» (Птица) маликъ-аль-ḥазинъ всунулъ голову подъ крылья, а лисица прыгнула на него, схватила его и прижала такъ, что придавила ему горло. Затѣмъ сказала: «о врагъ самому себѣ, ты нашелъ хорошій исходъ для голубки,—научилъ ее хитрости, какъ ей защищаться, а самъ не былъ въ состояніи придумать исходъ для себя, такъ, что ты попалъ въ руки врага. Затѣмъ лиса убила его и съѣла.

2) Изъ книги подъ заглавіемъ: Die Erzählung vom Mäusekönig und seinen Ministern von Th. Nöldeke Göttingen 1879. 4°.

باب ملك الجرذان ووزرائه

قال دبشليم الملك لبيدبا الفيلسوف قد سمعت هذا المثل ولكن اريد ان تعرفنى كيف ينبغى للانسان ان يلتمس له مشيرا ناصحًا وما الفائدة المستفادة من المشير الحكيم قال الفيلسوف من احبّ ان يختار له مشيرا ناصحًا ويتمسّك به عند الشدائد تخلّص به من العظائم وينال بسببه فوائد كبارا كما آستفاد ملك الجرذان من مشورة وزيره الناصح فائدة تخلّص بها هو وجميع الجرذان من شدّة كانوا فيها قال الملك وكيف كان ذلك قال الفيلسوف زعموا انه كان فى ارض البراهمة بقعة تُسمّى دوران مسافتها الف فرسخ وكان فى وسط تلك البقعة مدينة تسمّى اندزينون وكان عليها كثير من الخيرات وكان اهلها يتصرّفون فى معائشهم كما يحبّون وكان فى تلك المدينة جرذ يسمّى مهراز وكان متملّكا على جميع الجرذان التى فى تلك المدينة ورساتيقها وكان له ثلثة وزرآء يشاورهم فى الامور يسمّى احدهم زودامد وكان ذا عقل وحكمة وكان الملك معترفًا بفضله ويسمّى الثانى شيرغ والثالث بغداد فحضروا يومًا وتفاوضوا فى اشيآء كثيرة الى ان انتهى بهم الكلام الى ان قالوا هل فى استطاعتنا ان نزيل عنّا ما قد توارثناه من اسلافنا من الفزع والخوف من السنانير أم لا فبدأ الملك وقال سمعت من الحكمآء يقولون

انه ينبغى للانسان ان ينظر فى نفسه وولده واهله فى امرين امّا احدهما لا يفكر فيما مضى وفات من المنافع والمضارّ والثانى أن لا يكون يخشى ان يتمسّك بما يناله من المنافع ويحتال فى دفع المضارّ عنه ونحن فيما سلف من افعال ابائنا واسلافنا الجميلة فى نعم سابغة وراحة رائحة وما لنا الّا غمّ واحد وهو لعمرى اشدّ من كل غمّ يقارنه همّ وهو ممّا يدخل علينا من المضارّ والخوف من السنانير ولكن لنا إن نتّخذ سبيلاً لتحتال له بحيلة بعد ما فات من اسلافنا وان كانوا قد طلبوا لذلك حيلاً فلم يجدوا فسبيلنا نحن ان نخرج ذلك بسبب ما فات وان كانوا فى نعم موافرة وخيرات كثيرة * غير ان بسبب هذا الخوف قد صارت (حياتهم) حياتنا بلا طعم وقد قالت الحكماء ان من فارق بلده وولده ووطنه وزوجته واحتاج ان يلتمس له موضعا ينام ويقوم فيه وهو خائف فزع فحياة هذا كموته ومع الاموات ينبغى ان يُعدّ فى حياته فلمّا فرغ الملك من كلامه قال له شيرغ وبغداد طوبى لنا حيث انت رئيس علينا لانكّ فى غاية الفضل والعقل ومحبّة الناس واصابة الراى وقد قيل ان العبد اذا كان سيّده حكيما وهو جاهل فقد يناله بعض المدح بسبب افعال سيّده الجميلة * ونحن متّكلون على حكمتك وحسن تدبيرك ونسال الله الخيرة ان تبلغ جميع ما تريده من هذا الامر ونحن مستعدّون لامرك فانه سيكون للملك ولنا فيه اسم عظيم الى الابد وسبيل جميع الجرذان (ان) نحتال ونجدّ ان نحرص لكى نبلّغ الملك ارادته ولا سيّما هذا الامر فقد يجب علينا ان نخاطر ونطرح انفسنا واجسادنا طرحًا الى ان يتمّ له ما يريده ولمّا فرغ الوزيران من هذا الخطاب كانت عين الملك ممدودة الى الوزير الثالث فلما انتظره ولم يره يتكلّم قال له بغضب ياهذا ان فى العالم خلقا كثيرا وخصوصًا من كان منهم ملكا وله صاحب فاضل يُثق برائه قد يخوضون ويتفاوضون فى

اشياء كثيرة مما يمكن ان يعمل فيها ومما لا يمكن ان يعمل وهذا الامر الذى تخابرناه ان كان من الامور التى لا يمكن ان تتمّ ولا ينبغى لنا ان نصرف العناية اليه فعلى كلّ حال قد كان سبيلك ان تذكر لنا ما رأيك فيه ولا تكون كأنك اخرس (ابكم) لا تقدر على الجواب فلمّا فرغ الملك من هذا الكلام (الذى كانوا فيه) قال الوزير الثالث ليس يجب ان يعذلنى الملك حيث امسكت عن الكلام الى هذا الوقت لانى فعلت ذلك لاسمع جميع ما اتى به اصحابى على الكمال وأنا افكر ولا اقطع عليهما (الحاضر؟) واشوّش الكلام ثم اشرح ذكر ما عندى فيه بحسب معرفتى قال الملك فهات ما عندك قال الوزير ما عندى اكثر من هذا وهو انه ان علم الملك أن له حيلة يبلغ بها مُراده من هذا الامر وتحقّق ذلك تحققا صحيحا والا فما سبيله ان يحرص عليه ولا يفكرّ فيه لانّ ما يتوارث من الاباء والاسلاف فينا شئ الا وقد اجتهدوا فيه والامر لله العظيم بالطبع *لا يقدر احدٌ ولا ملك من الملوك بان يغيّر طباع الحيوان الى غير ما جُبل عليه *قال الملك ليس ما يتوارث من الجنس فقط ولكن كل امر من الامور وان صغر وقلّ لا يمكن ان يتمّ الّا بعناية من فوق قال الوزير الامرُ على ما قال الملك ولكن اذا كان (الامر) لم يمكن وليس لمقاومة الشئ الذى يتوراث مع الجنس وجه فتركه اصلح ومن قاوم ما يتوارث فى الجنس فكله تعارض فيه وقد ايقن وفرغ منه وربّما اتى الامر الى احوال من العطب لا تتلافى وربّما لا يعود الحال الى ما كان اولًا وربما عاد فى رِحَالٍ طويل ما اصاب الملك الذى يحدّث عنه قال الملك وكيف كان ذلك قال الوزير زعموا انه كان فى بعض نواحى النيل ملك وكان فى بلده جبل شامخ كثير الاشجار والثمار والعيون وكانت الوحوش وسائر الحيوانات التى فى ذلك البلد يعيشون من ذلك الجبل وكان فى ذلك

الجبل ثقب يخرج منه هوآء (جزء) من سبعة اجزآء من جميع الرياح التى تهبّ فى الاقاليم الثلاثة ونصف اقليم العالم وبالقرب من ذلك الثقب بيت فى غاية حسن البنآء ولم يكن له نظير فى العالم كلّه وكان الملك واسلافه من الملوك يسكنون ذالك البيت * وكانت توذيهم تلك الرياح بهبوبها من ذلك الثقب وكانوا لايقدرون على الارتحال من ذلك المكان لحسن البنآء وكثرة الثمار وحبّ الوطن وكان لذالك الملك وزير يشاوره فى الامور التى تعييه فاستشاره يوما من الايّام فى ذالك وقال له تعلم انّا بما تقدّم من افعال آبائنا الجميلة لفى نعم فائضة وامورنا تجرى على ما نحبّ من هناء ورغد عيش غير ان هذا البيت لولا كثرة الرياح حوله لكان شبيها بالجنّة ولكن سبيلنا ان نجتهد فلعلّنا نجد حيلة فى سَدّ فم هذا الثقبْ الذى تهبّ منه هذه الرياح العواصف فانّا اذا احكمنا ذلك امنّا شرّ ما اصاب اسلافنا من سوء العاقبة الناتجة من هذه الرياح ونكون قد ورثنا الجنّة فى هذه الدّنيا مع ما يكون لنا فيه من الذكر الجميل والاسم والسعمة المؤبدّة * قال الوزير انا عبدك ومسارع الى خدمتك والى ما تامره * قال الملك ليس هذا جواب كلامى قال له الوزير ما عندى فى هذا الوقت جواب غير هذا لانّ الملك اعلم واحكم واشرف منّى وهو ملك الدنيا وهذا الامر الذى تذكره لا يكن ان يعمل الاّ بقوة الاهيّة واما المخلوق لا يستطيع ذلك ابدًا * قال الملك ان السعادات التى يسعد بها الناس حتّى يتفاضلون فيها فهى التى تكون من فوق فاما ممارسة الامور ومباشرة الاعمال فهى مسلّمة الى الناس وان كان اتّصال سائر الامور لا يكون الّا بتوفيق من فوق فهذا الامر فعل من افعال الناس لا من افعال الاله فقل ما عندك فيه * قال الوزير الذى عندى ان يتأمّل الملك مايريد ان يفعله فانّ الكلام فيه سهل فاما معرفة ما يؤول الحال فيه من خير اوشرّ فهو خفىّ

عن الناس صعب الادراك فلهذا ينبغى ان تمعن النظر فيه لئلا يلحقك من هذا الامر ما لحق الحمار الذى ذهب يلتمس (ان ينبت) له قرنان فقطعت اذناه * قال الملك وكيف كان ذلك * قال الوزير زعموا أنَّ حمارًا كان عند بعض الناس وكان صاحبه يوسع عليه فى العلف فسمن الحمار وكلب وهاج واتّفق يوما ان صاحبه قاده يوما الى النهر ليسقيه فرأى اتانة فشبق وهاج وادلى ونهق فلما راى صاحبه هيجانه خشى ان يفلت منه فربطه الى شجرة كانت على شاطئ النهر وراح الى صاحب الاتانة وقال له اردد اتانتك لئلا يضرها حمارى ففعل ذلك وذهب بها وبقى الحمار يدور حول الشجرة ويزيد نهيقه وهيجانه فبينما هو يدور ان طأطأ رأسه فنظر الى احليله وتوتّره فقال فى نفسه هذه العصاة تصلح للفرسان والقتال ولٰكن ما الفائدة فيها وحدها وليس لى شئ غيرها من انواع السلاح والعصا وحدها لا تفى بقتال الناس ومع هذا فلست ماهرا بالفروسيّة ولٰكن انا على كل حال قادر على ان اطعن بهذه العصاة واضرب كلّ من لا يحسن العمل بالسلاح فاذا كنت قادرًا على هذا فياليت شعرى اذا اتّفق لى رمح كما اشتهى فانى لا ارجع عن مائة فارس ولا ابالى بهم ولكن سبيلى ان اجتهد فى تحصيل رمح فانَّ ابائى واجدادى لو كانوا اجتهدوا فى ذلك لكانوا كفونى من مؤونة الطلب * فبينما هو يهدّم ويبنّى فى تحصيل سلاح اذا أقبل رجل يقود ايّلاً له قرون من اعظم الخلقة ليسقيه من ذلك النهر فلما نظر الحمار ذلك الايّل وتمعن فى قرونه ورأى أنّها فى المعنى الذى أراده دهش منه وفكّر وقال ما حمّل هذا الايّل هذه القرون الّا وعنده رماح وقسىّ وسائر انواع السلاح وبلا شكّ ايضًا انه ماهر بالفروسيّة ولو استوى لى أن اهرب من موضعى وألازم هذا الايّل واخدمه مدّة ما لقد كنت اتفرّس منه وكان هذا ايضًا اذا

رأى ملازمتى وخدمتى ونصيحتى لم يخل علىّ بهبة شىء من السلاح الذى عنده * ولمّا رأى الايّل حال الحمار وهيجانه وقوّة تخبيطه امسك عن شرب الماء وبقى ينظر اليه ولمّا راى الحمار أنّ الايّل ما يشرب الماء فكّر فى نفسه وقال ما يمنعه من شرب الماء الّا رَأْىٌ لَهُ فىّ وهو ينظر الىّ ويفرح بى وقد وفّق الله تعالى لى هذا عند ما فكّرت فى هذا الامر ولما بدأتُ فى الفكر يسّر الىّ ما اردته وما جرى هذا الّا بسعادة من فوق ياليت شعرى باىّ طالع وُلدتُ واى سعادة كانت لى فى موقفى حتى اتّفق لى هدا الامر الجليل ولا شكّ أنّى اعجوبة فى العالم ثمّ أنّ صاحب الايّل لمّا رأى أنّ الايّل لا يشرب شيئًا ردّه الى بيته وكان بيته قريبا من الشطّ ولم يزل الحمار يتبعه نظرًا الى أنّ رآهُ دخل بيته فعلّم له علامة يعرفه بها ثُمّ أنّ صاحب الحمار جآء وأخذه وذهب بـه الى بيته وشَدَّهُ وطرح له علفه وخرج عنه والحمار مشغول القلب بالمضىّ الى عند الايّل فلم يهمّه اكلٌ ولا شرب واخذ يفكر ويحتال فى ذلك وقال ينبغى ان اجعل هربى اليه فى الليل * فلمّا جآء الليل ورقد اصحابه اجتهد حتّى خلع الباب وخرج هاربًا الى الدار التى دخل فيها الايّـل فلمّا انتهى اليها وجد الباب قد استوثق منه فاطّلع من شقّ كان بالباب فرآى الايّل مخلّى بلا رباط وخشى الحمار ان يراه الناسُ فربض فى زاوية الى الغداة فانطلق صاحب الايّل به الى النهر على عادته وهو يجرّه ورآءه بحبل طويل فى عنقه فتقدّم الحمار الى الايّل وجعل يماشيه ويخاطبه بلغته ولم يكن الايلّ عارفًا لغة الحمار فلمّا لم يفهم منه نفر واخذ يقاتله والتفت الرجل الذى كان يسوقه لينظر من الـذى يقاتل الايّل فـلمّا رأى الحمار يماشى الايّل اراد ان ياخذه ثم قال ان اخذت الحمار اقتتلا ولا اقدر على ضبطهما معًا ولكن اطرده عن الايّل فضرب الحمار بعصاة كانت فى يده فذهب ثم انّه لما مشى

الرجل عاد الحمار ثانية يماشى الايّل ويخاطبه فنفر الايّل واخذ يقاتله والتفت الرجل ثانية فضرب الحمار فذهب ثم عاد على هذا المثال ثلاث دفعات كل دفعة يتقدّم فيها الى الايّل يضربه الرجل ثم ان الحمار قال ما يمنعنى من الكلام مع الايّل واللطف به وكشف ما عندى اليه الّا هذا الرجل الذى يقوده وما يتمّ لى ذالك الّا ان اقتله عنه ليرى الايّل فروسيّتى ويرغب فى خدمتى ثم وثب على الرّجل فعضّ ظهره عضّة شديدة ما تخلّص منها الرَّجُل الّا بَعْدَ شدّة شديدة * فلما راى كلبه وهيجانه قال انْ أنا اخذته لم آمن من بليّة يفعلها بى ولٰكنى اعلّم فيه علامة حتى اذا رأيْتُهُ مع صاحبه طالبته بثأرى فاخرج سكّينا كانت معه وقطع بها اذنى الحمار * فلماً رأى الحمار ما حلّ به وكيف خسر ذلّ وفرّ من الرجل هاربا الى دار صاحبه وكان الذى اصابه من صاحبه اشدّ من قطع اذنيه فحينئذ فكر الحمار وقال لقد كان ابائى اسبق الى هذا الامر ولكن خافوا من عاقبته وامتنعوا * قال الملك قد سمعت هذا ولٰكن ما سبيلك ان تخاف من هذا الامر فانه والعياذ بالله ان لم يتمّ لنا ما نريده منه فلا باس عليك فانّا على كلّ حال قادرون على خلاص انفسنا من سوء عاقبته * فلما رأى الوزير أنّ الملك لا بُدّ له من اتمام ما سوّلت له النفس لم يعد يماريه فيما اراده * ثمّ أنّ الملك اخذ بالمنادة فى جميع اعماله الّا يبقى رجل شابّ الّا حضر اليوم الفلانىّ الى باب الملك ومعه حمل حطب من الجبل فامتثل الناس امره وبادروا الى طاعته وكان الملك يعرف الوقت الذى ينقص فيه الريح فلمّا كان ذلك اليوم برز الملك وأمر الناس ان يحشوا الاحطاب فى ذلك الثقب وقدّم على باب الثقب لوضع الاحطاب ناسًا معروفين بالهندسة والعمارة ليعتمدوا سدّ الثقب بمقتضى الاحكام بحيث لا يفسد عملهم بعد ذلك وان ويكندنوا على تلك الاحطاب حجارة

عظيمة بحيث لا يقذفها الريح ويبنوا دكّة عظيمة فى وجه الثقب ففعلوا ذالك واحكموه وامتنعت الرياح التى كانت تخرج من ذالك الثقب من الخروج وعَدِمَ البلدُ كلّه هبوب الرياح فيه فلم تمض ستّة اشهر حتّى جفّ ويبس جميع ما فى ذلك الجبل من الشجر والنبات وبلغ ذالك الى نحو مايتى فرسخ واكثر وتماوت المواشى وسائر الحيوانات التى فى تلك البلاد وغارت العيون والمياه وجفّت الانهار ووقع الوباء فى الناس فهلك خلق عظيم منهم فلم يزل هـذا البلاء فى اهـل ذلك البلد الى انّ ضجّ الناس فوثب من بقى منهم ممّن لـه رمق وتجمّعوا (١) . . ومضوا الى ذلك السدّ فقلعوا الـدكّة والحجارة من الباب وطرحوا فى ذلك الحطب النار فالتهب فلمّا بدا فى اللهيب عاد الناس الى مواضعهم ثمّ ان الريح التى كانت قد اختفت فى مدّة الستّة اشهر خرجت بحميّة شديدة بعد احتباسها وحملت النار معها فالقتها فى جميع ذلـك البلد ودار هبوب الريح يومين وليلتين فلم يبق فى ذالك البلد مدينة ولا قرية ولا حصن ولا شجرة ولا انسان ولا ماشية ولا حيوان الا هلك بالنار والريح * قال ملك الجرذان قد سمعتُ هذا المثل ولكن يقال ايضا ان من رام امرا من الامور الصعبة التى يرجى من عاقبته البلوغ الى امـر كبير ثم فـزع من عارض سوء يلحقـه فيه فكفّ عنه لم يرتق الى رتبة عالية الّا ان يتّفق له ذلك اتّفاقا وان من السعادة وحسن البخت ان يكون الانسان فى هذا العالم مشهورا بعمل الخير وليس يتهيّأ لاحد من الناس ان يحمل معه من هذا العالم شيئًا ينفعه الّا ما عمله قال الوزير صدقت ايها الملك ما كلّ العمل ينتج فائدة وقد قالت العلمآء ايضا من جلب على نفسه آفة بيده لم يستأهل ان يتخلص منها ومن كان سببًا لموت نفسه لم يكن له

(١) هنا محلّ سطر محذوف .

موضع فى الجنّه قال الملك اما انا فاقولُ انك ساعدتنى فى امور كثيرة وان انت اعنتنى فى هذه (المسألة) فُزْنَا بما نريد * فلمّا علم الوزير أنّ لا بُدَّ للملك من اتمام ما تكلّم به وكان وجه الحيلة قد اتّجه له قال اما انا فساجيب على حسب طاقتى ولمّا قلت ما قلته الى حيث انتهينا لعلمى بفضيلة الملك وغزارة علمه واما انا فانى على نقص من المعرفة ولا ليس لى راى الّا بسعد الملك وقوّة جدّه وقد قالت الحكماء (والجهال؟) يجب على الحكيم ان يستشير الجاهل لانّه اذا شاوره وكان ذلك الجاهل يخرجه الجهل الى ان يشير بغير الواجب لم يصغ الحكيم الى جهله ولم يقبل كلامه ورأيه ولكن الحكيم يميّز الامور اوفقها ويصرف كلام الجاهل الى ما يليق ويصلح وانما يشاور الحكيم الجاهل لسببين منهما انه ربّما ابدى الجاهل سرّ غيره فى ذلك الباب فيستعين الحكيم على كتمه بمشاورته ليصبره * وربما انتجت قريحة الجاهل شيئًا فيه بعض المؤونه والذى قلته فى هذا الباب انما اتّكل فيه على معرفة الملك وعقله وانه لا يغضب علىّ بل يقبله منّى قبولا حسنًا قال الملك كلّ ما قلته فى غاية الحسن والصدق وهو على حقيقته الا الكلمة الواحدة التى قلت انّك ناقص المعرفة فما انت عندنا ناقص المعرفة بل حكيم كاملٌ * فلما سمع الوزير ذالك من الملك قال لا يشقّ الملك على نفسه فاءن جميع ما قاله فىّ انما هو من كثير رأفته وبره وتربيته * ثم ان الملك بدأ يشاور وزرآءهُ الثلاثة بالعكس يعنى من اسفل الى فوق * فقالَ للادنى منهم ما تقول انت ايّها الوزير فى هذ االامر وما الذى يجب انْ نصنع * قال له ذالك الوزير من الراى ان نحضر جلاجل كثيرة ونعلّق كل جلجل منها فى عنق سنّور ليكون كلّما ذهب وجاز سمعنا صوت الجلجل فنحذر منه وناوى الى احجارنا * قال الملك للوزير الثانى ما الذى عندك ايّها الوزير

فى هذا الامر الذى اشار به صاحبك قال لست بحامد مشورته فهبنا احضرنا الجلاجل فمن يقدر منّا ان يعلّق واحدًا منها على عنق اصغر السنانير فضلًا ان يتقدّم الى ضواريها والراى عندى ان نخرج باجمعنا من هذه المدينة ونقيم فى البرّيّة سنة واحدة الى أن ان نعلم ان اهل المدينة قد استغنوا بغيبتنا عن السنانير لان السنانير لا تجد طعامًا آخر غير اقوات اهل المدينة فمنهم من يقتلهم ومنهم من يطردهم فيتفرّقون فى كل ناحية فيهلك منهم ما يهلك وما طرد الى البرّيّة يصير وحشيًّا لايستأنس ولا يعود يسكن المدينة فاذا عدموا من المدينة عدنا نحن باجمعنا آمنين من تخطّف السنانير * قال الملك للوزير الثالث ما الّذى عندك فيما قال صاحبك * قال الوزير ليس ذلك برأي محمود عندى وانّا لو خرجنا من المدينة الى البرّيّة واقمنا فيها سنة فعلى كلّ حال ليس يمكن ان تفنى السنانير فى سنة وينالنا فى البرية من العنآء والشقآء والبلآء ما هو اعظم من فزعنا من السنانير لانّا لم نعتد الشقآء قبل هذا وانّ فى البرّيّة لخوفًا اشدّ من ذلك وهو ان الاساود والجراجيع والحدأة ينالنا منهم اشدّ مما ننال من السنانير قال له الملك حقّ ما تقول فهات ما عندك قال الوزير لا اعرف شيئًا فى هذا الباب الّا حيلة واحدة وهى ان يحضر الملك اهل حضرته وجميع الجرذان الذين فى المدينة وجوارها ويامرهم ان يتّخذ كل واحد منهم فى البيت الذى يأوى فيه نقبا يسع جميع الجرذان ويعدّ فيه زادا يكفيهم لعشرة ايّام ويفتح للنقب سبعة ابواب من خارج الحائط وثلثة ابواب مما يلى خزانة الرجل والثياب والفرش فاذا فعلوا هذا قمنا باجمعنا الى دار بعض الموسرين ممن يكون فى داره سنّور واحد واقمنا كلّ واحد منّا على كل باب من تلك الابواب التى تؤدى الى خزانة المتاع ولا نتعرّض لمتاع ولا لماكول ولكننا

نقصد افساد الكسوة والفرش ولا نسرف فى الفساد ايضا فاذا راى صاحب المنزل ما قد دهمه من فسادنا يقول لَعلَّ هذا السنّور الواحد لا يعلم صيد الجرذان فيُحضر سنّورًا اخر فاذا فعل ذلك عدنا ايضا وافسدنا اكثر من الفساد الاوّل فاذا رَأى ذلك صاحب المنزل تفكّر ايضا فى انه لا يضبط منزله بسنورين فيحضر سنّورا ثالثا فاذا فعل ذلك ازددنا نحن ايضا فى الفساد وبالَغْنَا فيه فاذا فعلنا ذلك فيفكر صاحب المنزل فيما اطلّه ويميّز بين افسادنا وفى منزله سنّور واحد وبين افسادنا وفى منزله ثلثة سنانير فاذا رأى افسادنا دائما على كثرة السنانير علم ان هذا بسبب العداوة التى بيننا وبين السنانير وقال انى أرى كُلّما ازددت من السنانير زاد فساد الفأر لرحلى ولكنى اجرّب اخرج واحدًا من السنانير حتى انظر ما يكون فاذا اخرج واحدًا من السنانير نقصنا نحن ايضا عن الفساد فاذا راى ذلك عرف وجه الصلاح والفساد فيخرج السنّور الثانى فاذا فعل كففنا نحن ايضًا بعض الكفّ عن افساد رحله فاذا راى صاحب البيت ذلك دعته الضرورة ان يخرج السنور الثالث فاذا فعل ذلك كففنا جملة عن بيته ودخلنا منزلا آخر واجرينا امره كمجرى الاوّل ولا نزال ندور من دار الى دار الى ان يتبيّن للناس ما يلحقهم من المضرّة العظيمة من السنانير فانهم اذا تثبّتوا ذلك لم يقتصروا عن قتل السنانير التى فى البيوت فقط لكنّهم يطلبون السنانير البريّة فيقتلونها ولايرون بعدها سنّورا الا واحلّوا به كل بليّة فهذا الطريق تتخلّص به من فزع السنانير * ففعل الملك ما اشار به وزيره فما مضت ستّة اشهر حتّى هلك جميع السنانير الذين كانوا فى تلك المدنية ومضى ذلك الفرق من الناس ونشأ بعدهم فرق آخر على بغضة السنانير وكان متى ظهر لهم ادنى فساد من ألفار فى ثوب او فى فرش

أو فى مأكول يقولون انظروا ألاَّ يكون اجتاز بهذه المدينة سنّور وكانوا ايضا متى حدث فى الناس او فى البهائم مرض يقولون يوشك ان يكون قد عبر هذه المدينة سنّور فبهذه الحلية تخلّص الجرذان من فزع السنانير واطمأنوا منهم فاذا كان هذا الحيوان الضعيف المهين احتال بمثل هذا الحيلة حتّى تخلّص من عدوّه فما يجب ان يقطع الرجآء من الانسان الّذى هو اكيس الحيوان وحكمه ان يدرك من عدوّه ما يريده (بحيلته) * انتهى باب مهراز ملك الجرذان *

ПЕРЕВОДЪ.

ЦАРЬ МЫШЕЙ И ЕГО МИНИСТРЫ.

Царь Дабшалӣмъ сказалъ философу Байдаба: «я уже выслушалъ эту притчу; но я (теперь) желаю, чтобы ты научилъ меня: какимъ образомъ слѣдуетъ человѣку отыскать себѣ искренняго, мудраго совѣтника и какую пользу онъ извлекаетъ отъ него».

Философъ отвѣчалъ: «Кто, по своему желанію, избираетъ себѣ искренняго совѣтника и держится его совѣтовъ, при несчастіяхъ, тотъ избавляетъ себя отъ великихъ бѣдъ и извлекаетъ отъ него огромную пользу, подобно тому, какъ извлекалъ пользу царь мышей отъ совѣта своего преданнаго министра и избавился самъ и спасъ всѣхъ мышей отъ бѣды, въ которой онѣ находились. Царь спросилъ: «а какъ это было?»

Философъ отвѣчалъ: «передаютъ, что была, въ землѣ Браһмановъ, страна, называемая Дӯранъ [1]), которая имѣла пространство въ тысячу фарсангъ [2]). Посреди этой страны стоялъ городъ

---

1) По переводу Nöldeke Дӯрабъ.

2) Мѣра разстоянія у древнихъ персовъ = одному часу обыкновенной ѣзды.

по имени Андзинӯнъ [3]), изобилующій богатствами, жители котораго жили въ довольствіи и благосостояніи; въ томъ городѣ жила мышь по имени Миһрâзъ [4]). Ей были подчинены всѣ мыши этого города и его окрестностей. У нея было трое министровъ. Одного звали Цӯдâмадъ, онъ былъ уменъ и мудръ, а царь зналъ его достоинства; втораго звали Шӣрахъ, а третьяго звали Багдâдъ. Однажды они собрались и совѣщались о многихъ дѣлахъ. Въ концѣ концовъ ихъ рѣчь затронула вопросъ о томъ: возможно-ли имъ отдѣлаться отъ наслѣдованнаго ими, отъ своихъ предковъ, страха и боязни передъ кошками, или нѣтъ?

Царь мышей началъ говорить: «Я слышалъ отъ мудрецовъ, которые сказали, что слѣдуетъ человѣку обдумывать, относительно себя, своихъ дѣтей и своей семьи, два обстоятельства: что касается одного—пусть онъ не думаетъ относительно того вреда и пользы, которые миновали и прошли, а второе—пусть онъ держится тѣхъ сторонъ жизни, отъ которыхъ онъ получилъ пользу, и пусть онъ ухитрится отстранить отъ себя вредъ. А мы, вслѣдствіе прекрасныхъ подвиговъ нашихъ отцовъ и предковъ, пользуемся отличнымъ благосостояніемъ и продолжительнымъ спокойствіемъ; мы имѣемъ только одно горе, и, клянусь жизнію своею, оно тяжелѣе всякаго горя и всякой заботы, а именно: тотъ вредъ и страхъ, который мы испытываемъ отъ кошекъ. Намъ слѣдуетъ ухитриться найти способъ противъ этого; хотя наши предки разыскивали, противъ этого, много средствъ, но не нашли, и нашъ долгъ дополнить это упущеніе, которое исходило вслѣдствіе этого. Хотя наши предки были въ отличномъ благосостояніи и пользовались огромными богатствами, но, вслѣдствіе этого страха (ихъ и) наша жизнь стала непріятною. Ученые говорили: дѣйствительно тотъ, кто разстается со своимъ городомъ, дѣтьми, родиной и женой, и принужденъ бываетъ искать для себя мѣста, гдѣ-бы онъ спалъ и жилъ, и, при томъ, находится постоянно въ страхѣ и боязни, то жизнь его все равно что смерть, и при жизни слѣдуетъ его считать въ числѣ мертвыхъ.» Когда царь мышей покончилъ свою рѣчь, Шӣрахъ и Багдâдъ ему отвѣчали: «Счастье намъ, что ты начальникомъ

---

3) По Nöldeke Andarbijâwân.

4) По Nöldeke Mihrâjadh.

надъ нами, ибо ты очень уменъ, благодѣтеленъ, сострадателенъ и разуменъ. Говорится, когда рабъ имѣетъ мудраго господина а самъ онъ глупъ, то часто онъ получаетъ похвалу за прекрасные поступки своего господина; мы-же полагаемся на твою мудрость и на хорошее твое правленіе, и просимъ у Бога счастія для того, чтобы ты достигъ своего желанія въ этомъ дѣлѣ. Мы готовы повиноваться твоему приказанію, черезъ которое для царя и намъ будетъ великая слава въ будущемъ. Долгъ всѣхъ мышей стараться и стремиться исполнить желаніе царя, тѣмъ-болѣе въ этомъ дѣлѣ, ради котораго намъ слѣдуетъ подвергнуть наши души и тѣла опасностямъ для того, чтобы оно исполнилось такъ, какъ желаетъ царь».

Въ то время, когда министръ держалъ эту рѣчь, царь смотрѣлъ, все время, на третьяго министра и, подождавъ (не много) и видя, что онъ не говоритъ, сказалъ ему сердито:

— «Въ мірѣ есть много людей, среди которыхъ не мало властелиновъ, имѣющихъ вѣрныхъ друзей, на мнѣнія которыхъ можно вполнѣ полагаться; и, часто случается, что они совѣщаются и обсуждаютъ многосторонніе вопросы, одни изъ которыхъ исполнимы, а другіе неисполнимы. Если предположить, что это дѣло, о которомъ мы совѣщаемся, принадлежитъ къ числу неисполнимыхъ и къ такимъ, надъ которыми не стоило-бы тратить энергію, то, во всякомъ случаѣ, тебѣ-бы слѣдовало сказать намъ свое мнѣніе о немъ, и не быть какъ нѣмой, который не въ состояніи отвѣчать.»

Когда царь окончилъ свою рѣчь, третій министръ ему возразилъ:

— «Не слѣдуетъ царю меня упрекать въ томъ, что я до сихъ поръ воздержался отъ бесѣды, потому что я сдѣлалъ это, чтобы слышать все то, что мои товарищи приведутъ до конца, а между тѣмъ я думалъ, не прерывалъ ихъ разговора и не возмущалъ ихъ. Затѣмъ я намѣренъ былъ изложить мое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, какъ я его понимаю. Царь сказалъ: «скажи свое мнѣніе». Министръ отвѣчалъ: «мое мнѣніе ни болѣе ни менѣе какъ слѣдующее: если царь знаетъ какой нибудь исходъ, по которому достигнетъ своей цѣли въ этомъ дѣлѣ, и если онъ увѣренъ въ этомъ вполнѣ, (то ладно), а въ противномъ случаѣ не слѣдуетъ ему заботиться и думать объ этомъ, потому что все, что

получается нами отъ отцовъ и предковъ въ наслѣдство, мы имѣемъ благодаря только ихъ старанію; а это дѣло, по природѣ, зависитъ отъ всевышняго Бога, и никто изъ царей не можетъ измѣнить тѣ наклонности животныхъ, которыми они надѣлены отъ природы.

Царь возразилъ: «Не только то, что̀ нами наслѣдуется отъ природы, но и всякое дѣло, какимъ бы оно ни было малымъ и ничтожнымъ, исполняется только заботою Всевышняго».

Министръ сказалъ: «это такъ, какъ царь говоритъ; но, если дѣло неисполнимое и нѣтъ средства противиться тому, что̀ наслѣдуется отъ природы, то его лучше оставить. Всякія усилія сопротивляться природнымъ наклонностямъ напрасны, хотя иногда усиліе, кажется увѣнчивается успѣхомъ, но, все-же послѣ часто испытанныхъ неудачъ, дѣло принимаетъ такой оборотъ, что исходъ бываетъ хуже начала, а можетъ быть, послѣ долгихъ испытаній употребляющаго усиліе, постигнетъ то-же, что̀ постигло царя, о которомъ говорятъ.

Царь спросилъ: «а какъ это было»? Министръ сказалъ: «Передаютъ, что въ нѣкоторыхъ долинахъ Нила жилъ царь, городъ котораго находился у высокой горы, богатой деревьями, плодами и источниками. Звѣри и всѣ животныя, которыя находились въ этомъ городѣ, получали свое пропитаніе изъ этой горы. Въ этой горѣ было отверстіе, откуда дула седьмая часть всѣхъ вѣтровъ, которые господствуютъ надъ $3^1/_2$ климатами земли [1]). Близь этого отверстія находилось одно весьма красивое, по постройкѣ, зданіе, подобнаго которому не было во всемъ мірѣ. Царь и его предки обитали въ этомъ зданіи, а вѣтры выходящіе изъ этого отверстія, причиняли имъ вредъ; однако они не могли оставить это мѣсто, по причинѣ этой прекрасной постройки, изобилія плодовъ и любви къ родинѣ. У этого царя былъ министръ, съ которымъ онъ совѣтовался о дѣлахъ, которыя надъ нимъ тяготѣли. Однажды онъ посовѣтовался съ нимъ объ этомъ (о вредѣ, причиняемомъ вѣтрами) и сказалъ ему: «Ты знаешь, что, мы, благодаря прекраснымъ подвигамъ нашихъ отцовъ, благоденствуемъ и живемъ спокойно и привольно; однако еслибы не

---

[1]) Земля, по понятіямъ восточныхъ народовъ, дѣлится на 7 климатовъ (kêswar κλίματα), такъ что $3^1/_2$ климата составляютъ одно полушаріе.

эти постоянные вѣтры, которые дуютъ вокругъ нашего дворца, то послѣдній былъ-бы похожъ на рай. Намъ слѣдуетъ стараться, какъ-бы найти способъ закрыть это отверстіе, откуда дуютъ эти сильные вѣтры, и, дѣйствительно, если намъ это удастся, то мы будемъ въ безопасности отъ того зла и отъ тѣхъ дурныхъ послѣдствій вѣтровъ, которымъ были подвержены наши предки; мы унаслѣдуемъ рай въ этомъ мірѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставимъ по себѣ прекрасную память, добрую славу и достопамятное имя. Министръ отвѣчалъ: «я твой рабъ, я готовъ тебѣ служить и исполнить все, что-бы ты ни приказывалъ». Царь возразилъ: «это не отвѣтъ на мои слова». Министръ сказалъ: «У меня, пока, другаго отвѣта нѣтъ, а царь превосходитъ меня знаніемъ, мудростью и славою; онъ-же властелинъ міра, а это дѣло, о которомъ онъ говоритъ, можетъ быть исполняемо не иначе, какъ божескою силою, а сотворенный (т. е. человѣкъ) не въ состояніи исполнить это никогда». Царь возразилъ: «Дѣйствительно, счастіе, которымъ надѣлены люди и въ силу котораго одни превосходятъ другихъ, дается свыше; но предпріятіе дѣлъ и исполненіе ихъ, предоставлено людямъ, и хотя счастливый исходъ, всякаго предпріятія, зависитъ отъ Бога, все-же это дѣло одно изъ тѣхъ, которыя предоставлены людямъ, а не изъ непосредственныхъ дѣлъ Провидѣнія. Итакъ, выскажи свое мнѣніе объ этомъ.» Министръ отвѣчалъ: «По моему слѣдуетъ царю обдумывать то, что онъ желаетъ исполнить; на самомъ-же дѣлѣ скрыто отъ людей и трудно предвидѣть, къ какому добру или злу, можетъ привести это предпріятіе; поэтому слѣдуетъ тебѣ вникнуть и осмотрѣться, дабы не постигло тебя то, что постигло осла, который отправился искать себѣ рога, а у него отрѣзали уши.» Царь спросилъ: «А какъ это было?» Министръ отвѣчалъ:

— «Передаютъ, что одинъ оселъ жилъ у своего хозяина, который ему давалъ кормъ въ изобиліи, а вслѣдствіе этого оселъ пожирнѣлъ и взбунтовался. Случилось, однажды, что хозяинъ велъ осла къ рѣкѣ, чтобы напоить его. Оселъ, замѣтивъ ослицу, взволновался, запылала въ немъ страсть, и онъ, пришедши въ возбужденное состояніе, заревѣлъ. Хозяинъ, замѣтивъ его возбужденіе и боясь, что онъ вырвется отъ него, привязавъ его къ дереву, находящемуся на берегу рѣки, отправился къ хозяину ос-

лицы и сказалъ ему: «Верни свою ослицу назадъ, чтобы мой оселъ не повредилъ ей. Тотъ сдѣлалъ это и ушелъ съ ней. А между тѣмъ оселъ все кружился вокругъ дерева, увеличивая свой ревъ и свое волненіе. Въ то время, какъ онъ кружился, наклонилъ свою голову и, увидѣвъ палку, думалъ про себя: «вотъ палка годная для всадниковъ и для борьбы; но какая мнѣ польза въ ней одной, у меня нѣтъ другаго оружія, а одна палка недостаточна, чтобы бороться съ людьми, при томъ-же я не искусенъ въ борьбѣ, но я все-таки могу вонзить этою палкою и ударить ею того, кто не хорошо владѣетъ оружіемъ; но, еслибы у меня было копье, какъ я это желаю, то, мнѣ кажется, я былъ-бы въ состояніи справиться съ сотнею всадниковъ, и не ставилъ-бы ихъ ни во что; поэтому мнѣ слѣдуетъ теперь стараться пріобрѣсти копье; и дѣйствительно, если мои отцы и предки старались-бы пріобрѣсти это, то они избавили-бы меня отъ хлопотъ исканія. Между тѣмъ, какъ онъ строилъ и разрушалъ свои планы, относительно пріобрѣтенія оружія, явился человѣкъ, который велъ горнаго козла съ большими и прекрасно развитыми рогами, чтобы напоить его изъ этой рѣки. Оселъ, увидѣвъ этого козла, пристально посмотрѣвъ на его рога и находя ихъ такими, какіе онъ бы желалъ для себя, восхищался ими, подумалъ и сказалъ: «Этотъ козелъ носитъ эти рога, благодаря тѣмъ копьямъ, лукамъ и другимъ родамъ оружій, которыми онъ обладаетъ и, безъ сомнѣнія, онъ искусенъ въ борьбѣ. О, если-бы мнѣ удалось бѣжать отъ моего мѣста, быть безотлучно съ этимъ козломъ и служить ему продолжительное время, тогда-бы я научился, у него, искусству бороться и онъ, также, увидя мою преданность, службу и искренность, не скупился-бы подарить мнѣ кое-что изъ этихъ оружій, которыми онъ обладаетъ». Козелъ-же, увидѣвъ положеніе осла, его возмущеніе и ляганіе, воздержался пить воду и сталъ смотрѣть на него; оселъ въ свою очередь замѣтивъ, что козелъ не пьетъ воды, подумалъ про себя: «ничто не препятствуетъ ему пить, кромѣ его мысли обо мнѣ; вѣдь онъ смотритъ на меня и радуется. Всевышній Богъ далъ мнѣ это счастіе, какъ только я возымѣлъ это намѣреніе. Да, это случилось только благодаря счастію свыше! О, кто знаетъ, подъ какимъ созвѣздіемъ я родился и какое счастіе могло привести меня въ это мѣсто, чтобы со мною случилось это великое событіе! Безъ сомнѣнія это чудо въ мірѣ!»

Когда хозяинъ козла увидѣлъ, что этотъ не пьетъ то возвратился съ нимъ домой; а домъ его былъ близко отъ берега. Междутѣмъ оселъ не переставалъ слѣдить за нимъ глазами, пока не увидѣлъ въ какой домъ онъ вошелъ, и запомнилъ одну примѣту, по которой онъ узнаетъ домъ. Затѣмъ хозяинъ осла явился, взялъ его и возвратился съ нимъ домой; привязавъ его, далъ ему кормъ и вышелъ. Оселъ всецѣло занятъ былъ (мыслью) какъ-бы отправиться къ козлу. Ни ѣда, ни пища не могли его интересовать, и онъ сталъ думать и искать способъ къ этому, и рѣшился убѣжать ночью. Когда наступила ночь и его хозяева заснули, онъ сломалъ дверь, вышелъ и бѣгомъ отправился къ тому дому, куда входилъ козелъ. Дошедши туда, нашелъ дверь крѣпко запертой и, посмотрѣвъ въ щель, находящуюся въ двери, увидѣлъ козла на свободѣ, безъ привязи, и опасаясь того, чтобы люди его не замѣтили, простоялъ въ одномъ углу до утра. Тогда хозяинъ козла, по своему обыкновенію, пошелъ съ нимъ къ рѣкѣ, таща его за собою на длинной веревкѣ, привязанной къ шеѣ. Оселъ подошелъ къ козлу и сталъ ходить съ нимъ рядомъ и разговаривать съ нимъ на своемъ языкѣ, но козелъ не зналъ ослинаго языка, и такъ какъ онъ его не понималъ, то и чуждался его и сталъ съ нимъ драться. Человѣкъ-же, который его велъ, обернулся, чтобы посмотрѣть, кто дерется съ козломъ, и замѣтивъ осла, идущаго рядомъ съ козломъ, хотѣлъ его взять, затѣмъ подумалъ про себя: «если я возьму осла, то онъ будетъ драться съ козломъ и я не смогу держать ихъ вмѣстѣ, но лучше отогнать его отъ козла», и ударилъ осла палкой, бывшею въ его рукахъ. Оселъ удалился. Затѣмъ когда человѣкъ продолжалъ свой путь, вернулся вторично идти рядомъ съ козломъ, побесѣдовать съ нимъ, а этотъ все чуждался и сталъ драться. Человѣкъ снова обернулся, ударилъ осла, который удалился. Затѣмъ повторилось это три раза. Каждый разъ, какъ оселъ приближался къ козлу, человѣкъ его билъ; поэтому оселъ подумалъ про себя: «никто мнѣ не мѣшаетъ говорить съ козломъ, обходиться съ нимъ ласково и открыть ему мою привязанность къ нему, кромѣ этого человѣка, который его ведетъ; а исполнится все это не раньше чѣмъ я его убью, тогда козелъ увидитъ мою храбрость и захочетъ пользоваться моими услугами. Затѣмъ оселъ бросился на человѣка, укусилъ его такъ сильно, что че-

ловѣкъ могъ только освободиться отъ него послѣ долгаго усилія и, увидавши его возбужденіе и бѣшенство, подумалъ: если я его возьму, то я рискую тѣмъ, что онъ мнѣ сдѣлаетъ какую нибудь бѣду; но я отличу его знакомъ, и когда его увижу съ его хозяиномъ, тогда потребую у него возмездія. Итакъ, онъ досталъ бывшій у него (въ карманѣ) ножъ и отрѣзалъ у него уши. Оселъ, увидя что̀ съ нимъ стало и какую потерю онъ понесъ, опустилъ свой гоноръ и удралъ отъ этого человѣка бѣгомъ въ домъ своего хозяина и то̀, что ему досталось отъ хозяина, было (несравненно) тяжелѣе потери ушей. Тогда только оселъ опомнился и сказалъ: «мои предки раньше знали это дѣло, но они боялись дурнаго его послѣдствія».

Царь сказалъ: «я слышалъ про это, но тебѣ не слѣдуетъ бояться нашего дѣла. Сохрани Богъ, если намъ не удастся исполнить его по нашему желанію; обиды въ этомъ для тебя нѣтъ, и мы во всякомъ случаѣ можемъ спасать себя отъ дурнаго его послѣдствія». Министръ видя что Царь непремѣнно исполнитъ то̀, что ему рисовала мысль, пересталъ противорѣчить его желанію. Поэтому царь сталъ созывать своихъ подданныхъ, чтобы всякій юноша явился въ назначенный день ко дворцу съ возомъ дровъ, собранныхъ въ горахъ. Народъ повиновался его приказанію и спѣшилъ исполнить его. Между-тѣмъ царь зналъ время, когда вѣтеръ дулъ съ меньшей силой; въ это-же время вышелъ и приказалъ народу бросить дрова въ то отверстіе и назначилъ техниковъ-инженеровъ для того, чтобы они распорядились положить дрова въ отверстіе и закрыть его, согласно законамъ науки такъ, чтобы ихъ дѣло, потомъ, не было напраснымъ, и приказалъ положить на дрова большіе камни, чтобы вѣтеръ не могъ выбросить дрова и велѣлъ построить большой валъ передъ отверстіемъ, что̀ они и исполнили въ точности. Вѣтеръ, который выходилъ изъ этого отверстія, пересталъ дуть и городъ лишился дуновенія вѣтра. Не прошло шести мѣсяцевъ, какъ всѣ растенія и деревья, находящіяся на горѣ, посохли и выгорѣли, на протяженіи болѣе двухъ сотъ фарсангъ, всѣ скоты и остальные животные, находившіеся въ этой странѣ, издохли, источники и рѣки высохли, эпидиміи распространились на людей, и погибло отъ нихъ множество народа. Эпидимія все свирѣпствовала въ этомъ городѣ, пока народъ не возмутился, и

оставшіеся въ живыхъ собрались; и отправились къ валу, разрушили его, сняли камни съ отверстія и бросили огонь на дрова, которые и загорѣлись. Какъ только огонь возгорѣлся, народъ разошелся по домамъ. Между тѣмъ вѣтеръ задержанный въ продолженіи шести мѣсяцевъ, подулъ съ такой ужасной силой, что выбрасывалъ огонь по всей этой мѣстности въ продолженіе двухъ дней и ночей, такъ что во всей этой странѣ не осталось ни одного города, ни одной деревни, ни крѣпости, ни дерева, ни человѣка, ни скота, ни другаго какого животнаго, которые-бы не погибли отъ огня и вѣтра.

Царь мышей сказалъ: «Я слышалъ эту притчу, но говорится также: кто желаетъ исполнить одно изъ трудныхъ дѣлъ, послѣдствіе котораго велико, затѣмъ, боясь дурныхъ послѣдствій, которыя онъ можетъ встрѣтить, удерживается отъ исполненія его, тотъ никогда не достигнетъ высокихъ почестей, развѣ случайно. Дѣйствительно нужно считать счастіемъ и благодѣяніемъ судьбы, когда человѣкъ, въ этомъ мірѣ, прославится добродѣтельнымъ, ибо никто изъ людей не унесетъ съ собою изъ этого міра ничего, что можетъ быть ему полезнымъ, кромѣ своихъ поступковъ». Министръ отвѣтилъ: «Ты правъ, о Царь, но не всякій поступокъ даетъ въ результатѣ пользу, и ученые говорили также: кто навлекаетъ самъ на себя бѣду, тотъ не заслуживаетъ быть избавленнымъ отъ нея, и тотъ, который причиняетъ себѣ смерть, тому нѣтъ мѣста въ раю». Царь возразилъ: «Но я скажу, что ты мнѣ помогалъ во многомъ; если ты мнѣ поможешь и въ этомъ дѣлѣ, то мы непремѣнно достигнемъ желаннаго».

Министръ, знавши, что царь непремѣнно исполнитъ то, о чемъ говорилъ, и придумавши планъ дѣйствія, сказалъ: «Я отвѣчу по силѣ возможности; а сказанное мною, по сихъ поръ, исходило изъ моего убѣжденія въ достоинствахъ царя, въ его глубокихъ познаніяхъ; а что касается меня, то я сталъ слабъ въ передачѣ моего мнѣнія, и мои планы исполняются только благодаря счастью царя, его силѣ и энергіи». Мудрецы сказали: мудрецу слѣдуетъ просить совѣта у невѣжды, потому что, если, при совѣщаніи съ нимъ невѣжда посовѣтуетъ ему то, что не слѣдуетъ, то мудрецъ пойметъ его глупость и не приметъ его совѣта и мнѣнія. Вѣдь мудрецъ различаетъ удачныя дѣла отъ неудач-

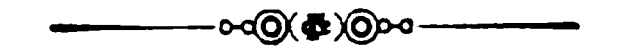
ныхъ и направляетъ рѣчь невѣжды къ тому, что̀ слѣдуетъ и что̀ годно. Въ двухъ случаяхъ обращается мудрецъ къ невѣждѣ: когда невѣжда знаетъ тайну другаго, мудрый, совѣщаясь съ нимъ, научитъ его умѣнію скрыть эту тайну, и когда талантъ невѣжды производитъ что-либо геніальное. А что я говорю теперь, то говорю, надѣясь, что царь, благодаря своему уму, не будетъ гнѣваться на меня, но приметъ это отъ меня благосклонно.

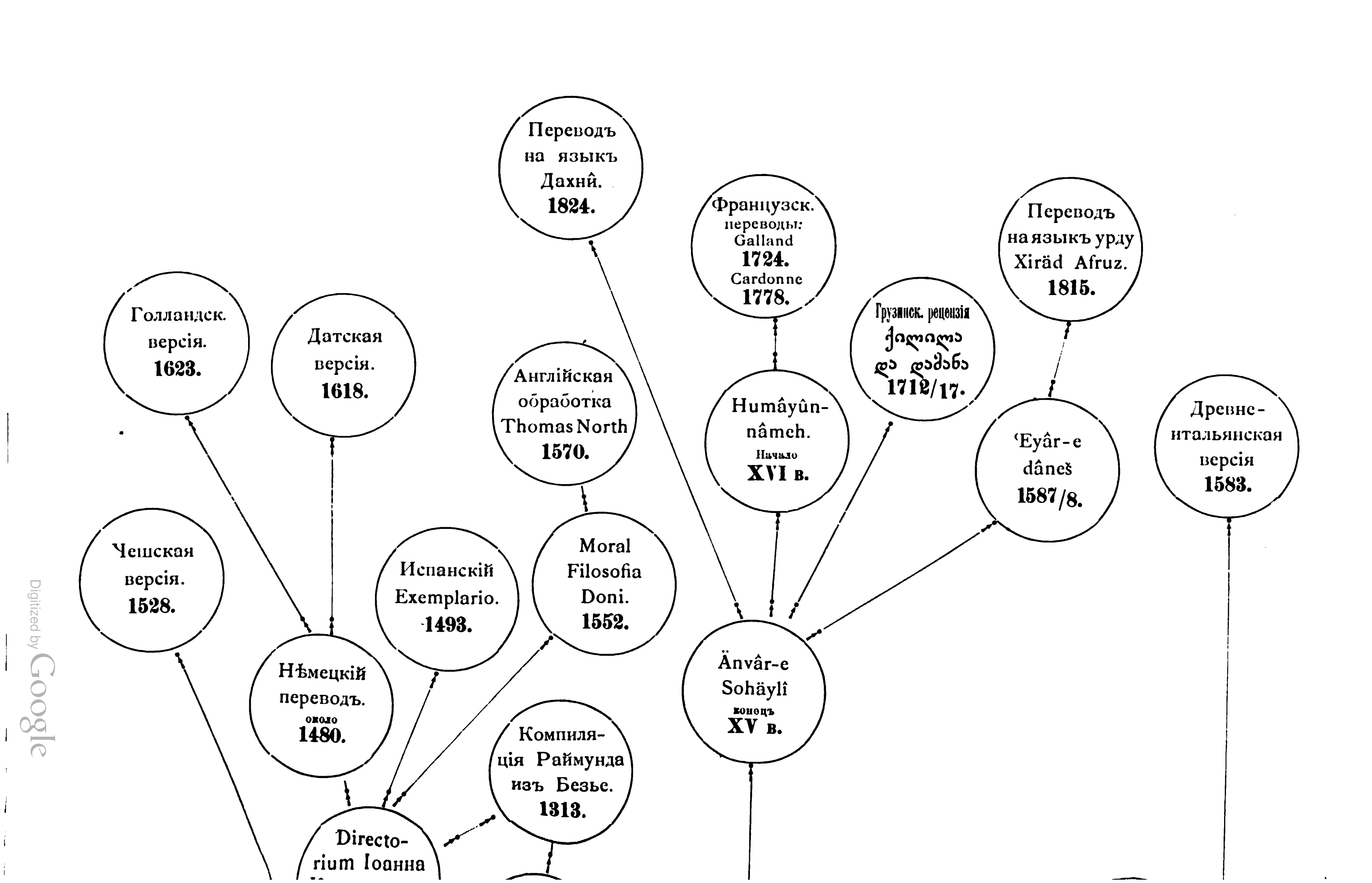
Царь отвѣтилъ: «Все, что̀ ты сказалъ, прекрасно и истинно, кромѣ одного слова, когда ты сказалъ, что ты сталъ слабѣть въ передачѣ своего мнѣнія. Вѣть ты у насъ не мало знаешь, ты вполнѣ мудрецъ». Министръ услыхавъ это отъ царя, отвѣтилъ: «пусть Царь не утруждаетъ себя; все что̀ онъ обо мнѣ говорилъ, онъ говорилъ по своему вниманію, благосклонности и утонченному обращенію». Затѣмъ царь сталъ совѣтоваться съ тремя своими министрами, по обратному порядку, то есть отъ младшаго до старшаго. Обращаясь къ младшему, онъ сказалъ: «что скажешь ты, министръ, объ этомъ дѣлѣ, и что̀ намъ слѣдуетъ предпринять»? Этотъ министръ отвѣтилъ: «по моему мнѣнію слѣдуетъ добыть множество колокольчиковъ и повѣсить, по одному колокольчику, на шею каждой кошкѣ, дабы, при ея приходѣ и уходѣ, слышавши звонъ колокольчика, мы могли-бы уберечься отъ нея, укрываясь въ свои норки». Царь сказалъ второму министру: «Что ты думаешь относительно совѣта твоего друга въ этомъ дѣлѣ»? Тотъ отвѣтилъ: «я не одобряю его совѣта. Предположимъ, что мы добудемъ колокольчики, но кто изъ насъ можетъ на шею хотя бы самаго маленькáго кота повѣсить колокольчикъ, тѣмъ болѣе приблизиться къ хищнымъ изъ нихъ? А по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ всѣмъ покинуть этотъ городъ и жить въ пустынѣ одинъ годъ, въ продолженіе котораго жители города, благодаря нашему отсутствію, не будутъ имѣть надобности въ кошкахъ и найдутъ ихъ обременительными для себя, потому что онѣ станутъ питаться исключительно ихъ добромъ, и тогда одни станутъ ихъ убивать, другіе выгонять, и онѣ разойдутся по всѣмъ окрестностямъ; кто̀ изъ нихъ погибнетъ, того не будетъ, а кого прогонятъ въ степь, сдѣлается дикимъ и неручнымъ, и не вернется болѣе въ городъ. Итакъ, когда городъ, такимъ образомъ, освободится отъ кошекъ, мы вернемся туда, не боясь ихъ

нападенія». Царь обратился къ третьему министру и сказалъ: «Что ты думаешь относительно предложенія твоего друга»? Министръ отвѣчалъ: «это мнѣніе одобрить нельзя. Если предположимъ, что мы переселимся изъ города въ пустыню и проживемъ тамъ годъ, то, во всякомъ случаѣ, этого времени недостаточно для истребленія кошекъ; и тамъ мы будемъ испытывать столько неудобствъ, несчастій и горя, что не сравнится съ тѣмъ страхомъ, который мы испытываемъ отъ кошекъ. Мы не привыкли переносить тяжестей жизни, а въ пустынѣ, еще сверхъ этого, будемъ страшиться черныхъ змѣй, скорпіоновъ и чаекъ. Мы будемъ испытывать отъ нихъ болѣе страха чемъ передъ кошками». Царь сказалъ: истинно то, что ты говоришь. Предложи теперь и свое мнѣніе.» Министръ отвѣчалъ: «я знаю только одинъ способъ устранить это зло, а именно: пусть царь позоветъ своихъ приближенныхъ и всѣхъ мышей, находящихся въ городѣ и его окрестностяхъ, и прикажетъ имъ, чтобы каждая изъ нихъ, въ домѣ гдѣ она живетъ, построила такую нору, въ которой-бы могла помѣстить всѣхъ мышей, и пусть она тамъ приготовитъ провизію, для нихъ, на десять дней, но пусть, при этомъ, она откроетъ въ этой норѣ семь дверей, выходящихъ наружу, а три двери во внутренное помѣщеніе хозяина дома, гдѣ у него хранится одежда и мебель. И когда все это будетъ сдѣлано, мы всѣ переселимся въ домъ одного изъ богачей, который держитъ только одну кошку, и каждый изъ насъ (министровъ) будетъ стоять у одной изъ этихъ трехъ дверей, ведущихъ въ гардеробъ. Мы не будемъ касаться ни товара, ни съѣдобнаго, но будемъ портить одни платья и мебель; и порча эта не будетъ такъ велика. Когда хозяинъ дома увидитъ тотъ изъянъ, который мы ему причинили, онъ предположитъ, что эта его кошка не умѣетъ ловить мышей и пріобрѣтетъ еще одну кошку; и когда онъ это сдѣлаетъ, мы причинимъ ему еще бо́льшій изъянъ, чѣмъ въ началѣ; и когда увидитъ это хозяинъ дома, то подумаетъ также, что мало двухъ кошекъ, чтобы охранять его домъ, и приведетъ еще третью кошку. Когда онъ это сдѣлаетъ, мы еще съ большей энергіей причинимъ ему изъянъ. Тогда хозяинъ дома будетъ находиться въ недоумѣніи и подумаетъ относительно изъяна, который мы ему причинили, когда въ его домѣ была одна кошка, въ сравне-

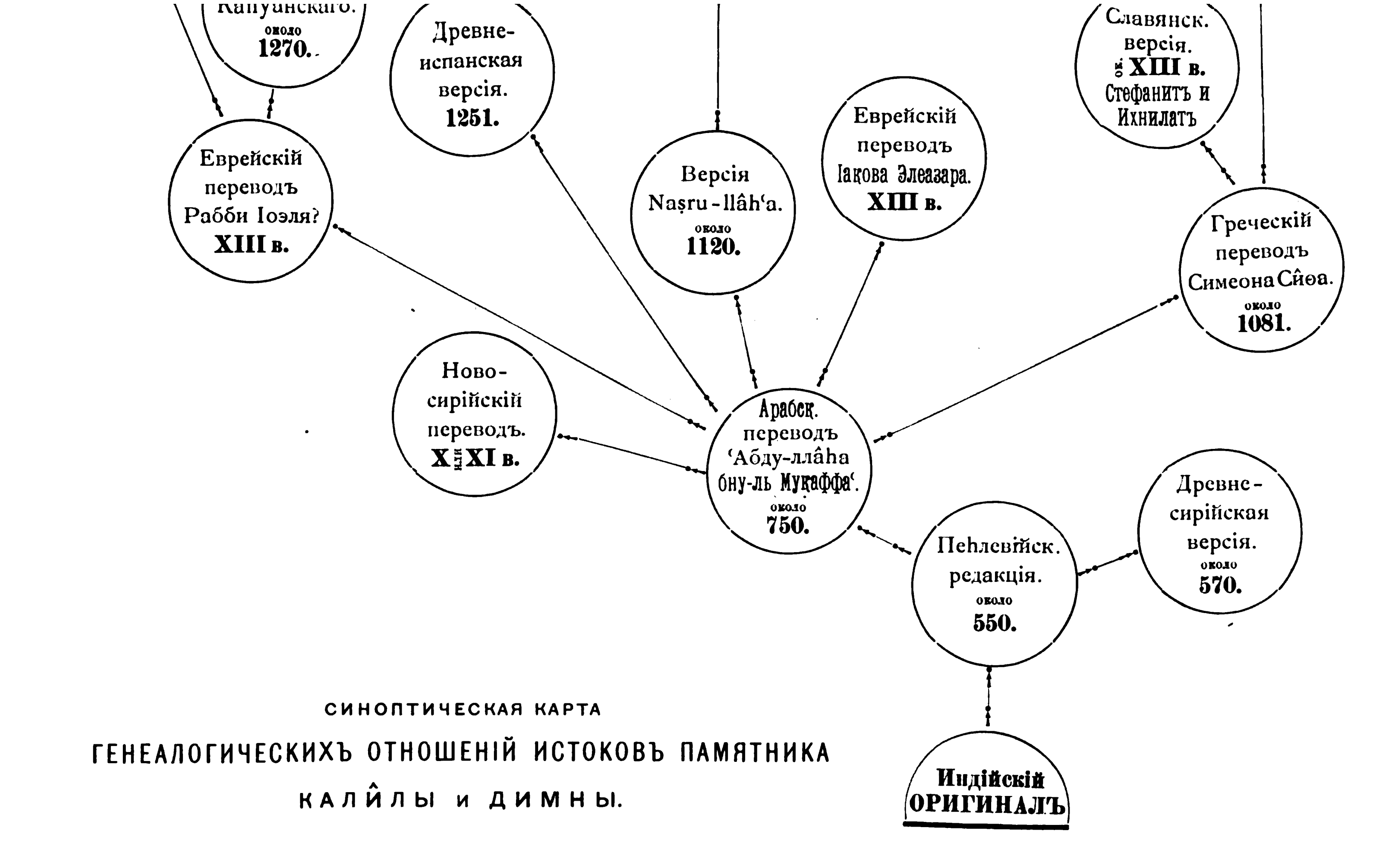
нія съ тѣмъ изъяномъ, когда у него въ домѣ три кошки; найдетъ что изъянъ увеличивался съ увеличиваньемъ числа кошекъ и припишетъ это враждѣ, находящейся между нами и кошками, и скажетъ: каждый разъ, какъ прибавляю въ домъ кошку, мыши увеличиваютъ порчу въ моемъ домѣ; я попробую, прогоню одну изъ кошекъ и посмотрю что будетъ. И когда онъ прогонитъ одну кошку, мы станемъ ему меньше портить. Хозяинъ, найдя, что это лучшій способъ остановить порчу, прогонитъ и вторую кошку; тутъ станемъ еще болѣе удерживаться отъ порчи его вещей, тогда хозяинъ съ радостью прогонитъ и третью кошку. Мы всѣ тогда оставимъ его домъ и войдемъ въ другое жилище, и поступимъ съ нимъ какъ съ первымъ домомъ; и не перестанемъ ходить изъ одного дома въ другой, пока не станетъ ясно всѣмъ людямъ, что великій изъянъ, который они получаютъ, это именно отъ кошекъ; и когда они въ этомъ будутъ убѣждены, они не только будутъ убивать домашнихъ кошекъ, но даже будутъ искать дикихъ кошекъ и убивать ихъ, и какъ только они замѣтятъ кошку, будутъ причинять ей всякое зло. Вотъ средство избавиться намъ отъ страха передъ кошками.» Царь сдѣлалъ то, что̀ министръ ему совѣтовалъ; и не прошло шести мѣсяцевъ, какъ всѣ бывшіе въ городѣ кошки погибли. Одно поколѣніе людей померло и выросло другое поколѣніе, воспитанное на враждѣ къ кошкамъ. Люди эти какъ только окажется малѣйшій изъянъ отъ мышей въ ихъ одеждѣ, мебели и съѣдобномъ, говорятъ: посмотрите, не прошла-ли черезъ этотъ городъ кошка? также, когда случится между людьми или животными болѣзнь (эпидемія), то скажутъ: навѣрно кошка приблизилась къ городу. Вотъ какимъ способомъ мыши избавились отъ страха передъ кошками и успокоились. Если слабое, ничтожное, животное находитъ способъ избавиться отъ своего врага, тѣмъ болѣе человѣкъ, который краса всѣхъ животныхъ и мудрѣе ихъ, не долженъ терять надежду добиться отъ своего врага того, чего онъ желаетъ.

Кончилась глава о Миһрâзѣ, царѣ мышей.

Переводъ на языкъ Дахнй. 1824.
Французск. переводы: Galland 1724. Cardonne 1778.
Переводъ на языкъ урду Xiräd Afruz. 1815.
Голландск. версія. 1623.
Датская версія. 1618.
Англійская обработка Thomas North 1570.
Грузинск. рецензія ქილილა და დამანა 1712/17.
Humâyûn-nâmeh. Начало XVI в.
ʿEyâr-e dâneš 1587/8.
Древне-итальянская версія 1583.
Чешская версія. 1528.
Испанскій Exemplario. 1493.
Moral Filosofia Doni. 1552.
Änvâr-e Sohäylî конецъ XV в.
Нѣмецкій переводъ. около 1480.
Компиляція Раймунда изъ Безье. 1313.
Directorium Ioанна

СИНОПТИЧЕСКАЯ КАРТА

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ИСТОКОВЪ ПАМЯТНИКА

КАЛИЛЫ И ДИМНЫ.

ТИП. И СЛОВОЛ. О. ГЕРБЕКА, МОСКВА

